This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

**Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

**About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Var 1472

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

4680

Отд. XVI № 12587 Шк.

# БЕСѢДА

## XII

БИБЛІОТЕКА КОНСТАНТИНОВСКАГО МЕЖЕВАГО ИНСТИТУТА

МОСКВА
1872.

Digitized by Google

# КНИГА XII-я.—ДЕКАБРЬ. 1872 годъ.

## СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стр.

I.—ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОСТЬ. Опытъ постановки національнаго вопроса по отношенію его къ политикѣ.—**А. Д. Градовскаго** . . . . . 5

II.—ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА. II. Южная Русь до казачества.—**Н. И. Костомарова** . . . . . 28

III.—ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV НА ЗАПАДѢ, ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ВОСТОКѢ ЕВРОПЫ.—**С. М. Соловьева** . . . 50

IV.—ПАННА ЭМИЛІЯ. Повѣсть (перев. съ польскаго).—** . . 79

V.—ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ АМЕРИКИ.—**А. С. Трачевскаго** . . . . . 192

VI.—ИСТОРІЯ ОДНОГО ЧЕСТНАГО БУРЖУА.—Романъ **Андре Лео** (Переводъ съ рукописи). Часть 2-я, гл. VIII—X (Окончаніе). 267

VII.—ВОПРОСЪ О ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВАХЪ.—**Н. К—ва**. . . . . 345

VIII.—ЧЕЛОВѢКЪ (Дума). Стихотвореніе.—**Z**. . . . . 390

ОТДѢЛЪ II.

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Выставка художественныхъ произведеній товарищества передвижныхъ выставокъ въ Россіи и московскаго училища живописи, ваянія и архитектуры.—**Г. Г. Урусова**.—РУССКАЯ ЗЕМЛЯ: Жегули и Усолье на Волгѣ (Наброски путемъ-дорогой).—**Д. Н. Садовникова**. 1

X.—НОВЫЯ КНИГИ: Театральное искусство. П. Д. Боборыкина. Спб. 1872.—Первое знакомство со сценой. Сост. Семенъ Кафтыревъ. М. 1872.—Маска актера. Сочин. Фридриха Альтмана. Пер. съ нѣмецкаго. М. 1872.—**А. В.**—Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданный по поводу политехнической выставки. М. 1872 . . . . . 81

Иностранная литература: Na Dzis. Pismo zbiorowe posviecone literaturze, naukom, sztuce. Tom I—II. W Krakowie. 1872. — Ingo und Ingraban. Von Gustav Freitag. Leipzig. 1872.—König Pharao. Ein con sches Epos in vier Gesängen, von Rudolf Gottscha Leipzig. 1872.—Zoological Mythology of the Legend of animals. By Angelo de-Gubernatis. London. 1872.—Un séjour en France de 1792 à 1795. Lettres

Digitized by Google

# БЕСѢДА

1872

Digitized by Google

Digitized by Google

"BESEDA"
"1872 / 12"

# БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

## УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВТОРЫЙ

Книга XII. – Декабрь.

МОСКВА.

**И. Г. Соловьевъ**, Страстной бульваръ—главная контора журнала.

1-я Мѣщанская, домъ **Козлова**—контора редакціи журнала.

ОДЕССА.

Контора **Мосягина и К°**,
Дерибасовская улица, д. **Вагнера**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**А. Ѳ. Базуновъ**, Невскій проспектъ—главная контора журнала.

5

Digitized by Google

Δ
Pilar 147.2 (1872, no. 12)

(5+2

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.,
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

# ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОСТЬ.

## ОПЫТЪ ПОСТАНОВКИ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ПО ОТНОШЕНІЮ ЕГО КЪ ПОЛИТИКѢ *).

Наблюдая *этнографическій* составъ современныхъ европейскихъ государствъ, можно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ *однородны* въ отношеніи всѣхъ своихъ элементовъ. Высшіе и низшіе классы сознаютъ общность своего происхожденія, говорятъ однимъ языкомъ, исповѣдуютъ приблизительно одну религію; правительство, какъ одинъ изъ элементовъ общества,

*) Вопросъ объ отношеніи государства къ народности породилъ обширную литературу, главнымъ образомъ послѣ движенія національностей въ 1848 г. *Главнѣйшія* указанія на эту литературу и ея содержаніе можно найти какъ въ общихъ сочиненіяхъ по государственному праву, такъ и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Назовемъ доступнѣйшія пособія.

*Моль* (Р. фонъ), Encyclop. der Staatswissensch., § 89.—*Его же* статья въ сборникѣ его статей: Staatsrecht, Völkerrecht и Politik, т. II, стр. 332—372.—*Шульце*, Einleitung in das Deutsche Staatrecht, стр. 157 и слѣд.—*Блунчли*, Allgem. Staatsrecht, т. I, кн. II, гл. II—IV.—*Его же* статья въ Staatswörterbuch Блунчли и Братера, т. VII, стр. 152—160.—*Милль*, On repres. gov. (размышленія о представит. правл.), гл. XVI.—*Этвешъ*, Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX Jahrhund. auf den Staat; въ т. I, гл. III, V, VII, во второмъ вся I книга и отдѣльныя замѣчанія въ прочихъ.—*Фихте старшій*, Reden an die Deutsche Nation (см. *мою* статью о Фихте, «Бесѣда» 1871 г., май).—Мѣткія замѣчанія у *Шталя*, Syst. der Rechtsphilos., стр. 161 и слѣд.—*Бюше*, Traité de Politique et de science sociale, т. I, стр. 71 и слѣд. (о Бюше см. *мою* статью: «Государство и прогрессъ», помѣщ. въ сборникѣ моихъ статей: «Политика, исторія и администрація»). Не лишнее будетъ замѣтить, что слово національность (Nationalité), въ современномъ смыслѣ этого слова, въ первый разъ употребилъ Бюше, въ 1830 г.

Нѣкоторыя другія сочиненія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Digitized by Google

также ни по своему происхожденію, ни по языку, ни по религіи не отличается отъ прочей массы народонаселенія. Таковы Италія, Испанія, отчасти Франція; къ этому же идеалу стремится приблизиться современная Германія. Другія государства представляютъ противуположное явленіе. Они состоятъ изъ различныхъ народностей, сохранившихъ воспоминаніе о своей самостоятельности и безпрерывно стремящихся къ ней. Правительство, ни по языку, ни по происхожденію не принадлежитъ ко *всей* массѣ народонаселенія. Сила его опирается на *одну* изъ народностей, входящихъ въ составъ государства, или на одинъ *классъ* вполнѣ съ нимъ родственный; эта народность или этотъ классъ получили поэтому политическое *преобладаніе* въ странѣ. Таковъ характеръ современной Австріи, съ ея преобладающею нѣмецкою народностію.

Фактъ существованія такихъ государствъ наводитъ на мысль, что однородность *всѣхъ* элементовъ государства не есть необходимое условіе его существованія; что «государство», въ смыслѣ *юридической* формы общества, можетъ обнять и совмѣстить въ себѣ самые разнородные этнологическіе элементы; что, слѣдовательно, самое *понятіе* можетъ быть составлено при помощи однихъ *юридическихъ* признаковъ.

Всѣ эти основанія приводятъ къ различенію понятій *государства* и *народности*: государство, какъ юридическая форма общества, не совпадаетъ, какъ говорятъ, съ понятіемъ опредѣленнаго народа; оно то шире, то уже его.

Разобрать состоятельность этого воззрѣнія съ точки зрѣнія условій народной культуры и прогресса есть задача этой статьи *).

## I.

### Очеркъ историческаго развитія національнаго вопроса.

I. «Въ политической *практикѣ*, говоритъ Бюше, вообще обращали большое вниманіе на духъ народности. Завоеватели и законодатели знаютъ по опыту, что въ этомъ духѣ—и самая прочная поддержка учрежденій и самое сильное имъ противо-

*) Нѣкоторыя (но очень немногія) мѣста этой статьи извлечены мною изъ прежнихъ моихъ трудовъ.

Digitized by Google

дѣйствіе. Напротивъ, публицисты и юристы, занимавшіеся политикою теоретически, отъ Аристотеля и до нашихъ дней вообще пренебрегали этимъ вопросомъ. Они не изслѣдовали ни почему, ни какъ происходятъ вещи».

Бюше вполнѣ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно *ученіе о народности не играетъ почти никакой роли въ теоріяхъ государства.*

Съ давнихъ поръ наука о государствѣ имѣетъ дѣло съ понятіемъ *общества*, выросшаго и сложившагося подъ вліяніемъ *индивидуальныхъ* свойствъ и потребностей человѣка. Это идеальное «общество», безъ роду и племени, языка и прочихъ особенностей культуры, служило, въ глазахъ теоретической науки, основою государства. Можно сказать больше. Воображаемое «общество», аггрегатъ недѣлимыхъ, соединенныхъ своими личными потребностями, не имѣло никакой внѣшней опредѣленности, никакого самостоятельнаго бытія безъ государства, опредѣлявшаго форму и границы каждаго даннаго политическаго общества.

Такимъ образомъ государство, по самой идеѣ своей, складывалось изъ массы безразличныхъ атомовъ; послѣдніе, соединенные государственною связью, становились обществомъ. Понятно, что подобное государство могло быть образовано изъ самыхъ разнородныхъ этнологическихъ элементовъ. Государство, образованное изъ обломковъ различныхъ народностей, считалось явленіемъ вполнѣ нормальнымъ.

Эти воззрѣнія подтверждались какъ теоретическими пріемами науки, такъ и явленіями государственной практики.

II. «Государство (civitas), говоритъ Кантъ, есть соединеніе массы людей подъ господствомъ юридическихъ законовъ» *).

Вотъ полное опредѣленіе государства съ юридической точки зрѣнія. Лучше сказать, это единственно-возможное опредѣленіе государства, какъ *только* юридической формы общества.

Мы не встрѣчаемся здѣсь съ бытовыми, этнологическими признаками; но они и не нужны. Юридическіе законы безразлично относятся къ самой разнородной въ этнологическомъ отношеніи массѣ людей. Эта масса, въ глазахъ закона, только масса «недѣлимыхъ». Она можетъ быть составлена изъ самыхъ

*) *Кантъ*, Metaphysiche Anfangsgründe der Rechtslehre, § 45: «Ein Staat (civitas) ist die Vereinigung einer Menge von Menschen unter Rechtsgesetzen».

Digitized by Google

различныхъ этнологическихъ элементовъ и, съ точки зрѣнія Канта, необходимо будетъ признать въ ней всѣ признаки государственнаго общенія—подчиненіе законамъ, исходящимъ отъ одной власти.

Г. Сергѣевичъ, въ своемъ основательномъ трудѣ—«Задача и методъ государственныхъ наукъ», жалуется, что «государственное право Канта отличается крайнею бѣдностію содержанія»*). Но могло ли это государственное право или, лучше сказать, эта юридическая теорія государства, имѣть болѣе богатое содержаніе, когда она не обращала вниманія на то, что способно наполнить содержаніе истинной теоріи государства?

Для политической философіи, образованной школою Канта, было ясно одно: что подобно тому, какъ *понятіе* государства можетъ быть составлено изъ однихъ юридическихъ признаковъ, такъ и для дѣйствительныхъ государствъ этнологическія условія не имѣютъ значенія.

III. То, что высказывалось въ теоріи во имя раціональной философіи и строго юридическихъ представленій, совершалось на практикѣ во имя совершенно другихъ соображеній. Историческія государства часто составлялись въ ущербъ интересамъ народности; въ большинствѣ случаевъ принципъ народности разсматривался какъ нѣчто безразличное для государства. Причина такого безразличія заключалась во взглядѣ средневѣковыхъ правительствъ на массу народонаселенія. Въ каждомъ феодальномъ владѣніи народъ былъ придаточною частью территоріи. Вмѣстѣ съ послѣднею онъ былъ объектомъ какъ бы частной собственности властителя, который могъ распоряжать. ся «землею и людьми» по своему усмотрѣнію. «Земля и люди» могли быть куплены, проданы, отданы въ приданое, уступлены въ обмѣнъ за другую землю, захвачены силою и т. д. Такъ составлялись «историческія» государства, въ родѣ Турціи. Такъ Нидерланды сдѣлались удѣломъ Испаніи, Бельгія — Австріи. Такъ послѣ часть Италіи отдана Австріи.

IV. Искусственность этнологическаго состава разныхъ государствъ поддерживалась однообразіемъ и безразличіемъ самыхъ элементовъ первоначальной цивилизаціи. Въ католическомъ единствѣ среднихъ вѣковъ народы не сознавали своей обособленности и самостоятельности. Народное творчество еще

*) Зад. и мет. госуд. наукъ, стр. 62, прим. 2.

Digitized by Google

не проявлялось въ самобытныхъ произведеніяхъ поэзіи, живописи, науки, въ оригинальныхъ политическихъ учрежденіяхъ. Образъ римскаго государства, римской культуры тяготѣлъ надъ воображеніемъ и умомъ средневѣковаго человѣчества. Искусственное единство культуры требовало такого-же единства государственныхъ формъ. Священная Римская имперія была полнымъ выраженіемъ этихъ стремленій *). Эта безформенная масса народовъ, несмотря на свое искусственное единство, могла дробиться и дѣлиться на какія угодно части. Такъ единство церковное, охраняемое папскою властью, и единство свѣтское, фиктивно представляемое императоромъ, вполнѣ уживались съ феодальнымъ раздробленіемъ западной Европы.

V. Противодѣйствіе средневѣковому строю со стороны національностей, постепенно складывавшихся, вырабатывавшихъ свою литературу, архитектуру, живопись, философію,—привело къ паденію идеаловъ всемірной монархіи и церкви съ одной и отрицанію феодальнаго раздробленія съ другой стороны.

Мѣстная государственная власть объявляла свою независимость отъ главенства папъ и императора; новое государство подчиняло массу феодальныхъ владѣльцевъ своимъ верховнымъ правамъ, общимъ законамъ, общему управленію.

Въ этомъ двоякомъ движеніи проявились два стремленія народностей, тѣсно связанныя между собою: первое стремленіе—къ внѣшней самостоятельности и второе—къ внутреннему единству народа. Королевская власть, представительница національнаго движенія, объявляла, что она ни отъ кого не зависитъ въ дѣлахъ внутренняго управленія страною, кромѣ Бога. Подобное заявленіе отрицало, съ одной стороны, идею папскаго главенства, въ силу которой монархическая власть считалась нѣкоторымъ порученіемъ, даромъ отъ главы церкви; съ другой стороны, оно отмѣняло ихъ вассальную зависимость отъ императора. Національное общество было объявлено полнымъ и независимымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Затѣмъ королевская власть уничтожала верховныя права мѣстныхъ владѣльцевъ, противныя народному единству. Она уничтожала право частныхъ войнъ, феодальной юрисдикціи, мѣстнаго законодательства и т. д.

---

*) См. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'hum., т. VI, la Papauté et l'Empire.—*Г. Вызинскаго,* Папство и священная римская имперія.

Digitized by Google

VI. Процессъ образованія народностей и національной самостоятельности представляетъ два главныхъ момента, которымъ соотвѣтствуютъ и два принципа, руководившихъ этимъ замѣчательнымъ движеніемъ.

1. Первоначальный принципъ, руководившій національнымъ движеніемъ, состоялъ въ представленіи о *независимости и единствѣ верховной государственной власти*. Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право націи на самостоятельное развитіе. Подъ защиту этого верховнаго права становилось всякое движеніе, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость. Протестантское движеніе первоначально связало свое дѣло съ дѣломъ свѣтской власти. *Гервинусъ*, въ своемъ введеніи въ исторію XIX ст., справедливо доказываетъ, что церковныя реформы Лютера въ Германіи и Кранмера въ Англіи имѣли *монархическій* характеръ. Но, прибавляетъ онъ, «безъ помощи монархической власти реформація не могла бы утвердиться на первыхъ порахъ. Можно было предвидѣть нѣкоторыя злоупотребленія государства и монархической власти относительно новой церкви, такимъ образомъ устроенной; но они казались неизбѣжными при устраненіи постоянныхъ вмѣшательствъ старой церкви въ дѣла государства. Божественное происхожденіе, которое папство до сихъ поръ присвоивало исключительно только себѣ, Лютеръ перенесъ и на свѣтскую власть, и этимъ много содѣйствовалъ возвышенію монархической власти и сообщилъ священный характеръ даже ея увеличеннымъ притязаніямъ; но за то обаяніе папскаго авторитета было совершенно уничтожено».

Во Франціи королевская власть была долгое время центромъ и знаменемъ всей національной жизни; съ ея помощью третье сословіе сломило могущество ленной аристократіи *).

Другими словами, сила двухъ категорій авторитетовъ, задерживавшихъ развитіе національностей, т. е. авторитетовъ, поддерживавшихъ искусственное единство Европы,—папство и императорство съ одной стороны и сила ленной аристократіи,

*) См. Dareste de la Chavanne, Histoire de l'administration en France.—C-te L. de Carné, Les Fondateurs de l'unité Française.—*Грановскаго*, Аббатъ Сугерій, пом. въ собраніи его соч.—Lafferrière, Essai sur l'histoire du droit Français, т. I, стр. 233 и слѣд.—W. Schäffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs, т. II, стр. 262—275, равно въ друг. мѣстахъ этого сочиненія.

Digitized by Google

обусловливавшей раздробленіе государства, съ другой стороны,— могла быть сломлена только при помощи авторитета, сознавшаго свое національное призваніе—королевской власти.

Значеніе этого авторитета въ Европѣ продолжается до конца XVIII ст. *).

2. Успѣхи королевской власти не вездѣ разрѣшили національный вопросъ; короли даже не въ состояніи были дать этому вопросу правильную постановку.

Нужно имѣть въ виду, что, во-первыхъ, королевская власть приняла въ себя много элементовъ феодальнаго права и, во-вторыхъ, что она, въ дѣйствіяхъ своихъ, выдвигала на первый планъ часто политическіе и юридическіе вопросы,—вопросы о единствѣ власти, закона и администраціи.

Собирая подъ своимъ скипетромъ разныя земли, короли не всегда руководились соображеніями національныхъ условій этихъ земель. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, королевская власть содѣйствовала образованію національныхъ государствъ. Такъ дѣйствовали французскіе короли и то не вполнѣ. Напротивъ, другіе монархи, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, подчиняли своему владычеству самыя различныя, въ національномъ отношеніи, земли. Въ самой идеѣ юридическаго и политическаго единства разныхъ народныхъ массъ не было ничего такого, что противорѣчило бы разнородному составу государства. Австрійское управленіе, австрійскіе законы могутъ простираться на самые различные народы, и это нисколько не будетъ противорѣчить требованіямъ юридической логики.

Можно сказать только, что въ концѣ XVIII столѣтія государственныя формы *приблизительно* распредѣлились по системамъ существующихъ народностей. Но это нисколько не устраняло самыхъ вопіющихъ отступленій отъ національнаго принципа. Право народности попиралось завоеваніемъ, частною сдѣлкой, свадьбой, куплей-продажей.

Въ новѣйшее время, особенно съ успѣхами гражданской и политической свободы народовъ, національный вопросъ получаетъ въ западной Европѣ другую постановку. Въ глазахъ новѣйшей политической философіи, въ самостоятельности государства олицетворяются какъ право верховной власти на независимость, такъ и право

*) См. *Шлоссера*, Исторія XVIII ст.

Digitized by Google

каждой народности на самостоятельное развитіе. Новая философія провозгласила живую, внутреннюю связь правительства и народа. Правительство выражаетъ требованія національной жизни народа, какъ собирательной личности; народность есть надежная опора каждаго нормальнаго правительства. Чрезъ государство осуществляется нѣкоторое право народности на самостоятельную международную жизнь. До того времени политическая власть опиралась на силу *внѣшняго* принципа, не связаннаго прямо съ условіями народной жизни. Политическая власть, основанная на божественномъ правѣ, на правѣ завоеванія, по отношенію къ народу была внѣшнимъ учрежденіемъ, вносившимъ въ общественную жизнь внѣшнее единство и порядокъ. Въ подобномъ единствѣ могли пребывать самыя различныя народности.

При современныхъ требованіяхъ политическая власть должна быть органически связана съ народомъ, который она представляетъ, и, наоборотъ, каждое національное общество, способное къ самостоятельной исторической жизни, имѣетъ право образовать свою политическую форму, согласно своимъ стремленіямъ и потребностямъ. Другими словами, національный принципъ отнынѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

«Каждая народность, т. е. совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, языка, цивилизаціи и историческаго прошлаго, имѣетъ право образовать особую политическую народность, т. е. особое государство».

## II.

### Основаніе и современное значеніе національнаго вопроса.

I. Такова *политическая* основа національнаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова. Новый принципъ, очевидно, былъ враждебенъ системѣ искусственныхъ государствъ, сложившихся въ прежнее время и организованныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, т. е. трактатами 1815 года.

Первоначально реакція противъ началъ революціи также замаскировала свое дѣло требованіями народной самостоятельности. Создана была даже цѣлая теорія «оффиціальной» народности, во имя которой совершались всевозможныя нарушенія

Digitized by Google

права и свободы. Злѣйшіе реакціонеры протестовали противъ «абстрактныхъ и общечеловѣческихъ» началъ революціи, во имя народныхъ особенностей и преданій. Въ сочиненіяхъ извѣстнаго поборника реакціи, графа *І. де-Местра*, можно найти гимны національному началу. «Націи, говоритъ онъ въ своей «Correspondance diplomatique», значатъ кое-что въ мірѣ; ихъ нельзя считать за ничто, огорчать ихъ въ ихъ обычаяхъ, привязанностяхъ и самыхъ дорогихъ интересахъ».

Но исторія показала, что реакція не повредила національному дѣлу. Національное движеніе приняло то направленіе, какое ему хотѣлъ сообщить Фихте старшій въ своихъ «Рѣчахъ къ германскому народу». Оно сдѣлалось солидарно съ развитіемъ гражданской и политической свободы, съ самобытностію каждой цивилизаціи.

II. Съ этой точки зрѣнія основу національнаго вопроса должно прежде всего искать въ *условіяхъ культурнаго развитія каждаго народа*. Каждая естественная народность представляетъ нѣкоторую собирательную личность, отличающуюся отъ другихъ особенностями своего характера, своихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей, а потому имѣющая право на независимое существованіе и развитіе. Это разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода *общечеловѣческой* цивилизаціи. Отдѣльный народъ, какъ бы ни были велики его способности и богаты его матеріальныя средства, можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни вообще. Лишить человѣчество его разнообразныхъ органовъ значитъ—лишить его возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа. Единство и исключительность цивилизаціи, однообразіе культурныхъ формъ противно всѣмъ условіямъ человѣческаго прогресса. Наука не отвергаетъ понятія общечеловѣческой цивилизаціи въ томъ смыслѣ, что важнѣйшіе результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждаго народа становятся достояніемъ всѣхъ другихъ. Но исторія неопровержимыми данными доказываетъ, что каждый изъ этихъ результатовъ могъ быть добытъ на почвѣ національной исторіи; что статуя Фидія и философія Платона были греческимъ созданіемъ, что римское право есть продуктъ римской исторіи, конституція Англіи—ея національное достояніе. Это не мѣшаетъ имъ имѣть общечеловѣческое значеніе, вліять на развитіе искусства, философіи и политики во всемъ образованномъ мірѣ.

Digitized by Google

Во имя полноты общечеловѣческой цивилизаціи, всѣ народности призваны къ дѣятельности, къ жизни, одинаково удаленной и отъ замкнутаго отчужденія, и отъ слѣпаго подражанія. Каждая народность должна дать человѣчеству то, что скрыто въ силахъ ея духовно-нравственной природы. *Народное творчество*— вотъ послѣдняя цѣль, указываемая каждому народу самою природой,—цѣль, безъ которой не можетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго. Убить творческую силу народа— все равно, что убить силу личной предпріимчивости въ недѣлимомъ. Подчиненіе всѣхъ расъ одной «всеспасающей» цивилизаціи такъ же пагубно дѣйствуетъ на международную жизнь, какъ «всеспасающая» административная централизація—на внутреннюю жизнь страны.

Такова *естественно-историческая* основа національнаго вопроса.

III. Право народности на самостоятельное развитіе, на собственную, такъ-сказать, *исторію*, коренится въ непреложныхъ законахъ нравственной природы человѣка, оправдывается ходомъ всемірной исторіи. Но это естественное право оставалось бы мертвою буквой, еслибъ осуществленіе его не обезпечивалось кореннымъ, *внѣшнимъ* условіемъ — *политическою самостоятельностію народа*.

Для того, чтобы самобытное развитіе народа въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ было обезпечено, этотъ народъ долженъ образовать *свое государство*, имѣть свою національную верховную власть.

Опытъ исторіи показываетъ, что самостоятельное культурное развитіе народа, вошедшаго въ составъ чужаго государства, пріостанавливается. Народности, утратившія свою политическую самостоятельность, дѣлаются служебнымъ матеріаломъ для другихъ расъ. Онѣ удерживаютъ еще нѣкоторое этнографическое значеніе, при нѣкоторой энергіи могутъ сохранить свои *мѣстныя особенности*; но возможность самостоятельной цивилизаціи или прекращается для нихъ навсегда, или пріостанавливается до эпохи освобожденія отъ чужеземнаго владычества. До тѣхъ поръ онѣ должны довольствоваться (и то при благопріятныхъ условіяхъ) сохраненіемъ своихъ мѣстныхъ особенностей. Но это— слабое утѣшеніе для народа, сознающаго въ себѣ жизненную силу. Сохраненіе мѣстныхъ особенностей есть дѣятельность, по преимуществу, консервативная. «Мѣстная особенность»—всегда

Digitized by Google

остатокъ старины, которая дѣлается старше съ каждою минутой. Сохраняя свои особенности, подчиненныя народности логически приходятъ къ отрицанію прогресса, осуществляемаго чуждымъ для нихъ государствомъ. Если потребность высшей формы цивилизаціи заявитъ свои права, подчиненныя народности должны будутъ принять цивилизацію чуждаго народа, т. е. отказаться отъ своей индивидуальности, сдѣлаться *другимъ* народомъ. Но не каждый народъ способенъ на такую жертву. Таково, напримѣръ, положеніе славянъ въ Австрійской имперіи. Среди господствующей народности нѣмецкой, славяне находятся въ положеніи «варваровъ», обязанныхъ принять высшую культуру, т. е. чужой языкъ и чужіе обычаи. Но то, что называется «славянскимъ варварствомъ», есть именно совокупность индивидуальныхъ особенностей этого племени, сохраненіе которыхъ, хотя бы въ *первобытной* формѣ, есть непремѣнное условіе существованія этой обширной части человѣческаго рода. Пусть она сохраняетъ ихъ, пока освобожденіе отъ нѣмецкаго ига не дастъ ей возможности сказать свое слово во всемірной цивилизаціи!

IV. На основаніи предыдущихъ соображеній можно, кажется, придти къ заключенію, что *народность есть нормальное, естественное основаніе государства;* что назначеніе государства, ближайшимъ образомъ, опредѣляется всесторонними цѣлями народной культуры; что, слѣдовательно, государство, въ тѣсномъ смыслѣ, есть не что иное, какъ политико-юридическая форма національности.

Это воззрѣніе на отношеніе государства къ народности получаетъ уже право гражданства въ наукѣ.

Господство раціонально-юридической теоріи государства было поколеблено успѣхами *исторической* школы и историческихъ наукъ вообще. Къ этому должно прибавить, что взгляды на политическіе и общественные вопросы должны видоизмѣниться подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ и *антропологіи*, которая служитъ какъ бы связующимъ звѣномъ между естественными и историческими науками.

Въ началѣ XIX столѣтія болѣе историческій взглядъ на науку права заставилъ видѣть и въ государствѣ нѣчто органически-связанное съ идеею народности.

Уже *Савиньи*, знаменитый представитель исторической школы, въ XIX столѣтіи называлъ государство «Die leibliche Gestalt der Geistigen Volksgemeinschaft».

Digitized by Google

*Шталь* выражаетъ эту мысль полнѣе и энергичнѣе. Здѣсь не безполезно будетъ привести его подлинныя слова, въ которыхъ связь государства съ народностію выяснена со всѣхъ сторонъ:

«Такъ какъ назначеніе (цѣль) государства, говоритъ онъ, обнимаетъ все человѣческое бытіе, то оно есть задача (Aufgabe) *народа*. Это потому, что только въ народѣ содержатся всѣ стремленія и средства человѣческаго бытія во всей полнотѣ и единствѣ всеобщаго сознанія. Въ немъ лежитъ сила, раздѣленіе труда и нравственный масштабъ, какъ они необходимы государству. Меньшему кругу не достаетъ средствъ, разнородной массѣ—единства сознанія относительно порядка и цѣли. Народъ—естественная сила и общность, которую государство должно возвысить къ правому устройству».

Такимъ образомъ основою государства не можетъ быть ни малый, хотя и однородный, кругъ лицъ, ни разнородная масса (eine fremdartige Masse).

«Естественное основаніе государства» должно быть отграничено и отъ цѣлаго человѣчества. Вотъ что говоритъ дальше Шталь:

«Человѣчество, въ цѣломъ, не имѣетъ ни общности и замкнутости естественныхъ потребностей, ни единства и индивидуальности нравственнаго сознанія. Поэтому, государство и не есть призваніе цѣлаго человѣчества, дабы оно составило всемірное государство, но призваніе народа» *).

*Кальтенборнъ* выражается съ не меньшею опредѣленностію. Признавая, что государство, въ его *полномъ* понятіи (seinem vollendeten Begriffe nach), есть народъ, соединенный въ одну органическую общность подъ господствомъ верховной власти, для осуществленія всѣхъ общенаціональныхъ интересовъ, онъ продолжаетъ:

«Въ дѣйствительной жизни мы видимъ, конечно, государства, не выросшія естественно изъ народа; понятія государства и народа, на практикѣ (in der Emperie), не покрываются взаимно; *дѣйствительное* государство часто построено на многихъ, ему принадлежащихъ, народностяхъ, или ограничивается частью народности. Но здѣсь не видно *идеала* государства, и каждый согласится, что чѣмъ больше государство теряетъ естественное

*) Phil. des R., т. II, стр. 161 и слѣд., изд. 1856 года.

Digitized by Google

основаніе народнаго единства, тѣмъ меньше оно, по свидѣтельству исторіи, способно разрѣшить свою нравственную задачу» *).

Къ мнѣніямъ германскихъ ученыхъ полезно присоединить взглядъ одного изъ замѣчательныхъ политиковъ Англіи — Корниваля Льюса. Въ сочиненіи своемъ: «On the Methods on observation and reasoning in politics» (т. I, стр. 38 и слѣд.) онъ подробно разсматриваетъ причины и условія человѣческаго общежитія и потомъ замѣчаетъ:

«Ассоціація (обществъ) предполагаетъ близость, а близость возможна единственно въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и при извѣстныхъ условіяхъ сообщенія. Нѣтъ общества цѣлаго человѣческаго рода, какъ нѣтъ общества изъ всего рода обезьянъ, бобровъ, овецъ, антилопъ, пчелъ, муравьевъ или саранчи. Поэтому и люди, и животныя, соединяясь, образуютъ стада, табуны, стаи, тѣла ограниченныхъ размѣровъ, и общество, собственно такъ-называемое, ограничивается этими соединеніями».

Указавъ, затѣмъ, на осѣдлость и установленія правительствъ, какъ на условіе общественнаго единства, при которомъ прежнее соединеніе людей становится *націею*, К. Льюсъ продолжаетъ:

«*Политическое общество, слѣдовательно, по существу своему* (essentially) *національно*. Человѣческій родъ не можетъ образовать одного обширнаго общества, подъ однимъ правительствомъ: онъ раздѣленъ на безчисленныя частныя общества, изъ которыхъ, можетъ-быть, большинство находится подъ политическимъ управленіемъ; затѣмъ большинство изъ нихъ образуетъ особыя націи, съ опредѣленною и усвоенною территоріею».

То же понятіе проникло и въ международное право. Это видно преимущественно на ученіи этой науки о правѣ каждаго государства на внѣшнюю и внутреннюю самостоятельность. Прежде это право выводилось непосредственно изъ идеи *государственнаго верховенства*, изъ правъ верховной государственной власти. Право правительства прикрывало право народа. Въ настоящее время основою государственной самостоятельности въ международныхъ сношеніяхъ признается право каждой національности на самобытное историческое развитіе.

---

*) Einleit. in das Constit. Verfassungsr. 1863 г., стр. 10 и слѣд.



Digitized by Google

*Блунчли*, въ своемъ «Новомъ международномъ правѣ», получившемъ всемірную извѣстность, категорически высказываетъ эту мысль *). Указавши на несостоятельность прежняго основанія права государства на самостоятельность, онъ продолжаетъ: «въ правосознаніи произошелъ великій прогрессъ, когда, наконецъ, признали, что народы суть живыя существа.... Чрезъ это юридическое понятіе было одухотворено. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты».

Подобныя воззрѣнія развиты (даже подробнѣе) въ сочиненіи итальянскаго публициста *Пасквали-Фіоре* **).

## III.

### Разборъ нѣкоторыхъ возраженій.

I. Подобно всякой новой идеѣ, принципъ народности, въ приложеніи его къ государству, встрѣтилъ сильныя возраженія. Мы остановимся здѣсь на главнѣйшихъ изъ нихъ. Вообще всѣ воззрѣнія противъ начала народности могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ:

1) Нѣкоторыя изъ нихъ касаются самаго принципа, идеи народности.

2) Другія, не возвышаясь до критики принципа, ограничиваются указаніемъ практическихъ примѣровъ, противорѣчащихъ, повидимому, годности этого начала.

3) Третьи думаютъ опровергнуть теорію народности указаніемъ на ея опасныя будто бы послѣдствія для политической жизни народовъ.

4) Наконецъ, четвертые, признавая даже годность начала народности въ идеѣ, указываютъ на трудность ея примѣненія къ современнымъ европейскимъ государствамъ.

---

*) Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten (1868 года), стр. 46 и слѣд. Должно замѣтить, что почтенный профессоръ въ этой книгѣ нѣсколько отступаетъ отъ воззрѣній, высказанныхъ имъ въ «Государственномъ правѣ» и «Государственномъ лексиконѣ».

**) Pasquale-Fiore, Nouveau droit international, trad. par P. Pradier Foderé. T. I, часть I, глава 1, стр. 97 и слѣд.

Digitized by Google

По этимъ рубрикамъ мы и разсмотримъ представляющіяся возраженія.

II. Возраженія, направленныя противъ самаго *принципа* народности, исходятъ какъ изъ началъ нравственной философіи, такъ и изъ чисто-научныхъ данныхъ. Разберемъ тѣ и другія.

Главное изъ такъ-называемыхъ *нравственныхъ* возраженій противъ принципа народности состоитъ въ томъ, что онъ порождаетъ *вражду* между народами, призванными къ братскому общенію; что цѣль цивилизаціи состоитъ именно въ томъ, чтобы *сгладить* всѣ различія между націями и *слить* ихъ въ *организмъ человѣчества*.

Никто не станетъ отрицать, что отдѣльный человѣкъ самою природою призванъ къ общенію съ другими и что отдѣльный народъ не можетъ отказаться отъ общенія съ другими, въ видахъ даже собственной пользы. Но вотъ что упускаютъ изъ виду трибуны «человѣчества».

Ни одна форма «общенія» не предполагаетъ необходимости уничтоженія *индивидуальносши* отдѣльнаго человѣка и отдѣльнаго народа. Отдѣльный человѣкъ не перестаетъ и не можетъ перестать быть *личностью* нигдѣ—ни въ семьѣ, ни въ общинѣ, ни въ государствѣ, ни въ человѣчествѣ. У каждой личности есть сфера частныхъ интересовъ, симпатій и антипатій, убѣжденій, вѣрованій, въ которой онъ *долженъ* быть независимъ, въ виду самыхъ элементарныхъ требованій свободы. Ошибка новѣйшаго *коммунизма* состоитъ именно въ томъ, что, выдвигая на первый планъ идею *общенія*, онъ забываетъ о той законной долѣ *обособленія*, на которую имѣетъ право каждая личность.

«Общечеловѣческія» теоріи суть тотъ же коммунизмъ, только въ примѣненіи къ коллективнымъ личностямъ, народамъ. Эти теоріи полагаютъ, что прогрессъ и миръ человѣчества зависятъ отъ уничтоженія самобытности націй, подобно тому, какъ нѣкогда Платонъ думалъ осуществить единство своего государства чрезъ уничтоженіе личной собственности, семьи и всего того, въ чемъ выражается человѣческое *я*.

Недостатокъ всѣхъ теорій можно выразить въ одномъ словѣ—онѣ *противоестественны*. Исходя, повидимому, изъ высшихъ требованій жизни, онѣ думаютъ убить самый принципъ жизни, субъективную независимость, свободу; какую бы цѣну имѣло «братство» людей, еслибы предварительно люди были *обез-*



Digitized by Google

*личены*? Мы знаемъ такое братство—братство Іисуса, орденъ іезуитовъ; но это братство не имѣетъ ничего общаго съ братствомъ о Христѣ Спасителѣ, сказавшемъ: «милости хочу, а не жертвы», т. е. вольнаго сознанія своихъ обязанностей, а не уничтоженія личности, въ силу котораго теряетъ цѣну и самое добро. И которая изъ двухъ церквей ближе къ идеалу христіанства: православная ли, состоящая изъ вольнаго союза многихъ помѣстныхъ церквей, или католическая, съ ея тлетворнымъ «единствомъ», поддерживаемымъ отлученіями, инквизиціями и гнусными происками?

Перейдемъ теперь къ чисто-научному возраженію.

III. Оно состоитъ въ томъ, что необходимо полагать различіе между *естественною* и *государственною* народностью. Масса людей, соединенная общностью языка, религіи, территоріи и т. д., не составляетъ еще народности въ государственномъ смыслѣ. Естественная народность можетъ даже не составить государства; она можетъ или войти въ составъ другаго государства, или раздѣлиться между нѣсколькими. Напротивъ, государственная народность можетъ составиться изъ разнообразныхъ этнологическихъ элементовъ и быть все-таки народностію.

Это возраженіе, очевидно, исходитъ изъ того предположенія, что главный элементъ, образующій настоящую народность, есть общеніе *политическое*, т. е. общность государственной жизни въ ея историческомъ развитіи. Такъ *Блунчли* различаетъ понятіе Nation—естественная народность (напр. всѣ нѣмцы) и Volk—народность государственная (напр. австрійцы, прусаки, швейцарцы). Милль также держится того мнѣнія, что главное условіе образованія народностей есть общеніе политическое *).

Это возраженіе составлено, въ сущности, изъ нѣсколькихъ посылокъ или предположеній, которыя необходимо разобрать.

а) Подъ именемъ *естественной* народности разумѣютъ совокупность лицъ, общность которыхъ опредѣляется *первобытны-*

---

*) Просимъ читателя не забывать, что мнѣнія *Блунчли*, высказанныя имъ въ *Общемъ государственномъ* правѣ (Allgemeines Staatsrecht), отличаются рѣзко отъ идей, приводимыхъ тѣмъ же авторомъ въ его «Международномъ правѣ». Чѣмъ объяснить это различіе? Намъ кажется однимъ: между появленіемъ въ свѣтъ «Общаго суд. права» (3-е изд. 1863 г.) и выходомъ «Международнаго права» (1868) совершился важный фактъ—образованіе сѣверо-германскаго Союза. Тогда нѣмцы и самъ Блунчли поняли, что Nation и Volk, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нимъ, нѣмцамъ, одно и то же.

Digitized by Google

*ми*, такъ-сказать *не зависимыми отъ исторіи*, признаками и условіями. Таковы, главнымъ образомъ, племенное родство и общность языка.

*Народность государственная* образуется подъ вліяніемъ общности историческаго развитія. Поэтому она можетъ составиться изъ многихъ естественныхъ народностей. Народности эти, соединенныя въ одно государство, хотя бы искусственно, ассимилируются, становятся одною національностію. Слѣдовательно, и государство, какъ представитель этой національности, не будетъ имѣть ничего общаго съ первобытными естественными народностями.

Но это возраженіе, очевидно, направлено только противъ естественныхъ народностей. Въ немъ содержится мысль, что особенности племени и языка не даютъ еще права на самостоятельность политическую.

Это до извѣстной степени справедливо, но никто не рѣшится назвать племя, говорящее однимъ языкомъ, народностію. Народность есть понятіе *культурное*, т. е. оно предполагаетъ извѣстную общность историческаго развитія, въ которомъ проявились всѣ особенности духовной природы племени, и, кромѣ того, сильную степень народнаго *самосознанія*, т. е. сознанія своего коллективнаго *я*. Еслибъ у *итальянской народности* не было ничего общаго кромѣ единства происхожденія и языка, она и не имѣла бы права на это названіе. Но у нея есть вѣковая исторія, Дантъ, Макіавелли, Рафаель и Микель-Анджело, Галилей, Торичелли и т. д. Особенности племени и языка суть только *зародыши*, возможность народности. Сила и устойчивость этихъ особенностей испытываются исторіею, въ теченіи которой обнаруживается, способно ли племя къ творчеству и самобытной цивилизаціи,—слѣдовательно, къ образованію народности.

Слѣдовательно, принципъ національностей не ведетъ къ признанію права каждаго *первобытнаго* племени на образованіе государства, ибо тогда пришлось бы разчленять существующія народности на ихъ первобытные этнологическіе элементы, т. е. возвращаться ко времени великаго переселенія народовъ.

Начало народностей требуетъ только, чтобы національности, достаточно окрѣпшія, не были искусственно разчленяемы и соединяемы въ государство и чтобъ эти государства не были поддерживаемы насильственными мѣрами.

Digitized by Google

Сліяніе франковъ съ галлами во Франціи не было нарушеніемъ принципа народности, въ современномъ его смыслѣ. Но подчиненіе Ломбардіи и Венеціи Австрійскому государству прямо противорѣчило этому началу.

b) Отождествленіе признаковъ народности съ первобытными элементами племеннаго различія наводитъ противниковъ національнаго принципа на другой аргументъ, повидимому, непреодолимый. Всѣ такъ-называемыя государственныя народности Европы, говорятъ они, сложились изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ. Въ Англіи мы видимъ элементы племенъ кельтскаго (бритты), саксонскаго, скандинавскаго, галльскаго. Между тѣмъ это не мѣшаетъ англійской національности быть весьма крѣпкой и единой. Это совершенно справедливо. Но именно эта «крѣпость» англійской народности могла бы навести противниковъ принципа національности на соображенія противуположнаго свойства.

Въ Англіи мы имѣемъ дѣло не съ искусственнымъ соединеніемъ народностей въ одно государство, а съ *ассимиляціею* (уподобленіемъ) первобытныхъ племенъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложилась одна народность. Ассимиляція племенъ совершается на каждомъ шагу. Племя сильное и количественно и нравственно вбираетъ въ себя всѣ менѣе сильныя породы, живущія на одной съ нимъ территоріи. Ихъ особенности, наиболѣе крѣпкія, привходятъ, съ своей стороны, въ типъ господствующаго племени, сообщая ему больше разнообразія и оригинальности. Вотъ почему и народность, образовавшаяся такимъ путемъ, отличается необыкновенною энергіей и крѣпостью.

Принципъ національности нисколько не противорѣчитъ ассимиляціи племенъ, если изъ нихъ впослѣдствіи образуется одна народность, съ общимъ языкомъ, единствомъ нравовъ и другихъ культурныхъ признаковъ.

Принципъ національности противорѣчитъ механическому, насильственному соединенію въ одно государство *сложившихся* уже народностей, *изъ которыхъ никоимъ образомъ не можетъ образоваться новая народность.*

Можно предположить и даже видѣть, какъ изъ обломковъ старыхъ европейскихъ народностей складывается новая, почтенная и энергическая народность—сѣверо-американская. Но предположить, что изъ австрійскихъ и турецкихъ «народовъ» сложится новая и цѣльная народность, нельзя, при самомъ смѣломъ воображеніи.

Digitized by Google

c) Изъ того факта, что въ первоначально искусственно-составленныхъ государствахъ образовывались новыя народности, многіе спѣшили выводить заключеніе, что главное условіе образованія народностей есть общеніе политическое, т. е. общность государственной жизни.

Но примѣръ Австріи и Турціи могъ бы убѣдительно доказать, что одного «государственнаго общенія» для этого дѣла недостаточно. Ассимиляція—главный способъ образованія новыхъ народностей—есть процессъ естественно-историческій, не зависящій отъ воли государственной власти. Конечно, общность политическаго прошлаго—великій пособникъ въ дѣлѣ объединенія племенъ. Жители Эльзаса,—нѣмцы по происхожденію,—сражаясь вмѣстѣ съ французами за честь и свободу гражданина и отечества, стали французскими патріотами. Но врядъ ли дѣло объединенія совершится, если слава одной народности, входящей въ составъ искусственнаго государства, составляетъ позоръ и страданія другой, если все прошедшее одной части государства заставляетъ ее ненавидѣть другую. Болгаринъ никогда не проститъ турку за *свое* «историческое прошлое».

IV. Другіе противники національнаго принципа думаютъ выиграть сраженіе при помощи примѣровъ такихъ государствъ, гдѣ условія благоденствія не нарушаются тѣмъ, что сіи государства состоятъ изъ многихъ *народностей*, въ настоящемъ, *культурномъ* смыслѣ.

Главнымъ боевымъ орудіемъ служитъ, конечно, примѣръ *Швейцаріи*. Вотъ, говорятъ обыкновенно, страна, ясно показывающая, что государство нисколько не нуждается въ національной основѣ. Въ Швейцаріи мирно живутъ, съ давнихъ поръ, нѣсколько національностей, весьма опредѣленныхъ. Конституція признаетъ здѣсь три оффиціальныхъ языка—французскій, нѣмецкій и итальянскій. Несмотря на это, швейцарскіе французы не обнаруживаютъ никакого стремленія примкнуть къ французскому государству, не видно аналогическихъ стремленій и у швейцарскихъ нѣмцевъ,—они слишкомъ любятъ свою конституцію; эта конституція какъ бы ихъ общее отечество.

Съ нашей точки зрѣнія примѣръ Швейцаріи доказываетъ только одно: что различныя народности, *при особенно благопріятныхъ, можно сказать, исключительныхъ условіяхъ*, могутъ ужиться въ одной государственной формѣ, но все-таки не составятъ одной, *новой* народности.

Digitized by Google

Дѣйствительно, ни одна почти страна Европы не въ состояніи воспроизвести тѣхъ условій, въ которыя поставлены швейцарскія народности.

Во-первыхъ, ни въ одной странѣ мы не видимъ такой дѣйствительной *равноправности* всѣхъ народностей, составляющихъ Швейцарскій Союзъ. Въ другихъ странахъ имѣется обыкновенно *господствующая* народность, привилегіи которой тяжелымъ гнетомъ ложатся на народности подчиненыя.

Во-вторыхъ, швейцарское государство есть *федеративное* государство, признающее довольно значительную политическую самостоятельность кантоновъ. Слѣдовательно, существованіе *національныхъ* особенностей вполнѣ, обезпечено—итальянцу не грозитъ онѣмеченіе, а нѣмцу офранцуженіе. Австрія не признаетъ даже значенія славянскихъ языковъ въ оффиціальномъ отношеніи.

Въ-третьихъ, Швейцарія съ давнихъ поръ не испытывала нужды въ строгомъ народномъ единствѣ, благодаря тому, что европейская политика обезпечила ей вѣчный нейтралитетъ. Еслибы Швейцарія, подобно большимъ державамъ, должна была участвовать во всѣхъ буряхъ внѣшней политики,—трудно сказать, какъ бы она справилась съ своимъ разнороднымъ составомъ. Существованіе Швейцаріи поддерживается главнымъ образомъ ея политическимъ ничтожествомъ, ея изолированностію въ европейской политикѣ. Ничтожество этой страны конечно не спасло бы ее, еслибы сосѣднія государства рѣшились раздѣлить «союзъ» между собою. Но географическое и стратегическое положеніе Швейцаріи такъ важно, что сильные ея сосѣди не рѣшаются давать другъ другу доступа въ страну. Нейтралитетъ и самостоятельность Швейцаріи необходимы для интересовъ Италіи, Германіи и Франціи. Сила внѣшней политики поддерживаетъ такимъ образомъ самостоятельность Швейцаріи.

Противъ всего этого можно возразить, что каждая страна можетъ признать равноправность своихъ различныхъ народностей, допустить развитіе мѣстной автономіи, обезпечить себѣ нейтралететъ. Можетъ быть. Но почему же австрійскіе славяне не получаютъ никакихъ правъ? Почему подданные турецкаго султана не могутъ достигнуть обезпеченія даже элементарныхъ гражданскихъ правъ?

Въ итогѣ можно видѣть, что Швейцарія не составляетъ *исключенія* изъ общаго правила. Есть швейцарскіе французы, нѣмцы и итальянцы, но нѣтъ и не можетъ быть *швейцарской народ-*

Digitized by Google

*ности*. Французы, нѣмцы и итальянцы мирно живутъ въ Швейцаріи, но хотятъ ли они слиться въ одинъ народъ, т. е. хотятъ ли французы-швейцарцы перестать быть французами? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ судьба ревизіи швейцарской конституціи, предложенной недавно союзнымъ правительствомъ, въ видахъ большаго національнаго единства, и отвергнутой народомъ въ видахъ самостоятельности кантоновъ, т. е. неприкосновенности мѣстной автономіи каждой народности.

V. Третье возраженіе, приводимое обыкновенно противъ теоріи національностей, состоитъ въ томъ, что осуществленіе ея *опасно*, ибо повело бы къ образованію слишкомъ большихъ и слишкомъ централизованныхъ державъ, опасныхъ для европейскаго мира и для внутренней свободы. Обыкновенно, въ этомъ случаѣ, европейское общественное мнѣніе пугаютъ призракомъ *панславизма*. Вотъ что говоритъ по поводу панславизма переводчикъ Паскале-Фіоре—Праде-Фодере.

«Панславизмъ состоялъ бы въ соединеніи всего славянскаго племени подъ скипетромъ царей. Осуществленіе панславизма сдѣлало бы царей господами Европы и позволило бы имъ подавить даже соединенную Германію».

То же, только другими словами, повторяютъ и другіе. Неизвѣстно только, почему національное единство предполагаетъ непремѣнно соединеніе всѣхъ народовъ одного племени подъ одинъ «скипетръ»? Осуществленіе національнаго единства мыслимо и въ формѣ федераціи, т. е. союзнаго государства, допускающаго полную мѣстную автономію, но обладающаго достаточною силою для отраженія внѣшняго врага.

Во-вторыхъ, и это самое важное, совершенно несправедливо смѣшивать національный вопросъ съ такъ-называемыми пангерманизмами, панславизмами и т. д.

Мы видѣли, что понятіе народности слагается не изъ однихъ *первобытныхъ* элементовъ племеннаго различія. Народность есть извѣстный культурный типъ; въ понятіе это привходитъ много признаковъ, выработанныхъ исторіею каждой отдѣльной части племени.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что можно, въ силу элементарныхъ признаковъ племени и языка, принадлежать къ цѣлой, весьма большой *расѣ*, и въ то же время входить въ составъ отдѣльной народности, образовавшейся внутри этой расы. Русскіе принадлежатъ къ славянской расѣ, по первоначальному своему про-

Digitized by Google

исхожденію и кореннымъ свойствамъ языка; въ то же время они составляютъ особую народность, выработанную многовѣковою исторіею. Мы можемъ говорить то же о чешской, сербской, болгарской народности.

Теорія панславизма содержитъ въ себѣ стремленіе, если вѣрить ея врагамъ, соединить въ одно политическое цѣлое именно все, что принадлежитъ къ славянской *расѣ*. Идея новѣйшаго *германскаго* единства, дѣйствительно, опасна именно тѣмъ, что она требуетъ политическаго единства всей германской расы, пангерманизма, съ преобладаніемъ этой расы надъ всѣми другими.

Теорія народностей содержитъ въ себѣ одну идею—право каждой національности на политическую самостоятельность.

Уже по этому она не можетъ требовать соединенія всѣхъ народностей, принадлежащихъ къ одной расѣ, въ одно централизованное, сплошное государство. Ея идеалъ—вольная федерація одноплеменныхъ народовъ.

VI. Четвертое возраженіе касается не столько принципа теоріи національностей, сколько способовъ осуществленія.

Предположимъ, говорятъ намъ, что европейскіе народы начали перестраивать свои государства согласно этому принципу. На первыхъ же шагахъ они встрѣтятся съ большими препятствіями. Есть, правда, нѣкоторыя народности, съ опредѣленными границами, народности компактныя и обособленныя. Но за то въ другихъ мѣстахъ народности перемѣшаны до такой степени, что нельзя сказать, къ какому «національному государству» слѣдуетъ отнести извѣстную мѣстность. Каждая народность будетъ предъявлять свое право на извѣстный участокъ земли, и притязанія эти будутъ имѣть, приблизительно, одинаковую справедливость. И вотъ источникъ нескончаемыхъ, страшныхъ войнъ, которыя и безъ того терзаютъ бѣдное человѣчество!

Нельзя не согласиться, что есть нѣкоторыя спорныя мѣстности, съ чрезвычайно смѣшаннымъ народонаселеніемъ. Кому должна достаться Моравія, Силезія, гдѣ славянская народность такъ смѣшалась съ нѣмецкою?

Но тотъ, кто знакомъ съ современнымъ положеніемъ національнаго вопроса, долженъ будетъ согласиться, что на первый разъ всѣ умы заняты *безспорными* странами, т. е. такими, въ которыхъ *все* народонаселеніе или, по крайней мѣрѣ, *большинство* его принадлежитъ къ одной національности. Италія только недавно получила все, что принадлежало ей по праву. Конечно, никто не сталъ бы

Digitized by Google

отрицать право Италіи на Ломбардію, Венецію и Римъ, на томъ только основаніи, что есть въ Европѣ нѣкоторыя мѣстности, гдѣ итальянское населеніе такъ смѣшано съ другими народностями, что нельзя сказать, кому принадлежитъ страна.

Наконецъ, политическія науки вообще не терпятъ безусловнаго, безпощаднаго примѣненія извѣстныхъ принциповъ къ практической жизни. Они довольствуются приблизительнымъ осуществленіемъ начала, вѣрность котораго признана въ идеѣ. Политическая экономія давно признала, что начало личной свободы, принципъ laissez-faire, laissez-passer есть коренное условіе экономическаго прогресса. Тѣмъ не менѣе каждый серьезный экономистъ, какъ напр. Д. С. Милль, допускаетъ не мало количества случаевъ, когда общественная выгода требуетъ отступленія отъ этого общаго правила.

Принципъ національностей есть научное начало, а не догматъ религіи; онъ—истина относительная, а не безусловная. Мы говоримъ, что, *по общему правилу*, государство тогда только прочно, правильно обезпечено въ своемъ внутреннемъ развитіи, когда оно построено на основѣ народности и служитъ національнымъ цѣлямъ,—что искусственныя государства не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія, что они не могутъ обезпечить коренныхъ условій гражданской свободы. Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить всѣ свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бываютъ подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства безпрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и внѣшняго нападенія. Малѣйшее пробужденіе общественной жизни внутри кажется предвѣстникомъ грознаго переворота. Усиленіе сосѣда вызываетъ тревожныя опасенія. Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ.

Можетъ ли оно разрѣшить великія нравственныя и экономическія задачи, къ которымъ призвано государство?

**А. Градовскій.**

Digitized by Google

# ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
## ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА. *)

### II.

### ЮЖНАЯ РУСЬ ДО КАЗАЧЕСТВА.

Народная южно-русская жизнь, мимо всякихъ второстепенныхъ надѣловъ на основаніи различій, представляемыхъ временемъ и мѣстностью, можетъ быть раздѣлена на три періода: доказацкій, казацкій и по-казацкій.

При обозрѣніи способа явленія природы въ народныхъ пѣсняхъ, мы видѣли, что народная поэзія сохранила древнѣйшія представленія и, наконецъ, во всемъ способѣ отношеній человѣка къ природѣ до сихъ поръ господствуетъ въ ней то первобытное міровоззрѣніе, которое могло возникнуть и образоваться въ глубочайшей древности, въ эпоху младенчества народовъ. Но не то окажется, когда мы начнемъ въ пѣсняхъ отыскивать слѣды наступившихъ послѣ того періодовъ — удѣльно-вѣчевыхъ временъ, особенно, когда станемъ надѣяться, что найдемъ прямыя воспоминанія о событіяхъ этихъ временъ.

Окажется, что привычки и пріемы народной жизни очень крѣпки, а народная память сравнительно слаба. Не даромъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка то, что составляло сумму его раннихъ впечатлѣній и образовало его индивидуальность, оказываетъ на человѣка сильнѣйшее вліяніе, удерживается въ немъ при всѣхъ перемѣнахъ жизни, становится для его духовнаго существа какъ бы подкладкою, тогда какъ послѣдующія ощуще-

*) «Бесѣда», №№ IV, V, VIII, X, и XI.

Digitized by Google

нія стираются скорѣе. Замѣтимъ еще, что періодъ, въ который народъ находился подъ господствомъ натуральной религіи, намъ хотя не извѣстенъ, но, конечно, былъ продолжительнѣе періода отъ принятія христіанства до казачества, тѣмъ болѣе, что при слабости и медленности, съ какою христіанскія начала вытѣсняли древнія языческія, народъ все еще переживалъ языческій періодъ, хотя и считался христіанскимъ народомъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что отношенія народа къ природѣ и способы его поэтическаго выраженія въ удѣльно-вѣчевыя времена были похожи на тѣ, какіе представляютъ намъ сохранившіяся теперь пѣсни. Уже одно то, что въ теперешнихъ пѣсняхъ есть слѣды временъ болѣе древнихъ, чѣмъ княжескія времена, даетъ намъ право признавать логически несомнѣннымъ, что въ промежуткѣ между болѣе глубокою древностію и болѣе близкими къ намъ вѣками существовали эти же слѣды, и конечно въ большей свѣжести, чѣмъ позже. Въ этомъ же отношеніи важно для насъ и то, что «Слово о полку Игоря» представляетъ поразительное внутреннее сходство съ южно-русскою народною поэзіею, а это происходитъ отъ того, что пѣвецъ XII вѣка черпалъ свои вдохновенія изъ того же источника, изъ котораго истекли наши пѣсни: народная поэзія прежнихъ вѣковъ была прародительницею поэзіи позднѣйшихъ и передала позднѣйшей даже многія свои выраженія цѣликомъ. Наконецъ, есть пѣсни, которыя не только по духу, міровоззрѣнію и поэтическимъ пріемамъ, но даже по описываемымъ событіямъ имѣютъ почти дубликаты въ пѣсняхъ великорусскихъ (какъ, напр., превращеніе женщины въ кукушку, споръ коня съ орломъ, исторія матери, взятой въ плѣнъ татариномъ, прежде похитившимъ ея дочь, убійство жены по наущенію матери), другихъ славянскихъ (какъ, напр., пѣсня объ отравленіи сестрою брата по наущенію молодца, посредствомъ змѣинаго яда, помѣщенная въ довольно близкомъ варіантѣ въ собраніи моравскихъ пѣсенъ Сумиля, стр. 187) и даже другихъ арійскихъ народовъ (напр. пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ, котораго дѣвица хочетъ вытащить изъ воды, встрѣченная нами въ нѣмецкомъ сборникѣ Кретшмера).

Такого рода пѣсни, конечно, древни: онѣ не могли быть заимствованы однимъ народомъ отъ другаго въ позднія времена; да притомъ пѣсни дѣйствительно заимствованныя (какъ, напр., великорусскія, которыя поютъ малоруссы, и наоборотъ малорусскія, передѣланныя на великорусскій ладъ) съ перваго раза даже

Digitized by Google

для малоопытнаго взгляда обличаютъ свое происхожденіе. Указанное нами сходство съ пѣснями другихъ народовъ происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ общности древнихъ мотивовъ, которые если и переходили отъ народа къ народу, то передѣлывались и вполнѣ усвоивались, на что нужно было продолжительное время. Вѣроятно, такихъ пѣсенъ, а еще болѣе древнихъ найдется и много, но онѣ относятся къ семейному быту и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы показывало въ нихъ тотъ или другой періодъ народной исторіи: онѣ изображаютъ то, что равнымъ образомъ могло быть въ разныя времена, такъ какъ семейная жизнь менѣе и медленнѣе, чѣмъ общественная, подвергается кореннымъ измѣненіямъ. Оттого-то народъ и удержалъ такіе мотивы, которые, будучи древняго происхожденія, не противорѣчили его строю жизни и въ болѣе позднія времена. Но послѣдующія поколѣнія народовъ, заимствуя отъ предшествовавшихъ поколѣній и поэтическое міровоззрѣніе, и поэтическіе пріемы, и чувствуя тѣмъ же способомъ, какимъ чувствовали предки, не могли однако сочувствовать всему, чему въ свое время сочувствовали эти предки, и относиться съ одинаковымъ участіемъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, въ силу измѣнившихся историческихъ обстоятельствъ, не могли уже повторяться. То, что оставалось по-прежнему и было близко народному сердцу, что могло вновь случиться, какъ случалось прежде, къ тому народъ все еще относился такъ, какъ относились отцы его и прадѣды. Но много было и такого, что уже не могло занимать потомковъ, какъ занимало предковъ, и потомки, увлеченные потокомъ иныхъ жизненныхъ переворотовъ, забывали старое. У потомковъ являлись другіе интересы, другія условія и притомъ болѣе могучія, шире захватывавшія народную жизнь. Воспоминанія о временахъ Владиміра и вообще объ эпохѣ Кіевскаго стола исчезли изъ Южной Руси и ушли въ Великую Русь: тамъ, потерявъ свои древнія формы, они нашли совершенно иныя, да и въ Великой Руси ихъ мѣсто оказалось тамъ, гдѣ народъ менѣе всего жилъ дѣятельною жизнью,—тамъ, гдѣ ничѣмъ другимъ болѣе живымъ нельзя было замѣнить ихъ. Въ Южной Руси періодъ казачества былъ на столько могучъ, до такой степени поднялъ всю народную массу и въ такомъ волненіи держалъ нѣсколько поколѣній сряду, наконецъ, такъ много вызвалъ новыхъ условій, создалъ новые идеалы, увлекавшіе народъ, что очень естественно было прежнему лишиться народнаго сочувствія и исчезнуть изъ

Digitized by Google

народной памяти, которая всегда, при той степени духовнаго развитія, на какой находился южно-русскій народъ, подчиняется чувству: народъ помнитъ въ своой поэзіи только то, чему сочувствуетъ. Періодъ казачества черезчуръ потрясъ его существо; народъ слишкомъ много видѣлъ впереди, чтобъ оглядываться назадъ, слишкомъ много ожидалъ, чтобы вспоминать, слишкомъ много страдалъ въ настоящемъ и боролся, чтобы сѣтовать и уныло мечтать о прошломъ. Достаточно было нѣсколькимъ поколѣніямъ прожить въ такомъ напряженномъ положеніи, въ какомъ находилась Южная Русь въ XVI и XVII вѣкахъ, чтобы всякія воспоминанія о прежнихъ удѣльно-вѣчевыхъ и послѣдовавшихъ за нимъ литовскихъ временахъ испарились изъ народной памяти. Да притомъ и по существу своему условія временъ предшествовавшихъ казачеству не могли западать такъ глубоко въ душу народа, какъ условія временъ казачества, когда народную массу всецѣло увлекала борьба съ невѣрными, безпрестанно уносившая изъ населенныхъ мѣстъ Южной Руси цвѣтъ народа въ степи и на море. Позднѣе, когда наступила еще сильнѣйшая борьба съ Польшею, освященная знаменемъ религіи и вмѣстѣ связанная съ соціальными идеалами освобожденія народа отъ власти пановъ и свободнаго обладанія землею,—тогда возникла изъ предыдущей другая, внутренняя, тяжелая и не удавшаяся борьба народнаго стремленія къ волѣ и равенству подъ сродною для народа формою оказаченія,—борьба, такъ-сказать, съ враждебною судьбою, поставившею такому стремленію непреодолимыя препятствія и извнѣ, и въ самомъ народѣ.

Ничего такого, по крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно, не представляютъ прежнія до-казацкія времена. Нѣкогда на первомъ планѣ въ народной жизни было вольное дружинное начало, составленіе, воинственныхъ шаекъ, примыкавшихъ къ тому или другому князю. Время было кипучее, жизни было много, но она истрачивалась на болѣе или менѣе мелкія распри земель и князей, изрѣдка только задаваясь болѣе высокими предпріятіями защиты края противъ внѣшнихъ враговъ. Другая часть народа, конечно многочисленная, погружена была въ свои обычныя буднишнія заботы о существованіи, часто прерываемыя всякаго рода бѣдствіями,—то междоусобіями, разорительными сегодня для того, завтра для другаго уголка страны, то иноплеменными нашествіями и погромами.

Въ оное время была своего рода поэзія, которой образчикомъ

Digitized by Google

(хотя уже, при народной основѣ, въ литературной передѣлкѣ) служитъ «Слово о полку Игоря»; но такая поэзія не была общимъ достояніемъ и ея интересы не могли всегда обнимать народныхъ идеаловъ; правда, пѣвецъ Игоря стоитъ выше дружинника: по своей широтѣ взгляда, онъ—человѣкъ земскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ предметы, занимающіе его, не всенародны: какова бы ни была эта поэзія, мы не видимъ, чтобъ она была выраженіемъ какихъ-нибудь дѣятельныхъ всенародныхъ стремленій. Дружинный элементъ еще до татаръ началъ передѣлываться въ аристократію, которой народная масса не могла сочувствовать. Въ послѣдующія затѣмъ времена, при всей недостаточности нашихъ свѣдѣній объ этихъ временахъ, мы все-таки не видимъ народной дѣятельности, всенародныхъ стремленій: мы замѣчаемъ порою то княжескій деспотизмъ (особенно въ XIII вѣкѣ), то аристократію князей и бояръ. Понятно, что если у народа и были какіе-нибудь пѣсни, касавшіяся этихъ временъ, то онѣ не могли имѣть того смысла, какъ въ позднѣйшія времена пѣсни казацкія, и должны были умолкнуть и исчезнуть, какъ скоро народное сердце забилось сильнѣе, настала другая жизнь, несравненно шире первой, жизнь дѣятельная и всенародная, съ общими для массы стремленіями и идеалами. Такимъ образомъ между казацкимъ періодомъ и предшествовавшими временами образовалась пропасть. Народъ южно-русскій могъ казаться не прямо происшедшимъ отъ прежнихъ поколѣній, жившихъ на той же землѣ, а какъ будто пришлымъ откуда-то, новымъ народомъ: и дѣйствительно, были такіе гадатели, которые даже съ каѳедръ считали малоруссовъ потомками торковъ и берендѣевъ и т. п. Ихъ смущало отсутствіе въ этомъ народѣ всякихъ воспоминаній о томъ, что совершалось на его землѣ,—отсутствіе всякаго, повидимому, сочувствія къ прежнимъ судьбамъ своего отечества. На самомъ же дѣлѣ этотъ народъ, почти не помня своихъ князей и какъ будто не желая оказывать къ нимъ никакого вниманія, глубоко сохранилъ многое изъ того, съ чѣмъ жилъ еще до появленія въ его странѣ этихъ князей. Не удивительно, что онъ не показывалъ нѣжныхъ чувствъ къ памяти этихъ князей своихъ и даже забылъ объ ихъ существованіи. Паны и шляхта, съ которыми онъ боролся, были прямое перерожденіе князчины и дружинщины былыхъ временъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показываются, а еще болѣе въ нѣкоторыхъ сборникахъ изданныхъ пѣсенъ намъ хотятъ показывать—слѣды княжескаго періода.

Digitized by Google

Въ драгоцѣнномъ своемъ сочиненіи «Записки о Южной Руси», П. А. Кулишъ помѣстилъ нѣчто въ родѣ думы о походѣ князя-язычника въ Царьградъ. Событіе глубочайшей древности: это то самое, о которомъ византійскіе писатели протрубили, какъ о первомъ принятіи крещенія русскими. Это скорѣе изустный разсказъ, чѣмъ дума: его записалъ нѣкто Шишацкій-Иличъ (писавшій въ «Черниговскихъ Вѣдомостяхъ» въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія), въ селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, отъ восьмидесятилѣтней старухи Гуйдихи. Разсказывается, что встарину у невѣрныхъ былъ богъ Посвистачъ. Князь собралъ совѣтъ изъ своихъ слугъ и предложилъ вопросъ, что дѣлать на случай его смерти. Слуги дали ему совѣтъ жениться и вызвались достать ему красавицу.

Они отправились на корабляхъ въ христіанскую землю. Князю было какое-то предчувствіе грядущей бѣды. Когда они доплыли до христіанской земли, тамошній народъ собрался на берегу и молилъ Бога разогнать вѣтромъ и потопить вражескіе корабли. Вдругъ поднялась буря, разбила врознь корабли, и войско стало тонуть. Князь воскликнулъ тогда: «Посвистачъ не настоящій богъ. Что онъ, спалъ что ли или въ Макошѣ гулялъ?! Вотъ христіанскій Богъ—настоящій Богъ!» Онъ съ остатками кораблей отплылъ въ свою землю и, собравъ старыхъ людей, держалъ совѣтъ, какъ посылать въ христіанскую землю посольство и принимать христіанскую вѣру. Одни отговаривали, другіе молча досадовали, третьи совѣтовали такъ поступить. Затѣмъ дума говоритъ о пирѣ у князя и обрывается на этомъ: она, вообще, какъ безъ начала, такъ и безъ конца *).

---

*) «Оце слуги моі вірниі, намъ треба знать,
Кого послі мене на царство зоставить,
Щобъ вами, розумними головами, добре-предобре править;
Часомъ моеі смерти, щобъ ви знали,
Кого царёвать поставить».
Отъ ему й кажуть:
«Що ти, нашъ старший князю, наша голова народна,
Що ти самъ можешъ добрий совітъ дать,
И своімъ розумомъ помірковать.
А коли дозволишъ, такъ ми тобі отъ що скажемъ:
Не прикажи насъ казнить и рубать,
А позволь тобі красную княгиню достать,
Позволь корабелі стругать,

Разсказъ очень вялъ, риѳмованный, онъ походитъ на думы, но вовсе не имѣетъ ни поэтическаго порыва, ни силы выраженія, ни стройности повѣствованія, свойственныхъ послѣднимъ. Г. Кулишъ замѣчаетъ, что «пѣснь какого-то соловья стараго времени дошла до насъ въ убогомъ видѣ». Но этотъ справедливый приговоръ не помѣшалъ ему сказать, что открытіемъ этого памятника южно-русской народной поэзіи Шишацкій-Иличъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о полку Игоревѣ («Зап. о Южн. Руси», I, 171).

Еслибы намъ сказали, что подобная дума была записана отъ бандуриста, мы бы на-отрѣзъ сказали, что это невозможно. У бандуриста, который все-таки поетъ, сопровождая пѣніе музыкой, дума не можетъ обратиться, съежиться въ такую прозу,

---

Да на сине море виїжджать».
Тутъ старший князь усміхнувся....
Повелівъ караблі снаряжать
И нови дубовать,
А въ караблі війско насажувать
И кадки меду уставлять,
Щобъ було съ чимъ по синему морю гулять,
Да красную княгиню затримать и шановать.
Якъ зобрали жъ да збудовали карабли,
Тогді ставъ князь у волосяну даху одягатьця,
Да золотимъ чересломъ підперязуватьця.
Стали вирниі слуги его на майданахъ громадитьця,
Да свойму богу Посвистачу молитьця,
Щобъ вінъ імъ годину давъ,
Да моря не турбовавъ.
Стали за сімъ вони збиратьця,
Да карабелі своі у море випускать.
Стали карабелі своі чайми підимать:
Якъ стадо лебедівъ вони одъ берега одпливали,
По синему морю якъ бжоли сновали,
Що ажъ море собою, неначе хмарами тими, крийма укривали.
Іде князь старший зъ своимъ військомъ по круглому морю
до землі християнськоі,
Щобъ тамъ у лякъ своіми караблями усіхъ постановити
И собі красную княгиню въ замужже достати.
Якъ стали вони до християнськоі землі доіжджати,
Стало старшого князя удале серце недобре зачувати,

Digitized by Google

неудобную для думъ. Но намъ говорятъ, что ее записали отъ 85-лѣтней женщины. При этихъ условіяхъ искаженіе такого рода дѣйствительно возможно, но здѣсь возникаютъ другіе вопросы и недоумѣніе: мы не встрѣчали примѣра, чтобы женщины выучивали и пѣли думы; если-жь эта дума, «брошенная бандуристами», обратилась въ изустный разсказъ, какъ поясняетъ г. Кулишъ, то разсказъ уже не могъ быть достояніемъ одной только Гуйдихи въ цѣломъ свѣтѣ. Можно предположить, что дума, которую никто не пѣлъ, кромѣ бандуристовъ, умираетъ съ какимъ-нибудь послѣднимъ, знавшимъ ее, бандуристомъ: вѣроятно, такая участь и постигла очень многія думы; но извѣстный разсказъ не умираетъ съ однимъ какимъ-нибудь лицомъ, а между тѣмъ г. Кулишъ сообщаетъ намъ, что Гуйдихи уже нѣтъ на свѣтѣ и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей,

---

И каже вінъ своімъ раднимъ слугамъ:
«Эй ви слуги моі, рати вірниі!
Щось моя душа недобре чуе:
Що ні сонъ не йде, ні хліба иззісти,
Ні води испити....
Коли бъ намъ часомъ оттутъ своіхъ душъ не положити»!
Тогді стари голови стали князя резонити,
Що на синему морю імъ ничого боятись:
Бачъ, вони свого бога Посвистача прохали моря не турбовати.
Якъ тільки жъ до берега християнського вони стали доплиставъ,
Ставъ чорний орелъ надъ моремъ літать,
А літавши ставъ вінъ голосомъ казать:
«Пхе, руська кость пахне»!
Ставъ народъ християнський до моря зиходитьця,
Да Бога свого прохать,
Щобъ вінъ карабелі вражеськи вітромъ розогнавъ,
Чи водою потопивъ.
Ставъ Богъ християнський бурю піднимати,
Да круглее сине море изъ свого ложа вивертати.
Тогді караблі по морю безъ ладу гуляли,
Чайми іхъ вітромъ ламало,
Да по воді роскидало.
Стало війско князя старшого у морі потопать,
Ставъ тогді старший князь своімъ раднимъ слугамъ казать:
«Эй ви слуги моі вірниі!
Не есть се богъ нашъ Посвистачъ Богъ настоящий,
Що вінъ сёеі бури не втишивъ,

Digitized by Google

сколько мы его знаемъ, не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плавателяхъ по круглому морю. Нѣтъ, если, быть-можетъ, никто, кромѣ Гуйдихи, не могъ передать его въ томъ видѣ, въ какомъ она его передавала, то невозможно, чтобъ уже кромѣ ея не зналъ никто содержанія ея риѳмованнаго разсказа, если только такой разсказъ существовалъ. Событіе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно могло быть предметомъ разсказа. Свѣдѣнія въ народѣ могли поддерживаться даже книжнымъ путемъ; многіе духовные знали о томъ, что русскіе язычники когда-то нападали на Цареградъ, что молитвами къ Богу произвели бурю, которая потопила корабли, и это произвело на язычниковъ такое впечатлѣніе, что они крестились: другое изъ старины удерживать въ памяти народу труднѣе было, чѣмъ это событіе, если только оно входило въ народную память. Такимъ образомъ мы не находимъ невозможнымъ, если намъ скажутъ, что разсказъ о немъ существуетъ,

---

Да наши караблі въ такій силі потопивъ.
Десь нашъ богъ Посвистачъ спавъ,
Чи въ Макоши гулявъ....
Есть-то Богъ настоящий—
Богъ християнський»!
Тогді старший князь караблі свої останні завертавъ,
Да назадъ одпливавъ.
Якъ приіхавъ князь старший у свою невірную землю,
Ставъ вінъ совітъ старихъ людей ззивать да збирать,
Да въ християнську землю посилать,
Щобъ вони тамъ віру заимали
Да християнського Бога и собі Богомъ зазнали.
Довго стари голови мовчали.
Одни свого старшого князя отъ сёеі думки одвертали,
Другиі сами собі нарекали,
А трейті стали старшого князя важить,
Щобъ швидче човни бударажить,
Да у християнську землю одпливать.
Стали вони виіжджать,
Стали тогді усі пиръ пировать,
Да кріпкимъ медомъ дорогу поливать.
Не день и не два вони тамъ гуляли,
Покіль ажъ посланці зъ старшимъ книземъ назадъ повертались.
У дутки грали
И въ бряцкити бряжчали....

Digitized by Google

но также возможно, что его и нѣтъ; если же только онъ существовалъ, то никакъ не могъ быть достояніемъ одного лица, и какъ скоро окажется, что его никто не знаетъ и не слыхалъ, тогда прямо возникаетъ сомнѣніе, чтобы и Гуйдиха его знала, и прославленное открытіе надобно признать поддѣлкою, можетъ-быть, того же Шишацкаго-Илича (въ добросовѣстности г. Кулиша мы увѣрены, но вѣдь онъ самъ не записалъ и не слыхалъ его).

Въ самой этой, такъ-называемой, думѣ есть выраженія если не вполнѣ побуждающія насъ признавать эту думу за поддѣлку, то возбуждающія важныя сомнѣнія; такъ, напримѣръ, стихи:

Якъ стадо лебедівъ вони одъ берега одпливали,
По синёму морю якъ бжоли сновали,
Що ажъ море собою, неначе хмарами тими, крийма укривали.

представляютъ искусственный складъ рѣчи: едва ли гдѣ можно отыскать рядомъ на одинъ и тотъ же предметъ три сравненія, изъ которыхъ два выраженія черезъ *якъ*, а третье—съ творительнымъ падежомъ; *бжоли сновали*—выраженіе не народное и никогда не говорится о пчелахъ *сновали*. Стихъ:

Да круглее сине море изъ свого ложа виверстати.

также представляетъ вычурность выраженія, чуждую народной рѣчи; самый эпитетъ круглое море—здѣсь является первый разъ въ народной поэзіи и кажется намъ сомнительно-народнымъ. Море называется обыкновенно по внѣшнимъ, бросающимся въ глаза признакамъ: *синее* море, *широкое* море, *глубокое* море, но круглое море предполагаетъ измѣреніе и изслѣдованіе географическаго положенія моря. Для народной пѣсни такой эпитетъ слишкомъ наученъ. Наконецъ, намъ кажется сомнительнымъ присутствіе Макоши (котораго неизвѣстно по какимъ причинамъ произвели въ славянскаго бога тишины. «Записки о Южн. Руси», I, 177). Едва ли могло уцѣлѣть имя божества совершенно непонятное и чуждое народному языку въ настоящее время, особенно еще тамъ, гдѣ выраженіе о немъ приправлено юморомъ, тогда какъ народъ именно способенъ острить только надъ тѣмъ, что ему извѣстно и близко. Дума эта, искажаясь и разлагаясь (а самъ издатель ея соглашается, что она дошла до насъ въ убогомъ и жалкомъ видѣ), раньше всего должна была бы утра-

Digitized by Google

тить имя языческаго божества, ставшее непонятнымъ. По нашему мнѣнію, и выраженіе *у лякъ постановити*—также искусственное. Въ заключеніе мы скажемъ, что, не отрицая окончательно возможности народной основы этой думы, мы считаемъ ее сомнительною и поэтому полагаемъ, что она не можетъ занять мѣста въ ряду извѣстныхъ намъ произведеній народной поэзіи.

Въ «Запискахъ о Южной Руси» приведенъ, такъ-называемый, «Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ» *). Пѣсня эта взята изъ описанія Васильковскаго уѣзда, составленная Зуликовскимъ по-польски; онъ относитъ ее къ Батыевымъ временамъ, полагая, что такъ какъ народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми, то поэтому имя Батыя замѣнилось именемъ Орлика, а имена Мангу и Петы именами Грицька и Андрія. Но, отлагая въ сторону крайнюю произвольность такого толкованія, мы обратимъ вниманіе на то, что здѣсь собственно не одинъ отрывокъ, а три и, повидимому, изъ различныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ первый не предоставляетъ никакой связи съ послѣдующими. Что касается до втораго и третьяго, то хотя во второмъ говорится объ оборонѣ Кіева, а въ третьемъ о разореніи какого-то города невѣрными, но мы не видимъ основаній, почему именно то, что описывается въ третьемъ, должно относить къ Кіеву а не къ иному городу. Отчего же, напримѣръ, не къ Каменцу, взятому турками и татарами въ 1672 году, гдѣ дѣйствительно происходили сцены поруганія христіанской святыни. То, что во второмъ отрывкѣ говорится

*) Да не славнійший городъ Медведівка изъ своіми городами,
Якъ славнійший Пилипъ Орликъ зъ двома казаками:
Одинъ Грицько, другий Андрій, на віру гонитель,
Всімъ городамъ украинськимъ вінъ бувъ розоритель:
Въ неділю рано-пораненьку у всі дзвони дзвонять,
И старні, и малиі въ весь голосъ голосять,
На коліна упадають и Бога просять:
«Поможи намъ, Боже, Киевъ городъ боронити,
Дождемо Першоі Пречистоі будемъ обідъ становити».
Въ неділю рано-пораненьку города достали,
Всімъ церквамъ украинськимъ верхи позбивали,
Полотняні образи підъ кульбахи клали,
Дзвонами спижовими кони наповали,
Въ святихъ церквахъ коні становили.

Digitized by Google

о Кіевѣ, не можетъ также давать намъ право пріурочивать это непремѣнно къ Батыю, такъ какъ Кіевъ много разъ, въ болѣе позднія времена, былъ угрожаемъ татарами и находился въ такомъ положеніи, что могла быть рѣчь объ его оборонѣ: хоть бы, напримѣръ, въ 1687 году (Лѣтоп. Самов., 79) языкъ этихъ открывковъ ничуть не отзывается признаками древности и, напротивъ, носитъ на себѣ отпечатокъ искусственности, такъ что нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ отрывкахъ какихъ-нибудь остатковъ поэзіи д-оказацкаго періода, или даже смутныхъ воспоминаній о немъ. Гораздо больше права на дѣйствительное значеніе памятника до-казацкаго періода остается за легендою о Михайликѣ и золотыхъ воротахъ, приведенною П. А. Кулишомъ въ 1 т. «Записокъ о Южной Руси» (стр. 3—5). Собственно, сказки и легенды не входятъ въ предметъ нашего изслѣдованія, но есть нѣкоторое основаніе заключить, что нѣкогда это была дума, которая утратилась и оставила по себѣ изустную народную легенду, въ которой народъ удержалъ отъ прежней думы четыре стиха, составляющія рѣчь Михайлика къ кіевлянамъ. Когда татары (здѣсь, вѣроятно, во времена Батыя) подступили къ Кіеву, витязь Михайликъ попалъ стрѣлою въ миску обѣдавшему татарину (главному изъ нихъ). Понимая, что въ Кіевѣ есть славный богатырь, татаринъ послалъ къ кіевлянамъ сказать, что онъ отступитъ отъ города, если ему выдадутъ Михайлика. Кіевляне согласились. Тогда Михайликъ сказалъ имъ: «О, кіяне, кіяне, честная громада! Вашъ совѣтъ никуда не годится. Еслибы вы Михайлика не выдавали, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, татары не взяли бы Кіева» *). Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ на свое копье кіевскія золотыя ворота и проѣхалъ черезъ татарское войско невидимо для татаръ. Враги бросились въ Кіевъ въ пустое мѣсто, гдѣ стояли золотыя ворота, унесенныя на копьѣ богатыремъ. Михайликъ съ золотыми воротами уѣхалъ въ Царьградъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ: передъ нимъ стоитъ стаканъ воды и лежитъ просфора; другаго онъ ничего не ѣстъ. Ворота стоятъ въ Цареградѣ, но будетъ такое время, когда Михайликъ возвра-

*) Ой кияне, кияне, панове громада!
Погана ваша рада:
Якъ би ви Михайлика не оддавали,
Поки світъ сонце, вороги бъ Киева не доставали.

Digitized by Google

тится въ Кіевъ и поставитъ ворота на свое мѣсто. Теперь же пока они стоятъ въ Цареградѣ, и если кто, пройдя мимо ихъ, скажетъ: «быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и заблеститъ, а если скажетъ: «не быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и померкнетъ.

Видно, что дума, которой слѣды замѣтны въ этой легендѣ, существовала до паденія Константинополя, такъ какъ и въ легендѣ Царьградъ, очевидно, еще христіанскій городъ. Видно, что народъ питалъ еще желаніе и надежду возобновленія прежней независимости и значенія Кіева, выразивъ это въ образѣ возвращенія Михайлика въ Кіевъ съ золотыми воротами. По этому остатку можно заключить, что прежняя дума, относительно своего духа и способа поэтическаго воззрѣнія, отличалась отъ тѣхъ, которыя намъ остались отъ временъ казачества. Здѣсь господствуетъ эпическій характеръ, сближающій это произведеніе съ великорусскими былинами; вѣроятно, Василій Пьяница въ послѣднихъ (Кирѣев., т. 1, ч. 2)—есть тотъ же, но искаженный, Михайликъ. Въ малорусскомъ произведеніи эпическая гипербола имѣетъ смыслъ аллегоріи. Михайликъ—какъ бы олицетвореніе народной самосилы, которая когда-то должна подняться. По извѣстному намъ иному варіанту той легенды, онъ называется Михайло Симилітокъ и представляется необыкновеннымъ ребенкомъ: ему предстоитъ возрастать въ Цареградѣ. Этотъ мотивъ—изображать необыкновенныя качества ума и тѣлесной силы въ дѣтяхъ—присущъ южнорусскому вымыслу. Такъ въ древней повѣсти о Басаргѣ, купцѣ кіевскомъ, дѣйствуетъ тоже необыкновенный ребенокъ, а въ сказкѣ о дѣвкѣ семилѣткѣ—маленькая дѣвочка изумляетъ своею смѣтливостью и находчивостью. Въ сказкахъ болѣе или менѣе одинаковыхъ или сходныхъ съ великорусскими третій сынъ—въ великорусскихъ редакціяхъ обыкновенно дурачокъ, въ малорусскихъ—часто малолѣтокъ. Въ этой чертѣ мы осмѣливаемся видѣть глубоко-лежащее въ народѣ предпочтеніе грядущаго предъ прошедшимъ, будущихъ поколѣній предъ отжившимъ, юнаго предъ увядающимъ.

Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ, преимущественно колядкахъ (особенно галицкихъ), мы встрѣчаемъ такія черты, которыя сильно присущи удѣльно-вѣчевому строю южнорусскаго края. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ колядкахъ обращаются къ хозяину (пану господарю), приписывая ему признаки, которые никакъ не приличны поселянину и вполнѣ приличны

Digitized by Google

древнему князю; повидимому, такого рода колядки пѣлись когда-то князьямъ и боярамъ и, переживъ ихъ, теперь уже совсѣмъ не кстати поются поселянамъ. Такъ, напримѣръ, господаря нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ Судомиръ (едва ли Сендомиръ, а скорѣе аллегорическое названіе города, гдѣ происходитъ судъ и устанавливается миръ) судить суды и раздавать села: населили три села людьми [1]). Князья, какъ извѣстно, разъѣзжали по землѣ творить судъ, раздавали села и населяли ихъ пришлыми людьми. Въ другой пѣснѣ онъ ѣдетъ въ Судомиръ судить суды и получаетъ за то три села,—черта очень важная, объясняющая историческій фактъ древняго удѣльно-вѣчеваго быта. Князю села давались въ вознагражденіе за его обязанности, въ числѣ которыхъ былъ судъ. У господаря дворъ представляется какъ городъ, гдѣ живетъ князь; тамъ собирается народное собраніе—древнее вѣче [2]); его дворъ также обнесенъ каменною стѣною, тамъ собираются люди, ставятъ шатры, въ тѣхъ шатрахъ сидитъ господинъ; онъ выдѣлываетъ стрѣлы и кладетъ на лукъ: лукъ и стрѣлы сами по себѣ уже признаки давняго угасшаго быта [3]). Это приготовленіе къ войнѣ.

---

[1]) Ой поіхавъ вінъ до Судомира
Суди судити, села ділити,
Насадили в'ни три села людьми.
(Чт. 1864. 1. 11).

Или:

Поіхавъ же вінъ до Судомира.
Щожъ тамъ поіхавъ?—Суди судити.
Щожъ ему дано за тоти суди?—
Ой дано ему та три селечки.
(Чт. 1864. 1. 33).

[2]) У господаря остроженний двіръ,
Остроженний двіръ, тамъ збираеться збіръ,
Все старні люди радять радочку,
Невеличкую, стародавнюю.

Или:

Стояла сосна високого роста,
Підъ тою сосною громада людей,
А міжъ ними гречний панъ
Свого коня въ рученькахъ водить.

[3]) Обмуровавъ двіръ білымъ камнемъ,
А воретечка зъ жовтои міди.
А тамъ люди ставять намети,

Digitized by Google

Въ другой колядкѣ видимъ древняго князя, собирающаго удалую рать и идущаго вмѣстѣ съ родителемъ на чужое княженіе; онъ готовитъ золотой лукъ (т. е. въ золото оправленный), снопъ стрѣлъ и зоветъ отца вмѣстѣ съ собою идти на Галичъ [1]). Есть черты, напоминающія значеніе княжескаго стяга, очень важнаго знака по лѣтописямъ [2]). Много есть колядокъ, сходныхъ по содержанію, распространенныхъ по всей странѣ, гдѣ живетъ малорусское племя: изображается, что молодецъ собираетъ войско, приступаетъ къ городу и задаетъ ему страху: жители приходятъ въ смятеніе и предлагаютъ ему окупъ [3]) то

---

А въ тихъ наметахъ сидить панъ Иванько,
Стрілочки струже, на лучокъ кладе,
А зъ лучка бере та й заправляе.
[1]) Коня сідлае, зброю сбирае,
Бере вінъ собі та сніпокъ стрілокъ,
Золотий лучокъ, ясну шабельку,
Та до батенька вінъ промовляе:
«Най ся батенько борзо збирае,
Ой поідемо та до Галича».

(Чт. 1864. 1. 62).

[2]) По підъ Каменець битий гостинецъ;
Тамъ війско стоить, ладу не знае.
Панъ (имр.) прійшовъ, ладъ війску знайшовъ,
Ставъ звівъ корогву, берегомъ пійшовъ.
[3]) Тамъ війско ишло, ладу не найшло;
Иванько ишовъ, ладъ війску найшовъ,
Велівъ гармати порихтувати,
Въ Вирвий городъ стріли пускати.
Всі міщаночки изляклися,
По ринку ходять, рученьки ломлять,
Рученьки ломлять и радоньку радять,
Що такому паняти за дару дати,
Винесли ему мису червонихъ и пр.

(*Метл.* 335).

Или:

Ой підъ Львовомъ на оболоню.
Тамъ Ивасенько коникомъ грае,
Коникомъ грае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на злоту баню стріляе,
Вийшли до него та три міщане,
Винесли ему мису червонихъ.

(Чт. 1864. 1. 64).

Digitized by Google

тѣмъ, то другимъ; обыкновенно, въ колядкѣ молодецъ не беретъ ни денегъ, ни даровъ, а добываетъ себѣ красную дѣвицу: послѣдняя черта выражаетъ только обычное желаніе неженатому молодцу жениться. Колядки эти носятъ черты княжескихъ временъ, когда дѣйствительно удалые князья съ своими дружинами и ратями осаждали города и брали съ нихъ окупъ или предавали на щитъ. Любимое развлеченіе князей, о которомъ въ лѣтописяхъ сохранились повѣствованія,—охота—отразилось также и въ колядкахъ. Въ повсемѣстно-распространенной колядкѣ представляется молодецъ, который будитъ свою братію, велитъ сѣдлать коней, скликать псовъ и ѣхать на охоту: братьямъ будетъ куница въ деревѣ (дуплѣ), а ему достанется дѣвица въ теремѣ. Кромѣ образа, чрезвычайно подходящаго къ древней княжеской жизни, самый языкъ этой колядки вѣетъ древностью, какъ показываютъ слова, теперь уже не употребительныя: *кура* вмѣсто пѣтуха (півні), *теремъ*, *лукъ* [1]). Составленіе дружинъ, пристававшихъ къ князьямъ въ надеждѣ выгодъ, нашло себѣ также память въ колядкахъ. Изображается сборъ молодцовъ, которые готовятся идти на службу къ пану [2]),

---

[1]) Ой рано, рано кури запіли,
А ще раннійше панъ Михайло вставъ,
Панъ Михайло вставъ, лучкомъ задзвонивъ,
Лучкомъ задзвонивъ, братівъ побудивъ;
Братці, вставайте, кони сідлайте,
Кони сідлайте, хорти скликайте;
Поідемъ, братци, въ чистее поле,
Въ чистее поле, на полованье;
Навідавъ и вамъ куну въ дереві,
Куну въ дереві, дівку въ теремі;
Вамъ, братці, буде куна въ дереві,
А мині, братці, дівка въ теремі.

Или:

Поідемо ми въ чистее поле,
Въ чистее поле, въ темний лісокъ,
За чорнимъ туромъ,
За грубимъ віпремъ.

[2]) А въ чистімъ полі, блізько дороги,
Стоять намети білі шовкові,
А въ тихъ наметахъ все громадове,
Радонько радять, коби врадили.
Ой не справляймо на жони шуби,

Digitized by Google

даже въ далекую страну—въ Царьградъ, куда, какъ извѣстно, ходили русскіе опредѣляться на службу у греческихъ императоровъ *). Эти же дружины возводили и прогоняли князей. Эту черту, какъ намъ кажется, слѣдуетъ видѣть въ одной колядкѣ, гдѣ молодецъ беретъ въ плѣнъ короля (князь могъ легко замѣниться въ пѣснѣ королемъ, тѣмъ болѣе, что въ Червонной Русси Данило остался въ исторіи подъ именемъ короля). Король проситъ, чтобъ его отпустили или убили, но молодецъ говоритъ, что онъ не убьетъ его и не пуститъ, а повезетъ въ Русскую землю: въ Русской землѣ нѣтъ короля, такъ плѣнникъ будетъ коро-

---

На жони шуби, на дочки злото,
Ано справляймо мідяні човна,
Мідяні човна, срібниі весла,
Та пускаймося края Дуная;
Чуеможъ ми тамъ доброго пана,
Доброго пана, то пана Петра,
Що платить добре за заслужейку.
Ой дае на рікъ по сто червонихъ,
По коникові по вороному,
По жупанові по китаеву,
По ясній стрільці, по хороший дівці.

Или:

Ои чи много насъ, панове, молодці,
Изложимося та по золотому,
Купимъ собі золотого човна,
Та поідемо пана шукати,
Пана шукати, на имя Ивана,
То ми ему будемъ вірне служити,
То вінъ намъ буде добре платити,
Що не діноньки по золотому,
Що місяченька по чорвоному.
*) Ой пустіможъ ся на тихий Дунай,
Долівъ Дунаемъ підъ Цареградъ;
Ой чаемо тамъ доброго пана,
Що платитъ добре за заслуженьку.
Ой дне на рікъ по сто червонихъ,
По коникові та й по шабельці,
По парі суконъ та й по шапочці,
Та й по шапочці, та й по панночці.

(Чт. 1864. 1. 67).

Digitized by Google

лемъ [1]). Но въ другомъ варіантѣ подобной колядки молодецъ побѣждаетъ такимъ же образомъ и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя и хочетъ его везти въ Чешскую землю, гдѣ нѣтъ короля, и самъ молодецъ какъ бы за такой подвигъ будетъ королемъ въ Чешской землѣ [2]). Здѣсь первоначальные образы видоизмѣнились: турецкій царь явился впослѣдствіи, а Чешская земля, должно-быть, вошла сюда изъ какого-то другаго народнаго памятника, въ которомъ, быть-можетъ, оставалась память Данилова похода въ Чехію (въ 1254 г. См. Полн. Собр. лѣт., II, 184), или же русскихъ во времена гуситовъ.

Походы князей въ чужія земли для пріобрѣтенія славы и богатствъ нашли себѣ только отголосокъ въ колядкахъ и притомъ очень ясно, такъ что въ этомъ случаѣ прямо говорится о княгинѣ и ея мужѣ-князѣ, воротившемся изъ Угоръ домой: братья распрашиваютъ его, что дѣлается въ Угорской землѣ [3]). Въ дру-

---

[1]) Коника гонивъ, короля ловивъ,
По чагарочку, по пожарочку,
А въ его король силне прохався:
«Або мене зотни, або мене пусти,
А ні тебе зотну, а ні тебе пущу,
Повезу тебе у свою землю,
А въ Руський земли нема князя,
Ти будешъ королемъ, намъ слава буде».

[2]) Ой якъ го узрівъ, та й мечемъ извівъ,
Якъ панокъ нашъ тявъ,то туръ царя стявъ;
Ой взявъ же его по підлі коня,
А повізъ его въ Ческую землю,
А въ Ческій землі короля нема;
Ой ти, паночку, господаречку,
А въ Ческій земли королемъ будешъ.
(Чт. 1864. 1. 30).

[3]) Тісові сінці, яворові скидці
Ходить ми по нихъ молода княгиня;
На тій княгині кований поясъ,
На тімъ поясі золоті ретязка,
На тихъ ретязькахъ мідяні ключи.
Мідяні ключи тихо дзвиніте,
Тихо дзвиніте, пана не збудіте,
Бо теперъ нашъ панъ зъ Угоръ приіхавъ;
Зійшлися къ нему виштки панове,
Виштки панове, его братове,

Digitized by Google

гомъ варіантѣ говорится, что мужъ пріѣхалъ изъ горъ и привезъ женѣ дары [1]), а въ иномъ сестра хвилится, что братъ ея пріѣхалъ съ войны и привезъ ей подарковъ [2]). Въ иной колядкѣ описывается походъ въ «німеччину», откуда молодцъ везетъ деньги, которыми будетъ платить войску [3]).

Въ колядкахъ можно найти и другія черты нравовъ удѣльно-вѣчеваго быта, извѣстныя намъ по лѣтописямъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ изъ лѣтописныхъ источниковъ, какъ нѣкоторые князья приглашали къ себѣ мастеровъ иноземцевъ и воздвигали храмы (см. напр. Полн. собр. лѣт., II, 136), но также встрѣчаемъ и примѣры своеволія князей, которые при случаѣ и грабили ихъ (тамъ же, II, 111), и это встрѣчаемъ въ колядкѣ: волохи строятъ церковь, а панъ велитъ засадить ихъ въ тюрьму и забрать у нихъ серебро [4]). Достойно замѣчанія, что такой

---

Стали ся ёго вивідувати:
Ой пане, пане, шо тамъ чувати,
Що тамъ чувати въ Угорсьский землі?
Угорська земля пречъ поёрана,
Пречъ поёрана и посіяна,
Павяннимъ перцемъ заволочона,
Ясними мечами обгорожена,
Обгорожена одъ злоі тучи.

[1]) Наша княгинька господиноньки
Ключами дзвонить, до нихъ говорить:
«Ой ключи мои срібні, золоті,
Ой не дзвоніте, не голосіте,
Ой мого пана та не збудіте,
Бо мій панъ теперъ зъ гіръ прийшовъ,
Привізъ вінъ мені дорогиі дари.

[2]) Теперъ мій братикъ зъ войни приіхавъ,
А привізъ мині та три радощи,
Первая радощъ—перловий вінокъ,
Другая радощъ—золотий перстень,
Третья радощъ—дорога суконька.

[3]) Зъ німещини иде, грошики несе,
Грошики несе, коника веде,—
Грошиками віську платити
А коникомъ зъ віськомъ ся бити.

[4]) Генъ тамъ волохи церкву муруютъ,
Ой коло споду камінічейкомъ,
А въ середині деревічейкомъ,

Digitized by Google

поступокъ не порицается, а какъ бы славится; точно также отголоскомъ тѣхъ временъ, когда грабежъ не всегда былъ предосудителенъ, но даже считался дѣломъ молодечества и доблести можетъ считаться колядка, въ которой изображается дѣвица, ограбившая трехъ купцовъ [1]). Въ колядкахъ встрѣчаемъ и внезапные набѣги иноплеменниковъ, которые могли въ оное время быть печенѣгами, половцами или уграми, а впослѣдствіи замѣнились въ пѣсняхъ турками [2]).

Въ этомъ отношеніи особенно выдается рѣзкостью чертъ, переносящихъ въ княжескія времена, одна червонорусская колядка (о которой мы уже упоминали по поводу символики терна): разведенъ огонь терновый, водятъ около него хороводъ (по-мал. «танецъ») а въ хороводѣ (замѣтимъ, что слово танецъ иносказательно употреблялось и въ смыслѣ битвы) ходитъ князь Иванко съ соколомъ на головѣ; въ одной рукѣ у него гусли, а другою ведетъ коня. Увидалъ его панъ и приказалъ взять въ неволю; его соколъ жалобно кричитъ,—хочется ему взлетѣть на голову князю; играютъ гусли,—вспоминаютъ Иванка; его конь скребетъ землю,—хочется ему въ поле; Иванко плачетъ,—хочется ему къ милой [3]).

---

А къ вершечькові сріблом, золотомъ.
Виділи ми то панскиі слузи,
Скоро ввіеділи пану, повіли;
Идьте же ви, идьте, волохивъ возьміте,
Волохівъ возьміте, въ темницю всадіте
Въ темницю всадіте, срібло заберіте
(*Чт.* 1864. 1. 12).

[1]) А вна жъ бо ся поміркована,
Три крамарчики загрібовала:
Въ едного взяла сивъ кониченька,
Въ другого взяла ясну шабельку,
Въ третего взяла дорогу шубу.
(*Чт.* 1864, 1. 84).

[2]) Ой стучить, грімить зъ поля сторожа.
Та вдариться въ жовті ворота,
Пане Иване, чи спишъ, чи не спишъ?
Ой коли не спишъ—Господь зъ тобою:
Що въ твои городи турки вступили,
Ой я тихъ турківъ та не боюся.

[3]) А въ таньци ходитъ княгня Иванко,
На головойці сокола носитъ,
Въ правій ручейці коничка водитъ,

Digitized by Google

Подобный образъ взятія въ плѣнъ князя былъ не рѣдкостью; но эта пѣсня болѣе всего напоминаетъ намъ судьбу Ивана Берландика, изгнанника и скитальца, который притомъ нѣсколько времени находился въ неволѣ и въ оковахъ. Мы однако не рѣшимся утверждать, чтобъ эта колядка непремѣнно относилась къ нему. Довольно того, что его судьба можетъ служить образчикомъ той бытовой стороны княжескаго періода, которая выражается въ приведенной нами пѣснѣ.

Наконецъ замѣтимъ, что слѣды воззрѣній, вообще присущихъ княжескому періоду, видны отчасти и въ княжескихъ обрядахъ, тѣсно соединенныхъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Женихъ носитъ названіе князя, а невѣста—княгини, сопутники жениха—его бояре; одинъ изъ нихъ называется старшимъ, точно такъ же, какъ и около князя были старшіе и младшіе бояре. Подруги невѣсты—«дружки»—названіе, напоминающее дружину. Новобрачныхъ, въ знакъ вступленія въ ихъ достоинство, сажаютъ на посадъ, такъ точно, какъ и князей сажали на столъ, въ знакъ вступленія въ должность. Даже весь свадебный ритуалъ какъ будто представляетъ въ семейной жизни параллельный образъ тому, что происходило въ общественной жизни. Женихъ соединяется съ невѣстою, какъ князь съ землею. Какъ у земли были свои бояре, свои старосты, какъ у князя свои, такъ у жениха и невѣсты свой свадебный чинъ. Сначала обѣ стороны становятся какъ будто бы въ позицію, готовые перейти во вражду; сторона невѣсты хочетъ показать свою самостоятельность, братъ

---

Въ лівій ручейці гусевки носитъ,
Нихто не видівъ, лемъ пански слузи
Скоро ввиділи, пану доповіли:
Ой идьте, идьте, Иванка звязите,
Иванка звязите, ту го приведіте,
Соколойка пустьте до соківниці,
Гусовки шмарьте до гусевници,
Коничка вставте до конничейки,
Иванка всадьте до темничейки.
Соколикъ квілитъ, головойки хоче;
Гусевки граутъ, Иванка споминаутъ;
Коничокъ греде, до поля хоче;
Иванко плаче, до милейкой хоче.

(Чт. 1864. 1. 57).

Digitized by Google

невѣсты готовится защищаться и не давать жениху мѣста, а потомъ заключаетъ съ нимъ договоръ и взводитъ его на посадъ. Близь него держатъ знакъ, называемый мечъ, что, какъ извѣстно, было символомъ княжеской власти. Это сближеніе происходитъ оттого, что одинакій складъ древнихъ представленій отражался одинаковымъ образомъ какъ въ области семейной, такъ и общественной.

Н. Костомаровъ.



Digitized by Google

# ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV НА ЗАПАДѢ, ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ВОСТОКѢ ЕВРОПЫ *).

## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

### IV (Продолженіе).

### Умственное движеніе Англіи, Франціи и Германіи въ первую половину XVIII вѣка.

### 2) ВО ФРАНЦІИ.

За Вольтеромъ въ Англію на поклоненіе ея учрежденіямъ явился Монтескьё. Недовольство, отрицательное отношеніе къ своему должно было прежде всего высказываться въ сатирѣ на современное состояніе общества, на существовавшія учрежденія; умы болѣе сильные не могли останавливаться на отрицаніи; въ исканіи чего-нибудь положительнаго, болѣе питательнаго для мысли они обращались къ исторіи, именно къ древней, потому что знали ее лучше и потому что видѣли въ ней явленіе, противоположное явленіямъ своего настоящаго. Но древняя исторія не могла удовлетворить ихъ, и въ настоящемъ они влеклись къ острову, знаменитому своими свободными учрежденіями, своимъ благосостояніемъ и результатами свободнаго движенія мысли. Монтескьё началъ сатирою на французское государство и общество, потомъ остановился на древней исторіи, на самомъ любопытномъ вопросѣ: какъ возникла и почему пала древняя свобода, древняя республика, и наконецъ написалъ знаменитый «Духъ законовъ», отправившись отъ англійскихъ учрежденій, для которыхъ начерталъ теорію. Грѣхъ юности Монтескьё—это «Персидскія письма»—сатира въ очень замысловатой, удобной формѣ: человѣкъ изъ совершенно другаго міра,

*) «Бесѣда» №№ 4 и 11.

Digitized by Google

азіатецъ, персіянинъ пріѣхалъ въ Парижъ, наблюдаетъ и описываетъ то, что особенно поразило его вниманіе. Что же особенно поразило персіянина, т. е. что особенно было на сердцѣ у тогдашнихъ либераловъ, къ которымъ принадлежалъ авторъ «Персидскихъ писемъ»?

Если сильная власть Людовика XIV была естественною реакціей смутамъ фронды, то либеральныя движенія французскаго общества въ описываемое время были реакціею злоупотребленіямъ власти при великомъ королѣ, и сатира, явившаяся выраженіемъ этихъ либеральныхъ движеній, разумѣется, не отнесется благодушно къ человѣку, злоупотребившему своею властію. Персіянинъ пріѣхалъ во Францію въ послѣднее время царствованія Людовика XIV и пишетъ: «Французскій король старъ; говорятъ, что онъ въ высочайшей степени обладаетъ талантомъ—заставлять повиноваться себѣ; онъ часто говоритъ, что изо всѣхъ образовъ правленія турецкій или персидскій болѣе всего ему нравится». Персіянинъ нашелъ не разрѣшимыми противорѣчія въ характерѣ Людовика: «у него министръ 18 лѣтъ, а любовницѣ 80; онъ любитъ свою религію, но не терпитъ такихъ, которые говорятъ, что надобно соблюдать ее во всей строгости; онъ бѣжитъ шума городовъ и мало общителенъ, а междутѣмъ съ утра до ночи занятъ только тѣмъ, чтобы заставлять говорить о себѣ; онъ любитъ трофеи и побѣды, но точно также непріятно видѣть ему хорошаго генерала въ челѣ своихъ войскъ, какъ и въ челѣ непріятельскихъ; только ему удалось въ одно время имѣть столько богатствъ, сколько ни одинъ государь не можетъ надѣяться имѣть, и быть угнетеннымъ такою бѣдностію, какой частный человѣкъ не можетъ выдержать. Онъ любитъ награждать людей, которые ему служатъ; но онъ также щедро награждаетъ усердіе или, лучше сказать, праздность своихъ придворныхъ, какъ и трудные походы своихъ генераловъ; часто онъ предпочитаетъ человѣка, который его раздѣваетъ или служитъ за столомъ, другому, который беретъ непріятельскіе города или одерживаетъ побѣды. Онъ не думаетъ, что верховная власть должна чѣмъ-нибудь стѣсняться въ раздачѣ милостей, и, не обращая вниманія на то, достоинъ ли того человѣкъ, осыпаемый его милостями, думаетъ, что его выборъ дѣлаетъ его достойнымъ. Онъ великолѣпенъ, особенно въ своихъ постройкахъ: въ садахъ его дворца больше статуй, чѣмъ гражданъ въ большомъ городѣ». Выходку противъ уничтоженія нант-

*

Digitized by Google

скаго едикта авторъ прикрылъ слѣдующимъ письмомъ персіянина: «Ты знаешь, мирза, что министры шаха Солимана приняли намѣреніе изгнать изъ Персіи всѣхъ армянъ или заставить ихъ обратиться въ магометанство, думая, что государство наше будетъ постоянно осквернено, если сохранитъ въ своихъ нѣдрахъ этихъ невѣрныхъ. Не извѣстно, какъ дѣло не удалось; случай занялъ мѣсто разума и политики и спасъ государство отъ опасности большей, чѣмъ еслибъ оно потерпѣло три пораженія и потеряло два города. Изгнаніемъ армянъ Персія въ одинъ день лишилась бы всѣхъ купцовъ и всѣхъ ремесленниковъ. Я увѣренъ, что великій шахъ Аббасъ скорѣй отрубилъ бы себѣ обѣ руки, чѣмъ подписалъ бы такой указъ, и, отсылая къ Моголу и другимъ владѣльцамъ Индіи самыхъ промышленныхъ своихъ подданныхъ, онъ счелъ бы, что отдаетъ имъ половину своего государства. Уже и такъ преслѣдованія, которыя терпѣли у насъ гебры, заставили ихъ толпами бѣжать въ Индію и лишили Персію трудолюбиваго народа, который одинъ былъ въ состояніи побѣдить безплодіе нашей почвы. Оставалось благочестію нанести второй ударъ: уничтожить промышленность, а чрезъ это государство падало само собою и съ нимъ необходимо падала та самая религія, которую хотѣли сдѣлать цвѣтущею». Тутъ авторъ сходитъ съ высоты терпимости и унижается до соображенія, что различіе религій полезно для государства: «Замѣчено, что жители, исповѣдующіе вѣру терпимую, бываютъ полезнѣе своему отечеству, чѣмъ тѣ, которые исповѣдуютъ вѣру господствующую, ибо, удаленные отъ почестей, имѣя возможность отличиться только богатствомъ, они стараются пріобрѣсти его трудомъ и потому не избѣгаютъ занятій самыхъ трудныхъ. Такъ какъ всѣ религіи содержатъ правила полезныя для общества, то хорошо, когда эти правила ревностно соблюдаются; но самое лучшее средство возбудить эту ревность—многоразличіе религій. Исповѣдующіе разныя религіи—это соперники, которые не прощаютъ ничего другъ другу. Каждый боится сдѣлать что-нибудь безчестное для его партіи и выставить ее на позоръ, предметомъ порицанія для партіи противной. Пусть говорятъ, что не въ интересахъ государя терпѣть многія религіи: еслибы секты всего міра собрались въ одно государство, то онѣ не повредили бы государю, потому что каждая изъ нихъ предписываетъ повиновеніе властямъ. Правда, что исторія наполнена религіозными вой-

Digitized by Google

нами, но онѣ проистекали не отъ многоразличія религій, но отъ духа нетерпимости религіи господствующей».—Мы видимъ еще здѣсь дѣтскую поверхностность взгляда при рѣшеніи одной изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ жизни человѣчества; поклонникъ разума совершенно равнодушенъ къ религіи, чуждъ религіознаго чувства, а между тѣмъ позволяетъ себѣ толковать о религіи и сейчасъ же, разумѣется, несетъ наказаніе искаженіемъ исторіи, на которую рѣшился сослаться: какъ будто новая религія, проповѣдники которой отличаются сильнымъ убѣжденіемъ, можетъ оставить въ покоѣ другія религіи, пока не пріобрѣтетъ господства, пока не утвердитъ, по убѣжденіямъ ея поклонниковъ, истиннаго отношенія человѣка къ Богу: да и эти самые господа-проповѣдники поклоненія разуму человѣческому, требовавшіе сначала только терпимости, жаловавшіеся на гоненіе отъ церковной и свѣтской власти,—вѣдь они требовали ни больше, ни меньше какъ права проповѣдовать свое ученіе, разрушающее всѣ религіи,—а развѣ не извѣстно, что они наконецъ пріобрѣли господство,—и что же, отличались они терпимостію во время этого господства? Эти люди не хотѣли понять, что если безчестно требовать отъ отдѣльнаго человѣка полнаго равнодушія и спокойствія, когда въ его глазахъ принимаются всѣ мѣры противъ его благосостоянія и существованія, то также безчестно требовать этого и отъ цѣлыхъ учрежденій.

По поводу смерти Людовика XIV персіянинъ пишетъ: «Нѣтъ болѣе монарха, который царствовалъ такъ долго; при жизни онъ заставлялъ много говорить о себѣ; всѣ смолкли при его смерти». По поводу преемника Людовика XIV персіянинъ указываетъ на одно изъ самыхъ сильныхъ золъ, которымъ страдала дряхлая французская монархія: «Говорятъ, что нельзя узнать характеръ западнаго короля до тѣхъ поръ, пока онъ не прошелъ чрезъ два великія испытанія—любовницу и духовника. Въ молодости короля эти двѣ силы соперничаютъ другъ съ другомъ, но онѣ примиряются и заключаютъ союзъ во время его старости. Когда я пріѣхалъ во Францію, то покойный король находился совершенно во власти женщинъ. Я слышалъ, какъ одна женщина говорила: «Непремѣнно надобно сдѣлать что-нибудь для этого молодаго полковника; его храбрость мнѣ извѣстна; я поговорю о немъ съ министромъ». Другая говорила: «Удивительно, что объ этомъ молодомъ аббатѣ забыли;

Digitized by Google

ему надобно быть епископомъ; онъ изъ хорошей фамиліи, и я ручаюсь за его нравственность». И не воображай, чтобъ эти дамы были въ большой милости у короля: онѣ, можетъ-быть, во всю жизнь не говорили съ нимъ двухъ разъ. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ, занимающій сколько-нибудь значительную должность при дворѣ, въ Парижѣ или въ провинціяхъ, имѣетъ женщину, чрезъ руки которой онъ получаетъ всѣ милости и которая защищаетъ его отъ послѣдствій дѣлаемыхъ имъ несправедливостей. Эти женщины находятся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и образуютъ родъ республики, которой члены, вѣчно дѣятельные, помогаютъ и служатъ другъ другу. Кто видитъ дѣятельность министровъ, начальствующихъ лицъ, прелатовъ и не знаетъ женщинъ, которыя ими управляютъ, всеравно что видитъ машину въ ходу, но не имѣетъ понятія о пружинахъ, приводящихъ ее въ движеніе».

Но отъ Монтескье съ товарищами, какъ отъ поклонниковъ разума, мы должны ждать самыхъ сильныхъ выходокъ противъ другой власти, другаго авторитета—церковнаго. Персіянинъ называетъ французскаго короля великимъ волшебникомъ, потому что онъ можетъ заставить своихъ подданныхъ вѣрить, что одна монета имѣетъ цѣнность двухъ такихъ же; но есть еще волшебникъ посильнѣе—папа, который можетъ заставить народъ вѣрить вещамъ менѣе имовѣрнымъ. Въ этихъ выходкахъ Монтескьё для историческаго изученія важны не пошлыя выходки противъ христіанства и религіи вообще, но выходки противъ тѣхъ слабыхъ мѣстъ современной французской церкви, которыя защитники религіи защищать не могли и которыя увеличивали силу враждебнаго церкви направленія. Епископы, пишетъ персіянинъ, когда находятся въ собраніи, то поставляютъ религіозныя правила, когда же дѣйствуютъ порознь, то занимаются только разрѣшеніями отъ соблюденія этихъ правилъ. Монтескьё, разумѣется, не упустилъ случая посмѣяться на самомъ твердомъ основаніи насмѣшки, на противоположности слова и дѣла, проповѣди и провѣдника. Персіанинъ не могъ не замѣтить толстенькаго человѣка въ черномъ платьѣ, но печальный цвѣтъ одежды находился въ противоположности съ веселымъ видомъ и цвѣтущимъ лицомъ господина, причесаннаго съ большею тщательностію, чѣмъ причесывались дамы; персіянинъ пишетъ, что этотъ господинъ отлично знаетъ слабости женщинъ и женщины знаютъ его собственную слабость. Персіянинъ замѣтилъ, что гуляки содер-

Digitized by Google

жать во Франціи огромное количество женщинъ вольнаго поведенія, а люди набожные содержатъ великое множество дервишей, у которыхъ три обѣта—новиновеніе, бѣдность и цѣломудріе, но изъ этихъ обѣтовъ соблюдается только первый; скорѣе султанъ откажется отъ своихъ великолѣпныхъ титуловъ, чѣмъ французскіе дервиши отъ титула бѣдности, ибо титулъ бѣдныхъ служитъ имъ главнымъ препятствіемъ быть дѣйствительно бѣдными. Персіянинъ замѣтилъ и мѣтко описалъ это печальное состояніе общества, когда многіе, не отказываясь отъ религіи, перестали быть религіозными: «я не замѣтилъ между христіанами этого живаго религіознаго убѣжденія, которое господствуетъ между магометанами. Религія у нихъ составляетъ для всѣхъ предметъ спора; придворные, военные, даже женщины поднимаются противъ духовенства и требуютъ у него доказательствъ тому, во что рѣшились не вѣрить. Это рѣшеніе составилось не вслѣдствіе убѣжденій разума, не вслѣдствіе того, что они потрудились изслѣдовать истину или ложность отвергаемой ими религіи,—это бунтовщики, которые почувствовали иго и свергли его прежде, чѣмъ сознали. Поэтому они такъ же слабы въ своемъ невѣріи, какъ и въ своей вѣрѣ; они живутъ въ приливѣ и отливѣ, которые носятъ ихъ отъ одного къ другой».

Персіянинъ замѣтилъ отсутствіе жизни и въ другомъ сословіи, которое прежде стояло наверху по своимъ личнымъ качествамъ, а теперь, утративъ эти качества, старалось напомнить о своемъ значеніи внѣшними пріемами, способными производить сильное раздраженіе и ускорить переворотъ. Пріятель персіянина сказалъ ему, что повезетъ его къ одному изъ самыхъ знатныхъ и представительныхъ людей. «Что это значитъ?» спросилъ мнимый азіатецъ: это значитъ, что онъ учтивѣе, ласковѣе другихъ?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ пріятель: это значитъ, что онъ даетъ чувствовать каждую минуту свое превосходство надъ всѣми тѣми, которые къ намъ приближаются».—«Я увидалъ, пишетъ персіянинъ, маленькаго человѣчка, которому не могъ не удивиться: такъ онъ былъ гордъ, съ такимъ высокомѣріемъ нюхалъ табакъ, такъ громко сморкался, съ такою величественною медленностію плевалъ, ласкалъ своихъ собакъ такъ оскорбительно для людей! Надобно намъ имѣть слишкомъ гадкую натуру, чтобы позволить себѣ дѣлать сотню маленькихъ обидъ людямъ, которые ежедневно приходятъ къ намъ съ заявленіемъ своего добраго расположенія». Не по-

Digitized by Google

щажена и новая денежная аристократія. Персіянинъ освѣдомляется у своего пріятеля, кто это человѣкъ, который такъ много говоритъ объ обѣдахъ, данныхъ имъ знати, который такъ близокъ съ вашими герцогами, который такъ часто говоритъ съ вашими министрами? Должно-быть, это человѣкъ очень значительный; но у него такая пошлая физіономія, что не дѣлаетъ чести людямъ значительнымъ, къ тому же это человѣкъ не воспитанный». — «Это откупщикъ, отвѣчалъ пріятель; онъ на столько выше другихъ по своему богатству, на сколько ниже по происхожденію. Оно большой наглецъ, какъ вы видите; но у него превосходный поваръ, и онъ ему благодаренъ: вы слышали, какъ онъ цѣлый день его расхваливалъ»?

Но всего лучше вскрыта одна изъ главныхъ причинъ приближавшагося переворота въ указаніяхъ на безнравственность тогдашняго французскаго общества. Персіянинъ разговорился съ однимъ изъ господъ, счастливыхъ съ женщинами: «У меня нѣтъ другаго занятія, говорилъ этотъ господинъ, какъ привести въ бѣшенство мужа или привести въ отчаяніе отца; насъ нѣсколько такихъ молодыхъ людей, и мы раздѣлили Парижъ, который интересуется нашимъ малѣйшимъ приключеніемъ». — «Что сказать о странѣ, пишетъ по этому поводу персіянинъ, — что сказать о странѣ, гдѣ терпятъ подобныхъ людей, гдѣ невѣрность, похищеніе, вѣроломство и неправда ведутъ къ знаменитости, гдѣ уважаютъ человѣка, который отнимаетъ дочь у отца, жену у мужа? Здѣсь мужья смотрятъ на невѣрность своихъ женъ какъ на неизбѣжные удары судьбы. Ревнивый мужъ считается помѣхою всеобщаго веселья, безумцемъ, который хочетъ пользоваться солнечнымъ свѣтомъ за исключеніемъ всѣхъ другихъ. Игра въ общемъ употребленіи; быть игрокомъ — значитъ имѣть почетное положеніе въ обществѣ. Женщины особенно склонны къ игрѣ». Персіянинъ указываетъ признакъ гніенія общества въ толпѣ людей праздныхъ, живущихъ болтовней, занятыхъ только дѣланіемъ визитовъ и посѣщеніемъ публичныхъ мѣстъ. Одинъ изъ такихъ людей умеръ отъ усталости, и на могилѣ его была начертана слѣдующая епитафія: «Здѣсь покоится тотъ, кто никогда не зналъ покоя: онъ присутствовалъ на 530 похоронахъ, на 2.680 крестинахъ; пенсіи, съ которыми онъ поздравлялъ своихъ друзей, простираются до 2.600.000 ливровъ; путь, который онъ совершалъ по мостовой, до 9.600 стадій, за городомъ до 36.000. Разговоръ его былъ занимателенъ; онъ имѣлъ

Digitized by Google

въ запасѣ 365 разсказовъ, кромѣ того 118 апофтегмъ, заимствованныхъ изъ твореній древнихъ».

Персіянинъ неблагосклонно отнесся къ литературѣ и литераторамъ. Понятно, что отрицательному отношенію къ общественному строю должно было соотвѣтствовать отрицательное отношеніе къ литературѣ, выражавшей этотъ строй и служившей ему: вызывалась новая литература, которая должна была выражать и служить новымъ потребностямъ,—литература съ новыми политическими тенденціями, стремящаяся разрушать старое, пересоздать общество на новыхъ началахъ; литература, писатели, не имѣвшіе такихъ тенденцій, считались пустыми, а имѣвшіе тенденціи другаго рода—вредными. Персіянинъ оскорбляется тѣмъ, что люди, считающіе себя умниками, не хотятъ быть полезными обществу и упражняютъ свои таланты въ пустякахъ; напримѣръ, персіянинъ засталъ ихъ въ пылу спора о самомъ пустомъ предметѣ, именно о степени достоинства одного стараго греческаго поэта, котораго родина и время смерти не извѣстны: споръ шелъ о степени достоинства, ибо всѣ были убѣждены, что это поэтъ превосходный. Выходка Монтескьё противъ споровъ о достоинствѣ Гомера была выходкою противъ всего того направленія, которое господствовало съ эпохи Возрожденія, когда древняя греко-римская жизнь и литература были на первомъ планѣ. «Страсть большей части французовъ, пишетъ персіянинъ,—быть умниками и составлять книги, тогда какъ ничего не можетъ быть хуже этого. Природа мудро распорядилась, чтобы человѣческія глупости были преходящи, а книги даютъ имъ безсмертіе! Глупцу мало того, что наскучиваетъ всѣмъ тѣмъ, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ: онъ хочетъ мучить еще будущее поколѣніе: онъ хочетъ, чтобы потомство знало, что онъ жилъ и что былъ глупъ». Но больше всего въ Персидскихъ письмахъ» достается поэтамъ, и понятно почему: никто такъ не прославилъ непріятнаго теперь вѣка Людовика XIV, какъ поэты; ихъ произведенія сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ народа, его красою и гордостію, а что сдѣлали они для того воспитанія или перевоспитанія народа, какого хотѣлъ Монтескье съ товарищами? Въ одномъ обществѣ персіянинъ встрѣтилъ человѣка дурно одѣтаго, дѣлающаго гримасы, говорящаго какимъ-то страннымъ языкомъ. Когда онъ освѣдомился, кто это, то ему отвѣчали: поэтъ, а поэты самые смѣшные люди на свѣтѣ, поэтому ихъ не щадятъ, ихъ обдаютъ презрѣніемъ. Въ другой разъ персіянинъ вошелъ въ библіо-

Digitized by Google

теку; провожатый указалъ ему на отдѣлъ книгъ и сказалъ: это все поэты, т. е. авторы, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы мѣшать здравому смыслу и обременять умъ украшеніями, какъ нѣкогда обременяли женщинъ нарядами; провожатый сдѣлалъ особенно злую выходку противъ лирическихъ поэтовъ, которыхъ искусство, по его словамъ, состоитъ въ гармонической безсмыслицѣ.

Кромѣ общихъ причинъ, заключавшихся въ характерѣ времени, собственная природа Монтескьё участвовала въ составленіи такого отзыва о поэтахъ. Несмотря на легкій, насмѣшливый характеръ «Персидскихъ писемъ», въ ихъ авторѣ виденъ уже человѣкъ, который не можетъ освободиться отъ серьезныхъ вопросовъ, отъ серьезныхъ думъ надъ общественными явленіями. Онъ уже возбуждаетъ вопросъ о пользѣ и вредѣ цивилизаціи и старается разрѣшить его. Одинъ персіянинъ оспариваетъ пользу цивилизаціи: «я слышалъ, пишетъ онъ, что изобрѣтеніе бомбъ отняло свободу у всѣхъ народовъ Европы: государи, не будучи болѣе въ состояніи ввѣрять охрану крѣпости гражданамъ, которые сдались бы при первой бомбѣ, получили предлогъ содержать регулярныя войска, съ помощію которыхъ поработили потомъ своихъ подданныхъ. Послѣ изобрѣтенія пороха нѣтъ болѣе неприступныхъ крѣпостей, т. е. нѣтъ болѣе на землѣ убѣжища противъ несправедливости и насилія. Я трепещу при мысли, что откроютъ еще новое средство истреблять людей и цѣлые народы. Ты читалъ историковъ: обрати вниманіе на то, что всѣ государства основались во время невѣжества и пали вслѣдствіе излишняго занятія искусствами. Недавно я въ Европѣ, но уже слышалъ отъ разумныхъ людей о свирѣпствахъ химіи: это четвертый бичъ, истребляющій людей, но истребляющій постоянно, тогда какъ война, моръ и голодъ истребляютъ большія массы, но послѣ долгихъ промежутковъ времени. Къ чему послужило изобрѣтеніе компаса и открытіе столькихъ новыхъ народовъ, которые сообщили намъ болѣе свои болѣзни, чѣмъ богатства? Это изобрѣтеніе было гибелью для открытыхъ странъ: цѣлыя народы были истреблены, оставшіеся обращены въ рабовъ».

«Или ты не думаешь того, что говоришь, отвѣчаетъ другой персіянинъ, или ты поступаешь лучше, чѣмъ думаешь? Ты покинулъ отечество для науки—и ты презираешь просвѣщеніе? Подумалъ ли ты о варварскомъ и несчастномъ положеніи, въ какое мы повергнуты потерею образованія! Ты боишься, что вы-

Digitized by Google

думаютъ какое-нибудь новое средство истребленія. Нѣтъ: если пагубное изобрѣтеніе явится, то оно будетъ запрещено народнымъ правомъ, и единодушное соглашеніе народовъ погубитъ его. Для государей нѣтъ выгоды дѣлать завоеванія подобными средствами: они должны искать подданныхъ, а не земли. Ты жалуешься, что нѣтъ болѣе неприступныхъ крѣпостей: значитъ, ты жалѣешь, что теперь войны оканчиваются скорѣе, чѣмъ прежде. Ты долженъ былъ замѣтить, читая исторію, что, со времени изобрѣтенія пороха, битвы стали менѣе кровопролитны, чѣмъ прежде, ибо почти не бываетъ болѣе рукопашныхъ боевъ. Когда говорятъ, что искусства дѣлаютъ людей изнѣженными, то здѣсь рѣчь неидетъ, по крайней мѣрѣ, о людяхъ, которые занимаются искусствомъ, ибо они никогда не бываютъ праздны, а праздность болѣе всѣхъ пороковъ истребляетъ мужество. Въ странѣ образованной люди, которые пользуются удобствами отъ извѣстнаго искусства, принуждены заниматься другимъ искусствомъ, если не хотятъ видѣть себя въ постыдной бѣдности, слѣдовательно праздность и изнѣженность не совмѣстимы съ искусствами. Парижъ, быть-можетъ, самый чувственный городъ въ мірѣ, нигдѣ болѣе не утончаютъ удовольствій; но въ немъ же ведутъ и самую трудовую жизнь. Чтобъ одинъ человѣкъ жилъ роскошно, сотня другихъ должны работать безъ устали. Одна женщина вздумала, что ей надобно явиться въ извѣстномъ обществѣ въ такомъ-то нарядѣ, и вотъ съ этой минуты пятьдесятъ ремесленниковъ уже не спятъ болѣе и не имѣютъ болѣе времени ѣсть и пить; она приказываетъ—и ей повинуются скорѣе, чѣмъ нашему монарху, ибо интересъ есть самый могущественный монархъ на свѣтѣ. Эта страсть къ труду, страсть къ обогащенію идетъ изъ сословія въ сословіе, отъ ремесленниковъ до вельможъ, овладѣваетъ цѣлымъ народомъ, среди котораго только и видишь трудъ, промышленность. Гдѣ же изнѣженный народъ, о которомъ ты толкуешь»?—Дѣло начато слабо, поверхностно, но начато.

Будущій авторъ «Духа законовъ» дѣлаетъ сильную выходку противъ господства римскаго права во Франціи,—выходку, также знаменующую пробужденіе народности. «Кто можетъ подумать, пишетъ персіянинъ, чтобы королевство самое древнее и самое могущественное въ Европѣ уже десять вѣковъ руководилось чужими законами? Еслибы еще французы были покорены, то это легко было бы понять; но они завоеватели. Они покинули

Digitized by Google

древніе законы, изданные ихъ первыми королями въ общихъ собраніяхъ народа, и, что всего страннѣе, римскіе законы, которые они приняли вмѣсто своихъ, были изданы въ то же время. И чтобы заимствованіе было полное, и чтобы весь здравый смыслъ пришелъ изчужа, они еще взяли всѣ папскія постановленія и сдѣлали ихъ частію своего права: новый видъ рабства. Это обиліе чужихъ натурализованныхъ законовъ подавляетъ правосудіе и судей; но эти томы законовъ ничто въ сравненіи съ страшнымъ войскомъ глоссаторовъ, комментаторовъ, компиляторовъ,—людей столь же бѣдныхъ здравымъ смысломъ, сколько богатыхъ числомъ своимъ».

Авторъ по поводу исторической библіотеки, которую показываютъ персіянину, дѣлаетъ краткій очеркъ или лучше краткій отзывъ объ исторіи европейскихъ государствъ. О Германіи авторъ выражается такъ: «Это единственное государство въ мірѣ, которое не ослабѣваетъ отъ раздѣленія, которое укрѣпляется по мѣрѣ потерь своихъ; медленное въ пользованіи своими успѣхами, оно становится неодолимымъ вслѣдствіе своихъ пораженій». Въ исторіи Франціи Монтескьё видитъ только исторію усиленія королевской власти. Въ англійской исторіи онъ видитъ «свободу, постоянно порождающуюся изъ огня междоусобій и мятежей,—короля, постоянно колеблющагося на престолѣ непоколебимомъ,—народъ нетерпѣливый, мудрый въ самомъ бѣшенствѣ своемъ». Польша такъ дурно пользуется своею свободою и правомъ избранія королей, что какъ будто хочетъ этимъ утѣшить сосѣдніе народы, потерявшіе и ту, и другое. О государствахъ скандинавскихъ ни слова въ этомъ очеркѣ, по неумѣнью сказать о нихъ хотя что-нибудь; но Россіи, благодаря Петру Великому, посвящено цѣлое письмо, полученное персіяниномъ, находящимся въ Парижѣ, отъ пріятеля, находившагося по дипломатическимъ порученіямъ въ Россіи. Собравши кой-какія свѣдѣнія, казавшіяся ему характеристичными для изображенія до-петровской Россіи, Монтескьё говоритъ о Петрѣ: «царствующій государь захотѣлъ все перемѣнить; у него были большія столкновенія съ подданными насчетъ бороды, съ духовенствомъ и монахами—насчетъ ихъ невѣжества. Онъ старается о процвѣтаніи искусствъ и не упускаетъ ничего, чтобы въ Европѣ и Азіи прославить народъ свой, до сихъ поръ забытый. Безпокойный, въ безпрестанномъ волненіи, блуждаетъ онъ въ областяхъ своего обширнаго государства, оставляя повсюду слѣ-

Digitized by Google

ды своей врожденной строгости. Онъ покидаетъ свою землю, какъ будто бы она была тѣсна для него, и ищетъ въ Европѣ другихъ областей, другихъ государствъ».

*Персидскія письма* были напечатаны въ Голландіи въ 1721 году. Во Франціи авторъ, молодой президентъ бордосскаго парламента, не былъ обезпокоенъ: Франціею правилъ въ это время регентъ, герцогъ Орлеанскій, который не чувствовалъ въ себѣ никакого побужденія возставать ни за духовенство, ни за память Людовика XIV. Въ 1729 году, когда Монтескьё понадобилось вступить въ члены французской академіи и когда авторъ «Персидскихъ писемъ» долженъ былъ ожидать препятствій отъ правителя съ другимъ характеромъ, отъ кардинала Флери, онъ приписалъ выходки противъ религіи винѣ голландскихъ издателей и представилъ Флери очищенный экземпляръ. Монтескье продалъ свое мѣсто президента въ парламентѣ, предпринялъ послѣ этого долгое путешествіе по Европѣ и, по возвращеніи во Францію, въ 1734 году издалъ «Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ». Здѣсь Монтескье указалъ на значеніе хорошаго воспитанія, хорошей школы для народа, значеніе постояннаго труда, постояннаго напряженія силъ, развивающаго ихъ, хотя и не могъ освободиться отъ односторонняго взгляда, что только бѣдность поддерживаетъ нравственность народную, а богатство ведетъ неминуемо къ паденію; онъ указываетъ на пользу для римлянъ отъ продолжительности войнъ, которыя должны были вести они съ сосѣдними городами, отъ упорнаго сопротивленія послѣднихъ. «Еслибы римляне быстро покорили всѣ сосѣдніе города, то они были бы уже испорченнымъ народомъ во время нашествія Пирра, галловъ и Аннибала и, по общему закону, слишкомъ быстро перешли бы отъ бѣдности къ богатству, отъ богатства къ порчѣ нравовъ. Но Римъ, дѣлая постоянно усилія и находя постоянно препятствія, давалъ чувствовать свое могущество, не имѣя возможности распространять его, и въ небольшой сферѣ упражнялся въ добродѣтеляхъ, долженствовавшихъ стать столь пагубными для вселенной». Переходя къ внутреннимъ причинамъ силы Рима, Монтескье забываетъ то, что говорилъ прежде въ «Персидскихъ письмахъ» о пользѣ цивилизаціи, о значеніи труда и его усиленіи при раздѣленіи занятій, о томъ, что праздность болѣе всего портитъ нравы. Теперь онъ говоритъ, что сила древнихъ республикъ основывалась на равномъ раздѣленіи земель, на томъ, что большинство

Digitized by Google

народонаселенія состояло изъ воиновъ и земледѣльцевъ, что увеличеніе числа ремесленниковъ вело къ порчѣ, ибо ремесленники—народъ робкій и испорченный, при чемъ не отдѣляетъ рабовъ отъ ремесленниковъ. При объясненіи борьбы между патриціями и плебеями, Монтескьё обходитъ всѣ необходимыя подробности и объясняетъ дѣло просто завистію и ненавистію простаго народа къ знати. Причиною паденія Рима было, во-первыхъ, то, что легіоны, начавши вести войну внѣ предѣловъ Италіи, потеряли гражданскій характеръ и стали смотрѣть на себя какъ на войско того или другаго полководца; во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что право римскаго гражданства было распространено на италійскіе народы, Римъ наполнился гражданами, которые принесли свой геній, свои частные интересы и свою зависимость отъ какого-нибудь могущественнаго патрона. Городъ потерялъ свою цѣлостность; Римъ пересталъ быть тѣмъ для своихъ гражданъ, чѣмъ былъ прежде; римскій патріотизмъ, римскія чувства исчезли. Честолюбцы приводили въ Римъ цѣлые города и народы для произведенія смутъ при подачѣ голосовъ; народныя собранія получили видъ заговоровъ.

При настоящемъ состояніи исторической науки изслѣдованіе Монтескьё представляется трудомъ очень легкимъ, поверхностнымъ; но не надобно забывать, что это была первая попытка вдуматься въ причины явленія. Мысль, возбужденная настоящимъ неудовлетворительнымъ состояніемъ Франціи, ищетъ разрѣшенія важныхъ вопросовъ настоящаго въ прошедшемъ наиболѣе извѣстномъ, ищетъ причинъ величія и гибели государствъ, имѣя въ виду завѣтную цѣль—опредѣленіе отношеній свободы и власти,—опредѣленіе удовлетворительное, то-есть способное охранить государство, и, среди объясненій поверхностныхъ, мыслитель приходитъ иногда къ выводамъ, которые становятся цѣннымъ вкладомъ въ науку. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій выводъ: «То, что называютъ единствомъ, есть нѣчто очень неопредѣленное относительно тѣла политическаго. Истинное единство есть единство гармоніи, состоящее въ томъ, чтобы всѣ части, какъ бы онѣ противоположны ни казались, содѣйствовали благу общему, какъ диссонансы въ музыкѣ содѣйствуютъ общему согласію. Можетъ существовать единство въ такомъ государствѣ, которое, повидимому, находится въ безпокойномъ состояніи, тогда какъ въ видимомъ покоѣ азіатскаго деспотизма заключается дѣйствительное раздѣленіе: земледѣлецъ, воинъ, купецъ,

Digitized by Google

начальствующее лицо, благородный связаны такъ, что одни притѣсняютъ другихъ безъ сопротивленія, и если здѣсь видятъ единство, то здѣсь не граждане соединены, а мертвыя тѣла, погребенныя одни подлѣ другихъ».

Также точно можно найти много недостатковъ и въ самомъ знаменитомъ сочиненіи Монтескьё — «*Духъ законовъ*», вышедшемъ въ 1748 году,—можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ упрекнуть и его въ поверхностности, въ стремленіи построить систему, не заботясь при этомъ о собраніи матеріаловъ. Но такой приговоръ будетъ крайне одностороненъ, если мы не прибавимъ, что книга заслужила свою громадную репутацію тѣмъ, что впервые въ такихъ широкихъ размѣрахъ представила различныя формы государственнаго устройства, причины ихъ происхожденія, ихъ исторію у различныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и не христіанскихъ; легкость, доступность изложенія расширяли кругъ читателей и увеличивали полезность книги; то же самое производили умѣренность, сдержанность, научно-историческое уваженіе къ каждой формѣ, какъ происшедшей не случайно, не произвольно, стремленіе извѣстными объясненіями, извѣстными указаніями привести къ правильному пониманію человѣческихъ отношеній и содѣйствовать благополучію человѣческихъ обществъ, какія бы формы для нихъ ни выработала исторія. Книга Монтескьё небывалою широтою плана, возбужденіемъ столькихъ важныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ производила могущественное вліяніе на умы современниковъ, порождала цѣлую литературу и въ то же время имѣла важное практическое значеніе, измѣняя взгляды на существующія отношенія, измѣняя ихъ ко благу народовъ и достигая этого указанною выше умѣренностію, сдержанностію, не пугая правительства революціонными требованіями, но указывая имъ средства содѣйствовать благосостоянію подданныхъ и при существующихъ основныхъ формахъ, ибо ничто такъ не вредитъ правильному свободному развитію человѣческихъ обществъ, какъ революціонныя требованія, пугающія не правительство только, но и большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ, но, испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окно и предполагаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей маленькой комнаты.

Digitized by Google

Авторъ книги: «О Духѣ законовъ», разумѣется, долженъ былъ начать опредѣленіемъ закона: «Законы, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, суть необходимыя отношенія, проистекающія изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ все существующее имѣетъ свои законы. Сказавшіе, что «слѣпой случай произвелъ все видимое нами въ мірѣ», сказали великую нелѣпость, ибо что можетъ быть нелѣпѣе утвержденія, что слѣпой случай могъ произвести разумныя существа? Слѣдовательно, есть первоначальный разумъ, и законы суть отношенія между нимъ и различными существами и отношенія этихъ различныхъ существъ между собою. Богъ относится ко вселенной какъ творецъ и охранитель; законы, по которымъ Онъ создалъ, суть законы, по которымъ Онъ охраняетъ; Онъ дѣйствуетъ по этимъ правиламъ, потому что онъ ихъ сознаетъ; Онъ ихъ сознаетъ, потому что они Его созданіе; Онъ ихъ создалъ, потому что они имѣютъ отношеніе къ Его мудрости и могуществу. Существа отдѣльныя, разумныя, могутъ имѣть законы, которые они сами составили, но они имѣютъ также законы, не ими составленные. Прежде появленія существъ разумныхъ они были возможны: слѣдовательно они имѣли возможныя отношенія другъ къ другу, и слѣдовательно законы возможные. Прежде появленія законовъ существовали возможныя отношенія юридическія. Сказать, что нѣтъ ничего справедливаго и несправедливаго, кромѣ того, что повелѣваютъ или запрещаютъ положительные законы, это все равно сказать, что прежде начертанія круга всѣ радіусы не были равны между собою. Слѣдовательно, необходимо признать отношенія правды прежде закона, ихъ устанавливающаго».

Переходя къ объясненію происхожденія государства, Монтескьё отрицаетъ, что одноличное управленіе есть наиболѣе соотвѣтствующее природѣ, ибо природа установила родительскую власть: онъ указываетъ на то, что государство необходимо заключаетъ въ себѣ соединеніе многихъ семействъ. У него другое мнѣніе относительно естественности: форма правленія наиболѣе соотвѣтственная природѣ есть та, которая наиболѣе удовлетворяетъ свойствамъ народа, ее установившаго. «Законъ вообще есть человѣческій разумъ, во сколько онъ управляетъ всѣми народами міра, а законы политическіе и гражданскіе суть особенные случаи, къ которымъ прилагается этотъ человѣческій разумъ. Они должны быть такою собственностью народа, для котораго изданы, что удивительную случайность представитъ явленіе, если законы

Digitized by Google

одного народа будутъ пригодны для другаго. Они должны соотвѣтствовать природѣ и принципу правленія установленнаго или которое хотятъ установить, будутъ ли это законы устанавливающіе правленіе, какъ законы политическіе, или поддерживающіе его, какъ законы гражданскіе. Они должны соотвѣтствовать физическому виду страны, климату холодному, жаркому или умѣренному, качеству почвы, положенію страны, ея величинѣ, образу жизни народонаселенія землепашескаго, звѣроловнаго или пастушескаго. Они должны соотвѣтствовать степени свободы, допускаемой конституціею, религіи жителей, ихъ склонностямъ, ихъ богатству, ихъ числу, ихъ торговлѣ, нравамъ и обычаямъ. Наконецъ, они имѣютъ отношенія другъ къ другу, къ своему происхожденію, къ цѣли законодателя, къ порядку вещей, на которомъ они основываются. Ихъ надобно разсматривать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Такое разсмотрѣніе я предпринялъ сдѣлать въ предлагаемомъ сочиненіи. Я изслѣдую всѣ эти отношенія: всѣ вмѣстѣ они образуютъ то, что называется *духомъ законовъ*. Прежде всего я изслѣдую отношенія законовъ къ природѣ и принципу каждаго образа правленія; такъ какъ этотъ принципъ имѣетъ на законы главное вліяніе, то я постараюсь получше съ нимъ познакомиться».

Изслѣдованіе начинается извѣстнымъ тройственнымъ дѣленіемъ правительственной формы на республиканскую, монархическую и деспотическую и подраздѣленіемъ первой на аристократію и демократію. Самую важную часть изслѣдованія составляетъ опредѣленіе монархическаго правленія: «Власти посредствующія, подначальныя и зависимыя составляютъ натуру монархическаго правленія, т. е. такого, гдѣ одинъ управляетъ посредствомъ основныхъ законовъ. Самая естественная посредствующая подчиненная власть есть власть дворянства; оно входитъ въ сущность монархіи, основное правило которой: «Нѣтъ монарха—нѣтъ дворянства; нѣтъ дворянства—нѣтъ монарха, а вмѣсто его деспотъ». Уничтожьте въ монархіи преимущества вельможъ, духовенства, дворянства и городовъ,—у васъ очутится или республика, или деспотизмъ. Не достаточно, чтобы въ монархіи были посредствующіе члены,—нужно еще хранилище законовъ. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ основныхъ законовъ, нѣтъ и хранилища законовъ. Вотъ почему въ этихъ странахъ религія имѣетъ обыкновенно такую силу, а куда не простирается вліяніе религіи, тамъ дѣйствуютъ обычаи, имѣющіе силу



Digitized by Google

законовъ». Это различеніе двухъ формъ—монархической и деспотической—имѣетъ важное историческое значеніе, ибо здѣсь впервые указана отличительная черта новыхъ европейскихъ государствъ, обозначившаяся при самомъ ихъ происхожденіи и условившая все дальнѣйшее ихъ развитіе, всю ихъ исторію: это болѣе сильное развитіе, бо̀льшая сложность организма сравнительно съ государствами восточными, древними и новыми. Новое европейское государство при самомъ рожденіи своемъ представляло уже тѣло высшаго организма, имѣвшее уже нѣсколько сильно развитыхъ органовъ, и дальнѣйшее опредѣленіе отношеній между ними представляетъ главное явленіе, главный интересъ европейской исторіи: это-то Монтескьё и указалъ въ своихъ посредствующихъ властяхъ, и преимущественно въ дворянствѣ, котораго восточныя государства не имѣютъ.

За этимъ указаніемъ слѣдуетъ указаніе на принципы или пружины трехъ правительственныхъ формъ: для республики добродѣтель, для монархіи честь, для деспотіи страхъ. Легко понять, что указаніе на эти принципы встрѣтило самыя сильныя возраженія, и, несмотря на все стараніе самого Монтескье оправдаться и стараніе другихъ оправдать его, — принципы эти не могутъ быть приняты. Добродѣтель, или политическая добродѣтель, какъ хочетъ Монтескье выражаться, т. е. патріотизмъ, желаніе истиной славы, самоотреченіе, способность жертвовать самыми дорогими интересами на пользу общую, одинаково необходимы какъ для республики, такъ и для монархіи; какъ въ той, такъ и въ другой люди, обладающіе этими качествами, не представляются толпами. Политическая добродѣтель во всей силѣ обнаруживается обыкновенно въ опасныя для государства времена, и государство спасается, если имѣетъ достаточный запасъ этой добродѣтели; въ противномъ случаѣ оно гибнетъ. То, что Монтескье назвалъ честью и выставилъ какъ принципъ или пружину монархіи, есть та же политическая добродѣтель, та же способность выполнить свою обязанность, сдѣлать то, что признается хорошимъ и полезнымъ для общаго блага, и, наоборотъ, не сдѣлать ничего такого, что признается дурнымъ, несмотря на требованіе одного сильнаго человѣка или на требованіе толпы, на требованіе могущественной партіи,—все равно, какая бы ни была правительственная форма. Это видно изъ примѣра, приводимаго самимъ же Монтескье. Послѣ Варѳоломеевской ночи, Карлъ IX предписалъ всѣмъ губернаторамъ умерщвлять гугено-

Digitized by Google

товъ. Виконтъ Ортесъ, начальствовавшій въ Байонѣ, отвѣчалъ: «Государь, между подчиненными мнѣ жителями и военными я нашелъ только добрыхъ гражданъ, храбрыхъ солдатъ и ни одного палача; поэтому они и я умоляемъ ваше величество употребить наши руки и нашу жизнь на какое-нибудь другое дѣло, которое можно исполнить». Еслибы Монтескьё остался вѣрнымъ историческому взгляду, то господство такъ-называемой чести въ новыхъ европейско-христіанскихъ обществахъ онъ приписалъ бы тому же развитію послѣднихъ, существованію сильныхъ самостоятельныхъ органовъ, которые онъ называетъ посредствующими властями. Но главный источникъ ошибки Монтескье заключался въ условіяхъ времени. Государство, среди котораго жилъ Монтескье, представляло наверху крайнее оскудѣніе политической добродѣтели; сохранились только извѣстныя принятыя приличія, такъ-называемыя требованія чести. Монтескье ужасными красками описываетъ нравы придворныхъ своего времени: «Честолюбіе въ праздности, низость въ гордости, страсть къ обогащенію безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, лесть, измѣна, коварство, невниманіе къ обязательствамъ, презрѣніе обязанностей гражданина, страхъ имѣть добродѣтельнаго государя, упованіе, полагаемое на его слабость, и, что хуже всего, постоянная насмѣшка надъ добродѣтелью». Мы считаемъ это описаніе вѣрнымъ, ибо повѣрка на-лицо—революція, а революція обыкновенно приготовляется не снизу, ибо здѣсь всегда требуется твердая и разумная власть, а сверху, если здѣсь изсякаетъ способность доставлять народу эту необходимость, т. е. твердую и разумную власть, и происходитъ болѣзненное движеніе съ цѣлію восполнить эту способность. Но Монтескье не думалъ, что начертанное имъ состояніе нравственности на верху французскаго общества необходимо условливало революцію; онъ думалъ, что государство можетъ продолжать свое существованіе при такихъ условіяхъ съ одною только пружиною — честью, ложною честью, какъ самъ признается.

Печальное состояніе французскаго правительства внушило впрочемъ Монтескье нѣсколько мыслей, которыя не остались безъ дѣйствія въ другихъ концахъ Европы, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ: «Монархія погибаетъ, когда государь думаетъ, что онъ показываетъ болѣе свое могущество въ перемѣнѣ извѣстнаго порядка вещей, чѣмъ въ его соблюденіи; когда онъ отнимаетъ у однихъ естественно-принадлежащія имъ должности,



Digitized by Google

чтобы произвольно отдать другимъ. Монархія погибаетъ, когда государь, относя все единственно къ себѣ, сосредоточиваетъ государство въ своей столицѣ, столицу въ дворѣ, а дворъ—въ собственной особѣ. Монархія погибаетъ, когда государь не понимаетъ значенія своей власти, своего положенія, любви подданныхъ, когда не понимаетъ, что монархъ долженъ считать себя въ безопасности, точно такъ какъ деспотъ долженъ считать себя въ постоянной опасности. Принципъ монархіи искажается, когда наивысшія достоинства суть знаки наибольшаго рабства; когда отнимаютъ у вельможъ уваженіе народовъ, когда ихъ дѣлаютъ позорными орудіями произвола. Онъ искажается еще болѣе, когда честь приводится въ противорѣчіе съ почестями, когда можно быть покрытымъ въ одно время знаками отличія и безславіемъ. Онъ искажается, когда государь перемѣняетъ правосудіе на жестокость, когда онъ принимаетъ грозный и страшный видъ, который Коммодъ приказывалъ давать своимъ статуямъ. Принципъ монархіи искажается, когда подлыя души хвастаются величіемъ своего рабства и думаютъ, что, получивши все отъ государя, могутъ освободить себя отъ всѣхъ обязанностей къ отечеству».

Замѣтимъ и слѣдущія положенія Монтескьё относительно внѣшней политики: «Когда въ сосѣдствѣ находится государство, клонящееся къ своему паденію, то не должно ускорять этого паденія, ибо не должно лишать себя положенія самаго счастливаго, какое только можетъ быть для государя: нѣтъ ничего удобнѣе какъ находиться подлѣ другаго государя, который принимаетъ на себя всѣ удары и всѣ обиды судьбы. И рѣдко завоеваніемъ подобнаго государства на столько же усиливается дѣйствительное могущество, на сколько теряется могущество относительное». Это замѣчаніе грѣшитъ односторонностію, безусловностію. Для государства, разумѣется, всегда выгодно, если оно окружено слабыми или, по крайней мѣрѣ, слабѣйшими государствами. Такою выгодою до послѣдняго времени отличалось положеніе Франціи между слабою Испаніею и слабыми, по раздѣленію своему, Германіею и Италіею; такъ было выгодно положеніе Русской имперіи послѣ Петра В. между Швеціею, Польшею и Турціею. Но если сосѣднее государство, клонящееся къ паденію, представляетъ безопасность само по себѣ, то по слабости своей оно можетъ усилить другаго сосѣда, который захочетъ увеличить свои средства на его счетъ,—другіе сосѣди не

Digitized by Google

могутъ этого позволить, и такимъ образомъ падающее государство становится предлогомъ постоянной борьбы между ними; его слабостію уничтожается пространство, раздѣляющее сильныя государства, по его поводу они приходятъ въ постоянныя столкновенія другъ съ другомъ, слѣдовательно существованіе между ними слабаго государства не приноситъ имъ никакой выгоды; напротивъ, гранича непосредственно другъ съ другомъ, они имѣли бы менѣе причинъ къ враждѣ. Сосѣдство съ слабымъ государствомъ принуждаетъ сильнаго, не имѣющаго никакихъ побужденій къ завоеваніямъ, рѣшаться по-неволѣ на дѣло насилія противъ слабаго изъ самосохраненія, чтобы не дать другому сильному усилиться еще болѣе на счетъ слабаго. Вообще нельзя полагать большаго счастія для государства въ слабости сосѣдей, ибо самое вѣрное ручательство для государства состоитъ не въ чужой слабости, а въ собственной внутренной силѣ, которая даетъ возможность имѣть всегда прямую, честную политику, возможность не бояться чужой силы, не стараться безъ разбора средствъ обезпечивать себя физически захватомъ чужаго, округленіемъ своей государственной области, ибо для безопасности государства требуются прежде всего силы нравственныя. Окруженіе слабыми сосѣдями дурно воспитываетъ народъ, пріучаетъ къ драчливости, вселяетъ завоевательный духъ; окруженіе сильными сосѣдями воспитываетъ хорошо, сдерживаетъ, внушаетъ уваженіе къ чужимъ правамъ, заставляетъ хлопотать о внутренней силѣ, о правильности внутренняго развитія, какъ о главномъ средствѣ безопасности. Вѣроятно Монтескьё, пиша свои замѣчанія, хотѣлъ показать, что сильнымъ невыгодно пользоваться слабостію слабыхъ, хотѣлъ высказаться противъ завоевательныхъ стремленій и вмѣстѣ высказаться противъ политики своего отечества. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ требуетъ также, чтобы завоеватели умѣряли свои стремленія и чтобы кротко обходились съ покоренными, по требованіямъ благоразумія. «Монархія можетъ дѣлать завоеваніе только въ естественныхъ границахъ; благоразуміе требуетъ остановиться, какъ скоро эти границы перейдены. При этихъ завоеваніяхъ нужно оставлять все въ томъ положеніи, въ какомъ найдено, оставлять прежнія судилища, прежніе законы, прежніе обычаи, прежнія привилегіи; перемѣниться должно только войско и самъ государь. Съ завоеванными областями должно обходиться чрезвычайно кротко».

Самая знаменитая часть сочиненія Монтескье, о которой до

Digitized by Google

сихъ поръ наиболѣе идетъ рѣчь въ литературѣ государственнаго права,—это одиннадцатая книга, трактующая «о законахъ, которые образуютъ политическую свободу въ связи съ конституціею». Здѣсь излагается теорія раздѣленія властей: въ каждомъ государствѣ существуютъ троякаго рода власти: власть законодательчая, власть исполнительная и власть судебная. Основываясь на примѣрѣ Англіи, авторъ требуетъ раздѣленія этихъ властей, какъ необходимости для политической свободы, а политическая свобода, по мнѣнію Монтескьё, состоитъ для гражданина въ спокойствіи духа, происходящемъ отъ увѣренности въ своей безопасности. Противъ этого требованія раздѣленія власти вооружаются въ наукѣ настоящаго времени: Монтескье упрекаютъ за то, что онъ слишкомъ много обращаетъ вниманія на государственный механизмъ, даетъ слишкомъ много значенія механическому дѣйствію дѣленія властей, слишкомъ мало внутренней, живой силѣ; упрекаютъ его за то, что онъ на цѣль государства смотритъ со внѣшней, отрицательной стороны, полагая ее въ безопасности отдѣльнаго лица, а не въ положительномъ благѣ, не въ совершенствѣ общественнаго состоянія. Но для историка совершенно понятна такая точка зрѣнія, ибо эта безопасность отдѣльнаго лица была всего важнѣе для француза временъ Монтескье; понятно, какъ Монтескье пришелъ къ убѣжденію въ необходимости, чтобъ одна власть сдерживала другую для безопасности гражданина, въ необходимости раздѣленія властей: если раздѣляя властвуютъ, то раздѣляя же власть становятся свободными (dividendo imperant et dividendo liberi fiunt). Для насъ важнѣе, чѣмъ спорное требованіе раздѣленія властей, указаніе Монтескье на исторію происхожденія представительной формы, на попытку отыскать ее въ началѣ средневѣковой исторіи, на попытку сравнить явленія этой исторіи съ явленіями исторіи древней. Мы теперь не можемъ удовлетвориться объясненіями Монтескье, но не можемъ не признать, что положено было начало правильному пониманію дѣла, что данъ былъ смыслъ, значеніе этимъ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ до сихъ поръ относились такъ непріязненно; образованные люди западной Европы переставали бредить греками и римлянами и начинали обращать вниманіе на свою собственную древнюю исторію, которую называли среднею, въ ней искать твердой почвы для дальнѣйшихъ государственныхъ построекъ, ею объяснять свое настоящее. Понятно, что при новости дѣла, при отсутствіи до-

Digitized by Google

статочныхъ свѣдѣній въ исторіи среднихъ вѣковъ, достаточной вдуманности въ ея явленія, неизбѣжны были ошибки, которыя мы находимъ у Монтескье; но дѣло было имъ начато, указаніе было сдѣлано громко, на всю Европу, и произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Важенъ былъ пріемъ, постоянно употребляемый Монтескье: указавши на происхожденіе средневѣковой монархіи въ западной Европѣ, *готическаго правленія*, по выраженію автора, онъ сейчасъ же указываетъ на значеніе царей героическаго періода греческой исторіи, на значеніе римскихъ царей, на положеніе Рима, на раздѣленіе властей послѣ изгнанія царей.

Неоспоримо и вліяніе двѣнадцатой книги, гдѣ говорится о законахъ, составляющихъ политическую свободу по отношенію къ гражданину. Безопасность гражданина всего болѣе подвергается нарушенію въ обвиненіяхъ публичныхъ и частныхъ. Свобода торжествуетъ, когда уголовные законы извлекаютъ наказанія изъ самой природы преступленія. Несмотря на ошибки въ объясненіи частностей, книга должна была производить благотворное впечатлѣніе, выставляя неразумность и недѣйствительность жестокихъ наказаній и разныхъ правительственныхъ мѣръ для предотвращенія преступленій. Авторъ указалъ, какъ осторожно надобно поступать съ обвиненіями въ оскорбленіи величества, когда оскорбленіе состоитъ въ словахъ, ибо дѣло не въ словахъ, а въ тонѣ; иногда молчаніе выражаетъ болѣе, чѣмъ разговоръ. Гдѣ изъ словъ дѣлаютъ преступленіе, тамъ нѣтъ и тѣни свободы. Слова, соединенныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ природу этого дѣйствія. Такъ человѣкъ, который на площади возбуждаетъ подданныхъ къ мятежу, виновенъ въ оскорбленіи величества, ибо здѣсь слова соединены съ дѣйствіемъ. Монтескье съ негодованіемъ приводитъ манифестъ русской императрицы Анны нротивъ Долгорукихъ, гдѣ одинъ изъ этихъ князей осуждается на смерть за то, что произнесъ неприличныя слова объ особѣ государыни; другой за то, что злостно толковалъ ея мудрое распоряженіе. Но мы должны прибавить, что другая русская императрица, подъ вліяніемъ книги Монтескье, запретила обращать вниманіе на слова, которыя до нея вели къ розыскамъ «тайной канцеляріи».

«Государь, говоритъ Монтескье, долженъ обходиться съ подданными прямо, откровенно, довѣрчиво. Человѣкъ озабоченный, боязливый и подозрѣвающій—это актеръ, затрудненный своею

Digitized by Google

ролью. Когда государь видитъ, что законы исполняются, пользуются уваженіемъ, то можетъ считать себя безопаснымъ. Только бы онъ не боялся, и тогда увидитъ, до какой степени народъ склоненъ любить его. Да и за что бы его не любить? Онъ есть источникъ почти всего хорошаго, что дѣлается въ государствѣ, а наказанія относятся на счетъ законовъ. Когда министръ отказываетъ, то воображаютъ, что государь исполнилъ бы просьбу. Даже въ общественныхъ бѣдствіяхъ не обвиняютъ особу государя, а жалуются, что онъ не знаетъ, что дѣлается, что онъ окруженъ людьми порочными. «Еслибы государь зналъ!» говоритъ народъ. Власть королевская—это великая пружина, которая должна двигаться легко и безъ шуму. Есть случаи, гдѣ верховная власть должна дѣйствовать во всей своей силѣ; есть случаи, гдѣ она должна дѣйствовать умѣренно. Высшее искусство въ управленіи—это знать, какое въ извѣстныхъ случаяхъ участіе должна принимать власть, большое или малое. Въ нашихъ монархіяхъ счастіе подданныхъ состоитъ въ мнѣніи, какое они имѣютъ о кротости правленія. Неискусный министръ всегда вамъ напоминаетъ, что вы рабы, тогда какъ онъ долженъ былъ бы скрывать это, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Государь долженъ только поощрять, грозить же должны только законы. Нравы государя столько же помогаютъ свободѣ, сколько и законы; онъ можетъ, подобно законамъ, дѣлать людей звѣрями и звѣрей людьми. Если онъ любитъ души свободныя, онъ будетъ имѣть подданныхъ; если онъ любитъ души низкія, то будетъ имѣть рабовъ. Хочетъ ли онъ знать великое искусство управленія—да приблизитъ къ себѣ честь и добродѣтель, до приблизитъ къ себѣ достоинство личное, да не боится соперниковъ, которыхъ называютъ людьми достойными: онъ равенъ съ ними, когда ихъ любитъ. Пусть охотно выслушиваетъ онъ просьбы и будетъ твердъ относительно требованій; да знаетъ, что придворные пользуются его милостями, а народъ получаетъ выгоду отъ его отказовъ. Монархи должны быть чрезвычайно сдержаны относительно насмѣшки. Она льститъ, когда умѣренна, ибо вводитъ въ фамиліарность; но колкая насмѣшка позволительна государямъ менѣе, чѣмъ кому-либо изъ подданныхъ, потому что она одна ранитъ всегда смертельно. Еще менѣе должны они позволять себѣ явное оскорбленіе: ихъ обязанность—прощать, наказывать, но никогда не оскорблять. Они должны восхищаться тѣмъ, что имѣютъ подданныхъ, которымъ честь дороже жизни, ибо честь сеть такое же побужденіе къ вѣрности, какъ и къ мужеству».

Digitized by Google

Въ научномъ отношеніи большое значеніе имѣетъ книга четырнадцатая, гдѣ говорится о законахъ въ связи съ природою страны, съ ея климатомъ. «Если справедливо, что свойства разума и страсти сердца чрезвычайно различны въ различныхъ климатахъ, то законы должны быть въ связи съ этимъ различіемъ страстей, съ этимъ различіемъ свойствъ». Мысль о значеніи природы не была нова, но Монтескьё принадлежитъ особенное ея развитіе, какъ на него же падаетъ и отвѣтственность за односторонность, ибо онъ не указалъ на другія могущественныя вліянія, на племя, къ которому принадлежитъ народъ, и на исторію или воспитаніе народа. Односторонне смотритъ Монтескье и на происхожденіе рабства, когда находитъ для него естественную причину существованія въ жаркихъ странахъ, не обращая вниманія на степень экономическаго развитія у народовъ. Въ принципѣ онъ вооружается рѣшительно противъ рабства, называя его явленіемъ противуестественнымъ; но допускаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ странъ; потомъ, хотя и съ оговоркой, съ колебаніемъ, доходитъ до вѣрнаго вывода, что никакой климатъ не дѣлаетъ рабства вѣчною необходимостью: «Надобно ограничить рабство извѣстными странами, въ остальныхъ же, какъ бы тяжелы ни были нѣкоторыя работы, можно всѣ ихъ исполнять свободными людьми. Вотъ что меня заставляетъ такъ думать: прежде чѣмъ христіанство уничтожило въ Европѣ гражданское рабство, работы въ рудникахъ считались столь тяжкими, что употребляли для нихъ только рабовъ или преступниковъ. Но извѣстно, что теперь люди работающіе въ рудникахъ живутъ счастливо. Нѣтъ такой тяжкой работы, которую бы нельзя было привести въ соотвѣтствіе съ силами работника, если при этомъ дѣйствуетъ разсудокъ, а не алчность. Можно машинами восполнять трудъ, какой въ другихъ мѣстахъ налагаютъ на рабовъ. *Не знаю, умъ или сердце диктуетъ мнѣ этотъ параграфъ. Быть-можетъ нѣтъ на землѣ климата, который бы не допускалъ работы свободныхъ людей. Ежедневно мы слышимъ разговоры, что хорошо было бы имѣть рабовъ.* Но чтобы хорошо обсудить это дѣло, нечего изслѣдовать, полезно ли рабство для небольшой утопающей въ роскоши части народа; безъ сомнѣнія, оно ей полезно. Но, принявъ другую точку зрѣнія, я не думаю, чтобы каждый изъ этого меньшинства захотѣлъ бросить жребій для рѣшенія, кому быть свободнымъ и кому рабомъ. Тѣ, которые громче другихъ говорятъ за рабство, больше другихъ отъ него

Digitized by Google

въ ужасѣ, и люди самые несчастные пришли бы отъ него въ такой же ужасъ. Крикъ за рабство такимъ образомъ есть крикъ роскоши и страсти къ наслажденіямъ, а не крикъ любви къ общему благу. Кто сомнѣвается, что каждый человѣкъ въ частности былъ бы очень доволенъ, еслибы могъ располагать имуществомъ, честію и жизнію другихъ, и что всѣ его страсти поднимаются при этой мысли? Въ этихъ вещахъ, если хотите знать, законны ли желанія каждаго,—разузнайте желанія всѣхъ».

Величіе научной задачи, которую взялся выполнить Монтескьё, удивительнымъ образомъ отрезвило его и укрѣпило, сдѣлало мужемъ изъ легкомысленнаго юноши, какимъ онъ является въ «Персидскихъ письмахъ». Въ этихъ письмахъ онъ, слѣдуя модѣ времени, забавляется бросаніемъ камней въ общественныя основы, забавляется легкимъ дѣломъ отрицанія, разрушенія, бросаетъ камни въ религію вообще и въ христіанство. Въ «Духѣ законовъ» Монтескьё является съ положительнымъ направленіемъ, указываетъ, какъ строится общественное зданіе, какіе крѣпкіе матеріалы должно употреблять для его фундамента, и потому съ благоговѣніемъ относится къ христіанству, ратуетъ противъ людей, которые толковали, что христіанство, отвлекая помыслы людей къ иной, будущей жизни, не способно къ установленію ихъ жизни на землѣ. «Удивительное дѣло! говоритъ Монтескье: христіанская религія, которая, кажется, имѣетъ въ виду только блаженство будущей жизни, составляетъ наше счастіе и въ этой жизни. Бэль, опорочивши всѣ религіи, отнимаетъ значеніе и у христіанства: онъ осмѣливается сказать, что истинные христіане не въ состояніи образовать государства, могущаго существовать. Это почему? Это были бы граждане, вполнѣ сознающіе свои обязанности и самые ревностные ихъ исполнители; они отлично понимали бы права естественной защиты. Правила христіанства, неизгладимо начертанныя въ сердцѣ, были бы дѣйствительнѣе всей этой ложной чести въ монархіяхъ, этихъ человѣческихъ добродѣтелей въ республикахъ и рабской боязни въ государствахъ деспотическихъ» *). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Человѣкъ благочестивый и атеистъ говорятъ постоянно о религіи: одинъ говоритъ о томъ, что онъ любитъ, а другой о томъ, чего онъ боится».

---

*) Ср. объ этомъ предметѣ мою статью: «Прогрессъ и христіанство» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1868 года.

Digitized by Google

Мы не можемъ разстаться съ Монтескьё, не приведши нѣсколько его мыслей и замѣтокъ, которыя имѣютъ или общее значеніе, или относятся къ исторіи его времени и его страны. Изъ первыхъ замѣтимъ слѣдующее: «Признаюсь, что я не такъ смиренъ, какъ атеисты. Я не знаю, какъ они думаютъ; но я ни за что не промѣняю идеи моего безсмертія на идею однодневнаго блаженства. Я прихожу въ восторгъ отъ мысли, что я безсмертенъ, какъ самъ Богъ. Независимо отъ идей, данныхъ откровеніемъ, идеи метафизическія вселяютъ въ меня твердую надежду моего вѣчнаго блаженства, отъ котораго я не откажусь.—Я говорилъ съ мадамъ Шателэ: вы уничтожаете свой сонъ изученіемъ философіи; наоборотъ, надобно изучать философію, чтобы пріобрѣсти умѣнье спать.—Успѣхъ въ большей части дѣлъ зависитъ отъ знанія, сколько нужно времени для успѣха.—Не должно достигать законами того, что можно достигнуть нравами.—Еслибы хотѣли быть только счастливыми, то этого бы скоро достигли; но хотятъ быть счастливѣе другихъ, а это почти всегда трудно, ибо мы считаемъ другихъ счастливѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. — Различія между людьми такъ ничтожны, что нечего много ими хвастаться: у однихъ подагра, у другихъ камень; одни умираютъ, другіе приближаются къ смерти; у всѣхъ одна душа для вѣчности, и различіе только на четверть часа.—Наблюденія составляютъ исторію естественныхъ наукъ, системы соотвѣтствуютъ баснословнымъ сказаніямъ.—Когда хотятъ унизить полководца, то говорятъ, что онъ счастливъ; но хорошо, когда его счастіе составляетъ счастіе общественное».

Изъ замѣтокъ второго рода приведемъ слѣдующія: «Франція погибнетъ отъ военныхъ людей. Люблю земледѣльцевъ: они не довольно учены для того, чтобъ умствовать превратнымъ образомъ.—Я замѣтилъ, что для успѣховъ въ свѣтѣ надобно быть мудрымъ съ наружностью дурака.—Извѣстный духъ славы и мужества мало-по-малу исчезаетъ между нами; философія взяла силу; древнія идеи героизма и новыя рыцарства потеряны. Мѣста гражданскія заняты людьми богатыми, а военные потеряли важность, будучи заняты бѣдняками. Наконецъ, равнодушіе къ вопросу принадлежать тому или другому государству. Установленіе торговли публичными фондами, громадные дары государей позволяютъ большому числу людей жить въ праздности и пріобрѣтать даже значеніе своею праздностію; равнодушіе къ будущей жизни, которое влечетъ за собою изнѣженность, слабость

Digitized by Google

въ жизни настоящей и дѣлаетъ насъ нечувствительными и неспособными ко всѣму тому, что̀ предполагаетъ усилія; менѣе случаевъ отличаться; извѣстный методическій способъ брать города и давать сраженія: все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать брешь и сдаться, когда она сдѣлана; война состоитъ болѣе въ искусствѣ, чѣмъ въ личныхъ достоинствахъ людей, которые бьются, при каждой осадѣ знаютъ заранѣе, сколько будетъ потеряно людей; дворянство не сражается болѣе цѣлыми корпусами.—Когда въ государствѣ становится выгоднѣе подольщаться къ сильнымъ людямъ, чѣмъ исполнять свою обязанность, то все погибло.—Нравиться въ пустой болтовнѣ—теперь единственная заслуга: для этого судья покидаетъ изученіе законовъ, медикъ считаетъ унизительнымъ изученіе медицины, бѣгутъ какъ отъ погибели отъ всякаго серьезнаго занятія. Смѣяться надъ вздоромъ и носить этотъ вздоръ изъ дома въ домъ называется знаніемъ свѣта. Боятся потерять это знаніе при стремленіи получить другое. Я помню, какъ однажды взяло меня любопытство считать, сколько разъ я услышу маленькую исторію, не стоющую того, чтобъ ее разсказывать: три недѣли она занимала весь образованный кругъ, и я слышалъ ее ровно 225 разъ».

Обязанные остановить особенное вниманіе на книгѣ Монтескьё, которая имѣла и до сихъ поръ еще имѣетъ значеніе не для одной Франціи, но и для цѣлой Европы, мы не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ учено-политическихъ вопросовъ, которые были подняты въ описываемое время и касались собственно Франціи, вызванные тѣмъ движеніемъ, которое въ ней совершалось. Въ самомъ концѣ царствованія Людовика XIV, ученый Фрере былъ посаженъ въ Бастилію за диссертацію о происхожденіи франковъ, оскорбившую ложный патріотизмъ тѣмъ, что основателями французскаго государства являлись нѣмцы. Фрере, благодаря этой первой неудачѣ въ занятіяхъ французской исторіей, бросился въ самую глубокую древность, какъ болѣе безопасную, и своими изслѣдованіями, методомъ, въ нихъ употребленнымъ, оказалъ важныя услуги исторической наукѣ. Но ни эти изслѣдованія, ни смѣлая попытка Бофора, француза, эмигрировавшаго въ Голландію, указать на баснословность древней римской исторіи,—попытка, пролагавшая дорогу Нибуру, не могли въ это время обратить на себя большаго вниманія. Вышло иначе, когда графъ Булэнвильеръ вопросъ о происхожденіи французскаго государства и первоначальныхъ, основныхъ отноше-

Digitized by Google

ніяхъ въ немъ свелъ съ чисто-ученой почвы на политическую въ двухъ сочиненіяхъ своихъ: «Исторія древняго правленія во Франціи» и «Письма о нарламентѣ». Въ то время, когда высшій слой французскаго общества терялъ свое значеніе вслѣдствіе потери нравственныхъ силъ, чѣмъ приготовлялась перестановка силъ, революціонное движеніе, Булэнвильеръ, почуявъ бѣду, рѣшился объявить неприкосновенность правъ высшаго сословія, рѣшился, во имя исторіи, сдѣлать вызовъ революціонному движенію, показать его незаконность, показать незаконность и прежнихъ движеній въ ущербъ дворянству, происходившихъ то въ пользу королевской власти, то въ пользу низшаго сословія, ибо значеніе дворянства, какъ сословія высшаго, властвующаго, основывалось на правѣ завоеванія галловъ франками, отъ которыхъ французское дворянство происходитъ. Булэнвильеру отвѣчалъ аббатъ Дюбо: этотъ, желая подорвать основное положеніе Булэнвильера, впалъ въ противоположную крайность: онъ старался доказать, что не было никогда завоеванія галловъ франками, что франкская или французская монархія мирнымъ образомъ наслѣдовала права римской имперіи надъ галлами, а феодализмъ установился гораздо позднѣе путемъ насилія. Несмотря на то, что въ этомъ спорѣ исторія находилась въ зависимомъ, служебномъ отношеніи, однако она не осталась безъ выгоды: въ сочиненіи Дюбо было указано, что франкское завоеваніе вовсе не уничтожило прежняго чисто-римскаго строя.

Противъ Булэнвильера и противъ существовавшаго тогда способа управленія во Франціи рѣзко высказался человѣкъ, стоявшій высоко по происхожденію и по должности, маркизъ и министръ Даржансонъ въ своемъ сочиненіи: «Размышленіе о французскомъ правительствѣ». Даржансонъ хочетъ сохранить во всей полнотѣ власть королевскую, считая раздѣленіе властей дѣломъ противуестественнымъ; но онъ сильно вооружается противъ централизаціи. Вся верховная власть, всѣ государственныя отправленія должны быть въ рукахъ короля и лицъ имъ поставленныхъ; но мѣстная жизнь должна быть предоставлена сама себѣ; онъ не допускаетъ раздѣленія Франціи на провинціи, участки слишкомъ обширные и иногда опасные для центральной власти; онъ требуетъ раздѣленія на департаменты, состоящіе изъ двухъ сотъ приходовъ не больше; каждый департаментъ долженъ быть порученъ интенданту и его помощникамъ, избираемымъ на три года; они должны избирать муниципальное на-

Digitized by Google

чальство изъ людей, представленныхъ общиною, имѣть также власть и отрѣшать ихъ. Муниципальное начальство (по крайней мѣрѣ по пяти человѣкъ на общину) имѣетъ въ своемъ завѣдываніи администрацію, финансы, полицію. Сосѣднія общины могутъ собираться для разсужденія объ общихъ интересахъ съ позволенія интенданта. Даржансонъ первый выставилъ въ пользу децентралазаціи доказательства, которыя потомъ повторялись ея приверженцами; все дѣлается дурно и дорого чиновниками королевскими; публичныя работы будутъ производиться лучше и дешевле, когда не нужно будетъ ждать разрѣшенія сверху на всякую пустяшную поправку и проч. Даржансонъ требуетъ свободы торговли внутри и внѣ, требуетъ уничтоженія продажи должностей, требуетъ стремленія къ равенству, требуетъ, чтобы каждый былъ сыномъ своей собственной дѣятельности, но оговаривается, что это идеалъ, котораго вполнѣ достигнуть нельзя.

Духъ времени и стремленіе заниматься политическими вопросами повели къ образованію общества, такъ-называемаго «Антресольнаго клуба», члены котораго сходились въ назначенное время слушать записки по разнымъ вопросамъ и толковать по ихъ поводу. Клубъ былъ учрежденъ аббатомъ Алари, и это англійское слово—клубъ впервые введено было во Франціи. Самымъ дѣятельнымъ членомъ клуба былъ аббатъ Сенъ-Пьеръ, неутомимый въ составленіи записокъ по многоразличнымъ вопросамъ—и по вопросу о всеобщемъ мирѣ съ помощію европейскаго конгресса, и по вопросу о податяхъ, о единствѣ уложенія, объ усовершенствованіи воспитанія и проч. Правительство нашло клубъ опаснымъ и закрыло его; но движеніе не остановилось въ обществѣ, ибо правительство поддерживало его своею собственною остановкою. Вольтеръ, который самъ измѣнилъ прежній характеръ литературныхъ произведеній, наполнивъ ихъ политическими намеками,—Вольтеръ въ началѣ второй половины вѣка желуется, что грація и вкусъ исчезли изъ Франціи, уступивъ мѣсто запутанной метафизикѣ, политикѣ мечтателей, длиннымъ разсужденіямъ о финансахъ, торговлѣ и народонаселеніи, которыя не прибавятъ государству ни одного экю и ни одного лишняго человѣка.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

# ПАННА ЭМИЛІЯ.

Повѣсть*).

(*Съ польскаго*).

## ГЛАВА I,

**въ которой почтеннѣйшіе читатели могутъ познакомиться съ высшими чиновными сферами города Цаповицъ и почерпнутъ любопытныя свѣдѣнія касательно топографіи и статистики Цаповицскаго повѣта.**

Есть маловѣрные люди, которымъ существованіе города Цаповицъ покажется, можетъ-быть, загадочнымъ, ибо нѣтъ подъ солнцемъ такой простой и очевидной вещи, которую люди, по свойственной имъ испорченности, не были бы готовы подвергнуть сомнѣнію. Еще недавно одинъ изъ самыхъ ядовитыхъ корреспондентовъ одного изъ самыхъ красныхъ органовъ обще-

*) Польская литература, довольно богатая замѣчательными сочиненіями по части отечественной исторіи, очень бѣдна хорошими беллетристическими произведеніями. Польскіе романы и повѣсти, большею частію, очень посредственны и почти всѣ, особенно въ новѣйшее время, отличаются рѣзкимъ католицизмомъ и крайнею польскою исключительностію. Въ заграничныхъ изданіяхъ къ этому присоединяется враждебное расположеніе къ Россіи. Достаточно указать на изданныя, подъ псевдонимомъ Болеславита, романы Крашевскаго: «Дѣти стараго пѣста», «Мы и они», «Чета красныхъ», «Шпіонъ», «Евреи», «Изгнанники», гдѣ католическій фанатизмъ и ненависть ко всему русскому доведены до нелѣпости и смѣшнаго. Предлагаемая повѣсть даровитаго анонимнаго писателя (если не ошибаемся Лама) отличается благоразумными направленіями и здравыми понятіями. Авторъ посмѣивается надъ галичанами разныхъ народностей, но осмѣливается подшучивать и надъ недостатками въ характерѣ поляковъ. Его насмѣшки добродушны и внушены комическимъ юморомъ, а не злобою. На русскихъ галичанъ онъ смотритъ немного свысока, какъ на племя не развитое и лишенное будущности. Но полная справедливость къ нимъ едва ли возможна для поляка въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, взгляды автора на нашихъ австрійскихъ соплеменниковъ, конечно, не введутъ въ заблужденіе читателей «Бесѣды».

Digitized by Google

ственнаго мнѣнія осмѣлился публично заподозрить существованіе знаменитаго бучацкаго повѣтоваго совѣта, на томъ основаніи, что въ околицахъ стародавняго Бучацкаго зàмка не было слуховъ о какомъ-либо распоряженіи этого важнаго органа отечественной автономіи. Свѣтъ повѣрилъ бы злоумышленно распущенной вѣсти, еслибы вдругъ не бухнула новость, что ясновельможный повѣтовый маршалокъ, въ качествѣ кавалера ордена св. Григорія и блюстителя повѣтоваго самоуправленія, составилъ, при помощи вельможнаго вице-маршалка, адресъ, въ которомъ члены совѣта, проникнутые важностію своего званія и потребностію оправдать довѣріе своихъ согражданъ, возвѣщали святому отцу свою глубокую скорбь по поводу разныхъ дѣлъ, имѣющихъ чрезвычайно близкую связь съ интересами Бучацкой околицы и вообще всѣхъ польскихъ мѣстностей. Подтвердится или нѣтъ это извѣстіе, во всякомъ случаѣ отнынѣ свѣтъ не можетъ оставаться долѣе въ невѣдѣніи о существованіи бучацкаго повѣтоваго совѣта.

Положеніе Цаповицъ представляется въ этомъ отношеніи еще болѣе запутаннымъ, ибо въ 1867 году этотъ городъ былъ униженъ, лишенъ подобающаго ему значенія, вслѣдствіе закрытія бывшаго тамъ повѣтоваго правленія, и подчиненъ завѣдыванію ничтожнаго господина, служащаго въ округѣ Козловицкаго староства, одной изъ восьми галицкихъ вице-губерній. Владѣтель Цаповицъ, вельможный панъ Каласантъ Цаповицкій, лишился тогда права предсѣдать въ собственномъ, особомъ цаповицкомъ повѣтовомъ совѣтѣ, и доходъ его отъ пропинаціи понизился съ 3.700 до 3.100 гульденовъ. Всякаго рода бѣдствія, экономическія, соціальныя и политическія, обрушились тогда на Цаповицы. Жители города и окрестныхъ деревень предусматривали эти бѣды и указывали на нихъ въ жалобахъ сейму на перенесеніе въ Козловицы повѣтоваго правленія.

Торговля, промышленность и ремесла упали, ибо ежегодное потребленіе сахару, кофе, рому, говядины и другихъ главнѣйшихъ товаровъ убавилось на нѣсколько сотъ гульденовъ, а мѣстные портные, переставъ обшивать императорско-королевскихъ повѣтовыхъ канцеляристовъ, остались почти вовсе безъ работы. Однимъ словомъ, Цаповицы служатъ теперь очевиднымъ и взывающимъ къ небу о мщеніи доказательствомъ тому, какъ пагубно было для края шляхетское управленіе графа Голуховскаго и какъ беззащитная страна была преда-

Digitized by Google

на на растерзаніе централизаціи польскою делегаціей въ Вѣнѣ. Для Цаповицъ эта централизація засѣла въ Козловицахъ, въ оскорбленіе и ущербъ народнаго достоинства и тѣхъ правилъ, отъ которыхъ мы не должны отступать ни на шагъ.

Послѣднія слова—не моя литературная собственность: я заимствовалъ ихъ изъ корреспонденціи пана Каласанта Цаповицкаго въ газету, стоявшую на-стражѣ достоинствъ народнаго духа и одобрявшую взгляды ясновельможнаго владѣтеля Цаповицъ, съ той поры, какъ онъ присоединился къ оппозиціи. Это возвращеніе владѣльца Цаповицъ, Цапувца и Цаповой-Воли къ здравымъ народнымъ началамъ случилось въ тотъ самый день, когда козловицкій повѣтовый совѣтъ, выбравъ въ маршалки, большинствомъ 14 голосовъ противъ 12, пана Кудеркевича, владѣльца Гленбочиска, даже не шляхтича, убѣдилъ до очевидности пана Каласанта въ пагубныхъ послѣдствіяхъ такъ-называемой утилитарной политики. Съ той поры ясновельможный Цаповицкій, вмѣстѣ съ своимъ сосѣдомъ Яномъ Тадеушемъ Бршиковскимъ изъ Малоставицъ, стоятъ во главѣ недовольныхъ Козловицкаго повѣта, и оба они подписываются на «Газету Народовую», лишь для того, чтобы знать, что дѣлается въ лагерѣ противниковъ.

Но не будемъ предупреждать хода событій. Въ то время, когда происходило разсказываемое въ этой достовѣрной повѣсти, Цаповицы пользовались еще вполнѣ всѣми благами своей автономіи, а ясновельможный Цаповицкій не только еще не пописывалъ въ оппозиціонныхъ газетахъ, но даже предсѣдательствовалъ въ окружномъ комитетѣ, составленномъ для сбора приношеній на сформированіе легкоконнаго народнаго полка подъ нѣмецкою командой. Полкъ этотъ, предводительствуемый его сіятельствомъ графомъ Старженскимъ, конечно, надѣлалъ бы много непріятностей прусакамъ, еслибъ они, въ продерзости своей, осмѣлились подвинуться до Сендзешова или до Ропчицской-Горы. Замѣчу при этомъ случаѣ, что въ то достопамятное время ясновельможный Цаповицкій пожертвовалъ для спасенія Австрійской монархіи 50 гульденовъ, три фунта корпіи и нѣсколько бинтовъ, за что, впослѣдствіи, не онъ, а окружный староста Маншбергеръ былъ награжденъ кавалерскимъ крестомъ ордена Франца-Іосифа, ибо справедливыя заслуги никогда не вознаграждаются, и въ настоящее время каждому сыну отечества, хорошо понимающему народное и свое



Digitized by Google

собственное достоинство, остается только постоянно и неуклонно держаться оппозиціи, какъ выразился ясновельможный Цаповицкій въ другой своей корреспонденціи въ оппозиціонную газету.

Въ 1866 году Цаповицы еще пользовались политическою автономіей и имѣли свое повѣтовое управленіе, такъ что для участія въ политическихъ правахъ не нужно было ѣздить въ Козловицы. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что Цаповицы дѣйствительно существуютъ и должны занять страницу въ исторіи, наравнѣ съ Снятовомъ, гдѣ живутъ два извѣстные народные дѣятели, наравнѣ съ Бродами, гдѣ перестали платить жалованье учителямъ мѣстныхъ школъ и начали съ тѣхъ поръ соблюдать экономію въ бюджетѣ, наконецъ наравнѣ со столицею Галиціи, которая, освободясь отъ всѣхъ мелкихъ народныхъ предразсудковъ, такъ ревностно заботится о нѣмецкомъ театрѣ. Сомнѣніе въ существованіи Цаповицъ возникло частію потому, что проѣзжій, съѣхавъ съ казеннаго шоссе, ведущаго отъ Львова къ границѣ, и болѣзненно убѣдившись, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, въ дурной постройкѣ и еще худшей починкѣ мѣстной дороги въ эту сторону, заплативъ на разстояніи трехъ миль, при пяти разныхъ рогаткахъ, пять разъ за дорогу и два раза за мосты, въ существованіи и даже въ самой потребности которыхъ онъ не могъ убѣдиться, миновавъ корчму въ Гленбочискѣ и сломавъ дышло при пятой рогаткѣ, гдѣ онъ заплатилъ по 12 центовъ съ лошади за пользованіе мѣстною дорогой,—сломавъ его потому, что неожиданно, среди самой дороги, попалъ въ яму, не показанную на картѣ,—этотъ пріѣзжій, доѣхавъ до высокаго креста, одиноко стоящаго въ полѣ, увидитъ и прочитаетъ около креста, на бѣлой таблицѣ, нѣмецкую надпись, вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ: округъ такой-то, уѣздъ такой-то, городъ Цаповицы. Но напрасно сталъ бы онъ оглядываться во всѣ стороны и искать города, о близости котораго гласитъ намалеванная надпись, свидѣтельствующая притомъ, что цаповичане разумѣютъ два языка. Хотя почтенный проѣзжій еще до полудня съѣхалъ съ большой Львовской дороги, но уже стемнѣло; направо и налѣво, спереди и сзади, самый зоркій взглядъ ничего не видитъ кромѣ сѣрой равнины, которая тонетъ во мракѣ, и сѣраго неба, на которомъ мерцаетъ какая-то одинокая звѣзда, точно разбираетъ ее сонъ при видѣ столь всесѣраго пространства, напоминаю-

Digitized by Google

щаго пустыя грядки ботаническаго сада во Львовѣ, гдѣ на маленькихъ, бѣленькихъ табличкахъ красуются различныя надписи, но нельзя отыскать соотвѣтствующихъ этимъ надписямъ растеній.

Возница круто свертываетъ въ сторону, бричка съ необыкновенною быстротою съѣзжаетъ съ какой-то покатости, взъерошенной разными непріятными препятствіями, въ видѣ камней, бревенъ, выбоинъ и т. п., грязь брызжетъ на почтеннаго проѣзжаго выше ушей, возница кричитъ: «*гейтъ, гейтъ! вистъ, вистъ!*» бричка скачетъ, подпрыгиваетъ, наклоняется, скорость ея бѣга ежеминутно увеличивается, наконецъ, кракъ—ломается колесо, и почтенный проѣзжій мягко покоится въ глубокой грязи, подъ чемоданомъ, зонтикомъ, соломенною подстилкой изъ брички и мѣшками съ овсомъ, которые предохраняютъ его отъ дальнѣйшихъ непріятностей; возница восклицаетъ: «о, нелегкая-бъ васъ! Триста дьяволовъ!....» И вотъ мы въ самой срединѣ Цаповицскаго рынка, на мѣстѣ нашего разсказа.

Съ той поры, какъ при содѣйствіи помѣщиковъ и при стараніи незабвеннаго повѣтоваго начальника, пана Маулшелгофера, награжденнаго за то газетною статейкой, выразившею ему безконечную признательность Цаповицскаго уѣзда, удалось докончить, за ничтожную сумму 180.000 гульденовъ, давно проектированное соединеніе Цаповицъ съ такъ-называемымъ императорскимъ шоссе, при помощи мѣстной дороги и пяти красно-голубыхъ рогатокъ,—каждый путешественникъ, если только онъ не зналъ во всей подробности топографіи Цаповицъ, въѣзжалъ въ этотъ городъ не иначе, какъ вышеописаннымъ способомъ, особливо если онъ не ночевалъ въ Выгодзи-Гленбочиской и не выждалъ бѣлаго дня для своего тріумфальнаго въѣзда. Почтеннѣйшая публика, которой посчастливилось узнать нашу повѣсть, воспользуется этими свѣдѣніями и послѣдуетъ нашему спасительному совѣту: при видѣ таблицы съ надписью «городъ Цаповицы»—вылѣзать изъ брички и идти остальной конецъ дороги пѣшкомъ.

Какъ бы то ни было, мы уже въ Цаповицахъ; справа у насъ ратуша, слѣва казармы императорско-королевской жандармеріи, а подальше зданіе повѣтоваго правленія, или, короче, по мѣстному выраженію, бецирка. Ратуша служитъ теперь постоялымъ дворомъ. По наружному виду и внутреннему убранству она мало отличается отъ ратуши въ Выгодзи - Гленбочиской.

Digitized by Google

Лѣвое крыло, пристроенное къ главному корпусу, составлено изъ такихъ же избушекъ, какъ и въ Выгодзи, но правое, кромѣ шалаша, который могъ бы служить хлѣвомъ, еслибы Моисей не запретилъ старозаконнымъ заводить свиней, заключаетъ въ себѣ еще Цаповицскій базаръ, состоящій изъ двухъ великолѣпныхъ магазиновъ, одного для овощной торговли пана Гени Зильбера, а другаго для мелочной торговли пана Авраама Голда, попросту Абрамки, о чемъ гласятъ двѣ голубыя вывѣски, одна съ бѣлою, другая съ красною надписью, и обѣ съ такою орѳографіей, которая ни въ чемъ не уступаетъ орѳографіи, употребляемой львовскими купцами для назиданія и развлеченія гуляющихъ. Вся ратуша принадлежитъ ясновельможному Каласанту Цаповицкому, владѣльцу Цаповицъ, Цапувца и Цаповой-Воли, а снимаетъ ее Дудіо, главный пропинаторъ и винный торговецъ, снабжающій венгерскимъ и австрійскимъ нектаромъ всю вольную шляхту и весь императорско-королевскій бециркъ, за исключеніемъ тѣхъ подначальныхъ представителей власти, которымъ, за вычетомъ платы за квартиру и долга въ лавочкѣ жида Гершки, не хватаетъ жалованья на бутылку даже такого вина, которое самъ Дудіо считаетъ немного плоховатымъ. Вкусъ его извѣстенъ лишь тѣмъ, которые пробовали уніатское церковное вино, или бывали на такихъ праздникахъ, гдѣ радушный пріемъ и обиліе даровъ Божіихъ превосходятъ ихъ качество. Впрочемъ еслибы кто-либо изъ уважаемыхъ читателей, для усовершенствованія себя въ распознаваніи вина, пожелалъ довѣдаться, какое вино Дудіо называетъ плоховатымъ, то пусть онъ вольетъ наперстокъ сивухи въ квасу густыхъ свекольныхъ бураковъ и прибавитъ немного разсола квашеныхъ огурцовъ, нѣсколько зеренъ мелко истолченаго перцу и лотъ гвоздики, тогда языкъ его почувствуетъ столь же пріятныя и сладостныя ощущенія, какія вкушалъ я въ Цаповой-Волѣ, на именинахъ у ксендза-пробоща Луцкевича, которому издавна поставляетъ вино Дудіо.

И есть еще люди, утверждающіе, что мы ежегодно ввозимъ изъ-за границы большую часть товаровъ, потребныхъ для простой жизни!

Роскошь изъ роскошей, въ Цаповицахъ — бециркъ, теперь, увы, уже лишенный своего блеска и не вмѣщающій въ себѣ тѣхъ канцелярій, которымъ Цаповицы были обязаны своимъ торговымъ движеніемъ и цвѣтущимъ экономическимъ развитіемъ. Это

Digitized by Google

двухъ-этажное каменное строеніе, крытое гонтомъ, вмѣщало въ себѣ тогда, въ шести обширныхъ покояхъ внизу, канцеляріи повѣтоваго правленія и суда, а наверху, кромѣ главной канцеляріи, еще квартиру начальника повѣта, или, чтобы не употреблять чуждыхъ намъ выраженій вмѣсто своихъ, пана форштеера и его достоуважаемаго семейства.

Достоуважаемое семейство состояло, во-первыхъ, изъ самого пана форштеера, Вацлава Прецличка, который писался тогда Венцель Претцлитчекъ, а теперь, по переселеніи во Львовъ, гдѣ онъ проживаетъ на пенсіи, присталъ къ «Бесѣдѣ» и пишетъ свое прозвище, придерживаясь родной чешской орѳографіи. Панъ форштееръ, какъ глава повѣта, былъ, очевидно, первою и важнѣйшею особой въ Цаповицахъ. Мнѣ слѣдовало бы упомянуть о немъ прежде, чѣмъ о разныхъ Генахъ, Абрамкахъ, Гершкахъ и Дудіо, еслибы, по мѣстному обычаю, вопреки всякому порядку, хотя мѣстныя знаменитости и уважались соразмѣрно получаемому ими жалованью, не было принято считать всегда Дудіо первымъ лицомъ въ повѣтѣ, за нимъ шли Генъ, Гершко и Абрамка, и уже послѣ нихъ панъ форштееръ. Конечно, это мнѣніе было ошибочно и оскорбительно для правительственнаго значенія пана форштеера и бецирка, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что тотъ, у кого было запутанное и важное дѣло въ бециркѣ, обращался, обыкновенно, къ Дудіо, если только имѣлъ непосредственный доступъ къ столь именитой жидовской личности, если же нѣтъ, то входилъ съ нимъ въ сношенія чрезъ посредничество его свояченицы, пани Гени Зильберъ, или его тестя, пана Авраама Голда, или его зятя, пана Гершки Фишера, и, только пройдя всѣ эти инстанціи, попадалъ, наконецъ, въ главную канцелярію; извѣстно также, что никто не оставался въ накладѣ отъ такого мытарства. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя мнѣнія возникли вслѣдствіе недостатка искреннихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыми втайнѣ были заражены сердца нѣсколькихъ весьма неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи личностей даже въ Цаповицахъ, и отъ людскаго злословія; впрочемъ, имѣлись факты, подтверждавшіе роковымъ стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ необыкновенное вліяніе именитыхъ семействъ Зильберовъ, Голдовъ и Фишеровъ на политическую администрацію и судъ. Нѣкоторые евреи, зараженные новомодными революціонными понятіями о свободной конкурренціи, не могли взять въ толкъ, отчего никому, кромѣ Гершки, не дозволялось дер-

Digitized by Google

жать мясныхъ лавокъ, несмотря ни на уставъ о свободѣ промысловъ, ни на дурной товаръ и высокія цѣны, которыми отличался Фишеръ. Если за столомъ пана форштеера всегда подавалось отличное мясо, по 8 центовъ за фунтъ, то очевидно, что дурная молва не имѣла ни малѣйшаго основанія; но недовольные не переставали разглашать свои громкія сѣтованія какъ по вопросу о мясныхъ лавкахъ, такъ и по другимъ вздорнымъ предметамъ подобнаго рода, что вызывало нѣсколько разъ командированіе въ Цаповицы разныхъ комиссій отъ намѣстничества и окружнаго суда. Комиссіи, по приведеніи къ присягѣ нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей и по увольненіи кого-либо изъ повѣтовыхъ канцелярскихъ служителей, не могли не увѣриться, что издерживаемые казною нѣсколько сотъ гульденовъ на суточныя деньги и прогоны для каждой комиссіи ничего не значатъ въ сравненіи съ новымъ и пріятнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что всѣ дѣйствія пана форштеера вполнѣ законны, добросовѣстны и безукоризненны, и что всѣ жалобы слѣдуетъ приписать нескончаемымъ продѣлкамъ неутомимой польской революціонной партіи.

Эта революціонная партія, какъ привидѣніе, вѣчно терзала пана форштеера, ночью лишала его сна, а днемъ аппетита, отравляла ему горечью каждую кружку пива, каждую трубку табаку. Онъ писалъ о ней пространныя записки къ начальству и арестовывалъ каждаго при малѣйшемъ подозрѣніи. Цѣлые вороха протоколовъ, свѣдѣній, циркуляровъ и предписаній были плодомъ этой неутомимой работы. Самъ панъ Каласантъ Цаповицкій, хотя и былъ президентомъ комитета для организаціи кракусовъ, не избѣгнулъ строгихъ и суровыхъ правительственныхъ мѣръ; самъ ксендзъ Заіонцъ, цаповицскій пробощъ и деканъ, былъ привлеченъ къ допросу, хотя всѣ знали, что въ 1864 году, предъ воротами плебаніи, умеръ съ голоду и холоду повстанецъ, предъ которымъ этотъ почтенный капелланъ заперъ на ключъ свои двери.

Но, увы, панъ Прецличекъ, вѣчно слѣдившій за эмиссарами, за людьми безпаспортными, за перевозкою оружія и аммуниціи, имѣлъ при себѣ, въ первомъ этажѣ зданія бецирка, въ ближайшемъ своемъ сосѣдствѣ, маленькій революціонный вулканъ, изверженія котораго составляютъ предметъ послѣдующаго разсказа.

Панъ Прецличекъ имѣлъ жену и дочь.

Digitized by Google

## ГЛАВА II,

**въ которой авторъ описываетъ яркими красками утилитарную политику пана форштеера и оппозиціонное направленіе его почтеннаго семейства.**

Пани Прецличекъ, или, какъ всѣ ее называли, пани форштеерша, рожденная Ганзерле, дочь императорско-королевскаго окружнаго комиссара въ Ржешовѣ, была слишкомъ двадцать лѣтъ вѣрною и примѣрною подругой префекта Цаповицскаго департамента на служебномъ его поприщѣ, сперва въ должности сверхштатнаго канцелярскаго чиновника въ ея родномъ городѣ, потомъ, когда онъ постепенно восходилъ на высшія ступени чиновнической іерархіи, во Львовскомъ намѣстничествѣ, и, наконецъ, когда довѣріе правительства поручило его попеченіямъ важную должность, въ которой мы застаемъ его въ 1866 году. Во всѣхъ этихъ мѣстопребываніяхъ клеветы людскаго злословія не вымолвили противъ нея другихъ упрековъ, кромѣ такихъ, какіе болѣе или менѣе падаютъ на всѣхъ нашихъ женъ. Такъ, напримѣръ, было достовѣрно извѣстно, что у пани форштеерши однимъ шелковымъ платьемъ и двумя шляпками меньше, чѣмъ у экономки цаповицскаго ксендза-пробоща Заіонца, что, очевидно, бросало нѣкоторую тѣнь на ея вкусъ и умѣнье держать себя и давало поводъ сомнѣваться, понимаетъ ли она вполнѣ, чѣмъ она обязана себѣ самой и положенію своего мужа. Кромѣ того, пани контролерша Лангбауэръ имѣла ясныя доказательства, что у салопа пани форштеерши только воротникъ тумачій, а мѣхъ дешевый лисій, если не крашеный кроличій. Эти обстоятельства значительно уменьшали уваженіе цаповицскаго большаго свѣта къ пани Прецличекъ. «Какая она начальница?!» твердила пани казначейша: «жена простаго канцеляриста, собираясь въ костелъ къ обѣднѣ, одѣвается лучше ея. Ксендзова экономка предъ нею графиня! Еслибы не мужъ, никто бы не ставилъ ее въ грошъ», и т. д.

Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о приличіяхъ и требованіяхъ свѣта, тотъ сразу пойметъ, какъ были справедливы эти укоры. Вообще въ Цаповицахъ шептали, что пани форштеерша не умѣетъ порядочно вести хозяйство. Пани почтмейстерша однажды увѣряла ксендза-викарія, что въ семействѣ форштеера

Digitized by Google

три дня сряду подавали за обѣдомъ супъ съ гречневыми крупами и говядину съ хрѣномъ и уксусомъ. Это обстоятельство вызвало нескончаемые толки въ семействѣ контролера, гдѣ ксендзъ-викарій былъ ежедневнымъ гостемъ, а пани ассесорша ручалась честью, что въ жизни не слыхивала ничего подобнаго. Возвращаясь домой, пани почтмейстерша, руководимая христіанскимъ долгомъ наставить ближняго, когда онъ грѣшитъ по невѣдѣнію, зашла къ пани форштеершѣ и разсказала ей слово въ слово все, что говорила ксендзу-викарію пани контролерша, и какъ отозвались потомъ пани казначейша и пани Кушкевичъ (жена главнаго управляющаго въ Цаповицахъ, Цапувкѣ и Цаповой-Волѣ), панъ контролеръ, панъ почтмейстеръ, панъ аптекарь и, что всего важнѣе, панъ Ржезицкій, молодой и очень злорѣчивый врачъ, недавно пріѣхавшій изъ Львова. На другой день, когда панъ Прецличекъ попросилъ, по обыкновенію, за обѣдомъ хрѣну къ своей говядинѣ, пани форштеерша отвѣчала ему, со слезами на глазахъ, что любимой приправы ему не дадутъ, ибо объ этомъ уже болтаютъ въ городѣ. Панъ форштееръ обошелся безъ хрѣна, но за то Цаповицамъ выпалъ тяжелый день: панъ казначей не получилъ отпуска, котораго просилъ для поправленія здоровья; пану контролеру было отказано въ пособіи, которое уже почти было въ его карманѣ; не доктору Ржезицкому, а доктору Герцу правительство поручило составленіе списка крестьянамъ, умершимъ отъ тифа и кроваваго поноса, и прописываніе лекарствъ тѣмъ изъ нихъ, которые должны были умереть; ксендзъ-викарій попалъ въ немилость экономки ксендза-пробоща (панъ форштееръ былъ очень друженъ съ послѣднимъ), и съ той поры викарію за ужиномъ давали только кашу съ молокомъ, отъ чего онъ сталъ еще чаще, по нѣскольку разъ въ день, навѣщать семейство контролера; панъ Кушкевичъ, управляющій Цаповицскаго-Ключа, побитый крестьянами, которыхъ онъ хотѣлъ прижать за то, что они пасли лошадей на заказныхъ лугахъ ясновельможнаго Цаповицкаго, когда пришелъ съ жалобою въ бециркъ, долженъ былъ заплатить штемпельный штрафъ и попалъ въ процессъ за буйство, словно не онъ былъ битъ, а билъ самъ. Панъ Кушкевичъ не испыталъ бы этихъ непріятностей, еслибы жена его не участвовала въ разговорѣ за кофе у пани контролерши, и еслибъ пани форштеерша не кормила, по три дня сряду, пана форштеера супомъ съ гречневыми крупами и говядиной съ хрѣномъ и уксу-

Digitized by Google

сомъ. Пускай, хоть для перемѣны, она давала бы ему хрѣнъ со сметаной, свеклу, или соусъ помдамурный, а то ежедневно хрѣнъ съ уксусомъ!!!

Предшествующія подробности позволили намъ вникнуть въ главнѣйшія дѣла, волновавшія общественное мнѣніе въ Цаповицахъ, и показали намъ, что супружескій горизонтъ пана и пани Прецличекъ былъ не безоблаченъ. По мнѣнію однихъ, панъ Прецличекъ былъ достойною сожалѣнія жертвой гречневыхъ крупъ и хрѣна, а по мнѣнію другихъ, пани Прецличекъ была самою несчастною форштеершей подъ императорско-королевскимъ, галиційско-лодомірскимъ солнцемъ,—форштеершею съ тумачьимъ воротникомъ и съ крашенымъ кроличьимъ мѣхомъ, форштеершею съ тремя шелковыми платьями и тремя шляпками!

Есть вещи, которыя обращаютъ на себя менѣе вниманія въ такомъ большомъ и знаменитомъ свѣтѣ, каковъ свѣтъ цаповицскій, но которыми обыкновенно интересуются редакторы газетъ, литераторы, эмигранты и другіе люди безъ вѣрныхъ и опредѣленныхъ средствъ пропитанія. Есть вопросы народные, политическіе и литературные, о которыхъ часто идетъ жаркій бой въ газетахъ, между тѣмъ какъ въ провинціи равнодушно и съ сожалѣніемъ смотрятъ на борцовъ.

Въ провинціи каждый говоритъ такимъ языкомъ, какимъ хочетъ, каждый считаетъ политику дѣломъ пригоднымъ лишь для лѣнтяевъ, и каждый читаетъ лишь то, что ему нравится, т. е. ничего не читаетъ, ибо, какъ справедливо замѣтилъ намъ контролеръ Лангбауэръ, съ нѣкотораго времени даже въ календаряхъ пишутъ однѣ глупости.

Подобнаго рода вещи не разъ служили поводомъ къ болѣе серьезнымъ неудовольствіямъ въ семействѣ форштеера, чѣмъ супъ съ крупами и хрѣнъ съ уксусомъ, болѣе серьезнымъ, чѣмъ казалось пани почтмейстершѣ и ксендзу-викарію.

Панъ Прецличекъ, пока онъ писался Венцель Претцлитчекъ, твердилъ о себѣ, что онъ—честный нѣмецъ. Относительно существительнаго съ нимъ соглашался весь уѣздъ, но о прилагательномъ нѣкоторые были другаго мнѣнія. Впрочемъ, пану Прецличку не зачѣмъ было доказывать, къ какой онъ принадлежитъ народности, ибо всѣ знали, что онъ говоритъ только по-нѣмецки и немного по-чешски, столько, сколько нужно простому смертному, чтобы никогда не выучиться по-польски. Вопросъ о наружности пана Прецличка былъ совершенно ясенъ, а ежели

Digitized by Google

оставалось еще какое-либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи, то и его устраняла пани форштеерша: въ дурномъ расположеніи духа, она, обращаясь къ своему супругу, говорила ему: «ты—швабъ!»

Выпадали такіе дни, часы и минуты, въ которые эта ангельская женщина не только выходила изъ свойственнаго ей терпѣнія и оказывала предосудительное неуваженіе къ супружеской и правительственной власти, представляемой особою пана бецирк-форштеера, но даже была виновна въ нарушеніи той статьи императорско-королевскаго уголовнаго Уложенія, въ которой упоминается о возбужденіи ненависти и проч.

Конечно, не одна родовитая шляхтянка, носящая гербъ Порайевъ, Сасовъ, Равичей, Гоздавовъ, или иной, спроситъ съ удивленіемъ, почему пани Прецличекъ, рожденная Ганзерле, называла своего мужа швабомъ, и можетъ ли Несѣцкій или Папроцкій припомнить такихъ старыхъ поляковъ, которые назывались Ганзерле... Ганзерле, Ганзерле!

Увы, нѣтъ! Ни одинъ Ганзерле не былъ съ Болеславомъ Храбрымъ при взятіи Кіева, ни одинъ не погибъ подъ Варной, ни одинъ не срывалъ сеймовъ, ни одинъ не служилъ подстаростою у Радзивилловъ, Любомирскихъ или Ржевускихъ, ни одинъ не присягалъ въ вѣрности наидостойнѣйшему Лотарингскому дому при занятіи Галиціи. Только одинъ Ганзерле прославился въ Ржешовскомъ, либо Тарновскомъ повѣтѣ своею ревностію въ 1846 году, за что былъ награжденъ орденомъ и 200 гульденовъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя причины этого факта не вполнѣ объяснены, пани Прецличекъ, рожденная Ганзерле, пазывала своего мужа швабомъ, знала и говорила только по-польски и воспитала свою дочь полькой.

Панъ Прецличекъ не разъ ломалъ себѣ голову надъ причинами столь загадочнаго факта. Если и ты, почтенный читатель, призадумался, то соблаговоли при этомъ случаѣ разъяснить себѣ, для чего, наоборотъ, многія дамы, которыхъ предки засѣдали въ сеймахъ со временъ Кривоустаго до императора Генриха, съ гордостію бросали въ императорскую казну свои перстни, за что ихъ награждали историческимъ «спасибо—Dank»,—для чего, говорю, такія дамы не понимаютъ разницы между швабомъ и не-швабомъ и воспитываютъ своихъ дочекъ конечно не польками?

Но покуда удовольствуемся тѣмъ, что панъ Прецличекъ не

Digitized by Google

могъ понять, чего ради его жена ополячилась, почему его собственная кровь, его дочка, его Мильхенъ, не могла или не хотѣла научиться по-нѣмецки и простерла такъ далеко свое неуваженіе къ господствующей народности, что языкъ Меттерниха и Крига, языкъ предписаній и протоколовъ, называла.... отъ ужаса ерошатся па головѣ волосы! Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императорско-королевскій бецирк форштееръ, на свой вопросъ: «накрыли ли на столъ»; сдѣланный по-нѣмецки, получилъ въ отвѣтъ: «Эхъ, папаша, не говори же со мною на этомъ бараньемъ языкѣ!»

Я, по крайней мѣрѣ, не игралъ роли въ правительствѣ, и Мильхенъ не могла при мнѣ скомпрометировать пана Прецличка. Но разъ приключился въ Цаповицахъ страшный случай, болѣе ужасный, чѣмъ бѣдствіе подъ Кениггрецомъ, или коронація въ Пештѣ. Разсказывая о немъ, черезъ годъ, самому близкому другу, панъ Прецличекъ оглядывался во всѣ стороны и трепеталъ до мозга костей. Дѣло приключилось такое:

Его превосходительство, дѣйствительный тайный совѣтникъ и камергеръ его императорско-королевскаго апостолическаго величества, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Менсдорфъ-Пульи, проѣзжая въ Коломыю, Залещикъ или Тарнополь, удостоилъ остановиться на цѣлыхъ два часа въ Цаповицахъ, гдѣ собрались, для изъявленія подобающаго уваженія его превосходительству, представители крупныхъ и мелкихъ помѣстій и лица, ничѣмъ не владѣющія. Панъ Якубъ Быковскій, носившій гербъ Козлерогихъ, въ пышномъ кунтушѣ и кованомъ поясѣ, шляхтичъ вышиною въ 6, а окружностію въ 28 футовъ, обратилъ на свою видную фигуру вниманіе его превосходительства, который, самымъ ласковымъ тономъ, удостоилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: что слышно по сосѣдству. Панъ Якубъ, хоть и не бойко говорилъ по-нѣмецки, сумѣлъ однако собраться съ силами и, обтирая потъ съ своего лба, вымолвилъ въ отвѣтъ на ломапомъ языкѣ: «да плохо, ваше императорское превосходительство: картофель себя не уродилъ, все сѣно пфуй, панъ добродзѣй, пфуй подати велики, панъ добродзѣй!»

Его превосходительство соблаговолилъ улыбнуться, ласково махнулъ рукой столпившимся представителямъ повѣта и пошелъ на первый этажъ зданія бецирка, чтобы посѣтить канцелярію пана начальника. Его превосходительство изволилъ идти впереди, позади его шелъ адъютантъ, а за ними слѣдовалъ

Digitized by Google

панъ Прецличекъ, который видѣлъ, что его превосходительство, вступивъ въ корридоръ, отворилъ не ту дверь, но, какъ покорный подчиненный, не осмѣлился что-либо замѣтить столь высокому начальнику. Такимъ образомъ случилось, что императорско-королевскій дѣйствительный тайный совѣтникъ и камергеръ заглянулъ сперва въ кухню и собственными глазами удостовѣрился, что пани Прецличекъ готовила въ тотъ день къ обѣду борщъ съ ушками, пироги съ творогомъ и другія снѣди. Адъютантъ шепнулъ: «не туда», его превосходительство отворилъ другія двери, но и эти вели не въ канцелярію, а въ гостиную, гдѣ, по злосчастному стеченію обстоятельствъ, сидѣла на софѣ панна Эмилія Прецличекъ и читала «Денникъ Литерацкій». При видѣ мущины съ золотымъ воротникомъ и красными лампасами на панталонахъ, она встала и покраснѣла. Одѣтая въ очень простенькое ситцевое платьице, она была, ей-Богу, милѣе пана Якуба Быковскаго въ гранатовомъ кунтушѣ, съ красными отворотами, съ богатымъ прадѣдовскимъ поясомъ, гордо завязаннымъ на его сарматскомъ животѣ. Его превосходительство остановился на минуту въ дверяхъ и изволилъ быть почти такъ любезнымъ, какъ будто состоялъ еще посломъ при Петербургскомъ дворѣ, а не былъ комендантомъ осаднаго положенія въ Галиціи. Онъ улыбнулся и сказалъ по-нѣмецки: «это, вѣроятно, ваша дочь, геръ Прецличекъ?» Панъ начальникъ поклонился чуть не до земли. «Вы, вѣрно, фрейлейнъ, много занимаетесь чтеніемъ?»—«Къ услугамъ пана добродзѣя», брякнула по-польски въ отвѣтъ Мильця, выдѣлывая книксенъ. Его превосходительство затворилъ двери и вернулся, наконецъ, въ канцелярію, добродушно пробормотавъ себѣ подъ носъ: «чудны эти поляки съ своимъ пантопротчей».

Панъ Прецличекъ, блѣдный какъ стѣна, простоналъ какія-то, вовсе излишнія, извиненія, которыхъ его превосходительство не слыхалъ: нѣкогда знаменитый посолъ и воинъ, онъ не былъ Иродомъ. Но пану Прецличекъ уже грезились отставка, кандалы, Куфштейнъ и висѣлица, какъ самое снисходительное наказаніе отцу, дерзнувшему имѣть такую дочь,—дочь, которая, будучи дѣтищемъ императорско-королевскаго начальника, отвѣчала по-польски: «къ услугамъ пана добродзѣя», тогда какъ красный грубый шляхтичъ сумѣлъ произнести по-нѣмецки вѣрноподданническія слова: «да, плохо, ваше императорское превосходительство: картофель себя не уродилъ»,—дочь, которая осмѣли-

Digitized by Google

валась заниматься чтеніемъ и читать такое революціонное изданіе, какъ «Денникъ Литерацкій», тогда какъ его превосходительство не разъ говорилъ, что съ той поры, какъ онъ былъ кадетомъ, онъ не читалъ ни одной книжки, потому что чтеніе губитъ и уничтожаетъ вѣрноподданническія чувства. Вслѣдствіе такого несчастія, панъ Прецличекъ прохворалъ цѣлую недѣлю; послѣ подобной катастрофы не пошли ему въ прокъ ни борщъ съ ушками, ни пирожки съ творогомъ; онъ и безъ того жаловался на кислоты въ желудкѣ.

Почтеннѣйшая публика Цаповицскаго повѣта объясняла по-своему эту болѣзнь пана форштеера. Наша публика, особенно же высшій, образованный и независимый кругъ, имѣетъ даръ, какъ писали въ «Глосѣ», видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, даже осадное положеніе. Въ высокопоставленныхъ лицахъ мы, поляки, всегда открываемъ какія-то необыкновенныя качества, замѣчаемъ въ нихъ особенное къ намъ вниманіе и привѣтливость. Есть же люди, которые вѣрятъ, что Искра въ сущности не дурной полякъ. Въ ту пору разсказывали, что его превосходительство сильно журилъ форштеера за допускаемыя имъ въ повѣтѣ притѣсненія, а именно за то, что ясновельможный Цаповицкій, самый вѣрноподданный человѣкъ въ свѣтѣ, былъ притянутъ къ допросу, и за неслыханные обыски въ домѣ пановъ Кудеркевичей, въ Гленбочискѣ, которые ни къ чему не привели. Эти слухи еще болѣе раздражили пана форштеера, и онъ слегъ въ постель. Долго толковали объ этомъ въ повѣтѣ и не мало хвалили его превосходительство. Поляки—народъ добрый и ублажить ихъ не трудно.

Мы уже упомянули, что обыски въ домѣ пановъ Кудеркевичей оставались безъ послѣдствій. Такъ бывало и съ другими правительственными распоряженіями, которыя дѣлалъ панъ форштееръ. Это огорчало его столь же сильно, какъ и вышеописанная встрѣча его Мильци съ графомъ Менсдорфомъ; ему было досадно, что онъ не зналъ, на кого возложить отвѣтственность за постоянную неудачу своихъ наимудрѣйшихъ государственно-полицейскихъ соображеній. За встрѣчу Мильци съ графомъ онъ сдѣлалъ сцену пани Прецличекъ и нашелъ въ томъ нѣкоторое утѣшеніе. Въ случаѣ нужды, онъ умѣлъ водворять дома такой же порядокъ, какъ въ бециркѣ между служащими канцеляристами и діурнистами. «Himmel-kreuz-donnerwetter-sacrament-krucifix-nochamal!» такъ обыкновенно начинались его кроткія супру-

Digitized by Google

жескія внушенія. Затѣмъ слѣдовало швыряніе разныхъ мелочей, горшковъ съ цвѣтами, блюдечекъ, чашекъ и т. п. Очистивъ поле битвы этою сподручною артиллеріей, панъ форштееръ вооружался чубукомъ или хлопушкою для мухъ, бѣгалъ по комнатѣ и повторялъ свою брань стѣнамъ и печи, ибо пани форштеерша и Мильця, по стратегическимъ соображеніямъ, уже давали тягу, чтобъ избавить себя отъ повторенія первой вспышки германскаго бѣшенства, такъ-называемой rabies teutonica. Впослѣдствіи пани форштеершѣ всегда удавалось склонить побѣду на свою сторону, ибо у ней оставалось средство, которымъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ, пользуются всѣ жены, имѣющія строптивыхъ мужей. Панъ форштееръ могъ засадить въ тюрьму весь повѣтъ, она же могла проморить голодомъ пана форштеера. Она могла поить его кофе пополамъ съ цикоріемъ и съ кислыми сливками; она могла кормить его за обѣдомъ такими блюдами, какихъ не переваривалъ ни одинъ чехъ. Впрочемъ, панъ форштееръ имѣлъ очень слабую сторону—недугъ отъ кислотъ въ желудкѣ. Каждый великій человѣкъ отличался какою-нибудь слабостію: Владиславъ Ваза боялся яблокъ, Баярдъ боялся ружья, Петръ Великій боялся ходить по мосту, панъ Прецличекъ боялся своихъ кислотъ. Пани Прецличекъ стоило только, всплеснувъ руками, сказать: «какъ ты сегодня нехорошъ, какой ты блѣдный», и панъ форштееръ дѣйствительно блѣднѣлъ и скорбнымъ голосомъ жаловался, что у него опять расходились въ желудкѣ проклятыя кислоты. Тогда весь день управляться съ нимъ было легко, какъ съ ребенкомъ. Мильця могла читать «Денникъ Литерацкій» и ѣхать къ Кудеркевичамъ въ Гленбочискъ, если за нею присылали экипажъ, а пани форштеерша могла принимать и навѣщать кого хотѣла. Такимъ образомъ, обѣ женщины умѣли распоряжаться, по крайней мѣрѣ въ мелочахъ обыденной жизни, по своему усмотрѣнію; но за то важные вопросы, политическіе, административные и семейные, панъ Прецличекъ рѣшалъ своею абсолютною властію, ограничиваемою только совѣщательнымъ голосомъ Дудіо и его достопочтенныхъ родственниковъ.

Но и въ столь важныхъ дѣлахъ женщины не разъ обходили власть пана форштеера, хотя панъ форштееръ никогда о томъ не догадывался и тѣмъ сильнѣе гнѣвался на вышеописанный ладъ, только гнѣвался въ канцеляріи, а не дома. Въ памятные годы 1863 и 1864, при неутомимыхъ поискахъ пана форштеера и другихъ повѣтовыхъ чиновниковъ, не разъ удавалось

Digitized by Google

ловить по нѣскольку дюжинъ тѣхъ опасныхъ бродягъ, которые шатались въ краѣ, какъ будто не существовало § о бродягахъ въ уголовномъ Уложеніи. Когда повѣтовая тюрьма была набита до-пельзя возмутителями общественнаго спокойствія, когда двери были заперты запоромъ и пятью замками, панъ форштееръ писалъ донесеніе въ округъ и ложился спать, предвкушая въ сладкихъ мечтаніяхъ пріятности допроса такихъ страшныхъ преступниковъ. Но утромъ, когда жена приносила ему въ спальную кофе и увѣряла его, что сегодня желудокъ его въ порядкѣ, входилъ съ очень кислою миною панъ Невеличко, повѣренный діурнистъ форштеера, и докладывалъ ему, что двери тюрьмы на запорѣ, всѣ замки цѣлы и донесеніе готово къ отправленію на почту, только инсургентовъ нѣтъ. Всѣ Цаповицы поворачивали въ верхъ дномъ, арестовывали всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ, грозили высшимъ чиновникамъ отставкою, а мелкотѣ—уголовнымъ судомъ; угрозы приводились иногда въ исполненіе, но инсургенты не отыскивались. Это повторялось очень часто, а панъ форштееръ ни разу не догадался, что злодѣи сидятъ у него на чердакѣ, гдѣ пани форштеерша и Мильця отвели имъ квартиру, что они пили тамъ его кофе, курили его черный табакъ подъ фирмою «трехъ королей», даже изъ собственныхъ его трубокъ и — о, ужасъ!— надѣвали нерѣдко его бѣлье. Иногда въ шестомъ часу утра цѣлая правительственная экспедиція, съ жандармами, войскомъ и кандалами отправлялась въ Гленбочискъ, или Малоставицы, или какое-нибудь иное мѣсто, дѣлать самый подробный обыскъ въ тамошнихъ домахъ, и въ шестомъ часу вечера вся эта правительственно-полицейская арава привозилась обратно въ Цаповицы безъ всякой добычи. Форштееру и никому въ свѣтѣ не приходило въ голову, что въ предшествующую ночь цаповицскій жиденокъ Шлойма бѣгалъ по той же дорогѣ съ письмомъ, адресованнымъ вельможной пани Кудеркевичъ, или Быковской, слѣдующаго содержанія: «Ежели у пани добродзѣйки есть для продажи то масло, о которомъ мы говорили въ воскресенье, то прошу прислать мнѣ его завтра утромъ въ шесть часовъ. Готовая къ услугамъ», и проч. Шлойма дивился, что экспедиція обыкновенно ѣздитъ по той дорогѣ, по какой онъ возвращается; но Шлойма не любилъ болтать и молчалъ, имѣя на то свои причины.

Изъ этого слѣдуетъ, что величайшіе политики не могутъ быть увѣрены, что планамъ ихъ не станутъ противодѣйствовать самые

Digitized by Google

близкіе люди. Убѣжденъ ли былъ Наполеонъ III, что Евгенія не путала часто его распоряженій? Панъ Прецличекъ, помимо разстройства своего желудка, былъ великимъ политикомъ, но тоже этого не подозрѣвалъ; даже пани ассистентша ни разу не угадала настоящую суть дѣла. Впослѣдствіи, къ великому удивленію цаповицскаго общественнаго мнѣнія, обнаружились разныя обстоятельства, имѣющія нѣкоторую связь съ вышеупомянутымъ антагонизмомъ и съ героинею нашей повѣсти.

О героинѣ мы говорили до сихъ поръ очень мало и потому посвящаемъ ей слѣдующую главу.

## ГЛАВА III,

очень сантиментальная, трактующая о разныхъ финансовыхъ, административныхъ и гминныхъ вопросахъ и о комитетахъ для вспоможенія голодающимъ.

На всемъ пространствѣ Цаповицскаго повѣта, заключающемъ въ себѣ 36 гминъ и столько же господскихъ владѣній, въ части населенія, причисляемой обыкновенно къ разряду шляхты и интеллигенціи, было 47 невѣстъ; въ это число не включены взрослыя дочери священниковъ уніатскаго обряда и оффиціалистовъ ниже званія управляющихъ и повѣренныхъ, а равно и тѣ панны, которыя долѣе 25 лѣтъ считались въ спискѣ населенія кандидатками на супружество. Сверхъ того, на томъ же пространствѣ жили четыре вдовы, готовыя вступить въ бракъ. Въ мужскомъ полѣ, на случай поголовнаго ополченія, которое имѣло бы цѣлью переженить весь человѣческій родъ, числилось по $3^1/_2$ неженатыхъ мущинъ на квадратную милю, а въ цѣломъ повѣтѣ считалось ихъ шесть. Но на самомъ дѣлѣ число пригодныхъ для брака лицъ мужскаго пола оказывалось еще менѣе выгоднымъ для осуществленія такого идеальнаго поголовнаго ополченія. Въ шляхтѣ были двое вдовцовъ, трое старыхъ и двое молодыхъ холостяковъ, да въ интеллигенціи трое, всего 10, или по $1^2/_3$ на географическую квадратную милю. Такимъ образомъ на каждаго кандидата приходилось по $5^1/_{10}$ кандидатокъ, а на каждую кандидатку по $^{10}/_{51}$ кандидата, т. е. около одной пятой жениха или даже менѣе, если принять въ соображеніе, что одинъ изъ кавалеровъ, цаповицскій аптекарь, магистръ фар-

Digitized by Google

маціи, панъ Пигульскій, былъ ростомъ только въ четыре фута и два дюйма.

Эти цифры, вполнѣ точныя и основанныя на оффиціальномъ исчисленіи, не имѣютъ, правда, непосредственной связи съ дѣйствіями лицъ нашего разсказа, но онѣ, надѣюсь, послужатъ очевиднымъ доказательствомъ тому, какъ глубоко и добросовѣстно авторъ изучилъ предметъ, прежде чѣмъ приступилъ къ написанію своей вполнѣ достовѣрной повѣсти. Къ тому же онѣ могутъ служить математическою мѣрою высокихъ достоинствъ, очаровательныхъ прелестей и другихъ несравненныхъ качествъ сердца, тѣла и души героини, которой имя, вмѣстѣ съ этимъ образцомъ авторскаго искусства, перейдетъ въ отдаленное потомство. Вообрази себѣ, почтенный читатель, какимъ ангеломъ красоты и кротости должна быть панна Эмилія, ежели изъ числа 47 другихъ ангеловъ, зрѣлыхъ и юныхъ, свѣтло и темноволосыхъ, полныхъ и худощавыхъ, большихъ и маленькихъ, съ приданымъ и безъ приданаго, именно ее выбралъ въ героини своей повѣсти такой знаменитый авторъ, какимъ несомнѣнно сдѣлаюсь я, если только найду гостепріимную редакцію, которая дозволитъ мнѣ помѣстить на своихъ столбцахъ написанную мною самимъ критику моихъ сочиненій и втолковать читающей публикѣ, что это сочиненіе принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній отечественной литературы и должно быть переведено на языкъ.... напримѣръ, сербскій? Въ наше время авторы не стѣсняютъ себя тою ложною скромностію, которая прежде возбраняла имъ хвалить свои собственныя произведенія. Недавно нѣкій лирическій поэтъ возвѣстилъ свѣту появленіе томика своихъ стиховъ слѣдующими словами: «вотъ новое собраніе пѣсней нашего юнаго соловья N. N.». Это уже большой шагъ впередъ; не понимаю только, зачѣмъ, ради остатка безполезной скромности, юный пѣвецъ не приравнялъ себя болѣе крупной птицѣ,—ну, хоть бы иволгѣ или воронѣ.

Но бросимъ эти литературныя сплетни, которыми уже пресытились читатели газетъ, такъ какъ редакторы газетъ и литераторы всего охотнѣе и чаще пишутъ о себѣ самихъ. Возвратимся къ нашей героинѣ и ея ангельскимъ качествамъ. Изобразимъ ее такъ, чтобы по нашему разсказу каждый долженъ былъ въ нее влюбиться, ежели только въ его сердцѣ отыщется мѣсто такому неутилитарному чувству, какова любовь. Да, милостивыя государыни, утилитаризмъ вытѣснилъ изъ сердца мущинъ



Digitized by Google

всякую способность къ любви, если нѣтъ приданаго; утилитаризмъ заглушилъ всѣ благородныя чувства; повѣрьте мнѣ—и присоединитесь къ оппозиціи. Не позволяйте вашимъ мужьямъ, сыновьямъ, братьямъ и возлюбленнымъ участвовать въ процессіяхъ съ факелами въ честь графа Голуховскаго, или подписывать адресы этому представителю утилитаризма и другихъ менѣе злочестивыхъ дѣлъ. Въ Мосцискахъ скоро соберется митингъ старыхъ дѣвъ, которыя постановили высказать въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе бывшему намѣстнику и всей польской делегаціи за то, что они руководствовались утилитарными воззрѣніями; подпишитесь всѣ на такомъ постановленіи и напечатайте его въ какомъ-нибудь оппозиціонномъ органѣ, какъ громкій протестъ противъ нарушенія самыхъ священныхъ чувствъ, правъ и т. д.

Панна Эмилія имѣла большіе, полные выраженія глаза, которые очаровали бы самаго утилитарнаго депутата и заставили бы его подавать голосъ за предложенія Смолки. Въ нихъ было столько сердца и ума, что можно бы было надѣлить ими цѣлый мѣстный совѣтъ какого-нибудь столичнаго города, и еще не мало осталось бы въ запасѣ у нея самой. Въ нихъ было болѣе огня, чѣмъ въ самой пламенной рѣчи пана Тадеуша Романовича, весьма приличнаго молодаго человѣка, редактора «Львовскаго Денника», котораго я почтительнѣйше рекомендую вашему благосклонному вниманію, любезныя читательницы, потому что онъ ненавистникъ всякаго утилитаризма. Въ этихъ глазахъ было много разныхъ другихъ плѣнительныхъ и упоительныхъ вещей, цвѣтъ же ихъ былъ карій. Прибавимъ къ такимъ глазамъ темныя брови и рѣсницы, темные волосы, правильныя черты лица, цвѣтъ кожи нѣсколько смугловатый, ростъ на шесть дюймовъ выше маковки вышеупомянутаго магистра фармаціи, пана Пигульскаго, и такую полноту, которая не переступала должныхъ границъ въ прелестяхъ этого рода,—и мы получимъ болѣе вѣрное изображеніе дочери цаповицскаго повѣтоваго начальника, чѣмъ то, которое было прописано въ ея билетѣ на жительство, скрѣпленномъ штемпелемъ въ гульденъ и за подписью милаго папаши. Само собою разумѣется, что главный блюститель порядка и общественнаго спокойствія въ Цаповицскомъ повѣтѣ не могъ допустить, чтобы дочь его не имѣла вида, документа столь необходимаго каждому мирному гражданину и каждой мирной гражданкѣ. Еслибы панъ Прецличекъ гдѣ-либо захватилъ са-

Digitized by Google

мого себя безъ надлежащаго вида, то онъ, безъ всякаго снисхожденія, приказалъ бы препроводить себя на родину, для удостовѣренія своей личности.

По наружности панна Эмилія была темнорусая красавица, въ которую должно бы было влюбиться все мужское племя, еслибъ оно уже не было влюблено въ разныхъ драматическихъ артистокъ и въ разныя акціи, которыя то падаютъ, то идутъ въ гору. Что касается внутренняго содержанія этой милой головки, обрамленной темными косами, то она заключала въ себѣ, кромѣ надлежащаго запаса еще незабытаго швейцарско-львовскаго діалекта французскаго языка и другихъ элементовъ приличнаго женскаго воспитанія, все то, что удалось ей почерпнуть въ нѣсколько лѣтъ изъ книжекъ библіотеки для чтенія и изъ того архива восточно-галиційской письменности, который называется «Денникомъ Литерацкимъ». Было тамъ немного Сю, Дюма, Бульвера и Занда, гораздо больше Корженевскаго и Крашевскаго, очень много Мицкевича, мало Словацкаго, нѣсколько основательныхъ свѣдѣній и непомѣрно много прекрасныхъ мечтаній, грезъ и восторговъ,—словомъ, цѣлый арсеналъ польской поэзіи и цѣлая сокровищница честныхъ и благородныхъ понятій. Въ настоящее время едва ли можно придумать болѣе счастливое внутреннее убранство для такой прекрасной головки: прибавьте поэзіи—выйдетъ болѣзненная экзальтація; прибавьте знаній—выйдетъ несносная, самодовольная полуученость; убавьте поэзіи и знаній—окажется эгоизмъ и модная пустота. Я очень радъ, что въ этомъ отношеніи могу выставить мою героиню примѣромъ, достойнымъ подражанія, и отъ всего сердца поздравлю тотъ пансіонъ, которому удастся дать своимъ воспитанницамъ такое же образованіе, какое дала себѣ панна Эмилія. Выучившись въ одномъ изъ подобныхъ заведеній, въ принятой мѣрѣ, французскому языку и игрѣ на фортепіано, она продолжала развивать себя далѣе сама, читая то, что ей нравилось, и отличая врожденнымъ инстинктомъ хорошее отъ дурнаго, правдивое отъ болѣзненно-высокопарнаго.

Отъ головы слѣдовало бы перейти къ сердцу, какъ вмѣстилищу главнѣйшихъ качествъ, которыми должна блистать каждая героиня въ повѣсти и въ жизни. Она должна любить Бога, родителей, отечество, всѣхъ ближнихъ, всѣ цвѣты, домашнихъ животныхъ, восходъ и закатъ солнца, майскую зелень, пѣснь соловья и множество другихъ предметовъ; для избранника же



Digitized by Google

своего сердца она должна худѣть отъ тоски, должна быть готова на всякія жертвы и, въ примѣръ своимъ подругамъ, должна пролить цѣлое море слезъ и остаться вѣрною среди величайшихъ злополучій.

Въ жизни бываетъ иногда не совсѣмъ такъ. Люди имѣютъ дурную привычку соблюдать діэту, хозяйничать и влюбляться не по-книжному, а каждый по-своему. Одинъ читаетъ Гуфланда, а ѣстъ за ужиномъ жареную свинину съ кислою капустой, другой изучаетъ Либиха, а ежегодно удобряетъ 20 моргеновъ поля 30-ю возами гнилой соломы, третій умиляется надъ «Коварствомъ и любовью», а покидаетъ вѣрную Лудовику ради приданаго Эвлаліи. Воистину не стоило бы писать книжекъ для столь неисправимаго поколѣнія, еслибы среди его не было васъ, уважаемыя читательницы и еще болѣе уважаемыя покупательницы этой повѣсти. Только для васъ, и для васъ однихъ, я разскажу, какъ и кого любила панна Эмилія, много ли и долго ли она плакала и на какія жертвы она была готова; но все это я разскажу въ свое время и на своемъ мѣстѣ въ послѣдующихъ главахъ, теперь же объ ея сердцѣ могу сказать вамъ лишь то, что оно было лучшимъ сердцемъ въ Цаповицахъ и во всемъ Цаповицскомъ повѣтѣ, гдѣ 20.000 сердецъ билось по нѣскольку десятковъ разъ въ каждую минуту.

У всякаго человѣка, кромѣ головы и сердца, есть еще карманъ. Умъ приноситъ крохотный дивидендъ, а любовь въ убогой хижинѣ хоть и очень сладкая штука, но только лѣтомъ, пожалуй и зимою, но при истопленной печи, иначе небесное пламя не спасетъ отъ холода. Это не мое мнѣніе, избави Боже!—я учился любви по книгамъ и знаю, что она должна выдерживать всякія испытанія, всякія нравственныя и физическія мученія; но утилитарное галиційское большинство имѣетъ иныя, болѣе практическія убѣжденія. Поэтому, пока мы, оставаясь вѣрными знамени оппозиціи, не направимъ большинство на лучшій путь, мы обязаны принимать въ соображеніе его слабости. Для вящаго интереса моей повѣсти, я желалъ бы, чтобы всѣ влюбились въ мою героиню, а потому дѣлаю уступку гнусному утилитаризму и присовокупляю, что дочь форштеера, панна Эмилія, была не только прекрасною, умною и доброю дѣвицею, но и невѣстою съ приданымъ.

Панъ Прецличекъ вынесъ изъ своей родины только синій фракъ и старую круглую шляпу. Онъ ни разу не выигралъ

Digitized by Google

въ лотерею, не получалъ наслѣдства и издерживалъ ежегодно почти все получаемое имъ жалованье. Несмотря на это, онъ иногда признавался, что ему удалось скопить небольшую сумму; по обстоятельнымъ справкамъ, которыя можно было собрать у цаповицскихъ жидовъ, оказывалось, что эта сумма составляла около 60.000 гульденовъ. Не удивительно, что его единственная дочка казалась каждому еще несравненно прекраснѣе, умнѣе и добрѣе. Даже бриллiантъ лучше блеститъ въ золотой оправѣ.

Конечно, по очень естественному любопытству, пріятно возбужденному этимъ извѣстіемъ, многіе пожелаютъ узнать, какими судьбами вещественное благосостояніе пана Прецличка пришло въ столь цвѣтущее положеніе. О, Боже! какое дѣло до этого людямъ? Надо жить и не мѣшать жить другимъ! Таково было правило пана форштеера, приносившее несравненно болѣе процентовъ, чѣмъ всѣ демократическія убѣжденія, вмѣстѣ съ подпискою на газеты, въ которыхъ они проповѣдуются. Панъ форштееръ дозволялъ жить всѣмъ людямъ, за исключеніемъ людей подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи, у нихъ же денегъ обыкновенно не бываетъ. Наоборотъ, люди неподозрительные давали жить пану форштееру, который, въ качествѣ высшей судебной власти въ повѣтѣ, судилъ и рядилъ какъ подозрительныхъ, такъ равно и неподозрительныхъ. Во-первыхъ, замѣтимъ, что только въ 1866 году, по скаредству графа Белькреди, была назначена небольшая сумма на годовые мелкіе расходы повѣтовыхъ правленій, но что въ теченіе предшествовавшихъ десяти лѣтъ государственная казна, покрывая эти издержки, обращала гораздо болѣе вниманія на потребности всюду присущей администраціи, чѣмъ на крики недовольныхъ, которые жаловались на большія подати. Кромѣ расходовъ на освѣщеніе, отопленіе и содержаніе въ порядкѣ и чистотѣ казеннаго дома, кромѣ чернилъ, сургуча, бичевокъ, бумаги и проч., были еще судныя и политическія комиссіи, которыя очень часто высылались для обозрѣнія всѣхъ гминъ Цаповицскаго повѣта. При такихъ случахъ чиновники, по всей справедливости, были щедро вознаграждаемы за свои труды суточными деньгами. Теперь комиссіи не наряжаются такъ часто, но въ то время самъ панъ форштееръ колесилъ въ годъ по нѣскольку тысячъ миль вдоль, поперекъ и вокругъ своего повѣта. Далѣе, случались разнаго рода дѣла. Извѣстно,

Digitized by Google

что крестьяне любятъ обращаться къ начальству и безпрестанно безпокоятъ его своими дрязгами—то просьбами объ увольненіи сыновей отъ военной службы, то жалобами на войтовъ и помѣщиковъ и т. п. Притомъ они не знаютъ ни законовъ, ни предписаній, и нужно все имъ объяснять. Объясненія давалъ панъ форштееръ или самъ, или чрезъ посредство Дудіо, а народъ, проникнутый благодарностію, приносилъ ее по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Затѣмъ, въ повѣтѣ жили два разорившихся помѣщика, которые часто нуждались въ деньгахъ. Легко дать взаймы, но получить долгъ трудно, и Дудіо не разъ просилъ содѣйствія пана форштеера при взысканіи той или другой суммы. Панъ форштееръ помогалъ ему, но опасаясь, чтобы Дудіо, по добротѣ сердечной, не понесъ когда-либо большихъ убытковъ, предложилъ ему не рисковать своею кровью, одолжая этихъ польскихъ мотовъ своими грошами, заработанными тяжкимъ трудомъ, но пользоваться для этой цѣли двумя тысячами, которыя накопилъ панъ форштееръ. Дудіо согласился на предложеніе и признавался потомъ пану форштееру, что въ полякахъ еще много хорошаго, потому что за 2.000 наличныхъ ему, просто изъ благодарности, безъ всякаго вымогательства, дали векселей на 5.000. Дудіо, съ своей стороны, какъ честный и добродушный человѣкъ, удѣлялъ пану форштееру частицу при взысканіи. Когда истекалъ срокъ по его векселямъ, взысканіе производилось быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать отъ обезславленной австрійской процедуры, потому что панъ форштееръ имѣлъ слабость къ Дудіо и самъ очень ревностно занимался его дѣлами. Не разъ случалось высокому присутствію, подъ предсѣдательствомъ пана форштеера, налагать секвестръ на какой-нибудь скирдъ хлѣба, за недоимки въ податяхъ, между тѣмъ какъ этотъ скирдъ давно уже былъ секвестрованъ, обмолоченъ и проданъ съ аукціона въ пользу Дудіо, по вексельному взысканію. Такъ размножались тысячи пана форштеера пропорціонально поразительной убыли въ имуществѣ двухъ упомянутыхъ шляхтичей.

Впослѣдствіи Дудіо отыскалъ случай, давшій пану Прецличку драгоцѣнное средство выказать все свое доброжелательство къ тому бѣдному деревенскому населенію, на плеча котораго, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, большинство сейма возлагаетъ всѣ тягости. Во время крымской войны, когда сдѣлали раскладку добровольнаго народнаго займа, согнали въ Цаповицы всѣхъ

Digitized by Google

гминныхъ войтовъ и депутатовъ и приказали имъ тамъ подписаться, отъ имени гминъ, на этотъ патріотическій заемъ. Такимъ образомъ каждый членъ гмины сталъ бѣднѣе на нѣсколько гульденовъ, но за то каждая гмина обогатилась нѣсколькими облигаціями займа. Дудіо разъяснилъ пану форштееру, что глупый народъ не знаетъ, что дѣлать съ облигаціями и часто даже не отрѣзаетъ отъ нихъ купоновъ. Панъ форштееръ, какъ опекунъ гминнаго имущества, разрѣшилъ продажу облигацій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для покупки ихъ, вручилъ Дудіо потребное количество банковыхъ билетовъ. Жители деревень такъ этому обрадовались, что облигаціи въ 1.000 гульденовъ продавали за сто, лишь бы скорѣе воспользоваться милостію своего начальника и сбыть бумаги, пользы которыхъ они не понимали. Одинъ лишь войтъ Гленбочиской гмины, подстрекаемый паномъ Кудеркевичемъ, смекнулъ, какъ была выгодна подобная финансовая операція, но его тотчасъ смѣнили и опредѣлили войтомъ другаго крестьянина, вернувшагося за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ изъ Львова, гдѣ онъ въ теченіе шести лѣтъ развивалъ свои политико-экономическія познанія, проживая въ работникахъ у монахинь бригитокъ. Такимъ образомъ операція кончилась благополучно, и конечно никто не осудитъ пана форштеера, явившаго столько примѣровъ своего человѣколюбія, за то, что онъ принялъ потомъ отъ Дудіо эти облигаціи въ уплату данной ему суммы, разумѣется, за вычетомъ извѣстной прибыли въ пользу послѣдняго, ибо жидъ беретъ барыши на всемъ, даже на филантропіи.

Не менѣе человѣколюбивы были распоряженія пана форштеера, когда до него дошли жалобы, что войты и депутаты пропили деньги, вырученныя ими при продажѣ облигацій. Ни одного изъ нихъ не притянули къ отвѣтственности, и, благодаря этой снисходительности, все дѣло теперь уже забыто и никому не приходитъ въ голову, что въ Цаповицскомъ повѣтѣ гмины владѣли нѣкогда облигаціями добровольнаго займа 1854 года.

Человѣколюбіе и добродушіе пана Прецличка выказались въ самомъ блестящемъ свѣтѣ въ томъ году, въ которомъ наша повѣсть застаетъ его въ Цаповицахъ. То было тяжкое время предъ жатвою 1866 года: комитеты для вспомоществованія голодающимъ являли всюду чрезмѣрную дѣятельность; ясновельможный Цаповицкій, хлопотавшій безъ отдыха при раздачѣ пособій и хлѣба нуждающимся, захворалъ на другой день отъ

Digitized by Google

напряженія силъ и выѣхалъ въ Карлсбадъ; ксендзъ Заіонцъ, по христіанскому милосердію, за деньги, предназначенныя въ безвозвратную ссуду, дозволилъ варить румфордовскій супъ въ пекарнѣ фольварка, принадлежащаго пробоству; а панъ форштееръ, вмѣстѣ съ другими достопочтенными гражданами и священниками уніатскаго обряда, помогалъ бѣднымъ изъ собственнаго кармана, покупая у нихъ ту неурожайную землю, на которой они умирали съ голоду. Это было весьма выгодное для обѣихъ сторонъ дѣло, ибо за 8 гульденовъ можно съ семействомъ прожить въ деревнѣ двѣ недѣли, довольствуясь ячменною кашицей за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, а моргенъ поля, проданный за ту же цѣну, никого не прокормитъ и одного дня, если на немъ ничего не уродилось. Не менѣе справедливо и то, что по такой цѣнѣ можно было за двѣ тысячи гульденовъ пріобрѣсть пространство земли, равное крупному имѣнію.

Такимъ образомъ, благодаря своей правдивости, своему рвенію въ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей и своему добродушію, панъ Прецличекъ скопилъ въ своей шкатулкѣ порядочный капиталецъ, а на имя своей жены владѣлъ, сверхъ того, прекрасною недвижимостію—въ нѣсколько сотъ моргеновъ пашни. Послѣ двухъ дѣвицъ Цаповицкихъ панна Эмилія была лучшею партіей во всемъ повѣтѣ. Ежели я не могу вывести на сцену князей и храбрыхъ витязей, пораженныхъ ея прелестями и борющихся за ея руку, то виною тому наше скверное время: князья хлопочутъ теперь о концессіяхъ на желѣзныя дороги, а храбрые витязи дѣлаются редакторами и мужественно подвизаются перомъ и словомъ, только не за красавицъ.

## ГЛАВА IV,

### въ которой авторъ начинаетъ искать героя для своей героини.

Когда дѣвица достигаетъ двадцатаго или двадцать перваго года, то, при обыкновенныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ человѣческой жизни, какъ она сама, такъ и родители начинаютъ серьезно помышлять объ ея выходѣ замужъ. Въ высшихъ и низшихъ сферахъ общества важный вопросъ о вступленіи въ бракъ представляетъ очень немного затрудненій, и никто такъ мало не хлопочетъ о женитьбѣ сына или о выдачѣ замужъ дочери, какъ

Digitized by Google

короли, очень большіе господа и хлопы. Если женихъ, вступающій во владѣніе землею или уже владѣющій ею, ищетъ хозяйки для своихъ коровъ и свиней, или дамы, которая принимала бы его гостей и сдѣлалась матерью и бабушкою его потомства, то въ обоихъ случаяхъ дѣло это не мудреное, ибо на двухъ крайнихъ ступеняхъ образованнаго общества люди женятся только въ своемъ кругу и при заключеніи браковъ обращаютъ вниманіе только на взаимныя выгоды, чаще же судятъ о томъ родители и старшіе. Въ весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ усмотрѣнныя родителями и старшими выгоды не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ молодой четы и семейное рѣшеніе встрѣчаетъ съ ея стороны сопротивленіе.

Вообще браки съ препятствіями случаются только въ среднихъ сословіяхъ, которыя поэтому и доставили такое обиліе сюжетовъ для романовъ, комедій и драмъ. Воспѣваемыя поэтами чувства, осмѣиваемые сатириками пороки и заблужденія играютъ важную роль при сочетаніи каждой пары, и можно-бъ было написать занимательную повѣсть о томъ, какъ и для чего каждый изъ насъ женился, какъ вздумалъ жениться, или какъ вздумали его женить. Еслибы каждый изъ насъ сообщилъ публикѣ подлинную исторію своей свадьбы, то, пожалуй, какой-нибудь холодный нѣмецкій философъ и статистикъ вычислилъ бы потомъ, что три четверти человѣческаго рода женятся безъ всякой разумной и сантиментальной причины, единственно лишь вслѣдствіе какой-то побуждающей къ тому неумолимой судьбы. Изъ чего тотъ же философъ заключилъ бы весьма остроумно, что человѣкъ—животное, а такъ-называемые разумъ и чувство не болѣе какъ спорадически появляющаяся ненормальная ферментація или вибрація мозга. Какъ бы то ни было, есть ли женитьба послѣдствіе неумолимой судьбы или укоренившагося обычая, во всякомъ случаѣ выборъ другой особы, необходимой по закону природы для заключенія брака, есть такой актъ, при которомъ человѣкъ можетъ доказать самому Дарвину, что онъ есть нѣчто лучшее, чѣмъ новомодное усовершенствованіе павіана, чимпанзе или орангутанга.

Къ сожалѣнію, я долженъ здѣсь замѣтить, что пани и панъ Прецлички, соображая разныя случайности выдачи замужъ своей Мильци, склонялись оба на сторону теоріи, признающей близкое сродство человѣка съ обезьянами. Оба они имѣли свои идеалы, которые, по ихъ мнѣнію, должны доставить Мильцѣ полнѣй-

Digitized by Google

шее счастіе; но Мильця причисляла оба выбранныя для нея лица, и не совсѣмъ несправедливо, къ вышепоименованнымъ видамъ нашего четырехъ-рукаго сосѣда въ животномъ царствѣ.

Панъ Томашъ Скршечковскій, или какъ значилось на напечатанныхъ въ Дрезденѣ визитныхъ карточкахъ, сэръ Джемсъ Скршечковскій, владѣтель Катарынца, представлялся пани Прецличекъ, въ тайныхъ мечтаніяхъ, самымъ большимъ выигрышемъ, который могъ выпасть Мильцѣ въ супружеской лотереѣ Цаповицскаго повѣта. Катарынецъ былъ его наслѣдственнымъ достояніемъ, the Devil's Mare (чертова кобыла) его любимою верховою лошадью; когда онъ пріѣзжалъ во Львовъ, его одѣвалъ Вѣчинскій и завивалъ Яновскій, полусапожки же онъ выписывалъ изъ Вѣны, потому что въ Галиціи не умѣютъ шить обуви. Сэръ Джемсъ былъ лучшимъ образцомъ изящества во всей цаповицской околицѣ. Онъ уже съѣздилъ разъ въ Дрезденъ и два раза въ Вѣну; извѣстныхъ всему краю, по своему громкому имени, особъ съ титуломъ князя и графа онъ называлъ запросто Адамомъ, Стефаномъ, Ваціо, Жмирко, и былъ членомъ Народнаго Казино, гдѣ Адамъ и Стефанъ едва замѣчали его присутствіе, а Ваціо и Жмирко занимали у него деньги при каждой встрѣчѣ. Сэръ Джемсъ считалъ это вполнѣ натуральнымъ слѣдствіемъ хорошаго тона и, сколько могъ, пользовался столь блистательными образцами: онъ носилъ такіе же бакенбарды, стеклушки, визитки и полусапожки, какъ они, одѣвалъ прислугу въ такую же ливрею, въ какую они одѣвали свою, и такъ же подшучивалъ надъ молодымъ своимъ сосѣдомъ по деревнѣ, паномъ Ксаверіемъ Папинковскимъ, какъ они подшучивали надъ нимъ. Панъ Ксаверій Папинковскій перенималъ бакенбарды, стеклышки, полусапожки, манеры, ливреи, экипажи со вторыхъ рукъ, т. е. подражалъ во всемъ сэру Джемсу, что послѣдній находилъ чрезвычайно забавнымъ и о чемъ онъ съ развязною живостію разсказывалъ Вилусю и Жмирко, при свиданіи съ ними во Львовѣ. Очевидно, при этомъ случаѣ, Вилусь и Жмирко потѣшались вдвойнѣ—разъ на счетъ Папинковскаго, котораго они не знали, и другой разъ на счетъ сэра Джемса, въ которомъ они видѣли каррикатуру самихъ себя. По врожденной ли нѣкоторымъ женщинамъ быстротѣ соображенія, потому ли, что онѣ много вычитали въ повѣстяхъ и высмотрѣли въ фотографіяхъ, только Мильця сразу нашла надлежащую мѣру для оцѣнки всѣхъ этихъ достоинствъ сэра Томаса Скршечковскаго, и между тѣмъ, какъ

Digitized by Google

пани Прецличекъ видѣла въ немъ совершеннаго великосвѣтскаго кавалера, Мильця считала его за очень не первой статьи обезьяну и въ обществѣ своихъ пріятельницъ такъ искусно передразнивала всѣ его странности, что ни Вилусь, ни Жмирко не съумѣли бы сдѣлать лучше. Вообще всѣ дѣвицы Цаповицскаго повѣта отличались искусствомъ отыскивать разные недостатки въ особѣ сэра Джемса, потому что, будь это сказано между нами, мамаша сэра Джемса рѣшила непремѣнно женить своего сынка въ Дрезденѣ, вслѣдствіе чего сэръ Джемсъ обращалъ слишкомъ поверхностное вниманіе на тѣ прелести, которыя по воскресеньямъ выгружались изъ разныхъ бричекъ, каретъ и колясокъ предъ сакристіей цаповицскаго костела. Даже новенькія шляпки четырехъ дѣвицъ Подпогододыньскихъ, только-что выписанныя изъ Львова, не расшевелили этого холоднаго цаповицскаго англомана; даже бѣлыя нитяныя перчатки, которыя старый панъ Папинковскій принужденъ былъ, по настоянію своихъ дочекъ, купить для кучера и лакея, показались сэру Джемсу не довольно дрезденскими и не пронзили, какъ пламенное копье, губки, спрятанной подъ лѣвымъ бортомъ его жакетки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у другихъ людей бьется сердце. Дочки, мамаши, а за ними и папаши искренно ненавидѣли катарынецкаго лорда, за что онъ отплачивалъ такою аристократическою и полною пренебреженія полулюбезностію, какой онъ не разъ бывалъ жертвою самъ, когда Адамъ, либо Стефанъ, хотѣлъ дать ему почувствовать разницу между человѣкомъ съ княжескою или графскою короною въ гербѣ и какимъ-нибудь Скршечковскимъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта ненависть повсемѣстно еще болѣе бы усилилась и перемѣнилась бы на подобострастіе въ томъ господскомъ домѣ, въ который сэръ Джемсъ прикатилъ бы на своей темногнѣдой четверкѣ съ тою цѣлью, съ какою мамаша собиралась отправить его на будущій годъ въ Дрезденъ, когда папашѣ удастся перезаложить Катарынецкое имѣніе изъ Львовскаго кредитнаго общества въ Вѣнскій поземельный банкъ, гдѣ берутъ бо́льшіе проценты, но ссужаютъ бо́льшую сумму.

Кто скажетъ мнѣ, что Мильця, можетъ-быть, восчувствовала бы тоже смиренное уваженіе, съ какимъ пани Прецличекъ любовалась всепобѣждающимъ стеклышкомъ и всепопирающими полусапожками сэра Джемса Скршечковскаго, еслибъ это стеклышко и эти сапожки очутились у маленькихъ и прекрасныхъ ножекъ дочери цаповицскаго форштеера (Мильця, наперекоръ своему

Digitized by Google

германо-славянскому происхожденію, дѣйствительно имѣла маленькія ножки),—кто, повторяю, скажетъ мнѣ что-либо похожее на это, тотъ противный скептикъ, циникъ и человѣкъ безъ всякихъ благородныхъ чувствъ, котораго я готовъ зарубить и застрѣлить при первомъ удобномъ случаѣ. Мильця, какъ прилично героинѣ порядочной повѣсти, имѣла возвышенныя понятія и презирала праздность и модную глупость, а кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ оскорбляетъ автора. Впрочемъ, стеклышко и полусапожки сэра Джемса никогда не подвергали этого избраннаго между тысячами сердечка столь зажигательному испытанію, и только однажды, на балѣ у ясновельможныхъ Цаповицкихъ, въ Цаповицахъ, правый бортъ его фрака (сшитаго Вѣчинскимъ во Львовѣ), прикоснулся на минутку, въ вальсѣ, лѣвой стороны лифа, скромно прикрывавшаго талію и грудь панны Эмиліи. Хотя при этомъ случаѣ панна Амброзія Подпогододыньская замѣтила необыкновенный румянецъ въ лицѣ и необыкновенный блескъ въ глазахъ панны Эмиліи Прецличекъ, но я могу увѣрить, что это было простое оживленіе вслѣдствіе танца и что замѣчаніе панны Амброзіи было вызвано лишь злорѣчивою женскою завистью. Какъ мало симпатіи возбудилъ въ Мильцѣ сэръ Джемсъ, всего лучше доказываетъ разговоръ, завязавшійся между ними тотчасъ послѣ вальса, по поводу визитной карточки сэра Джемса, которую Мильця увидала на этажеркѣ у Цаповицкихъ.

— Развѣ вы баронъ англійскій?

— Я?... А зачѣмъ, пани, вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Да вотъ, на вашей карточкѣ, стоитъ сэръ, а я читала, что англичане величаютъ этимъ титуломъ только баронетовъ и высшее дворянство, но никогда не даютъ его иностранцамъ.

— Извините, пани, каждому порядочному человѣку англичане говорятъ сэръ, а потому и я могу величаться этимъ титуломъ. Впрочемъ, теперь такая мода въ Дрезденѣ.

— Стало-быть, еслибы въ Дрезденѣ случайно вошли въ моду польскіе обычаи, то панъ выставилъ бы на своихъ карточкахъ «мосци добродзѣй Томашъ Скршечковскій», потому что поляки обращаются къ каждому съ этимъ присловьемъ?

При этомъ, стоявшій съ ними рядомъ, панъ Якубъ Быковскій разразился гомерическимъ смѣхомъ и вмѣстѣ съ нимъ захохотали старый панъ Папинковскій и панъ Кудеркевичъ. Сэръ Джемсъ повернулся на одномъ каблукѣ и юркнулъ къ другимъ гостямъ. Немного спустя, когда молодой панъ Папинковскій, пробуя свои

Digitized by Google

силы во французско-цаповицскомъ нарѣчіи, сталъ поддразнивать сэра Джемса панной Эмиліей, онъ сказалъ ему наотрѣзъ, что дочь форштеера—глупая коза. Такой эпитетъ рѣдко употребляется въ повѣстяхъ, особенно же говоря о героиняхъ; но, увы, сэръ Джемсъ дѣйствительно его произнесъ, а панъ Ксаверій Папинковскій вбилъ его себѣ въ голову и потомъ повторялъ при каждомъ случаѣ, къ великому назиданію дѣвицъ Подпогододыньскихъ, которыя втихомолку о томъ провѣдали и сами втайнѣ были одного мнѣнія съ сэромъ Джемсомъ и его подражателемъ.

Все это доказываетъ, что идеалъ пани Прецличекъ не былъ идеаломъ Мильци, которая, въ свою очередь, не была идеаломъ англомана. Мать никогда не говорила съ дочерью о панѣ Скршечковскомъ, а я упомянулъ о его достоинствахъ и недостаткахъ, его поклонникахъ и непріятельницахъ лишь для того, чтобы показать, что пани Прецличекъ любила свою дочь болѣе всего на свѣтѣ и желала ей на землѣ самаго блистательнаго счастія, какое представлялось ея глазамъ.

Панъ Прецличекъ также любилъ Мильцю, потому что, за исключеніемъ кукушки, всякое двуногое и четвероногое созданіе любитъ свое потомство. Да и почему же то, что естественная исторія разсказываетъ намъ о барсукахъ, двуутробкахъ, аистахъ и мандрилахъ, помимо разницы въ перьяхъ и шерсти, не было бы справедливо также и относительно императорско-королевскаго форштеера, хотя бы онъ назывался Венцель Прецличекъ и хотя бы дочка надѣлала ему столько же непріятностей, какъ Мильця при посѣщеніи графа Менсдорфъ-Пульи, теперешняго князя Дидрихштейнъ-Никольсбурга? Даже авторъ долженъ любить свое дѣтище, будь оно хоть такая комедія, которая, на другой день по представленіи, возбуждаетъ въ немъ упреки совѣсти, терзаетъ его сердце и покрываетъ его стыдомъ. Итакъ, панъ Прецличекъ любилъ свою дочь, несмотря на ея политическія убѣжденія. Впрочемъ извѣстно, что у нѣмцевъ, покуда ихъ первобытная лѣсная оригинальность не покрылась лакомъ французскихъ модныхъ понятій, женщина можетъ быть въ домѣ очень пріятною мебелью, но ея мнѣнія, ея наклонности, все ея человѣческое *я* не ставится ни во что. Мужъ—*геръ*—значитъ въ домѣ все, какъ это обнаруживается даже во внѣшнихъ признакахъ отдаваемаго ему уваженія. Въ чисто-германской семьѣ мужъ сидитъ за столомъ на первомъ мѣстѣ, съѣдаетъ лучшіе куски и въ рукахъ его высшая законодательная власть во всѣхъ важ-

Digitized by Google

ныхъ и не важныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, даже такихъ, которыя касаются только женщинъ. Если въ подобной семьѣ цѣлуютъ кому руку, то конечно не геръ женѣ, а жена геру. Панъ Прецличекъ былъ, правда, чехомъ, но чехъ этого рода обыкновенно оказывается болѣе чистымъ нѣмцемъ, нежели прямой потомокъ Арминія. Вотъ почему панъ Прецличекъ, за исключеніемъ такихъ чрезвычайныхъ случаевъ, какъ посѣщеніе его превосходительства, мало обращалъ вниманія на то, что дѣлали и думали его женщины, и если «Собраніе предписаній» и заботы объ облигаціяхъ займа, составлявшихъ имущество мѣстныхъ гминъ, оставляли когда пустой уголокъ въ его сердцѣ, то уголокъ этотъ дѣлили между собою опасенія развитія кислотъ въ желудкѣ и любовь къ Мильцѣ. Тогда панъ Прецличекъ желалъ, во-первыхъ и всего болѣе, схватить какъ-нибудь Босака и получить за то орденъ Франца-Іосифа; во-вторыхъ, чтобы революціонная партія была какъ можно скорѣе перевѣшана на цѣломъ рядѣ новыхъ висѣлицъ, отъ Бѣлой до Кутъ, какъ его мундиры на вѣшалкѣ; далѣе, чтобы тысячи въ его шкатулкѣ росли и размножались какъ дѣла въ канцеляріи; потомъ, чтобы какой-нибудь знаменитый докторъ открылъ вѣрное предохранительное средство противъ кислотъ въ желудкѣ, и, наконецъ, чтобы Мильця какъ можно счастливѣе вышла замужъ. Какъ искусный блюститель правительственно-полицейскаго надзора въ Цаповицскомъ повѣтѣ, онъ уже высмотрѣлъ для нея мужа, но никому еще не довѣрялъ этого открытія.

Этотъ мужъ служилъ политическимъ адъюнктомъ при правленіи Цаповицскаго повѣта и подписывался нѣмецкими и латинскими литерами Іоганъ фонъ-Сарафановычъ. Приставка *фонъ* показывала что родъ Сарафановичей, причислявшійся до 1848 года къ шляхтѣ уніатскаго обряда, принялъ въ послѣднее время австрійскую національность, а окончаніе *вычъ* вмѣсто *вичъ* произошло отъ того, что дядя адъюнкта былъ знаменитымъ филологомъ, поборникомъ русинскаго народа и его представителемъ во Львовѣ и въ Вѣнѣ, откуда милости Шмерлинга сыпались на всю семью.

Панъ Іоганъ Сарафановичъ (такъ будемъ писать мы) не былъ силенъ въ славянской филологіи: въ Бучачѣ мы всегда ему помогали въ переводахъ на рутенскій языкъ, а теперь, когда знакомство съ кириллицею и русскою гражданскою азбукой стало ему вдвое нужнѣе, какъ единственному въ Цаповицахъ предста-

Digitized by Google

вителю народности ксендза Набуховича, ксендзъ-викарій католическаго обряда читалъ и переводилъ труднѣйшія мѣста изъ «Слова» ему и ксендзу Луцкевичу, изъ Цапувки. Когда этотъ почтенный органъ, при какомъ-то случаѣ, упомянулъ его имя при исчисленіи самыхъ ревностныхъ поборниковъ и покровителей народности, панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ чрезмѣрно обидѣлся такими прозваніями, и только послѣ продолжительныхъ преній ксендзъ-викарій успѣлъ его убѣдить, что слово поборникъ означаетъ не того, кто бурлитъ и бунтуетъ, а того, кто борется, состязается, и что покровитель означаетъ не того, кто проливаетъ кровь, а того, кто прикрываетъ, защищаетъ. Ксендзъ-викарій при этомъ замѣтилъ, что фабрикація языка, на которомъ никто не говоритъ, есть трудъ неразумный и праздный, и доказалъ пану Сарафановичу и ксендзу Луцкевичу, что родной языкъ ихъ есть языкъ польскій. Панъ Сарафановичъ не сумѣлъ сдѣлать возраженія, но потолковалъ объ этомъ съ паномъ форштееромъ, и черезъ три дня цаповицская жандармерія получила изъ Львова предписаніе слѣдить за каждымъ шагомъ ксендза-викарія, какъ весьма опаснаго агитатора.

Изъ всего сказаннаго можно удостовѣриться, что панъ Сарафановичъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ небезопасныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ, которыхъ въ чиновничьемъ мірѣ называютъ пустыми головами и обходятъ при всякомъ производствѣ. Напротивъ, голова его была твердымъ камнемъ, на которомъ можно было воздвигнуть мощную святыню вѣрноподданничества, не опасаясь проломить черепъ. Родство съ ксендзомъ Набуховичемъ довершило остальное, и когда товарищи его еще оставались въ низшихъ канцелярскихъ должностяхъ, панъ Сарафановичъ былъ уже адъюнктомъ. Еслибы не та нѣмая, но успѣшная оппозиція пани форштеерши и Мильци, о которой мы разсказывали выше и которая парализовала самые ревностные подвиги власти, панъ адъюнктъ, вмѣстѣ съ паномъ форштееромъ, можетъ-быть, уже изловилъ бы Босака, Крука, Цвѣка, или иного важнаго инсургента, и былъ бы теперь министеріальнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ русскаго ордена св. Анны. Въ 1846 году ревность его не знала границъ: онъ заарестовывалъ всякаго, кто попадался ему подъ руку, и вездѣ искалъ повстанцевъ и бумагъ, даже въ такихъ мѣстахъ, куда бросаютъ самыя ненужныя бумаги. При одномъ обыскѣ, главноначальствовавшій въ Цаповицахъ поручикъ, выведенный изъ терпѣнія слишкомъ продолжитель-

Digitized by Google

нымъ ковыряньемъ въ какомъ-то вонючемъ углу, сказалъ ему безъ обиняковъ: «не прогнѣвайтесь, геръ фонъ-Сарафановичъ, вы совершенная свинья». Панъ Сарафановичъ жаловался высшимъ и наивысшимъ военнымъ властямъ, но они не обратили вниманія на столь вопіющее оскорбленіе, какъ будто бы сами раздѣляли мнѣнія поручика. Панъ же Сарафановичъ вовсе не былъ свиньей, а считалъ себя ладнымъ парнемъ. У него были сѣрые глаза, выдавшіяся скулы, вздернутый къ верху носъ, кустистыя бакенбарды и очень жидкіе желтые усы, изъ-подъ которыхъ высовывались впередъ два еще желтѣйшіе зуба. Все это было оправлено, какъ въ рамку, въ два большихъ воротничка, за которыми зоркій глазъ увидалъ бы грязный воротникъ рубашки. Любимымъ платьемъ пана адъюнкта былъ его темно-зеленый мундиръ съ краснымъ бархатнымъ воротникомъ о трехъ золотыхъ звѣздочкахъ, потому что этотъ нарядъ напоминалъ ему служебныя обязанности, внушалъ всѣмъ уваженіе, отличалъ его отъ отставнаго сторожа императорско-королевскаго акциза и никогда не выходилъ изъ моды. Послѣдняя причина была самая важная, такъ какъ панъ адъюнктъ былъ очень разсчетливъ. Въ тѣ дни, когда его не приглашали на обѣдъ или на ужинъ, онъ питался какъ аскетическій подвижникъ. Каждую пятницу онъ покупалъ большой коровай хлѣба, дѣлилъ его мѣломъ на семь равныхъ частей и одну изъ нихъ съѣдалъ ежедневно. Возвращаясь съ командировокъ, онъ, обыкновенно, привозилъ съ собою нѣсколько мѣшечковъ гороху и картофеля; каждое утро онъ вынималъ часть этихъ продуктовъ изъ тщательно-запертаго сундука и передавалъ ихъ женѣ сторожа казеннаго дома, которая къ обѣду варила ихъ ему на своихъ дровахъ и съ своею солью. Разумѣется, садясь за обѣдъ, панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ предварительно повѣрялъ число выданныхъ утромъ картофелинъ. Единственная, дозволяемая имъ себѣ роскошь заключалась въ рюмкѣ водки поутру; но этимъ крѣпительнымъ напиткомъ, по безкорыстной любезности, снабжала его изъ своей овощной лавки пани Гени Зильберъ, за разныя снисхожденія политической администраціи, позволявшей отпирать лавку по воскресеньямъ и въ большіе праздники. Въ другихъ случаяхъ панъ адъюнктъ могъ дѣйствовать какъ строгій блюститель предписаній конкордата, ибо иначе торговля колоніальными товарами сдѣлалась бы въ Цаповицахъ невозможною, такъ какъ она производилась преимущественно по праздникамъ.

Digitized by Google

## ГЛАВА V.

Какъ панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ рѣшился жениться и на комъ.

Панъ Сарафановичъ, какъ человѣкъ крайне бережливый и привыкшій обходиться безъ чистаго бѣлья, полагалъ, что для финансовыхъ разсчетовъ императорско-королевскаго повѣтоваго адъюнкта, свободнаго отъ кислотъ въ желудкѣ и другихъ хроническихъ немощей, удобнѣе жить холостякомъ, чѣмъ женатымъ. Если ему нужно было показаться гдѣ-нибудь въ полномъ нарядѣ, онъ повязывалъ на шею воротничокъ, выглаженный женою сторожа казеннаго дома; а если онъ объѣдался на какомъ-нибудь званомъ обѣдѣ, та же особа поила его ромашкою или мятой. Въ его хозяйствѣ жена была бы безполезною и притомъ дорогою мебелью, потому что вдвое увеличился бы расходъ гороха, картофеля, а можетъ-быть и водки. Изъ жалованья въ 800 гульденовъ панъ адъюнктъ ежегодно откладывалъ 1.500 гульденовъ, а послѣ женитьбы не легко было бы съэкономить и 1.420. Притомъ шесть младшихъ братьевъ Сарафановича, которые всѣ занимали мѣста священниковъ или викаріевъ въ греко-уніатскихъ приходахъ, уже были женаты и имѣли такое обильное потомство, что даже въ случаѣ холеры, чумы или другой эпидеміи, которая истребила бы половину населенія, родъ Сарафановичей остался бы самымъ многочисленнымъ во всемъ краѣ. Поэтому, панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ, на тридцать-четвертомъ году своей жизни, былъ еще холостъ и вовсе не помышлялъ о перемѣнѣ своего положенія.

Я уже сказалъ, что есть какая-то неумолимая судьба, побуждающая всѣхъ насъ къ женитьбѣ. Никто не долженъ отъ нея ни отрекаться, ни разглашать своего твердаго намѣренія не вступать въ бракъ, ибо, прежде чѣмъ успѣешь оглянуться и дать себѣ въ томъ отчетъ, легко можетъ статься, что въ одно прекрасное утро, или въ одинъ прекрасный вечеръ, внезапно увидишь себя предъ алтаремъ, и на вопросъ ксендза: «имѣешь ли, Михалъ, твердую и непринужденную волю поять себѣ женою эту Анну?»—невольно отвѣтишь «да», не мало при этомъ удивляясь, что нашлась такая Анна, которая обѣщаетъ



Digitized by Google

мнѣ, Михалу, быть послушною и хранить до гроба супружескую вѣрность. На другой же день можетъ-быть Михалъ, къ удивленію своему, замѣтитъ, что слово послушаніе имѣетъ въ супружествѣ столь же эластичное значеніе, какъ слово свобода въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ, и по прежнему не будетъ понимать, какъ умудряются министры водить за носъ народы, которымъ они сулили свободу, между тѣмъ какъ его водитъ за эту благородную часть тѣла та самая Анна, которая клялась ему въ послушаніи. Такъ случается съ людьми. Самый пожилой холостякъ, сверхъ чаянія, можетъ сдѣлаться женихомъ на слѣдующее утро. Даже Юпитеръ не ускользнулъ отъ слѣпой судьбы, сочетавшей его съ Юноною.

Однажды панъ адъюнктъ взялъ отпускъ и отправился на церковный праздникъ къ своему дядѣ, ксендзу Набуховичу. У столь знаменитаго блюстителя, поборника и покровителя русской народности пиръ при этомъ случаѣ конечно долженъ былъ имѣть политическое значеніе. Много было толковъ о могуществѣ сѣвернаго сосѣда, императорско-королевской, теперь уже Австрійско-Венгерской монархіи, и о возбужденіи всерусской народности въ Галиціи. Это выраженіе, придуманное однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ, было въ большой модѣ. Въ весьма цвѣтистой и для половины присутствующихъ непонятной рѣчи ксендзъ Набуховичъ, какъ на видимый результатъ таковыхъ проявленій, указалъ на присутствіе за его столомъ, кромѣ духовныхъ представителей русско-славянской народности, столь могущественной надъ Невою и Волгою, двухъ свѣтскихъ лицъ, а именно пана капитана Фрайтровича и пана адъюнкта Сарафановича; они, сказалъ онъ, представляютъ собою очевидное и убѣдительное доказательство тому, что наша народность равно способна къ подвигамъ храбрости на полѣ битвъ и къ трудному искусству управленія краемъ. Панъ капитанъ Фрайтровичъ, воспитанный съ малолѣтства въ военномъ заведеніи, гдѣ-то въ нижней Австріи, попросилъ перевесть ему великолѣпную рѣчь ксендза Набуховича на императорско-королевскій правительственный языкъ, и когда узналъ ея содержаніе, ударилъ по столу стаканомъ съ чаемъ и съ гнѣвомъ сказалъ: «меня прошу оставить въ покоѣ, я лучше буду польскимъ офицеромъ, чѣмъ рутенскимъ». Среди общаго смущенія, вызваннаго этими словами, ксендзъ Набуховичъ бросилъ взглядъ на своего племянника, и тутъ, къ крайнему прискорбію, въ первый разъ замѣтилъ, что,

Digitized by Google

несмотря на свои три золотыя звѣздочки на красномъ бархатномъ воротникѣ, панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ, рядомъ съ широкими плечами и еще болѣе широкимъ брюхомъ ксендза Кропильницкаго и съ густыми усами капитана Фрайтровича, представлялъ собою очень невзрачную и ничтожную фигурку, которая не давала надлежащаго понятія объ административныхъ талантахъ и возвышенныхъ политическихъ тенденціяхъ русской народности. Не извѣстно, шестой ли стаканъ крѣпкаго чаю, или же основанная на опытѣ мудрость внушила въ эту минуту ксендзу Набуховичу геніальную мысль, что есть отличное средство придать величественную осанку и самоувѣренность каждому, кому не достаетъ этихъ внѣшнихъ качествъ. Ксендзъ-деканъ Прутыкъ, такой худенькій, что чуть не пролѣзетъ въ замочную дыру, и такой неказистый, что поддьяконъ смотритъ предъ нимъ митрополитомъ, производитъ, однако, порядочный эффектъ, когда входитъ въ полную гостей комнату, потому что при такихъ торжественныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ нимъ входитъ деканша, для которой растворяютъ обѣ половинки двери и которая, по объему, соперничаетъ съ старинною печью, занимавшею собою чуть не половину гостиной ксендза Набуховича. Сталобыть, ежели представитель народнаго духа долженъ играть на административномъ поприщѣ такую блистательную роль, какая подобаетъ императорско-королевскому повѣтовому адъюнкту, то нужно его женить. Ксендзъ Набуховичъ немедленно коснулся этой темы и выразилъ свою мысль въ такой теплой и задушевной рѣчи, что забылъ при этомъ случаѣ о филологическихъ стремленіяхъ народности. Начавъ говорить на своемъ оффиціальномъ, сеймовомъ языкѣ, онъ примѣшивалъ къ нему все болѣе и болѣе польскихъ словъ, такъ что подъ конецъ не только онъ, но и всѣ присутствующіе стали бесѣдовать по-польски тѣмъ охотнѣе, что въ то время они уже допивали девятый стаканъ чаю и въ комнатѣ не было ни одного ляха, который могъ бы написать о томъ въ «Народовую Газету». Былъ только одинъ полуляхъ, отъ котораго впослѣдствіи я узналъ обо всемъ, что случилось въ этотъ вечеръ.

Но прочь вопросы объ языкѣ, прочь агитація и народная ненависть! При девятомъ стаканѣ чаю редакторъ «Львовскаго Дневника» палъ бы въ объятія фельетониста «Газеты Народовой», «Хохликъ» сталъ бы лобызаться съ львовскимъ корреспондентомъ «Познанскаго Дневника», краковскій лакомка сталъ бы

*

Digitized by Google

хвалить львовскія печенья, а львовскій царь стрѣлковъ признался бы, что и краковцы попадаютъ иногда въ мушку.

За девятымъ стаканомъ чаю ксендзъ Набуховичъ убѣждалъ на польскомъ языкѣ своего племянника, что его собственное достоинство, его положеніе въ свѣтѣ, его обязанности въ отношеніи къ Богу, къ народу, къ обществу и къ родственникамъ, необходимо требуютъ, чтобъ онъ женился. Всѣ батюшки и матушки, обильно одаренные незамужнимъ потомствомъ женскаго пола, усердно подтверждали столь назидательныя слова ксендза Набуховича. Хотя панъ капитанъ Фрайтровичъ и твердилъ, что вее это вздоръ, но всѣ остановились на томъ, что человѣкъ дѣлается вполнѣ человѣкомъ только послѣ женитьбы, и что адъюнктъ сдѣлается настоящимъ адъюнктомъ лишь тогда, когда пани адъюнктша поможетъ ему нести бремя высокаго достоинства. Затѣмъ ксендзъ Набуховичъ началъ перебирать качества, необходимыя для супруги императорско-королевскаго адъюнкта. Она должна, во-первыхъ, быть недурна собою, послушна мужу, хорошая хозяйка, играть на фортепіано, говорить по-французски и по-нѣмецки и танцовать кадрили, вальсы и всевозможныя польки. Матушки единогласно признали эти требованія вполнѣ справедливыми: всѣ дочки ихъ были полненькія и цвѣтущія дѣвицы, кроткія какъ ягнята и домовитыя какъ нѣмки, онѣ играли на фортепіано, слыли, каждая въ своемъ приходѣ, за умницъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, и столько же любили танцовать, какъ молодые котята прыгать. Вообще, помимо фортепіяно и лингвистики, этихъ двухъ золъ нашихъ гостиныхъ и салоновъ, панны, воспитываемыя въ уніатскихъ плебаніяхъ, во всѣхъ остальныхъ качествахъ могутъ нерѣдко побѣдоносно соперничать со всѣми другими паннами.

Менѣе одобренія со стороны матушекъ вызвалъ дальнѣйшій выводъ ксендза Набуховича, что жена императорско-королевскаго адъюнкта не должна быть мужу въ тягость, но должна облегчить ему финансовое бремя супружеской жизни, или, говоря яснѣе, должна имѣть приданое, соотвѣтственное достоинству императорско-королевскаго чиновника, состоящаго по окладу въ IX классѣ. Этотъ пунктъ былъ во всѣхъ плебаніяхъ наислабѣйшій, а блескъ IX класса по окладамъ представлялся, благодаря рѣчи ксендза Набуховича, чѣмъ-то неземнымъ. Правда, почти у каждаго батюшки имѣлось въ запасѣ по нѣскольку цванцигеровъ, червонцевъ и банковыхъ билетовъ, но нельзя было сразу смек-

Digitized by Google

нуть, составляютъ ли эти денежные знаки и доказательства государственнаго кредита, по своей суммѣ и цѣнности, приличное приданое для IX класса по окладу. Жаръ въ матушкахъ немного остылъ, и какъ въ эту пору число стакановъ чаю, послѣ девятаго, возросло уже до весьма почтенной цифры, къ тому же всѣ натанцовались, напѣлись, наболтались и насмѣялись до изнеможенія, то тѣ, кому ѣхать было не далеко, приказали запрягать и отправились въ путь, а остальные гости расположились въ плебаніи на ночлегъ и размѣстились, какъ умѣютъ размѣщаться только въ польскихъ, мазурскихъ и русскихъ домахъ, которые ростутъ и раздвигаются по мѣрѣ прибывающихъ гостей.

Послѣдняя часть рѣчи достопочтеннаго дяди показалась пану адъюнкту болѣе убѣдительною, чѣмъ первая. Панъ адъюнктъ былъ самъ не промахъ и сразу смекнулъ, что жалованье IX класса и приданое IX класса, взятыя вмѣстѣ, позволятъ ему ежегодно откладывать, несмотря на удвоенное истребленіе гороху и другихъ припасовъ, сумму, превышающую весь окладъ. Къ тому же, для многихъ адъюнктовъ пани адъюнктша служитъ отличнымъ предлогомъ набивать свои чуланы курами, масломъ, сыромъ, медомъ, рыбами на Рождество, сластями на Пасху и другими подобными вещами, безъ всякаго ущерба для мѣсячнаго жалованья въ 66 гульденовъ 66 центовъ. И какъ не жениться пану Іогану фонъ-Сарафановичу, когда близкіе родственники рѣшили, что это для него необходимо, чтобы сдѣлаться человѣкомъ? Все затрудненіе въ томъ, гдѣ отыскать приличную партію. Повторяю еще разъ, панъ адъюнктъ былъ не промахъ, но мышленіе причиняло ему много заботъ и хлопотъ; поэтому, когда нужно было составить о чемъ-либо рапортъ въ цаповицкой канцеляріи, онъ приказывалъ какому-нибудь діурнисту пообдумать за него дѣло, а потомъ, не затрудняясь, подписывалъ готовую бумагу. Теперь же при немъ не было діурниста, да онъ и не справился бы съ такимъ казуснымъ случаемъ, для котораго нельзя было отыскать указаній во всемъ дѣлопроизводствѣ по Цаповицкому повѣту. Панъ адъюнктъ въ раздумьи поворачивался съ боку на бокъ, лежа на соломенномъ тюфякѣ въ домѣ ксендза Набуховича, гдѣ спали въ повалку оставшіеся ночевать гости мужскаго пола и гдѣ панъ капитанъ Фрайтровичъ, вмѣстѣ съ шестью пробощами, разыгрывали храпомъ оглушительный септетъ. Панъ адъюнктъ обдумывалъ дѣло одинъ, безъ своего діурниста, и мысли его, вмѣстѣ съ двѣнадцатью стаканами чаю, про-

Digitized by Google

извели въ его головѣ такое бѣшеное круженіе, что ему казалось, что вотъ земля завертится все быстрѣе и быстрѣе и швырнетъ ему подъ ноги соразмѣрное IX классу приданое, вмѣстѣ съ будущею императорско-королевскою адъюнктшею. Но земля вертѣлась по-прежнему, панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ заснулъ, проснулся поутру и поѣхалъ въ Цаповицы, а приданое и будущая императорско-королевская адъюнктша все еще оставались неразрѣшенною задачею, чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга.

Ради большей экономіи, панъ адъюнктъ напросился на фуру къ Гершкѣ, который возвращался съ ярмарки въ Козловицахъ, и самъ, вмѣстѣ съ купленнымъ на ярмаркѣ теленкомъ, подсѣлъ на возъ къ цаповицскому мѣщанину, пану Мацею, который также ѣхалъ съ ярмарки и везъ съ собою двѣ молодыя свиньи, полсотни кусковъ холста, четыре поросенка и кое-какія мелочи, добытыя на деньги, вырученныя за выгодно-проданнаго на ярмаркѣ борова. Панъ Мацей и его жена заупрямились и довольно энергично протестовали противъ отягощенія ихъ повозки особою и поклажею пана адъюнкта; но Гершко уладилъ дѣло, объяснивъ имъ, что панъ адъюнктъ важный человѣкъ и что ѣхать съ нимъ большая честь для такихъ, съ позволенія сказать, свиней. Пани Мацей сначала обидѣлась и долго разглагольствовала о томъ, что она не пьяна и что какая-нибудь, съ позволенія сказать, свинья можетъ идти пѣшкомъ. Тогда Гершко разсыпался въ торжественныхъ извиненіяхъ, что слова его относились только къ ихъ шести четвероногимъ попутчикамъ, и пустился въ комплименты, увѣряя, что пани Мацей вездѣ и всегда была умницей. Благодаря такой дипломатіи, панъ адъюнктъ свершилъ свой путь до Цаповицъ не совсѣмъ удобно, но за то очень дешево, и всю дорогу могъ, для развлеченія, бесѣдовать съ Гершкой.

Какъ не повѣрить въ дивныя предопредѣленія судьбы! Еслибы не поѣздка на возу пана Мацея и не разговоръ съ Гершкой прерываемый отъ времени до времени мычаньемъ и хрюканьемъ большинства пассажировъ, то не было бы нашей повѣсти, или, по крайней мѣрѣ, самой драматической ея завязки. Ксендзъ Набуховичъ только сказалъ, что панъ адъюнктъ долженъ жениться, но не указалъ на комъ; Гершко разрѣшилъ это задрудненіе однимъ волшебнымъ словомъ:

— Дочка нашего форштеера такая пригожая, такая богатая— ай вай! Жениться бы на ней пану адъюнкту.

Digitized by Google

Словно чешуя спала съ глазъ пана адъюнкта. Онъ не слышалъ, что говорилъ послѣ того Гершко: качаясь на фурѣ пана Мацея, онъ въ головѣ своей лелѣялъ пріятную мечту, что удалось ему хоть разъ напасть на мысль безъ помощи діурниста. Эта мысль, правда, принадлежала Гершкѣ, но панъ Сарафановичъ уже усвоилъ ее себѣ, и вечеромъ этого дня панъ Мацей, кромѣ жены, Гершки, полсотни кусковъ холста, теленка, двухъ свиней и четырехъ поросятъ, привезъ въ Цаповицы искателя руки панны Эмиліи.

## ГЛАВА VI,

**заключающая въ себѣ достовѣрную реляцію нападенія поляковъ на Цаповицы и описаніе дальнѣйшихъ похожденій пана Сарафановича среди приготовленій ко вступленію въ бракъ.**

Рано утромъ, на другой день послѣ столь важнаго, хотя, повидимому, и незначительнаго случая, жена сторожа, заправлявшая, какъ намъ извѣстно, нѣкоторыми подробностями холостаго хозяйства пана адъюнкта, къ величайшему своему удивленію увидѣла, что ея жилецъ, нарушая свои привычки, ибо это происходило въ пятницу, приступилъ къ трудной и болѣзненной операціи бритья бороды и весь погрузился въ это занятіе. Въ комнатѣ, которую панъ Сарафановичъ нанималъ у пани Швалбеншвейфъ (такъ называлась эта достопотченная особа), кромѣ кровати, сундука, вѣшалки и чемоданчика, стоялъ еще большой досчатый столъ, на которомъ были разбросаны, въ живописномъ безпорядкѣ, дѣловыя бумаги, принадлежности для письма, сапожныя щетки, кусокъ хлѣба, обломанный гребень и другія подобныя канцелярскія и туалетныя вещи. Среди этой обстановки, панъ адъюнктъ расположилъ свою уборную, выстроивъ на столѣ баррикаду изъ «Собранія постановленій и предписаній», изъ двухъ ежегодныхъ сборниковъ государственныхъ законовъ и изъ исторіи древняго Галицко-Русскаго княжества. Послѣднюю книгу онъ, какъ поборникъ и покровитель народности, купилъ на чистыя деньги, но никогда не читалъ, потому что не былъ посвященъ въ искусство разбирать мудреный и кудрявый русскій гражданскій шрифтъ. Впрочемъ это не мѣшало ему ссылаться на упомянутое сочиненіе Зубрицкаго, какъ на источникъ мудрости и знанія, всякій разъ, когда кто-либо

Digitized by Google

изъ революціонной партіи подвергалъ сомнѣнію какой-нибудь лояльный тезисъ, напримѣръ, необходимость осаднаго положенія и крестьянской стражи въ 1864 году, или необходимость ежедневныхъ обысковъ въ домахъ. Тогда панъ адъюнктъ, съ важною и серьезною миною, объяснялъ, что поляки, еще въ доисторическое время, были народомъ вполнѣ неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, и что у него дома есть книжка, въ которой это напечатано. Всѣ эти литературныя сокровища служили теперь подставкою небольшому кусочку зеркала, безъ рамы, въ которомъ панъ адъюнктъ могъ видѣть свой подбородокъ и высунувшіеся надъ нимъ два зуба, то-есть все, что было нужно для вышеупомянутой многотрудной операціи.

Три или четыре порѣза на лицѣ доказывали, съ какимъ стараніемъ панъ Сарафановичъ углубился въ свое занятіе: онъ даже не слыхалъ, какъ вошла пани Швалбеншвейфъ. Наконецъ, когда борода была выбрита по всѣмъ правиламъ и сдѣлалась по возможности гладкою, онъ обтерся и съ торжествующею улыбкою полюбовался въ зеркало, какъ похорошѣло его лицо; потомъ, подпершись руками въ бока, онъ щелкнулъ языкомъ, повернулся на одномъ каблукѣ и, замѣтивъ прислуживавшую ему пани, спросилъ ее:

— Не правда ли, я славный парень?

— О, да, отвѣчала пани съ тѣмъ почтительнымъ удивленіемъ, какимъ жена сторожа должна проникаться при видѣ столь важнаго начальника своего мужа. Таковъ долгъ жены ассистента предъ паномъ казначеемъ, жены канцелярскаго чиновника предъ паномъ форштееромъ: этого требуютъ общественное спокойствіе и порядокъ службы. Горе чиновнику, котораго жена провинилась бы въ неуваженіи предъ его начальникомъ.

Удивленіе пани Швалбеншвейфъ, возбужденное необычайнымъ туалетомъ пана адъюнкта, который брился только по воскресеньямъ, возросло превыше всякой мѣры, когда онъ надѣлъ чистый воротничокъ, партикулярный темно-зеленый сюртукъ, повязалъ шею самымъ большимъ и наилучшимъ своимъ голубымъ платкомъ и въ такомъ уборѣ отправился въ канцелярію. Сторожиха разомъ смекнула, что это не спроста. Черезъ полчаса она вышла со двора и, встрѣтивъ на улицѣ пани ассистентшу, сообщила ей свое предположеніе, что панъ адъюнктъ влюбленъ. Вѣсти этого рода для Цаповицъ такое же сокровище, какъ для газеты «Часъ» сношенія Рима съ Парижемъ. Правда, въ

Digitized by Google

Цаповицахъ не писали о подобныхъ вѣстяхъ умильныхъ руководящихъ статей, но обсуживали ихъ на словахъ до малѣйшихъ подробностей и передавали другъ другу замѣчанія и свѣдѣнія съ такою быстротою, что употребительный за предѣлами этого города способъ сообщенія извѣстій по телеграфу представляется сравнительно напрасною потерею времени. Еще до полудня во всѣхъ цаповицскихъ домахъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ уже было извѣстно, что панъ адъюнктъ Сарафановичъ влюбленъ и сватается за старшую дочь казначея,—нѣтъ, за младшую,—нѣтъ, за дочь контролера,—нѣтъ же, за сестру почтмейстерши и т. д. Слѣдовало бы посвятить этому предмету особую главу, еслибъ я вздумалъ повторить всѣ вызванные этимъ случаемъ толки и пересуды; замѣчу только, что какъ сэръ Джемсъ Скршечковскій въ господскихъ усадьбахъ сосѣднихъ деревень, такъ и панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ въ нѣкоторыхъ цаповицскихъ домахъ не разъ игралъ роль того кислаго винограда, который никто не хочетъ ѣсть, потому что онъ кислый....

Но кислымъ оказался въ этотъ день только панъ Прецличекъ, и пана адъюнкта, когда онъ всходилъ по лѣстницѣ, ведущей въ канцелярію, едва не сшибли съ ногъ какой-то бѣдный жидъ, какой-то войтъ и двѣ бабы, съ просьбами подъ мышкой, которымъ панъ бециркфорштееръ собственными колѣнками помогъ быстро спуститься внизъ съ перваго этажа, помимо всякихъ общеупотребительныхъ при такомъ случаѣ эквилибристическихъ предосторожностей.

— Представьте себѣ, обратился панъ Прецличекъ къ пану адъюнкту, когда послѣдній взошелъ на лѣстницу,—представьте себѣ... и началъ разсказывать канцелярскую тайну, которую, однако, я повторю здѣсь, полагаясь на скромность читателя.

Комиссія о сервитутахъ прекратила, къ обоюдному удовольствію, споръ о лѣсѣ и пастбищѣ между міромъ и помѣщикомъ въ Малоставицахъ, и владѣлецъ лѣса, панъ Бзиковскій, вышелъ правымъ изъ этого раздражительнаго дѣла. Панъ Бзиковскій принадлежалъ къ революціонной партіи и притомъ къ числу тѣхъ наиопаснѣйшихъ людей, которые не только составляютъ заговоры, но даже позволяютъ себѣ открыто подшучивать надъ лицами, охраняющими общественную безопасность. Панъ Бзиковскій не вѣрилъ, что панъ Прецличекъ страдалъ отъ кислотъ въ желудкѣ, и всегда твердилъ, что у пана Прецличка въ желудкѣ не кислоты, а поляки, что въ нѣмецкомъ переводѣ вы-

Digitized by Google

ходило и злобно, и дерзко. Однажды панъ Бзиковскій посадилъ на фольварочныхъ лошадей всѣхъ своихъ работниковъ, сѣлъ верхомъ самъ и, во главѣ этой аравы, ночью, примчался на рысяхъ въ Цаповицы, объѣхалъ всѣ улицы и ускакалъ во весь опоръ обратно въ Малоставицы. Панъ форштееръ такъ перепугался, что вызвалъ изъ казармъ жандармовъ, окружилъ ими свой домъ, приказалъ звонить набатъ въ колоколъ цаповицскаго костела и три дня продержалъ жителей города подъ оружіемъ—косами, цѣпами и вилами, пока не подоспѣли войска, вытребованныя изъ главнаго города. Только тогда панъ Прецличекъ, полумертвый отъ страха и поручая душу свою Богу, а семейство милосердію императора, на случай ужасной для себя катастрофы, пустился въ погоню за воображаемыми инсургентами. Впереди шли жандармы, за ними пѣхота, а за нею ѣхалъ въ бричкѣ панъ Прецличекъ, окруженный гусарами; но и такой конвой нисколько его не успокоивалъ, ибо въ случаѣ опасности гусары могли ускакать на своихъ прыткихъ лошадяхъ гораздо скорѣе, чѣмъ панъ форштееръ въ своей бричкѣ. Малоставицы заняли безъ выстрѣла, окружили господскій домъ и фольваркъ войскомъ, переискали вездѣ—и ничего не нашли. Созвали прислугу, работниковъ и другихъ людей; всѣ единогласно сказали, что въ ту достопамятную ночь у пана Бзиковскаго пропалъ любимый жеребенокъ, и что мнимое нападеніе поляковъ на Цаповицы есть не болѣе, какъ доказательство заботливости малоставицскаго помѣщика о сохранности своего инвентаря и имущества императорско-королевской монархіи, для которой предназначался жеребенокъ, когда выростетъ, чтобы счастливо умчать съ поля битвы какого-нибудь раненаго защитника императорско-королевскаго отечества. Все это внесли въ протоколъ со словъ пана Бзиковскаго. Панъ Прецличекъ вернулся въ Цаповицы безъ всякаго результата, кромѣ кипы бумагъ и боли въ желудкѣ, а вмѣсто одобрительнаго отзыва намѣстника ему довелось только услышать отъ своей супруги, рожденной Ганзерле, что онъ—глупый швабъ.

Послѣ такихъ продѣлокъ оставить пана Бзиковскаго въ покоѣ—было бы неприлично, дать утвердиться хорошимъ отношеніямъ между міромъ и подобнымъ революціонеромъ—было бы опасно, ибо Малоставицы сдѣлались бы тогда фокусомъ революціонной пропаганды. Панъ Прецличекъ, чтобы выйти изъ затрудненія, внушилъ крестьянамъ, что при сдѣлкѣ о сервитутахъ они были

Digitized by Google

обижены и что его величество императоръ очень милостивъ къ бѣдному народу. Крестьяне изъ этого уразумѣли, что милосердый императоръ отдалъ имъ въ собственность лѣсъ и пастбище пана Бзиковскаго и на слѣдующее же утро начали рубить деревья и выгнали скотъ на господское пастбище. Пошли ссоры и драки, любопытное описаніе которыхъ читатель найдетъ въ «Народовой Газетѣ» того года. При этомъ случаѣ адвокатскія способности малоставицскаго писаря оказались недостаточными для возобновленія спора о сервитутахъ, и панъ Прецличекъ, изъ христіанскаго состраданія, собственноручно настрочилъ крестьянамъ нѣсколько просьбъ въ львовскую комиссію и въ министерство. Просьбы эти попали въ руки чиновника, который узналъ руку пана форштеера и которому надоѣли вѣчныя малоставицскія жалобы. Онъ составилъ рѣзкое донесеніе и выставилъ пана Прецличка причиною всѣхъ смутъ и раздоровъ. Тѣмъ, можетъ-быть, дѣло бы и кончилось, еслибы не вмѣшалась «Народовая Газета»—складъ всего гнуснаго и сборникъ всякихъ золъ и интригъ. Этотъ утилитарный органъ, вмѣсто того, чтобы провозглашать основанія народности и выдумывать польскую національную партію, познакомилъ своихъ читателей, въ двухъ столбцахъ мелкой печати, съ малоставицскимъ дѣломъ, посѣвая, по обыкновенію, вражду, смуты и клеветы. Заварилась каша, и панъ форштееръ, вслѣдствіе того, получилъ отъ начальства бумагу, въ которой, по приказанію министра,—а министромъ, къ несчатію, былъ уже Билькреди,—требовалось отъ него объясненіе, какъ осмѣлился онъ, будучи императорско-королевскимъ чиновникомъ, писать просьбы для тяжущихся? Послѣдовало нѣчто въ родѣ дисциплинарнаго слѣдствія, вещь особенно непріятная, когда у правительства избытокъ въ чиновникахъ и оно расположено малую толику ихъ посбыть, ради облегченія бюджета.

Все это панъ Прецличекъ объяснилъ пану Сарафановичу и излилъ предъ нимъ горькія чувства, наполнявшія его сердце при видѣ такой черной неблагодарности министерства. Панъ Сарафановичъ не былъ находчивъ и не могъ подать совѣта, но дядя его, ксендзъ Набуховичъ, пользовался нѣкогда расположеніемъ Шмерлинга, а теперь былъ хорошъ съ начальникомъ пана форштеера. Рѣшили, что ксендзъ Набуховичъ напишетъ или поѣдетъ самъ во Львовъ и представитъ начальству, какъ неприлично безпокоить изъ-за пустяковъ чиновника, котораго дѣятельность въ Цаповицахъ была такъ благотворна для безопасности монархіи,

Digitized by Google

для общественнаго спокойствія и порядка и для защиты несчастнаго, притѣсняемаго ляхами, русскаго народа.

— Да и самъ я собственно русинъ, увѣрялъ панъ Прецличекъ пана Сарафановича.—Я очень интересуюсь языкомъ и литературою русиновъ, что хорошо извѣстно вашему дядѣ.

Затѣмъ послѣдовали искреннія увѣренія во взаимной пріязни пана Прецличка и пана Сарафановича, и при этомъ случаѣ панъ адъюнктъ, въ первый разъ, признался своему начальнику, что прелести панны Эмиліи очаровали его сердце и что онъ страстно желаетъ обратить ее въ пани Сарафановичъ.

О, бѣдная Альдона, бѣдная Гражина, или другаго имени героиня твоихъ мечтаній, созданныхъ изъ золотыхъ и какъ ангелы крылатыхъ пѣсенъ, которыя убаюкиваютъ твою душу и переносятъ въ лучшіе, высшіе міры! Твой амуръ, твой Литаворъ или Вацлавъ не тотъ черноволосый и стройный полубогъ, съ сіяющимъ взоромъ, пылкою душою и пламеннымъ сердцемъ, съ рукою, простертою для совершенія какого-то неслыханнаго подвига, съ гордо и отважно выставленною впередъ грудью противъ ударовъ какого-то страшнаго врага, не тотъ богатырь, который приснился тебѣ, когда ты заснула, положивъ голову на поэму Мальчевскаго! Онъ вовсе не богатырь, онъ не слетѣлъ съ неба въ блестящемъ вооруженіи и съ развѣвающимися отъ вѣтра волосами, онъ не наклонился къ тебѣ, чтобъ услышать шепотъ любви!

О, нѣтъ! Онъ императорско-королевскій адъюнктъ въ темнозеленомъ сюртукѣ; бакенбарды и зубы у него желтоватые; онъ вернулся вчера съ праздника, и вернулся на возу пана Мацея, вмѣстѣ съ его женою, жидомъ Гершкой и другими божьими тварями; онъ вошелъ разряженнымъ молодчикомъ въ гостиную, куда пригласилъ его панъ форштееръ повечерять за кофе и обильнымъ количествомъ булокъ. Встань, Мильця, и поклонись пану адъюнкту!

За кофе панъ адъюнктъ разговариваетъ съ паномъ форштееромъ по-нѣмецки и отъ времени до времени обмѣнивается съ дамами нѣсколькими словами по-польски. Съ паномъ форштееромъ онъ ведетъ рѣчь о различныхъ служебныхъ дѣлахъ и другихъ предметахъ чиновничьей бесѣды: куда кого перевели, долго ли тотъ или другой служитъ, зачѣмъ того повысили, а другаго обошли. Выборъ предмета для разговора съ дамами гораздо затруднительнѣе; панъ Сарафановичъ останавливается на

Digitized by Google

ближайшемъ и спрашиваетъ Мильцю, какъ называется матерія, изъ которой сшито ея платье, и сколько стоитъ локоть. Узнавъ, что это барежъ, по 35 центовъ за локоть, панъ Сарафановичъ исчерпалъ предметъ, и наступаетъ глубокое молчаніе, которое Мильця прерываетъ наконецъ вопросомъ: не угодно ли пану адъюнкту выкушать другой стаканъ кофе? Лучи страсти цѣлыми снопами брызжутъ изъ сѣрыхъ глазъ пана адъюнкта, отражаются отъ карихъ глазъ Мильци и такъ выразительно останавливаются на кофейникѣ, что, несмотря на церемонный отказъ пана адъюнкта, Мильця убѣждается въ необходимости налить ему другой стаканъ кофе, который она подаетъ ему, отворачивая голову въ другую сторону, чтобы самой не видѣть тщательно вымытаго и выбритаго лица пана Сарафановича, и чтобъ онъ не замѣтилъ насмѣшливой улыбки, которой Мильця не въ силахъ удержать, вспомнивъ, какъ однажды панъ адъюнктъ выпилъ у Кудеркевичей, въ Гленбочискѣ, восемь стакановъ кофе, вслѣдствіе чего докторъ Герцъ прописалъ ему потомъ восемь разныхъ микстуръ изъ аптеки пана Пигульскаго. На этотъ разъ, послѣ втораго стакана пана адъюнкта, когда всѣ булки исчезли, общество встало и оба господина удалились въ кабинетъ пана форштеера переговорить по-пріятельски.

Еще до заката солнца каждый ребенокъ въ Цаповицахъ зналъ, что панъ адъюнктъ сватается за Мильцю, что онъ пилъ вечеромъ кофе въ семействѣ форштеера, что служанка разбила кофейникъ, что булки привезъ вчера Дудіо изъ Козловицъ и что Мильця такъ вертѣлась и увивалась предъ паномъ адъюнктомъ, что дочери казначея и контролера и сестра почтмейстера воскликнули въ одинъ голосъ: «мы не рѣшились бы на такія продѣлки даже для князя!»

## ГЛАВА VII,

**изъ которой неожиданно оказывается, что панъ Шрейеръ—человѣкъ подходящій.**

Результатъ совѣщанія пана Прецличка съ паномъ Сарафановичемъ долго оставался тайною для Цаповицъ и для семейства пана форштеера. Вообще любопытство въ этомъ не совсѣмъ ничтожномъ городѣ было затронуто за живое; особенно пани ассистентша терзалась тѣмъ, что не могла согласить

Digitized by Google

двухъ очевидныхъ фактовъ: панъ адъюнктъ переговорилъ наединѣ съ паномъ начальникомъ и послѣ того часто ходилъ къ нему въ гости, а между тѣмъ не было слышно ничего опредѣленнаго ни о предложеніи, ни о первомъ оповѣщеніи, ни даже о шитьѣ приданаго. Особа столь доброжелательная для цѣлаго свѣта и столь ревностно занимающаяся всѣми чужими дѣлами, какъ пани ассистентша, не могла не страдать отъ подобной неизвѣстности. Встрѣчаться ежедневно съ паномъ форштеесромъ, пани форштеершей, Мильцей и паномъ адъюнктомъ, знать, что кроется что-то и не знать, что именно, не знать, какое сошьютъ вѣнчальное платье, атласное, моаровое или другое, у кого попросятъ повара для свадебнаго стола, у пана Цаповицкаго, или у пана Папинковскаго,—словомъ, не имѣть ни одной вѣсточки, которою можно бы было подѣлиться съ пріятельницами, пріятелями и знакомыми, которую можно бы было поразсмотрѣть и поразобрать, не вѣдать, за что похвалить и за что осудить—это превышаетъ мѣру того, что можетъ перенести обыкновенная женщина въ маломъ городкѣ. Одни лишь господа журналисты могутъ имѣть нѣкоторое понятіе о подобныхъ мученіяхъ Тантала, когда, сидя на своей скамьѣ въ залѣ засѣданій сейма, они видятъ, какъ разсыльный подаетъ телеграмму князю маршалку или намѣстнику, и не могутъ провѣдать содержанія депеши.

Не хочу быть жестокимъ и не хочу подвергать моихъ читательницъ горькой участи пани ассистентши и господъ журналистовъ. Скажу имъ прямо, что на совѣщаніи въ комнатѣ пана форштеера панъ адъюнктъ обѣщалъ своему начальнику похлопотать о посредничествѣ ксендза Набуховича по дѣлу о просьбахъ касательно малоставицскихъ сервитутовъ, а панъ Прецличекъ, съ своей стороны, согласился принять зятемъ пана Сарафановича. Какъ предусмотрительный дипломатъ, панъ Прецличекъ говорилъ, что онъ не хочетъ приневоливать свою дочь, что все зависитъ окончательно отъ нея самой, а потому совѣтовалъ пану адъюнкту, чтобъ онъ старался понравиться Мильцѣ. Панъ форштееръ присовокупилъ, что въ продолженіе вѣрной тридцатилѣтней службы, терпя не разъ нужду и вынужденный довольствоваться сухимъ хлѣбомъ, онъ копилъ по грошу для своей милой дочери и набралъ ей на приданое 3.000 гульденовъ. Панъ Прецличекъ при этомъ прослезился, а лице пана адъюнкта, когда онъ услышалъ такую незначительную цифру,

Digitized by Google

очень вытянулось. Панъ Сарафановичъ началъ объяснять пану форштееру, что дядя его, выдавая свою дочь за сверхштатнаго чиновника, далъ ей 10.000, разница же между сверхштатнымъ чиновникомъ и адъюнктомъ огромная, и что содержаніе жены, кринолины, башмаки и прислуга обойдутся гораздо дороже, чѣмъ сколько принесутъ проценты съ 10.000. Панъ форштееръ вздохнулъ и замѣтилъ, что, призанявъ, онъ можетъ прибавить къ 3.000 еще 1.000. На это панъ Сарафановичъ отвѣтилъ, что въ глазахъ его и ксендза Набуховича 4.000 составляютъ лишь каплю въ морѣ расходовъ, угрожающихъ женатому адъюнкту, который желаетъ поддержать честь своихъ трехъ золотыхъ звѣздочекъ на красномъ бархатномъ воротникѣ. Панъ форштееръ вздохнулъ еще разъ и надбавилъ новую тысячу гульденовъ. Такъ продолжались переговоры и къ концу аукціона состоялась продажа нашей героини за 8.000 гульденовъ, подъ условіемъ, что панъ Сарафановичъ долженъ ей понравиться.

Чтобы воздать должную справедливость пану Прецличку, необходимо замѣтить, что въ головѣ его даже не возникало мысли посовѣтоваться съ дочерью при выборѣ для нея мужа. Панъ Прецличекъ допускалъ у себя въ домѣ только пассивную оппозицію женщинъ, на которую онъ не обращалъ вниманія и которую онъ не съумѣлъ бы преодолѣть, еслибъ и захотѣлъ. Но въ важныхъ дѣлахъ всякія возраженія жены и дочери показались бы ему столь же непозволительными, какъ поступокъ, напримѣръ, войта Цаповой-Воли, еслибъ онъ вздумалъ сноситься съ начальствомъ по-польски, когда ему панъ форштееръ приказалъ вести оффиціальную переписку на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ упомянулъ о волѣ своей дочери лишь для того, чтобы не дать рѣшительнаго слова пану Сарафановичу,— это было не болѣе какъ дипломатическая уловка. Кромѣ дѣла о малоставицскихъ просьбахъ и нѣсколькихъ другихъ крупныхъ и мелкихъ дѣлъ подобнаго рода, пана форштеера тревожила еще тогда угрожавшая цѣлому краю реформа повѣтовыхъ управленій. Помощь и расположеніе ксендза Набуховича были для него, при такихъ обстоятельствахъ, въ высшей степени необходимы и желательны. Впрочемъ, какъ знать, быть-можетъ удастся обойтись и безъ ксендза; при намѣстникѣ и въ министерствѣ есть у него товарищи, и вѣроятно еще не забыты его заслуги въ 1846, 1849 и 1864 годахъ; а въ такомъ случаѣ не нужно отдавать ни дочери, ни, что еще хуже, 8.000 гульденовъ. Онъ

Digitized by Google

желалъ только выиграть время и остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ ксендзъ Набуховичъ.

Воротясь домой, панъ Сарафановичъ взялъ карандашъ и бумагу и началъ считать. Работа шла туго и повѣрка не сходилась. Онъ сбѣгалъ на другую сторону улицы, въ городскую школу, и обратился къ помощи пана Стечковскаго, профессора всѣхъ точныхъ и гуманныхъ наукъ, а равно и калиграфіи при цаповицской академіи. Оба знаменитые ученые, изъ которыхъ одинъ кончилъ курсъ права и выдержалъ три государственныхъ экзамена, а другой, послѣ многолѣтняго прохожденія приготовительныхъ классовъ, былъ признанъ высшими школьными, свѣтскими и духовными властями хорошимъ педагогомъ, вычислили наконецъ, не безъ нѣкотораго труда, но за то съ большею точностью, чѣмъ опредѣленъ астрономами параллаксъ солнца, что пять процентовъ съ 8.000 составляютъ въ годъ 400, а шесть 480, и что въ первомъ случаѣ приходится въ мѣсяцъ по 33 гульдена 33 цента, а во второмъ ровно по 40. Повѣрка, при помощи обратныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности этого результата.

Успокоившись насчетъ процентовъ съ 8.000, панъ Сарафановичъ написалъ письмо къ дядѣ и сообщилъ ему все разсказанное нами въ началѣ этой главы. Черезъ два дня онъ получилъ на нѣмецкомъ языкѣ отвѣтъ, на конвертѣ котораго значилось по-нѣмецки же: «Его Высокоблагородію, Господину Іогану фонъ-Сарафановичу, императорско-королевскому бецирк-адъюнкту въ Цаповицахъ», по-нѣмецки «Zappowitz». Ксендзъ Набуховичъ одобрялъ намѣренія своего любезнаго племянника, но находилъ сумму 8.000 гульденовъ маловатою, судя по извѣстному всѣмъ состоянію пана форштеера, и обѣщалъ, сколько можетъ, похлопотать по дѣлу о малоставицскихъ просьбахъ тѣмъ охотнѣе, что вся эта исторія представляетъ собою вопль бѣднаго, притѣсненнаго народа, порабощеннаго цѣлыя столѣтія, угнетаемаго поляками и покинутаго императорско-королевскимъ правительствомъ. Панъ адъюнктъ расплакался надъ этими словами и избралъ ихъ темою рѣчи, которую сказалъ войтамъ при первомъ представившемся по службѣ случаѣ; вслѣдствіе чего угнетенный народъ, понимая по-своему историческій смыслъ рѣчи, поколотилъ въ Малоставицахъ полѣсовщиковъ, въ Глен-

Digitized by Google

бочискѣ разбилъ корчму и выпилъ даромъ всю водку, въ Катарынцѣ стравилъ лошадями господскую пшеницу, а въ Цапувкѣ—о, черная неблагодарность толпы!—выпустилъ свиней на картофель приходскаго ксендза и оскорбилъ его особу при спорѣ о дачѣ за похороны, приговаривая, что нѣтъ мочи выносить, какъ ксендзы обдираютъ бѣдный народъ.

Письмо ксендза Набуховича, вызвавшее съ одной стороны столь удачныя послѣдствія, навязало Мильцѣ обязанность наливать пану адъюнкту кофе и подавать ему множество булокъ, потому что панъ Сарафановичъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ въ семействѣ форштеера. Между двумя стаканами кофе онъ испускалъ глубокій вздохъ и устремлялъ невыразимо отчаянный взглядъ на Мильцю, которая смотрѣла въ потолокъ, на печь, или на какой-нибудь другой предметъ, не одѣтый въ темно-зеленый сюртукъ и не повязанный воротничками съ видными изъ-подъ нихъ тесемками. Панъ Сарафановичъ, усердно читавшій съ нѣкотораго времени старую литературную газету 1838 года, которую взялъ у жены сторожа, чтобы научиться, какъ люди ухаживаютъ за дамами, владѣлъ уже порядочнымъ запасомъ необходимыхъ въ его положеніи фразъ; онъ вздыхалъ еще глубже и молвилъ:

«О пани, какъ вы жестоки!»

Панъ Сарафановичъ былъ правъ. Женщины иногда умѣютъ быть жестокими съ мущинами, которыхъ онѣ не любятъ: съ тѣми, которыхъ онѣ любятъ, онѣ жестоки почти всегда, такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ многіе сочинители повѣстей. Мильця была жестока, ибо послѣ этихъ словъ пана адъюнкта она обыкновенно вскакивала и убѣгала на балконъ или въ свою комнату, чтобы нахохотаться до слезъ, едва ли не надъ паномъ адъюнктомъ. Шалунья, при второмъ посѣщеніи, тотчасъ догадалась, какіе умыслы кроются подъ зеленымъ сюртукомъ. Это былъ первый представившійся искатель ея руки. Дѣвицы имѣютъ необоримую склонность отыскивать недостатки и смѣшную сторону въ каждомъ мущинѣ, который является предъ ними въ качествѣ жениха, будь онъ прекрасенъ какъ Аполлонъ, наряденъ какъ модная картинка, уменъ, образованъ и хорошо принятъ въ свѣтѣ. Панъ Сарафановичъ не избѣгнулъ этой участи большей части цѣлаго разряда мущинъ. Мильця была къ нему жестока, хотя изъ вѣжливости не смѣялась ему въ глаза.

Только разъ она не смогла удержаться. За кофе — все уха-



Digitized by Google

живанье пана Сарафановича происходило за распиваньемъ кофе— Мильця увидала двухъ мухъ, которыя гуляли по салфеткѣ, подбирали крошки сахара и булокъ и, наконецъ, встрѣтившись, потерли одна другую лапками, какъ чета возлюбленныхъ, или двое друзей послѣ долгой разлуки. Не знаю, подмѣтили ли читатели у мухъ эту привычку и какъ объясняетъ ее естественная исторія; не знаю также, видѣла ли Мильця нѣчто особенное въ ласкахъ двухъ крылатыхъ существъ, или же смотрѣла на нихъ такъ внимательно просто отъ бездѣлья; но панъ Сарафановичъ, уже выпившій съ большимъ вкусомъ свой первый стаканъ сладкаго кофе и съ умильнымъ взоромъ ожидавшій втораго, замѣтилъ, что Мильця, какъ бы въ раздумьи, вперила глаза въ одну точку. Вдругъ у ней выпала изъ рукъ ложечка, которую она держала надъ стаканомъ, и этотъ стукъ прервалъ ея мысли, или разсѣянность.

«Наконецъ-то!» воскликнулъ самодовольный и торжествующій панъ Сарафановичъ, съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ рисовался весь рядъ его мыслей и заключеній: Мильця уронила ложечку, стало-быть она влюблена, и въ кого же другаго, какъ не въ такого славнаго парня, какъ панъ Сарафановичъ. Мильця и пани форштеерша сразу угадали значеніе этого восклицанія, переглянулись и покатились со смѣху. Панъ форштееръ очень удивился и спросилъ: чему вы опять захохотали? Панъ Сарафановичъ вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ отъ удивленія, но ни тогда, ни послѣ не могъ понять, чему смѣялись дамы. Панъ форштееръ, обращавшій мало вниманія на женщинъ и, по лингвистическимъ соображеніямъ, не любившій пускаться съ ними въ длинные разговоры, началъ говорить о другомъ предметѣ—о бѣдствіяхъ, постигшихъ подъ Хлумомъ императорско-королевскую армію, по причинѣ тумана. Дамы успокоились, и все приключеніе осталось безъ послѣдствій.

Но вечеромъ, когда мать осталась наединѣ съ дочерью, не обошлось безъ толковъ по этому случаю и вообще о частыхъ посѣщеніяхъ пана адъюнкта. Виды его были слишкомъ ясны, и отецъ былъ явно расположенъ въ его пользу. Пани Прецличекъ поцѣловала Мильцю въ лобъ и сказала ей, что она, рожденная Ганзерле, скорѣе сгинетъ со свѣта, чѣмъ дозволитъ такой обезьянѣ взять у нея дочь. Она могла бы прибавить, что если выбирать изъ двухъ, то сэръ Джемсъ Скршечковскій, по крайней мѣрѣ, болѣе миловидная и опрятная обезьяна, хотя въ глазахъ

Digitized by Google

пани Прецличекъ катарынецкій помѣщикъ и вовсе не заслуживалъ такого прозвища.

Мильця серьезно призадумалась. Мухи уже спали на стѣнахъ и не могли развлекать ея вниманія. Можетъ-быть, она размышляла о разговорѣ своемъ съ мамашей, о панѣ Сарафановичѣ, можетъ-быть, она предавалась тѣмъ мечтаніямъ, среди которыхъ мы застали ее, когда мы ввели въ первый разъ пана адъюнкта въ гостиную пана форштеера Становилось поздно, ночной сторожъ уже прокричалъ десять часовъ, Цаповицы спокойно спали, и не было слышно никакого шума, кромѣ далекаго лая собакъ и мѣрныхъ постукиваній маятника стѣнныхъ часовъ. Вѣтеръ шелестилъ въ липахъ подъ окнами и чудно колебалъ ихъ тѣни, падавшія въ комнату вмѣстѣ съ мѣсячнымъ свѣтомъ. Въ казенной квартирѣ можно мечтать такъ же пріятно, какъ и во всякой другой, или подъ открытымъ небомъ, если только человѣкъ расположенъ къ мечтанію. Дочь бециркфорштеера, даже бециркфорштеера Прецличка, можетъ мечтать такъ же хорошо и сладко, какъ мечтаютъ, въ жизни иногда, а въ романахъ всегда, княжны, шляхтянки, мѣщанки и простыя крестьянки.

Нѣтъ, слѣдовательно, причины, которая мѣшала бы Мильцѣ думать и мечтать. Иныя дамы мечтаютъ при сѣдыхъ волосахъ и съ морщинами на лицѣ, на двадцатомъ же году жизни мечтается и лучше, и пріятнѣе. То, о чемъ мы мечтаемъ, поэты называютъ идеалами, а философы утверждаютъ, что идеаловъ вовсе не бываетъ на свѣтѣ, и что они недосягаемы для здоровыхъ пяти чувствъ. Я знаю изъ опыта, что господа философы ошибаются. Самъ я человѣкъ не поэтическій и не одаренный творческими способностями, но у меня были свои идеалы и всѣ они осуществились. Надо замѣтить, что идеалы я бралъ изъ книжекъ, потому что не умѣлъ ихъ создавать самъ. Въ молодости идеаломъ моимъ были дѣвственный міръ Америки, морское путешествіе, лѣса съ упирающимися въ небо деревьями, недосягаемыя горы и скалы. Я отправлялся на нашу рѣчку Кисельку, катался въ лодкѣ, отдыхалъ въ тѣни липовой аллеи, взбирался на пригорокъ стараго зàмка и возвращался домой вполнѣ удовлетворенный. Фениморъ Куперъ, Вашингтонъ, Ирвингъ, Сильсфильдъ и Марріэтъ для меня осуществились въ дѣйствительности. Теперь, на старости, я предпочитаю Диккенса и Дюма, когда послѣдній не слишкомъ ужасенъ. Прочитавъ, напримѣръ,

Digitized by Google

какія славныя вещи кушалъ и пилъ мистеръ Пиквикъ, я иду въ ресторанъ, подкрѣпляю себя стаканомъ портера и готовъ спорить съ господами философами, развѣ не въ этомъ осуществленіе идеала? Все зависитъ отъ того, какимъ взглядомъ мы смотримъ на свѣтъ, на людей и на вещи.

Если у Мильци былъ идеалъ, то онъ долженъ былъ осуществиться, и близкое будущее докажетъ, что я не ошибаюсь. Но теперь, какъ правдивый историкъ, замѣчу только, что Мильця мечтала довольно долго, ибо стѣнные часы уже пробили двѣнадцать, когда она, повернувшись на своей постели, спросила:

— Спишь, мамаша?

— Нѣтъ, душечка.

— Мамаша....

— Что, мое сердечко?

— Не правда-ль, панъ Шрейеръ человѣкъ подходящій?

— А!... Да, да, отвѣчала мамаша, которая, конечно, предалась бы длиннымъ размышленіямъ, еслибы, повернувшись на другой бокъ, въ ту же минуту не заснула.

Изъ опасенія, чтобы не случилось того же съ любезною читательницею, я отлагаю до слѣдующей главы разъясненіе, почему панъ Шрейеръ былъ человѣкъ подходящій, что онъ дѣлалъ въ Цаповицахъ, и для чего появилось его имя въ седьмой главѣ нашей повѣсти.

## ГЛАВА VIII,

**весьма поучительная для молодыхъ юристовъ и другихъ молодыхъ людей обоего пола и заключающая въ себѣ начало конца этой повѣсти.**

Въ предыдущей главѣ мы были очень нескромны, любезный читатель: мы подслушивали у дверей, да еще въ такую позднюю пору! Мы вывѣдали тайну, неизвѣстную даже пани ассистентшѣ и скрытую глубоко въ сердцѣ дѣвушки. Если дочь, послѣ разговора съ матерью о сватовствѣ нѣкоего пана Сарафановича, спрашиваетъ ее: подходящій ли человѣкъ тотъ или другой мущина, то, конечно, родная мать должна почувствовать такое же подозрѣніе, какое возымѣли мы. Такъ и случилось. На слѣдующее утро пани Прецличекъ начала допытываться отъ

Digitized by Google

Мильци, почему она высказала такое лестное мнѣніе о панѣ Шрейерѣ. Не могу сообщить протокола этого перваго допроса, потому что признаніе нашей героини было слишкомъ обще и незначительно; болѣе уликъ представляли ея робкіе взгляды и румянецъ, но ихъ нельзя занести въ протоколъ, потому что при допросѣ не было свидѣтелей. Это не значитъ, чтобы Мильця хотѣла что-либо скрыть отъ матери — не могло быть лучшей дочери, какъ она, и хорошая дочь не могла имѣть болѣе нѣжной матери, какъ пани Прецличекъ. Но въ жизни нашего сердца наступаетъ такой моментъ, въ который мы сами не можемъ дать себѣ отчета въ нашихъ чувствахъ и ощущеніяхъ. Эта аксіома была уже высказана въ тысячѣ романовъ и повѣстей, но не мѣшаетъ повторить ее здѣсь, хоть изъ приличія, ибо нельзя же мнѣ представить мою героиню сразу влюбленною по уши въ молодаго человѣка, едва извѣстнаго читателямъ по фамиліи, и какая фамилія—Шрейеръ! Что за птица Шрейеръ?

Императорско-королевскій актуаріусъ при повѣтовомъ судѣ въ Цаповицахъ, благодаря святому крещенію, носилъ имя не столь неблагозвучное, какъ его фамилія. Звали его не Симфроніемъ, не Бонифаціемъ, а Каролемъ. Почтеннымъ читателямъ, конечно, пріятно узнать, что онъ былъ довольно красивый и статный мущина, около 30 лѣтъ отъ роду, что его наружность очень бы пристала любому поручику или ротмистру легкой или тяжелой кавалеріи и доставила бы значительную прибавку къ мѣсячному жалованью актеру, играющему роли любовниковъ. Но такъ какъ министръ юстиціи, къ несчастію, не руководится воззрѣніями театральнаго директора, то панъ Шрейеръ получалъ только по 40 гульденовъ въ мѣсяцъ за исправленіе въ Цаповицскомъ повѣтѣ своей судебной обязанности, подъ начальствомъ пана Прецличка. Къ тому же онъ не обладалъ талантомъ пана Сарафановича сберегать ежегодно 1.500 гульденовъ изъ 800 гульденовъ жалованья. Напротивъ того, въ бюджетѣ его всегда оказывался дефицитъ, доходившій почти до пятой части дохода. По этой причинѣ панъ Прецличекъ считалъ пана Шрейера императорско-королевскимъ чиновникомъ безъ такихъ достоинствъ, которыя заслуживали бы одобрительной отмѣтки въ представляемыхъ начальникомъ кондуитныхъ спискахъ, изъ которыхъ высшее правительство и намѣстники почерпаютъ свои свѣдѣнія о способностяхъ и усердіи подчиненныхъ органовъ власти. Онъ былъ исправенъ и такъ хорошо зналъ свою службу, что панъ Прец-

Digitized by Google

личекъ не затруднялся часто пользоваться его совѣтами; но въ нѣкоторомъ отношеніи рвеніе его далеко не соотвѣтствовало ожиданіямъ, и въ графу примѣчаній кондуитнаго списка постоянно вносилась отмѣтка: «неблагонадеженъ», или «сомнителенъ». Въ продолженіе своей шестилѣтней службы панъ Шрейеръ не открылъ ни одного заговора и не донесъ ни объ одномъ фактѣ, который могъ бы привести къ разъясненію подземныхъ козней польской революціонной партіи, широко развѣтвленной въ Цаповицскомъ повѣтѣ. Еслибы старый панъ Папинковскій переписывался съ Гарибальди, а панъ Кудеркевичъ организовалъ въ Гленбочискѣ цѣлые полки повстанцевъ, то и тогда панъ Шрейеръ, по мнѣнію пана форштеера Прецличка, ни о чемъ бы не догадался. Правда, панъ Папинковскій считалъ у себя на совѣсти только одинъ невѣрноподданническій поступокъ—онъ пустилъ къ себѣ переночевать нѣсколькихъ нарушителей общественнаго спокойствія; панъ же Каласантъ Цаповицкій признавалъ все революціонное волненіе въ Галиціи въ 1863 году преднамѣренно выдуманнымъ средствомъ для выжиманія денегъ у шляхты, а панъ Кудеркевичъ, наиопаснѣйшій въ цѣломъ повѣтѣ агитаторъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ подчинять всѣ свои интересы интересамъ императорско-королевской монархіи и, ссылаясь на соотвѣтствующіе параграфы императорско-королевской конституціи, только при торжественныхъ случаяхъ признаютъ себя гласно поляками; но все это не ведетъ ни къ чему, ибо въ этомъ краѣ революціонные происки разрастаются сами собою, какъ трава на лугахъ, и никогда нельзя быть увѣрену, что самый вѣрноподданный съ виду человѣкъ не заслуживаетъ 20-лѣтняго крѣпостнаго заключенія, и наоборотъ, нельзя поручиться, что самый отъявленный красный радикалъ не будетъ когда-либо награжденъ орденомъ. Ревностный чиновникъ, твердилъ панъ Прецличекъ, долженъ быть всегда предусмотрителенъ и остороженъ; онъ обязанъ не только исполнять приказанія высшихъ властей, но долженъ предугадывать ихъ мысли и желанія. Поэтому, панъ Прецличекъ, полагая, что высшія власти желаютъ засадить въ слѣдственную тюрьму всю революціонную партію, всячески старался добыть какъ можно болѣе матеріаловъ для различныхъ политическихъ слѣдствій. При выборахъ въ сеймъ, онъ, безъ всякаго внушенія свыше, понялъ, что правительству желательно, чтобы выборъ мелкихъ владѣльцевъ палъ на ксендза Набуховича, и въ этомъ смыслѣ направ-

Digitized by Google

лялъ выборы и наставлялъ избирателей. Панъ Шрейеръ не владѣлъ столь чуткимъ инстинктомъ. Нужно было ему все приказать, все подробно объяснить; но и тогда онъ исполнялъ порученное ему дѣло не такъ, какъ слѣдовало. Такъ, напримѣръ, панъ Прецличекъ утверждалъ, что, сообразно желанію правительства, въ гражданскихъ процессахъ объясненія спорящихъ сторонъ, написанныя по-польски, должны заключать въ себѣ менѣе убѣдительныхъ доводовъ и заключеній, чѣмъ бумаги того же рода, написанныя по-нѣмецки. Панъ Прецличекъ принаровился къ такому порядку, и не было примѣра, чтобы сторона, ведущая процессъ по-польски, выиграла въ цаповицскомъ судѣ дѣло противъ стороны, пишущей по-нѣмецки. Панъ Шрейеръ этого не понималъ и не разъ подкладывалъ для подписанія пану Прецличку бумаги, составленныя въ пользу лицъ, говорившихъ языкомъ революціонной партіи, писалъ для тяжущихся сторонъ и свидѣтелей польскіе протоколы и однажды отважился настрочить на этомъ языкѣ цѣлую докладную записку, вслѣдствіе чего панъ Прецличекъ такъ разгнѣвался, что желудочныя кислоты уложили его въ постель на цѣлую недѣлю.

Въ продолженіе болѣзни въ Цаповицскомъ повѣтѣ судилъ панъ Шрейеръ, а рядилъ панъ Сарафановичъ, панъ же форштееръ, не читая никакихъ бумагъ, только выставлялъ на нихъ обычный іероглифъ, изображающій подпись императорско-королевскаго чиновника. Администрація шла обычнымъ порядкомъ, но въ судѣ совершались ужасы. Панъ Шрейеръ предалъ уголовному суду войта гмины Карпувки, за то что онъ далъ сто розогъ сельскому учителю, по приказанію приходскаго уніатскаго ксендза, смотрителя карпувской школы. Жена ксендза продала малую толику гороху пану Дудіо въ Цаповицахъ; какъ извѣстно, всякіе стручковые плоды надо лущить, что всего лучше дѣлаютъ дѣти. Учитель, какой-то полуполякъ, или ополячившійся русинъ, не захотѣлъ позволить ученикамъ и ученицамъ своей школы заниматься чѣмъ-либо инымъ, какъ чтеніемъ по складамъ и другими подобными пустяками, и отослалъ назадъ стручки супругѣ ксендза, сказавъ, что лущить ихъ дѣтямъ некогда. Непослушный педагогъ, очевидно, заслужилъ строгое внушеніе, которое и сдѣлалъ ему розгами войтъ, оказавшій въ свое время много услугъ при извѣстномъ уже читателямъ превращеніи гминной собственности сперва въ деньги, а потомъ въ водку. Этого-то заслуженнаго человѣка панъ Шрейеръ не усомнился

Digitized by Google

предать суду, подъ предлогомъ превышенія власти и тяжкихъ тѣлесныхъ оскорбленій, такъ что бѣдняга, по недостатку доказательствъ, высвободился не прежде, какъ чрезъ три мѣсяца.

Другой случай, имѣющій нѣкоторое значеніе для нашей повѣсти, показываетъ еще яснѣе, сколько зла можетъ надѣлать такой заклятый полякъ, какъ называлъ панъ Прецличекъ пана Шрейера. Въ одной крестьянской семьѣ повздорили зять съ тестемъ. Ссора усилилась и зять при людяхъ объявилъ, что убьетъ своего тестя. На другой день сосѣди, услыхавъ необыкновенный крикъ въ хатѣ, гдѣ происходила семейная драма, вбѣжали въ нее и застали, какъ зять рубилъ топоромъ голову тестя. Послѣдній, человѣкъ слабаго сложенія, не смогъ перенести столь неделикатнаго обхожденія съ нимъ зятя Микиты, тѣмъ болѣе, что и крѣпкимъ людямъ, за немногими исключеніями, трудно доживать вѣкъ безъ головы. Теоретики криминалисты навѣрное усмотрѣли бы въ этомъ случаѣ преднамѣренное убійство; но панъ форштееръ, знавшій до тонкости нравы и обычаи простаго народа, видѣлъ въ немъ лишь семейный раздоръ, тѣмъ болѣе, что и докторъ Герцъ въ составленномъ имъ актѣ заключилъ, что покойникъ умеръ отъ кишечнаго катарра, соединеннаго съ хроническимъ кашлемъ и приливомъ крови къ головѣ. Но какъ юстиція требуетъ удовлетворенія, то, несмотря на всѣ просьбы Микиты, который долго совѣщался съ Дудіо и паномъ форштееромъ, послѣдній призналъ его преступленіе оскорбленіемъ чести съ нанесеніемъ довольно тяжелаго увѣчья и, составивъ о томъ донесеніе, отправилъ дѣло въ козловицскій слѣдственный судъ. Тамъ оно пролежало около двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего было возвращено въ цаповицскій судъ, съ примѣчаніемъ, что слѣдственный судъ не находитъ въ этомъ дѣлѣ уликъ въ тяжкомъ увѣчьѣ и признаетъ, что обсужденіе оскорбленія чести покойнаго Андрея подлежитъ разсмотрѣнію повѣтоваго суда. Къ несчастію, панъ Прецличекъ лежалъ тогда больной въ постели; впослѣдствіи онъ говорилъ пану Сарафановичу: «представьте себѣ, глупый молокососъ Шрейеръ поднялъ изъ пустяковъ важную исторію и подалъ дѣло на апелляцію!»—Сдѣлалъ онъ это потому, что покойникъ очевидно не могъ самъ показать въ протоколѣ, чувствуетъ ли онъ себя оскорбленнымъ; свидѣтели же говорили о топорѣ, объ отрубленіи головы и другихъ ужасахъ, къ которымъ не прибѣгаютъ даже львовскіе журналисты для

Digitized by Google

отомщенія оскорбленій чести мужей, стоящихъ на-стражѣ народнаго достоинства. Наѣхала уголовная комиссія, произвели новое слѣдствіе, засадили въ тюрьму Микиту, и ближайшимъ послѣдствіемъ апелляціи былъ большой носъ для пана форштеера. Дальнѣйшій ходъ процесса Микиты доказываетъ еще убѣдительнѣе, какъ мало одарено практическимъ смысломъ молодое поколѣніе юристовъ, какъ безполезно они увеличиваютъ ненужную переписку, безпрестанно жалуясь на бюрократическія злоупотребленія старшихъ чиновниковъ и на весь такъ-называемый шлендріанъ.

Эти немногіе примѣры достаточно объясняютъ, почему панъ Кароль Шрейеръ не пользовался расположеніемъ пана Прецличка, и доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ безпокойный и непригодный для должности повѣтоваго актуаріуса. Но женщины ничего не соображаютъ. Человѣкъ столь суровый для войта гмины Карпувки и для Микиты, такой несмѣтливый, что не умѣлъ угадывать желаній высшихъ властей, и такой непріятный, что при одномъ видѣ его панъ Прецличекъ уже чувствовалъ себя нехорошо, казался Мильцѣ добрымъ какъ ягненокъ, любезнымъ и даже увлекательнымъ въ обращеніи. Человѣкъ до того ограниченный, что не замѣчалъ революціоннаго вулкана, бурлившаго подъ Цаповицами и ея окрестностями, который считалъ простое патріархальное внушеніе тяжкимъ тѣлеснымъ оскорбленіемъ, а въ оскорбленіи чести видѣлъ убійство, казался ей образованнымъ! Вотъ послѣдствія чтенія революціонныхъ газетъ и литературныхъ журналовъ. Дѣвушка набиваетъ себѣ голову идеалами, лазурью, радугами, звѣздами, и потомъ красивые черные усики представляются ей радугою, изрядные глаза звѣздами, сносный лобъ — небомъ, и вотъ идеалъ ея ходитъ, движется, плюетъ, ѣстъ говядину и танцуетъ мазурку, какъ будто созданный не изъ возвышенныхъ мечтаній, но изъ тѣла, костей и сюртука. Увы! такъ бываетъ на свѣтѣ, и мы должны мириться со свѣтомъ, каковъ онъ есть, потому что передѣлать его не въ нашей власти.

Признаемъ же за несомнѣнный фактъ, что панъ Кароль былъ осуществленіемъ того идеала Мильци, о которомъ мы уже упомянули выше. Если же она не призналась въ томъ пани Прецличекъ, то это произошло лишь отъ того, что дамы и дѣвицы неохотно признаются самимъ себѣ, что какой-либо счастливый смертный приглянулся имъ болѣе другихъ, пока

Digitized by Google

этотъ счастливый, но не вѣдающій своего счастія, избранникъ не натерпится, не намучится и не вымолитъ у нихъ, болѣе или менѣе торжественно, того расположенія, которымъ онѣ его уже подарили. Какія неожиданности случались бы на свѣтѣ, еслибъ эмансипація женщинъ дошла до того, что сами онѣ стали бы открывать свои чувства мущинамъ, не дожидаясь признанія съ ихъ стороны! Правда, и теперь это не запрещено закономъ, но вы, милостивыя государыни, не хотите пользоваться подобною свободою; по крайней мѣрѣ меня до сихъ поръ еще ни одна изъ васъ не удостоила признаніемъ. О, женщины, женщины!

Мильця рѣдко видѣлась съ паномъ Каролемъ. Семейства форштеера онъ не посѣщалъ и бывалъ въ его домѣ только по дѣламъ службы, или когда панъ Прецличекъ уѣзжалъ съ какою-нибудь комиссіей, а обѣ дамы, встрѣтившись съ нимъ на прогулкѣ, позволяли ему проводить себя домой. Спустя немного времени, панъ Кароль сталъ очень радоваться, когда панъ Прецличекъ уѣзжалъ по службѣ, и не нужно было просить его, чтобъ онъ заглянулъ въ гостиную начальника. Случилось это именно въ то время, когда панъ Сарафановичъ началъ часто пить кофе въ семействѣ пана форштеера. Мамаша замѣтила, что Мильця не смотрѣла тогда ни на печь, ни на потолокъ, ни на темно-зеленый сюртукъ пана Сарафановича, но часто поглядывала на галстукъ, усики или глаза пана Шрейера. Она, конечно, хотѣла убѣдиться, дѣйствительно ли онъ такъ похожъ на одного повстанца 1864 года, которому достопочтенное семейство пана форштеера облегчило сперва побѣгъ изъ тюрьмы, а потомъ выѣздъ изъ Цаповицъ, нарядивъ его въ фуражку съ золотою кокардой и предавъ такимъ образомъ поруганію служебное отличіе, которымъ украшалъ свою голову самъ панъ форштееръ. Мильця много разговаривала съ паномъ Каролемъ, смѣялась, шутила и немного задумывалась; когда всѣ вставали изъ-за стола, а пани Прецличекъ продолжала по обыкновенію бесѣдовать съ паномъ Сарафановичемъ о цѣнѣ овощей, говядины и другихъ припасовъ, Мильця сходила внизъ и шла въ садъ, гдѣ у нея росли разныя астры, левкои, гвоздики и резеда. Панъ Кароль ничего не смыслилъ въ садоводствѣ, но сочувствовалъ Мильцѣ въ прогулкахъ вокругъ бецирковаго дома и давалъ ей разные совѣты по части ботаники. Случилось разъ, что на одной клум-

Digitized by Google

бѣ, между бальзаминами и другими цвѣтами, выросъ уродливый лопухъ и, несмотря на ежедневный почти присмотръ Мильци и на частыя обозрѣнія пана актуаріуса, широко распустилъ свои листья. Конечно, это произошло отъ того, что Мильця, когда бывала въ саду одна, постоянно и исключительно присматривала за большимъ подсолнечникомъ, который росъ подъ окнами канцеляріи пана актуаріуса, а когда они обозрѣвали садъ вмѣстѣ, то оба они чаще поглядывали другъ на друга, чѣмъ на клумбы. Наконецъ Мильця увидала непрошенаго гостя съ большими шершавыми листьями и вскрикнула:

— Ахъ какой скверный Сарафановичъ! Надо его тотчасъ вырвать и выбросить.

— А нѣтъ ли у васъ въ саду репейника, съ прозвищемъ Шрейеръ?

— Плохой вы натуралистъ; это не репейникъ, а мотылекъ... Мотылекъ съ усами и въ ростъ гусарскаго ротмистра! Но дѣвицы имѣютъ привычку называть самыхъ рослыхъ и толстыхъ мущинъ мотыльками, чтобы дать имъ случай протестовать противъ подобнаго сравненія. Протестовалъ и панъ Кароль и убѣдительно просилъ причислить его къ существамъ болѣе степеннымъ. Ему обѣщали это, если онъ окажется того достойнымъ. Черные глаза мотылька выражали полную готовность заслужить обѣщанное. Юная натуралистка, дававшая прозванія растеніямъ и букашкамъ, сильно покраснѣла, опустила глаза въ землю и очень смутилась. Кароль взялъ протянутую маленькую ручку и поцѣловалъ ее разъ и другой, прежде чѣмъ ее высвободили. Потомъ общими силами они вырвали противнаго Сарафановича и бросили за рѣшетку сада. Настоящій Сарафановичъ сидѣлъ между тѣмъ въ гостиной и плакался передъ пани форштеершой, что при настоящей дороговизнѣ недостаетъ жалованья на прожитокъ. Когда Мильця и Кароль вернулись, панъ адъюнктъ скорбѣлъ надъ тѣмъ печальнымъ фактомъ, что кварта картофеля стóитъ четыре цента и заключаетъ въ себѣ часто не болѣе четырехъ картофелинъ. Панъ Шрейеръ замѣтилъ, что брага очень подешевѣла, а Мильця что-то пробормотала о дешевизнѣ отрубей. Пани форштеерша сконфузилась, панъ же Сарафановичъ выслушалъ оба замѣчанія со вздохомъ, но безъ гнѣва, и только сказалъ еще разъ: «о, пани, какъ вы жестоки!» Было уже поздно, и оба кавалера, поцѣловавъ руки дамамъ, разошлись по домамъ.

Digitized by Google

## ГЛАВА IX.

### Наругалась и ушла.

Я крайне сожалѣю, что, по несчастному стеченію обстоятельствъ, я не имѣлъ доступа къ архиву императорско-королевскаго намѣстничества, въ которомъ хранится многое такое, что могло бы послужить къ объясненію не совсѣмъ понятныхъ обстоятельствъ этой повѣсти. Такъ, напримѣръ, я не могу взять въ толкъ, почему, вслѣдъ за упомянутою выше перепискою пана Сарафановича съ ксендзомъ Набуховичемъ, дѣло о малоставицскихъ просьбахъ, писанныхъ рукою пана Прецличка, задремало такъ благополучно, какъ дремлютъ всѣ другія общественныя дѣла въ вѣчно дремлющемъ Галиційскомъ королевствѣ и его partibus adnexis. Какъ дѣеписатель Цаповицскаго повѣта, знаю только, что въ это время ксендзъ Набуховичъ ѣздилъ во Львовъ и, вернувшись оттуда, написалъ къ своему племяннику письмо, которое очень успокоило пана Прецличка. Менѣе довольнымъ остался панъ Сарафановичъ, потому что на вопросъ его: можетъ ли онъ теперь получить руку Мильци и выплатятъ ли ему приданое чистыми деньгами или облигаціями,—онъ получилъ уклончивый отвѣтъ, что Мильця не успѣла еще короче съ нимъ познакомиться.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Цаповицахъ было очень встревожено тѣмъ, что происходило въ домѣ форштеера. Во всемъ приходѣ шептали другъ другу на ухо, но не такъ тихо, чтобы не было слышно и въ приходахъ сосѣднихъ, что панъ актуаріусъ Шрейеръ бываетъ очень часто у пана Прецличка. Пани казначейша не понимала, какъ позволяетъ пани форштеерша Мильцѣ бесѣдовать такъ часто съ паномъ Каролемъ, когда она уже дала слово пану Сарафановичу. Кася пани Прецличекъ сказала Марусѣ пани контролерши, что ея панна всегда разговариваетъ съ паномъ Шрейеромъ, словно читаетъ по книжкѣ, что она гуляетъ съ нимъ по саду, шепчется съ нимъ. Было очевидно, что панъ Сарафановичъ несчастнѣйшій изъ влюбленныхъ, и пани казначейша, предусматривая будущее, пророчила ему, что онъ будетъ несчастливѣйшій мужъ. Всѣ пани проник-

Digitized by Google

нулись священнымъ ужасомъ, соболѣзновали супругамъ Прецличекъ въ томъ, что Богъ наградилъ ихъ такою вѣтреною дочкой, а Мильцѣ въ томъ, что родители ея не съумѣли воспитать дочь. Подобное христіанское состраданіе къ ближнему встрѣчается и въ болѣе многолюдныхъ городахъ, чѣмъ Цаповицы; оно всегда очень похвально, ибо доказываетъ попечительную заботливость о чужихъ дѣлахъ; оно только тѣмъ неудобно, что почтенные и милые сосѣди, изъ опасенія, чтобы мы не согрѣшили, такъ зорко слѣдятъ за каждымъ представляющимся намъ случаемъ сдѣлать зло, что дурная молва предупреждаетъ наши ошибки, а не слѣдуетъ за ними. Такъ и въ этомъ случаѣ: въ разстояніи двухъ миль отъ Цаповицъ каждому, не знавшему еще Эмиліи, было уже извѣстно, что эта неблагоразумная особа имѣетъ двухъ возлюбленныхъ, что она компрометируетъ себя, что она вѣтрена и т. д.

Панъ Сарафановичъ, посѣщавшій предметъ своей страсти въ одно время съ паномъ Шрейеромъ, можетъ-быть, и не догадался бы, что у него есть соперникъ, еслибъ о томъ не позаботились сосѣди. Сторожъ Швалбеншвейфъ, узнавъ обо всемъ отъ своей жены, пересказалъ ему, что слышалъ, когда они ѣхали вмѣстѣ въ командировку, чтобы схватить генерала Мѣрославскаго, который, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, скрывался въ пасѣкѣ сэра Джемса Скршечковскаго, переряженный пятнадцатилѣтнею дѣвочкой. Панъ Сарафановичъ сильно призадумался надъ тѣмъ что у него есть соперникъ въ любви; вслѣдствіе чего генералъ Мѣрославскій и на этотъ разъ успѣлъ скрыться, въ пасѣкѣ же нашли только мальчика, который стерегъ гусей. Мальчика крѣпко допрашивали, и панъ Сарафановичъ далъ ему два тычка за то, что онъ не выдавалъ себя за генерала Мѣрославскаго, не признавался что онъ видѣлъ послѣдняго и помогъ ему убѣжать. Слѣдствіе кончилось ничѣмъ, только приказано Катарынецкой гминѣ хватать всѣхъ бѣлокурыхъ мущинъ и всѣхъ пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ и доставлять ихъ связанныхъ въ бециркъ. Въ силу такого приказа, въ одно прекрасное утро задержали на катарынецкой землѣ сэра Джемса Скршечковскаго, котораго природа одарила прекрасными бѣлокурыми бакенбардами, и его копію, пана Ксаверія Папинковскаго, и привезли обоихъ, подъ сильнымъ конвоемъ, въ повѣтовое правленіе; но на другой же день, послѣ удостовѣренія въ личности, ихъ выпустили на волю.

Панъ адъюнктъ мучился мыслью, что ему начать. Онъ совѣ-

Digitized by Google

товался съ діурнистомъ Піорецкимъ, не слѣдуетъ ли подвергнуть актуаріуса дисциплинарному слѣдствію; но Піорецкій полагалъ, что какъ ни совершенны и многосторонни императорско-королевскіе законы, тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ ни одного параграфа, приложимаго къ этому случаю. Въ нихъ говорится, правда, объ уваженіи, которое каждый подчиненный обязанъ оказывать своему начальнику, даже внѣ службы, но, вѣроятно вслѣдствіе поспѣшности, законодатель забылъ присовокупить, что актуаріусу запрещается влюбляться въ ту же дѣвицу, въ которую влюбленъ адъюнктъ. Вслѣдствіе столь прискорбнаго пропуска въ законахъ, панъ Сарафановичъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ Піорецкимъ, убѣдился, что ему остается только сдѣлать скорѣе предложеніе Мильцѣ, заручиться ея словомъ и просить благословенія родителей.

Піорецкій разохотился на совѣты, и панъ адъюнктъ узналъ еще отъ него, что для внѣшней обстановки такого важнаго акта, какъ сватовство, прежде всего необходимъ фракъ. Никто еще не женился безъ фрака. Въ гардеробѣ пана Сарафановича не было фрака, но безцѣнный Піорецкій вспомнилъ, что у почтмейстера хранится свадебный фракъ, очень порядочный, ибо, по увѣренію пани Швалбеншвейфъ, почтмейстеръ женился недавно, именно въ 1847 году. Что же касается другихъ формальностей, напримѣръ неизбѣжнаго объясненія и т. п., то Піорецкій не сомнѣвался, что панъ адъюнктъ выберется изъ затрудненій какъ нельзя лучше. Панъ Сарафановичъ попросилъ его однако составить ему объ этомъ записку, въ стихахъ или въ прозѣ, потому что у человѣка въ роковую минуту можетъ прильнуть языкъ къ гортани. Піорецкій исполнилъ его желаніе, и панъ Сарафановичъ тотчасъ началъ заучивать на память записку, которая показалась ему отлично составленною. Рано утромъ, въ день сватовства, Піорецкій пришелъ къ пану адъюнкту и, съ запискою въ рукѣ, прослушалъ его пламенную рѣчь, подсказывая при томъ, когда нужно стать на колѣни, когда приложить руку къ сердцу и проч.

Былъ то памятный день для Цаповицъ, когда панъ Сарафановичъ появился на улицѣ во фракѣ, въ сѣрыхъ форменныхъ панталонахъ, въ бѣлыхъ, вновь вымытыхъ, замшевыхъ перчаткахъ и въ фуражкѣ съ орломъ, надѣтой, по важности случая, немного на-бекрень. Въ городѣ уже знали о предстоявшемъ событіи, а потому изъ всѣхъ оконъ смотрѣли люди. На улицѣ жиды, жи-

Digitized by Google

довки и жиденята съ большимъ любопытствомъ оглядывали представившуюся ихъ глазамъ величественную фигуру. Цѣлая ватага дѣтей бѣжала за паномъ адъюнктомъ въ почтительномъ отдаленіи, потому что нрава онъ былъ неласковаго и дѣти боялись его пуще школьнаго учителя. Менѣе уваженія оказывали дворняшки и другія собаки: озадаченныя необыкновеннымъ костюмомъ, онѣ лаяли и гнались за полами фрака, слишкомъ длинными, потому что почтмейстеръ былъ головою выше пана Сарафановича, и къ тому же въ 1847 году носили фраки длиннополые. Такимъ образомъ свадебный нарядъ почтмейстера подвергался опасности, но, къ счастію, панъ адъюнктъ встрѣтилъ старшину Цаповицкой гмины, Матеуша Брындзу, и сказалъ ему, что прикажетъ жандармамъ перестрѣлять всѣхъ собакъ; послѣ чего панъ Матеушъ, вооруженный войтовскою палкой, пошелъ сзади за представителемъ установленной надъ Цаповицами власти и отгонялъ четвероногихъ ворчуновъ. Наконецъ панъ адъюнктъ перешелъ дворъ, вошелъ на лѣстницу и добрался до гостиной семейства форштеера, гдѣ не засталъ никого. Ожидая появленія Мильци, онъ повторялъ, въ полголоса, передъ горкою, записку пана Піорецкаго и живо размахивалъ руками. Мильця не показывалась. Панъ адъюнктъ прождалъ очень долго, пока отворилась дверь, и онъ съ трепещущимъ сердцемъ хотѣлъ уже начать свою рѣчь, но остановился, увидавъ, что вошла Кася. Онъ попросилъ ее позвать дочь форштеера, до которой у него есть важное дѣло. Кася вернулась съ извѣстіемъ, что панна не можетъ придти, потому что варитъ варенье. Скажи ей, возразилъ панъ адъюнктъ, что дѣло у меня очень важное. Кася ушла, и наступило новое ожиданіе, ибо въ продолженіе четверти часа Мильця упрашивала мамашу принять пана адъюнкта, а пани Прецличекъ убѣждала ее, что торжественное предложеніе она должна выслушать сама. Мильця немного поплакала и, отирая фартучкомъ слезы, вошла наконецъ въ гостиную, гдѣ тотчасъ по ея появленіи панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ началъ молвить слово такимъ голосомъ, какимъ школьники читаютъ въ классѣ Энеиду; онъ сказалъ:

— Милый ангелъ!

На этомъ словѣ панъ Сарафановичъ запнулся и забылъ, что долженъ былъ сказать милому ангелу. Наступила минута молчанія. Панъ Сарафановичъ вынулъ изъ кармана записку Піорецкаго, развернулъ ее и началъ читать. На бѣду, вмѣсто рѣчи,

Digitized by Google

тамъ стояло: «по снятіи показанія и составленіи протокола....»: записка была написана на оборотной сторонѣ какой-то старой канцелярской бумаги, панъ же адъюнктъ, въ смущеніи, не догадался, что нужно только перевернуть листъ, чтобы найти продолженіе рѣчи, и думалъ, что по ошибкѣ вытащилъ изъ кармана не ту бумагу. Повторивъ еще разъ: «милый ангелъ!», онъ бросилъ протоколъ на землю и началъ шарить во всѣхъ карманахъ, отыскивая несчастную записку, но напрасно.

— Чѣмъ могу служить пану адъюнкту? спросила Мильця.

— Милый ангелъ! Вотъ, вотъ.... сейчасъ была тутъ.... И снова принялся панъ адъюнктъ искать во фракѣ, въ жилетѣ и въ панталонахъ пропавшую записку.

— Не потерялъ ли чего панъ адъюнктъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только хотѣлъ сказать пани.. . я долженъ былъ.... я собирался.... то-есть я пришелъ спросить пани, угодно ли ей идти за меня замужъ.... Сейчасъ найду.

Снова начались поиски утраченной записки. Въ эту минуту Мильця увидала брошенную паномъ-адъюнктомъ на полъ бумагу и замѣтила на ней слова: «милый ангелъ!» Она въ мгновеніе угадала остальное и съ веселымъ смѣхомъ выбѣжала изъ комнаты. Панъ-адъюнктъ оторопѣлъ, но скоро убѣдился, что записка была у него въ рукахъ, а онъ не могъ ее найдти. Прочитавъ ее еще разъ, онъ пустился догонять Мильцю черезъ корридоръ въ кухню. Но тамъ всѣ помыслы и руки были заняты приготовленіемъ варенья, а Кася такъ крѣпко подперла двери, что панъ Сарафановичъ не могъ протиснуться. Въ смущеніи и потерявъ записку, онъ воскликнулъ:

— Пани Эмилія, что же будетъ съ нами?

— Съ нами ничего не будетъ....

— Какъ такъ?! Стало-быть, пани, не хотите меня?

Мильця была уже въ прилегавшей къ кухнѣ спальнѣ и не слыхала послѣдняго вопроса. Старая Марина, мать Каси, тоже прислуживавшая при кухнѣ, отворила дверь и спросила:

— Панночка! панъ-адъюнктъ спрашиваетъ, хотите ли вы его?

— Скажи ему, что не хочу, отвѣчала Мильця.

— Не знаете, что говорите, панночка.

— Гдѣ у васъ толкъ, мамочка, отозвалась Кася? Какое вамъ дѣло, если панночка не хочетъ? Кася, очевидно, держала сторону Шрейера.

Панъ адъюнктъ, въ продолженіе этого разговора, стоялъ на

Digitized by Google

порогѣ, придавленный кухонными дверями. Наконецъ, онъ сообразилъ, что онъ компрометируетъ свое достоинство; онъ вышелъ, затворилъ за собою дверь и отправился прямо въ канцелярію, къ пану форштееру.

Панъ Прецличекъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Малоставицкое дѣло возгоралось снова, по поводу убійства лѣсничаго и пораненія сторожа. Само по себѣ это дѣло не имѣло бы такого значенія, еслибъ учитель, котораго держалъ панъ Кудеркевичъ въ Гленбочискѣ для своихъ дѣтей, не имѣлъ скверной привычки писать корреспонденцій въ «Народовую Газету». Панъ Прецличекъ уже не разъ пытался избавиться отъ этого опаснаго человѣка и втихомолку выпроводить его изъ повѣта, но у него былъ паспортъ и онъ былъ крайне дерзокъ, пользуясь своими связями съ польскою пишущею братіей. Вслѣдствіе послѣднихъ событій въ Малоставицахъ, въ газетѣ снова стали разбирать дѣло о просьбахъ, которое въ намѣстничествѣ уже сдали въ архивъ. Императорско-королевской прокураторіи было, правда, предписано начать процессъ противъ редакціи и автора, за неблагонамѣренныя выходки противъ повѣтоваго управленія; но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было покончить съ дѣломъ о малоставицскихъ сервитутахъ, то отъ пана форштеера снова потребовали объясненія, которое онъ, подъ строжайшею отвѣтственностію, обязанъ былъ представить въ теченіе восьми дней.

Говорятъ, что несчастія всегда ходятъ парами и что одна бѣда навлекаетъ другую. Такъ и на пана Прецличка, вслѣдъ за возбужденнымъ вновь дѣломъ о малоставицскихъ просьбахъ, навалилась еще новая забота. Достопочтенный Микита, попавшій, благодаря вмѣшательству Шрейера, въ окружную тюрьму, подалъ предсѣдателю суда просьбу объ освобожденіи, ссылаясь на то, что онъ уже откупился отъ наказанія, ибо заплатилъ 100 гульденовъ пану форштееру, а слѣдственному судьѣ въ Козловицахъ, въ доказательство своей невинности, ссыпалъ два корца пшеницы. Съ той поры, какъ панъ Прецличекъ правилъ Цаповицами, онъ уже вынесъ на своихъ плечахъ до тридцати подобныхъ дѣлъ и всегда выходилъ изъ нихъ сухъ и чистъ; теперь же настали времена тяжелыя, и самому благонамѣренному чиновнику было не безопасно попасть въ подобнаго рода процессъ.

Панъ Прецличекъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нуждался въ помощи ксендза Набуховича, который, нужно замѣтить, кру-



Digitized by Google

гомъ на много миль служилъ заступникомъ и прибѣжищемъ чиновниковъ, попадавшихъ въ подобную бѣду. Онъ очень обрадовался появленію адъюнкта и излилъ предъ нимъ свои печали, вызванныя столь не заслуженнымъ преслѣдованіемъ. У пана Сарафановича тоже лежало горе на сердцѣ, и онъ, въ грустныхъ выраженіяхъ, разсказалъ своему начальнику, какой пріемъ ему сдѣлала Мильця. Панъ Прецличекъ разсудилъ, что Мильця, не получивъ наставленія отъ отца, не хотѣла ничего обѣщать пану Сарафановичу, и убѣдилъ послѣдняго положиться на него, потому что онъ, Прецличекъ, употребитъ свое вліяніе, и тогда дѣвочка запоетъ другимъ голосомъ. Панъ Сарафановичъ успокоился этимъ обѣщаніемъ и, увѣренный въ успѣхѣ, съ своей стороны, обѣщалъ полное содѣйствіе ксендза Набуховича въ малоставицскомъ дѣлѣ и въ процессѣ Микиты. Панъ Прецличекъ и панъ Сарафановичъ возобновили и скрѣпили свой оборонительно-наступательный союзъ, и при этомъ случаѣ пану-адъюнкту удалось выторговать повышеніе приданаго съ 8 до 10.000 гульденовъ. Панъ Прецличекъ обѣщалъ немедленно переговорить съ Мильцей.

## ГЛАВА X.

Панъ Прецличекъ, потерявъ изъ виду революціонную партію, нападаетъ на слѣдъ другаго опаснаго заговора, а потому объявляетъ осадное положеніе и приступаетъ къ бомбардировкѣ.

Былъ лѣтній прекрасный день, такой, какіе разъ или два въ годъ выпадаютъ и на долю Цаповицъ, когда солнце осушаетъ улицы, предоставленныя дѣйствію его лучей. Даже и теперь, когда мы пользуемся гминною и повѣтовою автономіей, благодушное солнце исполняетъ эту работу безъ содѣйствія начальства, маршалковъ и бурмистровъ. Оно одно печется о нашихъ дорогахъ и иногда исправно отбываетъ свою повинность. Но дѣло не въ томъ, кто высушилъ обсаженную тополями улицу отъ бецирка до дома Цаповицкаго. На этой улицѣ, окончивъ канцелярскія занятія, прогуливался панъ форштееръ, чтобы приготовить свой хворый желудокъ къ наполненію супомъ, говядиной съ хрѣномъ или безъ хрѣна и другими подкрѣпляющими средствами, которыя стряпались въ кухнѣ, гдѣ Мильця варила варенье.

Digitized by Google

Для жителей Цаповицъ такая прогулка пана форштеера представляла удобный случай выразить низкими поклонами свою преданность къ высшему представителю власти. Панъ Прецличекъ, высокаго роста и очень худощавый, заложивъ руки за спину, качался словно камышъ. Менѣе благонамѣренный наблюдатель, можетъ-быть, сравнилъ бы заостренное лицо пана Прецличка съ мордою гончей собаки, которая, потерявъ на землѣ слѣдъ зайца, ищетъ его въ воздухѣ и машетъ хвостомъ въ знакъ своего внутренняго волненія. Сравненіе было бы тѣмъ удачнѣе, что въ ту пору, въ августѣ 1866 года, панъ Прецличекъ дѣйствительно потерялъ слѣдъ и не зналъ, куда дѣвалась революціонная партія, обнаруженіе которой составляло главную задачу административной дѣятельности. Еслибы панъ Прецличекъ читалъ что-нибудь другое, кромѣ предписаній императорско-королевскаго намѣстничества и еще издававшейся тогда «Львовской Газеты», то ему, можетъ-быть, было бы извѣстно, что революціонная партія составляла въ это время планы возстановленія Польши, посредствомъ преобразованія Австріи въ Славянскую федерацію, и онъ спалъ бы спокойно. Но онъ ничего не зналъ и не могъ понять, почему, напримѣръ, недавно, на именинахъ пана Кудеркевича, перваго радикала въ повѣтѣ, другой радикалъ, панъ Быковскій, вставъ съ мѣста за обѣдомъ, съ полнымъ бокаломъ венгерскаго въ рукѣ, произнесъ слѣдующія слова:

«Милостивые государи! Въ городахъ вѣрноподданническія чувства выражаются публичными демонстраціями, процессіями съ факелами и адресами, мы же, шляхта, не дѣлаемъ демонстрацій, но тѣмъ сильнѣе пылаетъ въ нашихъ сердцахъ преданность къ трону и монархіи. Поэтому, въ тайномъ, семейномъ, родственномъ кружкѣ, гдѣ все говорится и дѣлается отъ сердца, я, по стародавнему польскому обычаю, не для людскихъ глазъ, провозглашаю тостъ: да здравствуетъ нашъ пресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій государь, да здравствуетъ его величество императоръ и король Францъ-Іосифъ первый!»

Застучали бокалы, и двадцать пять родовитыхъ помѣщиковъ Цаповицскаго повѣта, изъ глубины сердца и во все горло, прокричали: да здравствуетъ! Каждый вылъ какъ бѣлуга, исключая пана Якуба Быковскаго, который вылъ какъ двѣ бѣлуги, отъ избытка чувствъ и по-старопольски. Панъ форштееръ, которому тайная повѣтовая полиція донесла объ этомъ случаѣ,

Digitized by Google

никакъ не могъ объяснить себѣ его значенія и совсѣмъ сбился съ толку. Онъ шелъ по обсаженной тополями улицѣ и старался почуять въ воздухѣ ту революціонную партію, которой слѣдъ онъ потерялъ на землѣ. Навстрѣчу ему попались панъ Каласантъ Цаповицкій и ксендзъ Заіонцъ, оба увлеченные разговоромъ о современныхъ политическихъ вопросахъ. Панъ Цаповицкій сообщилъ ксендзу-пробощу, что, по его мнѣнію, Наполеонъ неминуемо долженъ что-нибудь сдѣлать. Этою фразой утѣшались всѣ поляки съ той поры, какъ Наполеонъ сталъ Наполеономъ. Между тѣмъ императоръ переѣзжалъ то въ Сенъ-Клу, то въ Тюльери, то въ Компьэнь, и ровно ничего не дѣлалъ; но панъ Цаповицкій былъ увѣренъ, что весною непремѣнно что-нибудь начнется. Ксендзъ Заіонцъ намекнулъ, что очень было бы хорошо, еслибы достопочтенный патронъ, до зимы, приказалъ исправить заборъ вокругъ плебаніи; вслѣдствіе чего панъ Каласантъ Цаповицкій снова замѣтилъ, что поляки теперь словно у Христа за пазухой, ибо, кромѣ Наполеона, и Австрія, конечно, должна что-нибудь для нихъ сдѣлать. Ксендзъ Заіонцъ вполнѣ соглашался, что поляки, дѣйствительно, ничего не должны дѣлать, потому что всякій трудъ былъ бы безуміемъ, и присовокупилъ, что новая рига была бы очень полезна для принадлежащаго пробоству фольварка, что смѣта уже нѣсколько лѣтъ составлена правительственнымъ инженеромъ и ожидаетъ лишь утвержденія какой-то инстанціи. Панъ Цаповицкій выразилъ надежду, что инстанціи будутъ теперь гораздо внимательнѣе къ полякамъ, потому что если не принцъ Наполеонъ, то конечно какой-нибудь австрійскій эрцгерцогъ или саксонскій принцъ будетъ королемъ польскимъ. Разговаривающіе уже начали толковать о выборахъ и разгадывать мнѣнія европейской дипломатіи объ этомъ важномъ проектѣ, когда увидали пана форштеера. Выборы отложили до другаго раза и разговоръ принялъ болѣе практическое направленіе: панъ Прецличекъ старался разузнать изъ словъ пана Цаповицкаго, что задумываетъ революціонная партія, а послѣдній пытался вывѣдать, можно ли надѣяться, что недоимки будутъ разложены на четыре года, съ уплатою въ четырехмѣсячные сроки. Бесѣда продолжалась довольно долго, и суповая чаша уже стояла на столѣ, когда панъ Прецличекъ вернулся домой и засталъ своихъ двухъ дамъ съ заплаканными глазами.

Мы оставили Мильцю веселою, послѣ того какъ потерянная

Digitized by Google

паномъ Сарафановичемъ записка заставила ее разсмѣяться, а потому и должны объяснить перемѣну въ ея настроеніи. Я пишу не для эфекта и не хочу, отъ главы до главы, раздражать любопытство читателя, потому что воображеніе не должно имѣть вліянія на складъ моей повѣсти, да и я поставилъ себѣ задачею написать правдивую исторію достопамятныхъ событій въ Цаповицскомъ повѣтѣ, въ порядкѣ лѣтописномъ и хронологическомъ, безъ всякихъ съ моей стороны прибавленій. Я дѣлаю это для потомства. Черезъ триста лѣтъ изслѣдователи старины узнаютъ изъ нашихъ повѣстей, какъ вліяли наши поэты на свѣтъ и сердца людей, сколько было въ девятнадцатомъ столѣтіи способовъ влюбляться и выходить замужъ, какъ часто богатые ѣздили въ Эмсъ или Карлсбадъ и какъ бѣдные имъ въ томъ завидовали; но только въ книжкѣ *Панна Эмилія* будущій Шайноха или Лелевель отыщетъ свѣдѣнія о томъ, какъ славно судили и рядили въ Цаповицскомъ повѣтѣ, въ управленіе пана Прецличка, въ первыя два десятилѣтія второй половины нашего вѣка. Было бы непростительно-легкомысленно, еслибы къ такому достовѣрному разсказу я сталъ дѣлать свои прибавленія, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи времени воображеніе принесетъ несравненно обильнѣйшіе плоды, нежели оно доставляетъ теперь, ибо на нашихъ глазахъ литература изъ простаго ремесла быстро превращается въ фабричное производство. Уже теперь она ѣздитъ въ омнибусѣ, а скоро покатитъ на парахъ, и возникнутъ предпріятія на акціяхъ, которыя будутъ спекулировать на мозгъ того или другаго писателя, какъ спекулируютъ теперь на источники нефти, на мѣдныя копи, или на терпѣніе плательщиковъ податей.

Прошу извинить мнѣ это отступленіе, пока супъ пана Прецличка стынетъ, а Мильця нетерпѣливо ждетъ конца обѣда, чтобы уйти въ свою комнату и выплакаться. Тотчасъ по уходѣ пана Сарафановича она держала съ матерью военный совѣтъ и чистосердечно ей призналась, что, кромѣ непреодолимаго отвращенія къ пану адъюнкту, еще другія нравственныя причины не позволяютъ ей сдѣлаться пани Сарафановичъ, хотя-бъ и приказалъ отецъ. Послѣ извѣстной намъ прогулки въ саду, Кароль не только обѣщалъ ей не быть мотылькомъ, но обѣщалъ, клялся и торжественно присягнулъ остаться вѣрнымъ до гроба. Не повторяю здѣсь длиннаго ряда подобныхъ завѣреній, во-первыхъ, потому что до меня ихъ разска-

Digitized by Google

зывали очень часто, во-вторыхъ, потому что я хочу сохранить для другой повѣсти тѣ заклинанія, пламенныя воздыханія, мученія и надежды влюбленныхъ, которыя были описаны менѣе тысячи разъ, и тогда любезные читатели будутъ плакать и мечтать со мною отъ начала до конца. На этотъ разъ я увольняю ихъ отъ этой обязанности, а скажу только, что Мильця, выслушавъ и заучивъ на память всѣ слова Кароля, дала, съ своей стороны, точно такія же обѣщанія, которыя такъ врѣзались въ память Кароля, что иногда онъ едва не вписывалъ ихъ въ канцелярскіе протоколы, вмѣсто показаній какого-нибудь свидѣтеля.

Императорско-королевскій актуаріусъ, принужденный ежедневно просиживать по шести часовъ между кипами бумагъ, за столомъ полнымъ матеріаловъ для новыхъ кипъ, съ истиннымъ наслажденіемъ перебиралъ въ своей памяти, послѣ фразъ въ родѣ: «императорско-королевскій судъ, по поводу частнаго случая» и т. д., тѣ пріятные приговоры, которые, въ счастливыя минуты, произнесли или прошептали ему розовыя уста. Господа юристы не безъ удивленія узнаютъ, что въ провинціи есть судебные актуаріусы, которые влюбляются такъ, какъ влюблялись въ доброе старое время, и даже пишутъ стихи. Въ альбомѣ Мильци хранилось нѣсколько произведеній музы пана Шрейера, а панъ Шрейеръ обладалъ двумя риѳмованными признаніями, написанными мелкимъ женскимъ почеркомъ и, безъ сомнѣнія, навѣянными, въ вечернюю пору, запахомъ резеды въ горшкахъ и шелестомъ вѣтра въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ липы, осѣнявшей окна спальни. Какимъ чудомъ заботливое о редакторахъ провидѣніе предохранило «Литерацкій Дневникъ» отъ этихъ попытокъ поэтическаго таланта, мнѣ невѣдомо, равно какъ мнѣ неизвѣстно и то, распространилось ли это благотворное попечительство на «Новины» и другія польскія повременныя изданія. Довольно сказать, что воздыханія, признанія, клятвы, риѳмы и другія обстоятельства составляли въ этомъ дѣлѣ равносильныя улики для обѣихъ сторонъ, и Мильця объявила мамашѣ, что она или пойдетъ за Кароля, или умретъ. Матери принимаютъ такія объясненія болѣе серьезно, чѣмъ другіе слушатели, и пани Прецличекъ тоже согласилась или умереть вмѣстѣ съ Мильцей, или видѣть ее счастливою, что и послужило первымъ поводомъ къ слезамъ. Далѣе нужно было принять въ соображеніе, что панъ Прецличекъ тоже

Digitized by Google

имѣетъ голосъ въ этомъ дѣлѣ, что онъ не любитъ пана Шрейера и явно покровительствуетъ пану Сарафановичу. Это вызвало новыя слезы.

Панъ Прецличекъ не любилъ раздражаться предъ обѣдомъ; быть-можетъ, вслѣдствіе характеристическаго разногласія между темпераментомъ пана Форштеера и польскими обычаями, онъ считалъ весьма вреднымъ сердиться предъ обѣдомъ. Не знаю, гдѣ слѣдуетъ искать причину различія, въ особенностяхъ ли природы, свойственной расамъ германской и славянской, или же въ томъ обстоятельствѣ, что у нѣмцевъ всегда проходитъ гораздо менѣе времени между накрываніемъ стола и проглатываніемъ первой ложки супа или борща. Съ дозволенія прекрасныхъ польскихъ читательницъ, я осмѣлюсь выразить свое мнѣніе и скажу откровенно, что по ихъ винѣ у насъ есть пословица: голодный полякъ золъ. Вы, мои милыя соотечественницы, которыхъ нѣмецкій поэтъ только потому не хотѣлъ назвать земными ангелами, что послѣднихъ признавалъ польками неба, вы во сто разъ прекраснѣе, очаровательнѣе и умнѣе нѣмокъ, вы танцуете лучше, разговоръ вашъ веселѣе, у васъ чаще зубы бываютъ бѣлые, какъ чудные перлы, болѣе чѣмъ онѣ вы любите свое отечество, а вашихъ мужей иногда вы любите столько же, какъ нѣмки своихъ,—но въ хозяйствѣ, особенно что касается стола, нѣмецкія женщины превзошли васъ. Правда, вы лучше умѣете держать мужей въ повиновеніи, но иногда вы уже слишкомъ даете чувствовать свою власть. Извѣстно, съ какими церемоніями въ нашихъ домахъ, по накрытіи стола скатерью, когда хозяинъ то и дѣло поглядываетъ, подали ли суповую чашу, приносятъ, черезъ получасовые промежутки, графинъ съ водою, потомъ соль, потомъ перецъ, потомъ толченый сахаръ и т. д. Не удивительно, что самый послушный муженекъ при видѣ графина съ водой начинаетъ волноваться, при видѣ соли распоряжается, какъ будто онъ въ домѣ набольшій, а черезъ полчаса, когда слуга, съ надлежащею важностію, приноситъ, вмѣсто желанной миски, блюдцо съ толченымъ сахаромъ, начинаетъ бунтовать, воюетъ съ слугами, хватаетъ за уши буфетчика и грозитъ повару прогнать его съ мѣста. Въ продолженіе такихъ полутора часовъ даже Зосѣ изъ «Пана Тадеуша», или княжнѣ изъ «Серебрянаго сна Соломеи» не удалось бы удержать подъ башмакомъ ни одного мужа въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Отсюда и пословица, не извѣстная нѣмцамъ.

Digitized by Google

Эти избалованные господа, какъ только бьетъ опредѣленный часъ, садятся за столъ, находятъ все готовымъ и гнѣваться имъ некогда. Панъ Прецличекъ не гнѣвался, онъ усѣлся, обвязалъ шею салфеткой и началъ вкушать дары божіе, отложивъ на время разговоръ, какъ бы предчувствуя, что онъ можетъ испортить себѣ апетитъ тѣмъ, что собирался сказать. Къ концу обѣда, за жареною телятиной съ салатомъ, когда панъ Прецличекъ чувствовалъ себя уже полусытымъ, онъ обвелъ глазами кругомъ себя и увидалъ, что Мильця сидитъ съ заплаканными глазами надъ пустою тарелкой, а мать смотритъ на нее съ выраженіемъ сердечнаго сочувствія.

— Что съ тобою, Мильхенъ? спросилъ панъ Прецличекъ по-нѣмецки.

— Немного болитъ голова, отвѣтила Мильхенъ.

— Ничего, это пройдетъ, рѣшилъ начальникъ повѣтоваго управленія и, продолжая кушать съ большимъ вкусомъ отлично зажареную телятину, провожая въ ротъ кусокъ за кускомъ, началъ говорить, то по-нѣмецки, то по-чешски, что панъ адъюнктъ Сарафановичъ очень приличный молодой человѣкъ и пойдетъ далеко, что у него есть дядя, который скоро доставитъ ему мѣсто министерскаго секретаря, а потомъ совѣтника и, можетъ-быть, еще высшую должность, что панъ Сарафановичъ открылъ ему свои виды на Мильцю и что онъ, Прецличекъ, желаетъ, чтобы Мильця завтра утромъ хорошенько принарядилась и пошла съ нимъ въ приходскую канцелярію ксендза Заіонца, для написанія протокола о безотлагательномъ оглашеніи.

При этихъ словахъ отца Мильця страшно поблѣднѣла и, по всѣмъ правиламъ сочинителей драмъ и романовъ, должна бы была упасть въ обморокъ. Ни одна героиня не имѣла на то болѣе основательной причины. Но Мильця не воспользовалась своимъ неоспоримымъ правомъ; она черезъ нѣсколько минутъ сильно покраснѣла, потомъ опять поблѣднѣла. Игра цвѣтовъ на ея всегда прекрасномъ и миломъ лицѣ выражала различныя ощущенія, которыя могла и должна была возбудить рѣчь пана Прецличка. Страхъ при мысли, что черезъ три недѣли она можетъ сдѣлаться супругою Сарафановича, опасеніе, что отецъ можетъ распоряжаться ея особою, какъ домашнимъ скарбомъ, сомнѣніе, не сильно ли она грѣшитъ противъ четвертой заповѣди—все это вызвало бурю въ сердцѣ, гдѣ главнымъ жиль-

Digitized by Google

цомъ былъ извѣстный намъ панъ Кароль. Наконецъ, преодолѣвъ свое волненіе, она тихо, но твердо сказала:

— Я не хочу идти за пана Сарафановича; пусть ищетъ онъ себѣ другой жены.

— Что-о-о!? воскликнулъ панъ Прецличекъ и, держа вилку надъ салатомъ, вытаращилъ глаза на свою дочь.

— Я говорю, что не пойду за противнаго, глупаго и злаго скрягу, который обдираетъ бѣдныхъ людей во всемъ повѣтѣ, какъ его дядя обираетъ хлоповъ въ своемъ приходѣ. Не хочу быть ни секретаршей, ни совѣтницей. Когда панъ Сарафановичъ сдѣлается министромъ, то пусть онъ женится на императорской казнѣ, если она къ тому времени не опустѣетъ, или пусть онъ объявитъ конкурсъ для тѣхъ, которыя жаждутъ чести быть его женою.

— Что-о-о-о!? закричалъ панъ Прецличекъ тѣмъ голосомъ, отъ котораго въ присутственный день трепетали тридцать восемь войтовъ. Обращаясь къ пани Прецличекъ, онъ прибавилъ по-нѣмецки: что она говоритъ?

— Я, папаша, не съумѣю сказать по-швабски.... по-нѣмецки, отвѣчала Мильця,—но скажу ясно по-польски: не хочу пана Сарафановича.

— Kreuz-himmel-donnerwetter-sakerment-krucifix-nochamal! заревѣлъ панъ форштееръ, вскакивая изъ-за стола. Онъ снова произнесъ эту формулу и, для большаго натиска, повторилъ:— nochamal!—что по-польски? Что не хочу?

— Не хочу пана Сарафановича, повторила спокойно Мильця, вставая изъ-за стола, по примѣру матери. Обѣ женщины, предчувствуя бурю, инстинктивно приблизились къ двери.

— Kreuz-himmel и т. д., завопилъ снова панъ Прецличекъ, полутономъ выше; какъ бы распаляясь еще болѣе своимъ собственнымъ крикомъ, онъ схватилъ съ фортепьянъ нотный пюпитръ и швырнулъ его на столъ, въ тарелки, причемъ разбилъ свою любимую кружку для пива. Этотъ ущербъ словно плеснулъ масла на огонь. «Погодите вы, я васъ, Kreuz-himmel» и т. д. За пюпитромъ полетѣлъ гипсовый бюстъ Гете, но не на столъ, а въ стѣну, и угодилъ прямо въ портретъ императора, висѣвшій противъ Тадеуша Косцюшки, которымъ давно украсила гостиную Мильця, и который терпѣлся тамъ такъ же, какъ терпится бѣлый орелъ на бывшемъ городскомъ цейгаузѣ, на Новой улицѣ, во Львовѣ. Никогда еще не случалось Гете служить орудіемъ столь

Digitized by Google

непочтительнаго, хотя и въ безуміи совершеннаго дѣла. Панъ Прецличекъ бѣгалъ по комнатѣ какъ сумашедшій; все, что можно было бросить, летѣло и падало куда попало—на стѣны, на печь, на двери, на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ комната пана начальника походила на Львовъ въ 1848 году, послѣ забавы въ этомъ же родѣ генерала Гаммерштейна, а панъ Прецличекъ все еще метался и кричалъ. Наконецъ, попалась ему плевальница, смиренно притаившаяся въ углу; онъ схватилъ ее обѣими руками и со всего размаху швырнулъ ее въ двери корридора, въ ту самую минуту, когда въ нихъ входила пани ассистентша, собравшаяся сдѣлать визитъ пани Прецличекъ. Пани ассистентша, вся засыпанная пескомъ, поспѣшила скрыться и побѣжала по городу разсказывать, какіе ужасы творятся у форштеера. Прежде чѣмъ утихъ панъ Прецличекъ, порядочная кучка людей обоего пола уже прохаживалась вокругъ зданія бецирка, чтобы провѣдать, что тамъ дѣлается и чѣмъ все кончилось. Бомбардированіе, по недостатку снарядовъ, прекратилось, но не такъ-то скоро успокоился громовый голосъ пана Прецличка. Наступила минута покоя; панъ Прецличекъ отворилъ дверь въ прилежащую комнату и закричалъ: Mutter! На этотъ зовъ должна была всегда являться пани Прецличекъ. Когда она пришла, панъ форштееръ еще разъ категорически подтвердилъ ей, что завтра утромъ протоколъ долженъ быть подписанъ въ пробоствѣ, что нужно купить столько-то полотна, столько-то разныхъ матерій и немедленно начать шить приданое, что завтра, послѣ подписанія протокола, ксендзъ Заіонцъ и панъ Сарафановичъ будутъ приглашены на обѣдъ и что, въ случаѣ неисполненія этихъ приказаній, панъ форштееръ воспользуется своею служебною, супружескою и отцовскою властію и разразитъ ихъ какъ громъ. Пани Прецличекъ осмѣлилась высказать кой-какія замѣчанія, но панъ Прецличекъ снова возвысилъ голосъ и отвѣчалъ такою же гнѣвною филиппикой, какою, три года спустя, разразился Искра противъ заключенія Зыбликевича по дѣлу о галиційской резолюціи. Жаль, что языкъ нѣмецкій не на столько еще извѣстенъ моимъ польскимъ читателямъ, чтобъ я могъ привести здѣсь въ подлинникѣ всю рѣчь пана Прецличка; въ переводѣ же она много бы утратила своей силы и характерности. Поэтому я ограничусь изложеніемъ ея содержанія. У дѣвочки закружилась голова, выговаривалъ панъ Прецличекъ своей женѣ, потому что ты якшаешься съ родственниками разныхъ политически-подозри-

Digitized by Google

тельныхъ лицъ въ повѣтѣ. Да, всему виною ты и проклятыя польскія книги. Вельможный повѣтовый начальникъ приказалъ тотчасъ отнести въ канцелярію всѣ, какія ни есть въ домѣ, польскія книги и высказалъ убѣжденіе, что это разомъ выгонитъ изъ его дочери духъ сопротивленія и непокорности. Онъ помнилъ, что такъ поступаютъ всѣ разумныя правительства и что мудрость политическая, для возстановленія порядка и общественной безопасности, прежде всего предписываетъ обезоруженіе. Въ тотъ же вечеръ, Мицкевичъ, Поль, Словацкій, Корзевскій, вмѣстѣ съ «Литерацкимъ Денникомъ» и другими политическими и историческими изданіями, были перенесены въ канцелярію императорско-королевскаго цаповицскаго повѣтоваго управленія и тамъ заарестованы. Изъ всей польской литературы у Мильци остались только стишки, написанные императорско-королевскимъ актуаріусомъ того же повѣта. Правда, стихи эти были для Мильци дороже всѣхъ изданій Брокгауза: расцѣлованные и орошенные слезами, они были спрятаны подъ подушку, на которую Мильця положила свою безсонную головку. Отъ времени до времени она ощупывала, не улетѣли ли эти сокровища поэзіи, на крыльяхъ своихъ риѳмъ, туда, куда такъ часто улетаетъ то, что мы любимъ и ласкаемъ въ сокровенной глубинѣ нашей мысли. Но риѳмы крѣпко держались при стихахъ и поутру, вставая съ постели, Мильця вынула поэтическія произведенія пана Кароля изъ-подъ своей подушки и спрятала ихъ какъ можно ближе къ сердцу. Мы изъ этого видимъ, что даже по объявленіи осаднаго положенія, по всеобщемъ обезоруженіи, революціонная партія всегда съумѣетъ приберечь себѣ какое-нибудь оружіе и что, для огражденія спокойствія, порядка и безопасности, необходимы самые тщательные повальные обыски.

## ГЛАВА XI.

О разныхъ предметахъ по части нравственной философіи, каноническаго права и пастырскаго богословія, равно о приданомъ панны Эмиліи и о разныхъ служебныхъ дѣяніяхъ пана Прецличка.

При нѣкоторыхъ условіяхъ, отношенія дѣтей къ родителямъ могутъ сдѣлаться такъ натянутыми, что самый строгій моралистъ не въ силахъ рѣшить съ надлежащею основательностію, что должны и чего не должны дѣлать дѣти для отца или матери.

Digitized by Google

Особенно въ Польшѣ возможны столкновенія между чувствами и обязанностями, весьма вредныя для того священнаго уваженія, которое мы должны питать къ родительскому союзу. Одинъ знаменитый польскій критикъ назвалъ растлѣвающимъ ученіемъ то распространенное между нами убѣжденіе, что обязанности въ отношеніи отечества должны брать верхъ надъ обязанностями къ родителямъ; но здравый инстинктъ народа, осиливая эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, иначе понимаетъ эти отношенія. Растлѣвающимъ было бы то ученіе, которое ставило бы родителей превыше всего, выше самаго святаго кровнаго союза, союза духа и его благороднѣйшихъ стремленій. Вотъ почему ни отъ одного польскаго дитяти нельзя ожидать слѣпаго уваженія и послушанія къ такимъ родителямъ, которыхъ мнѣнія слишкомъ рѣзко расходятся съ нашими народными догматами.

Сметливый читатель легко догадается, для чего я произнесъ такую нравственно-философскую тираду. Можетъ-быть я навлекъ на себя гнѣвъ самаго знаменитаго польскаго публициста и вслѣдъ за тѣмъ анаѳему изъ устъ добродѣтельнаго фельетониста «Часа», и все это ради благороднаго стремленія оправдать мою героиню, почему она не покорилась двоякой власти пана Прецличка, въ качествѣ отца и повѣтоваго начальника. По ученымъ изслѣдованіямъ объ искусствѣ и поэзіи, которыя я прошлаго года имѣлъ удовольствіе читать въ одномъ польскомъ журналѣ, каждая фигура, нарисованная, изваянная или напечатанная, должна быть идеаломъ добра или зла. Каждый добрый идеалъ долженъ вмѣщать въ себѣ всевозможныя совершенства, то-есть, кромѣ соотвѣтствующаго роста, безукоризненно греческаго профиля и полнѣйшей внѣшней симетріи, ему необходима еще симетрія внутренняя, и онъ долженъ, въ надлежащей степени, пылать любовью къ Богу, къ ближнимъ, къ отцу, къ матери, къ прекраснымъ ландшафтамъ, къ пріятнымъ качествамъ глицериноваго мыла и не пережаренымъ котлетамъ. Моей героинѣ недоставало одного изъ этихъ достоинствъ, именно безграничной любви къ пану Прецличку, ея отцу и непосредственной надъ нею политической власти. Конечно, она его любила, но онъ не возбуждалъ въ ней того священнаго страха, какой отецъ внушаетъ дѣтямъ, редакторъ газеты своимъ сотрудникамъ, министръ сверхштатнымъ чиновникамъ или галиційскимъ делегатамъ, князь львовскимъ демократамъ, большой пудель маленькимъ моськамъ и т. д.

Digitized by Google

Панъ Прецличекъ, несмотря на свой золотой воротникъ съ серебряною звѣздочкой, былъ для Мильци обыкновеннымъ смертнымъ, котораго мать часто называла глупымъ швабомъ и который безконечно ненавидѣлъ все, что Мильця научилась любить и уважать. Панъ Прецличекъ не ошибался: всему виною дѣйствительно были проклятыя польскія книги. Благодаря этимъ печатнымъ революціоннымъ ужасамъ, непокорная партія сдѣлалась подъ бокомъ пана форштеера сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ повѣтѣ. Осадное положеніе было возвѣщено слишкомъ поздно и не принесло лучшихъ плодовъ, чѣмъ то исключительное положеніе, при помощи котораго Искра старался убѣдить жителей Праги въ благодѣяніяхъ февральской конституціи. Утромъ, на другой день послѣ бомбардировки, жертвою которой, между прочимъ, была и пани ассистентша, Мильця проснулась въ еще болѣе оппозиціонномъ расположеніи, чѣмъ то, которое было вызвано гнѣвомъ пана форштеера. Пани Прецличекъ была въ отчаяніи. Въ борьбѣ между должнымъ послушаніемъ мужу и материнскою любовью ее обуревали самыя противуположныя чувства: то она говорила Мильцѣ, что какъ бы тамъ ни было, но надо повиноваться отцу, то снова бранила глупаго шваба за то, что ему взбрело въ голову. Такое двоемысліе конечно не было выгодно пану Сарафаповичу, ибо Мильця все болѣе укрѣплялась въ рѣшимости, что никакая заповѣдь, ни божеская, ни людская, не принудитъ ее сдѣлаться пани адъюнктшей.

Около десяти часовъ панъ Шрейеръ вышелъ на минутку изъ канцеляріи и забѣжалъ въ гостиную, гдѣ, послѣ вчерашняго разгрома, все, по возможности, было прибрано и стекла были вставлены. Всѣ Цаповицы уже знали причину катастрофы, доставившей столько работы городскому стекольщику. Пану Каролю она также была извѣстна. Первымъ его побужденіемъ, когда до него дошла вѣсть о всемъ приключившемся, было страстное желаніе переломать кости пану Сарафановичу, и я долженъ признаться, что наша повѣсть не кончается трагическою развязкою лишь потому, что не представилось удобнаго къ тому случая. А какая бы это была потѣха для вѣнскихъ газетъ: актуаріусъ убивающій изъ ревности адъюнкта! Но панъ Сарафановичъ, какъ ни пуста была его голова, смекнулъ однако, что, въ интересѣ своей народности, онъ обязанъ прятать подальше наиспособнѣйшаго изъ борцовъ русскаго племени отъ кулаковъ такого злаго ляха, какъ панъ Шрейеръ, и въ этотъ день пришелъ

Digitized by Google

въ канцелярію въ мундирѣ, при шпагѣ, въ сопровожденіи сторожа Швалбеншвейфа. Между тѣмъ панъ Кароль немного остылъ послѣ первыхъ порывовъ гнѣва, и все свое мщеніе обратилъ на пана Прецличка, которому онъ послалъ къ подписанію три позыва къ явкѣ въ управленіе, написанные по-польски, и когда діурнистъ панъ Невеличко вернулся отъ пана форштеера съ изъявленіемъ желанія, чтобъ эти документы были изложены на правительственномъ языкѣ, панъ Шрейеръ подчеркнулъ карандашомъ то мѣсто министерскаго распоряженія, которымъ предписывается въ сношеніяхъ съ тяжущимися употреблять мѣстный языкъ, и послалъ его на прочтеніе пану форштееру. Панъ Прецличекъ непомѣрно разсердился и позвалъ пана Кароля въ свое бюро, чтобы сдѣлать ему рѣзкій выговоръ: «какъ вы осмѣливаетесь», и т. д. На пути въ предсѣдательскую комнату, панъ Кароль заглянулъ въ гостиную. Мильця сидѣла за фортепіано и, вопреки, а можетъ-быть и по поводу объявленнаго въ домѣ осаднаго положенія и конфискаціи всѣхъ произведеній польской музы, играла и тихонько напѣвала повстанскую пѣсенку.

Напрасно старалась пани Прецличекъ успокоить Мильцю и найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Мильця перестала плакать и объявила, что пойдетъ съ отцомъ къ ксендзу Заіонцу; но при этомъ она спросила Кароля, дозволяетъ ли законъ принудить дочь къ замужству противъ воли. Кароль отвѣчалъ, что въ основаніе гражданскаго права Австрійской монархіи включено болѣе заботливости о дѣтяхъ, чѣмъ въ иныхъ краяхъ, но что на практикѣ бываетъ иначе. Онъ доказалъ ей примѣрами, что въ самомъ Цаповицскомъ повѣтѣ ежегодно заключается много такихъ браковъ между крестьянами, что невѣсту, либо жениха тащутъ силою къ алтарю и вѣнчаютъ, не обращая вниманія на ихъ отвѣты при брачной церемоніи. Панъ Кароль вынужденъ былъ допустить, что то, что случается на глазахъ пана Прецличка съ вѣрноподданными его императорско-королевскаго апостолическаго величества, можетъ приключиться и съ дочерью пана форштеера, потому что въ Австрійской имперіи совершаются такія дѣла, о какихъ не снилось и Конфуцію. Тутъ раздался изъ предсѣдательской канцеляріи голосъ пана форштеера:

— Нефеличка! Что за чортъ, я жду!

Панъ актуаріусъ вспомнилъ, что его звалъ начальникъ, и поспѣшилъ къ нему въ канцелярію.

Digitized by Google

Я не очень полагаюсь на сантиментальное расположеніе почтеннѣйшей публики; да и откуда оно бы взялось въ наше время? Чувство совсѣмъ вышло изъ моды, издатели не покупаютъ стиховъ, а поэты даже даромъ не могутъ пріискать себѣ слушателей. Я самъ недавно бѣжалъ отъ собрата по Аполлону, который, не желая заимствовать Байрона у англичанъ и Шиллера у нѣмцевъ, сочинилъ обоихъ въ оригиналѣ, по-польски. Онъ хотѣлъ прочесть мнѣ свое новое произведеніе, полное чувствъ и высокихъ стремленій, но я отдѣлался отъ него подъ предлогомъ, что пишу книгу для солидныхъ и практическихъ людей и преднамѣренно избѣгаю всякихъ сердечныхъ волненій, чтобъ они не отразились въ моемъ сочиненіи. Несмотря однако на самое лестное предположеніе о разумномъ направленіи большей части моихъ читателей, я осмѣливаюсь просить у нихъ немного состраданія къ моему герою, пану Каролю, который, чувствуя еще на своей рукѣ теплое прикосновеніе любимой ручки и съ грудью переполненною сладостными и болѣзненными ощущеніями, долженъ явиться въ канцелярію своего начальника, императорско-королевскаго повѣтоваго начальника въ Цаповицахъ, Венцеля Прецличка. Молодой рекрутъ, счастливо мечтающій о бѣлокурой красивой дѣвушкѣ, которую онъ видѣлъ недавно изъ оконъ своихъ казармъ, или о партіи билліарда, которую онъ могъ бы играть, еслибы сидѣлъ теперь въ кофейной, или о намазанномъ чѣмъ-нибудь смачнымъ хлѣбѣ, который дала бы ему на полдникъ мать, еслибъ онъ жилъ при ней, или о другомъ какомъ-либо столь же привлекательномъ предметѣ, и вдругъ пробужденный отъ своихъ грезъ командою фельдфебеля: смирно!—вѣрно найдетъ въ своемъ юношескомъ сердцѣ сочувственную слезу для описываемаго нами непріятнаго положенія.

Панъ Прецличекъ, въ форменномъ сюртукѣ съ золотымъ воротникомъ и съ самою суровою оффиціальною миною на лицѣ, привсталъ при видѣ Кароля, широко разставляя ноги, какъ бы забирая болѣе твердое основаніе для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ немного склонилъ голову на грудь и опустилъ вѣки, приберегая къ концу дѣла накопившіяся подъ ними громовыя стрѣлы. Заложивъ одну руку за бортъ сюртука и опираясь другою на лежавшую на столѣ кипу актовъ, онъ ожидалъ несчастнаго подчиненнаго. За столомъ, опираясь на него обѣими руками и покачиваясь взадъ и впередъ, стоялъ панъ Сарафановичъ съ широкою улыбкою на устахъ и съ двумя желтыми

Digitized by Google

зубами, торчавшими изъ-подъ желтоватыхъ усовъ. Слѣва отъ пана Прецличка стоялъ діурнистъ панъ Невеличко, гренадерскаго роста, съ круглымъ, краснымъ, плохо выбритымъ лицомъ, по своему платью, какъ двѣ капли воды, похожій па дьячка Цаповой-Воли, на малоставицскаго гминнаго писаря и на многія другія личности этой категоріи.

— Любезный другъ, началъ панъ Прецличекъ по-нѣмецки, съ тѣмъ спокойствіемъ, въ которомъ иногда сосредоточивалась вся его служебная энергія до слѣдовавшей затѣмъ вспышки,— любезный другъ... Тутъ началось длинное разглагольствіе на тему, что онъ, Прецличекъ, часто напоминалъ пану Шрейеру, что онъ, Шрейеръ, какъ мелкій чиновникъ, обязанъ слушаться и уважать своего начальника, что разъясненіе и примѣненіе предписаній и ссылка на нихъ не есть дѣло такихъ, какъ онъ, подчиненныхъ, что глава управленія лучше всѣхъ умѣетъ читать между строкъ и понимать желанія высшаго правительства. Послѣ такого вступленія, панъ Прецличекъ, по обыкновенію, вспылилъ, повысилъ голосъ, уничтожилъ молніеноснымъ взглядомъ пана актуаріуса и закричалъ: какъ вы осмѣлились прислать мнѣ министерское распоряженіе съ вашими отмѣтками?

Панъ Невеличко, въ знакъ одобренія, моталъ головою, а панъ Сарафановичъ еще пріятнѣе покачивался и лицо его совсѣмъ просіяло.

Панъ Шрейеръ спокойно отвѣчалъ, что министерское распоряженіе предписываетъ употребленіе мѣстнаго языка, что панъ Прецличекъ могъ забыть объ этомъ, и что онъ, какъ актуаріусъ, считалъ своею обязанностію напомнить о томъ своему начальнику.

— Господинъ бециркъ-актуаріусъ, вы—оселъ!

— Господинъ бециркъ-форштееръ, возразилъ Кароль, распаленный гнѣвомъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ настоящее практическое время,—господинъ бециркъ-форштееръ, вы—негодяй.

Весь разговоръ происходилъ по-нѣмецки.

Съ той поры я считалъ за большое счастье, что панъ Шрейеръ никогда не былъ ни депутатомъ на сеймѣ, ни делегатомъ въ рейхсратѣ. Еслибы такой бѣшеный, заядлый полякъ вступилъ въ оффиціальныя сношенія съ министрами, то онъ все бы испортилъ своею вспыльчивостію: не привелось бы намъ, галичанамъ, участвовать во французско-австрійскомъ банкѣ и не добились бы мы концессій на нѣсколько другихъ банковъ, даже

Digitized by Google

бѣдовое дѣло о водкѣ въ Злочовскѣ, въ которое замѣшалась контрабанда на нѣсколько сотъ гульденовъ, не приняло бы такого хорошаго оборота. Панъ Шрейеръ былъ бы готовъ сказать въ глаза дерзость важному цислейтанскому превосходительству, вмѣсто того чтобъ отправиться къ нему на вечеръ. Такое ужь горе съ этими заядлыми поляками! къ счастію, ихъ не посылаютъ въ Вѣну.

Описывать впечатлѣніе, которое произвела эта реплика на пана форштеера, значило бы повторяться. Я васъ совсѣмъ выживу и представлю васъ къ увольненію, сказалъ панъ Прецличекъ, и тотчасъ приступилъ къ этому дѣлу, составивъ протоколъ, который, вмѣстѣ съ другими актами и докладною запискою, слѣдовало отправить къ высшей власти. Такъ какъ увольняемый чиновникъ, покуда идетъ о немъ разбирательство, получаетъ, вмѣсто жалованья, только кормовыя, по нѣскольку центовъ въ сутки, то ни отъ одного героя романа нельзя требовать, чтобъ онъ въ продолженіе этого времени содержалъ себя прилично на такую бездѣлицу. Пану Каролю пришлось очень жутко.

Но оставимъ его покуда съ его любовью, отчаяніемъ и кормовыми деньгами, и займемся дальнѣйшею участью нашей героини.

Покончивъ свои служебныя занятія, панъ Прецличекъ надѣлъ свою форменную фуражку и пошелъ узнать, кончила ли Мильця свой туалетъ, чтобъ отправиться съ нимъ къ ксендзу Заіонцу.

Увы! она была готова...

Здѣсь мнѣ опять представляется поводъ къ небольшой авторской дисгрессіи. Еслибъ я писалъ эфектную повѣсть для фельетона какой-нибудь газеты, то заключилъ бы XI главу на этомъ мѣстѣ и помучилъ бы читателя до утра, а въ главѣ XII разсказалъ бы, какъ Мильця, на основаніи постановленій конкордата, собралась засвидѣтельствовать подписью свою готовность быть женою пана Сарафановича. Но прочь съ этими штуками во вкусѣ Понсонъ-дю-Террайля, пусть глава выйдетъ подлиннѣе и читатель узнаетъ все разомъ.

Мильця кончила свой парядъ; она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и кофточкѣ, въ такой же шляпкѣ, въ пепельнаго цвѣта перчаткахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ и съ платочкомъ для слезъ въ карманѣ. Пани Прецличекъ, по приказанію супруга, вынула изъ комода метрику и свидѣтельство о прививa-



Digitized by Google

ніи оспы, расцѣловала Мильцю, заплакала на-взрыдъ и вслѣдъ за выходящими мужемъ и дочерью прошептала: «бѣдное, бѣдное мое дитя! Что взбрело въ голову этому безтолковому швабу?!» Въ этомъ заключался ея безгласный оппозиціонный протестъ, соотвѣтствующій тому безмолвному отреченію, которое долженъ былъ мысленно произнести цислейтанскій министръ земледѣлія, владѣтель Золотаго-Потока, Альфредъ графъ Потоцкій, когда онъ, вмѣстѣ съ Искрой и Таафе, выступилъ противъ резолюціи галиційскаго сейма, и когда въ вѣнскихъ трубахъ вѣтеръ посвистывалъ на голосъ пѣсни:

«О пане Потоцкій, о сынъ воеводы!...»

Но пани Прецличекъ, рожденная Ганзерле, не имѣла родовитыхъ предковъ. Она была добрая польская мать и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкая жена; графъ же Альфредъ, сколько извѣстно, не вышелъ еще замужъ за пана Искру, какъ это ни правдоподобно.

Не будемъ строги къ женскому полу, не станемъ упрекать его въ недостаткѣ энергіи, пока каждый русинъ можетъ посмѣиваться надъ нашими мущинами.

Панъ Прецличекъ и Мильця скоро пришли въ пріемную комнату ксендза Заіонца, гдѣ панъ пробощъ привѣтствовалъ ихъ съ уваженіемъ, подобающимъ представителю правительства въ Цаповицахъ, а ксендзъ-викарій выказалъ полное сочувствіе къ прекрасной и заплаканной женщинѣ.

Послѣ краткаго вступительнаго разговора приступили къ разсмотрѣнію метрики и свидѣтельства въ прививаніи оспы; затѣмъ ксендзъ-викарій взялъ перо, а ксендзъ Заіонцъ, съ пріятною улыбкою, пошлепывая себя по колѣну, началъ предлагать Мильцѣ разные вопросы, предписанные въ этомъ случаѣ конкордатомъ, заключеннымъ съ римскою куріей. Мои замужнія польскія читательницы знаютъ, что въ числѣ этихъ вопросовъ, по постановленію Тридентскаго Собора, безъ сомнѣнія, необходимыхъ, есть такіе, которые могли быть умѣстны въ вѣкъ гораздо болѣе наивный, чѣмъ нашъ. Но да будетъ вѣдомо будущимъ женамъ, что вѣрнѣе прочихъ достигнетъ вѣчнаго спасенія та, которой нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ останутся совершенно непонятными. Вѣроятно, Тридентскій Соборъ засѣдалъ и установлялъ свои каноны въ такое время, когда дѣвственная чистота была добродѣтелью не очень обыкновенною и нуждалась въ протоколярномъ свидѣтельствѣ.

Digitized by Google

Ксендзъ Заіонцъ благоразумно приписывалъ скромности и дѣвичьей стыдливости явное смущеніе Мильци. Она вдругъ такъ поблѣднѣла, что ксендзъ-викарій вскочилъ съ мѣста и подалъ ей стаканъ воды. Это предохранило ее отъ обморока, но волненіе ея и безпокойство видимо увеличивались. Наконецъ, ксендзъ въ шестой разъ произнесъ вопросъ, на который не могъ добиться отвѣта.

— Не обѣщали ли вы кому выйдти за него замужъ?—Ксендзъ Заіонцъ, въ присутствіи пана Прецличка, на основаніи императорско-королевскаго конкордата и по правиламъ святой вселенской церкви въ монархіи, говорилъ на языкѣ цислейтанскомъ.

Мильця воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и примѣру ея совѣтую слѣдовать всѣмъ моимъ землякамъ, когда имъ подаютъ нѣмецкій счетъ.

— Извините меня, ксендзъ-деканъ, я не понимаю по-нѣмецки.

— Да, да, она у меня такая завзятая полька, сказалъ панъ Прецличекъ, добродушно усмѣхаясь и пощипывая двумя пальцами щеки своей дочки.

Въ этотъ промежутокъ Мильця надумалась и собралась съ духомъ. Она сильно покраснѣла и смутилась, но наконецъ поднялась съ софы и рѣшительнымъ голосомъ произнесла:

— Да, я обѣщалась и поклялась одному человѣку, что буду его женою. Клятва моя великая, хоть и не было ей свидѣтелей: я свято соблюду ее.

Ксендзъ-викарій крѣпко раскашлялся, ксендзъ Заіонцъ началъ искать свой носовой платокъ, панъ Прецличекъ стоялъ въ нѣмомъ остолбенеиіи, весь багровый, словно душилъ его золотой мундирный воротникъ.

Ксендзъ Заіонцъ прервалъ молчаніе, объявивъ, что, по церковнымъ правиламъ, такая клятва препятствуетъ вступленію въ другой бракъ.

Панъ Прецличекъ конвульсивно схватилъ себя за грудь, какъ бы желая удостовѣриться, что все, что онъ видитъ и слышитъ, происходитъ не во снѣ.

— Это невозможно! На моей сторонѣ родительская власть, я императорско-королевскій бециркъ-форштееръ, я ничего знать не хочу, ты съ ума сошла Мильхенъ! Что съ тобой, мое дитя? Развѣ ты хочешь меня извести? Развѣ ты хочешь.... Kreuz-himmel-donnerwetter-sakerment-kruci-turken-alleluya-nochamal!

Ксендзъ Заіонцъ, увидавъ, какая разыгрывается буря, съ

*

Digitized by Google

духовнымъ смиреніемъ растопырилъ обѣ руки и началъ тихонько махать предъ собою въ воздухѣ, какъ бы для успокоенія разъяренныхъ стихій. Панъ Прецличекъ смотрѣлъ на него въ ожиданіи объясненія. Ксендзъ Заіонцъ открылъ уста и далъ волю своей рѣчи; онъ прекрасно доказывалъ Мильцѣ, что дѣти должны почитать родителей и повиноваться имъ, что отецъ—лучшій судья при выборѣ мужа, что панъ Сарафановичъ—молодой человѣкъ приличный, достойный, всѣми уважаемый и изъ хорошаго семейства, что вопросъ о данномъ другому обѣщаніи можно уладить, ибо церкви указано и дано право, въ исключительныхъ случаяхъ, отступать отъ правилъ.

Но Мильцѣ всего труднѣе было отважиться на первое признаніе, теперь же, когда отецъ и ксендзъ Заіонцъ уже узнали половину ея тайны, сила ея сопротивленія возрастала съ каждою минутой.

Еслибы какой-нибудь робкій депутатъ на сеймѣ осмѣлился разъ побывать въ оппозиціи противъ министерства, то, мнѣ кажется, онъ потомъ далеко бы ушелъ въ этомъ направленіи, и, можетъ-быть, въ полголоса, повторилъ бы за Смолкою: «еще не сгинула Польша!» Если нѣтъ такой психологической причины, которая помѣшала бы депутату крупной поземельной собственности подняться на столь неслыханную высоту гражданскаго мужества, то чего не можетъ преодолѣть женское упрямство?

Всѣ представленія ксендза Заіонца были напрасны. Мильця рѣшительно объявила, что не пойдетъ за пана Сарафановича, что онъ противный москаль, святоюрьевецъ и полицейскій шпіонъ (какъ будто эти эпитеты оскорбительны, или могутъ служить каноническими препятствіями!), что отецъ, когда осмотрится, самъ не захочетъ принуждать ее къ такому браку, и такъ разрыдалась, что не могла болѣе вымолвить слова. Ксендзу-викарію тоже пришла охота поплакать; онъ вышелъ изъ комнаты и прямо направился въ домъ контролера. Черезъ минуту все образованное и необразованное населеніе Цаповицъ могло видѣть, какъ разбѣшенный панъ форштееръ спѣшилъ изъ плебаніи въ бециркъ, забывъ о Мильцѣ, которая тихонько шла за нимъ, закрываясь вуалью и зонтикомъ отъ любопытныхъ взглядовъ. Дочь казначея замѣтила, что дочь форштеера страшно много себѣ позволяетъ. Пани контролерша сказала на это, что всегда такъ бываетъ, когда у родителей всего-на-всего только одна дочь: отецъ и мать ее балуютъ, и Богъ знаетъ, что изъ

Digitized by Google

нея выходитъ. Потомъ пани казначейша что-то шепнула на ухо пани контролершѣ и прибавила вслухъ:

— Но я этому не вѣрю.

Пани контролерша возразила:

— Фи, что за сплетни! Впрочемъ, кто знаетъ.... Мнѣ самой казалось....

Пани контролерша снова наклонилась къ уху пани казначейши, между тѣмъ какъ дочки ихъ обмѣнивались многозначительными взглядами съ сестрою пани почтмейстерши, притворяясь предъ ксендзомъ-викаріемъ, что они не обращаютъ вниманія на шептаніе своихъ маменекъ, и что имъ гораздо интереснѣе узнать, въ которомъ часу начнется завтра вечерняя служба въ костелѣ.

Въ этотъ день всѣ цаповицскіе обыватели сѣли за обѣдъ очень озабоченные.

## ГЛАВА XII,

**которая оканчивается стряпаніемъ овсянаго супа, соуса съ цыпленкомъ, вареникомъ съ сыромъ и компота изъ сливъ, и можетъ быть любопытна для практикующихъ медиковъ.**

Когда панъ Прецличекъ вернулся домой, суповая чаша уже стояла на столѣ, но судьбою было предопредѣлено, что пану форштееру не удастся даже спокойно пообѣдать въ этотъ день. На порогѣ онъ встрѣтилъ жену, которая издали замѣтила въ окно, по его походкѣ и тѣлодвиженіямъ, что собирается ужасная буря, какой она еще не видала надъ своимъ супружескимъ горизонтомъ. Кася и Марина выглянули изъ-за кухонной двери въ корридоръ и спрятались, пораженныя грозною миной пана форштеера. Становилось страшно не только за тарелки, стаканы, блюда и другіе метательные снаряды домашней войны, но можно было подумать, что какъ нѣкогда раздраженные титаны поднимали горы и вырывали лѣса, такъ и панъ Прецличекъ повернетъ въ верхъ дномъ всѣ Цаповицы, Цапувку и Цапову-Волю.

Противъ великихъ золъ употребляются сильныя средства. Я уже сказалъ прежде, что въ супружеской аптекѣ пани Прецличекъ хранилось такое лекарство, которое укрощало иногда самыя сильныя изверженія ея домашняго Везувія. Женщины, безъ

Digitized by Google

многолѣтняго ученія и долговременной практики, умѣютъ пользоваться снадобьями этого рода. При первомъ взглядѣ на своего мужа, который сопѣлъ и храпѣлъ какъ локомотивъ, эта достойная и любящая жена заломила себѣ руки и съ величайшею тревогою на лицѣ и въ голосѣ сказала по-нѣмецки: «Боже милосердый! Что съ тобою? Ты боленъ!» Внимательный изслѣдователь различныхъ нарѣчій замѣтилъ бы, что пани Прецличекъ, рожденная Ганзерле, выговаривала протяжно окончанія нѣкоторыхъ словъ на краковскій ладъ, а искусный политикъ смекнулъ бы, что нѣжныя слова были сказаны женою по-нѣмецки, по той же причинѣ, по которой панъ Цаповицкій, панъ Папинковскій, панъ Быковскій и многіе другіе паны на — ицкій и—овскій приказываютъ своимъ адвокатамъ писать на нѣмецкомъ языкѣ заявленія и прошенія властямъ и въ судъ. Много уплыветъ воды, пока поляки научатся просить себѣ справедливости по-польски. Иные галицкіе поляки дойдутъ до подобныхъ успѣховъ, вѣроятно, лишь тогда, когда рейхсратъ постановитъ, а императоръ подтвердитъ законъ, строго предписывающій каждому выражаться на томъ языкѣ, которымъ онъ вполнѣ владѣетъ. Но какъ это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго съ нашею повѣстью, то я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что пани Прецличекъ говорила по-нѣмецки лишь въ такихъ крайнихъ и опасныхъ случаяхъ, какъ теперь при встрѣчѣ съ мужемъ.

Средство оказалось скоро и вполнѣ дѣйствительнымъ. Еще въ плебаніи и по дорогѣ домой пану Прецличку пришла въ голову страшная мысль, что его желудочныя кислоты не выдержатъ напора испытаннаго имъ раздраженія. Онъ уже два раза почувствовалъ родъ пустоты и какъ бы корчи въ желудкѣ, но не подумалъ, что онъ ощущаетъ эти симптомы потому, что давно уже наступила пора обѣдать; онъ забылъ, что протоколъ о панѣ Шрейерѣ и дѣло съ Мильцей отняли много времени, и не сообразилъ, что было уже около двухъ часовъ пополудни. Замѣчаніе пани Прецличекъ раскрыло ему глаза, и онъ ясно увидѣлъ свое опасное положеніе. Онъ тотчасъ ухватился обѣими руками за животъ, а лицо его приняло такое жалостное выраженіе, что пани Прецличекъ приступила къ нему съ убѣдительною просьбой, чтобъ онъ легъ въ постель. Эта операція совершилась среди громкихъ стенаній и оханій. Въ кухнѣ нашлась горячая вода; пани Прецличекъ, не медля, заварила ему изрядную порцію ромашки и англійской мяты и обложила теплыми подушками больную часть тѣла.

Digitized by Google

— Ты бы хоть разъ попробовалъ магнезіи .. Нѣтъ лучшаго средства противъ кислотъ въ желудкѣ, сказала ему заботливая супруга, на этотъ разъ уже по-польски.

Самъ Юпитеръ-громовержецъ, лежа на постели съ повязанною головой, попивая англійскую мяту и съ теплыми подушками на животѣ, пересталъ бы внушать трепетъ, и какой-нибудь божокъ двѣнадцатаго разряда по окладу, или иной какой чиновникъ Олимпа глядѣлъ бы безъ ужаса на повѣшенные на гвоздикѣ перуны.... Какъ знать, не согласился ли бы панъ Гискра, въ припадкѣ холеры, на нѣкоторые параграфы галиційской резолюціи.

Цаповицскій Юпитеръ и Гискра лежалъ безсильный и, не обращая вниманія, на какомъ языкѣ ему предлагали помощь, сразу согласился принять магнезію. Послали въ аптеку, и черезъ полчаса панъ форштееръ проглотилъ такую дозу этой щелочи, что въ соединеніи съ соотвѣтствующимъ количествомъ желудочной кислоты могло бы образоваться фунта два новаго химическаго состава. Между тѣмъ подоспѣлъ докторъ Герцъ. Онъ одобрилъ средства пани Прецличекъ, посовѣтовалъ пану форштееру оставаться въ совершенномъ спокойствіи, лежать въ постели, поставить четыре піявки, банки и синапизмы и пить бузинный декоктъ съ битымъ желткомъ, для испарины; сверхъ того, онъ прописалъ ему двѣ микстуры—одну разрѣшающую, а другую успокоительную, и, истощивъ, такимъ образомъ, весь запасъ своихъ медицинскихъ свѣдѣній, оставилъ больнаго, сказавъ, что завтра ему будетъ лучше, если же нѣтъ, то, конечно, поможетъ кровопусканіе.

Спѣшу успокоить уважаемыхъ читателей: панъ Прецличекъ, несмотря на всѣ эти цѣлительныя средства, не умеръ, но живетъ до сего дня. Есть такія могучія натуры, которыхъ не могутъ доканать всѣ провинціальные медики, взятые въ совокупности. Подъ піявками и глотая микстуры, панъ Прецличекъ, стоналъ и кряхтѣлъ очень жалобно и разсказалъ пани Прецличекъ какъ огорчила его Мильця, какъ много для него значило породниться съ паномъ Сарафановичемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ легко лишиться хлѣба и долженъ будетъ идти побираться по міру. Наконецъ, онъ спросилъ, на какое свое обѣщаніе сослалась Мильця у ксендза Заіонца.

Пани Прецличекъ подумала, что наступила минута уладить дѣло, которое ее такъ безпокоило. Она знала, что панъ Прец-

Digitized by Google

личекъ не пойдетъ по міру, если потеряетъ мѣсто, и что не разъ уже пріѣзжали въ Цаповицы разныя правительственныя и судныя комиссіи, но ни одна изъ нихъ не тронула волоса на головѣ пана форштеера. Послѣднимъ доводомъ она старалась успокоить достопочтеннаго супруга.

«Да, но ты забываешь Белькреди!» отвѣчалъ панъ Прецличекъ и въ первый разъ удостоилъ повѣрить женѣ административно-политическую тайну, что кабинетъ, который провелъ февральскую конституцію, не оказываетъ ни малѣйшаго вниманія старымъ заслуженнымъ чиновникамъ, и что теперь онъ погибъ бы невозвратно, еслибъ не надѣялся, что во Львовѣ вспомнятъ, сколько государство было обязано его энергической дѣятельности въ 1846 и 1864 годахъ. Но для этого необходимо содѣйствіе ксендза Набуховича, потому что противъ пана форштеера ведутъ многоразличныя и запутанныя интриги, а проклятыя революціонныя польскія газеты безпрестанно выводятъ наружу новыя сплетни. Наконецъ, панъ Прецличекъ признался женѣ, что большую часть угнетающихъ его притѣсненій онъ приписываетъ пану Шрейеру.

На такую откровенность пани Прецличекъ отвѣчала откровенностію же. Сверхъ корчей и боли въ желудкѣ, въ этотъ бурный день, пана форштеера поразило какъ громъ извѣстіе, что отрѣшенный актуаріусъ есть счастливый соперникъ пана Сарафановича.

Какъ раненный богатырь на полѣ битвы собирается съ послѣдними силами, привстаетъ и бросается на врага, которому не можетъ нанести смертельнаго удара, такъ панъ форштееръ, прижимая одною рукою къ животу одѣяло, шлафоръ и подушку, а другою поправляя платокъ, завязанный на его лбу диковиннымъ узломъ, приподнялся и закричалъ:

— Опять этотъ проклятый полякъ!—Онъ можетъ-быть вскочилъ бы съ постели на полъ, позвалъ бы Невеличка и засѣлъ съ нимъ за составленіе новаго протокола, еслибы пани Прецличекъ не напомнила ему, что онъ въ испаринѣ и что докторъ Герцъ приказалъ ему оставаться въ полномъ спокойствіи.

Панъ Прецличекъ снова прилегъ и отложилъ до утра расправу съ Шрейеромъ. Въ жару, вызванномъ кислотами въ желудкѣ, или лекарствами доктора Герца, онъ корчился и грозился, не стѣсняясь тѣмъ, что высказывалъ такія вещи, которыя слѣдовало бы хранить какъ государственную тайну. Онъ выболталъ, что

Digitized by Google

его товарищъ Вислачекъ, начальникъ Прендницскаго повѣта, у котораго прежде служилъ панъ Шрейеръ, сказалъ ему, что этотъ, забывшій свои обязанности, молодой человѣкъ, въ 1863 году, когда суды были завалены слѣдствіями надъ повстанцами, взялъ себѣ, по медицинскому свидѣтельству, отпускъ въ маѣ и вернулся къ своей должности не ранѣе марта 1864 года.

Панъ Прецличекъ издавна слылъ геніальнымъ слѣдователемъ въ политическихъ процессахъ. Теперь, припоминая этотъ фактъ, въ немъ снова пробудилось подозрѣніе, которое уже приходило ему въ голову, какъ неопредѣленное предчувствіе. Шрейеръ бралъ отпускъ, для поправленія здоровья, отъ мая 1863 до марта 1864 года, то-есть во все время повстанія, до объявленія осаднаго положенія. Изъ разныхъ донесеній и справокъ оказалось, что съ іюля 1863 года до конца лѣта панъ Шрейеръ оставался въ Криницѣ, а потомъ, для дальнѣйшаго леченія, ѣздилъ за границу, кажется, въ Италію. Въ оттепель и въ сырую погоду тотъ же Шрейеръ крѣпко жаловался на ревматическую боль въ правой ногѣ, что легко могло быть слѣдствіемъ совсѣмъ другой болѣзни, напримѣръ раны пулею, штыкомъ или пикою. Мгновенно страшная истина открылась глазамъ пана Прецличка. Не подлежало сомнѣнію, что отъ мая до іюля 1863 года забывшій свой долгъ актуаріусъ нарушалъ общественное спокойствіе и участвовалъ въ бунтѣ противъ сосѣдней державы, дружественно расположенной къ монархіи его императорско-королевскаго апостолическаго величества, что до осени 1863 года онъ скрывался раненный въ Криницѣ, а потомъ, до марта 1864 года, скитался за границею, быть-можетъ еще съ какимъ-нибудь революціоннымъ порученіемъ.

На основаніи столь остроумныхъ соображеній, панъ Прецличекъ мигомъ составилъ свой планъ. Онъ рѣшилъ завтра посадить Шрейера въ тюрьму, поручить доктору Герцу и доктору Ржечницкому удостовѣриться, чѣмъ нанесена предполагаемая рана, пулею или холоднымъ оружіемъ, составить протоколъ и послать его въ уголовный судъ. Піявки, банки, испарина, микстуры и раздраженіе бросили пана Прецличка въ такой жаръ, что, не обращая вниманія на присутствіе жены, онъ началъ разсуждать вслухъ. Панъ форштееръ то укорялъ Шрейера въ томъ, что онъ составляетъ противъ него заговоры и хочетъ пустить его по міру нищимъ, то предвкушалъ наслажденіе, съ какимъ онъ станетъ допрашивать виновнаго и предлагать ему разные умыш-

Digitized by Google

ленно запутанные вопросы, то диктовалъ пану Невеличко донесеніе въ правленіе намѣстничества, восхваляя въ немъ превыше всякой мѣры свои заслуги при поимкѣ такого опаснаго и долго укрывавшагося революціонера. Пани Прецличекъ встревожилась, увидавъ, что мужъ расхворался не на шутку, и, по обычаю всѣхъ женщинъ, начала приставать къ нему съ распросами, не хочетъ ли онъ чего покушать и что ему больше по вкусу. Наконецъ, она порѣшила, что горячка произошла отъ ослабленія, потому что больной долго ничего не ѣлъ, и пошла стряпать овсяный супъ, цыпленка, легкіе вареники съ сыромъ и компотъ изъ сливъ, какъ лучшее лекарство отъ болѣзни пана Прецличка, которую я, съ позволенія всѣхъ медицинскихъ факультетовъ, осмѣлюсь назвать слѣдственнымъ бредомъ, по-латинѣ delirium becircosum.

Проходя черезъ гостиную, пани Прецличекъ замѣтила, что у ней въ домѣ есть еще другая больная. Мильця вернулась изъ плебаніи съ сильною болью въ головѣ и съ расположеніемъ къ обморокамъ; ея блѣдность болѣе поразила мать, чѣмъ желудочныя кислоты и порывы гнѣва пана форштеера. Пани Прецличекъ осыпала Мильцю ласками и умоляла ее лечь въ постель. Просьбы были напрасны: Мильця была такъ встревожена, что не могла успокоиться, не повидавшись съ Каролемъ.

Сказать ли правду? Жоржъ Зандъ повѣствуетъ о своихъ героиняхъ болѣе предосудительныя вещи; признаюсь и я откровенно, что моя героиня подслушивала у дверей, слышала весь разговоръ отца съ матерью и угрозы его противъ Кароля Это было дурно съ ея стороны, но въ такихъ обстоятельствахъ, послѣ утренней сцены у ксендза Заіонца, подобная нескромность была извинительна. Впрочемъ объявляю и обѣщаю ея именемъ, что это случилось съ нею въ первый и послѣдній разъ. Она во всемъ призналась матери и горько плакала надъ своею неблагодарностью къ отцу, который хочетъ выдать ее за Сарафановича лишь потому, что его принуждаетъ къ тому крайность. Слѣдуетъ прибавить, что Мильця плакала также горько при мысли о Каролѣ, съ которымъ она, можетъ-быть, должна будетъ разстаться и которому, частію по ея винѣ, предстоитъ теперь одиночество и тюремное заключеніе. Какая ужасная мысль!

Я, помнится, уже замѣтилъ въ другой повѣсти, что наши сестры и кузины гораздо охотнѣе приносятъ насъ въ жертву на алтарь отечества, чѣмъ наши возлюбленныя и жены. Еслибы

Digitized by Google

Кароль былъ братомъ Мильци, она чувствовала бы себя счастливою при мысли, что онъ участвовалъ въ повстаніи 1863 года, а мысль, что это навлечетъ на него процессъ, лишитъ его способовъ пропитанія и приведетъ его въ тюрьму, казалась бы очень трагическою, но не столь невыносимо-ужасною, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Я уже слышу, какъ панны ...овская, ...ицкая и .. овичувна приписываютъ этотъ недостатокъ крайняго патріотизма не чисто-польскому происхожденію Мильци. Пусть такъ: нужно же оставить какое-нибудь преимущество полькамъ славянскаго происхожденія предъ польками нѣмецкой породы.

Но что было дѣлать, что посовѣтовать, какъ предостеречь Кароля, чтобъ онъ принялъ мѣры предосторожности. Дорогая, милая мамаша развѣ откажетъ въ позволеніи послать Касю съ запиской къ Каролю, чтобъ онъ зашелъ на минутку переговорить? Нѣтъ, мамаша не отказала; она немного поплакала съ Мильцей и отправилась въ кухню стряпать для отца овсяный супъ, соусъ съ цыпленкомъ, вареники и компотъ, покуда Кася бѣгала съ запиской.

Это материнское снисхожденіе немного успокоило Мильцю. Она безъ слезъ предалась размышленіямъ о приключеніяхъ этого дня и даже невольно улыбнулась, вспоминая, въ какое затрудненіе были поставлены ксендзъ Заіонцъ и ксендзъ-викарій ея объявленіемъ, что она уже обѣщала свою руку другому, а не пану Сарафановичу. Мильця догадывалась, что весь городъ и цѣлый повѣтъ уже знаютъ о случившемся, и мысль о томъ была ей особенно пріятна. Въ счастіе, которое доставляетъ намъ любовь, входитъ, какъ составная часть, увѣренность, что людямъ извѣстно и свѣдомо, что мы любимъ и любимы сами. Свѣтъ, соединяя насъ съ любимою особою въ своихъ разговорахъ и сплетняхъ, какъ бы даетъ намъ заранѣе вкусить сладость настоящаго союза. Думая о Каролѣ, Мильця теперь воображала, что любовь ихъ не безнадежна. Каковъ же однако Кароль! Никогда ни слова о своемъ участіи въ повстаніи! Развѣ я бы выдала его? Впрочемъ тѣмъ лучше, что онъ такой скромный. Но все-таки нужно его побранить, пожурить его немножко.... Въ эту минуту послышались шаги на лѣстницѣ, и Мильця забыла, что собиралась браниться и журить.

Digitized by Google

## ГЛАВА XIII,

**въ которой панъ актуаріусъ Шрейеръ взваливаетъ Олимпъ своего неповиновенія начальству на Оссу другихъ своихъ достойныхъ наказанія продерзостей, а Пеліонъ, въ образѣ пана Сарафановича, лежитъ внизу.**

Здѣсь мѣсто для грустной и драматической сцены, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляется отличный случай надоѣсть читателямъ стенографическимъ описаніемъ разговора Мильци съ Каролемъ, покуда панъ Прецличекъ, въ горячечномъ бреду, окончательно расправляется съ актуаріусомъ императорско-королевскаго повѣтоваго суда за возмущеніе общественнаго спокойствія, а пани Прецличекъ готовитъ на кухнѣ легкій обѣдъ для возстановленія здоровья и силъ своего супруга.

Но я разсудилъ, что подобные разговоры интересны только для участвующихъ въ нихъ лицъ. Для равнодушнаго и хладнокровнаго слушателя они такъ же пріятны, какъ описаніе давнишняго обѣда для человѣка страдающаго дурнымъ пищевареніемъ, или разсказы о добродѣтеляхъ Цинцината и о воздержаніи Фабриція для избраннаго Провидѣніемъ и сто четырьмя именитыми помѣщиками защитника галиційскихъ интересовъ въ цислейтанскомъ парламентѣ. Чего мы не желаемъ и не испытываемъ въ дѣйствительности, то не имѣетъ для насъ прелести въ поэзіи. Вся тайна успѣха современнаго реализма заключается въ томъ, что въ повѣсти, на сценѣ, въ картинахъ и въ изваяніяхъ онъ предлагаетъ людямъ только то, что имъ по вкусу и къ чему они сами склонны. Поэтому въ романахъ мы находимъ экономическіе трактаты, на сценѣ любуемся ватой, румянами и воздушными греческими одеждами, а на выставкѣ картинъ встрѣчаемъ почти одни портреты, какъ воспроизведеніе нашего надъ всѣмъ преобладающаго *я* и идеала, управляющаго всѣми нашими дѣйствіями.

Кто же бы сталъ теперь слушать страстный лепе двухъ въ влюбленныхъ, если женская сторона влюбленной четы не одѣта въ трико, какъ въ «Искрѣ» Гальма, и ежели къ поэтическимъ звукамъ, долетающимъ до уха, глазъ не можетъ прибавить реальнаго и прозаическаго коментарія? Исключеніе представляетъ

Digitized by Google

только панна Романа Попель, во Львовѣ, которая и въ длинномъ платьѣ восхищаетъ даже купцовъ. Но панна Попель—знаменитая актриса, наша же героиня вовсе не артистка, и, слѣдовательно, ея простой лепетъ и плачъ не могутъ обратить на себя такого вниманія почтеннѣйшей публики. Поэтому, вмѣсто драматическаго описанія нѣжной сцены съ Каролемъ, я передамъ, въ немногихъ словахъ, что̀ произошло при свиданіи съ нимъ.

Прежде всего Мильця сообщила пану Шрейеру, какая ему грозитъ бѣда, а онъ выслушалъ эту вѣсть совершенно спокойно и отвѣтилъ, что его участіе въ повстаніи ничѣмъ нельзя доказать, просидѣть же нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, въ продолженіе слѣдствія, ему ничего не сто̀итъ. Мильця на это замѣтила, что, стало-быть, онъ ее не любитъ, если онъ такъ равнодушенъ къ ожидающимъ его непріятностямъ. Кароль сперва высказалъ мнѣніе, что непріятности, которыхъ нельзя избѣжать, должно переносить съ покорностію; но изъявленіе покорности такъ ужасно для юнаго возраста, что Мильця никакъ не совладала съ нимъ примириться, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ оно было равнозначительно съ вѣчною разлукою. Это поколебало душевное спокойствіе Кароля. Онъ очень любилъ Мильцю и не помышлялъ о разлукѣ съ нею,—лучше было умереть. Потомъ они начали перебирать еще разъ всевозможныя обстоятельства, случайности и надежды, и рѣшили, что положеніе ихъ обоихъ отчаянное. Изъ отчаяннаго положенія можно выйти только при помощи отчаянныхъ средствъ, каковы: терпѣніе, похищеніе и, наконецъ, смерть.

О терпѣніи не могло быть и рѣчи между судебнымъ актуаріусомъ, который, въ припадкѣ гнѣва, способенъ такъ дерзко обозвать своего начальника, и панною, которая не хочетъ говорить по-нѣмецки даже съ его превосходительствомъ господиномъ генералъ-губернаторомъ. Что касается похищенія, то оно было бы сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, особенно въ Цаповицахъ, гдѣ сосѣди знаютъ, какъ кто сидитъ, на которомъ боку спитъ и по̀ скольку разъ въ ночь поворачивается на постели. Къ тому же, въ виду конкордата, метрикъ, свадебныхъ справокъ и билетовъ на прожитіе, давнишній романическій способъ тайнаго вѣнчанія гдѣ-нибудь въ глуши теперь неудобоисполнимъ. Сочинители повѣстей терпятъ страшные убытки отъ такой перемѣны обстоятельствъ, если герои ихъ не имѣютъ возможности выѣхать за границу и избавиться отъ предсвадеб-

Digitized by Google

ныхъ формальностей и заявленій въ императорско-королевскую полицію. Кароль и Мильця, не желая терпѣть и не видя возможности преодолѣть ненавистную участь, порѣшили, что всего лучше умереть.

Умереть, повидимому, очень легко, но такъ только кажется. Смерть, какъ всякая женщина, имѣетъ свои капризы, и добиться ея тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе она желательна. Однажды я самъ хотѣлъ умереть и пошелъ въ повстаніе съ твердымъ намѣреніемъ не прятаться ни отъ пуль, ни отъ казацкой пики; но вмѣсто смерти я встрѣтилъ императорско-королевскаго жандарма и угодилъ не на тотъ свѣтъ, а въ тюрьму. Я надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, здѣсь меня задушатъ міазмы, замучатъ протоколы, затерзаютъ французскіе романсы, которыхъ я наслушался вдоволь. Куда!! я все перенесъ, даже леченіе императорско-королевскаго судебнаго лекаря и фортепьяны жены тюремнаго смотрителя, которыя бренчали съ утра до вечера, въ двадцати шагахъ отъ моей кельи.... Кароль и Мильця пользовались отличнымъ здоровьемъ, и каждый изъ нихъ думалъ про себя, что умретъ не такъ-то скоро; впрочемъ не поручусь, чтобы они не задумывали, въ концѣ концовъ, пособить природѣ и ускорить послѣднюю минуту какимъ-нибудь безбожнымъ способомъ. Въ романическихъ головахъ подобныя затѣи рождаются довольно легко и, какъ показываетъ статистика, приводятся въ исполненіе довольно часто.

Разговоръ дошелъ до этого трагическаго пункта, а панъ Прецличекъ, подкрѣпивъ свои силы, благодаря попечительной заботливости своей безцѣнной половины, почувствовалъ себя на столько лучше, что надѣлъ шлафоръ и туфли, закурилъ трубку и началъ ходить взадъ и впередъ по своей комнатѣ, когда на лѣстницѣ снова послышались шаги, дверь отворилась и вошелъ панъ Іоганъ фонъ-Сарафановичъ, съ наипріятнѣйшею улыбкою на устахъ. Кароль и Мильця сидѣли на софѣ очень близко другъ къ другу; она склонила голову па его плечо и оперлась на него одною рукою, другую же позволила ему пожимать и цѣловать сколько душѣ угодно, а сама, между тѣмъ, всматривалась въ его большіе черные глаза. Панъ Сарафановичъ остановился какъ вкопанный и вскрикнулъ:

— Что это такое? Онъ повторилъ эти слова по-нѣмецки, оглядывая инквизиторскимъ взглядомъ то Кароля, то Мильцю.

Мильця покраснѣла и вскочила съ мѣста; ея внезапное, но

Digitized by Google

понятное смущеніе, вслѣдствіе повелительнаго тона и внушительной мины пана адъюнкта, уступило мѣсто раздраженію.

— Что угодно пану? спросилъ Кароль.

— Какъ что мнѣ угодно? Я хочу знать, что дѣлаетъ здѣсь панна Эмилія съ паномъ Шрейеромъ? Что это значитъ?

— Пану нѣтъ до того никакого дѣла, отвѣчалъ Шрейеръ;— вы не имѣете здѣсь права допрашивать.

— Увидимъ, увидимъ! Я сейчасъ спрошу пана форштеера.

Панъ Сарафановичъ приблизился къ двери въ комнату пана Прецличка.

Испуганная такою угрозою, Мильця заступила ему дорогу и сказала:

— Сюда нельзя входить: отецъ мой боленъ.

— Ничего, панъ бециркфорштееръ долженъ узнать, что творится у него въ домѣ. Панна Эмилія будетъ моею законною супругою и не должна любезничать съ паномъ Шрейеромъ. Я этого не позволю.—Панъ Сарафановичъ, при словѣ *я*, ударилъ себя рукою въ грудь и, припомнивъ оффиціальное выраженіе, прибавилъ, для большей ясности, по-нѣмецки:—я не даю на это разрѣшенія.

Запрещеніе пана Сарафановича могло бы показаться забавнымъ, но Кароль и Мильця вовсе не были расположены шутить. Кароль на минуту онѣмѣлъ отъ гнѣва; Мильця оправилась прежде его и отвѣчала:

— Кто сказалъ пану, что я буду его женою? Съ чего вы взяли мнѣ что-либо приказывать или запрещать?

— Развѣ вы, панна Эмилія, не знаете, что такое родительская власть? Въ параграфѣ, въ какомъ бишь.... въ параграфѣ написано.... ну, да все ровно, панъ бециркфорштееръ выдастъ за меня панну Эмилію—и дѣлу конецъ. Вотъ что значитъ родительская власть, прибавилъ панъ Сарафановичъ по-нѣмецки.

— Вы можете твердить эти слова по-нѣмецки и по-московски, но изъ нихъ ничего не выйдетъ: я не пойду за васъ! Я сказала это отцу и ксендзу пробощу и повторю сто разъ: не хочу и не пойду!

— О-о-о! воскликнулъ панъ адъюнктъ, имѣвшій о власти пана форштеера понятіе еще болѣе широкое, нежели самъ этотъ сановникъ,—о-о-о! Увидимъ, увидимъ!.. Да и почему вы, панна Эмилія, не пошли бы за меня? прибавилъ онъ довольно ласково.— Я такъ себѣ, ничего, я слава Богу имѣю положеніе; вы соста-

Digitized by Google

вите свое счастіе; только прошу не любезничать съ паномъ Шрейеромъ, этого я не потерплю.

— Панъ Сарафановичъ! произнесъ Кароль дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ,—ужели вы такъ безтолковы, что не понимаете, какія вы говорите глупости и какъ вы оскорбляете даму? Гдѣ вы воспитывались, въ лѣсу? Вотъ я васъ научу вѣжливости.

— Это что? Съ чего вы взяли вмѣшиваться не въ свое дѣло? Вы—польскій бунтовщикъ! Вы знаете, что я императорско-королевскій бециркъ-адъюнктъ? возразилъ по-нѣмецки панъ Сарафановичъ, принимая мину, соотвѣтствующую важности своего служебнаго значенія.—Мы уже видѣли разъ, что панъ Шрейеръ на нѣмецкія дерзости имѣлъ обыкновеніе отвѣчать по-нѣмецки. Онъ, можетъ-быть, не очень обидѣлся тѣмъ, что его назвали польскимъ бунтовщикомъ, но заносчивость пана Сарафановича и непріятное положеніе, въ которое была поставлена Мильця, окончательно вывели его изъ терпѣнія. Началась живая нѣмецкая перебранка. Я выписываю ее здѣсь изъ протокола, который до сего времени хранится въ Козловицахъ, куда былъ перенесенъ архивъ императорско-королевскаго цаповицскаго повѣтоваго правленія.

— Вы—неотесаный болванъ, сказалъ панъ актуаріусъ.

— Я—императорско-королевскій бециркъадъюнктъ и уйму васъ дисциплинарнымъ порядкомъ, отвѣчалъ панъ адъюнктъ.

— Вотъ я васъ уйму! возразилъ снова панъ актуаріусъ съ угрожающимъ жестомъ и дѣлая шагъ впередъ, между тѣмъ какъ Мильця хотѣла броситься между противниками, чтобъ удержать ихъ отъ еще болѣе рѣшительныхъ порывовъ страсти. Но панъ Сарафановичъ, не выждавъ этой помощи, бросился къ двери, отворилъ ее и во все горло сталъ кричать:

— Швалбеншвейфъ, Швалбеншвейфъ!

Кароль тутъ уже не выдержалъ. Во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала въ присутствіи Мильци, онъ мгновенно рѣшился перенести театръ войны въ корридоръ или на лѣстницу. Онъ бросился на пана Сарафановича и схватилъ его (такъ значится въ протоколѣ) за правое ухо. Панъ Сарафановичъ, желая уйти, притиснулъ собою дверь, которая, на бѣду, отворялась изъ корридора въ комнату, и прервалъ всякое прямое сообщеніе съ лѣстницей. Панъ адъюнктъ былъ вынужденъ броситься къ другимъ дверямъ и успѣлъ высвободить свое ухо только тогда,

Digitized by Google

когда растворились всѣ двери въ гостиную, и съ одной стороны показалась пани Прецличекъ, съ другой появились Швалбеншвейфъ и Невеличко, а съ третьей выступилъ самъ панъ форштееръ, въ шлафорѣ и туфляхъ. Освободивъ ухо, панъ Сарафановичъ потерялъ равновѣсіе и, въ присутствіи всѣхъ, растянулся на полу, въ самомъ неприличномъ для чиновника и для частнаго человѣка положеніи. Панъ форштееръ, во все время своей продолжительной службы, не видалъ такой безобразной сцены.

## ГЛАВА XIV.

Ксендзъ Набуховичъ вынужденъ пріискивать другую жену для своего племянника.

Въ давнее славное рыцарское время порядочный человѣкъ долженъ былъ доказать свое превосходство на шкурѣ своего противника, выбить его изъ сѣдла на турнирѣ, или какъ-нибудь иначе наколотить ему добрую шишку. Теперь это не принято людьми хорошаго тона и не считается доказательствомъ какого бы то ни было превосходства. Разсказываютъ, напримѣръ, что консервативная министерская фракція представителей галиційскаго народа въ вѣнскомъ рейхсратѣ обладаетъ въ лицѣ нѣкоего рослаго дѣтины изъ подкарпатскихъ странъ такою мощною боевою дланью, что всѣ оппозиціонныя газеты должны бы дрожать отъ страха, когда этотъ зычный донъ-Кихотъ выступаетъ противъ знаменитой спеціальной программы. Однако не слышно, чтобы какой-нибудь польскій закоснѣлый революціонеръ щелкалъ при этомъ зубами отъ испуга, а еслибы кто-нибудь изъ нихъ и поддался такой физической слабости, то общественное мнѣніе не признало бы въ этомъ нравственной побѣды общихъ интересовъ монархіи надъ частными интересами Галиціи, Лодоміріи и принадлежащихъ къ нимъ мѣстностей. Вотъ почему я опасаюсь, что описанное въ предыдущей главѣ и засвидѣтельствованное протоколомъ покушеніе пана Шрейера на правое ухо пана Сарафановича, въ наше прозаическое столѣтіе, не возвыситъ его въ глазахъ публики. Стало-быть, если не изъ уваженія къ высшему служебному значенію своего противника, то изъ вниманія къ необходимости примиренія съ сторонниками «Слова», панъ Шрейеръ былъ обязанъ укротить свою вспыльчи-



Digitized by Google

вость и не дозволять себѣ такого явнаго нарушенія международныхъ отношеній.

Но, увы, случилось иначе. Панъ Сарафановичъ лежалъ на полу, а панъ Шрейеръ стоялъ надъ нимъ, не обнаруживая на своемъ лицѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ раскаянія въ столь достойномъ наказанія поступкѣ. Мильця спряталась въ объятія матери, а панъ Прецличекъ смотрѣтъ на всю эту сцену съ видомъ крайняго удивленія и неудовольствія.

Только панъ Невеличко и панъ Швалбеншвейфъ не принимали живаго участія въ томъ, что совершалось предъ ихъ глазами. Казалось, они были заняты другими, несравненно важнѣйшими соображеніями. Относительно Швалбеншвейфа могу удостовѣрить, что онъ, по ежедневному обычаю, уже успѣлъ къ этой порѣ пропустить двѣнадцатую кружку пива, и что пріемъ этого нектара еще болѣе оживилъ и безъ того яркую красноту его щекъ и шеи; но за то онъ оставался невозмутимо равнодушенъ ко всему, что совершалось вокругъ него. Въ такомъ состояніи, панъ Швалбеншвейфъ не разъ видалъ совершенно явственно, какъ зданіе бецирка, подбоченясь, пускалось въ плясъ съ сосѣднею плебаніей и въ быстромъ круженіи мелькало предъ его глазами; но и такое необычайное зрѣлище не возбуждало въ немъ никакихъ размышленій. Иногда ему казалось, что мѣсяцъ, вздѣвъ на одинъ рогъ форменную фуражку съ золотымъ шнуркомъ и кокардою, принималъ физіономію до нельзя схожую съ паномъ форштееромъ и сердито смотрѣлъ на него сверху, когда онъ возвращался домой изъ полпивной. Панъ Швалбеншвейфъ кланялся ему очень низко, но безъ всякаго страха, и пріятельски приговаривалъ: «вашъ покорнѣйшій слуга, геръ бецирк форштееръ». И теперь панъ Швалбеншвейфъ не удивлялся потасовкѣ пана адъюнкта съ паномъ актуаріусомъ въ комнатѣ пана форштеера. Снявъ шапку, онъ стоялъ у дверей съ благодушною улыбкою на лицѣ и съ огромною сумою въ рукахъ, въ которой лежали казенные пакеты, доставленные почтой. Это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ дней недѣли, въ которые Цаповицы сообщались съ остальнымъ міромъ при помощи одноконной брички, привозившей почту изъ Козловицъ.

Панъ Невеличко не держалъ въ рукахъ казеннаго пакета, но все лицо его походило на запечатанный конвертъ. На немъ была напечатлѣна какая-то великая государственная тайна, которая такъ тяготила почтеннаго діурниста, что гимнастическія упраж-

Digitized by Google

ненія пана адъюнкта возбудили въ немъ лишь мимолетное удивленіе. Панъ Прецличекъ спросилъ громко: «что это значитъ?» и бросилъ молніеносный взглядъ на пана Шрейера; оглядывая за тѣмъ присутствующихъ, онъ тотчасъ угадалъ по лицу пана Невеличко, что случилось что-нибудь необычайное.

— Что еще тамъ, Невеличко? спросилъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ.

Панъ Невеличко отвѣтилъ, что имѣетъ сообщить нѣчто очень важное. Панъ Прецличекъ ушелъ въ свою комнату и знакомъ позвалъ къ себѣ діурниста. Между тѣмъ панъ Сарафановичъ поднялся на ноги и, чувствуя себя болѣе безопаснымъ въ присутствіи пана Швалбеншвейфа, сурово погрозилъ Каролю, который, при помощи Мильци, старался, какъ могъ, объяснить все приключившееся пани Прецличекъ. Панъ Швалбеншвейфъ все еще стоялъ у дверей и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ поглядывалъ на окружающіе его предметы, ни мало не задумываясь, были ли усмотрѣнныя имъ въ этихъ предметахъ волнообразныя и вращательныя движенія оптическимъ обманомъ, или же слѣдствіемъ какого-нибудь всеобщаго физическаго закона.

Важныя извѣстія, которыя панъ Невеличко пришелъ сообщить пану форштееру, были дѣйствительно весьма тревожнаго свойства. Не задолго предъ тѣмъ арендаторъ Гленбочиска, панъ Кудеркевичъ, пріѣхавъ на почту за газетами и письмами, встрѣтилъ тамъ пана Быковскаго и громко, на улицѣ, обратился къ нему съ словами:

— Читалъ панъ Якубъ?

Панъ Якубъ отвѣчалъ:

— Что мнѣ за дѣло!

На что панъ Кудеркевичъ возразилъ:

— Какъ что за дѣло? Увидишь, панъ, будетъ у насъ Польша.

— Отвяжись отъ меня съ своею политикою, отвѣчалъ панъ Якубъ.—Прежде чѣмъ дождемся Польши, съ насъ сдерутъ всю шкуру!

Панъ Якубъ былъ пессимистъ; онъ только съ пренебреженіемъ махнулъ рукою, когда панъ Кудеркевичъ сталъ ему расписывать, какъ на ладони, что будетъ Польша и что объ этомъ уже пришло оффиціальное извѣстіе изъ Вѣны. Панъ Невеличко передалъ пану форштееру, съ полною точностію, этотъ разговоръ двухъ шляхтичей и прибавилъ, что по всему городу жиды и христіане повторяютъ ту же новость—будетъ Польша! Дудіо, который ус-

Digitized by Google

пѣлъ забѣжать въ комнату папа форштеера, подтвердилъ все сказанное и присовокупилъ, что, по слухамъ, въ польскихъ газетахъ уже протрубили объ увольненіи трехъ важныхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и пана злочовскаго старосты.

Панъ Прецличекъ, разумѣется, вовсе не довѣрялъ извѣстіямъ польскихъ газетъ и Дудіо, но онъ не могъ не признать той очевидной истины, что революціонная партія снова начинаетъ шевелиться. Ему любопытно было узнать, не привезла ли почта какого-нибудь намека свыше, и онъ вернулся въ гостиную за принесенною Швалбеншвейфомъ сумою. Усѣвшись за столикомъ, онъ началъ срывать съ пакетовъ огромныя печати и просматривать одну бумагу за другою. Но никакого намека въ нихъ не оказалось, кромѣ длиннаго носа: предписывалось пану форштееру немедленно исправить мостъ на дорогѣ, подъ самыми Цаповицами, потому что недавно какое-то должностное лицо, проѣзжая тамъ на командировку, едва не сломило себѣ шею. Панъ форштееръ почти убѣдился, что высшія власти не подозрѣваютъ новѣйшихъ революціонныхъ признаковъ въ Цаповицахъ, когда ему попался въ руки послѣдній нумеръ нѣмецкой «Лембергской Газеты» и онъ машинально развернулъ ее. Вдругъ у него выпала трубка изо рта, онъ всталъ и, не выпуская изъ рукъ газеты, смотрѣлъ какъ вкопанный въ оффиціальный ея отдѣлъ.

— Геръ фонъ-Сарафановичъ, воскликнулъ онъ наконецъ по-нѣмецки, такимъ голосомъ, въ которомъ отразились самыя горькія чувства,—слыхали ли вы что-нибудь подобное?

Панъ Сарафановичъ подошелъ ближе и съ большимъ любопытствомъ освѣдомился, въ чемъ дѣло.

— Его императорско-королевское-апостолическое величество, продолжалъ панъ Прецличекъ,—соблаговолилъ назначить намѣстникомъ королевствъ Галиціи и Лодоміріи его превосходительство графа Агенора Голуховскаго.

Кто не знаетъ того ужаса, который наводило на извѣстный кругъ чиновниковъ имя графа Голуховскаго, тотъ никогда не пойметъ совершившагося въ эту минуту переворота въ мысляхъ пана Прецличка. Онъ сидѣлъ въ халатѣ ошеломленный и дрожалъ сильнѣе, чѣмъ при достопамятномъ взятіи Малоставицъ. Въ душѣ ему представлялись цѣлыя тучи подтвержденій и нагоняевъ, за ними слѣдовали выговоры и, наконецъ, отставка. Революціонная партія видимо брала верхъ. Покуда онъ спо-

Digitized by Google

койно, по прежнему, судилъ и рядилъ въ Цаповицахъ, свѣтъ повернулся въ верхъ дномъ. Панъ Прецличекъ чуялъ, что нѣчто подобное случится и съ нимъ, и печально смотрѣлъ на пана Сарафановича, какъ на дорогой памятникъ минувшихъ дней, теперь уже ни къ чему не пригодный.

Панъ Сарафановичъ, хотя и не геніальный политикъ, постигнулъ однако чрезвычайную важность вѣсти, сообщенной паномъ Прецличкомъ. Послѣдній, въ полуоффиціальномъ отдѣлѣ «Лембергской Газеты» прочелъ еще, что его величество императоръ, назначая поляка намѣстникомъ, даетъ новое доказательство своего особеннаго благоволенія къ краю, на народныя потребности и интересы котораго будетъ обращено полное вниманіе, и т. д.

Слушая все это, панъ Сарафановичъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ бросился къ принесенной Швалбеншвейфомъ сумѣ и сталъ въ ней шарить, не отыщется ли въ ней письмо отъ достопочтеннаго дядюшки, съ объясненіемъ того, что случилось и что все это значитъ. Дѣйствительно, между казенными пакетами нашлось письмо, высланное изъ Львова пріѣхавшимъ туда ксендзомъ Набуховичемъ, только вмѣсто обычнаго нѣмецкаго адреса на конвертѣ было надписано по-польски:

Вельможному пану
Яну де-Кошуба-Сарафановичу,
Императорско-Королевскому Адъюнкту,
Вельможному пану и добродзѣю.

Въ Цаповицахъ.

Самое письмо, какъ всегда, начиналось словами: любезный племянникъ и было написано по-нѣмецки. Въ нѣсколькихъ строкахъ дядя сообщалъ прискорбное извѣстіе, что панъ Суммеръ переведенъ изъ Львова, что этотъ ударъ сразу подкопалъ всю народность, теряющую еще школьнаго инспектора, пана совѣтника Геза и злочовскаго начальника, пана Волфарта. Ксендзъ Набуховичъ присовокуплялъ, что намѣстникъ графъ Голуховскій не любитъ шутить и что акціи пана Прецличка страшно упали. Въ заключеніе многоуважаемый дядюшка совѣтовалъ любезному племяннику держать ухо востро, зорко наблюдать, куда тянетъ вѣтеръ, и не вмѣшиваться въ такія дѣла, за которыя потянули къ отвѣтственности пана Прецличка...

Прочитавъ письмо, панъ Сарафановичъ поспѣшилъ познакомить съ его содержаніемъ пана Прецличка. Панъ форштееръ

Digitized by Google

страшно взволновался и ощутилъ сильное желаніе снова улечься въ постель, потому что чувствовалъ, что въ его желудкѣ опять забурлили кислоты. Въ эту минуту раздался подъ окномъ стукъ экипажа и вслѣдъ за тѣмъ вбѣжалъ въ комнату вельможный Каласантъ Цаповицкій. Онъ вычиталъ въ газетахъ, что правительство, назначивъ поляка намѣстникомъ, тѣмъ самымъ сближается съ краемъ, и что взаимно край сближается съ правительствомъ, что съ этой поры управляющіе и управляемые не будутъ двумя враждебными лагерями, и т. д. Вельможный Цаповицкій все это горячо принялъ къ сердцу; признавая священнымъ долгомъ какъ можно скорѣе сблизиться съ правительствомъ, владѣтель Цаповицъ, Цапувки и Цаповой-Воли поспѣшилъ сдѣлать визитъ пану Прецличку, какъ оффиціальному представителю власти.

Панъ Прецличекъ никогда не принималъ пана Цаповицкаго такъ сердечно, какъ въ этотъ разъ. Разговоръ прямо коснулся новѣйшихъ событій въ мѣстной политикѣ, и панъ Цаповицкій, во имя края, возвѣстилъ пану Прецличку, какъ представителю правительства, что правительство можетъ опереться на край и на него, Цаповицкаго, какъ на полумилліонную армію. Панъ Прецличекъ умилился и очень многословно объяснилъ пану Цаповицкому, какъ пріятно ему видѣть сына страны намѣстникомъ. «Въ сущности я вѣдь и самъ полякъ», примолвилъ онъ на ломаномъ польскомъ языкѣ, пожимая руку пана Цаповицкаго и указывая на Мильцю и Шрейера, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Ну, Мильця, обратился онъ къ дочери,—зачѣмъ ты не напомнила мнѣ, чтобъ я подписался на «Часъ» или на «Народовую Газету», о которыхъ говорилъ панъ Цаповицкій? Это очень добропорядочныя изданія, прибавилъ панъ форштееръ по-нѣмецки.

— Повѣрите ли, геръ фонъ-Цаповицкій, что у меня въ домѣ читаютъ только по-польски? Въ моей канцеляріи все польскія книги.

Какъ извѣстно, тамъ хранился порядочный запасъ польскихъ книгъ, конфискованныхъ при объявленіи осаднаго положенія въ домѣ пана Прецличка.

Не могу описать, какъ былъ счастливъ вельможный Каласантъ Цаповицкій, открывъ столько польскаго въ сердцѣ и въ домѣ пана Прецличка!

Digitized by Google

— Друзья мои, говорилъ онъ потомъ своимъ сосѣдямъ,— этотъ Прецличекъ отличный человѣкъ. Я самъ видѣлъ въ его гостиной портретъ Косцюшки, насупротивъ портрета императора, и во всемъ домѣ у него нѣтъ другихъ книгъ, кромѣ польскихъ. Разумѣется, при прежней системѣ онъ принужденъ былъ скрывать свои чувства,—надо же, друзья мои, подумать о хлѣбѣ,— но теперь намъ нельзя пожелать лучшаго чиновника. Для меня онъ въ тысячу разъ лучше сумасшедшаго Шрейера: этотъ какой-то мѣрославецъ, роволюціонеръ! Представьте себѣ: намедни разсказываетъ мнѣ графъ Эдмундъ, что повстанцы заварили порядочную кутерьму на своихъ квартирахъ, а панъ Шрейеръ прерываетъ его и говоритъ: «варить-то они варили, а ѣли на квартирахъ только ячменныя лепешки съ саломъ!» — Видишь, какой умникъ! Стану я кормить всякую сволочь жареными курицами да пудингами! Развѣ графъ Эдмундъ и я не довольно принесли жертвъ народному дѣлу? У меня еще цѣлы квитанціи! Триста семдесятъ пять гульденовъ двадцать восемь центовъ стоила мнѣ эта потѣха; да сколько хлопотъ, сколько страха—и поминать нечего! А тутъ еще какой-нибудь Шрейеръ станетъ острить надо мною! Фуй, это вовсе не дѣло императорскаго чиновника. Панъ Прецличекъ—вотъ человѣкъ: дѣлаетъ, что ему приказано и не суется, куда не спрашиваютъ.

— Дорогой сосѣдушка, возражалъ на это панъ Кудеркевичъ или панъ Быковскій,—пускай онъ дѣлаетъ какъ ему приказано, да зачѣмъ же онъ схватилъ у меня бѣднаго эмигранта и продержалъ его въ тюрьмѣ двѣ недѣли, пока я не выправилъ ему билетъ на прожитіе? Правительству теперь уже извѣстно, что наши приходятъ въ край только ради куска хлѣба: вѣдь двое или трое такихъ горемыкъ не взбунтуютъ Галицію, и если свыше смотрятъ на нихъ сквозь пальцы, то со стороны Прецличка было чистою насмѣшкою сажать въ тюрьму несчастнаго Рышкевича или Скршыдловскаго и долго держать ихъ тамъ вмѣстѣ съ мошенниками.

— Вы говорите такъ потому, что у васъ доброе сердце, отвѣчалъ панъ Цаповицкій;—но чиновникъ долженъ исполнять свою обязанность. Я и самъ поступилъ бы не иначе, еслибы былъ начальникомъ повѣта.

Какъ видимъ, однимъ ударомъ правительство пріобрѣло прочную опору въ панѣ Цаповицкомъ, а панъ Прецличекъ нашелъ въ немъ сильнаго сторонника. Лишь впослѣдствіи, когда неблагодарные сограждане выбрали маршалкомъ не его, а пана Ку-

Digitized by Google

деркевича, и когда перенесеніе повѣтоваго правленія повергло Цаповицы въ бѣдственное положеніе, оплаканное нами въ началѣ нашей повѣсти, вельможный Каласантъ Цаповицкій увидалъ ту пропасть, въ которую вовлекаетъ насъ, поляковъ, утилитарная политика, и всею душею и тѣломъ присоединился къ крайней оппозиціи.

Но будемъ придерживаться хронологическаго порядка и не станемъ предупреждать хода событій даже въ побочныхъ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ судьбою нашей героини.

Для послѣдней извѣстія, сообщенныя пану форштееру паномъ Невеличко, чтеніе привезенныхъ почтою казенныхъ бумагъ и «Лембергской Газеты», наконецъ визитъ пана Цаповицкаго подоспѣли какъ нельзя болѣе кстати. Подавленный важными новостями и мыслями, панъ Прецличекъ не собрался даже спросить пана Сарафановича, что произошло между нимъ и паномъ Шрейеромъ. По уходѣ пана Цаповицкаго, панъ Прецличекъ, все еще взволнованный, какъ бы стѣснялся присутствіемъ въ комнатѣ пана адъюнкта и пана актуаріуса и машинально перечитывалъ полуоффиціальный коментарій о назначеніи графа Голуховскаго намѣстникомъ. Посвященному въ сокровенные помыслы пана форштеера не трудно было бы угадать, о чемъ думалъ въ эту минуту панъ Венцель Прецличекъ.

Пана Суммера нѣтъ уже во Львовѣ, также какъ давно уже нѣтъ пана Шмерлинга въ Вѣнѣ. Сверхъ всякаго чаянія, обѣщанное покровительство ксендза Набуховича теперь ни къ чему не пригодно. Къ новымъ представителямъ высшей и наивысшей власти нужно подобраться иными путями. Реорганизація политической администраціи на чеку; могутъ обойти, уволить, пожалуй распорядиться еще хуже, ежели окружный судъ вздумаетъ остановиться на показаніяхъ того Микиты, который въ цаповицскомъ судебномъ округѣ провинился въ оскорбленіи чести и отрубленіи головы своего тестя. Въ сущности дѣло это не заключало въ себѣ ничего особеннаго, ибо, какъ замѣтилъ панъ Прецличекъ въ объясненіи, представленномъ имъ въ апелляціонный судъ, отъ вниманія послѣдняго ускользнуло одно второстепенное обстоятельство: оскорбленіе чести было въ этомъ случаѣ главнымъ, достойнымъ наказанія проступкомъ; отрубленіе же головы и другія подробности представлялись побочными послѣдствіями, сопровождавшими главную вину. Но какъ знать:

Digitized by Google

кто хочетъ ударить собаку, тотъ уже найдетъ палку. Можно ли быть увѣрену, что апелляціонный судъ, или какой-нибудь черезчуръ рьяный слѣдственный судья не найдетъ въ показаніяхъ Микиты о 100 гульденахъ и двухъ корцахъ пшеницы, помимо всепокорнѣйшаго объясненія бецирковаго суда, достаточнаго повода къ притѣсненію пана Прецличка, уже измученнаго донесеніями сервитутной комиссіи о его дѣйствіяхъ въ Малоставицахъ и нескончаемыми корреспонденціями «Газеты Народовой» о не совсѣмъ безопасныхъ послѣдствіяхъ этихъ дѣйствій?

Въ виду настоящаго положенія вещей, панъ форштееръ чувствовалъ, какъ ежеминутно убываетъ въ немъ охота истратить ради пана Сарафановича 15.000 гульденовъ на приданое Мильци. Пятнадцать тысячъ очень могли пригодиться въ случаѣ бѣды, а съ той поры, какъ ксендзъ Набуховичъ пересталъ быть человѣкомъ вліятельнымъ, панъ Сарафановичъ вовсе не нуженъ. Къ тому же дѣтина изъ рукъ вонъ глупъ, подумалъ про себя панъ Прецличекъ, бросивъ косой взглядъ на своего адъюнкта, лицо котораго, въ эту минуту, дѣйствительно приняло болѣе чѣмъ когда-либо тупоумное выраженіе.

## ГЛАВА XV,

въ которой окончательно объясняется, къ какой народности принадлежитъ панъ Прецличекъ, затѣмъ слѣдуетъ свадьба, и авторъ, молча, прощается съ почтеннѣйшими читателями.

Панъ Сарафановичъ первый нарушилъ молчаніе по уходѣ пана Цановицкаго. Онъ началъ разъяснять пану Прецличку, въ самыхъ отборныхъ канцелярскихъ выраженіяхъ, что признаетъ себя его будущимъ зятемъ.

— Другъ мой, прервалъ его панъ Прецличекъ,—мы съ вами свели счеты безъ хозяйки: Мильця не хочетъ васъ!

— Это невозможно! возразилъ панъ Сарафановичъ.

— Спросите сами... Обращаясь къ Мильцѣ, панъ Прецличекъ сказалъ ей:—Мильця! хочешь идти за пана Сарафановича?

— Нѣтъ, папаша, не хочу.

— Ну, вотъ вамъ! Вѣдь я сказывалъ вамъ, что дѣло не сладится!

— Но это совершенно невозможно, повторилъ панъ адъ-

Digitized by Google

юнктъ.—Подумайте, панна Эмилія, вѣдь я не ничтожный какой-нибудь человѣкъ. Развѣ я не адъюнктъ? Вы будете очень счастливы, если пойдете за меня.

Панъ Сарафановичъ вытянулся какъ свѣча во всю свою длину, чтобы Мильця могла лучше полюбоваться своимъ будущимъ счастьемъ. Мильця въ это время поглядывала на пана Шрейера, который кусалъ себѣ губы, чтобы не разсмѣяться надъ паномъ адъюнктомъ.

— Покорно благодарю панъ, отвѣтила, наконецъ, Мильця.— Поищите другой особы, болѣе достойной такого счастія, я же никакъ не могу принять вашего предложенія.

— Полноте, панна Эмилія, пожалуйста не церемоньтесь, отвѣчалъ панъ адъюнктъ и, съ выраженіемъ полной увѣренности въ успѣхѣ на лицѣ, подошелъ къ Мильцѣ, чтобы поцѣловать ей руку.

Какія чудеса надѣлала маленькая статейка въ «Лембергской Газетѣ»! Панъ Прецличекъ, который два дня тому назадъ такъ сурово держалъ сторону пана Сарафановича, теперь чрезмѣрно опасался, чтобы Мильця не склонилась на краснорѣчивыя убѣжденія этого молодаго человѣка. Если революціонная партія могла сблизиться съ правительствомъ, какъ ясно доказалъ панъ Цаповицкій, то развѣ не можетъ Мильця измѣнить своего рѣшенія?

Панъ Прецличекъ былъ даже радъ присутствію пана Шрейера въ комнатѣ; на этотъ разъ проклятый полякъ оказывался кой на что пригоднымъ и могъ спасти 15.000 гульденовъ, которымъ грозила бѣда въ такое время, когда Суммеръ былъ уже на пути въ Черновицы, а ксендзъ Набуховичъ утратилъ всякое значеніе за предѣлами своего деканата. Относительно пана Шрейера панъ Прецличекъ уже раздумалъ, четверть часа тому назадъ, посылать приготовленное вчера донесеніе. При перемѣнѣ намѣстника, дѣло, возникшее по поводу написанныхъ по-польски позывовъ къ суду, представлялось въ совершенно иномъ видѣ и благоразумнѣе было промолчать о немъ. Къ тому же панъ Шрейеръ могъ сильно повредить въ упущенныхъ слѣдствіемъ обстоятельствахъ въ процессѣ Микиты, и теперь, когда очень не везло пану Прецличку, не за чѣмъ было дразнить человѣка, у котораго голова сидѣла на плечахъ не для одной только симметріи. Панъ Прецличекъ отлично понялъ настоящее положеніе вещей и вознамѣрился не затѣвать слѣд-

Digitized by Google

ствія объ участіи въ повстаніи пана Шрейера. Панъ Прецличекъ, какъ видимъ, былъ ловкій политикъ и не давалъ надъ собою воли какимъ-либо предубѣжденіямъ; онъ дѣйствовалъ какъ галиційскіе делегаты въ Вѣнѣ, которые, перепортивъ свои отношенія къ избирателямъ, стараются, по крайней мѣрѣ, ладить съ министерствомъ.

Когда панъ Сарафановичъ, со всею важностію императорско-королевскаго адъюнкта и со всею любезностію молодаго человѣка, просящаго руки, подходилъ къ Мильцѣ, панъ Прецличекъ, окинувъ безпокойнымъ и любопытнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, крякнулъ и вдругъ спросилъ:

— Что же вы, панъ Шрейеръ, ничего не говорите?—Крайне было невѣжливо помѣшать подобнымъ вопросомъ на такомъ важномъ шагу пану Сарафановичу, который остановился на полдорогѣ какъ вкопанный.

— Да онъ вѣдь уволенъ, произнесъ панъ адъюнктъ, какъ будто этимъ объяснялось молчаніе пана Шрейера.

Тутъ панъ Прецличекъ, уступая порыву великодушія, овладѣвшему его душой, объявилъ, что вся вчерашняя исторія не стоитъ выѣденнаго яйца, что онъ одинъ можетъ считать себя обиженнымъ, но что онъ не желаетъ повредить молодому и способному чиновнику и охотно сдаетъ дѣло въ архивъ. «Впрочемъ, прибавилъ онъ по-нѣмецки,—повѣстки сторонамъ надо дѣйствительно писать на ихъ родномъ языкѣ: таково желаніе высшаго правительства и населенія; я понимаю это лучше другихъ, потому что самъ я, собственно говоря, галичанинъ». Такимъ образомъ въ нашихъ пятнадцати главахъ мы узнаемъ, что панъ Прецличекъ причислялъ себя поочередно къ тремъ народностямъ. Панъ Сарафановичъ однако не вразумился этою рѣчью пана Прецличка и злобно спросилъ:

— Пускай себѣ такъ, геръ бецирк форштееръ, но мое ухо?

— Какое ухо, мейнъ геръ?

— Мое правое ухо, мое правое ухо, повторялъ панъ Сарафановичъ.

Мильця смекнула, что начинается словесное разбирательство, въ которое и она могла быть замѣшана. Она поспѣшно встала и вышла изъ комнаты, а вслѣдъ за нею улизнула и пани Прецличекъ. Я увѣренъ, что обѣ подслушивали у дверей продолженіе разговора, хотя я и обѣщалъ, отъ имени моей героини, что она болѣе не провинится въ подобной нескромности.

Digitized by Google

Панъ Сарафановичъ приступилъ къ пространному изложенію своей жалобы и со всѣми подробностями разсказалъ пану форштееру, какъ его дочь любезничала съ паномъ Шрейеромъ и какъ потомъ панъ Шрейеръ таскалъ его за ухо. Панъ Прецличекъ слушалъ внимательно, но еще внимательнѣе подслушивала у дверей Мильця, чѣмъ все кончится. Панъ Шрейеръ давно уже разгадалъ истинное положеніе вещей и съ величайшимъ спокойствіемъ ждалъ рѣшенія своей участи. Наконецъ заговорилъ панъ Прецличекъ. У Мильци такъ забилось сердце, что она чуть не упала въ обморокъ. Послѣ всѣхъ домашнихъ событій въ послѣдніе два дня, ей могло показаться правдоподобнымъ, что отецъ призоветъ жандармовъ, прикажетъ имъ привязать Кароля къ большой липѣ на дворѣ, велитъ его безъ милосердія разстрѣлять и отправитъ о томъ донесеніе уголовному суду, для дальнѣйшихъ распоряженій. И вдругъ отецъ, повернувшись бокомъ къ пану Сарафановичу, пожимая плечами и разводя руками, промолвилъ:

— Любезный другъ, я не могу пособить вамъ въ этомъ дѣлѣ! Подайте жалобу въ оскорбленіи чести—и... ушелъ въ свою комнату.

Мильця съ радости расплакалась и хотѣла бѣжать къ отцу и расцѣловать ему руки и ноги за неслыханную милость, но ее удержала мать. Панъ Сарафановичъ оторопѣлъ и стоялъ середи комнаты, безсмысленно поглядывая въ окно, въ которое виднѣлись послѣдніе лучи догоравшей на западѣ вечерней зари. Когда на дворѣ стемнѣло, въ головѣ пана адъюнкта началъ пробиваться свѣтъ. Онъ вдругъ ударилъ себя кулакомъ по лбу, схватилъ со стола письмо достопочтеннаго дядюшки и на выходѣ еще разъ подбѣжалъ къ Каролю, который все это время стоялъ, прислонясь къ шкапу, заложивъ руки въ карманъ, съ самою равнодушною миною на лицѣ.

— Вы думаете, сказалъ ему панъ Сарафановичъ, съ пѣною у рта отъ злости и тараща свои два желтые зуба,—что вамъ все можно, когда полякъ сталъ губернаторомъ? Погодите, придетъ времячко, когда такой молодчикъ, какъ вы, забрянчитъ кандалами!

Погрозивъ кулакомъ, панъ Сарафановичъ не выждалъ отвѣта и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Черезъ три недѣли онъ женился на паннѣ Анастазіи Воробцѣ, дочери уніатскаго священника Воробца въ Подмосцицахъ. Онъ взялъ въ приданое

Digitized by Google

три тысячи гульденовъ чистыми деньгами, кромѣ серебра, фортепіано, двухъ мѣховыхъ салоповъ, пары бурыхъ лошадей, новой брички и разныхъ другихъ необходимыхъ принадлежностей супружескаго хозяйства.

Десять дней спустя, Цаповицы были свидѣтелями колоссальной политической демонстраціи. Цѣлый день звонили въ колокола и стрѣляли изъ ружей, и вечеромъ, какъ пишутъ во ста восьмидесяти четырехъ корреспонденціяхъ «Газеты Народовой», отъ октября 1866 года, весь городъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, запылалъ роскошною иллюминаціей. Дудіо выставилъ транспаранъ съ изображеніемъ императорскаго двуглаваго орла, подъ однимъ крыломъ котораго пріютился портретъ ясновельможнаго Цаповицкаго, какъ владѣльца пропинаціи, а подъ другимъ—портретъ пана Прецличка, какъ начальника цаповицскаго управленія. По словамъ корреспонденціи, это было художественное произведеніе мѣстнаго аптекаря. Большія толпы народа, съ музыкою впереди, тянулись отъ ратуши до зданія бецирка, также блистательно иллюминованнаго, и тысячи голосовъ оглашали воздухъ изъявленіями благодарности его величеству императору, графу Белькреди и графу Голуховскому. Сограждане Моисеева закона кричали: вивайтъ!, а панъ профессоръ цаповицской академіи, вмѣстѣ съ сторожами казначейства, кричалъ: да здравствуетъ Польша! и ничего имъ за это не досталось. Корреспондентъ, описывавшій торжество, до сихъ поръ злится на «Газету Народовую» за то, что въ ней не напечатали вполнѣ ни рѣчь, съ которою обратился къ пану Прецличку вельможный Каласантъ Цаповицкій, за даннымъ имъ въ этотъ день обѣдомъ, ни отвѣтную рѣчь пана Прецличка пану Цаповицкому.

Впослѣдствіи обыватели Цаповицскаго повѣта, отдавая должную дань уваженія заслугамъ, прислали новую статью и, заплативъ по шести центовъ за строку мелкой печати и тридцать центовъ штемпельной пошлины, возвѣстили міру, что ихъ повѣтовый начальникъ, панъ Вацлавъ Прецличекъ, хотя не мѣстный урожденецъ, соединяетъ въ своей особѣ всѣ благородныя и хорошія качества гражданина, человѣка и чиновника, и что ему весь повѣтъ обязанъ своимъ цвѣтущимъ положеніемъ, въ вещественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, потому что онъ съ неутомимою ревностію не переставалъ заботиться о благосостояніи всего повѣта, и пр.

Digitized by Google

Но, увы, этотъ краснорѣчивый документъ, несмотря на плату за напечатаніе и штемпельную пошлину, не тронулъ утилитарной политики графа Голуховскаго. Правда, при судебномъ разслѣдованіи не открылось ничего такого, что могло бы бросить невыгодный свѣтъ на невниманіе цаповицскаго суда къ побочнымъ обстоятельствамъ въ процессѣ пана Микиты, и поговариваютъ, что панъ Шрейеръ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы первоначальное слѣдствіе надъ паномъ Микитой не повредило его начальнику. Со стороны пана Шрейера это была сдѣлка съ совѣстію, оправдываемая, или, по крайней мѣрѣ, объясняемая его отношеніями къ героинѣ нашей повѣсти. Черезъ четыре мѣсяца панъ Микита вернулся изъ тюрьмы. При старой системѣ такое снисходительное воздаяніе правосудія примѣняли особенно часто къ тѣмъ преступникамъ, которые были захвачены по горячимъ слѣдамъ и уличены свидѣтелями, но сами не признавались въ своей винѣ. Теперь этотъ порядокъ отмѣнили, и преступники просиживаютъ въ тюрьмѣ долѣе, но за то стараются облегчить для нихъ, по возможности, пребываніе въ заключеніи.

Несмотря на счастливый исходъ дѣла о Микитѣ, не только графъ Голуховскій забылъ про пана Прецличка при преобразованіи политическаго управленія въ краѣ, но даже президентъ апелляціоннаго суда не вспомнилъ о немъ при назначеніи повѣтовыхъ судей. Теперь этотъ почтенный мужъ, столь достойный уваженія, какъ чиновникъ и гражданинъ, уволенъ на покой и проживаетъ во Львовѣ, не скрывая своего нерасположенія къ галиційскому утилитаризму и къ своей народности, потому что онъ собственно чехъ, изъ Юнгъ-Бунцлау: да здравствуютъ славяне!

Что же сталось съ панной Эмиліей? Она была вполнѣ счастлива съ той поры, какъ судьба освободила ее отъ пана Сарафановича. Панъ Прецличекъ не вдругъ побѣдилъ свое отвращеніе къ Каролю; но когда послѣдній сталъ нуженъ, чтобъ уладить дѣло о побочномъ обстоятельствѣ въ процессѣ Микиты и объявилъ, что не требуетъ приданаго, панъ Прецличекъ сказалъ, наконецъ, Мильцѣ: дѣлай, какъ хочешь. Прежде перенесенія изъ Цаповицъ повѣтоваго управленія, ксендзъ Заіонцъ снова приступилъ къ составленію предписываемаго конкордатомъ брачнаго протокола. На этотъ разъ не встрѣтилось никакихъ затрудненій, исключая небольшой задержки, вслѣдствіе того, что Кароль потерялъ свое свидѣтельство о прививаніи оспы, а ксендзъ

Digitized by Google

Заіонцъ, какъ строгій формалистъ, не хотѣлъ вѣнчать, пока консисторія не выдала разрѣшенія на бракъ безъ повторенія оспопрививанія. Супруги Шрейеръ живутъ въ Станиславскомъ или въ Жулковскомъ повѣтѣ; панъ Кароль не пишетъ болѣе стиховъ и правитъ должность судьи и члена повѣтоваго совѣта. Жена его тоже менѣе занимается литературою, потому что у ней много хлопотъ съ молодымъ паномъ Шрейеромъ, которому уже полтора года. Панъ Сарафановичъ, въ качествѣ сверхштатнаго адъюнкта, служитъ гдѣ-то въ Мазовіи. Способности и понятливость остались у него прежнія. Можетъ-быть, ему вскорѣ предстоитъ повышеніе, когда новые порядки будутъ замѣнены другими, новѣйшими.

---

Digitized by Google

# ОЧЕРКИ

## ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ АМЕРИКИ *).

### XI.

Побѣды южанъ.—Преслѣдованіе аболиціонизма.—Миссурійская сдѣлка.

Въ описываемое время юный аболиціонизмъ, при всей своей энергіи, не могъ преодолѣть неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Еще не настала его пора. Второму поколѣнію американцевъ суждено было видѣть торжество рабства повсюду. Слабая идея свободы принуждена была почти вездѣ уступать поле своему врагу. Ее преслѣдовали и власти, и даже общество.

Губернаторъ Георгіи назначилъ награду въ 35.000 руб. сер. тому, кто задержитъ Гаррисона. Аболиціонистовъ колотила уличная толпа въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и другихъ городахъ. Многіе нападали на церкви и дома аболиціонистовъ и истребляли черное населеніе. Въ Нью-Гемпширѣ одного проповѣдника арестовали за участіе въ противорабскомъ митингѣ, какъ «уличнаго буяна и бунтовщика». Даже въ Бостонѣ шайка людей, изъ порядочнаго общества, арестовала Гаррисона, протащила его по улицамъ на веревкѣ, грозила вымазать его дегтемъ и выкатать въ перьяхъ. Южныя газеты требовали немедленной смерти всякаго аболициониста, котораго только удастся изловить. Въ Чарльстонѣ почтмейстеръ распечатывалъ пакеты. Въ Иллинойсѣ изда-

*) См. № 11-й «Бесѣды».

Digitized by Google

тель одной аболиціонной газеты былъ тайно убитъ въ 1837 году, получивъ пять ранъ въ грудь. Въ С.-Луи толпа изжарила одного мулата на медленномъ огнѣ.

Какъ слаба была идея свободы на практикѣ, всего лучше видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1807 году, когда истекалъ 20-лѣтній срокъ дозволенію негроторговли, аболиціонисты одержали блистательную побѣду въ конгрессѣ. Было постановлено конфисковать суда, торгующія африканцами, и подвергать ихъ владѣльцевъ пенѣ въ 25.000 руб. За одного только невольника, найденнаго на кораблѣ, взыскивалось около 7.000 р. штрафа и отбирался самый корабль. Но этотъ благородный законъ долго оставался мертвою буквой. Рабовладѣльцы грозили даже отпаденіемъ отъ Союза и оказывали ему фактическое сопротивленіе. Имъ удалось такъ устроить свои дѣла, что негроторговля процвѣтала по-прежнему. Извѣстно, напримѣръ, что въ одномъ 1818 году только въ два штата было доставлено изъ Африки около 15.000 невольниковъ, не считая тѣхъ, которые были вырваны изъ рукъ плантаторовъ союзнымъ правительствомъ и разселены по свободнымъ штатамъ.

Въ то же время быстро развивалось и «домашнее» рабство. Виргинія все болѣе и болѣе «разводила» невольниковъ, а плантаторы изобрѣтали новыя средства къ ихъ угнетенію. Они запрещали имъ собираться «съ цѣлью духовнаго развитія». Сѣкли и ссылали черныхъ священниковъ, призывавшихъ рабовъ къ молитвѣ. Возвращали въ невольничество вольноотпущенниковъ. Похищали негровъ изъ свободныхъ штатовъ, пользуясь закономъ 1793 года. Прямо вопреки договорамъ, выгоняли индѣйцевъ изъ земель, купленныхъ у Наполеона I *), чтобы заселять ихъ рабами. Вводили невольничество въ областяхъ, захватываемыхъ у слабой Мексики. Въ конгрессѣ южане едва не провели законовъ противъ разсылки аболиціонныхъ брошюръ и подачи просьбъ объ уничтоженіи рабства, — законовъ, которые легли бы вѣчнымъ пятномъ на республикѣ, какъ нарушеніе свободы слова и печати и права петицій.

Словомъ, если первое поколѣніе независимыхъ американцевъ не было свидѣтелемъ такой энергической борьбы съ рабствомъ, какъ сейчасъ описанная, то оно не видѣло и того крайняго развитія «особаго учрежденія», которое совершалось въ 1805—

*) Нынѣ штаты: Луизіана, Алабама, Миссисипи, Миссури и Арканзасъ.



Digitized by Google

1835 годахъ. Сверхъ того, второе, самое несчастное, поколѣніе американцевъ было свидѣтелемъ не только успѣшныхъ преслѣдованій аболиціонизма, но и важныхъ побѣдъ рабовладѣльцевъ въ законодательствѣ. Эти побѣды касались вопроса о новыхъ земляхъ. Какъ ни плохо исполнялись постановленія конгресса, все-таки они подрывали африканскую торговлю неграми. Южанамъ пришлось сосредоточить свое вниманіе на развитіи «домашняго» невольничества. А оно было немыслимо безъ новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній.

Мы уже упоминали, что южане, вопреки договорамъ, вытѣснили индѣйцевъ изъ обширной области, купленной республикою у французовъ. Когда они достаточно населили ее рабами, ихъ ближайшей задачей было возвести ее на степень штатовъ съ «особымъ учрежденіемъ». Конечно, первымъ долгомъ аболиціонистовъ было—не допускать рабства въ новыхъ штатахъ. Такимъ образомъ, изъ французскаго наслѣдія возникла ожесточенная борьба. Въ началѣ ея аболиціонисты были еще слабы и не готовы къ серьезному отпору—и въ 1812 году явился новый *невольничій* штатъ, Луизіана. Друзья свободы выступили шесть лѣтъ спустя, когда поднялось знаменитое миссурійское дѣло. Остановимся на немъ. Оно имѣетъ рѣшительное значеніе въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

Еще часть бывшей французской земли, нынѣ штатъ Миссури, достигла той цифры населенія, при которой, по конституціи, территорія превращалась въ штатъ. Это случилось въ президентство южанина Монрое. Аболиціонисты потребовали, чтобы въ новомъ штатѣ было воспрещено невольничество. Но рабовладѣльцы оказали самое упорное сопротивленіе. Такъ какъ, по составу конгресса, въ палатѣ депутатовъ естественно преобладали первые, а въ сенатѣ—вторые, то возгорѣлась ожесточенная борьба, которая длилась два года. Здѣсь впервые Сѣверъ и Югъ формально выступили, какъ политическіе враги. Въ пылкихъ рѣчахъ на конгрессѣ до насъ какъ будто долетаютъ отголоски позднѣйшей войны. Южане одолѣли, но лишь благодаря подкупу четырехъ депутатовъ, о чемъ умалчиваетъ Дреперъ. Въ 1820 году было рѣшено, что *невольничество воспрещается къ сѣверу отъ* 37° *с. ш.* вездѣ, за исключеніемъ штата Миссури. Это постановленіе назвали *миссурійской сдѣлкой*. Южане имѣли дерзость утверждать, что въ немъ была уступка и сѣверянамъ, «тѣмъ болѣе, говорили они, что въ то же вре-

Digitized by Google

мя мы допустили принятіе въ Союзъ новаго штата безъ рабства, Мена».

Южане были кругомъ не правы. Миссурійская сдѣлка была ихъ блистательною побѣдой. Между тѣмъ, какъ изъ земель, лежащихъ къ югу отъ 37°, вскорѣ могло образоваться нѣсколько новыхъ штатовъ, благодаря плантаторской системѣ, область къ сѣверу отъ этой линіи была безлюдною пустыней. Къ тому же, исключеніе въ пользу Миссури, который расположенъ *къ сѣверу отъ* 37°, прямо обличало торжество южанъ: это даже походило на насмѣшку надъ аболиціонистами. Менъ, правда, былъ принятъ въ Союзъ; но этимъ только соблюдался первоначальный обычай, по которому всегда принималось по два штата за-разъ, одинъ свободный, другой съ рабствомъ. Сверхъ того, южане съ лихвой были вознаграждены за Менъ. Кромѣ Миссури, были признаны невольничьими штатами Алабама и Миссисипи,—земли, которыя были приняты въ Союзъ на основаніи закона территорій, не допускавшаго рабства. Мало того, Арканзасъ былъ признанъ рабовладѣльческою территоріей. Ясно, что южане получали теперь рѣшительный перевѣсъ надъ сѣверянами. Послѣдніе имѣли полное право назвать миссурійское дѣло «грязною сдѣлкой».

Знаменитый южанинъ, Джефферсонъ, теперь уже 80-лѣтній старикъ, проживавшій уединенно въ своемъ помѣстьѣ, былъ пораженъ миссурійскою сдѣлкой. «Этотъ рабскій вопросъ, сказалъ онъ, привелъ меня въ ужасъ, словно пожарный набатъ въ полночный часъ. Онъ нагналъ на меня тоску и страхъ. Погибель Союза не устранена, а лишь отсрочена. Даромъ пропали всѣ жертвы поколѣнія 1775 года. Потомки не цѣнятъ великаго сокровища—единенія. Это—самоубійцы и преступники передъ прекраснѣйшими надеждами человѣчества. Съ такими-то ужасными мыслями окончу я свои дни. Съ ними сойду я въ могилу».

Есть же доказательство, что миссурійская сдѣлка была полною побѣдой южанъ. Она убила враждебную имъ партію. Вотъ какъ совершился этотъ замѣчательный фактъ, послужившій эпохой въ исторіи американскихъ партій.

Выше (гл. VIII) обрисованы первыя партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, федералисты и демократы. Мы видѣли, что, при образованіи республики, перевѣсъ былъ на сторонѣ федералистовъ, поборниковъ единства и интересовъ Сѣвера. Но при второмъ поколѣніи американцевъ судьба ихъ измѣнилась. XIX вѣкъ былъ несчастливъ для федералистовъ. Со смерти Вашингтона, имя

*

Digitized by Google

котораго служило имъ опорой, ихъ постигалъ ударъ за ударомъ. Они сами совершили рядъ ошибокъ. Между тѣмъ, какъ идея централизаціи слабѣла въ борьбѣ съ духомъ времени, федералисты хватались за мѣры, которыя только подрывали довѣріе къ нимъ. Двумя важными законами (Alien and Sedition laws) они ограничили личную свободу иностранцевъ и права печати. Конечно, ихъ стали упрекать въ эгоизмѣ, во враждѣ къ либеральнымъ идеямъ и прогрессу. Ихъ даже сильно подозрѣвали въ склонности къ монархизму.

Тутъ возгорѣлась война съ Англіей (1812—1815 годы). Южане вели ее съ энтузіазмомъ. Склонные къ Англіи сѣверяне явно сопротивлялись ей. И вотъ, у федералистовъ явилось новое прозвище—«враговъ отечества и измѣнниковъ». Война окончилась неудачно,—и упреки посыпались на нихъ съ новой силой. Почуявъ близость своей погибели, федералисты рѣшились прибѣгнуть къ новымъ средствамъ въ борьбѣ съ демократами. Они подслушали въ обществѣ новую идею, которая уже волновала всѣхъ, какъ великая соціальная сила. Они вздумали воспользоваться аболиціонизмомъ. Отсюда возникъ миссурійскій вопросъ. Онъ былъ рѣшенъ противъ федералистовъ, ибо служилъ имъ лишь орудіемъ выборныхъ интригъ. Съ этихъ поръ, по словамъ Дрепера, *партія федералистовъ исчезла*, «какъ волшебный призракъ».

На ея мѣсто выступила новая партія съ блестящей будущностью, ибо принципъ ея, аболиціонизмъ, соотвѣтствовалъ духу времени. Главные враги рабства составили зерно *республиканской* партіи. Къ нимъ присоединялись не только бывшіе федералисты, но отчасти и ихъ противники. Именно теперь начала разлагаться демократическая партія. Многіе изъ ея членовъ оставались вѣрными памяти «друга человѣчества», Джефферсона. Замѣтивъ, что ея знаменемъ стало рабство, они перешли къ аболиціонистамъ, подъ именемъ «свободныхъ демократовъ». Избавившись отъ этихъ задатковъ прогресса, *демократическая* партія стала чистѣйшимъ олицетвореніемъ интересовъ Юга, идей рабства и отпаденія.

Впрочемъ, должно помнить, что эти двѣ партіи созрѣли гораздо позже, послѣ 25-лѣтней борьбы *), именно при третьемъ

*) Въ теченіе этой жестокой борьбы обѣ партіи подвергались измѣненіямъ и распадались на множество мелкихъ оттѣнковъ. Съ важнѣйшимъ изъ послѣднихъ, съ *вигами*, мы познакомимся ниже.

Digitized by Google

поколѣніи американцевъ. Двадцатые и тридцатые годы—эпоха ихъ зарожденія. Она ознаменована важными битвами между ними въ конгрессѣ, къ которымъ мы и обращаемся теперь.

## XII.

### Тарифный вопросъ.—Южная Каролина.—Кальгунъ и Джаксонъ.—«Ученіе объ уничтоженіи».

Мы видѣли, что, послѣ миссурійской сдѣлки, друзья Сѣвера и централизаціи должны были перемѣнить знамя. Они выставили идею освобожденія рабовъ. Эта идея такъ совпадала съ непреодолимымъ духомъ времени, что и южанамъ пришлось, на первыхъ порахъ, прикрыться какимъ-нибудь благовиднымъ принципомъ. Ихъ знамя уже стало ненавистно многимъ изъ нихъ самихъ. Проповѣдь аболиціонистовъ подорвала вѣру въ справедливость рабства даже въ южномъ обществѣ. И здѣсь «религіозные люди, говоритъ Дреперъ, и—что, вѣроятно, еще важнѣе—религіозныя женщины серьезно стремились къ уничтоженію невольничества. Они не хотѣли согласиться, чтобъ это было патріархальное учрежденіе, получившее благословеніе отъ апостоловъ».

Плантаторы отложили на время вопросъ о рабствѣ и перенесли борьбу въ область промышленности. Возникъ весьма любопытный вопросъ о *тарифѣ*. Онъ имѣетъ для насъ особенное значеніе, ибо раскрываетъ поразительную быстроту развитія матеріальныхъ силъ Союза.

Въ началѣ текущаго столѣтія, Сѣверъ былъ бѣднякомъ въ матеріальномъ отношеніи. Все его богатство состояло въ талантахъ, предпріимчивости и трудолюбіи населенія. Онъ жилъ частью произведеніями Юга, частью издѣліями Англіи. Промышленность была ничтожна даже сравнительно съ Югомъ. Главные заработки сѣверянинъ получалъ отъ торговли, служа посредникомъ между Америкой и Европой. А на Югѣ сосредоточивалось все промышленное движеніе. Тогда ввести покровительственныя пошлины значило поднять производительность Юга и убить зародыши благосостоянія на Сѣверѣ. Сверхъ того, тарифъ нарушилъ бы выгоды Англіи и прекратилась бы связь Сѣвера съ нею, столь непріятная для Юга.

Digitized by Google

Такъ возникла покровительственная система въ республикѣ, которую главный защитникъ ея, даровитый Клей, назвалъ *американскою*. Соотечественникъ Клея, лучшій изъ экономистовъ Америки, Кери (Carey), стоитъ за нее до сихъ поръ, а Нейманъ привѣтствуетъ ее съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Онъ видитъ въ ней залогъ улучшенія рабочаго быта, ибо она возвышаетъ заработную плату, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Она создаетъ много новыхъ фабрикъ въ Америкѣ и привлекаетъ массу рабочихъ изъ Европы. Но должно замѣтить, что покровительственная система принесла и много бѣдствій Соединеннымъ Штатамъ. Читатель сейчасъ увидитъ ихъ.

Въ 1816 году южане, съ Кальгуномъ во главѣ, провели въ конгрессѣ законъ о покровительственныхъ пошлинахъ. Онъ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи республики. Соединенные Штаты на время утратили свой симпатичный, возвышенный характеръ, какъ только въ ихъ правленіе проникъ денежный интересъ. «Каждый новый президентъ, говоритъ одинъ американскій писатель, непремѣнно издавалъ новый, болѣе высокій тарифъ. И это явленіе повторялось черезъ каждое четырехлѣтіе, съ 1816 по 1828 годъ!» Можно себѣ представить, какой развратъ вносили богатые промышленники въ республиканское правленіе!

Мало того. Тарифъ привелъ къ болѣе очевиднымъ и непосредственнымъ бѣдствіямъ. Онъ послужилъ къ глубокому потрясенію всего политическаго организма республики.

Поразительное экономическое явленіе! Не прошло десяти лѣтъ съ введенія «американской системы», какъ и враги, и поборники ея убѣдились, что всѣ впали въ жестокую ошибку. Послѣдовалъ обмѣнъ ролями: сѣверяне стали ея горячими защитниками, а южане—ревностными противниками.

Дѣло въ томъ, что въ двадцатыхъ годахъ на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ произошелъ экономическій переворотъ, еще болѣе поразительный и быстрый, чѣмъ въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка. Изъ Великобританіи нахлынули новыя машины. Вдругъ возникло много обширныхъ городовъ. Скопились богатства. Закипѣла предпріимчивая дѣятельность. Сѣверъ рѣшился занять достойное мѣсто въ ряду міровыхъ промышленныхъ силъ. Онъ нуждался только во временной поддержкѣ, чтобы сравняться съ владычицей рынковъ, Англіей. И сѣверяне превратились въ жаркихъ поклонниковъ американской системы.

Digitized by Google

Конечно, съ Юга немедленно посыпались на сѣверянъ тѣ же укоры, которыми передъ тѣмъ сѣверяне осыпали южанъ. Краснорѣчивый Кальгунъ сталъ всѣми мѣрами разрушать свое собственное изобрѣтеніе....

Но какая разница между протестомъ сѣверянъ и южанъ! Первые дѣйствовали убѣжденіемъ, доказательствами вреда тарифа, а вторые открыли страстную борьбу, которая едва не привела къ кровопролитію.

Главною виновницей этой борьбы была *Южная Каролина*, съ своимъ знаменитымъ Кальгуномъ.

Странная судьба Южной Каролины! За исключеніемъ маленькаго Делавера, она была однимъ изъ самыхъ мелкихъ рабскихъ штатовъ. Изъ $8^1/_4$ милліоновъ бѣлаго населенія на Югѣ на ея долю приходилось всего 250.000. Негровъ въ ней было гораздо болѣе (330.000). На Сѣверѣ, гдѣ были города, болѣе населенные, чѣмъ вся Южная Каролина, на нее смотрѣли съ презрѣніемъ. А между тѣмъ, въ дѣлахъ Юга она всегда была впереди всѣхъ. Впослѣдствіи ей суждено было руководить отпавшими штатами, хотя, по населенію, тѣ превосходили ее въ тридцать разъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь огромное количество рабовъ вскормило цвѣтъ плантаторской аристократіи. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько помѣщичьяго достоинства, столько радушной, но гордой патріархальности, столько роскоши и изысканной цивилизаціи. По своей повадкѣ и вліянію на Югѣ, южные каролинцы были словно князья среди плантаторскаго рыцарства. Конечно, они, въ свою очередь, съ презрѣніемъ смотрѣли на работящихъ сѣверянъ.

Здѣсь-то изстари поселилось ирландское семейство, изъ котораго происходилъ *Кальгунъ* (1782—1850 гг.). Когда онъ учился въ школѣ, директоръ, пораженный его способностями, замѣтилъ, что онъ можетъ дойти до президентства. Эти слова запали искрой въ пылкую душу честолюбиваго мальчика. Кальгунъ, подобно Цезарю, скорѣе соглашался быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Сорокъ лѣтъ занимая высшія должности въ республикѣ, онъ умеръ бѣднякомъ. Но изъ-за своего честолюбія онъ переносилъ много лишеній, мѣнялъ убѣжденія, губилъ отечество. По словамъ его товарища, этотъ страстный, упорный, но честный и прямой человѣкъ «обладалъ самою драгоцѣнной способностью—внушать къ себѣ довѣріе». Кальгунъ всегда умѣлъ уловить настроеніе народа и отозваться на него умной, простой и выразительною рѣчью.

Digitized by Google

Кальгунъ вступилъ въ конгрессъ 29-ти лѣтъ. Здѣсь онъ хлопоталъ о войнѣ съ Англіей, объ учрежденіи національнаго банка и о введеніи тарифа. Вскорѣ его сдѣлали военнымъ министромъ. Тогда была въ разгарѣ одна изъ самыхъ ожесточенныхъ войнъ съ индѣйцами. Ее велъ генералъ *Джаксонъ* (1767—1845 гг.)— первая военная знаменитость Америки послѣ Вашингтона.

Джаксонъ былъ изъ тѣхъ же демоническихъ натуръ, къ которымъ принадлежитъ и Кальгунъ. Въ его жилахъ также текла кровь мстительныхъ ирландцевъ. Но Джаксонъ былъ страшнѣе своего соперника. Онъ былъ грубъ и невѣжественъ, какъ европейскій солдатъ. Орлинымъ взоромъ и молчаливостью, коварствомъ и подозрительностью онъ напоминалъ индѣйцевъ, съ которыми постоянно воевалъ. Упрямство Джаксона вошло въ поговорку. Его называли: «твердымъ, плотнымъ кленомъ». Не менѣе славилось своенравіе генерала. Джаксонъ не признавалъ никакихъ законовъ, смѣялся надъ приказаніями своего министра и конгресса. Однажды, преслѣдуя индѣйцевъ, забрелъ онъ въ испанскую Флориду: тотчасъ явилось здѣсь американское правительство и было повѣшено много испанцевъ и англичанъ. Еслибы въ Соединенныхъ Штатахъ могъ совершиться государственный переворотъ, то Цезаремъ былъ бы, конечно, Джаксонъ. Онъ и безъ того такъ своевольничалъ, что конгрессъ, наконецъ, принужденъ былъ отдать его подъ судъ. Но жестокаго генерала не смѣли осудить, ибо его боготворила грубая масса народа, которой всегда любы подобныя натуры. За холодность образованныхъ классовъ эта толпа платила своему идолу вниманіемъ, какого удостоивался одинъ Вашингтонъ.

Конечно, Кальгуну была не по душѣ такая популярность — и правительство начало допекать Джаксона разными приказами и внушеніями. А сочинявшій ихъ Кальгунъ разыгрывалъ роль защитника генерала. Джаксонъ не слушался. Министръ чуть не отдалъ его подъ судъ. Затѣмъ соперники столкнулись на выборахъ. Оба были равносильными кандидатами южанъ. Въ воззрѣніяхъ между ними была только одна разница: Джаксонъ стоялъ за единство Союза, Кальгунъ—за самодержавіе штатовъ. Въ 1828 году первый былъ избранъ президентомъ, второй — вице-президентомъ. Кальгунъ не вынесъ второстепенной роли подлѣ своего стараго соперника, который именно теперь провѣдалъ о его враждебныхъ происках во время индѣйской войны. Ненависть между ними дошла до того, что Кальгунъ былъ принужденъ выйти въ отставку.

Digitized by Google

Но Кальгунъ сохранилъ свое вліяніе на рабскіе штаты, въ особенности на Южную Каролину, которая дѣйствовала «по его мановенію». Онъ сталъ теперь во главѣ движенія противъ тарифа. Въ 1832 году Джаксонъ былъ вторично выбранъ въ президенты и взялся за пересмотръ пошлинъ. Испугавшись новой силы, которую пріобрѣлъ бы его противникъ отмѣной тарифа, Кальгунъ поспѣшилъ предупредить его. Но другого пути, кромѣ революціоннаго, не было. Конечно, Кальгунъ вступилъ на него, не задумавшись.

По его внушенію, Южная Каролина сдѣлала знаменитое заявленіе, извѣстное подъ именемъ *ученія объ уничтоженіи* (Doctrine of Nullification), зародыши котораго замѣтны уже у Джефферсона. По этой теоріи, каждый штатъ вправѣ отмѣнять рѣшенія конгресса, которыя онъ считаетъ противными конституціи. Южная Каролина издала «приказъ объ уничтоженіи постановленій конгресса, которыми налогалась пошлина на иностранные товары». Она объявила, что выйдетъ изъ Союза, если правительство вздумаетъ силой поддерживать свои рѣшенія. По ея мнѣнію, въ глазахъ закона нѣтъ «народа Соединенныхъ Штатовъ». Союзное правительство вытекаетъ изъ договора между штатами, какъ независимыми державами. Послѣдніе всегда могутъ отнять у него власть, которую они ввѣрили ему временно.

Южная Каролина уже рѣшилась собирать волонтеровъ, чтобы выгнать изъ своихъ крѣпостей союзныя войска. Въ то же время изъ Чарльстона разсылались злобные памфлеты противъ сѣверянъ. Въ одномъ былъ изложенъ рецептъ, по которому дьяволъ сотворилъ *янки* *). Вотъ онъ.

*На тысячу частей:*

| | |
|---|---|
| Коварства | 125 |
| Лицемѣрія | 125 |
| Скряжничества | 125 |
| Притворства | 125 |
| Подлости | 125 |

*) *Yankee* тогда было бранное названіе, которымъ южане окрестили сѣверянъ. Нынѣ оно принято самими сѣверянами и значитъ то же, что Вашингтоновъ «американецъ». Происхожденіе слова «янки» объясняется различно. Но вообще принято, что это—индѣйское происхожденіе слова «англичанинъ» (english, yengee, yankee).

Digitized by Google

| | |
|---|---|
| Безчисленныхъ мелкихъ пороковъ безъ имени.. | 140 |
| Эссенціи изъ луку, рома, патоки и трески... | 235 |
| Итого... | 1000 |

Для Южной Каролины нѣтъ никакихъ оправданій. Ей нечего было опасаться. Президентомъ былъ выбранъ южанинъ. Программой Джаксона было уничтоженіе «американской системы». Всѣ южные штаты были довольны этимъ обезпеченіемъ ихъ интересовъ и сохраняли спокойствіе. Одна Южная Каролина подняла открытое возстаніе. Причина ясна: все дѣло было въ честолюбіи Кальгуна. Оттого-то южные каролинцы подавали голоса противъ *всякаго* президента, избраннаго Союзомъ. Оттого они теперь распространяли въ толпѣ медали съ надписью: «John Caldwell Calhoun, первый президентъ Южной Конфедераціи»...

Джаксонъ былъ патріотъ. Единство Союза было задачей его жизни. Онъ энергически возсталъ противъ гибельныхъ замысловъ своего соперника. Въ манифестѣ къ народу онъ назвалъ новое ученіе «неисполнимою безсмыслицей» и «измѣной». Онъ краснорѣчиво объяснялъ начала конституціи, имѣвшія совсѣмъ другой смыслъ. «Вѣрьте мнѣ, сограждане, говорилъ онъ южнымъ каролинцамъ,—васъ обманываютъ люди, которые или сами заблуждаются, или умышленно желаютъ ввести васъ въ заблужденіе. Ваши ораторы старались затронуть всѣ ваши страсти, чтобы поскорѣе довести васъ до этого страшнаго положенія». Президентъ немедленно приготовился къ подавленію мятежа оружіемъ, торжественно заявивъ, что кровь южныхъ каролинцевъ ляжетъ «вѣчнымъ пятномъ на памяти зачинщиковъ безпорядка, этихъ разочарованныхъ политиковъ».

Такъ снова закипѣла ненависть между соперниками. Вскорѣ Джаксонъ оставилъ намеки. Онъ рѣшился арестовать и судить Кальгуна, какъ государственнаго преступника. Народъ съ восторгомъ одобрялъ поведеніе президента. Къ нему примкнули даже его вчерашніе враги на выборахъ. Сѣверъ и Югъ подавали другъ другу руки. Только теперь смутился Кальгунъ, смѣло защищавшій свое ученіе въ самомъ конгрессѣ. Онъ пошелъ на уступки. Возникла сдѣлка, по которой многія пошлины были отмѣнены; остальныя не должны были превышать 20%.

Соперники, конечно, остались недовольны. Передъ смертью, истомленный болѣзнью, Джаксонъ говорилъ съ досадой: «Величайшая ошибка моего 8-лѣтняго правленія въ томъ, что я тогда

Digitized by Google

тотчасъ же не повѣсилъ Кальгуна. Все населеніе стало бы за меня. И это было бы предостереженіемъ для всякаго будущаго измѣнника». Кальгунъ негодовалъ на уступку Сѣверу и хвастался, что все-таки вооруженіе Южной Каролины было полезно. Оно запугало-де союзное правительство.

Въ словахъ Кальгуна была доля правды. Южная Каролина имѣла право гордиться. Ничтожный штатъ, съ 600.000 населенія, побѣдилъ Союзъ съ 13 милліонами гражданъ! Объявленіе теоріи уничтоженія мятежною прошло безнаказанно для ея виновника и даже привело къ пониженію тарифа. Безъ сомнѣнія, Южная Каролина дорого поплатилась бы за такое ученіе, еслибы президентомъ былъ не глава южанъ, которые именно тогда сплотились вокругъ Джаксона, въ видѣ очищенной партіи демократовъ. Съ этой точки зрѣнія тарифная сдѣлка можетъ поспорить въ значеніи съ миссурійской. Она окончательно обнаружила преобладаніе южанъ, которое съ тѣхъ поръ не прекращалось до самой войны.

Мало того. Ученіе объ уничтоженіи не только сохранилось, но пустило глубокіе корни. Оно отразилось въ привычкѣ южанъ смотрѣть на расторженіе Союза, какъ на легкое и законное дѣло. Да и самъ великій агитаторъ не сошелъ съ политической сцены послѣ мятежнаго заявленія Южной Каролины. Кальгунъ могъ успокоиться только въ томъ случаѣ, еслибы Джаксонъ повѣсилъ его. Сохранивъ жизнь, онъ снова явился на государственномъ поприщѣ руководителемъ Юга. Послѣ 1833 года, его символомъ вѣры стало рабство, какъ «положительное добро», какъ «самое прочное основаніе политическихъ учрежденій». Кальгунъ стоялъ во главѣ всѣхъ предпріятій конгресса и южныхъ штатовъ, направленныхъ къ развитію «особаго учрежденія».

Впрочемъ, у Кальгуна рабство было лишь орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ. Когда Джаксонъ отнялъ у него надежду попасть въ президенты всего Союза, онъ задумалъ управлять половиной республики. Съ этою цѣлью онъ противился выгодной для невольничества мексиканской войнѣ, которая покрыла бы Джаксона новыми лаврами. Съ этою цѣлью онъ изобрѣлъ ученіе о двухъ президентахъ, сѣверномъ и южномъ. Въ виду отпаденія Юга, Кальгунъ старался докончить организацію невольничьихъ штатовъ. Эти обширные замыслы преслѣдовали Кальгуна до могилы. Съ ихъ высоты талантливый честолюбецъ смотрѣлъ презрительно на всѣхъ президентовъ, которымъ поочередно онъ долженъ былъ давать дорогу.

Digitized by Google

Значеніе Кальгуна ясно: это—одинъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ мужей Америки. Конечно, по своему нравственному характеру, Кальгунъ — мрачная тѣнь въ сравненіи съ такими свѣтлыми личностями, какъ Франклинъ, Вашингтонъ и Джефферсонъ. И ему суждено было преслѣдовать недостойныя задачи. Но по своей силѣ эта тѣнь соотвѣтствуетъ окружающему свѣту. Имя Кальгуна точно такъ же характеризуетъ эпоху, какъ имена его великихъ предшественниковъ. Франклинъ былъ представителемъ послѣдняго колоніальнаго періода, Вашингтонъ—перваго поколѣнія американцевъ, Кальгунъ—втораго и третьяго. Именно первая половина нашего вѣка, ознаменованная господствомъ южанъ, была порой неутомимой дѣятельности Кальгуна. Всѣ успѣхи и превратности въ судьбѣ демократической партіи связаны съ этой замѣчательною личностью. Кальгуну ни разу не удалось быть президентомъ, но онъ въ теченіе цѣлаго полстолѣтія былъ душой главнаго направленія въ политикѣ своего отечества.

## XIII.

### Третье поколѣніе (1835—1865 гг.).—Возрожденіе аболиціонизма.—Борьба за Техасъ.—Виги.—Война съ Мексикой.

Уже примѣръ Кальгуна обнаруживаетъ образъ дѣйствій южанъ послѣ тарифной сдѣлки. Они снова сосредоточиваютъ свои силы на невольничьемъ вопросѣ.

Одною изъ главныхъ причинъ этой политической перемѣны было *возрожденіе аболиціонизма*.

Поборники освобожденія рабовъ ослабѣли послѣ миссурійской неудачи. Они утратили первоначальную энергію и шли въ разбродъ. Ихъ общества закрывались одно за другимъ. Вообще, двадцатые годы—самая печальная эпоха въ ихъ исторіи. Но съ начала тридцатыхъ—аболиціонизмъ снова оживился. И теперь друзья свободы выступили уже гораздо смѣлѣе и энергичнѣе, чѣмъ прежде. Въ ихъ ряды вступили люди съ разнообразными убѣжденіями. Образовалось три класса аболиціонистовъ. Въ одномъ были идеалисты и религіозные люди: они желали мирно, убѣжденіями ослабить рабство. Къ другому принадлежали политики, которые употребляли аболиціонизмъ, какъ средство

Digitized by Google

къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Третій классъ состоялъ изъ фанатиковъ идеи, которые готовы были осуществить ее всякими мѣрами, не исключая возстанія негровъ и междоусобной войны.

Въ 1832 году въ Бостонѣ образовалось важное общество аболиціонистовъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ подобныхъ же учрежденій, преимущественно въ городахъ восточныхъ штатовъ. Вскорѣ въ Филадельфіи возникъ цѣлый парламентъ изъ представителей аболиціонизма въ десяти свободныхъ штатахъ. Множество членовъ новыхъ обществъ, въ томъ числѣ и женщинъ, распространяло аболиціонныя идеи путемъ печати и рѣчей, тщательно избѣгая политическаго поприща. Какъ окрѣпъ аболиціонизмъ, видно уже изъ того, что его новыя учрежденія упрочились: освободительныя общества были свидѣтелями междоусобной войны.

Южане дѣйствовали иначе. Они держались политическаго поприща, которое все еще было въ ихъ рукахъ, такъ какъ преемники Джаксона были ихъ креатурами. Южане, по-прежнему, искали подкрѣпленія въ пріобрѣтеніи земель. На первый планъ выдвинулся одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ—*присоединеніе Техаса*.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ мексиканцы, освободившись отъ Испаніи, обратили вниманіе на пустынный Техасъ. Они отдавали тамъ земли даромъ всякому, кто обязывался заселить ихъ въ извѣстный срокъ. Нахлынули плантаторы изъ южныхъ штатовъ. Такъ какъ въ Мексикѣ было уничтожено невольничество, то они выдавали своихъ рабовъ за наемныхъ батраковъ. Горсть этихъ искателей приключеній, не болѣе пятидесяти человѣкъ, произвела возстаніе. Въ 1836 году Техасъ былъ объявленъ независимою республикой. Какъ ни была ослаблена Мексика междоусобіями, отрядъ ея войскъ разбилъ новыхъ республиканцевъ и, большею частію, жестоко замучилъ ихъ. Но вслѣдъ за тѣмъ техасцы, получивъ открытую подмогу отъ южанъ, плѣнили самого президента Мексиканской республики. Техасъ сталъ независимымъ государствомъ, схожимъ, по конституціи, съ Соединенными Штатами.

Тотчасъ же явилось предложеніе присоединить его къ Союзу. Оно было отклонено, какъ слишкомъ опасное для внутренняго спокойствія республики. Южанамъ хотѣлось образовать изъ Техаса съ десятокъ невольничьихъ штатовъ, величиной съ Кен-

Digitized by Google

тукки. Виргинцы, «разводившіе» негровъ на продажу плантаторамъ, громко радовались, въ надеждѣ, что цѣна на этотъ товаръ станетъ вдвое выше. Если сѣверяне, опасаясь развитія рабства, противились даже покупкѣ Луизіаны, то теперь, конечно, они готовы были на все, чтобы не допустить присоединенія Техаса.

Но южане замолчали лишь на время. Въ 1844 году техасскій вопросъ сталъ избирательною программой. Тогда статсъ-секретаремъ, при слабомъ президентѣ, былъ Кальгунъ. Онъ воспользовался (въ 1845 г.) днемъ смѣны президента—и явился билль о принятіи Техаса въ число штатовъ. Этотъ законъ прошелъ, послѣ жестокой борьбы, при помощи интригъ, обмановъ и подкуповъ со стороны Кальгуна, о чемъ умалчиваетъ Дреперъ. О силѣ борьбы свидѣтельствуетъ замѣчательный адресъ, составленный сѣверянами, подъ руководствомъ бывшаго президента, Адамса. «Не задумываемся заявить, сказано въ немъ, что присоединеніе Техаса равнялось бы расторженію Союза. Это было бы нарушеніемъ нашего общественнаго договора, его цѣлей, стремленій и основныхъ началъ. По нашему мнѣнію, это даже не только повело бы къ расторженію Союза, но и *оправдало бы противодѣйствіе закону*. Мы не только утверждаемъ, что граждане Соединенныхъ Штатовъ не должны подчиняться этой мѣрѣ, но и смѣло объявляемъ, что они никогда не подчинятся ей». Итакъ, въ пылу борьбы, и сѣверяне приходили къ пагубному ученію объ отдѣленіи и «уничтоженіи», изобрѣтенному южанами.

Но правительственная машина была до того въ рукахъ южанъ, что они и теперь одержали блистательную побѣду. Техасъ былъ принятъ въ Союзъ хотя и съ оговоркой, что со-временемъ изъ него должно образоваться *не болѣе* четырехъ штатовъ. Но любопытнѣе всего прибавка о невольничествѣ—истинное оскорбленіе, умышленно нанесенное сѣверянамъ. Вопросъ о рабствѣ въ Техасѣ подводился подъ миссурійскую сдѣлку. По этой сдѣлкѣ, рабство воспрещалось лишь къ сѣверу отъ 37° с. ш., а сѣверная граница Техаса проходила на 200 миль южнѣе этого градуса! Стало-быть, Сѣверу не было сдѣлано никакихъ уступокъ. Нарушался даже исконный обычай равновѣсія между Сѣверомъ и Югомъ въ числѣ штатовъ. Рабовладѣльцы сразу пріобрѣтали землю, изъ которой можно было выкроить десятокъ штатовъ. Въ борьбѣ съ сѣверянами они никогда еще не дѣлали такого огромнаго шага впередъ.

Digitized by Google

Столь наглыя нарушенія справедливости со стороны плантаторовъ, ихъ возраставшее высокомѣріе, ихъ безцеремонное стремленіе подорвать конституцію и даже расторгнуть Союзъ — все это становилось невыносимо даже для многихъ изъ друзей Юга. Съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что непрерывные успѣхи рабовладѣльцевъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ косвенно приносили много пользы поборникамъ свободы. Въ то самое время, когда снова начали подыматься аболиціонисты, въ разгарѣ дѣятельности Джаксона и Кальгуна, появился первый признакъ глубокаго разложенія партіи южанъ. Отъ нихъ отдѣлилась новая партія. *виги*, которыми руководили такія знаменитости Америки, какъ южанинъ *Клей* и сѣверянинъ *Вебстеръ*.

Виги—политическіе доктринеры, которые вообще никогда не пользуются долговѣчностью. Ради государственныхъ цѣлей они готовы были пожертвовать самыми возвышенными и имъ самимъ дорогими началами. Виги были одушевлены желаніемъ сохранить Союзъ въ цѣлости. Отсюда задача ихъ политики—примиреніе между Сѣверомъ и Югомъ, вѣчныя сдѣлки. Вашингтонъ назвалъ бы такую умѣренную программу знаменемъ любимой своей партіи, juste milieu....

Система виговъ всего лучше объясняется ихъ воззрѣніями на невольничество. Они соглашались съ аболиціонистами, что рабство—общественное зло; но никакъ не могли понять, чтобы его можно было уничтожить. Вымри оно само собой, откажись отъ него плантаторы добровольно, — виги первые обрадовались бы этому торжеству человѣколюбія. Но искоренить рабство насильно—это значило, по ихъ мнѣнію, разрушить Союзъ, погубить государство. Виги написали на своемъ знамени: «Полное невмѣшательство Сѣвера въ невольничьи дѣла Юга». Поэтому, вначалѣ аболиціонисты встрѣтили въ нихъ самыхъ упорныхъ враговъ. Признавая рабство явленіемъ законнымъ, предоставленнымъ конституціей на волю каждаго штата, виги, заодно съ плантаторами, объявляли дѣйствія аболиціонистовъ преступными. Но если виги въ рабскомъ вопросѣ были полезны южанамъ, то они оказывали много услугъ сѣверянамъ въ другихъ случаяхъ. Вебстеръ и Клей были самыми краснорѣчивыми защитниками тарифа, свободнаго труда и національнаго банка.

Программа виговъ всего яснѣе обнаружилась въ знаменитой сдѣлкѣ 1850 года, съ которою мы познакомимся ниже. Но незадолго передъ тѣмъ ихъ партія уже начала разлагаться. Часть

Digitized by Google

ея, негодуя на поступки плантаторовъ, перешла на сторону аболиціонистовъ.

Одновременно оказался и другой признакъ разложенія партіи демократовъ. Въ 1848 году, въ штатѣ Нью-Йоркъ, въ городѣ *Буффало*, собрались наиболѣе либеральные демократы и примкнули къ аболиціонистамъ, принявъ *Уильмотову мѣру* (Wilmot's proviso). Эта мѣра была предложена депутатомъ Уильмотомъ на конгрессѣ 1846 года, который не принялъ ея. Она состояла въ томъ, что граждане должны дать денегъ на войну съ Мексикой только на томъ условіи, чтобы было воспрещено невольничество въ земляхъ, которыя будутъ пріобрѣтены отъ Мексики. По своему смыслу, Уильмотова мѣра была прямымъ развитіемъ закона территорій 1787 года *).

Война съ Мексикой—одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ американской исторіи. Соединенные Штаты гордятся имъ. Когда рѣчь идетъ о военныхъ подвигахъ, мы готовы признать за ними право на эту гордость. Ничтожная армія, тысячъ въ десять человѣкъ, быстро преодолѣла множество физическихъ препятствій и побѣдила врага, который сильно превышалъ ее своею численностью. Но Соединенные Штаты виновны съ точки зрѣнія справедливости и человѣколюбія. Они сами вызвали Мексику на войну гнусными оскорбленіями и потомъ, словно обиженные, обрушились на врага, изнывавшаго отъ анархіи. Сверхъ того ихъ походъ отличался возмутительною жестокостью.

Осенью 1847 года знамя Соединенныхъ Штатовъ взвилось надъ дворцомъ столицы древнихъ ацтековъ. Мексиканцы уступили побѣдителямъ огромную, малолюдную, но богатую область, которая образуетъ Верхнюю Калифорнію, Новую Мексику, Ута и западный Техасъ. Американцы обязывались уплатить имъ за нее 15 милліоновъ долларовъ въ пять лѣтъ.

Вскорѣ оказалось, что легче было завоевать эти земли, чѣмъ устроить ихъ политически. Онѣ послужили поводомъ къ новой и жестокой борьбѣ между сѣверянами и южанами. Ея предвѣстникомъ былъ орегонскій вопросъ. Территорія Орегонъ, примыкающая съ сѣвера къ верхней Калифорніи, до того заселилась,

*) Къ несчастью, Уильмотова мѣра обратилась въ законъ лишь въ 1862 году. Вотъ текстъ этого закона: «Подневольный трудъ, т. е. рабство, не долженъ существовать ни въ нынѣшнихъ территоріяхъ, ни въ тѣхъ земляхъ, которыя въ будущемъ станутъ собственностью Соединенныхъ Штатовъ».

Digitized by Google

что въ 1849 году потребовала правъ штата. Такъ какъ она лежала далеко на сѣверѣ, то аболиціонистамъ удалось сдѣлать ее свободнымъ штатомъ.

Но не легко досталась имъ побѣда. Южане ожесточились до того, что впали въ новую крайность. По внушенію Кальгуна, они впервые отказались отъ мысли, которую такъ горячо защищали до тѣхъ поръ. Прежде, когда новые штаты возникали большею частію изъ южныхъ территорій, плантаторы доказывали, что въ каждомъ штатѣ само населеніе должно рѣшать вопросъ о невольничествѣ. Теперь, когда республика стала распространяться на сѣверо-западъ, эта система становилась невыгодной,—и южане заговорили иначе. *Если даже населеніе не желаетъ невольничества*, конгрессъ все-таки не долженъ мѣшать рабовладѣльцу являться съ своей живою собственностью, гдѣ ему угодно. Вотъ до чего дошли наглыя требованія ненасытныхъ плантаторовъ!

## XIV.

### Калифорнія.—Сдѣлка 1850 года.—Республиканцы и демократы.—Верховный союзный судъ.—Канзасъ и Небраска.

Скоро южанамъ представился случай серьезно отстаивать свою новую идею.

*Верхняя Калифорнія* населялась необыкновенно быстро, благодаря открытію золота. Со всего свѣта стремились сюда искатели приключеній изъ всѣхъ классовъ общества. Толпы ихъ нахлынули изъ Соединенныхъ Штатовъ. Одни, забывая объ индѣйцахъ и голодѣ, пробивали путь чрезъ Скалистыя горы и пустыни Новой-Мексики и Ута,—путь, обозначенный рядами скелетовъ. Другіе стремились чрезъ зараженный Панамскій перешеекъ. Нѣкоторые пускались въ далекое странствіе по морю, огибая мысъ Горнъ на новоизобрѣтенномъ суднѣ, которое было названо «клиперомъ». Въ полтора года изъ Соединенныхъ Штатовъ выбыло около ста тысячъ. Вчера только мертвый заливъ Санъ-Франциско оживился. Его берега,—тамъ, гдѣ нынѣ красуется великолѣпный городъ,—были облѣплены шалашами, палатками и хижинами. Всѣ, до послѣдняго матроса съ кораб-



Digitized by Google

ля и канцеляриста, убѣгали въ рудники, гдѣ собственноручно рылись и зажиточные франты, ибо съ трудомъ можно было нанять работника даже за 50 долларовъ въ день. Суды и власти существовали только по имени. Повсюду свирѣпствовали пожары и убійства, виновники которыхъ въ то же время заправляли общественными выборами.

Но вдругъ, «словно по какому-то волшебному мановенію», безпорядокъ прекратился. Завелось общественное устройство,— и уже сильно заселенная территорія потребовала правъ штата, конечно свободнаго. Тогда безпорядокъ словно перенесся изъ Санъ-Франциско въ Вашингтонъ. Изъ-за новаго Эльдорадо сѣверяне и южане вступили въ жестокій бой. Тридцатый конгрессъ (1847—1849 гг.) разошелся, послѣ упорныхъ преній, не рѣшивъ вопроса. Южане до того разгорячились, что серьезно грозили выходомъ изъ Союза. Кальгунъ изложилъ въ конгрессѣ свою предсмертную мысль о двойномъ президентствѣ. Приходилось или дѣйствительно расторгнуть Союзъ, или согласиться на взаимныя уступки. Роль примирителей всего болѣе шла къ вигамъ, которыхъ ужасала мысль о близкой погибели Союза. Клей внесъ предложеніе, извѣстное подъ именемъ *сдѣлки 1850 года*.

По этому закону Югъ пріобрѣталъ существенныя выгоды. Вводились новыя, болѣе строгія мѣры для изловленія бѣглыхъ невольниковъ. Техасъ получалъ десять милліоновъ за «уступку» Союзу мексиканскихъ земель, которыя никогда ему не принадлежали. Какъ мы видѣли, онѣ были завоеваны и куплены Союзомъ. Сѣверяне справедливо указывали потомъ на это условіе, какъ на «невиданный въ исторіи республики примѣръ подкупа». Новая-Мексика и Ута признавались территоріями безъ Уильмотовой мѣры,—стало-быть, при вступленіи ихъ въ число штатовъ, рабскій вопросъ предоставлялся на волю мѣстнаго населенія. Такое условіе было выгоднѣе для Юга, чѣмъ миссурійская сдѣлка. Послѣдняя прямо воспрещала рабство къ сѣверу отъ 37°, который составляетъ южную границу территоріи Ута. Въ пользу Сѣвера въ сдѣлкѣ 1850 года также заключались уступки, хотя и сомнительнаго свойства. Калифорнія принималась въ Союзъ свободнымъ штатомъ, что̀ иначе и быть не могло, такъ какъ она сама единодушно уничтожила у себя рабство. Въ округѣ Колумбіи запрещалась негроторговля, но рабство не было прямо отмѣнено.

Digitized by Google

Понятно, что пренія о такомъ законѣ длились цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Зала конгресса едва не обратилась въ мѣсто кровавыхъ преступленій. Одинъ сенаторъ, въ разгарѣ спора, застрѣлилъ бы своего противника, еслибы сосѣдъ не выхватилъ револьвера у него изъ рукъ. Законъ прошелъ, отчасти благодаря талантамъ Клея и Вебстера, а больше вслѣдствіе интригъ, подкуповъ, угрозъ и даже нарушенія конституціонныхъ обрядовъ.

Вигскій законъ прошелъ, но его авторы пали подъ бременемъ его несправедливости. Какъ всегда бываетъ съ примирителями, они не удовлетворили ни Сѣвера, ни Юга. Напротивъ, статьей о бѣглыхъ рабахъ они внесли небывалое ожесточеніе въ американскую распрю и навлекли на себя ненависть просвѣщенныхъ людей. Все отшатнулось отъ виговъ, и эта партія быстро исчезла, не проживъ и одного поколѣнія. На выборахъ 1852 года лопнули ихъ послѣднія надежды видѣть на президентскомъ креслѣ даровитаго Клея или Вебстера. «Теперь (сказалъ тогда же Вебстеръ) виги, какъ національная партія,—достояніе исторіи».

Значительная часть виговъ пристала къ сѣверянамъ. Въ то же время жестокое примѣненіе статьи о бѣглыхъ рабахъ привлекло къ аболиціонистамъ многихъ демократовъ. Теперь-то соединились всѣ недовольные Югомъ подъ знаменемъ торжествующей свободы. Завершилось образованіе аболиціонной, или свободно-демократической, или, еще точнѣе, *республиканской* партіи, въ томъ смыслѣ этого названія, который сохраняется доселѣ.

Республиканская партія уже въ 1852 году развернула свое знамя на сходкѣ въ Питтсбургѣ, въ Пенсильваніи. Вотъ поучительныя начала, легшія въ основу политическихъ воззрѣній на сѣверѣ Америки:

«Каждый человѣкъ, какъ нравственное существо, обладаетъ всѣми естественными правами, въ томъ числѣ и правомъ на землю, которое столь же священно, какъ жизнь. *Ни въ какой новой области, принимаемой въ Союзъ, не должно быть рабства.* Рабство—лишь мѣстное учрежденіе на Югѣ. Законы о поимкѣ и выдачѣ невольниковъ необходимо отмѣнить. Правительство должно отказаться отъ всякаго потворства рабству. Оно не можетъ никого сдѣлать рабомъ, точно также какъ и царемъ. У него одна только обязанность—обезпечить гражданамъ ихъ прирожденныя права на свободу, жизнь и благосостояніе».

Такъ окончательно сложились двѣ сильныя партіи, которыя

*

Digitized by Google

доселѣ изумляютъ Европу своей ожесточенною борьбой при выборѣ президента. До междоусобной войны между ними было три признака различія. На знамени *республиканцевъ* было начертано: «Всеобщая свобода и равенство; централизація и сила союзнаго правительства; покровительственная система въ торговлѣ». У *демократовъ*: «Невольничество; независимость и полноправіе отдѣльныхъ штатовъ; свобода торговли». Послѣ междоусобной войны осталось только два признака различія: третій, невольничество, исчезъ самъ собою.

Въ 1852 году партія республиканцевъ была побѣждена только потому, что виги, разставаясь съ своими старыми друзьями, оказали имъ послѣднюю услугу. Отказавшись отъ собственнаго кандидата, они голосовали въ пользу демократовъ. Но въ 1856 году республиканцы уже значительно подвинулись къ своей цѣли. Въ томъ же Питтсбургѣ они издали новую программу, которая была еще рѣшительнѣе первой. Ею окончательно и *безусловно отвергалось невольничество въ Союзѣ*. Конгрессу поставлялось въ обязанность искоренять его во *всѣхъ* областяхъ, принадлежащихъ республикѣ.

Въ это время у республиканцевъ было уже большое число голосовъ. Главною причиной такого успѣха были возмутительныя событія, послѣдовавшія за сдѣлкой 1850 года, какъ ея неизбѣжный результатъ.

Самою ненавистной стороной этой сдѣлки, погубившею виговъ, была статья о бѣглыхъ невольникахъ. Даже законъ 1793 года былъ гуманнѣе. Онъ хоть тѣмъ сдерживалъ бѣшенство плантатора, что заставлялъ его на собственный счетъ производить ловлю бѣглецовъ. Теперь же правительство даже доставляло бѣглеца хозяину на казенныя деньги. Раба лишили суда присяжныхъ; его свидѣтельства вовсе не принимались. Все рѣшали чиновники, отданные въ распоряженіе плантаторовъ и ихъ ищейныхъ собакъ. Были устроены даже особенныя должности съ высокими окладами. Сверхъ жалованья, чиновникъ получалъ любопытную премію: десять долларовъ, если признавалъ обвиняемаго бѣглымъ рабомъ, и только пять—въ противномъ случаѣ. Строптивый чиновникъ, а также и всякій гражданинъ, укрывавшій бѣглеца, подвергались штрафу въ тысячу долларовъ или тюремному заключенію на полгода *).

*) Всѣ законы о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ, съ 1793 по 1850 годъ, отмѣнены постановленіемъ конгресса лѣтомъ 1864 года.

Digitized by Google

Вскорѣ рядъ поразительныхъ случаевъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на общество. Одна молодая мулатка, завидя преслѣдованіе, перерѣзала горло своей, почти бѣлой, дѣвочкѣ и пыталась убить двухъ остальныхъ дѣтей. Она созналась, что хотѣла скорѣе умертвить ихъ и себя самое, чѣмъ возвратиться въ рабство. Легко случалось, что сыщики хватали свободнаго негра, а иногда даже и бѣлаго. Возникло многѣ обществъ изловленія бѣглецовъ, которыя дѣйствовали даже въ Канадѣ. Сами американцы называютъ это время «эпохой охоты на рабовъ (era of slave hunting)». Говорятъ, что число бѣглецовъ, пойманныхъ по новому закону въ одинъ годъ, превышало сумму предшествовавшихъ шестидесяти лѣтъ.

По мѣрѣ примѣненія драконовскаго закона, росло общественное негодованіе. Аболиціонисты съ небывалымъ одушевленіемъ говорили и писали противъ рабства. Почтовыя конторы переполнились ихъ произведеніями болѣе, чѣмъ когда-либо. Составлялись даже общества съ цѣлью бороться противъ сыщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Появилась «Хижина дяди Тома», имѣвшая поразительный успѣхъ. Этотъ романъ сталъ американскимъ и чуть не всемірнымъ евангеліемъ. Онъ пережилъ сотню изданій и былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки. «Его читали на всемъ пространствѣ отъ Швеціи до Италіи, и отъ Британскихъ острововъ до Россіи». Драма, передѣланная изъ «Хижины дяди Тома», почти вытѣснила другія піесы на театрахъ сѣверныхъ штатовъ. Въ Нью-Йоркѣ ее давали 150 разъ къ ряду. Не мудрено, что при такомъ настроеніи общества примѣненіе варварскаго закона часто встрѣчало серьезныя препятствія. Населеніе Сѣвера укрывало бѣглецовъ и дралось съ сыщиками. Однажды въ Бостонѣ ловили одного раба при помощи десятой части всей союзной арміи.

Сдѣлка 1850 года не только одно изъ главныхъ событій американской исторіи, но и поучительный примѣръ для всего человѣчества. Трудно найти лучшее доказательство старой мысли о негодности компромиссовъ, которыми все еще многіе увлекаются, несмотря на обширный опытъ. Американцы справедливо насмѣхались надъ сдѣлкой 1850 года, тогда же назвавъ ее «биллемъ-*омнибусомъ*». Желая угодить *всѣмъ*, она не только не успокоила, но еще болѣе встревожила всю республику. Она до того раздражила соперниковъ, что доселѣ изумляются, какъ тогда же не возгорѣлось междоусобіе. Ея пагубное значеніе признавалъ самъ

Digitized by Google

Клей, глава виговъ и ея авторъ. «И тѣ и другіе, сказалъ онъ въ 1851 году: и общества аболиціонистовъ, и господа южнокаролинцы—совершенно согласны въ томъ, что нужно выйти изъ Союза, разрушить его». Появились газеты, посвященныя этой идеѣ. Депутаты семи южныхъ штатовъ уже созывали конгрессъ для объявленія разрыва.

Впрочемъ, южане предварительно испробовали крайнія средства, чтобы воспользоваться послѣдними выгодами Союза. Они рѣшились подорвать значеніе законовъ отчасти коварнымъ примѣненіемъ ихъ, отчасти прямо физическою силой. Въ первомъ случаѣ ихъ орудіемъ была судебная власть, во второмъ — вопросъ о Небраскѣ.

Миссурійскій невольникъ, Дредъ Скоттъ, долго проживъ съ своимъ хозяиномъ въ свободныхъ штатахъ, потребовалъ свободы и правъ «гражданина республики», на законномъ основаніи. Первая судебная инстанція рѣшила въ его пользу. Но *верховный союзный судъ*, наполненный южанами, издалъ общее постановленіе, поразившее всѣхъ своею дерзостью и нелѣпостью. Онъ призналъ рабовъ низшею породой, лишенною всякихъ человѣческихъ правъ. «Рабъ — это собственность, которую владѣлецъ можетъ переносить, куда ему угодно, ибо собственность не можетъ измѣниться отъ перемѣщенія. Даже миссурійская сдѣлка не законна. Никто не вправѣ запрещать невольничество гдѣ бы то ни было въ республикѣ».

Такимъ образомъ, все, чего южане не успѣли бы достигнуть въ конгрессѣ, доставилъ бы имъ верховный судъ. Стало-быть, они просто стремились къ диктатурѣ. Завладѣвъ сенатомъ, администраціей и судомъ, они презирали бы нижнюю палату конгресса — единственное учрежденіе, гдѣ большинство было не на ихъ сторонѣ.

Еще важнѣе былъ вопросъ о Небраскѣ, такъ какъ южане пытались рѣшить его кровавыми средствами.

Мы знаемъ изъ II главы, что *Небраска и Канзасъ* — одна изъ самыхъ любопытныхъ и важныхъ мѣстностей республики. Здѣсь протекаютъ двѣ большія рѣки, впадающія въ Миссури. Истоки одной изъ нихъ образуютъ главный изъ немногихъ проходовъ въ Скалистыхъ горахъ. Эта страна—лучшій посредникъ между двумя океанами и переходъ отъ земледѣлія востока къ горнымъ промысламъ запада. Въ кряжѣ Скалистыхъ горъ, по убѣжденію Дрепера, находятся богатѣйшія въ свѣтѣ залежи зо-

Digitized by Google

лота и серебра. Южную границу описанной области составляетъ роковой въ исторіи штатовъ 37° с. ш.

Когда южане устраивали миссурійскую сдѣлку, они съ презрѣніемъ смотрѣли на этотъ, почти безлюдный, край. Но теперь его нельзя было узнать. Въ одно поколѣніе пустыня такъ заселилась выходцами изъ старыхъ штатовъ, что пора было принять ее въ Союзъ.

Не могло быть и рѣчи о томъ, къ сѣвернымъ или южнымъ штатамъ должна была примкнуть новая область. Южанамъ тѣмъ болѣе не было повода поднимать этотъ вопросъ, что, по миссурійской сдѣлкѣ, они пріобрѣли цѣлый Техасъ въ свое нераздѣльное владѣніе. Къ тому же новая область и по своимъ естественнымъ условіямъ не соотвѣтствовала рабству. Къ ней лучше всего примѣнялись слова Вебстера о Калифорніи и Новой-Мексикѣ: «Здѣсь должно быть исключено рабство по закону гораздо болѣе важному, чѣмъ тотъ, которымъ оно дозволяется въ Техасѣ. Это—законъ естественный, законъ физической географіи. Скажу даже, что въ биллѣ объ устройствѣ этихъ земель излишне и упоминать о запрещеніи рабства».

Несмотря на все это, южане рѣшились оспаривать у сѣверянъ Канзасъ и Небраску. Такъ какъ эти земли лежали выше 37° с. ш., то имъ нужно было уничтожить собственное созданіе—миссурійскую сдѣлку. Они не постыдились прямо потребовать ея отмѣны, прикрываясь сдѣлкой 1850 года. Тогда Небраска и Канзасъ вошли бы въ Союзъ на правахъ Новой-Мексики и Ута, т. е. рѣшеніе въ нихъ рабскаго вопроса было бы предоставлено на волю мѣстнаго населенія. Сѣверяне справедливо доказывали, что здѣсь невмѣшательство конгресса значитъ вмѣшательство президента и чиновниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Канзасъ и Небраска принимались въ число территорій, а не штатовъ Союза. Но территоріи, какъ мы знаемъ, не имѣли самостоятельнаго управленія, подобно штатамъ. Онѣ подчинялись назначеннымъ отъ президента губернаторамъ и ихъ чиновничьей свитѣ.

Несмотря на долгое сопротивленіе палаты депутатовъ, предложеніе южанъ было принято, благодаря ихъ обычнымъ интригамъ въ конгрессѣ.

Итакъ, населеніе новаго края, или сама жизнь должна была рѣшить вопросъ о невольничествѣ. Она и рѣшила его быстро, но печально. Весной 1854 года прошелъ билль о Небраскѣ, а

Digitized by Google

весной 1855 года тамъ совершились кровавыя событія, при первыхъ выборахъ въ мѣстныя законодательныя собранія. Еще во время преній о биллѣ индѣйцы покинули новую территорію на извѣстныхъ условіяхъ. На ихъ мѣсто устремились плантаторы, чтобы, предупредивъ сѣверянъ, начертать мѣстную конституцію въ духѣ невольничества. Сверхъ того, къ выборамъ прибыла изъ Миссури вооруженная шайка. Злоупотребленіе было ясно. Голосовъ оказалось въ восемь разъ больше, чѣмъ гласныхъ. Конечно, выборы выпали въ пользу южанъ. Но сѣверяне не дремали. Ихъ штаты вдругъ покрылись сѣтью «вспомогательныхъ обществъ», которыя побуждали гражданъ къ переселенію въ Канзасъ, снабжая ихъ всѣмъ обзаведеніемъ и даже оружіемъ. Вскорѣ явилось такъ много сѣверныхъ переселенцевъ, что они составили свою особую конституцію и законодательную палату.

Ободряемые открытою поддержкой президента и сената, южане до того озлобились, что прибѣгли къ насилію. Съ оружіемъ въ рукахъ, сотнями прибывали они въ Канзасъ, чтобъ изгнать сѣверныхъ переселенцевъ. Начался рядъ убійствъ и жестокихъ истязаній, которыхъ не избѣгали и путешественники. Миссурійцы вообще славились разбойничьими нравами. Ихъ шайки, приходившія въ Канзасъ, получили названіе «пограничныхъ негодяевъ». Онѣ возвѣщали печатно, что поступятъ по-индѣйски и полинчевски *) со всякимъ аболиціонистомъ, который осмѣлится показаться въ Канзасѣ. Смыслъ этихъ словъ былъ объясненъ судьбой одного адвоката изъ аболиціонистовъ. Его привели въ Миссури, осмолили, выкатали въ перьяхъ, долго таскали на бревнѣ и, наконецъ, продали съ молотка. Одного негра за-

---

*) Виргинецъ *Линчъ* (Lynch) былъ, предсѣдателемъ сборища плантаторовъ, которые присудили одного вора къ 300 розогъ. Отсюда — «линчевъ законъ», т. е. своевольная расправа. Обыкновенно она состоитъ въ убійствѣ, поджогѣ или ограбленіи виновнаго. Линчевъ законъ—слѣдствіе крайней мягкости судебныхъ приговоровъ. Уголовные законы въ Соединенныхъ Штатахъ строги, но ихъ обходятъ на практикѣ. Это зависитъ какъ отъ характера, такъ и отъ нѣкоторыхъ обычаевъ американцевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ человѣческая жизнь цѣнится низко. Ловкія преступленія считаются проявленіемъ особеннаго ума. При этомъ судьи избираются народомъ на извѣстное число лѣтъ. При строгомъ приговорѣ они рискуютъ лишиться голосовъ родственниковъ и друзей преступника.

Digitized by Google

ставили купить и держать въ неволѣ «этого проклятаго аболиціониста».

Сѣверяне отвѣчали тѣмъ же, подсылая все новыя толпы колонистовъ. У нихъ явился герой этой разбойничьей войны, Джонъ Броунъ, имя котораго прогремѣло по всей Америкѣ. Обыкновенно сѣверяне выходили побѣдителями изъ кровавыхъ столкновеній. Но правительство стояло за южанъ,—и политическое положеніе Канзаса, гдѣ съ каждымъ днемъ возрастало число сѣверянъ, оставалось не рѣшеннымъ до междоусобной войны. Только въ 1861 году эта территорія была признана свободнымъ штатомъ.

Быстрое увеличеніе свободнаго населенія въ Канзасѣ и далѣе на сѣверо-востокъ объясняется приливомъ европейской эмиграціи. Вотъ оцѣнка этого явленія, выраженная Нейманомъ въ одушевленныхъ словахъ: «Никто не шелъ на Югъ, гдѣ трудъ былъ лишенъ чести. Все стремилось на свободный Сѣверъ. И именно въ то время, когда въ Европѣ деспоты, съ ихъ рабскими шайками, обратили весь материкъ въ темницу, переселеніе достигло небывалой цифры. Одно бѣгство могло избавить многихъ отъ тюрьмы или смерти. Одно выселеніе могло спасти лучшихъ людей отъ рабскаго ига. Въ 1851—1858 годахъ прибыло въ Америку болѣе двухъ милліоновъ переселенцевъ. И все это были люди, принесшіе съ собой ненависть къ европейскимъ тиранамъ и ихъ сообщникамъ, къ невольничьимъ баронамъ Юга и ко всякой аристократіи. Эта ненависть проявлялась при всякомъ удобномъ случаѣ, шла ли рѣчь объ основаніи свободнаго государства, или объ обузданіи духовнаго либо свѣтскаго палача».

## XV.

### Послѣдніе дни рабства.—Джонъ Броунъ.—Воззрѣнія южанъ.

Итакъ, несмотря на всѣ препятствія, сѣверяне побѣдили въ вопросѣ о Небраскѣ и Канзасѣ. Кровавыя событія доказали, что южане дали важный промахъ, отмѣнивъ миссурійскую сдѣлку. Теперь рабство не было обезпечено и въ земляхъ къ Югу отъ 37° с. ш. «Особое учрежденіе» могло пошатнуться и здѣсь, если только сюда устремится потокъ переселенія съ

Digitized by Google

Сѣвера, переполненнаго людьми. Теперь, дѣйствительно, южанамъ оставалось или съ тупымъ отчаяніемъ смотрѣть на приближеніе своей погибели, или выйти изъ Союза и, если понадобится, оружіемъ защищать свое существованіе. «Споръ о Канзасѣ и Небраскѣ, говоритъ Дреперъ,—эпоха въ соперничествѣ между Сѣверомъ и Югомъ. Имъ оканчивается періодъ парламентской борьбы и начинается періодъ насилій и войны».

Междоусобная война вспыхнула бы уже въ 1856 году, еслибъ южанамъ не удалось, въ послѣдній разъ, поставить своего президента, Беканана. Уже эти выборы предвѣщали близкое торжество республиканцевъ. Всѣ были поражены тѣмъ, что въ 1852 году ихъ кандидатъ получилъ только 152.000 голосовъ, а теперь — 1.341.264. Демократы провели своего кандидата большинствомъ всего полмилліона голосовъ. Да и этимъ успѣхомъ они были обязаны интригамъ.

Платформа *), объявленная въ Цинциннати при выборѣ Беканана, была послѣднею политической исповѣдью старыхъ демократовъ. Вотъ ея сущность: «Правительству принадлежитъ лишь ограниченная власть. Конгрессъ не вправѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла штатовъ. Рабскій вопросъ не только въ штатахъ, но и въ территоріяхъ рѣшается на основаніи сдѣлки 1850 года. Должно объявить свободное плаваніе и свободную торговлю по всей землѣ. Твердо держаться ученія Монрое относительно иностранной политики. Стараться пріобрѣсти земли Центральной Америки и стать твердою ногой въ Мексиканскомъ заливѣ».

Что не было досказано въ послѣдней платформѣ демократовъ, то обнаружилось тогда же другими путями. На митингахъ въ южныхъ штатахъ шли толки о распространеніи рабства на всѣ штаты. Въ сенатѣ Броунъ сказалъ: «Мнѣ нужны Куба и Мексика для распространенія невольничества. Я желаю разлить благодѣянія рабства, наравнѣ съ нашей божественною религіей, повсюду, до крайнихъ предѣловъ земли». Еслибы Бекананъ не былъ выбранъ, южане положили идти съ 20.000 войска въ

*) При самомъ основаніи республики, возникъ слѣдующій выборный обычай. Чтобы голоса не распадались между многими именами, каждая партія производитъ свои выборы. Тутъ партіи, такъ-сказать, только *произносятъ* любезное имъ имя, что и называется *наименованіемъ*, nomination. При этомъ каждая партія представляетъ свою программу, которая называется *платформой*, въ подражаніе церковнымъ обрядамъ Новой-Англіи.

Digitized by Google

Вашингтонъ и захватить Капитолій. Они уже говорили о призваніи западныхъ державъ Европы, которыя помогли бы имъ воздвигнуть, на развалинахъ республики, *монархію*, съ англійскимъ принцемъ во главѣ.

*Президентство Беканана было переходомъ отъ мира къ войнѣ*, или, если можно такъ выразиться, организаціей распаденія Союза. Повсюду, какъ на Сѣверѣ, такъ и на Югѣ, какъ въ политическихъ и частныхъ собраніяхъ, такъ и на каѳедрахъ, въ газетахъ и книгахъ, только и говорили, что про рабство и подготовленную имъ катастрофу. Сѣверъ наводнилъ литературный рынокъ сочиненіями аболиціонистовъ, которые никогда еще не были такъ смѣлы и энергичны. Югъ налагалъ запрещенія на эту литературу, изгонялъ сѣверные журналы, газеты, и въ особенности учебники. Здѣсь возникали комитеты для составленія собственныхъ учебниковъ въ духѣ невольничества. Не только были исключены сѣверные учители и учительницы, но было запрещено юношеству поступать въ сѣверныя школы и университеты. Предлагали даже наказывать гражданъ за всякія сношенія съ Новой-Англіей и за потребленіе ея произведеній. Среди извѣстныхъ натуралистовъ Юга возникла школа, которая, оспаривая единство человѣческаго рода, обрекала черное племя на вѣчное дѣтство и рабство.

Каждый день, каждое событіе служили къ раздраженію общества, которымъ овладѣла великая idée fixe. Наканунѣ 1860 года всѣ были потрясены трагическимъ исходомъ подвиговъ Джона Броуна, съ которымъ мы встрѣчались въ канзасской рѣзнѣ.

Отецъ Броуна происходилъ отъ первыхъ пуританъ, поселившихся въ Америкѣ; мать—отъ фанатическихъ проповѣдниковъ Голландіи, Гедеона и Руфи. Джонъ видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ плантаторъ билъ негра желѣзною лопатой, и въ его душу запало желаніе стать Моисеемъ черныхъ. Онъ сталъ хлопотать объ освобожденіи и поселеніи негровъ въ горахъ, когда вспыхнуло канзасское дѣло. Броунъ одинъ могъ заселить значительную часть пустыни. Двѣ жены оставили ему 21 ребенка. Четверо старшихъ сыновей пошли въ Канзасъ. Когда они попросили у отца помощи, старикъ самъ принесъ имъ оружіе. Открылась истинно-рыцарская война. Джонъ жилъ подъ открытымъ небомъ и часто молился въ дѣвственномъ лѣсу, откуда выносилъ повелѣнія «своего бога битвъ, Іеговы». Этотъ фанатикъ, съ пи-

Digitized by Google

столетомъ въ рукахъ, заставлялъ своихъ плѣнниковъ молиться каждое утро и вечеръ, а самъ читалъ надъ ними Библію. Часто старикъ надолго исчезалъ изъ своего лагеря: это онъ освобождалъ рабовъ въ самомъ Миссури.

Броунъ презиралъ всѣ политическія партіи и рѣшился одинъ произвести государственную реформу. Съ горстью освобожденныхъ имъ рабовъ онъ появился въ Канадѣ, гдѣ сочинилъ уставъ для своего отечества, основанный на всеобщей свободѣ, равенствѣ и христіанскомъ братствѣ. Затѣмъ, эта новая община, всего въ 20 человѣкъ, напала на казенный арсеналъ въ Виргиніи. Броунъ воображалъ, что стоитъ воззвать къ свободѣ—и всѣ рабы возстанутъ. Многочисленная милиція изъ Виргиніи перебила этотъ священный отрядъ. Пали двое изъ сыновей Броуна. Старика, покрытаго ранами, взяли въ плѣнъ.

Броунъ объявилъ судьямъ, что желалъ только «дать человѣческія права неграмъ, во имя великаго Іеговы», и считаетъ себя побѣдителемъ. Онъ остановилъ своего адвоката словами: «Нѣтъ, я не сумасшедшій. Я много лѣтъ обдумывалъ свое предпріятіе и дѣйствовалъ по завѣтамъ св. Писанія. Еслибъ я сдѣлалъ это ради богатыхъ владыкъ, ради тираповъ Америки или Европы, они прославили бы меня, какъ героя и заклеймили бы своими почестями. И развратные историки, прославляющіе человѣкоубійцъ—императоровъ Наполеона,... и Франца-Іосифа, быть-можетъ, опозорили бы своею похвалой и бѣднягу Броуна». Своему духовнику Джонъ сказалъ: «Другъ мой! Вы и не подозрѣваете, что такое христіанство. На христіанина, защищающаго произволъ и угнетеніе, я не могу смотрѣть даже, какъ на честнаго язычника».

Съ видомъ побѣдителя шелъ Броунъ на казнь (2 декабря 1859 года). Онъ радовался, что «его кровь подниметъ дѣло, за которое онъ стоялъ всю свою жизнь». При выходѣ изъ тюрьмы, его встрѣтила негритянка съ ребенкомъ. Старикъ остановился на минуту, чтобы расцѣловать черное дитя. Послѣднія слова Броуна, уже подъ висѣлицей, были: «А какъ же хороши здѣсь поля!»

Южане ликовали, казнивъ фанатика свободы. Сѣверяне провозгласили его святымъ. По городамъ Новой-Англіи служили молебны. Проповѣдники призывали къ мести за «мученика свободы». Была собрана огромная сумма на содержаніе уцѣлѣвшихъ членовъ семейства Броуна. Появилась «Пѣсня о Джонѣ Броунѣ», ко-

Digitized by Google

торая впослѣдствіи доводила сѣверную армію до бѣшенства. Во время междоусобной войны по ея напѣву можно было узнать стоянку сѣверянъ. А палачей Броуна постигла жестокая месть. Лѣтъ пять спустя, ихъ города обратились въ развалины. Губернаторъ Виргиніи, осудившій Броуна, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, а въ его домѣ водворилась школа для негровъ. Черныхъ малютокъ обучала дочь Броуна.

Среди этого разгара вражды, за нѣсколько лѣтъ до военныхъ дѣйствій, началась междоусобная война, въ видѣ взаимныхъ обвиненій. Каждая сторона чувствовала потребность оправдаться передъ собственною совѣстью и передъ потомствомъ. Въ американской литературѣ, наканунѣ междоусобія, ясно отпечатлѣлись характерныя черты противниковъ. На нихъ слѣдуетъ остановиться внимательнѣе, такъ какъ въ нихъ вообще раскрываются особенности американскихъ воззрѣній, весьма поучительныя для европейцевъ.

Вотъ что говорили южане.

Сѣверъ быстро идетъ къ первенству. Тамъ скопилось множество земель, населенія, богатствъ и почти вся союзная власть. Тамъ расплодились гнусныя идеи, которыя уже проникаютъ въ семьи плантаторовъ. «Негры! нападайте на спящихъ, поджигайте, отравляйте господъ!» восклицаютъ аболиціонисты и сами подаютъ примѣръ рабамъ. Сѣверъ лишаетъ насъ ежегодно милліона долларовъ, укрывая черныхъ разбойниковъ и убійцъ.

Ясно, что Югъ, «въ торжественномъ молчаніи, вѣрными шагами идетъ къ могилѣ». Но какая польза республикѣ отъ его погибели? Какія начала восторжествуютъ въ ней при господствѣ Сѣвера?

Вся исторія республики доказываетъ, что Сѣверъ—воплощеніе насилія, обмана и разврата. Съ какимъ коварствомъ пріобрѣталъ онъ земли! Самъ онъ ничѣмъ не пожертвовалъ въ пользу государства. А южане съ самаго начала уступили Союзу область, изъ которой возникло пять свободныхъ штатовъ. Эта область вдвое больше всѣхъ земель, доставшихся республикѣ съ того времени. Затѣмъ, по миссурійской сдѣлкѣ, Югъ уступилъ Сѣверу страну, впятеро больше полученной имъ самимъ. Верхняя Калифорнія и Новая-Мексика цѣликомъ достались Сѣверу. Теперь окончательно нарушилось обычное равновѣсіе въ Союзѣ. У сѣверянъ большинство трехъ штатовъ, шести сенаторовъ и

Digitized by Google

шестидесяти депутатовъ. Правительство — игрушка въ ихъ рукахъ.

Такое же коварство и въ финансахъ. По тарифу 1828 года, этому «биллю всѣхъ беззаконій», всѣ государственныя тяжести пали на Югъ, а всѣ выгоды достались Сѣверу. Тарифъ—это явный грабежъ, посредствомъ котораго одна часть населенія наживается на счетъ другой; это—язва, которая вноситъ развратъ въ весь государственный строй. Предметомъ заботъ правительства становятся огромные города и денежная аристократія—самая гнусная изъ всѣхъ аристократій въ мірѣ. Власть дѣлается расточительной и продажной. Сенатъ уже обратился въ аукціонную камеру. Чрезъ каждые четыре года республику продаютъ въ кредитъ. Такъ была продана нѣкогда Римская имперія своими солдатами.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Сѣверное общество—скопище соціальныхъ пороковъ. Здѣсь, подъ именемъ развитія личности и всеобщаго равенства, царствуютъ эгоизмъ и своеволіе. Всѣ основы общества подорваны. Семьи почти нѣтъ. Разводъ—самое легкое дѣло. Женщинамъ дана полная свобода. Онѣ шляются повсюду съ проповѣдью о своихъ правахъ. Въ нихъ погибла врожденная скромность. Онѣ норовятъ превратиться въ мущинъ. Ужасно сказать— вы встрѣтите ихъ даже въ анатомическомъ театрѣ! Онѣ готовы замѣстить священниковъ! А дѣти заброшены. Лишенныя строгаго надзора, они избѣгаютъ труда и думаютъ только о легкой наживѣ. Лѣнивыя и легкомысленныя, они наполняютъ тюрьмы фальшивыми монетчиками, доставляютъ обществу воровъ, прикрытыхъ личиной законности. Они быстро заимствуютъ у своихъ отцовъ искусство взаимнаго надувательства. Излишняя филантропія довершаетъ развратъ. Женщина, будь она хоть убійца, съ торжествомъ выходитъ изъ суда. Губернаторы штатовъ оправдываютъ преступниковъ, какъ бы подстрекая ихъ къ новымъ подвигамъ. Религія падаетъ. Вмѣсто проповѣдниковъ — политическіе интриганы. Литература пропитана извращенными и пошлыми сужденіями. Черезъ нее укореняются понятія о полномъ равенствѣ и свободѣ людей. Уже возникаютъ ученія о всеобщемъ раздѣлѣ собственности! Не лучше и прославленное народное образованіе Сѣвера. Въ центральной Азіи грамотность развита еще больше, а что толку? Сѣверъ упустилъ изъ виду высшее образованіе, воображая, что у всѣхъ одинакія способности. Оттого у него нѣтъ людей, которые двигали бы впередъ науки и искусства.

Digitized by Google

При такой деморализаціи, общество стоитъ на вулканѣ. Рабочій, учитель, писатель—вся неимущая братія сбивается съ пути. Въ ней закипаетъ негодованіе при видѣ роскошныхъ дворцовъ богачей, украшенныхъ изысканной мебелью, парками, библіотеками и статуями. Злоба нашептываетъ ей, что эта роскошь добыта не трудомъ владѣльцевъ, а кровью и потомъ массы пролетаріевъ. Бѣдняки укрываются въ богадѣльни, устроенныя на милліоны, собранные съ нихъ же посредствомъ налоговъ. Здѣсь они бездѣльничаютъ, не заботясь о своихъ дѣтяхъ, которыхъ разсуютъ по пріютамъ. Но не сладко живется и богачу. Его дворецъ—словно раззолоченная тюрьма, гдѣ томятся приговоренные къ смерти. Ежеминутно можно ожидать взрыва среди озлобленной нищеты. Толпы бѣдняковъ, особенно рабочихъ, осаждаютъ общественныя зданія и, благодаря всеобщему голосованію, захватываютъ власть, словно премію за бѣдность. Богачи уже несутъ на себѣ всѣ общественныя тяжести и воспитываютъ дѣтей бѣдняковъ. Скоро имъ нужно будетъ подѣлиться съ ними всѣмъ своимъ достояніемъ. Оттого-то они утопаютъ въ роскоши, стараясь сегодня расточить то, что завтра станетъ добычей алчной нищеты. Оттого они живутъ, какъ римляне при паденіи республики. Ихъ наглыя жены, словно матроны временъ имперіи, толпятся, разряженныя, на улицахъ и въ театрахъ и своимъ безпутствомъ растлѣваютъ юношество.

Если вамъ мало этой картины разложенія, то вспомните, что на Сѣверѣ вѣчный приливъ ирландцевъ и нѣмцевъ. А эти выходцы въ тысячу разъ вреднѣе негровъ. Негру живется хорошо, ибо Югъ покоится на патріархальныхъ основахъ семьи и почитанія старшихъ. За эти благодѣянія черные вознаграждаютъ своихъ хозяевъ не только экономически, но и политически. Они устраняютъ отъ выборовъ, отъ власти, тѣхъ безпокойныхъ бѣдняковъ, которые подрываютъ будущность Сѣвера. Сами по себѣ негры нисколько не опасны. Они довольны своимъ положеніемъ, какъ низшая, мало способная порода. Къ тому же ихъ судьба не въ примѣръ лучше и обезпеченнѣе судьбы рабочихъ на Сѣверѣ и въ Европѣ. Сѣверъ кончитъ тѣмъ же, чѣмъ кончилъ древній Римъ. Державный пролетаріатъ возстанетъ противъ развращенной денежной аристократіи и вручитъ власть своимъ любимцамъ. Штаты обратятся въ провинціи. Въ территоріяхъ появятся проконсулы. Генералы въ завоеванныхъ земляхъ стакнутся съ своими легіонами, и въ каждомъ округѣ войска провозгласятъ своего императора.

Digitized by Google

## XVI.

### Мечты южанъ.—Воззрѣнія сѣверянъ.

Таковы обвиненія, взведенныя Югомъ на Сѣверъ. Но ими еще не рѣшался вопросъ. Что же дѣлать? Разорвать Союзъ легко, но страшно. Правда ли, что отпаденіе — единственное и своевременное средство къ спасенію?

Огромное большинство южанъ отвѣчало утвердительно. Оно вѣрило и въ неизбѣжность, и въ успѣхъ отпаденія. Эта мѣра, разсуждали южане, дастъ возможность свободно развиться каждой изъ двухъ системъ общежитія. Конечно, результатомъ будетъ гибель Сѣвера и превращеніе Юга въ земной рай.

У южанъ будетъ около 200.000 кв. миль лучшей въ мірѣ земли, которой суждено одѣвать весь родъ человѣческій. Сначала населеніе будетъ рѣдкое, всего милліоновъ десять. За то это будетъ образецъ нравственности, религіозности, консерватизма, т. е. высокой цивилизаціи. Неисчерпаемое богатство почвы доставитъ два милліарда дохода. Береговая линія будетъ вчетверо больше, чѣмъ у Сѣвера, и на ней—устье Миссисипи, т. е. ключъ къ рѣчной системѣ, отъ которой зависятъ почти всѣ штаты. Опираясь, подобно Риму, на рабство, Югъ обратитъ Мексиканскій и Караибскій заливы въ свое Средиземное море. Мексику и Центральную Америку, конечно, постигнетъ участь древняго Карѳагена и Египта. Куба, Ямайка и Гаити разыграютъ роль Сициліи, Сардиніи и Корсики. На востокъ отъ нихъ океанъ ведетъ къ резервуару чернаго племени, легшаго въ основаніе Юга. А тамъ, за узкимъ перешейкомъ, великій водный путь отъ новаго Рима къ сокровищамъ Азіи.

Предоставивъ матеріальный трудъ неграмъ, южане посвятятъ себя наукамъ и искусствамъ, въ особенности военному дѣлу. Какъ въ Римѣ, каждый гражданинъ будетъ постояннымъ солдатомъ. Сверхъ того, въ рукахъ этихъ могущественныхъ воиновъ будетъ хлопокъ, питающій европейскія фабрики. Онъ заставитъ кланяться имъ просвѣщеннѣйшія державы Стараго Свѣта. И первая придетъ Англія, которая вѣритъ поговоркѣ, что «хлопокъ — царь». Она уже отрекается отъ человѣколюби-

Digitized by Google

выхъ бредней. У нея появляются искусные и горячіе защитники рабства. Ея правительственный классъ видитъ въ южной аристократіи своихъ собратовъ по положенію и стремленіямъ. Онъ ненавидитъ Союзъ, завидуетъ его необыкновенному развитію. Онъ не можетъ забыть войны 1812 года, когда англичане, побѣдители на сушѣ, постоянно терпѣли пораженія на своей родной стихіи. Англія не замедлитъ помочь Югу, а за нею двинется и Наполеонъ III, который всегда у нея на буксирѣ.

Поразительное легкомысліе въ обсужденіи столь важнаго вопроса! Южане не потрудились даже размыслить, что постоянныя указанія на Римъ свидѣтельствовали противъ ихъ мечтаній. Вѣдь имъ приходилось сравнивать свою будущность съ императорскимъ Римомъ! Слѣдовало вспомнить и про императоровъ. Война доказала, что идеалы южанъ были не мыслимы безъ сильнаго монархизма. Наканунѣ ея, вдругъ все сосредоточилось въ Ричмондѣ. Ненокорные изъ рабскихъ штатовъ были объявлены въ осадномъ положеніи. Еслибъ Югъ побѣдилъ, мелкіе штаты окончательно потеряли бы всякое значеніе. Что же сталось бы съ идеей державныхъ правъ каждаго штата, которая, рядомъ съ рабствомъ, была одною изъ первыхъ причинъ отпаденія?

Впрочемъ на Югѣ было нѣсколько политиковъ, которые глубже вдумались въ дѣло и подымали правдивый голосъ предостереженія. Вотъ что говорилъ, наканунѣ войны, Александръ Стефенсъ, будущій вице-президентъ Юга:

«Нѣтъ у насъ справедливаго требованія, которое не было бы удовлетворено. Намъ разрѣшили ввозъ негровъ на 20 лѣтъ, участіе трехъ пятыхъ черныхъ въ выборахъ, выдачу бѣглыхъ рабовъ. Намъ уступили изъ французскихъ и мексиканскихъ владѣній землю, изъ которой вышло четыре штата и столько же еще осталось. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ президенты были все съ Юга: Сѣверяне управляли только 20 лѣтъ. Въ союзномъ судѣ засѣдали 18 южанъ и только 11 сѣверянъ, хотя почти $^4/_5$ судебныхъ мѣстъ были на сѣверѣ. То же и въ конгрессѣ. У насъ было 24 сенатора, а у нихъ—11. Въ нижней палатѣ у насъ было 23 предсѣдателя (speaker), у нихъ же 12, хотя большинство депутатовъ всегда принадлежало Сѣверу. То же и въ остальныхъ отрасляхъ управленія. У насъ было 14 генералъ-прокуроровъ, у нихъ—5. Министровъ внутреннихъ дѣлъ съ Юга было 86, съ Сѣвера—54. Посланники, конечно хлопотавшіе о сбытѣ нашего хлопка, табаку и сахара, были по большей части наши, хотя



Digitized by Google

$^3/_4$ дипломатическихъ постовъ заведены сѣверянами, какъ того требовала ихъ обширная торговля. Въ арміи и во флотѣ офицерскія мѣста по преимуществу занимались нами, хотя большинство солдатъ и матросовъ принадлежало Сѣверу. Вообще отчеты за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ доказываютъ, что изъ 3.000 чиновниковъ южанъ было болѣе $^2/_3$, хотя у насъ бѣлые составляютъ лишь третью часть всего населенія. Наконецъ, $^3/_4$ суммы, расходуемой на содержаніе правительства, собираются на Сѣверѣ. А мало ли подобныхъ примѣровъ: въ 1860 году у сѣверянъ расходъ на почту равнялся 14 милліонамъ, а доходъ съ нея—19-ти; у насъ же расхода было 15 милл., а дохода $8^1/_2$; недочетъ въ $6^1/_2$ милліоновъ мы покрыли изъ суммъ Сѣвера!

«И вы хотите разрушить столь выгодный для васъ Союзъ, да еще потратить на это милліоны долларовъ и десятки тысячъ вашихъ сыновей и братьевъ! Вы хотите низвергнуть лучшее въ мірѣ, самое свободное и осторожное правленіе, которое болѣе всѣхъ способно возвысить человѣчество! Уничтожить правленіе, дающее намъ безопасность и миръ, среди окружающихъ элементовъ раздора, и значеніе между націями,—это, по-мнѣ, верхъ безразсудства и нелѣпости! Я никогда не подамъ голоса за это!»

Замѣчательно, что одинъ изъ пламенныхъ южныхъ патріотовъ говорилъ то же самое, что печаталось и разглашалось на Сѣверѣ, въ отвѣтъ на несправедливыя обвиненія плантаторовъ. Послѣ этого не много нужно прибавить, чтобъ исчерпать сущность протеста сѣверянъ.

Сѣверяне доказывали неопровержимыми цифрами, что не менѣе $^5/_6$ суммы, уплаченной за французскія и мексиканскія владѣнія, собраны изъ косвенныхъ налоговъ на свободные штаты. Уступка южанамъ пресловутыхъ трехъ пятыхъ была вопіющею несправедливостью. Чрезъ это число ихъ представителей возрасло на $^1/_{11}$ и они захватили правленіе въ свои руки. А Сѣверъ ничѣмъ не былъ вознагражденъ. Даже налоги не возрасли на Югѣ соотвѣтственно увеличенію числа депутатовъ. Только четыре раза прибѣгали къ прямымъ налогамъ, падающимъ на плантаторовъ. И что это были за налоги?! Разложивъ ихъ на 70 лѣтъ, получимъ менѣе 200.000 далларовъ въ годъ.

Тарифъ былъ изобрѣтенъ Югомъ, ибо онъ облегчалъ прямые налоги и развивалъ хлопчатое дѣло. Уже нѣсколько лѣтъ бѣдняки на Сѣверѣ платятъ налогъ плантаторамъ за каждый фунтъ хлопка, за каждую свѣтильню. Тарифу обязана своимъ сахаромъ

Digitized by Google

Луизіана, въ пользу которой ежегодно уплачивается около пяти милліоновъ долларовъ. Правда, вскорѣ тарифъ сталъ выгоденъ не столько Югу, сколько Сѣверу, но это потому, что плантаторы нуждались въ «библіяхъ, книгахъ, щеткахъ и ведрахъ, въ перьяхъ, чернилахъ, бумагѣ и конвертахъ, въ спичкахъ, башмакахъ, шапкахъ и перчаткахъ, въ зонтикахъ, ножахъ, мебели и стеклѣ, въ фортепіано, игрушкахъ и учебникахъ, въ бездѣлушкахъ, машинахъ, лекарствахъ, надгробныхъ памятникахъ, капиталахъ и т. д.». Да, южане покупали у сѣверянъ всѣ предметы домашняго обихода. Но еслибы не было сѣверянъ, они покупали бы ихъ у англичанъ.

Чѣмъ же виноватъ Сѣверъ въ промышленной спячкѣ и бездарности Юга? Неужели карать его за то, что онъ уже опередилъ своего соперника не только въ этомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ? Въ 1790 году въ Виргиніи было вдвое болѣе населенія, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, а 50 лѣтъ спустя—наоборотъ. Вначалѣ положеніе Массачузета было ничуть не лучше положенія Виргиніи и Сѣверной Каролины, а теперь его доходъ съ фабрикъ и рудниковъ вдвое больше дохода съ хлопка во *всѣхъ* южныхъ штатахъ. Здѣсь нѣтъ и 20.000 неграмотныхъ, а въ Сѣверной Каролинѣ ихъ до 80.000 среди бѣлыхъ, да еще прибавьте 300.000 негровъ, погруженныхъ въ скотское состояніе. Вотъ другой поразительный примѣръ. Свободный Мичиганъ и рабскій Арканзасъ стали штатами въ одно время, въ 1836 году. Прошло двадцать лѣтъ—и какая разница: въ Мичиганѣ втрое больше населенія, впятеро больше доходовъ, въ восемь разъ больше школъ, чѣмъ въ Арканзасѣ! Но еще блистательнѣе третій примѣръ. Въ спеціальности плантаторовъ, въ земледѣліи, Сѣверъ опередилъ Югъ на 50 милліоновъ ежегоднаго дохода. Онъ на одномъ сѣнѣ выручаетъ больше, чѣмъ Югъ на хлопкѣ, табакѣ и рисѣ, взятыхъ вмѣстѣ. Въ трехъ только городахъ (Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и Бостонѣ) одно молоко стоитъ дороже всей смолы, дегтя и канифоли, которыми такъ гордятся южане. Наконецъ, вообще по оцѣнкѣ выходитъ, что общая сумма богатствъ вдвое больше на Сѣверѣ, чѣмъ на Югѣ, принимая даже въ разсчетъ высокую цѣну рабовъ. Да, одинъ штатъ Нью-Йоркъ въ силахъ скупить восемь невольничьихъ штатовъ, и у него еще осталось бы полтораста милліоновъ долларовъ. Сравнительно съ Югомъ, у Сѣвера вдвое больше войска, впятеро—кораблей, вшестеро—дохода, всемеро — патентнаго сбора, вчетверо—школъ, вшестеро—учащихся, впятеро—газетъ.

*

Digitized by Google

Предоставляемъ самимъ плантаторамъ дорисовать картину паденія Юга. Вотъ что было сказано однажды въ законодательной палатѣ высокомѣрной Виргиніи: «Посмотрите, какъ постепенно падаетъ Югъ! Свободнаго населенія уже весьма мало. Жилища пустѣютъ. Поля стоятъ не воздѣланными. Страна принимаетъ какой-то грустный отпечатокъ. Изгнанные-было приближеніемъ человѣка, волки ворочаются стаями. Лѣтъ черезъ сто они будутъ выть здѣсь о печальной долѣ рабовъ... По всему южному прибрежью Атлантики очевидно носится политическая смерть».

Въ чемъ же, какъ не въ рабствѣ, корень зла? Вначалѣ, когда было равновѣсіе силъ между Сѣверомъ и Югомъ, вездѣ было и одинаковое отвращеніе къ этому учрежденію. Но потомъ на Сѣверѣ укрѣпилось это благородное чувство, сообразно съ духомъ новой цивилизаціи, а Югъ измѣнилъ ему,—и даже не Югъ, а горсть его гнусныхъ демагоговъ! Эти господа составляютъ слабое меньшинство населенія. Ихъ нѣтъ и 400.000, въ томъ числѣ до 70.000 мелкихъ плантаторовъ, изъ которыхъ каждый владѣетъ всего парой рабовъ, изъ одного плантаторскаго тщеславія. И эта-то горсть людей предписываетъ законы всей республикѣ! Она одна пользуется всѣми выгодами власти. Остальные бѣлые на Югѣ въ загонѣ. Они подвержены обманамъ и оскорбленіямъ. Они гибнутъ тысячами, не выучившись даже грамотѣ.

Что же сказать про черныхъ, которые считаются тамъ движимой собственностью? Какъ ни оправдывай рабство, оно страшное зло во всѣхъ отношеніяхъ. Оно убиваетъ чувство человѣческаго достоинства, а безъ него гибнутъ общества, поставившія выше всего ложно понятый «государственный» интересъ. Рабство искажаетъ христіанство, которое становится религіей слѣпаго повиновенія. Оно противно просвѣщенію, которое, освобождая человѣка отъ предразсудковъ, прежде всего должно разбить физическія цѣпи. Какъ ни позлащайте его, свободный рабочій будетъ голодать, а не промѣняетъ своей тяжкой доли на трудъ, вынуждаемый палкой и чужими интересами. Рабство не приноситъ и политическихъ выгодъ: ложь, будто при немъ исчезаютъ революціонные элементы. Они только переходятъ изъ низшаго класса населенія въ высшій. Еще болѣе нелѣпо оправданіе рабства въ семейномъ отношеніи. Оно подрываетъ въ конецъ патріархальную основу общества, которою тщеславятся плантаторы. Оно уничтожаетъ семейныя влеченія какъ у рабовъ, такъ и у ихъ господъ. Въ 1850 году девятая, а въ 1860-мъ уже восьмая

Digitized by Google

часть негровъ обратилась въ мулатовъ. Одна дама изъ Каролины съ отчаяніемъ разсказывала о паденіи нравственности на Югѣ, гдѣ госпожи сплошь и рядомъ отдаютъ предпочтеніе слугѣ...

Такъ дремлетъ Югъ, погруженный въ развратъ и застой, свойственный рабству. Съ своей мертвою натріархальностью, съ своимъ «особымъ учрежденіемъ», онъ неспособенъ къ развитію. А Сѣверъ идетъ «на парахъ» по пути прогресса. При столь неравномѣрномъ движеніи частей, какъ было не разорваться обширному Союзу штатовъ, насильно связанныхъ между собою?

## XVII.

### Разрывъ.—«Конфедеративные Штаты Америки».

Разрывъ произошелъ въ послѣдніе дни правленія Бёканана. Поводомъ къ нему послужило избраніе его преемника. Весной 1860 года республиканцы собрались на совѣщаніе въ Чикаго, въ Иллинойсѣ, а демократы—въ Чарльстонѣ, въ Южной Каролинѣ.

Обратимъ вниманіе на чарльстонское собраніе: оно рѣшило судьбу республики.

Въ самомъ началѣ совѣщаній открылось, что меньшинство демократической партіи составило заговоръ. То были фанатики изъ плантаторовъ. Они уже рѣшились на отпаденіе и многое подготовили къ нему, особенно благодаря сенатору Джефферсону-Девису, будущему президенту Юга. Сверхъ того, заговорщики условились поставить ребромъ рабскій вопросъ въ Чарльстонѣ, чтобы принудить сѣверныхъ демократовъ къ рѣшительнымъ поступкамъ. Они не скрывали своего желанія разойтись съ этими ненадежными друзьями, склонными къ аболиціонизму. Въ чарльстонскомъ собраніи плантаторы потребовали не только полнаго обезпеченія рабства, но даже возобновленія африканской торговли. У нихъ уже устроились общества для доставленія негровъ. Ихъ суды оправдывали экипажи кораблей, пойманныхъ съ живымъ товаромъ. А губернаторъ Южной Каролины имѣлъ дерзость объявить оффиціально, что немедленно возстановится привозъ негровъ изъ Африки. Сѣверные демократы заявили, что не допустятъ вмѣшательства правительства въ пользу рабства. Сверхъ того, они горячо отстаивали идею централизаціи, кото-

Digitized by Google

рая уже была принята ими при избраніи Бёканана. При баллотировкѣ, ихъ мнѣнія восторжествовали. Тогда представители невольничьихъ штатовъ, съ алабамцами во главѣ, покинули собраніе. Такъ совершилось разрушеніе нѣкогда столь могущественной партіи демократовъ. Послѣднимъ ударомъ для нея былъ громкій скандалъ при президентскихъ выборахъ. Въ ноябрѣ 1860 года сѣверные демократы выбрали Дугласа изъ Иллинойса, южные—Брекинриджа изъ Кентуки. За перваго было 1.375.157 голосовъ, за втораго только 848.000

Въ то же время республиканцы избрали въ Чикаго Линкольна 1.866.452 голосами.

Постановка рабскаго вопроса была ясна, какъ нельзя болѣе. Брекинриджъ доказывалъ, что плантаторъ вправѣ поселять рабовъ въ территоріяхъ и конгрессъ даже обязанъ помогать ему тамъ, гдѣ мѣстные законы воспрещаютъ рабство. Дугласъ утверждалъ, что введеніе невольничества зависитъ отъ воли самихъ территорій, которую не можетъ стѣснять приговоръ верховнаго суда. Линкольнъ былъ вообще противъ введенія рабства въ территоріяхъ, хотя бы даже его желало населеніе. По его мнѣнію, такое желаніе могло быть только слѣдствіемъ происковъ плантаторовъ, которые конгрессъ обязанъ подавлять повсюду.

Замѣчательно, что реснубликанцы заботились только о будущемъ. Они нисколько не грозили существующему рабству. Мало того. Они усердно заявляли, что сдерживаются ради цѣлости Союза, которымъ дорожатъ больше всего на свѣтѣ. Вся рѣчь Линкольна, при вступленіи въ президентство, была теплымъ выраженіемъ этой мысли. Но Югъ былъ до того раздраженъ, что примиреніе было не мыслимо. Виной тому были демагоги, о которыхъ говорилось выше. Они навели на южанъ ужасъ, который можно сравнить только съ эпохой конвента. Особенно отличались «рыцари Золотаго Общества», схожаго съ тайными судилищами среднихъ вѣковъ. Они покрыли Югъ и даже сѣверные города сѣтью тайныхъ ложъ, съ условными знаками и словами. Они присуждали къ смерти всякаго, кто желалъ мирнаго исхода борьбы. Словно ассасины, собирали они убійцъ въ тайныя засѣданія и указывали имъ жертвы. Въ Георгіи въ полтора мѣсяца они перевѣшали не менѣе сотни «линкольнитовъ и низкихъ аболиціонистовъ». Въ то же время демагоги разсѣявали безпримѣрно ложные слухи. «Никогда, говоритъ одинъ изъ южанъ, — никогда еще такъ не обманывали людей!»

Digitized by Google

При такомъ настроеніи общества, нужна только искра, чтобы вспыхнуло междоусобіе. Читатель, вѣроятно, догадывается, что первый шагъ былъ сдѣланъ Южною Каролиной. 17 декабря 1860 года вожди плантаторской аристократіи объявили въ Чарльстонѣ: «Штатъ Южная Каролина выступаетъ изъ Союза, именуемаго Соединенными Штатами». Торжественная процессія отправилась на кладбище св. Филиппа, на могилу Кальгуна. Мужчины клялись не пожалѣть живота и добра за независимость своего штата. Дамы въ чепцахъ изъ бѣлой и черной бумаги, приготовляемой въ Георгіи, еще пламеннѣе изъявляли патріотическій восторгъ. На улицахъ стрѣляли изъ пушекъ, звонили въ колокола, играли польку и марсельезу. Взвилось знамя независимости—красное съ голубымъ крестомъ и 15 звѣздами, а надъ ними поллуны и пальмовая вѣтвь. Газеты напыщенно возвѣстили о радостномъ «окончаніи дѣла, которое тянулось цѣлыя тридцать лѣтъ». Свѣдѣнія о сѣверныхъ штатахъ появились въ отдѣлѣ «Иностранныхъ извѣстій». Губернаторъ получилъ полномочіе принимать иностранныхъ пословъ и назначать своихъ. Онъ составилъ собственный кабинетъ изъ пяти министровъ.

Около того времени собрался конгрессъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что̀ скажетъ президентъ. Послѣднее посланіе Бёканана никого не удовлетворило. Правда, въ немъ было ясно сочувствіе къ Югу. Президентъ обвинялъ сѣверянъ въ возмущеніи рабовъ. Онъ требовалъ дать ходъ невольничеству въ территоріяхъ, строго исполнять законъ о бѣглыхъ рабахъ, отмѣнить всѣ противныя постановленія. Было даже заявлено, что ни *конгрессъ, ни правительство не имѣютъ права поднимать оружіе противъ отдѣльныхъ штатовъ*. Но въ посланіи было выражено твердое желаніе сохранить Союзъ. Бёкананъ утверждалъ, что выборъ Линкольна не можетъ быть поводомъ къ разрыву.

Въ конгрессѣ послѣдовалъ рядъ бурныхъ, но безплодныхъ засѣданій. Южане ознаменовали ихъ запальчивыми рѣчами и неумѣстными предложеніями. Въ палатѣ депутатовъ требовали то раздѣленія республики на четыре державы, то замѣны президентства тріумвиратомъ съ трибунскою властью. Въ сенатѣ одинъ ораторъ, словно предвѣщая участь Линкольна, сказалъ о вѣрномъ Союзу техасскомъ губернаторѣ: «Если онъ пренебрегаетъ мнѣніемъ общества, то среди техасцевъ навѣрное найдется свой Брутъ!» Конечно, было предложено также не мало сдѣ-

Digitized by Google

локъ, но слишкомъ поздно. Сенаторы Южной Каролины первые вышли изъ конгресса. За ними послѣдовалъ Джефферсонъ-Девисъ изъ Миссисипи. Онъ «кротко и съ грустью сказалъ послѣднее прости» собранію. Остальные южане уходили съ проклятіями: кто кричалъ о борьбѣ на смерть; кто грозилъ пиратами и Европой, особенно Англіей.

Въ февралѣ 1861 года, въ Монгомери (въ Алабамѣ) собрались представители первыхъ семи штатовъ, отпавшихъ отъ Союза: Южной Каролины, Георгіи, Флориды, Алабамы, Миссисипи, Луизіаны и Техаса. Эта шестая часть республики *) объявила себя независимымъ государствомъ, подъ именемъ *Конфедеративныхъ Штатовъ Америки*. Тотчасъ же были избраны, на шесть лѣтъ, въ президенты—Девисъ, въ вице-президенты Стефенсъ. Конституція, начертанная въ Монгомери, была, по формѣ, сколкомъ съ союзной. Но идея ея, конечно, состояла въ рабствѣ и самодержавіи штатовъ. Девисъ утверждалъ, что это—почти копія объявленія независимости 1775 года, и поэтому поступокъ южанъ вовсе не революція. Стефенсъ доказывалъ, что необходимость рабства—великая философская истина, которую могутъ отрицать только безумцы или фанатики. Онъ былъ убѣжденъ, что вскорѣ весь міръ приметъ эту идею. И тогда только человѣчество станетъ вполнѣ достойно классической древности—этого недосягаемаго совершенства!

Первымъ дѣломъ новыхъ властей было принудить къ разрыву остальные невольничьи штаты, которые еще колебались. Ихъ было шесть. Во главѣ ихъ стояла богатая Виргинія. Мы знаемъ, что она наживалась отъ разведенія рабовъ для продажи. Съ этого промысла она получала 12 милліоновъ въ годъ, ибо дешевле тысячи долларовъ нельзя было купить раба. Чтобы побѣдить нерѣшительность Виргиніи, Девисъ объявилъ, что южный конгрессъ можетъ запретить ввозъ рабовъ изъ штатовъ, не вошедшихъ въ Конфедерацію. Сверхъ того, были приняты строгія мѣры противъ тѣхъ южанъ, которые совсѣмъ не сочувствовали отпаденію. Послѣ такихъ поступковъ съ друзьями, не удиви-

*) По переписи (восьмой) 1860 года, въ Союзѣ было: 34 штата, 7 территорій и округъ Колумбія. Жителей 32 милліона, въ томъ числѣ 4 милліона рабовъ, полмилліона свободныхъ цвѣтныхъ и 300.000 индѣйцевъ. Въ семи отпавшихъ штатахъ было пять милліоновъ жителей, половину которыхъ составляли рабы.

Digitized by Google

тельно безцеремонное обращеніе Конфедераціи съ врагами. Она объявила своимъ кредиторамъ, что отказывается отъ уплаты долговъ. Въ это время Югъ былъ долженъ Сѣверу почти двѣсти милліоновъ долларовъ!

Эти первые законы Конфедераціи издавались совершенно спокойно въ ея временной столицѣ, Монгомери. Зачинщики отпаденія думали, что уже все кончено и остается только поумнѣе устроить новую державу. Они были убѣждены, что нѣтъ причины къ кровопролитію. Къ тому же, забывая, что именно промышленные и торговые народы ведутъ самыя упорныя войны, они готовы были биться объ закладъ, что меркантильные сѣверяне и не подумаютъ вооружаться.

Любопытно, что передъ самымъ началомъ войны это заблужденіе было сильно распространено повсюду, какъ на Югѣ, такъ и на Сѣверѣ. Вездѣ смотрѣли на столкновеніе, какъ на обычное слѣдствіе избирательныхъ интригъ. Всѣ были увѣрены въ его безнаказанности, что и было подтверждено посланіемъ Бёканана. Сѣверяне даже не обращали вниманія на явную измѣну Южной Каролины. Она казалась имъ вспышкой, на которую лучше всего смотрѣть сквозь пальцы, чтобы передвиженіями войскъ не внушить опасеній южанамъ. Сѣверъ не принималъ никакихъ мѣръ не только къ своей защитѣ, но даже къ подавленію шпіонства и измѣны въ своей администраціи. За это онъ жестоко поплатился въ началѣ войны.

## XVIII.

### Первые выстрѣлы.—Бёкананъ.

Мы видѣли, что разрывъ совершился спокойно. Такъ было вездѣ, и въ Монгомери, и въ Вашингтонѣ. Исключеніе представлялъ одинъ Чарльстонъ.

Казалось, будто тѣнь Кальгуна бродитъ на своей родинѣ. Запальчивыми аристократами Южной Каролины овладѣлъ духъ воинственности. Прикрываясь отвергнутой ими конституціей Союза, они твердили, что центральная власть не смѣетъ тронуть ихъ, а сами собирались напасть на Вашингтонъ. Когда этотъ отважный планъ не удался, вслѣдствіе колебаній Вирги-

Digitized by Google

ніи, они рѣшились взять въ плѣнъ маіора Андерсена, стоявшаго въ Чарльстонѣ съ отрядомъ союзныхъ войскъ, всего въ 70 человѣкъ. Андерсенъ выслѣдилъ заговоръ и просилъ подкрѣпленія у военнаго министра, Флойда. Отвѣта не было. Андерсенъ рѣшился спасаться на свой страхъ. Въ Рождественскую ночь 1860 года онъ заклепалъ орудія плохаго укрѣпленія, гдѣ стоялъ его отрядъ, и перешелъ въ сильный фортъ Сумтеръ, вооруженный 75 пушками.

Личность военнаго министра вскорѣ выяснилась. Онъ вышелъ въ отставку, и тотчасъ же слѣдствіе обнаружило замѣчательные факты. При помощи Флойда, въ одномъ министерствѣ пропало около милліона долларовъ. Изъ сѣверныхъ арсеналовъ было перевезено въ южные множество ружей, пушекъ, провіанта и болѣе чѣмъ на полтора милліона рублей комиссаріатскихъ запасовъ. Значительная часть арміи была отправлена въ отдаленныя области Техаса, подъ начальствомъ генерала, который вскорѣ передался южанамъ. Вообще Флойдъ—образецъ измѣнниковъ, которыми кишѣла администрація Бёканана.

Между тѣмъ, какъ креатуры южанъ расхищали союзную казну и запасались военными силами, южные каролинцы пришли въ негодованіе отъ пуступка майора, желавшаго спасти отъ явной гибели свой маленькій отрядъ. Они прислали въ Вашингтонъ депутацію съ требованіемъ немедленно отозвать войска изъ Чарльстона. Но телеграфъ уже извѣстилъ президента, что каролинскій флагъ развѣвается на двухъ фортахъ и на арсеналѣ, гдѣ было запасовъ на милліонъ долларовъ. Бёкананъ указалъ депутаціи на эти событія, а также на поступки Флойда, и оправдывалъ Андерсена. Сверхъ того, онъ заявилъ, что никогда не признаетъ независимости Южной Каролины. Конституція не допускаетъ расторженія Союза, и случаи, подобные настоящему, поступаютъ на обсужденіе конгресса.

Въ отвѣтъ на эти заявленія депутація подала Бёканану грубый, оскорбительный протестъ. Южные каролинцы сожалѣли, что доселѣ смотрѣли на президента, какъ на человѣка «честнаго и заслуживающаго довѣрія согражданъ». Бекананъ не принялъ этой бумаги. Тогда Джефферсонъ-Девисъ внесъ ее въ сенатъ, осыпая оскорбленіями «слабаго, непостояннаго человѣка въ Бѣломъ Домѣ». Сенаторы не только приняли чарльстонскій протестъ, но и обнародовали его въ газетахъ. Этого только и недоставало, чтобы южные каролинцы получили достойное на-

Digitized by Google

казаніе за свою безтактность. Теперь отъ нихъ отвернулись не только сѣверные друзья и общественное мнѣніе Европы, но даже сами южане. Съ этихъ поръ южные каролинцы уже никогда не пользовались властью въ Конфедераціи.

Запальчивый протестъ южныхъ каролинцевъ всего лучше обрисовываетъ и личность Бёканана, и его политическое положеніе. О послѣднемъ президентѣ съ Юга было высказано много различныхъ мнѣній, какъ въ американской, такъ и въ европейской печати. Большинство склоняется къ обвиненію его въ государственной измѣнѣ. Думаютъ, что онъ зналъ всѣ происки южанъ и тайно покровительствовалъ имъ, притворяясь вѣрнымъ Союзу. Въ виду этихъ обвиненій, любопытно новѣйшее мнѣніе американскаго историка, одушевленнаго идеями Сѣвера. Вотъ собственныя слова Дрепера:

«Бекананъ жилъ въ атмосферѣ, зараженной измѣною. Весь его кабинетъ находился въ разстройствѣ. Люди, которымъ онъ довѣрялъ тайны своей политики, обманывали его. Нельзя было отправить корабля съ секретною цѣлью, чтобы телеграфъ немедленно не увѣдомилъ объ этомъ враговъ. Весь Вашингтонъ обратился въ толпу шпіоновъ. Все, что говорилось въ совѣтѣ при закрытыхъ дверяхъ, постоянно передавалось въ Монгомери. Сенаторы, присягавшіе поддерживать союзную конституцію, изыскивали всѣ способы къ ея уничтоженію. Депутаты засѣдали въ конгрессѣ только для того, чтобы препятствовать правильному ходу законодательства и оказывать посильную услугу мятежникамъ....

«Составлялись конвенты, съ цѣлью проповѣдывать отпаденіе въ отдаленныхъ штатахъ. Телеграфы и почта были завалены этою пропагандой. Офицеры не исполняли своихъ обязанностей и предавали армію. Матросы сдавали корабли. Даже обкрадывались арсеналы. Само правительство было обезоружено втихомолку. Всѣ его военные запасы были переданы врагамъ. Его войска, подъ разными предлогами, были высланы къ границамъ, гдѣ ихъ легче можно было захватить. Весь флотъ былъ разсѣянъ по океану самымъ коварнымъ образомъ. Финансы съ пагубнымъ искусствомъ были доведены до того, что ужъ ихъ нельзя было поправить. Сплошь и рядомъ ненадежные люди занимали общественныя мѣста. Если же иногда сами они оказывались честными, то ихъ жены и дочери измѣняли имъ. Отъ этихъ дамъ ничего нельзя было скрыть. Онѣ окончательно развращали все общество въ Вашингтонѣ....

Digitized by Google

«Подобное положеніе могутъ выносить только такія личности, какъ Кромвель. А слабыя личности, въ родѣ Бёканана, приходятъ въ смущеніе отъ него. Когда Бёкананъ увидѣлъ, какъ ужасно положеніе республики, когда онъ понялъ, что ему придется отвѣчать за все не только оффиціально, но и лично, ему казалось, что онъ долженъ умереть, что его убьютъ. «Я ста«рался, говорилъ онъ, угодить обѣимъ партіямъ—и обѣихъ воз«становилъ противъ себя. Я совершенно одинокъ въ цѣломъ «мірѣ»....

«По внѣшности, со времени Вашингтона, никто такъ не напоминалъ европейскаго государя, какъ Бёкананъ. Обращеніе его было полно достоинства и такта, но пріятно. Его постоянно окружали женскія интриги. Въ политикѣ Бёкананъ все возлагалъ на отвѣтственность конгресса. Самъ онъ предлагалъ только пустыя сдѣлки съ заговорщиками, когда тѣ уже торжествовали.... Перешагнуть черезъ бушующую бездну революціонной Ніагары не легко акробату, который со страхомъ держится на высотѣ и посреди пути рискуетъ потерять балансъ».

Окруженный анархіей и измѣной, Бёкананъ трусилъ, колебался и не зналъ, что дѣлать. Этимъ пользовались мятежники. Они продолжали безпрепятственно захватывать достояніе Союза—арсеналы, форты, редуты, провіантъ, таможни, корабли, казну и даже солдатъ. Всего было награблено ими не менѣе, какъ на 40 милліоновъ долларовъ.

Только разъ Бёкананъ рѣшился обнаружить признаки энергіи. Ночью 4 января 1861 года изъ Нью-Йорка вышелъ тайкомъ казенный пароходъ съ войскомъ для подкрѣпленія Андерсена. Но при входѣ въ Чарльстонскую гавань его встрѣтилъ огонь съ фортовъ, на которыхъ развѣвался каролинскій флагъ. Пароходъ едва спасся, потерявъ руль. То были *первые выстрѣлы въ теченіе тридцатилѣтней борьбы между Сѣверомъ и Югомъ*. Ими началась гражданская война.

Итакъ, въ американскомъ междоусобіи незавидная честь почина безспорно принадлежитъ родинѣ Кальгуна. Въ Чарльстонѣ впервые обнаружилась кровожадность, которою отличался Югъ во время войны. Здѣсь нарядныя дамы и джентльмены ходили толпами смотрѣть, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ. Когда союзный флагъ былъ сбитъ съ форта Сумтеръ, толпой овладѣлъ энтузіазмъ: раздались веселыя пѣсни, полилось рѣкой шампанское.

«Горячій призывъ къ пролитію братской крови пронесся от-

Digitized by Google

сюда по всѣмъ южнымъ водамъ и горамъ,—и поднялись всѣ штаты отъ Чезапикскаго залива до границъ Мексики». Южане словно опьянѣли. Имъ представлялся какой-то миражъ несбыточной славы и счастія. Они кричали, что сѣверяне ополчаются изъ зависти къ ихъ высшей цивилизаціи, къ ихъ честной и благочестивой жизни. Не было предѣловъ самохвальству и обидчивости южанъ, вызвавшей столько насмѣшекъ въ Европѣ. Журналы и газеты увѣряли безграмотный людъ, что онъ очень образованъ, уменъ и вѣжливъ. А о силѣ его и говорить нечего! «Мы закидаемъ врага шапками! Пятерыхъ, а пожалуй и цѣлый десятокъ янки подавай на одного южанина! Мы покончимъ съ ними въ нѣсколько дней *)! Намъ не привыкать къ верховой ѣздѣ и оружію! Съ толпами нашихъ рабовъ, мы тотчасъ же разоримъ всѣ долины Сѣвера, разрушимъ до основанія его блестящіе, кичливые города»....

Кто могъ подумать тогда, что на Югѣ этотъ энтузіазмъ вскорѣ смѣнится отчаяніемъ? Кто изъ свидѣтелей первыхъ выстрѣловъ въ Чарльстонѣ могъ повѣрить безпримѣрному разрушенію этого изящнаго города? Вотъ въ какія развалины обратилась гордая столица Южной Каролины, по свидѣтельству очевидца:

«Пристань представляетъ такой видъ, какъ будто она была въ запустѣніи цѣлое полстолѣтіе. Всюду разбросаны камни. По тротуарамъ, тамъ, гдѣ, бывало, сновали суетливые торговцы, растетъ трава. Торговые склады у рѣки, улицы, дома, магазины, общественныя зданія—все приводитъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе. Чѣмъ больше осматриваешься, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ изумленіе. Перомъ не описать этой сцены! Никакая фантазія не можетъ представить полнѣйшаго опустошенія повсюду—вверху и внизу, направо и налѣво. Вездѣ, рѣшительно вездѣ, одно разрушеніе. Вездѣ окна безъ стеколъ, стѣны разрушены, двери выломаны, столбы покосились. Нигдѣ, ни въ Помпеѣ или Геркуланумѣ, ни въ Тадморѣ или на Нилѣ, не встрѣтишь столь краснорѣчивыхъ развалинъ. Тамъ онѣ свидѣтельствуютъ о давноминувшихъ и забытыхъ временахъ, жизнь которыхъ никогда не была близка нашему сердцу. Здѣсь же, на этихъ разрушенныхъ домахъ нашей архитектуры, мы читаемъ знакомыя имена. Передъ нами слѣды торговли, промышленности, коммер-

*) Это мнѣніе раздѣлялъ самъ Девисъ, какъ видно изъ его разговора съ докторомъ въ темницѣ.

Digitized by Google

ческихъ учрежденій, которыхъ мы насчитываемъ тысячами въ каждомъ городѣ. И все это погибло, уничтожено! Все это такъ же безмолвно, какъ могилы фараоновъ, и такъ же пусто, какъ торговые склады стараго Тира».

Переносясь мыслію къ моменту отпаденія Южной Каролины, Дреперъ говоритъ: «Еслибы кто-нибудь вздумалъ заглянуть въ зданіе, гдѣ подписывалось это рѣшеніе, тому, быть-можетъ, свободный негръ указалъ бы только на груду мусора и щебня. Даже могилы на кладбищѣ св. Филиппа были разорены. Только прахъ великаго учителя (Кальгуна) былъ скрытъ и спасенъ отъ жестокости побѣдителей. Исполнилось пророчество, возвѣщенное на дальнемъ Сѣверѣ: «Возстаніе началось тамъ, гдѣ «Чарльстонъ; а окончилось оно тамъ, гдѣ *былъ* Чарльстонъ».

## XIX.

### Значеніе междоусобной войны.—Типъ современнаго американца.—Линкольнъ.

Три поколѣнія американцевъ сошли въ могилу, унося съ собой различныя чувства. Первое завоевало независимость Америки и образовало единую сильную націю. Второе было жертвой непреложныхъ законовъ природы и исторіи. При немъ произошло распаденіе націи на два враждебныхъ лагеря и развилось рабство—это преступленіе передъ человѣчествомъ, которое пришлось потомъ искупать потоками братской крови. Въ третьемъ поколѣніи все еще господствовалъ Югъ; но уже появились проблески новой эпохи. Ему принадлежитъ развитіе аболиціонизма, возникшаго при второмъ поколѣніи. Новая идея, вытекшая изъ глубокаго пониманія христіанства и цивилизаціи, уже вступила въ борьбу съ принципомъ моисейства и классическаго міра. Чѣмъ ближе къ концу этого періода, тѣмъ блистательнѣе ея побѣды. Республиканская партія усиливается на счетъ демократической, подверженной разложенію. Третье поколѣніе всего лучше характеризуется мимолетнымъ появленіемъ виговъ. Его должно назвать *переходнымъ*.

Безпримѣрное междоусобіе отдѣляетъ четвертое поколѣніе американцевъ отъ третьяго. Оно служитъ новымъ свидѣтель-

Digitized by Google

ствомъ могущества Соединенныхъ Штатовъ. Намъ понятна патріотическая гордость, съ которою американскій историкъ приступалъ къ описанію междоусобной войны. «Я разскажу подробно, говоритъ Дреперъ, о необыкновенныхъ усиліяхъ и пораженіяхъ съ одной стороны, о непреклонной стойкости и побѣдахъ—съ другой. Я опишу предпріятія, затмѣвающія величіемъ и блескомъ войны Французской имперіи,—переворотъ въ военномъ дѣлѣ, произведенный желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, нарѣзными орудіями, броненосцами и другими изобрѣтеніями нашего ученаго вѣка,—развитіе финансовъ, достигшее невиданныхъ размѣровъ. Я разскажу, какъ среди свободнаго народа возникали арміи, которыя, при всѣхъ бѣдствіяхъ и потеряхъ, нѣсколько лѣтъ поддерживались въ милліонномъ составѣ; какъ санитарныя комиссіи и частная благотворительность соперничали съ правительствомъ и даже превзошли его въ усиліяхъ уменьшить на половину ужасы поля битвы и госпиталя».

Истинная сила великодушна. Американская нація, столь горячая и отважная въ бою, сохранила собственное достоинство во время торжества. «По примѣру своихъ предковъ, говоритъ Дреперъ, побѣдители возвратились съ поля битвы на свои фермы, въ лавки и фабрики. Правительство, вызванное на бой и побѣдившее, съ презрѣніемъ отвергло мысль о мести и плахѣ. Оно руководилось идеей, что должно устранять *причины* политическихъ преступленій, а не наказывать преступниковъ».

Замѣчательны были и слѣдствія войны. Намъ кажется, что они распространяются за предѣлы своей эпохи. Весьма важно освободить четыре милліона людей, считавшихся продажною собственностью. Но еще важнѣе *подорвать въ основаніи ложный принципъ*, который такъ долго развращалъ и позорилъ общества. Мы думаемъ, что послѣ уроковъ американской войны вообще должно поколебаться рабство во всѣхъ его видахъ. Кто теперь станетъ сомнѣваться въ побѣдѣ свободы и равноправія надъ деспотизмомъ и аристократизмомъ?

Мы придаемъ міровое значеніе и другому слѣдствію американской войны. Вѣрная идеѣ своихъ основателей, республика Соединенныхъ Штатовъ снова объединилась. Усилія двухъ поколѣній расторгнуть Союзъ оказались тщетными. Четвертое поколѣніе подаетъ руку первому. Имя Линкольна сливается съ именами Франклина и Вашингтона, а прахъ Кальгуна едва

Digitized by Google

спасла отъ ярости побѣдителей горсть южныхъ фанатиковъ. *Нынѣ Соединенные Штаты представляютъ собой болѣе сильную и прочную державу, чѣмъ прежде.* Они также «крещены кровью и желѣзомъ», какъ новая Нѣмецкая имперія. Но только кровь американцевъ лилась за благородныя идеи, безъ которыхъ немыслимо дальнѣйшее развитіе человѣчества. Эти идеи стали теперь еще дороже гражданамъ великой республики. А могущество, пріобрѣтенное американцами черезъ гражданскую войну, даетъ имъ возможность съ честью отстаивать повсюду свои жизненныя начала.

По старымъ сказкамъ, великіе перевороты въ природѣ предзнаменовали рожденіе богатыря. Теперь наше воображеніе могутъ поражать только подвиги человѣчества, жизнь котораго менѣе объяснена, чѣмъ законы природы. Съ этой точки зрѣнія, въ исторіи мало такихъ знаменательныхъ событій, какъ тѣ, которыми окружено рожденіе четвертаго поколѣнія американцевъ. Оно запечатлѣно войной, изумившею міръ, страшнымъ пролитіемъ братской крови и безпримѣрною побѣдой лучшей изъ идей, когда-либо одушевлявшихъ человѣчество. Невольно возникаетъ мысль, что это—героическое поколѣніе. Ему суждена великая, міровая роль въ исторіи, и оно сумѣетъ исполнить свои задачи, какъ бы онѣ ни были обширны.

Въ виду этого, читатель извинитъ наше желаніе, разставаясь съ прошлымъ Америки, высказаться о томъ, что еще не стало достояніемъ исторіи. Мы желаемъ только, чтобы наше мнѣніе послужило ему поводомъ къ размышленію о предстоящихъ судьбахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Задаваясь вопросомъ о задачахъ четвертаго поколѣнія американцевъ, мы должны начать съ самыхъ крупныхъ и очевидныхъ признаковъ, которые, съ 1865 года, свидѣтельствуютъ о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Америкѣ. Здѣсь прежде всего передъ нами возстаетъ тѣнь одного изъ лучшихъ людей Американской республики, павшаго жертвой гражданскаго долга. Память Линкольна такъ же священна для нынѣшнихъ американцевъ, какъ память Франклина, Вашингтона и Джефферсона. Они клянутся его незабвеннымъ именемъ. Они указываютъ на него, какъ на самое симпатичное и незапятнанное воплощеніе своего идеала. Несомнѣнно, что *пока* Линкольнъ можетъ считаться представителемъ четвертаго поколѣнія американцевъ.

*Авраамъ Линкольнъ* родился въ 1809 году, въ сѣверномъ

Digitized by Google

Кентукки, въ семьѣ безграмотныхъ и весьма бѣдныхъ пуританъ. Нужда заставила его родителей покинуть родину, когда мальчику было восемь лѣтъ. Они поплыли вдоль по теченію Огіо и сколотили избушку въ Индіанѣ. Здѣсь будущій президентъ, уже девятнадцати лѣтъ, кое-какъ обучился грамотѣ и нанялся въ матросы на Миссисипи, за десять долларовъ въ мѣсяцъ. Затѣмъ онъ переселился въ Иллинойсъ, собственноручно пригнавъ съ собой скотъ и бревна для избы. Вскорѣ Линкольнъ завелъ лавочку и изучилъ землемѣрство. Ему было 25 лѣтъ, когда его выбрали въ законодательную палату Иллинойса. Теперь Линкольнъ ревностно занялся законами и сталъ адвокатомъ. Вскорѣ его послали депутатомъ въ конгрессъ. Здѣсь его задачей была упорная защита свободы. Вмѣстѣ съ главными республиканцами, онъ подавалъ голосъ противъ присоединенія Техаса, мексиканской войны и вообще противъ всѣхъ мѣръ, клонившихся къ распространенію рабства.

«Линкольнъ, говоритъ Нейманъ, не получилъ ни высшаго, ни даже литературнаго образованія. Библія и Шекспиръ, которые, правда, могутъ всякаго сдѣлать достойнымъ человѣкомъ, — были его главною, если не единственною, умственной пищей. Природа не дала ему отличныхъ дарованій. За то «старый, честный Аврамуша», какъ называли его сограждане, обладалъ тѣмъ, что всего важнѣе въ практической жизни. У него былъ сильный здравый смыслъ, чистѣйшее сердце и возвышенный образъ мыслей — эти источники истиннаго краснорѣчія и благодѣтельныхъ поступковъ. Линкольнъ думалъ, жилъ и дѣйствовалъ заодно съ своимъ народомъ. Онъ даже усвоилъ его разговоръ, пересыпанный забавными и шутливыми разсказами. Массы, во многихъ отношеніяхъ, всегда остаются дѣтьми. Имъ всего болѣе нравятся веселыя, смѣшныя, лукавыя выходки и поговорки, нравоученіе которыхъ производитъ на нихъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ всѣ заповѣди и запрещенія, проповѣди и нравственныя правила. Линкольнъ почерпалъ свою политическую мудрость изъ объявленія независимости, да изъ жизни и дѣяній Вашингтона, Джефферсона и Мадисона, которыя онъ изучилъ, главнымъ образомъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ обожаемаго имъ Клея».

Линкольнъ—*типъ гражданина Соединенныхъ Штатовъ*. Этотъ типъ, которому принадлежитъ будущность страны, создался именно у Миссисипи. Вотъ какъ характеризуетъ его Дреперъ:



Digitized by Google

«Обитатели атлантическаго прибрежья не вполнѣ американцы, это—еще колонисты. Они заимствуютъ много идей изъ Европы. Настоящій американецъ — въ великой долинѣ. Онъ чуждъ европейскихъ воззрѣній и критики. На подобныя затѣи онъ смотритъ равнодушно, даже съ пренебреженіемъ. Ему суждено быть гражданиномъ великой республики, — и онъ презираетъ «бездѣльниковъ и тунцъ». Для него нѣтъ другаго превосходства, кромѣ личныхъ достоинствъ. Совершенное дитя по природѣ, онъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Индивидуализмъ доходитъ въ немъ до крайности. Но, словно для контраста, въ немъ развитъ самый теплый патріотизмъ. Длинные луга подъ безпредѣльнымъ сводомъ небесъ, да судоходныя рѣки, впадающія въ одну главную, постоянно поддерживаютъ въ немъ стремленіе къ единству. Въ междоусобную войну никто не стоялъ такъ упорно за республику, никто не былъ такъ вѣренъ Союзу, какъ свободные штаты великой долины».

Основная задача, которую преслѣдуетъ въ своей жизни этотъ «настоящій американецъ», также видна изъ дѣятельности Линкольна. *Неразрывный Союзъ, цѣльность государства* были для него аксіомой, жизненнымъ убѣжденіемъ. Вотъ его собственныя слова, сказанныя весной 1861 года, при вступленіи въ президентство: «Я стою на томъ, что, съ точки зрѣнія общественнаго закона и конституціи, союзъ всѣхъ штатовъ утвержденъ на-вѣки. Понятіе вѣковѣчности лежитъ въ основаніи всякаго національнаго правительства. Можно утверждать безошибочно, что никакое государство не допуститъ такого измѣненія въ своихъ органическихъ законахъ, которое клонилось бы къ его погибели. Исполняйте всѣ предписанія нашей конституціи—и Союзъ будетъ существовать вѣчно».

«*Мы не можемъ раздѣлиться* уже по физическому устройству нашей земли. Мы не можемъ оторвать другъ отъ друга двѣ разнородныя части нашей націи. Мы не можемъ вывести между ними высокую стѣну. Мужъ и жена могутъ развестись и разъѣхаться такъ, чтобы никогда не видаться; но разнородныя части нашей страны не могутъ этого сдѣлать. Онѣ должны быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ между собой, все равно—дружескихъ или враждебныхъ. Но могутъ ли договоры между врагами быть лучше законовъ, созданныхъ друзьями? И могутъ ли враги лучше исполнять свои договоры, чѣмъ друзья свои законы? Положимъ, война разразится. Но, вѣдь, нельзя же вѣч-

Digitized by Google

но драться. А когда вы, понеся огромныя потери и не достигнувъ никакихъ выгодъ, перестанете драться, — передъ вами возникнутъ тѣ же самые вопросы о вашихъ взаимныхъ отношеніяхъ».

Идеѣ цѣлости великой республики подчинялись всѣ мысли и чувства Линкольна, не исключая его горячей ненависти къ рабству. «Борьба свободы съ рабствомъ, сказалъ онъ, прекратится не раньше, какъ когда настанетъ полное рѣшеніе вопроса. Непрочно зданіе, разбитое пополамъ. Я увѣренъ, что эта земля не можетъ вѣчно служить наполовину рабству, наполовину свободѣ. Не думаю, чтобы Союзъ былъ расторгнутъ, чтобы домъ рухнулъ, но я увѣренъ, что мы на пути къ уничтоженію раздѣльности. *Зданіе должно быть, и будетъ,—цѣльнымъ, такъ или иначе.* Или рабство будетъ совсѣмъ уничтожено его врагами, или оно будетъ распространено его друзьями по всѣмъ штатамъ».

Оттого-то Линкольнъ былъ врагъ всякихъ компромиссовъ и затягиваній дѣла. Его мучило нерѣшительное положеніе, которое ослабляло Союзъ и подрывало его будущность. Прочь всѣ сомнѣнія и разсчеты! Впередъ за правое дѣло, хотя бы побѣдили враги! «Долой софистическіе толки о полумѣрахъ, о сдѣлкахъ между добромъ и зломъ! Это все равно, что искать человѣка, который былъ бы ни живъ, ни мертвъ. Подите вы, съ своей государственною мудростью, съ своимъ «мое дѣло—сторона» въ вопросѣ, который касается всего человѣчества! Мы должны держаться своего долга и безъ всякихъ разсужденій, изо всей силы отвергать всякое дурное внушеніе. Пусть не страшитъ насъ тюрьма! Будемъ твердо вѣрить, что въ справедливости—сила. Будемъ же поступать по этой вѣрѣ, какъ повелѣваетъ намъ долгъ, до конца нашихъ дней».

Другой разъ Линкольнъ столь же горячо высказалъ увѣренность въ томъ, что свобода, одушевляющая республику, одержитъ полную побѣду. «Я никогда не разстанусь съ этимъ убѣжденіемъ», воскликнулъ онъ: «пусть хоть убьютъ меня на этомъ мѣстѣ!» И Линкольнъ палъ па своемъ благородномъ посту защитника свободы. За этотъ благородный подвигъ ножъ убійцы преслѣдовалъ его во все его правленіе. Тайкомъ прибылъ Линкольнъ въ Бѣлый Домъ. Уже тогда друзья едва спасли его отъ засады южанъ. Прошло четыре года — и Линкольнъ, «никогда не разстававшійся» съ своимъ святымъ убѣжденіемъ, палъ подъ ударомъ гнуснаго убійцы.

Digitized by Google

## XX.

### Задачи четвертаго поколѣнія американцевъ.

Мы сказали, что *пока* Линкольна можно считать представителемъ современныхъ американцевъ. *Цѣль, которой была посвящена его жизнь, все еще составляетъ задачу четвертаго поколѣнія.* Она проявляется вездѣ — въ литературѣ и журналистикѣ, на митингахъ и въ конгрессѣ. Даже между партіями республиканцевъ и демократовъ теперь менѣе различія въ этомъ отношеніи, чѣмъ прежде.

Объ этомъ настроеніи общественнаго мнѣнія свидѣтельствуютъ также лекціи и сочиненія новаго американскаго историка. Они проникнуты горячимъ желаніемъ автора подать политическій совѣтъ своимъ согражданамъ и, судя по ихъ успѣху, достигаютъ цѣли. А идея ихъ та же самая, что у Линкольна; они, можно сказать, служатъ дополненіемъ, развитіемъ мысли знаменитаго президента. Дреперъ научно, систематически проводитъ то же самое, что Линкольнъ выражалъ въ случайныхъ словахъ, а больше примѣромъ собственной жизни.

Если теоретикъ доходитъ иногда до крайностей, то эти крайности освѣщаютъ стремленія практика. Окончимъ наши очерки разборомъ современной американской идеи, какъ она выражается у Дрепера въ своемъ полномъ развитіи.

«Задачей американца, говоритъ Дреперъ, должна быть идея величайшаго философа, Платона. *Личность существуетъ для государства.* Она обязана ему всѣмъ, даже жизнію». Плодъ крайняго развитія личности, *демократизмъ, отжилъ свое время.* Американскій историкъ ссылается на Китай, который «справедливо осмѣиваетъ демократію Запада и считаетъ американца полуварваромъ». Соединенные Штаты уже прошли чрезъ эту «низшую степень» государственнаго развитія. Поэтому, «отдавая дань уваженія политическому творенію предковъ, они должны, не колеблясь, *измѣнить свою писанную конституцію*».

Дреперъ не начертываетъ новой конституціи. Но мы уже знаемъ, какой политическій идеалъ носится въ его воображеніи (I и VIII гл.). Идея *централизаціи*—вотъ душа сочиненій Дре-

Digitized by Google

пера. Онъ безпрестанно возвращается къ ней и объясняетъ ее на всѣ лады. Ему мало историческихъ доказательствъ, т. е. примѣровъ Стараго Свѣта. У него даже естественныя науки говорятъ въ ея пользу. Онъ видитъ въ ней неизбѣжный законъ мірозданія, господствующій во всемъ—«отъ ничтожнаго болотнаго мха до великолѣпія небесныхъ міровъ». Прибавьте къ этому аристократизмъ, да правленіе мудрецовъ или умственное папство—и новая конституція Америки готова.

Здѣсь замѣтенъ оттѣнокъ утопій, ласкавшихъ воображеніе человѣчества, начиная съ царя Миноса, и именно ученій Платона и Сенъ-Симона. Оставивъ его въ сторонѣ, получимъ централизацію и аристократическій строй общества.

Эти политическія начала—совершенная новость въ Америкѣ, а въ Европѣ они—основа государственной жизни. Слѣдовательно, они заимствованы у Стараго Свѣта: мало того—заимствованы заднимъ числомъ. Въ Европѣ все это — старый порядокъ, ancien régime. Подчиненіе личности государству—особенно ветхая идея. Она принадлежитъ презираемому Дреперомъ классицизму. Въ новой исторіи она служила благовиднымъ прикрытіемъ деспотизму. Централизація означаетъ сильную правительственную власть, съ чѣмъ согласенъ и Дреперъ. Но въ Европѣ она имѣла, въ свое время, историческій смыслъ. Она была нужна для подавленія массы мелкихъ владѣльцевъ, ибо коллективный деспотизмъ легче раздробленнаго. Не будь феодальныхъ князьковъ, не было бы и Людовиковъ XI, съ ихъ печальнымъ потомствомъ. Впослѣдствіи, централизація поддерживалась соперничествомъ между сильными правительствами, утвердившимися на развалинахъ феодализма. Тотъ же историческій процессъ должно имѣть въ виду, когда указываютъ на новѣйшія объединенія въ Европѣ. Италія низвергла терзавшихъ ее мелкихъ деспотовъ, и въ добавокъ чужеземныхъ. Въ Германіи также доселѣ сохранялся свой феодализмъ: впрочемъ, исторія ея объединенія еще не совсѣмъ уяснена.

Аристократизмъ въ Европѣ—также явленіе историческое. Онъ прямое слѣдствіе феодальныхъ порядковъ. Къ тому же народныя массы, которыя были погружены здѣсь въ глубокое невѣжество, должны были медленно проходить по пути своего развитія. И задачей этого развитія было именно устраненіе аристократизма посредствомъ распространенія образованія въ массахъ. Такъ было и вездѣ, гдѣ цивилизація развивалась само-

Digitized by Google

бытно на туземныхъ началахъ и туземными силами. Историческая постановка аристократіи и демократіи вовсе не такова, какъ представляется она Дреперу. Историческое развитіе вездѣ шло отъ первой къ послѣдней, а не наоборотъ. Оттого-то нынѣ паденіе аристократическаго строя жизни уже не вопросъ для общественнаго мнѣнія Европы. Если же Дреперъ имѣетъ въ виду выдѣленіе дружиннаго начала изъ первобытнаго племеннаго хаоса, то онъ смѣшиваетъ двѣ различныя эпохи общественнаго развитія и сравниваетъ несоизмѣримыя величины.

Посмотримъ теперь, на сколько примѣнимы къ Америкѣ эти начала, отживающія свой вѣкъ въ Старомъ Свѣтѣ.

Прежде всего спросимъ: къ чему они американцамъ? Въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ ни феодализма, ни сильныхъ правительствъ, соперничествующихъ между собой изъ-за земель и военной славы, нѣтъ никакихъ *историческихъ* основаній для введенія порядковъ, вытекшихъ въ Европѣ изъ несчастныхъ обстоятельствъ.

Быть-можетъ Дреперъ думаетъ, что въ нихъ нуждается умственное развитіе его отечества? Онъ скорбитъ объ отсталости Америки въ наукѣ и искусствѣ, сравнительно съ Европой. Погребая «отжившій» демократизмъ, онъ указываетъ на необходимость извѣстному классу людей спеціально заниматься умственнымъ трудомъ. Но, во-первыхъ, *умственная* аристократія основывается не на политическихъ привилегіяхъ; она вездѣ есть и будетъ, не оскорбляя справедливости, не нарушая ничьихъ правъ, кромѣ правъ невѣжества. Умственная отсталость Америки объясняется не демократизмомъ, который процвѣталъ, между прочимъ, въ древнихъ Аѳинахъ, а тяжелой борьбой съ громаднымъ пространствомъ дѣвственной земли. Съ этой стороны ее слѣдуетъ сравнивать съ Европой временъ крестовыхъ походовъ. Во-вторыхъ, Дреперъ упустилъ изъ виду, сколько потеряла Европа умственно, устремляя свои силы на одностороннее политическое развитіе. Ея умственный прогрессъ, которому онъ завидуетъ, начался поздно, собственно съ борьбы народовъ противъ «стараго порядка», которою ознаменована первая половина XVI-го, и въ особенности вторая половина XVIII вѣка. Современные нѣмцы, которымъ такъ сочувствуетъ Дреперъ, говорятъ то же самое. Даже горячіе объединители, среди нихъ, сознаются, что отсутствіе централизаціи содѣйствовало тому культурному развитію Германіи, которое подняло ее теперь на такую высоту. Они не могутъ поручиться, что въ объединенной Германіи не возникнутъ

Digitized by Google

стремленія, которыми сопровождалась централизація въ Европѣ. Любопытно, что самъ Дреперъ, когда приходитъ въ восторгъ отъ своего идеала, обыкновенно пророчитъ такъ: «Соединенные Штаты станутъ второю Римскою имперіей. Они захватятъ всѣ окружающія земли. Къ нимъ придутъ на поклонъ самыя могущественныя державы Европы», и т. под.

Далѣе. Идеалъ американскаго историка не соотвѣтствуетъ ни физическимъ, ни историческимъ условіямъ американской жизни. Самъ Дреперъ справедливо приходитъ въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ трудно завести сильную централизацію въ его отечествѣ. Напрасно онъ, ради любимой идеи, впадаетъ въ противорѣчіе съ своей философскою теоріей. Законы природы гораздо сильнѣе нашихъ средствъ создавать искусственный климатъ. Даже послѣ бѣглаго физическаго очерка Америки въ началѣ нашихъ статей считаемъ излишнимъ доказывать, что невозможно ввести въ Соединенные Штаты централизацію на европейскій ладъ.

Что касается историческихъ условій Америки, то читатель могъ замѣтить изъ всего нашего изложенія, какъ не подходитъ къ нимъ идеалъ Дрепера. Сколько превратностей ни испытала Америка, она всегда оставалась вѣрною началамъ, легшимъ въ основаніе ея великой республики. Вотъ нѣсколько словъ изъ объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ, которыя можно назвать Архимедовымъ рычагомъ въ политической сферѣ:

«Всѣ люди равны. Они обладаютъ неотъемлемыми правами, между прочимъ правомъ на жизнь, свободу и счастье. Для обезпеченія этихъ правъ устраиваются правительства, но не иначе, какъ съ согласія управляемыхъ. Если правительство нарушаетъ эти неотъемлемыя права, народъ воленъ измѣнить его или совсѣмъ устранить».

Этотъ политическій символъ вѣры Новаго Свѣта хорошо поясняется словами «друга человѣчества», именемъ котораго клялись три поколѣнія:

«Вотъ принципы нашего правленія, говорилъ Джефферсонъ. Равномѣрная и безусловная справедливость ко всѣмъ людямъ, какихъ бы они ни были религій и политическихъ убѣжденій. Миръ, торговля и искренняя дружба со всѣми націями, но никакихъ обязательствъ ни съ одною. Защита и покровительство во всемъ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ — этимъ надежнѣйшимъ руководителямъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Ревностное попече-

Digitized by Google

ніе о выборныхъ правахъ народа. Безусловное подчиненіе рѣшеніямъ большинства — этому жизненному принципу свободныхъ государствъ. Хорошо обученное земское ополченіе. Подчиненіе военныхъ властей гражданамъ. Экономія въ общихъ государственныхъ расходахъ, чтобы не слишкомъ обременять трудъ налогами. Честная уплата долговъ и соблюденіе въ святости общественнаго довѣрія. Оживленіе земледѣлія и торговли. Распространеніе самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и умственнаго развитія. Обнаруженіе всѣхъ злоупотребленій передъ судомъ разума. Свобода религіи, печати и личности. Безпристрастное устройство суда присяжныхъ».

«Интересы государей и аристократіи, писалъ Джефферсонъ къ Монрое, ихъ равновѣсіе и такъ-называемыя владѣтельныя права, требующія вѣчной войны,—все это, и еще многое другое, къ счастью, чуждо Новому Свѣту».

Вотъ что въ Новомъ Свѣтѣ называется особымъ терминомъ — *американскою системой* въ политикѣ, въ отличіе отъ европейской системы. Эти идеи лежатъ глубоко въ основаніи Соединенныхъ Штатовъ. Съ ними сжился народъ точно такъ же, какъ сживается онъ съ родною рѣчью, съ родными обычаями. Лучшее доказательство тому самъ Дреперъ. Его идеалъ навѣянъ европейскою литературой, отъ вліянія которой никогда не были свободны американскіе историки. Но въ душѣ онъ — прирожденный янки. Дреперъ постоянно восторгается идеями «американской системы». Какъ истинный американецъ, онъ прославляетъ «индивидуализмъ» и «всеобщее образованіе, отличающее Америку отъ Европы, которая просвѣщаетъ только свои высшіе классы». А въ этомъ образованіи онъ презираетъ классическую систему, лежащую въ основаніи европейскаго просвѣщенія.

Въ такомъ же роковомъ противорѣчіи находятся нынѣ и соотечественники Дрепера. Онъ самъ говоритъ про нихъ: «Вѣроятно, нѣтъ ничего непріятнѣе для американцевъ, какъ мнѣніе, что всѣ ихъ учрежденія неизбѣжно клонятся къ утвержденію централизаціи. Оно одинаково обидно какъ для сѣверянина, такъ и для южанина». И, тѣмъ не менѣе, они рукоплещутъ авторамъ, проводящимъ идею централизаціи и аристократизма.

Такое положеніе общества не естественно, а стало-быть и не долговѣчно. По всей вѣроятности, нынѣшній политическій идеалъ американцевъ—временное заблужденіе, обусловленное обстоятельствами. Кажется, эта утопія на началахъ Стараго Свѣта не что

Digitized by Google

иное, какъ характерная черта *юношескаго* возраста четвертаго поколѣнія американцевъ. Этому поколѣнію всего семь лѣтъ. Надъ нимъ еще тяготѣютъ воспоминанія кроваваго междоусобія. Оно еще не осмотрѣлось среди развалинъ прошлаго. Оно только мучится сознаніемъ совершеннаго «преступленія», какъ говоритъ Дреперъ, сочиненія котораго пропикнуты горечью этого сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно ощущаетъ потребность преобразованій, чтобы навсегда устранить кровавый призракъ революціи.

Дреперъ указываетъ на непостижимую для европейца быстроту, съ какою развиваются событія въ Америкѣ. «Прежде, чѣмъ пройдетъ одно поколѣніе, говоритъ онъ, наша *агонія* вѣроятно будетъ забыта среди энергической дѣятельности сотни милліоновъ людей, одушевленныхъ новыми цѣлями, создающихъ громадныя богатства и могущество страны, смотрящихъ, какъ всѣ американцы, впередъ, а не назадъ». Можно надѣяться, что еще при современномъ поколѣніи совершится внутреннее преобразованіе Америки.

Мы убѣждены, что *оно будетъ не отмѣной, а утвержденіемъ американской системы*». Вся исторія Соединенныхъ Штатовъ не что иное, какъ борьба изъ-за этой системы. Великая республика, въ теченіе трехъ поколѣній, старалась искоренить рабство, проскользнувшее въ конституцію, вопреки ея основателямъ. Она походила на сильный организмъ, который стремится вытѣснить закравшуюся въ него болѣзнь. Междоусобная война исцѣлила его.

Въ настоящее время невольничество уже перестало быть знаменемъ даже для демократовъ. Но это не значитъ, что послѣдніе совсѣмъ исчезли. Напротивъ, очищенная отъ язвы рабства, демократическая партія усилилась. Именно теперь настаетъ пора и ей оказать великую услугу Америкѣ и всему міру. Она сосредоточиваетъ силы на двухъ остальныхъ принципахъ своей программы. Эти принципы разумны и благородны. И они начинаютъ такъ распространяться въ республикѣ, что, кажется, демократамъ суждено спасти «американскую систему» отъ европейскихъ увлеченій. Въ дѣлѣ *свободной торговли* у нихъ уже явился сильный союзникъ—западные штаты, которые живутъ земледѣліемъ и, стало-быть, находятся въ экономической враждѣ съ промышленнымъ сѣверо-востокомъ. Другой принципъ демократовъ—*самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ*, или *федерація*, т. е. свободный, а не насильственный Союзъ,—также находитъ друзей на Сѣверѣ. Это доказывается событіями, которыя мы переживаемъ въ настоящую минуту.

Digitized by Google

Послѣднее избирательное движеніе въ Америкѣ чрезвычайно важно. По нашему мнѣнію, оно немного приподнимаетъ завѣсу, скрывающую ближайшее будущее Соединенныхъ Штатовъ.

Четвертое поколѣніе американцевъ уже пережило два политическихъ колебанія. Первый преемникъ Линкольна, *Андрю Джексонъ*, обнаружилъ деспотическія наклонности, которыми пользовалась избравшая его демократическая партія. Второй—нынѣшній президентъ, *Грантъ*, слѣдовалъ его примѣру, только къ выгодѣ республиканцевъ. Первымъ слѣдствіемъ деспотическихъ наклонностей Джонсона и Гранта было растлѣніе администраціи, достигшее нынѣ невѣроятныхъ размѣровъ; вторымъ—общественное недовольство властью. *Теперь въ Америкѣ уже всѣ согласны въ необходимости преобразованія администраціи.* И большинство именно желаетъ *ограниченія власти президента*, на первый разъ хоть тѣмъ, чтобы было запрещено выбирать одно и то же лицо два раза кряду. Эта потребность такъ усилилась, что уже явились предвѣстники новой партіи.

Въ свободныхъ государствахъ всегда новая политическая идея начинаетъ съ того, что разлагаетъ господствующую партію, изъ которой выдвигается фракція смѣлыхъ и нерѣдко крайнихъ преобразователей. На нынѣшнихъ президентскихъ выборахъ въ могущественной партіи республиканцевъ, за судьбами которой мы внимательно слѣдили въ нашихъ очеркахъ, впервые обнаружились признаки разложенія. Изъ нея выдѣлилась фракція *либеральныхъ республиканцевъ или преобразователей*. Она враждебна Гранту, этому послѣднему воплощенію политическаго идеала Дрепера. Ея задача—противодѣйствіе крайней централизаціи и полное примиреніе съ Югомъ. Ея кандидатъ, *Грили* (Greeley), на дняхъ безвременно сошедшій въ могилу, извѣстенъ слѣдующею фразой: «Я увѣренъ, что не доживу до той республики, въ которой одни штаты будутъ приколоты къ другимъ штыками». *Идея децентрализаціи* связываетъ «либеральныхъ республиканцевъ» съ демократами. Такимъ образомъ составляется важная политическая сила, которой, должно думать, не сегодня, такъ завтра суждена побѣда.

Мало того. Кажется, что *современная задача Америки—доставить своимъ началамъ торжество за предѣлами Новаго Свѣта*. Есть три основанія для такого мнѣнія. Во-первыхъ, «американская система» усилилась послѣ междоусобной войны. Она счастливо выдержала послѣднее, самое тяжелое испыта-

Digitized by Google

ніе. Она «окрещена кровью и желѣзомъ». Во-вторыхъ, именно теперь европейскіе народы единодушно приходятъ къ убѣжденію въ ея необходимости для своего дальнѣйшаго развитія. Въ этомъ весь смыслъ политической и общественной борьбы, составляющей содержаніе европейской исторіи при трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ. Въ-третьихъ, къ этой отрицательной подготовкѣ господства американскихъ идей уже присоединилась положительная. *Соединенные Штаты серьезно думаютъ о практическомъ примѣненіи своей системы внѣ Америки*. Исторія великой республики полна доказательствъ этой мысли. Дѣлаемъ наудачу нѣсколько указаній.

«Намъ никогда не должно забывать, говоритъ Мадисонъ, одинъ изъ авторовъ американской конституціи,—что мы выступили въ походъ не за себя только, но за права всего человѣчества».

«Объявленіе независимости, сказалъ Джефферсонъ, должно быть для всего міра знаменіемъ, при которомъ народы разобьютъ цѣпи, наложенныя на нихъ монашескимъ невѣжествомъ и суевѣріемъ».

Въ ученіи Монрое сказано: «Считаемъ опаснымъ всякую попытку Священнаго Союза ввести свою систему гдѣ бы то ни было въ Америкѣ.... Всякая попытка къ порабощенію или принужденію тѣхъ земель, которыя объявили себя независимыми, будетъ принята, какъ непріязненное дѣйствіе противъ Соединенныхъ Штатовъ». По буквѣ, ученіе Монрое относится только къ Новому Свѣту, но по духу оно имѣетъ міровое значеніе. Событія съ самаго начала постоянно доказывали это.

Уже появленіе ученія Монрое (въ 1823 г.) было протестомъ противъ Священнаго Союза, идеи котораго, въ сущности, никогда не переводились въ Европѣ. Тогда же государственный министръ и будущій президентъ, Адамсъ, написалъ въ инструкціи одному изъ своихъ посланниковъ: «Европейскій союзъ императоровъ и королей принимаетъ за основу человѣческихъ обществъ ученіе о вѣчномъ подданствѣ. Наше ученіе покоится на основѣ вѣчной справедливости.... Мы всѣми мѣрами содѣйствовали независимости Америки и *національной самостоятельности повсюду на землѣ*. Безъ сомнѣнія, эти безправныя стремленія европейскихъ державъ не прекратятся и въ будущемъ. *Задача нашего славнаго Союза, основаннаго на американской системѣ,—сопротивляться имъ нынѣ и всегда*». Въ томъ же году

Digitized by Google

Соединенные Штаты доказали искренность этихъ словъ. Возстала Греція—и они были первою изъ христіанскихъ державъ, выразившихъ сочувствіе благороднымъ поборникамъ свободы.

Съ тѣхъ поръ посланники Соединенныхъ Штатовъ твердо поддерживаютъ «американскую систему» при всякомъ удобномъ случаѣ. Ихъ донесенія, помогавшія въ свое время дѣлу свободы, еще окажутъ ему не одну услугу. Въ Вашингтонѣ мало-помалу издаютъ ихъ, вмѣстѣ съ сужденіями важнѣйшихъ американцевъ о европейскихъ дѣлахъ. Чувствительный ударъ для политическихъ обычаевъ Стараго Свѣта! Но есть основаніе надѣяться, что Америка не ограничится такими косвенными ударами. Въ послѣднее время все сильнѣе раздаются голоса о необходимости расширить смыслъ ученія Монрое. Удерживая принципъ невмѣшательства Европы въ дѣла Новаго Свѣта, американцы желаютъ отказаться отъ самовоздержанія относительно политики Стараго Свѣта. Новѣйшія событія также указываютъ на этотъ переворотъ въ «американской системѣ».

Приномнимъ и замѣчательныя слова человѣка, память котораго еще такъ свѣжа и священна для друзей человѣчества. Въ 1861 году Линкольнъ сказалъ, какъ бы предвѣщая роль своихъ преемниковъ: «Часто спрашивалъ я себя, какія начала такъ долго поддерживали этотъ Союзъ? Я нашелъ, что то было не отдѣленіе колоній отъ метрополіи, а духъ, обнаруженный въ объявленіи независимости,—тотъ духъ, который даровалъ *свободу* не одному народу этой земли, но *всему міру и на всѣ грядущіе вѣка*. Я убѣжденъ, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, свобода сброситъ бремя съ плечъ всѣхъ людей».

Закончимъ, чѣмъ начали. «Быть-можетъ, никогда мы такъ не нуждались въ убѣжденіи, что тамъ, на новомъ мѣстѣ, найдутъ разумный исходъ общественныя и философскія задачи, предъ которымъ блѣднѣетъ наша блестящая цивилизація». Необходима вѣра, что Америка придетъ къ намъ на помощь. Только тогда человѣчество сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ и, выпутавшись изъ противорѣчій, вступитъ въ новую эпоху развитія. Америкѣ недостаетъ *теоретическаго розума*, процвѣтающаго у насъ. Намъ недостаетъ *практическаго разума*, счастливо развитаго въ Америкѣ. А прогрессъ, достойный нашего времени, немыслимъ ни безъ того, ни безъ другаго.

**А. Трачевскій.**

Digitized by Google

# ИСТОРІЯ ОДНОГО ЧЕСТНАГО БУРЖУА.

Романъ Андре Лео.

(*Переводъ съ рукописи*).

**Часть вторая.**

## VIII. (Окончаніе).

Началось слѣдствіе. Трупъ ребенка вскрыли. Онъ родился семи мѣсяцевъ, но живой, и погибъ отъ утопленія. Преступленіе было очевидное.

Приключеніе это сильно взволновало весь городъ. Незаконное рожденіе не представляло, конечно, ничего необычайнаго, но захваченное на мѣстѣ преступленіе, дѣтоубійство!... Можно ли было подумать это о Батистинѣ, такой кроткой, такой умницѣ? Въ больницѣ, куда перенесли ее, и гдѣ, въ продолженіе 15 дней, она была на краю могилы, ее посѣщали многіе, и не изъ одного только любопытства. Брафоръ не менѣе другихъ былъ тронутъ, но не столько участью ребенка, который могъ быть его собственнымъ дѣтищемъ. Впрочемъ, кто же его знаетъ? Сомнѣніе въ этомъ случаѣ—удобное утѣшеніе для совѣсти такихъ родителей. Не участью ребенка смущался онъ, потому что такихъ дѣтей и безъ того много, но боязнью, чтобы въ подобное дѣло какъ-нибудь не вмѣшали имени его, въ особенности въ то время, когда онъ такъ усердно хлопоталъ, чтобъ имѣть честь попасть въ народные представители. Да кромѣ того онъ очень негодовалъ и возмущался, какъ подобной твари могъ онъ оказывать милостивое расположеніе и удостоивать добротою своей такую негодницу, способную на подобное преступленіе.

Digitized by Google

О, это хамово отродье—всѣ эти работники и работницы! Они внушали ему все больше и больше отвращенія, и онъ, послѣ подобныхъ примѣровъ, еще больше укрѣплялся въ той мысли, что обществу необходима твердая и строгая опека, конечно, опека такихъ людей, которые, собственными своими достоинствами выдвинулись изъ рядовъ черни и стали выше ея.

По этому поводу онъ пускался въ долгія и мудрыя размышленія о томъ, какъ опасно честнымъ людямъ связываться съ женщинами такого разбора, и выводилъ изъ этого заключеніе въ пользу супружеской, законной связи. Какое счастье, что только законная семья и законныя дѣти признаются! Иначе много бы честныхъ людей очутилось въ очень печальномъ положеніи. Завидная семейка была бы у него на шеѣ: публичныя женщины, воры, дѣтоубійцы!... Уфъ! Брафоръ содрогался. И дѣйствительно, деликатность его много настрадалась бы отъ всего этого.

Но заботы объ общественныхъ дѣлахъ и хлопоты о кандидатурѣ поглощали его. Въ отношеніи къ временному правительству онъ сталъ въ положеніе лягушекъ къ королю-чурбану, и въ Рубэ онъ сдѣлался однимъ изъ вождей реакціи противъ правительственнаго комиссара, друга министра внутреннихъ дѣлъ. Противъ этого министра, противъ его комиссаровъ, противъ его циркуляровъ—негодованіе Брафора было крайнее, безпримѣрное, безпощадное, но и безопасное, потому что, увы, эти достопамятные циркуляры, вызывавшіе такое негодованіе и нападки противъ себя, были только заявленіемъ намѣреній—преступныхъ намѣреній, стремившихся ниспровергнуть установившійся порядокъ. Къ счастію, національное собраніе, избранное въ средѣ людей достойнѣйшихъ изо всей страны, въ скоромъ времени должно было все привести въ порядокъ и составить то сильное правительство изъ *способностей* всѣхъ родовъ, которое по-своему, не будучи стѣсняемо никакимъ королемъ, уже обдѣлаетъ всѣ дѣла.... націи.

По возвращеніи изъ Парижа, Брафоръ сочинилъ и напечаталъ свою profession de foi, и теперь она красовалась на стѣнахъ улицъ Рубэ. Кромѣ того, воспользовавшись своимъ положеніемъ мэра, онъ распространилъ афиши свои и въ сосѣднихъ общинахъ, употребивъ на это услужливость своихъ подчиненныхъ, сельскихъ стражей. Многія соображенія говорятъ въ пользу того, что Брафору первому принадлежитъ честь пріобщенія

Digitized by Google

сельскихъ стражей къ политической дѣятельности, которое съ тѣхъ поръ такъ высоко подняло славу этого почтеннаго званія. Можетъ-быть, благочестивая сыновняя память къ родителю не чужда была этому.

Вотъ profession de foi Брафора:

«Граждане, жители Сѣвернаго департамента, работники!

«Вы знаете, что я не республиканецъ вчерашняго дня (republicain de la veille), но послѣ совершившихся великихъ событій, въ которыхъ такъ видимо выразилась рука Провидѣнія, всякому ясно, что отнынѣ республика есть единственная форма правленія, могущая дать счастье и благосостояніе всей націи. Я принимаю ее безъ задней мысли, искренно. Я республиканецъ дня сегоднешнего.

«Потому-то, граждане, что я принимаю республику искренно, я буду врагомъ всего того, что можетъ погубить ее, и буду бороться противъ тѣхъ, которые захотѣли бы сдѣлать ее несправедливою и угнетающею. При тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся теперь, первый долгъ всякаго истинно-просвѣщеннаго и свободо-любиваго человѣка, есть посвященіе себя на службу странѣ. Я предлагаю себя на служеніе вамъ, надѣясь на выборъ вашъ, граждане, и осмѣливаюсь утвердительно сказать, что, если вы сочтете меня достойнымъ сего, я сумѣю оправдать и заслужить эту честь. Если я желаю вступить въ національное собраніе, то для того только, чтобы непрестанно, энергично и не щадя силъ трудиться для правильнаго и скорѣйшаго основанія сильнаго правительства, сопрягая въ разумной мѣрѣ порядокъ съ свободой и противодѣйствуя, хотя бы съ опасностью собственной жизни, тѣмъ ложнымъ страстямъ и тѣмъ вреднымъ идеямъ, которыя стремятся къ ниспроверженію соціальнаго порядка. Истинныя и непоколебимыя основы общества суть религія, семейство и собственность; я не потерплю никогда, чтобы чудовище анархіи подвергло ихъ опасности и гибели. Знамя мое есть знамя всѣхъ честныхъ людей. Я хочу умѣренности въ идеяхъ и твердости въ дѣйствіяхъ,—уваженія всѣхъ правъ, порядка, справедливости, свободы и безопасности для всѣхъ.

«Работники! Я изъ вашихъ рядовъ. Рожденный среди народа, сынъ собственныхъ дѣяній моихъ, я добился благосостоянія собственнымъ трудомъ и горжусь тѣмъ, что нѣкогда носилъ деревянные башмаки и работничью блузу. Я сынъ наро-

Digitized by Google

да. Всѣмъ трудящимся рабочимъ людямъ принадлежатъ мои симпатіи. Они—члены моей семьи и всѣ интересы ихъ для меня будутъ священны.

«Жители департамента! Я давно живу въ средѣ вашей и уже разъ ваше избраніе удостоило меня лестною почестью. Мои обязанности и служба мэра посвятили меня въ тайны управленія, а ремесло фабриканта дало мнѣ полное и глубокое знаніе всѣхъ нуждъ торговли и промышленности; я на дѣлѣ знаю интересы ваши и сумѣю защищать ихъ.

«Граждане! Нѣтъ больше партій! Республика есть мать, зовущая къ себѣ всѣхъ дѣтей своихъ. Пусть всѣ мы—дворяне, буржуа, крестьяне, работники, солдаты, собравшись подъ однимъ знаменемъ, соединимся въ братскомъ объятіи предъ алтаремъ отечества. Пусть блуза работника станетъ, не краснѣя, около княжеской мантіи, и пусть копье защитника отечества братается съ аршиномъ коммерсанта и заступомъ земледѣльца. Трогательное и удивительное сліяніе это не смогутъ нарушить и не расторгнутъ коварные и злоумышляющіе подстрекатели. Нѣтъ, не въ нашей прекрасной Франціи, въ этомъ отечествѣ чести, восторжествовать корыстнымъ страстямъ! Народъ нашъ показалъ уже, что его безкорыстіе равняется его величію. Онъ хорошо знаетъ, что первыя условія благосостоянія общественнаго суть миръ, порядокъ и трудъ, и что основаніемъ республики служатъ существеннѣйшія основы самого общества. Итакъ, сдвинемъ тѣсно ряды наши вокругъ хоругви религіи, семейства и собственности, и воскликнемъ всѣ едиными устами: «Да здравствуетъ республика!»

Окончивъ прокламацію, пересмотрѣвъ ее и оставшись ею довольнымъ, Брафоръ сообщилъ ее г. де-Лавирэ, у котораго, къ великому своему удовольствію и гордости, послѣ брака Максимиліаны, Брафоръ и супруга его имѣли свободный входъ. Г. де-Лавирэ тщательно пересмотрѣлъ это произведеніе Брафоровскаго пера, сократилъ нѣкоторыя растянутыя мѣста, передѣлалъ двѣ или три фразы, грѣшившія противъ французской грамматики, и выбросилъ двѣ латинскія цитаты. Хотѣлъ онъ выбросить также и то мѣсто, въ которомъ выражается страхъ за *опасность* и *гибель непоколебимыхъ* основъ общества, но оставилъ потому, что тогда это убѣжденіе и эта боязнь занимали всѣ *сильные умы*. Блуза работника рядомъ съ княжескою мантіей осталась, потому что Брафоръ нашелъ это выраженіе уже очень живописнымъ и выразительнымъ.... да и къ тому же многимъ это нравилось.

Digitized by Google

Г. де-Лавирэ и Брафоръ принадлежали къ числу такъ-называемыхъ тогда *умѣренныхъ*; тогда всѣ, хотя и были республиканцами, не согласились бы принять иного титула. Г. де-Лавирэ былъ умѣреннымъ по преимуществу, и избраніе его было обезпечено. Всѣ бѣдные были за него. Его состояніе (отъ 30 до 40 тысячъ дохода) давало ему возможность раздавать ежегодно отъ 700 до 800 франковъ милостыни; на него смотрѣли какъ на общаго благодѣтеля. При появленіи декрета о поголовной подачѣ голосовъ, дворянинъ этотъ только руки потиралъ отъ удовольствія и поспѣшилъ привѣтствовать республику. Народъ говорилъ о немъ: «это добродѣтельнѣйшій человѣкъ!» и еслибы кто вздумалъ нападать на этого добродѣтельнѣйшаго человѣка, сдѣлался бы врагомъ народа.

Пустивъ свою прокламацію, Брафоръ такъ дѣятельно началъ заниматься своими выборами и такъ погрузился въ это, что ужь не могъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Франціи. Онъ участилъ посѣщенія свои къ вліятельнымъ избирателямъ, къ хозяевамъ мастерскихъ, нотаріусамъ, священникамъ, викаріямъ, судьямъ, собственникамъ и зажиточнымъ крестьянамъ. Съ послѣдними онъ не гнушался чокаться стаканомъ и обѣщалъ имъ добиться повышенія цѣнъ на хлѣбъ и битый скотъ. Много раздавалъ онъ на водку и дѣлалъ кой-кому разные пріятные подарки. Работникамъ своимъ простилъ штрафы и освободилъ отъ работы въ день выборовъ. Обѣщалъ также постройку церквей, мостовъ, проведеніе дорогъ и вѣтвей желѣзныхъ дорогъ; брался выхлопотать двѣсти или триста различныхъ мѣстъ для разныхъ просителей, двѣ важныхъ концессіи на подряды, три разрѣшенія для новыхъ монастырей. Нѣсколько поэтовъ поручали ему напечатаніе своихъ вдохновенныхъ произведеній, многія мамаши—найти жениховъ для своихъ дочекъ. Онъ брался быть корреспондентомъ 83 семействъ молодыхъ людей, отправлявшихся въ Парижъ для окончанія своего образованія. Онъ выписалъ для церкви своей двѣ исповѣдальни изъ рѣзнаго дерева и пять довольно посредственныхъ иконъ, за которыя заплатилъ очень дорого, находя ихъ прекрасными. Нѣсколько великолѣпныхъ обѣдовъ задалъ онъ, далъ одинъ балъ на славу, на которомъ присутствовала и царила новая молодая баронесса де-Лабруа. Дорого все это обходилось Брафору, и по временамъ онъ съ испугомъ задумывался и чуть не раскаявался, но тщеславіе, разъ ужалившее его сердце, скоро снова овладѣвало имъ, а

Digitized by Google

мысль сдѣлаться депутатомъ опьяняла его и толкала къ новымъ и новымъ жертвамъ. «Все пополнится со временемъ, думалъ онъ; «депутатское жалованье выручитъ».

Вторая затрата, которой онъ предавался еще расточительнѣе, была та необыкновенная любезность и привѣтливость ко всѣмъ, которая вдругъ, безъ всякаго перехода, замѣнила обычную сухость обращенія и спѣсь. Каждому онъ теперь находилъ любезное словечко — ловкое или неловкое, все равно,—важно было доброе намѣреніе. И матушкамъ и дочкамъ отпускалъ онъ комплименты, дѣтей онъ ласкалъ, собачками восхищался.... Съ простонародьемъ бесѣдовалъ о необходимости *нѣкоторыхъ* реформъ, разспрашивалъ о нуждахъ, обѣщалъ позаботиться о нихъ; все это было, правда, немного темновато, но вѣдь таинственность идетъ къ думамъ высшихъ людей.

Вынужденный своею кандидатской ролью выяснить свои политическія убѣжденія и поэтому часто произносить что-то въ родѣ краткихъ рѣчей, Брафоръ сначала затруднялся, но скоро кончилъ тѣмъ, что совершенно акклиматизировался въ атмосферѣ этой особенной фразеологіи, и такъ хорошо, что дней чрезъ пятнадцать могъ съ величайшею легкостью, сколько угодно, хотя по заказу, ораторствовать о современномъ положеніи вещей, безпрестанно упоминая: о собственности среди мира, о порядкѣ въ свободѣ, о религіи, о семействѣ, объ удовлетвореніи всѣхъ интересовъ, о счастливой гармоніи; эта счастливая гармонія, по словамъ Брафора, составлялась изъ смѣси такихъ вещей, которыя, я думаю, крайнѣ удивлялись встрѣчѣ своей вмѣстѣ. Тутъ были: столь славный съ тѣхъ временъ—«бракъ свободы съ властью»; уваженіе къ преданіямъ церкви и свобода мысли, развитіе торговли и увеличеніе тарифа; армія — представительница мира, магистратура—справедливости, администрація—равенства, и надъ всѣмъ этимъ парящее Провидѣніе.

По возвращеніи своемъ съ такихъ избирательныхъ экскурсій Брафоръ каждый разъ все больше и больше оставался доволенъ собой и, восторгаясь, простодушно говорилъ женѣ: «Странно. До сихъ поръ я могъ говорить, какъ всѣ, но ораторомъ не былъ. Выходитъ, что все зависитъ отъ привычки,—и краснорѣчіе, какъ и все на свѣтѣ. Теперь я могу говорить о политическихъ вопросахъ, сколько душѣ угодно: слова такъ и сыплются; не знаю, откуда и берутся они, а это главное. Увидишь, какую рѣчь скажу я въ палатѣ».

Digitized by Google

Приближалось 23-е апрѣля. Брафоръ, совершенно отдавшись мыслямъ и заботамъ о выборахъ, забывалъ все остальное. Разъ онъ вознамѣрился отправиться въ Дуэ все по тѣмъ же хлопотамъ. Максимиліанѣ вздумалось поѣхать также съ нимъ: ей хотѣлось повидаться съ одною подругой, дочерью совѣтника суда, вышедшею недавно, подобно ей, замужъ; они поѣхали вмѣстѣ— Брафоръ очень довольный тѣмъ, что, по-старому, ѣхалъ вмѣстѣ съ дочерью, а молодая женщина—разсѣянная, задумчивая, какъ всегда, со дня своего замужства.

Отъ грусти ли, отъ счастья ли происходила эта задумчивость, или отъ чего бы ни было, только этотъ задумчивый видъ очень шелъ къ ней, какъ вообще все. Отецъ любовался ею и не могъ достаточно налюбоваться на свою дочку, такую элегантную, граціозную, такъ изящно полулежавшую на эластическихъ подушкахъ кареты; точно настоящая grande dame, какъ истая аристократка—дочка-то его!...

И Брафоръ былъ правъ: красота имѣетъ въ себѣ что-то аристократическое, и всякая хорошенькая женщина въ 18 лѣтъ смотритъ по крайней мѣрѣ баронессой. Они разговаривали о томъ, о семъ; но такъ какъ это былъ первый разъ послѣ замужства Максимиліаны, что Брафору приходилось такъ долго оставаться вмѣстѣ съ дочкой, то онъ счелъ долгомъ воспользоваться случаемъ и поразспросить дочь объ ея житьѣ-бытьѣ и удостовѣриться въ ея счастьи.

— Ну, что же, милая доченька, довольна ли ты муженькомъ своимъ, котораго мы подцѣпили тебѣ?...

Молодая женщина вспыхнула и, откинувшись въ глубь кареты, чтобы скрыть свое волненіе, отвѣчала какою-то уклончивой фразой. Брафоръ подумалъ, что кстати подшутить надъ ея смущеніемъ, сталъ подсмѣиваться добродушнымъ смѣхомъ; но потомъ, когда онъ повторилъ тотъ же вопросъ, желая получить опредѣленный и ясный отвѣтъ, она залилась слезами. Удивленный или, скорѣе, недовольный, онъ сталъ допрашивать ее о причинахъ печали и слезъ.

— Это такъ, ничего, рѣшительно ничего; у меня только нервы немного не въ порядкѣ.

Брафоръ пересталъ допрашивать и удовольствовался тѣмъ, что пожалъ плечами, примолвивъ:

— Вотъ женщины! Пойми ихъ... Онѣ милы, но здраваго смысла у нихъ мало...



Digitized by Google

Въ Дуэ, гдѣ они должны были провести два дня, Максимиліана остановилась у подруги. Вечеромъ пришелъ старый совѣтникъ, отецъ ея. Зашелъ разговоръ о судѣ присяжныхъ, въ то время засѣдавшемъ въ городѣ; чиновникъ сталъ разсказывать судейскія новости и, какъ о необыкновенномъ дѣлѣ, разсказалъ о дѣтоубійствѣ, которое теперь разбиралось на судѣ. Подсудимая, несмотря на преступленіе свое, чрезвычайно интересна...

— Quelle horreur! О ужасъ! воскликнула молодая хозяйка дома, г-жа Геберъ.—Тварь, способная убить ребенка своего, можетъ ли возбуждать хотя малѣйшій интересъ?

Максимиліана была того же мнѣнія.

— Mesdames, сказалъ совѣтникъ,—съ точки зрѣнія принциповъ вы правы; но это не мѣшаетъ,—вѣдь дьяволъ защищаетъ своихъ,—это не мѣшаетъ, чтобъ у молодой дѣвушки были прелестные глаза, созданные на пагубу душъ, и такой трогательный видъ, что противъ него не устоишь. Но вотъ гдѣ романъ: преступница казалась покорившеюся своей участи и не защищалась; ей предлагали оффиціальнаго адвоката, но вдругъ является какой-то, говорятъ, пріѣхавшій изъ Парижа, молодой человѣкъ, вовсе не адвокатъ по профессіи,—является повидаться съ подсудимой и приходитъ записаться, какъ защитникъ ея.

— Развѣ это позволяется? спросилъ Брафоръ.

— Да, подсудимая можетъ выбирать въ защитники кого ей угодно, даже и не изъ адвокатскаго сословія, а президентъ суда, если нѣтъ какихъ-нибудь противящихся тому обстоятельствъ, долженъ это разрѣшить. Теперь по поводу этого молодаго человѣка носятся разные толки, дѣлаются тысячи предположеній—ужь не любовникъ ли это? Но въ подобныхъ дѣлахъ любовникъ обыкновенно скрывается. Онъ и не братъ ей; мнѣ не сказали имени его, но всѣ утверждаютъ, что это очень приличный молодой человѣкъ, а подсудимая—простая работница. Подъ этимъ скрывается какая-то тайна, сильно воспламеняющая и разжигающая воображеніе нашихъ милыхъ любопытницъ. На завтра многіе соберутся въ засѣданіе суда.

— Такъ и мы хотимъ идти туда, сказала г-жа Геберъ.

— Конечно, подтвердила Максимиліана.

Совѣтнику поручили удержать мѣста для двухъ дамъ и Брафора.

Брафоръ призадумался; ему пришла мысль о Батистинѣ, которую онъ было совершенно забылъ. Эта интересная подсудимая—

Digitized by Google

ужь не она ли? Что съ ней: въ больницѣ ли умерла она, или привлечена къ суду,—онъ не зналъ. Вѣдь онъ все время такъ сильно былъ занятъ! Между тѣмъ отказаться отъ предложенія идти въ судъ онъ не рѣшился, да къ тому же что за важность, еслибы даже то была въ самомъ дѣлѣ Батистина; затерявшись въ толпѣ, онъ ничего не рискуетъ, не рискуетъ даже быть замѣченнымъ подсудимой. Такъ почему не пойти? Вѣдь это также зрѣлище, а зрѣлища и спектакли онъ любилъ.

На другой день обѣ молодыя женщины, Брафоръ и совѣтникъ собрались въ залу суда, помѣстились на почетномъ мѣстѣ, прямо позади президентскаго кресла, такъ что какъ будто тоже принадлежали къ трибуналу.

Брафоръ не предвидѣлъ этого обстоятельства, едва совладалъ съ собой и чуть не потерялъ присутствія духа, когда предъ нимъ предстала подсудимая. То была, въ самомъ дѣлѣ, Батистина, убитая, разстроенная, увядшая, но, какъ говорилъ совѣтникъ, дѣйствительно глубоко трогательная. Странное дѣло, эта несчастье, ставшее преступленіемъ, идеализировало ее. Она казалась жертвой, а вовсе не преступницей. Ея большіе, застѣнчивые глаза витали гдѣ-то въ иномъ мірѣ, и когда при допросахъ она подымала ихъ на судей, то казалось, что она не видитъ никого и ничего; она стояла скромная, съ достоинствомъ въ осанкѣ, спокойная, такъ что можно было принять ее за совершенно равнодушную къ судьбѣ своей, и только когда она обращалась къ кому-то, сидѣвшему позади ея, глаза ея загорались блескомъ и вся фигура проникалась какимъ-то благоговѣйнымъ одушевленіемъ. Къ кому обращалась она и съ кѣмъ говорила, этого Брафоръ и его дочь видѣть не могли, потому что впереди стоявшій человѣкъ широкими плечами своими скрывалъ отъ нихъ то лицо; «вѣроятно, то защитникъ ея», думали они.

Всѣ свидѣтели были выслушаны. Генералъ-прокуроръ всталъ съ своего мѣста. То былъ толстый человѣкъ съ двойнымъ подбородкомъ, съ цвѣтущимъ лицомъ, которыхъ ни одежда, ни даже строгій и печальный голосъ никакъ не могли сдѣлать трагичными; то былъ добрякъ, съ виду bon vivant, у котораго только въ глазахъ было что-то плотоядное, и которому должны были нравиться больше вещи веселенькія, чѣмъ мрачныя дѣла. Онъ только-что разговаривалъ съ однимъ изъ адвокатовъ. По лицу его играла самодовольная улыбка, но, начиная рѣчь, онъ сжался, какъ бы сосредоточиваясь, принялъ на себя серьезный видъ и



Digitized by Google

какъ бы усиливался достойно войти въ роль Немезиды; онъ сдвинулъ брови, расправилъ руки и, поднимаясь на цыпочки, вдругъ на цѣлый вершокъ сдѣлался величественнѣй и началъ такъ: «Господа! въ нашей, довольно продолжительной и часто очень непріятной, карьерѣ намъ случалось видѣть проступки всѣхъ родовъ и различной преступности. Не одинъ разъ сердце наше возмущаемо было или зрѣлищемъ преждевременной развращенности и испорченности, или безумными заблужденіями, которыя унижаютъ величіе старости. Намъ случалось преслѣдовать постыдные пороки алчности, не останавливающейся ни передъ какими уловками, ни передъ какою низостью для насыщенія беззаконной корысти своей. Часто приходилось намъ взывать къ Божеской и людской мести за ужасныя убійства, гдѣ человѣческая свирѣпость соперничаетъ съ яростью дикаго звѣря и часто превосходитъ ее. Мы видѣли, увы, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ видѣли глазами нашими—отцеубійцъ. Мы видѣли человѣчество, отступившее отъ божественнаго предопредѣленія, во всѣхъ видахъ паденія; но никогда ничто не могло исторгнуть изъ возмутившейся души нашей такого болѣзненнаго крика, произвести на нашъ смущенный разумъ такого жестокаго потрясенія, какъ это преступленіе, оскорбляющее природу болѣе всякаго другаго, возмущая въ то же время и душу нашу и потрясая всѣ фибры существа нашего,—преступленіе гнусное, варварское, позорное, неискупимое, безчеловѣчное, чудовищное — дѣ-то-убійство!....»

И прокуроръ откинулся на спинку кресла, пыхтя отъ длинной тирады, въ концѣ которой онъ артистически перевелъ духъ. Однако, то не былъ еще моментъ сильныхъ эффектовъ. Снова начавъ свою рѣчь, онъ сталъ анализировать всѣ подробности обвиненія, усложняя и отягчая ихъ тысячью выводовъ. Онъ закончилъ такъ:

«Подобныя преступленія возобновляются все чаще и чаще. Куда идемъ мы?... Безнравственность становится ужасающей въ низшихъ слояхъ общества, отравляемыхъ преступными доктринами. Все чаще мы видимъ молодую дѣвушку, эту лилію чистоты по христіанскому идеалу, теряющею святую скромность, составляющую наилучшую ея прелесть. Бѣшеная страсть къ нарядамъ увлекаетъ женщинъ. Вмѣсто того чтобы въ скромной одеждѣ отправиться въ церковь, гдѣ онѣ услышатъ божественное слово Того, Кто былъ сама непорочность, Кто выбралъ удѣломъ

Digitized by Google

своимъ на землѣ бѣдность, онѣ идутъ туда изукрашенныя лентами, купленными не на трудовыя деньги, съ полу-открытымъ корсажемъ и дерзкимъ взглядомъ; мѣшаются съ мущинами на балахъ и въ кафе, слушаютъ площадныя шутки, выносятъ самыя дерзкія вольности. При такихъ условіяхъ женщина не существуетъ болѣе. Лишенная своей скромности, своей стыдливости, своей непорочности, какая же она женщина? Нѣтъ, она стала чудовищемъ. Когда разрушенъ священный союзъ, который ограждалъ ее, все, все исчезаетъ чрезъ проломъ этотъ,—все, даже материнское чувство. Вмѣсто того, чтобъ искать въ материнской преданности облегченія своему проступку въ боязни за предстоящія терзанія, какія всегда слѣдуютъ за позорными удовольствіями, мать эта—о, не дадимъ здѣсь на поруганіе это священное имя! — эта тварь, говорю я, лишенная даже простаго животнаго инстинкта, причиняетъ смерть невинному существу, получившему отъ нея жизнь! Ужасъ и извращеніе понятій, ужасающая спутанность идей: мать дѣлается палачомъ!...»

На этотъ разъ пауза была длиннѣе: прокуроръ остановился, чтобы дать возможность аудиторіи перевести духъ. Нѣкоторыя женщины плакали. Ропотъ, пробѣгавшій въ толпѣ, казалось, былъ смертнымъ приговоромъ преступницѣ; нѣкоторые присутствующіе обоего пола, переполненные негодованія и гнѣва, вслухъ произносили этотъ приговоръ.

«Господа, пора прекратить подобныя злодѣянія. Человѣческое общество, оскорбляемое ими, должно покарать ихъ примѣрнымъ наказаніемъ; въ особенности пусть помыслитъ оно и употребитъ всѣ усилія, чтобъ остановить потокъ, стремящійся заглушить въ массахъ чувство всякаго долга. Общественныя основы расшатаны. Самыя тѣсныя связи не прочны; всѣ понятія о правѣ и справедливости подвержены сомнѣнію и надъ ними кощунствуютъ; необходимѣйшія условія порядка отрицаются. Ахъ, господа, все это оттого, что невѣріе, подобно гангренѣ, заразило народныя массы, которыхъ одно только благочестіе могло утѣшать и направлять! Народъ не имѣетъ больше Бога. О, будемъ напоминать ему неустанно, что единственныя, истинныя блага— не отъ сего міра; что на его долю выпадаетъ лучшій удѣлъ— это бѣдность, переносимая безъ ненависти и ропота, ведущая его прямо въ небеса. Научимъ его нашимъ собственнымъ примѣромъ искать утѣшенія у подножья алтаря Всемилосердаго

Digitized by Google

Бога. Но человѣческая справедливость— должна быть строга; она должна защищать общество, поражая виновныхъ, наводя ужасъ на тѣхъ, которые захотѣли бы подражать имъ. Ей одной надлежитъ мстить за оскорбленіе природы, и строгость наказаній ея должна быть соразмѣрна тяжести преступленія».

Едва прокуроръ успѣлъ кончить рѣчь свою, какъ послышались восторженныя рукоплесканія. Повсюду повторяли: «какъ прекрасно, удивительно! Какое краснорѣчіе!» И руки, обтянутыя перчатками, махали кружевными платками, и раздушенныя груди испускали глубокіе вздохи. Вся эта публика чувствовала, что общество дѣйствительно нуждалось въ покровительствѣ и защитѣ, и что забвеніе долга бѣдными массами сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ тревожнымъ. И ко всему этому мать, убивающая своего ребенка,—что можетъ быть грустнѣе этого! Всѣ присутствовавшія женщины чувствовали ужасъ и гнѣвъ. Убить такого маленькаго ребеночка (un bébé), эту обожаемую куколку, которую окружаютъ такою нѣжной любовью, такими прекрасными кружевами и столькими заботами!...

Слово принадлежало теперь защитнику подсудимой. Онъ всталъ, и Максимиліана не могла удержать глухаго крика, въ то время какъ Брафоръ весь побагровѣлъ. Защитникъ былъ Жанъ, Жанъ, самъ, своею персоной! Лицо его было блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно, выраженіе глазъ глубже, лобъ сталъ какъ будто шире, волосы чернѣе. Жанъ, надъ которымъ, казалось, пронеслось десять лѣтъ страданій, прежде нѣсколько застѣнчивый, теперь смотрѣлъ на судъ и на толпу гордымъ и надменнымъ взглядомъ, принявъ презрительный видъ. Онъ на два шага подвинулся къ судьямъ, скрестилъ руки и, безъ вступленій, безъ предварительнаго смягченія въ голосѣ и того искусства, примѣръ котораго прокуроръ показалъ передъ тѣмъ, не сдерживая даже ни чувства, ни голоса,—вскричалъ:

«Преступленіе совершено, вы правы! Да, законы природы и законы совѣсти были нарушены. Но виновный не здѣсь».

— Отецъ, прошептала Максимиліана,—какъ ты блѣденъ! Выйдемъ отсюда, если хочешь.

Да, Брафоръ этого хотѣлъ; но выйти не было никакой возможности, не потревоживъ густыхъ рядовъ зрителей, которые тѣснились, съ вытянутою впередъ шеей, задерживая дыханіе и со вниманіемъ вникая въ ходъ этой драмы. Не быть здѣсь— Брафоръ дорого бы далъ за такое счастье. Но какъ выйти?

Digitized by Google

Привлечь на себя всѣ взгляды, произвести общее замѣшательство?!.. Онъ не смѣлъ даже пошевелить ни однимъ мускуломъ и, не отвѣчая ничего, только взглядомъ далъ знакъ дочери своей молчать.

«Только-что слушая этотъ холодный призывъ къ мести противъ бѣдной женщины, оставившей скорбное ложе свое въ больницѣ всего восемь дней тому назадъ, я задавалъ себѣ вопросъ, какъ будто во снѣ: въ какую же эпоху живемъ мы, въ какомъ обществѣ, на какой землѣ? Неужели антропологія такъ мало извѣстна вамъ, господа, что вы пропускаете безъ вниманія одно изъ важнѣйшихъ, не упомянутыхъ въ дѣлѣ этомъ, обстоятельствъ? Я постараюсь напомнить вамъ о существованіи его. Законы природы не столько еще нарушены, какъ вамъ это кажется. Природа около рождающагося ребенка и рождающей женщины поставила супруга и отца, естественнаго покровителя слабости, защитника въ опасности.... Предъ нами женщина и ребенокъ,—гдѣ же мужъ и отецъ?...

«Этой драмѣ недостаетъ важнаго дѣйствующаго лица. На берегу пруда, ночью, мы видимъ одинокую, безпомощную женщину, во власти тѣхъ страшныхъ мученій, которыя затемняютъ разумъ и превозмогаютъ всякую энергію,—видимъ новорожденнаго, нагого ребенка, также безпомощнаго. Мать въ подобномъ положеніи не можетъ быть для него ни защитой, ни покровительницей: она — изнеможенная, истощенная силами, измученная, разбитая, обезпамятовавшая, съ помраченнымъ разумомъ отъ страданій и ужасной боли! Ей самой столько же нужна помощь, какъ и ребенку. И эту помощь заранѣе сама природа готовитъ ей. То, что называютъ предусмотрительностью природы, т. е. необходимыя условія существованія и сохраненія вида, роковой законъ, который, переходя отъ дикаго инстинкта къ человѣческой волѣ, называется обязанностью и долгомъ,—этотъ законъ требуетъ, или скорѣе даетъ присутствіе отца, естественнаго защитника живаго существа, въ произведеніи котораго на свѣтъ онъ участникъ,—отца, способности и силы котораго остаются не тронутыми именно по причинѣ необходимости его обязанностей. Но въ то время, какъ дикое животное, повинуясь этому закону, блюдетъ и защищаетъ самку и дѣтенышей,—человѣкъ, цивилизованный человѣкъ 19-го вѣка пользуется своею свободой, чтобы пасть ниже инстинкта дикаго звѣря: силу свою онъ употребляетъ на низость и способности

Digitized by Google

свои на то, чтобъ избѣжать обязанности и долга! Итакъ, въ виду подобной низости, подобнаго малодушнаго и постыднаго укрывательства, бѣгства, въ виду такого истиннаго преступленія какъ должны поступить вы,—вы, именующіе себя представителями справедливости? Вы должны потребовать отчета у того человѣка въ томъ, что природа поручила ему на сохраненіе и въ чемъ *онъ* отвѣтственъ предъ человѣческимъ обществомъ.

«А вы, что дѣлаете вы?—Вы даете дорогу малодушному бѣглецу и судите его жертву! Женщина эта на краю гроба, убита горемъ; мозгъ ея находится въ воспаленномъ состояніи.... И вы беретесь судить ея бредъ! Но вы, которые зоветесь судьями,—вы игнорируете человѣчество! Вамъ не извѣстно развѣ, до чего могутъ доводить насъ страданія и болѣзнь? Не испытывали ли вы когда, какъ въ горячкѣ сознаніе разума покидаетъ насъ? Или вы—боги, не вѣдающіе условій нашего людскаго, бреннаго существованія? Какъ! По-вашему человѣкъ во всѣхъ состояніяхъ тѣла и духа всегда одинаковъ, всегда вѣренъ себѣ, всегда владыка поступковъ своихъ, всегда отвѣтственъ?... Приставьте же тогда исправительный трибуналъ къ каждой больницѣ, къ каждому госпиталю—вы, судящіе болѣзнь и требующіе отчета въ поступкахъ у несчастной, покинутой среди пустыни, въ мукахъ самаго ужаснаго роковаго кризиса, во власти горячечныхъ галлюцинацій, потерявшей отъ боли разсудокъ!

«На допросахъ вашихъ, вы допрашивали ее въ оскорбительныхъ терминахъ, съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ,—она не отвѣчала вамъ. Пришелъ я, другъ ея, знавшій и уважавшій ее; я сказалъ ей: объясните мнѣ, какъ произошло это несчастье,—я не могу понять его. И, трепеща и плача, со слезами отчаянія и ужаса, прерывавшимся на каждомъ словѣ голосомъ, она открыла мнѣ тайну,—ту тайну, которую ваши глубокомысленныя соображенія не могли проникнуть, которую ваши оскорбительные укоры не могли исторгнуть. Она сказала мнѣ вотъ что. Слушайте:

«Я почти лишилась сознанія, но помню, какъ мнѣ казалось, что въ головѣ моей были точно мельничныя крылья и что онѣ точно молотами разбивали ее; я видѣла, что небо и деревья колеблются надо мной; мнѣ пришла мысль, что это наступилъ конецъ свѣта; когда я увидала лицо ребенка, ужасъ овладѣлъ мной,—онъ былъ такъ похожъ на отца. Мнѣ пред-

Digitized by Google

ставилось, что то былъ демонъ, явившійся мучить меня, и я кинула его какъ можно дальше отъ себя.... Я не думаю, чтобы мнѣ хотѣлось убить его, — нѣтъ, мнѣ скорѣй хотѣлось защититься отъ него.... Но я не могу объяснить ничего, потому что сама ничего не понимаю. Я была помѣшана! Часто я себя спрашиваю, гдѣ я тогда была, гдѣ былъ мой умъ и сердце во все то время».

«Понимаете ли вы теперь, господа?»

По собранію пронеслось волненіе. Но генералъ-прокуроръ всталъ и произнесъ:

«Это ловкое объясненіе, но давно извѣстное. Преступленіе всегда прячется за помѣшательство, когда не можетъ быть никакихъ иныхъ опроверженій».

Жанъ повернулъ къ генералъ-прокурору свое вдохновенное лицо и свои блиставшіе глаза.

«А вы, милостивый государь, что за странную необходимость имѣете вы во что бы то ни стало доказывать преступность ея? Что дѣлаемъ мы тутъ? Играемъ ли мы комедію, въ которой роли заранѣе назначены, или же совѣстливо отыскиваемъ истину, отъ которой будетъ зависѣть судьба одного изъ насъ?... Понимаете ли вы еще разъ, спрашиваю васъ, эти слова, открывающія намъ настоящее преступленіе: «*Онъ такъ полодилъ на отца своего, что мной овладѣлъ ужасъ!*» А! вотъ гдѣ это посягательство и преступленіе противъ законовъ природы! Вотъ именно тутъ общество колеблется. Давайте теперь сюда ваши фразы; теперь онѣ могутъ имѣть смыслъ. Невѣріе, нечестіе—вотъ гдѣ они! Вотъ гдѣ осквернено и поругано священнѣйшее изъ таинствъ!...

«Я сейчасъ говорилъ: вотъ мать и дитя,—гдѣ же отецъ?—Его не было. А теперь вотъ тутъ ребенокъ,—гдѣ же мать?—Нѣтъ и матери, а есть только какая-то несчастная, собственный плодъ которой, насильственно зачатый, наводитъ ужасъ на нее. Существо это родилось сиротой, случайно, вслѣдствіе позорнаго, гнуснаго поступка. Рожденіе его—одно изъ тѣхъ, которыя такъ могущественно и неустанно стремятся вновь приблизить расу человѣческую къ первобытному животному ея происхожденію. Материнскаго чувства не было, а почему?—Потому что любви не было.

«Послѣ всего этого, не правда ли, вы можете объявить женщину эту подлой и преступной? Не торопитесь такъ, гг. судьи

Digitized by Google

и опекуны общества. Вы обвиняете *низшіе слои*, т. е. народъ, въ возрастающей безнравственности; но увѣрены ли вы, что это именно безнравственность и что она исходитъ снизу? Ваши юридическія изслѣдованія пользуются славой мудрости, учености и прозорливости, я же позволю себѣ сказать вамъ, что тутъ вы плохо вдумались.... и, быть-можетъ, плохо искали. Я хочу разсказать вамъ исторію Батистины; она разрѣшила мнѣ это. Я скажу истину, только истину, ибо эта истина жжетъ грудь мою; нужно, наконецъ, чтобъ истинное и справедливое негодованіе заговорило.

«Рожденная вслѣдствіе такого же насилія надъ законами любви, найденышъ, одинокая съ дѣтства, истомленная нищетой, она раньше десяти лѣтъ принуждена была поступить въ работу на фабрику, въ ту грубую обстановку и растлѣвающую атмосферу, гдѣ дѣтство вянетъ и физически и нравственно.... Разъ вечеромъ,—ей было двѣнадцать лѣтъ,—главный мастеръ сталъ привязываться къ ней и, нѣмая отъ угрозъ этого человѣка, который въ глазахъ ребенка былъ представителемъ власти, отъ которой она зависѣла, въ двѣнадцать лѣтъ она сдѣлалась жертвой его.... Скажите мнѣ, г. генералъ-прокуроръ, гдѣ ребенокъ этотъ могъ узнать, что такое непорочность? Та святая скромность, въ попраніи которой вы только-что обвиняли ее,—когда могла явиться она? Обезчещенная съ дѣтства! Женщина прежде зрѣлости! Развратъ сопутствовалъ ея дѣтскимъ играмъ! Природныя силы истреблены были прежде ихъ сформированія!...

«Еще удивляться нужно, какъ онѣ уцѣлѣли. Я зналъ эту молодую дѣвушку до ея послѣдняго несчастья, свидѣтели знали ее тоже. Она всегда была сдержанная, скромная, она отличалась отъ всѣхъ достоинствомъ и простотой, несмотря на свое безчестіе и какъ бы вопреки ему. Выраженіе кротости и непорочности составляло главную прелесть ея красоты, потому что то было выраженіе чистой души, возносившейся выше несчастной доли своей. Взгляните на нее: не та же ли она и теперь? Вы говорили объ украшеніи ея нарядовъ,—къ чему напрасныя обвиненія? Къ чему говорить о томъ, чего вы не видѣли, чего нѣтъ? Берегитесь! Слова тоже убиваютъ. Вы играете роль судьи, а вносите сюда литературные пріемы, не совмѣстимые съ истиной. Нѣтъ, это не безпристрастный судъ и справедливости нѣтъ; вы, такъ много говорящіе объ обществѣ,—вы должны бы знать его; здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходятъ всѣ эти

Digitized by Google

ужасы,—отъ фабрикъ, вы должны знать, что не изъ-за денегъ, не изъ-за нарядовъ, не изъ удовольствія отдаются бѣдныя дѣвушки-работницы, а потому что отказаться не могутъ...

«Этотъ товаръ, господа, не дорого покупается. Честь женщины, жизнь ребенка богатымъ стоитъ всегда немного, но хозяевамъ заведеній и фабрикъ — ровно ничего. Это обмѣнивается на работу, на простое право не умирать съ голоду».

Раздались восклицанія и пронесся ропотъ. Президентъ поспѣшилъ замѣтить защитнику, чтобъ онъ не предавался *безполезной декламаціи*.

Жанъ встряхнулъ своей энергичною головой и, уставивъ твердый взглядъ на судей, отвѣчалъ:

— Я говорю истину. Вы всѣ знаете это.

Но эта необычайная и нарушавшая всякія *формы* защита начинала серьезно безпокоить и судъ и публику. Послышались рѣзкія замѣчанія и возраженія и, президентъ снова предложилъ защитнику *не выходить изъ сферы вопроса*.

Брафоръ, самъ не свой, едва переводилъ духъ и, какъ пораженный столбнякомъ, сидѣлъ неподвижно, безмолвный, не шевеля ни единымъ мускуломъ. Только внутри его бушевала буря страшнаго негодованія противъ племянника. «Должно-быть, думалъ онъ,—мальчишка этотъ окончательно потерялъ всякое чувство чести и приличія, что такъ выставляетъ себя на позорище, отпуская громкія фразы о вещахъ столь простыхъ и обыкновенныхъ, которыя такъ близко касаются доброй славы родственника!»... Гнѣвъ заставлялъ его вздрагивать, и онъ внутренно говорилъ себѣ: «въ сумасшедшій домъ слѣдовало бы бросить этого безумца». Вѣдь ему, какъ главѣ семейства, законъ давалъ на это право. Голосъ Жана снова послышался, и Брафоръ подавилъ свои размышленія, чтобы съ какою-то страстностью отдаться вниманію и слушать съ бѣшеною злобой, съ какимъ-то особеннымъ, неестественнымъ напряженіемъ, съ стѣсненіемъ въ груди, съ выступившими на лбу жилами, съ глазами почти выскакивавшими изъ орбитъ, съ безпрерывно-измѣнявшимся лицомъ, переходившимъ поочередно въ различные цвѣта, изъ краснаго въ блѣдный, изъ блѣднаго въ зеленый, — слушать эту скандальную защиту.... Онъ понять не могъ, какъ судьи могли позволять такія рѣчи здѣсь, подъ этими классическими, цицероновскими сводами.... Максимиліана, потрясенная до глубины души, заливалась слезами, едва находя силу удерживаться отъ громкихъ рыданій.

Digitized by Google

«Еще разъ, заговорилъ Жанъ. — Я обращаюсь къ вашей совѣсти и спрашиваю у васъ всѣхъ: гдѣ преступникъ? Эта ли несчастная, у которой отняли честь прежде, чѣмъ она могла узнать, что такое честь? Она ли, которая, съ той поры, благодаря красотѣ своей, не можетъ переступить порога ни одной фабрики безъ того, чтобы не былъ предложенъ ей роковой выборъ: позоръ или голодная смерть? Она ли, которой некуда дѣваться, некуда идти, которой нѣтъ выбора?... Эта ли бѣдная дѣвушка, которой отравили жизнь, смутили покой, отняли истинную любовь, которую она почувствовала и которая всюду живила ее,—вѣдь и она, эта вещь, эта игрушка, имѣетъ душу? Она ли, видѣвшая въ существѣ, вышедшемъ изъ нѣдръ ея, ненавистный образъ своего губителя, злодѣя, изнасиловавшаго ее? Этотъ ребенокъ—не ея дитя; эта женщина—не мать ему, ибо воля ея не участвовала въ зачатіи его; онъ, этотъ ребенокъ, дитя палача ея, врага ея; оно не прошеное, чужое: для нея—оно олицетвореніе преступленія, страданія, подлаго, низкаго насилія! И когда она, покинутая всѣми, въ тотъ часъ, когда человѣчность, природа, милосердіе—просятъ, требуютъ самыхъ нѣжныхъ заботъ и ухода, когда она больная, въ припадкѣ горячечной галлюцинаціи и бреда, отбрасываетъ, отталкиваетъ отъ себя призракъ своего позора и своего горя, — вы осудите ее, вы? Вы второй разъ поразите эту жертву?... Нѣтъ, это невозможно. Вы не осмѣлитесь! Нѣтъ, вы не осмѣлитесь!... То, что лежитъ у всѣхъ въ глубинѣ совѣсти, въ тайникѣ мысли, я выскажу громко: совершитель преступленія не на скамьѣ подсудимыхъ,—онъ тутъ, между вами, въ этой залѣ. Онъ повсюду, свободный, чтимый, неприкосновенный. Преступленіе, за которое вы преслѣдуете эту женщину, совершено всѣми, или почти всѣми — публикой, вами, присяжными, вы всѣ—участники въ немъ...»

Поднялся шумъ невыразимый; многіе изъ присяжныхъ вскочили съ своихъ мѣстъ, и президентъ объявилъ, что отнимаетъ слово у защитника и проситъ членовъ суда констатировать фактъ оскорбленія суда. Въ эту минуту оффиціальный адвокатъ, данный Батистинѣ въ защитники, вмѣшался въ дѣло. Онъ потребовалъ отъ трибунала снисходительности, ради сильнаго возбужденія, которымъ одушевленъ защитникъ и которое немного могло увлечь его, и взять во вниманіе невѣдѣніе его относительно юридическихъ формъ и обычаевъ; адвокатъ, нако-

Digitized by Google

нецъ, добился того, что Жану позволили продолжать рѣчь, съ тѣмъ, чтобъ онъ объяснилъ послѣднюю выходку свою.

«Я не хотѣлъ, мм. гг.,—вы это легко поймете,—ни обвинять, ни оскорблять кого бы то ни было въ частности. Я возстаю противъ той вопіющей несправедливости, или, если угодно, противъ того страннаго ослѣпленія, которое караетъ слѣдствія, оставляя причину. Я спрашиваю: по какому праву преслѣдуютъ эту женщину за убійство ребенка, когда убійство женщины мущиною оставляютъ безнаказаннымъ и къ нему относятся равнодушно? Двухъ справедливостей, двухъ понятій о человѣчности нѣтъ, а есть одно,—зачѣмъ же вы создаете два? Законъ природы, который есть сама истина, требуетъ нераздѣльнаго союза мущины, женщины и ребенка. Преступенъ тотъ, кто нарушаетъ этотъ союзъ, эту кровную связь; это нарушеніе неминуемо ведетъ за собой преступленіе и смерть. Оно губитъ, увы, наши лучшія силы, вводитъ въ міръ развратъ со всѣми его послѣдствіями.... Я говорю вамъ, говорю чистосердечно, ибо вижу вещи эти мыслію такъ же ясно, какъ вижу глазами своими окружающихъ меня,—справедливость ваша есть лишь одно прекрасное слово; въ этомъ дѣлѣ мы не далеко ушли отъ варваровъ. Все ваше знаніе заключается въ томъ, чтобъ умѣть выслѣдить очевидность факта, какъ охотничья собака выслѣживаетъ дичь. Дальше этого вы не идете. У васъ нѣтъ вѣры, у васъ нѣтъ вѣрнаго руководителя, у васъ нѣтъ принциповъ. Вы съ озлобленіемъ бросаетесь на женщину, хорошо зная, что всему злу причиной мущина. Вмѣсто причины вы преслѣдуете слѣдствіе. Вы жизни не знаете, Вы знаете только латинскихъ писателей; вы жизни не изучаете, но изучаете ораторское искусство и убаюкиваете совѣсть вашу звуками риторическихъ оборотовъ.... А когда предстанетъ предъ вами не ослѣпленный пристрастіемъ живой человѣкъ и скажетъ вамъ то, что видятъ неотуманенные очи его, вы кричите: онъ оскорбляетъ судъ, онъ уклоняется отъ вопроса. Нѣтъ, повторяю вамъ, я не хочу наносить оскорбленій никому. Я стремлюсь пробудить и освѣтить совѣсть вашу, осуждаю только предразсудокъ, заблужденія, нелѣпыя привычки, въ которыхъ погрязаемъ мы. И если для того, чтобъ обезоружить васъ, мнѣ нужно самому осуждать себя,—я это сдѣлаю. О, да, потому что и я, и я тоже слишкомъ виновенъ»!

Тутъ голосъ Жана дрогнулъ, оборвался, кровь хлынула ему

Digitized by Google

въ голову и, мгновенно отхлынувъ, оставила на лицѣ его смертельную блѣдность; онъ остановился на минуту. Публика трепетно ждала, что онъ скажетъ:

«Мнѣ тяжело исповѣдываться публично и открывать сердце мое; но, произнося обвиненія другимъ, я долженъ быть безпристрастенъ и къ себѣ; говоря объ истинѣ, я долженъ говорить все до конца. И такъ.... Можетъ-быть, вы отгадали уже,— я любилъ ее. Не подозрѣвая еще всѣхъ ужасовъ, находясь въ полномъ невѣдѣніи, до чего можетъ доводить постыдная эксплуатація женщины, слабой и бѣдной, патронами и опекунами общества, я хотѣлъ соединить мою жизнь съ ея жизнію: я вѣрилъ въ ея безупречную чистоту. Она сама, эта подсудимая, та, которой вы нанесли столько оскорбленій, она сама открыла мнѣ глаза, она сама сказала мнѣ все.... Сначала я былъ пораженъ, какъ громомъ, но, скоро придя въ себя, я, какъ сейчасъ и вамъ, сказалъ самому себѣ, что виновная не она. Я возвратился къ ней. Она опять объявила мнѣ о своей беременности, дала понять, что прошедшее, олицетворившись въ ребенкѣ ея, будетъ вставать между нами вѣчнымъ, тяжелымъ воспоминаніемъ и укоромъ.... «Союзъ нашъ невозможенъ, уѣзжай», сказала она мнѣ. И я, увы, я уѣхалъ, оставивъ ее умирающей!... У меня не хватило мужества; оно не равнялось ея несчастію. Предъ этою бездной насилія, позора, скорби, въ скопленіи которыхъ сама природа приняла участіе, я не выдержалъ, я струсилъ.... я отступилъ. Да, я сдѣлалъ подлое дѣло! Я тоже причастенъ къ той безчеловѣчной несправедливости, тяготѣющей надъ этою жертвой.... И на мнѣ лежитъ доля ея горя, ея мукъ, ея бреда»...

Стонъ пресѣкъ голосъ его и онъ, закрывая лицо руками, опустился на стулъ. Неподдѣльность его скорби и сила ея сообщились и толпѣ; большая часть зрителей рыдала навзрыдъ. Президентъ, воспользовавшись этимъ моментомъ, уже давалъ слово генералъ-прокурору, но Жанъ быстро всталъ опять, прося позволенія прибавить еще нѣсколько словъ.

— Говорите, говорите! кричала толпа.

Онъ началъ снова:

«И теперь, когда я разоблачилъ предъ вами свою совѣсть, пусть каждый спроситъ свою. Всѣ вы, мущины, слушающіе меня, вы, судящіе дѣтоубійство,—много ли найдется между вами такихъ, которые никогда не разбивали священнаго союза, со-

Digitized by Google

зданнаго самою природой,—которые не забывали никогда, что причиной дѣтоубійства бываетъ отсутствіе отца при рожденіи ребенка, что бѣглецъ-супругъ есть двойной убійца»?

«На этотъ разъ, г. генералъ-прокуроръ, это не фразы! Въ этомъ собраніи найдется не одинъ преступникъ. Въ наше время жизни *легкой*, какъ говорится, но слишкомъ *тяжелой*, увы, для покинутой женщины и для сироты—многіе ли могутъ сказать, что не совершили его, этого злодѣянія, которое вы только-что клеймили всевозможными эпитетами? Будьте же искренни, и вмѣсто того, чтобъ осуждать эту женщину, вся вина которой состоитъ только въ припадкѣ горячки,—судьи и слушатели, помѣняйтесь съ нею ролями: вы должны занять мѣсто на скамьѣ осужденныхъ и просить прощенія у этой женщины, которая тутъ представляетъ собою вашу жертву».

Это становилось ужь совсѣмъ неприлично. Президентъ объявилъ оратору, что у него отбирается слово. Но Жанъ воскликнулъ:

«Одно слово еще, чтобъ отвѣтить генералъ-прокурору. Онъ упомянулъ въ своей рѣчи еще объ одномъ подсудимомъ—о народѣ. Это неосторожно. Народу принадлежитъ теперь слово, и когда онъ въ состояніи будетъ говорить, онъ воспользуется имъ и скажетъ вамъ, что нравы, которые вы приписываете ему, не его, а ваши, что его нищета есть дѣло рукъ вашихъ. Онъ скажетъ....»

Звонокъ заглушилъ его голосъ, и жандармъ тронулъ его за плечо рукой. Смущенный президентъ резюмировалъ пренія. Онъ сталъ говорить о декламаціи, заимствованной изъ доктринъ, враждебныхъ общественному порядку, и о необходимости поддержанія этого порядка; онъ говорилъ и о семействѣ, но на этомъ пунктѣ немного спутался. Наконецъ присяжные удалились въ отдѣльную комнату для совѣщанія, а Брафоръ, воспользовавшись этою минутой, вырвался наконецъ. Когда онъ пришелъ въ пріемную залу, ему сдѣлалось дурно. Нѣкоторые зрители, толпившіеся у дверей залы, обступили его.

— Бѣдный человѣкъ! сказала одна женщина.—это все отъ жары или, можетъ-быть, отъ волненія: такъ ужасно подобное преступленіе.

Брафора отвезли въ отель, куда скоро старый совѣтникъ привезъ къ нему Максимиліану, всю въ слезахъ.

— О, отецъ! сказала она ему, лишь только они остались

Digitized by Google

одни,—знаешь ли, что сдѣлалъ Жанъ? Когда присяжные ушли, онъ попросилъ, чтобъ ему позволили поговорить съ подсудимой, и тамъ, склонясь предъ ней на колѣна, онъ сказалъ ей, что онъ раскаявается въ томъ, что оставилъ ее, что онъ будетъ почитать ее, хотя бы весь міръ сталъ ее презирать, что онъ считаетъ себя на вѣки связаннымъ съ ней, каково бы ни было рѣшеніе судей, и спрашивалъ ее, согласна ли она, чтобы слѣдовать за нимъ....

— Этотъ мерзавецъ безчеститъ имя наше! сказалъ Брафоръ:— онъ помѣшанный!

— Какая жалость, сказала молодая женщина:—у него такое благородное сердце!

Какъ ни скромно было подобное замѣчаніе, оно взбѣсило Брафора, и Максимиліанѣ много стоило труда успокоить его, — до такой степени сильно было его негодованіе. Онъ собрался сейчасъ же уѣхать изъ Дуэ, такъ что дочь съ трудомъ уговорила его дать ей время проститься съ своею подругой. Въ домѣ этой подруги она узнала о рѣшеніи суда. Батистина была присуждена къ пяти годамъ заточенія.

— Защитникъ ея повредилъ ей, безстыдно замѣтилъ старый судья. — Освободить ее значило бы согласиться съ задорнымъ пустословіемъ этого бѣсноватаго, échappé de la sociale. Эхъ, господа, времена наступаютъ тяжелыя для честныхъ людей!

— Они станутъ энергично защищаться! вскричалъ Брафоръ, который съ самой аудіенціи все еще не переставалъ быть краснымъ, какъ ракъ, и горѣлъ какъ въ лихорадкѣ.—И если Парижъ всегда будетъ гнѣздомъ этой породы, тогда провинція должна раздавить Парижъ и управлять Франціей.

Эти слова, переданныя мнѣ достовѣрно, уполномочиваютъ меня утвердить за Брафоромъ право быть родоначальникомъ этихъ идей, которыя потомъ, въ очень непродолжительномъ времени, имѣли такой громадный успѣхъ.

Можетъ-быть, нѣкоторыя наивныя души удивятся странности поведенія Брафора во всемъ этомъ дѣлѣ и не поймутъ, почему бы ему бѣситься такъ. Такихъ, во-первыхъ, мы отошлемъ къ старой и вѣрной поговоркѣ: «ты сердишься,—значитъ, ты не правъ». Мы же такъ давно знакомы были съ Брафоромъ, что въ данномъ случаѣ, кажется, въ состояніи должнымъ образомъ анализировать впечатлѣнія его. Разумѣется, онъ чувствовалъ вину свою—и отъ того-то и приходилъ въ такую ярость;

Digitized by Google

въ то же время гнѣвъ свой онъ признавалъ законнымъ и справедливымъ. «А! конечно лучше, чтобы патроны поменьше любезничали съ работницами своими; но вѣдь и женщины эти не многаго стоютъ... Всѣ почти онѣ развратницы; чего же тутъ кричать о непорочности ихъ и, являясь защищать ихъ, дѣлать столько шуму изъ пустяковъ? Нѣтъ, дѣло вовсе не въ этомъ. А мерзость и подлость вотъ гдѣ: этимъ мерзавцамъ выгодно изъ подобныхъ маленькихъ неудобствъ и грѣшковъ, свойственныхъ натурѣ людской, извлекать пользу для своихъ цѣлей, чтобы *поколебать общество*, чтобы вырвать правленіе изъ рукъ порядочныхъ людей и отдать его въ распоряженіе сволочи. Поставленный въ такомъ видѣ вопросъ,—а Брафоръ не допускалъ иной постановки его,—не предписывалъ ли, не вынуждалъ ли къ противодѣйствію во что бы то ни стало? Развѣ можно вести переговоры съ разбойниками, съ сумасшедшими? А соціалисты—или то, или другое; признавъ же это разъ, слѣдуетъ безъ всякихъ околичностей, такъ какъ они молчать не соглашаются и запереть себя не даютъ,—слѣдуетъ одно—укрощать!» Такія идеи нашептывались тогда разными реакціонными журналами и начинали распространяться. Брафоръ абонировался на assemblée nationale.

Спросить бы можно, откуда у подобныхъ людей является такое полное убѣжденіе, что болѣзни, которыми они не страдаютъ, неизлѣчимы? Почему эти люди склонны скорѣе обличать человѣческую природу, чѣмъ общественный строй? А въ глазахъ противниковъ ихъ эта предубѣжденность, эта предвзятая мысль считается очевидной злонамѣренностью, разсчетомъ макіавелизма. Но умъ человѣческій можетъ быть логиченъ только внѣ дѣйствія страсти и безъ претензій оправдывать все и всѣхъ. Можно признать, что личный интересъ, разъ увлекшись какимъ-нибудь, нравящимся ему и служащимъ въ его пользу, аргументомъ, до того проникается имъ, такъ хорошо окутается и облачится въ него, что больше не можетъ узнавать самого себя; въ особенности этотъ процессъ удобно происходитъ въ тѣхъ плохо освѣщенныхъ внутреннихъ покояхъ, которыхъ углы и закоулки никогда не были посѣщаемы хозяевами ихъ. Девизомъ нашей политической борьбы должно бы быть: «смерть заблужденіямъ; милосердіе людямъ!»

Несмотря однако ни на что, на всѣ серьезныя причины неудовольствія, которое Брафоръ питалъ къ племяннику, въ душѣ его, послѣ засѣданія суда присяжныхъ, оставалось какое-то



Digitized by Google

тоскливое чувство, крайнее смущеніе, разладъ. Это длилось до самыхъ выборовъ 23 апрѣля. Потомъ новыя впечатлѣнія заглушили это, новыя заботы поглощали Брафора, — онъ былъ народнымъ представителемъ.

## IX.

## ІЮНЬСКІЕ ДНИ.

Выразить всѣ ощущенія, испытанныя Брафоромъ послѣ выборовъ, будетъ довольно трудно. Къ упоенію гордости примѣшивалось нѣкоторое тайное удивленіе: онъ ли это превознесенъ такимъ образомъ и поставленъ въ первые ряды?

Вѣдь въ республикѣ всякая власть меркнетъ и стушевывается предъ властью и значеніемъ народнаго избранника. Но, да не впадетъ въ заблужденіе читатель, подумавъ, что Брафоръ могъ хоть на одну минуту усомниться въ томъ, что оказанное ему предпочтеніе не было должною данью его достоинствамъ; тайное удивленіе его проистекало только отъ того, какъ до сихъ поръ онъ самъ себѣ не зналъ цѣны и никогда серьезно не былъ увѣренъ въ возможности стать такъ высоко. Но это было только минутнымъ, мимолетнымъ впечатлѣніемъ. Прежнее заблужденіе свое о себѣ онъ отнесъ къ излишней скромности, быстро проникаясь чувствомъ своей важности и значительности, и предался размышленіямъ о налагаемыхъ ими обязанностяхъ.

На этотъ счетъ онъ не совсѣмъ былъ спокоенъ.

Безъ сомнѣнія, отнынѣ, облеченный правомъ голоса и рѣшающею властью, онъ занимался разрѣшеніемъ тѣхъ великихъ вопросовъ и тѣхъ трудныхъ задачъ, которыя 24-го февраля поставлены были подъ именемъ соціальнаго вопроса?—Нѣтъ, не это занимало умъ Брафора и не это составляло предметъ его безпокойствъ: онъ зналъ, чего держаться въ этомъ вопросѣ; для него онъ былъ давно рѣшенъ и никакихъ сомнѣній въ немъ не являлось. «Соціализмъ, думалъ онъ,—это безуміе.... и преступное безуміе. Одни только эксплуататоры народнаго легковѣрія могутъ распространять такія идеи, будто умственный трудъ, или, иначе говоря, право, присвоенное капиталу (ибо оба

Digitized by Google

могутъ сливаться во едино), будто умственный трудъ не имѣетъ права на высшее вознагражденіе сравнительно съ простымъ физическимъ трудомъ. Развѣ не существуетъ естественнаго законнаго превосходства идеи надъ фактомъ, души надъ тѣломъ?» Да и неравенство возникло изъ самой необходимости, ибо вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ Брафоръ: общество безъ работниковъ немыслимо, двигаться впередъ не можетъ. Значитъ, еслибы всѣ пользовались полнымъ довольствомъ, то *никто* не хотѣлъ бы работать, а потому въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ бѣдные должны быть непремѣнно.

Разъ твердо укрѣпивъ въ себѣ подобное умозаключеніе, Брафоръ сталъ недоступенъ никакимъ сомнѣніямъ, никакимъ колебаніямъ и никакимъ угрызеніямъ совѣсти. Онъ имѣлъ за себя завѣтную мораль, все прошлое человѣчества, людскую лѣнь... И всѣ тѣ, которые довольствуются этими авторитетами, поймутъ непоколебимость Брафоровской благонамѣренности.

Прибавимъ еще, что онъ вмѣстѣ съ дѣйствительно огромнымъ числомъ людей,—гдѣ исключенія можно перечесть,—не допускалъ ни опроверженій, ни доказательствъ иначе, какъ съ тѣмъ пріемомъ, съ какимъ вообще наблюдаютъ за непріятелемъ, выискивая, какъ бы только обойдти и напасть на него врасплохъ; и подобно губкѣ, погруженной въ воду, онъ не способенъ былъ принять въ себя ни капли какихъ бы то ни было доводовъ.

Изъ всего этого слѣдовало, что ничего нѣтъ проще рѣшенія соціальнаго вопроса: изгнать всякія *теоріи*, возстановить права *здраваго смысла* и *практики*, возвысить здравыя доктрины и отмстить низкимъ и гнуснымъ лжеучителямъ за оскорбленную ими собственность, истину, справедливость. Вотъ дѣло близкое сердцу Брафора, на которое, думалъ онъ, по справедливости былъ онъ избранъ согражданами своими.

Но была другая сторона обязанностей депутата, казавшаяся ему гораздо труднѣе и серьезнѣе, по отношенію къ которой онъ тягостно сомнѣвался въ силахъ своихъ: то была необходимость произносить рѣчи.

Во Франціи всѣ знаютъ хорошо, что это самое важное дѣло для человѣка, на котораго возложены заботы объ общественныхъ дѣлахъ. Простой мужикъ—и тотъ сообразуетъ съ этимъ свое уваженіе; нужно послушать, съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о депутатѣ, не говорящемъ рѣчей, и съ какимъ подобострастнымъ удивленіемъ и почтеніемъ относится онъ къ

*

Digitized by Google

умѣнью въ продолженіе цѣлыхъ часовъ не смыкать устъ. Брафоръ былъ совершенно такого же мнѣнія; но его разговорная способность отъ природы не особенно была сильна, и, несмотря на нѣкоторую, мало-по-малу пріобрѣтенную, привычку и электоральную гимнастику, которой онъ за послѣднее время предавался усердно, онъ все-таки, при мысли, что отнынѣ рѣчи его должны будутъ раздаваться по всей Франціи, по всей Европѣ, что я говорю,—по всей вселенной, не могъ не смущаться.

Вотъ въ этомъ именно и заключалась главная причина его душевнаго безпокойства, мѣшавшая полному самодовольству и апломбу послѣ успѣха, что въ сущности, можетъ-быть, и не совсѣмъ было худо. Впрочемъ, рѣшившись выполнять свои обязанности во всѣхъ отношеніяхъ, въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ, Брафоръ намѣревался брать уроки краснорѣчія. Въ Парижѣ, гдѣ учатъ всему, думалъ онъ, должны учить и этому. Максимъ же вѣрно снабдитъ его необходимыми указаніями.

Только-что пріѣхавъ въ Парижъ, не теряя ни секунды, Брафоръ полетѣлъ въ отель Рену. Максимъ избранъ былъ депутатомъ отъ двухъ департаментовъ,—отъ того, который имѣлъ честь видѣть рожденіе его, и отъ того, гдѣ находились помѣстья. A tout seigneur tout honneur. Общая подача голосовъ, казалось, только и основана была для того, чтобы вполнѣ оправдать пословицу эту.

У Максима, предназначеннаго уже въ будущіе вожди партіи въ національномъ собраніи, было въ этотъ разъ много посѣтителей и обсуждалась программа той многочисленной партіи, назвавшей себя именемъ *умѣренныхъ и честныхъ республиканцевъ*, которая впослѣдствіи должна была отличиться яростью своей ненависти и неистовствомъ отместки.

Шли пренія. Многіе, сильно порицая мѣры, принятыя временнымъ правительствомъ, его поведеніе, *глупыя надежды*, данныя народу Люксембургскою комиссіей и проч., уже соображали реакціонныя, быстрыя и рѣшительныя дѣйствія и даже обсуждали вопросъ о формѣ правленія. Затрепетало симпатіею сердце Брафора и онъ тоже, въ томъ же смыслѣ и духѣ, выразилъ свое мнѣніе; но Максимъ, долго слушая, съ обычнымъ своимъ тонкимъ и созерцательнымъ видомъ, вмѣшался въ разговоръ, попросивъ слова:

— Все это не политично, господа, позвольте мнѣ сказать вамъ это. Если вы желаете возстанія Парижа, тогда такъ; слѣдуетъ дѣйствительно поступать такимъ образомъ....

Digitized by Google

— Развѣ нельзя перенести резиденцію правительства куда-нибудь въ провинцію? воскликнулъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ.— Пора отдѣлаться отъ тиранніи Парижа. Владычество этой безумной и бѣшеной столицы кончилось съ провозглашеніемъ общей подачи голосовъ. Отнынѣ Парижъ—рабъ провинцій, а если онъ не знаетъ этого, то ему покажутъ.

— Э! началъ Максимъ,—къ чему набиваться на сраженье, если легко побѣдить и безъ него? Развѣ власть не у насъ въ рукахъ? Развѣ смирный и послушный народъ избралъ кого-нибудь, кромѣ господъ своихъ? Не мы ли диктовали ему, что слѣдовало? Не мы ли направляли его? Чего же вы требуете отъ него еще? Не въ томъ дѣло, чтобы вступать съ нимъ въ войну, но въ томъ, чтобы быть искусными его вождями; онъ вручилъ намъ власть.

Съ величайшимъ искусствомъ и убѣдительностью распространился онъ о выгодахъ той скромной, безшумной, мирной ловкости, которая, не вызывая бурь, умѣетъ стремиться къ цѣли и такимъ путемъ достигнетъ ея навѣрное.

— Народъ, господа,—тотъ же ребенокъ. Строгостью можно разсердить его, а ласковыми словами—добиться всего. Первое, предстоящее намъ, дѣло есть провозглашеніе республики... Не протестуйте!... это только слово, но слово, за которое народъ проливалъ кровь свою. Провозгласить же республику—значитъ (поймите это хорошо) провозгласить наше владычество. Королей, какъ это вы видѣли, не очень удобно руководить, да и всегда кончается тѣмъ, что они или отобьются отъ рукъ, или скомпрометируютъ все. Гораздо вѣрнѣе управлять самимъ. Всѣ республики,—я разумѣю тѣ, которыя были сколько-нибудь долговѣчны,—были не что иное, какъ олигархіи, имѣвшія неоцѣнимое, громадное преимущество доставлять своими демократическими формами удовлетвореніе воображенію народовъ....

— Прекрасно, перебилъ одинъ изъ новоизбранныхъ;—но народъ слишкомъ требователенъ и въ домогательствахъ своихъ не церемонится. Слова—говорите вы; но эти слова, которымъ онъ апплодируетъ,—вѣдь это факты: равенство всѣхъ гражданъ, личная свобода, право сходокъ, свобода печати, отвѣтственность чиновниковъ, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ и проч.—это-то олигархія?...

— О, господа, какъ мало знаете вы народъ и искусство властвовать! сказалъ Максимъ.—На дѣлѣ единственное, что необхо-

Digitized by Google

димо сдѣлать,—это сейчасъ же съ величайшею готовностью и поспѣшностью, безъ ворчанья, безъ грозныхъ минъ—дать народу *все*, все, что онъ требуетъ, и....

— И... и самимъ отправиться подъ свою смоковницу садить капусту, если еще господа демагоги позволятъ; покорнѣйше благодаримъ!

— Вовсе нѣтъ. Слѣдуетъ наилучшимъ и покойнѣйшимъ образомъ оставаться хозяевами и правителями государства при помощи двойной силы—вліянія богатства и способностей. Равенство гражданъ!... Чего-жь лучше? Оно декретировано давно! Подтвердите, утвердите его,—велика ли въ этомъ важность, если существуетъ хоть *легкое* неравенство имуществъ, неравенство образованія, которыя складываютъ привилегированную касту, столь же реальную, какъ и неуловимую, которая неимущему и безграмотному всегда противопоставляетъ хоть невидимую, какъ скрытая теплота, но тѣмъ не менѣе неодолимую преграду. Какъ же вы, владѣющіе капиталами, можете бояться равенства? Вы, господа, значитъ, никогда не понимали положенія неимущаго человѣка среди нашего общества! Вы не видѣли, какимъ безсиліемъ поражаются всѣ его попытки и стремленія! Если у него есть мысль, онъ не можетъ написать ея; если есть проектъ, онъ не можетъ осуществить его! Сегодня, также какъ и во времена Августа и Людовика XIV, нужно что-то еще—нужна банкирская касса.... Не знаете ли вы, что въ этомъ уравненномъ обществѣ если этотъ неимущій человѣкъ подпадетъ какой-нибудь несправедливости, то и удовлетворенія искать онъ не можетъ? Всегда и повсюду нужно, чтобъ *онъ* уступилъ и молчалъ, почитая себя еще счастливымъ, если изо дня въ день можетъ влачить существованіе свое.... Господа, при такихъ условіяхъ, равенство только пустое слово, а слово это, созданное для того, чтобъ очаровывать народное ухо, не должно пугать серьезные умы.

«Посмотримъ теперь также и другіе пункты. *Нація самодержавна! Всякая власть исходитъ отъ народа*! Конечно, конечно. Вотъ золотыя слова, которыя нужно бы провозглашать во всѣхъ рѣчахъ, которыя огненными буквами должны блистать на фронтонѣ каждаго зданія, во всѣхъ иллюминаціяхъ и на всѣхъ бандероляхъ и оберткахъ.... Да, нація самодержавна. Только она обязана вручить власть свою своимъ представителямъ, и въ самомъ дѣлѣ, господа, вѣдь это очень тяжело для васъ.

«*Личная свобода—священна*, напишемъ мы въ первой строкѣ

Digitized by Google

конституціи, подъ титуломъ: «главнѣйшія и высочайшія права». *Свобода есть высшій законъ*! Но послѣ этого вы понимаете хорошо.... вѣдь народъ честенъ, разбойниковъ онъ не потерпитъ! Поэтому нужно прибавить маленькій параграфчикъ: «Слѣдственный судья, *въ случаѣ преступленія*, можетъ прибѣгнуть къ предварительному заключенію». Нужно ли доказывать, какъ этотъ маленькій параграфчикъ *спасаетъ* все?

«Народу нравятся всякія идеальности, декларацiи принциповъ, онъ наивно вѣритъ въ нихъ и довольствуется ими. Къ тому же онъ до сихъ поръ еще не уловилъ, гдѣ лежатъ корни его правъ, и охотно, по духу прошедшаго, жертвуетъ индивидуумомъ обществу.... Въ этомъ все! Одна спущенная петля распускаетъ все вязанье. Не будемъ же, господа, спорить съ народными вкусами. Дадимъ имъ правила, а себѣ сохранимъ исключенія.

«Право сходокъ провозгласимъ священнымъ, какъ сама свобода!! Однакоже всякій пойметъ сейчасъ, что и ихъ нужно *регламентировать*.

«*Законъ объ ассоціаціяхъ* мы помѣстимъ подъ непосредственное покровительство конституціи. А конституція?... За нее вѣдь мы отвѣчаемъ нашею головой! Хорошо; конституція принимаетъ подъ свое покровительство ассоціаціи, но дѣлаетъ маленькое замѣчаніе, *что ассоціаціи, вредныя для государственной безопасности, могутъ быть распускаемы*. Parbleu! народъ, вѣдь, тоже дорожитъ государственною безопасностью! Вотъ онъ апплодируетъ депутату—монтаньяру (такъ какъ мы, я надѣюсь, господа, тоже будемъ имѣть своихъ монтаньяровъ), этотъ депутатъ встаетъ и говоритъ, что только *однѣ* ассоціаціи этого рода и могутъ быть распущены. Начинаются пренія pro и contra... Одно это слово, представляющее глубокую гарантію, и длинная рѣчь депутата волнуютъ всю націю и раздаются по всей Европѣ... Слово *однѣ* принято при общемъ рукоплесканіи демократіи, и фраза, вычеканенная слѣдующимъ образомъ, остается украшеніемъ архивовъ въ доказательство политической безтолковости и собраній и народовъ: «*ассоціаціи, вредныя для государственной безопасности, однѣ* только могутъ быть распускаемы.

«*Свобода печати* будетъ абсолютна! Какже? Но кто же захочетъ допускать гнусныя выходки противъ трижды-святыхъ истинъ, составляющихъ основу всякаго порядка, противъ семьи, религіи, собственности, законовъ, личностей, противъ свободы?...

Digitized by Google

Кто, господа? Кто изъ васъ?—Никто! Всѣ честные и благонамѣренные люди протестуютъ одинъ передъ другимъ... Они вотируютъ съ энтузіазмомъ и съ апплодисментомъ, «что всѣ *излишества печати, недостойныя всякаго цивилизованнаго общества*, будутъ *преслѣдуемы*»... Безнаказанности допускать нельзя! А такъ какъ, къ тому-жь, нѣтъ правъ безъ обязанностей, то пресса, эта великая *власть*, не должна ли она участвовать тоже въ общественныхъ тяготахъ?—Конечно, въ мѣру силъ. На каждый нумеръ газеты установится небольшая пошлина за штемпель, а взамѣнъ этого государство, въ своей великодушной заботливости о правахъ мысли, согласится понизить почтовую таксу для журналовъ, ниже таксы за письма. Чего-жь лучше можно желать?

Отвѣтственность типографій?—Да, ибо это довершитъ дѣло, привинтивъ къ крыльямъ мысли желѣзо капитала.

«На этомъ пунктѣ сознаюсь, что временное правительство, давая неограниченную свободу прессѣ, сильно погрѣшило, такъ какъ этимъ оно отняло у себя могущественное средство *обороны*, необходимое всякому менѣе сильному правительству. Мы должны будемъ возстановить его, но не иначе, господа,—вникните хорошенько,—не иначе, какъ крича на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, со всѣхъ крышъ и колоколенъ, что печать свободна, абсолютно свободна!

«Э! Да и чиновники и всѣ предержащія власти будутъ отвѣтственны. Только, само собой разумѣется, что нація не можетъ же дозволить, чтобъ оскорбляли тѣхъ, которымъ она ввѣрила охраненіе и соблюденіе своей свободы и своихъ законовъ. Достоинство націи господа!! *(Сильныя рукоплесканія)*. Не можетъ же всякій встрѣчный призывать на скамью подсудимыхъ почтенныхъ людей и государственныхъ сановниковъ при всякой малости! Чиновникъ будетъ отвѣтственъ, но только для того, чтобы привлечь его къ отвѣтственности, нужно получить разрѣшеніе.....

.....

.....

Второй примѣръ: жилище неприкосновенно; прибавьте: «никакой домашній обыскъ не можетъ быть произведенъ, исключая случаевъ предусмотрѣнныхъ закономъ, и при соблюденіи формальностей, предписываемыхъ закономъ». Эта оговорка съ виду не имѣетъ въ себѣ ничего, и никто не обратитъ на нее вниманія. Принципъ, звучный принципъ, поставленный на первой строчкѣ,

Digitized by Google

остаточенъ для толпы. Остальное—только гримировка его въ законную форму, а гражданинъ французскій слишкомъ уважаетъ себя, чтобы входить въ анализъ законовъ, управляющихъ имъ. Это — дѣло адвокатовъ и прокуроровъ.

«Точно также никто не можетъ быть задержанъ и арестованъ безъ формальнаго на то предписанія, кромѣ случая поимки на мѣстѣ преступленія. Изобиліе гарантій, какъ видите, — что не мѣшаетъ задержать на улицѣ всякаго, кого заблагоразсудится, и вездѣ, гдѣ только соберется толпа; потому при первой же сессіи законодательной палаты надлежитъ издать законъ, воспрещающій уличныя сборища.

«Мы уничтожили смертную казнь въ политическихъ дѣлахъ.... Но кто мѣшаетъ возстановить ее, относясь къ инсургенту, дѣйствующему на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ къ убійцѣ? Развѣ онъ не причиняетъ смертоубійства?

«Въ политикѣ, какъ вы это видите, истолкованныя правила спасительны: ограниченія составляютъ все! Страсти, опасенія, безразсудность массъ дѣлаютъ остальное. А, господа, вы народу недовѣряете? Какъ же вы въ самомъ дѣлѣ неблагодарны!»...

Совѣты эти, дѣйствительно, даромъ не пропали: они возстановили надежды и съ первыхъ же дней тѣсно сгруппировали вокругъ Максима многочисленную партію, которая считала долгомъ во всемъ прибѣгать къ его мудрости и слѣдовать его совѣтамъ. Само собой разумѣется, что Брафоръ былъ въ числѣ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ, только онъ все не оставлялъ намѣренія своего и, не довольствуясь быть простой единицей въ когортѣ этой, стремился все-таки, какъ разъ мы уже сказали, непремѣнно *заявить себя*, считая это первѣйшею своей обязанностью, какъ депутата. Отыскалъ онъ нѣкоего г. Вербо, пользовавшагося славой превосходнаго профессора декламаціи и краснорѣчія, и пошелъ къ нему.

Г. Вербо былъ человѣкъ посѣдѣлый въ своей лямкѣ; поглядѣвъ на Брафора пристально и со вниманіемъ, онъ сказалъ ему: «Вся тайна ораторскаго искусства, какъ и многаго другаго, заключается въ Дантоновскомъ правилѣ: «Смѣлости больше, смѣлости!» Я не говорю, что этого достаточно, чтобы подобно Меркурію ковать златыя цѣпи и ими опутывать слушателей; но по крайней мѣрѣ это съ выгодой показываетъ всѣ дарованія говорящаго, давая ему власть надъ почтенною публикой и ту изумляющую силу, которая присуща самонадѣянности и самоувѣренности. Къ тому-жь

Digitized by Google

большинство простаковъ обращаетъ вниманіе гораздо менѣе на сущность вещей, чѣмъ на форму, и какъ не всякій умѣетъ говорить долго безъ перерыва и не переводя духу, ужь и это кажется очень важнымъ. Pour faire un civet prenez un lièvre. Помните, что слова, слова составляютъ главную ткань рѣчи; идея идетъ на второмъ планѣ, и ея не нужно въ большомъ количествѣ,—она утомляетъ слушателей, да и не очень трогаетъ ихъ. Побольше огня, убѣжденія, или хоть подобія его, звучный органъ голоса, внушительный и важный жестъ, немножко страсти, если можно, а если нельзя, то побольше цифръ: онѣ всегда дѣйствуютъ внушительно и ихъ никто никогда не провѣряетъ. Вотъ, сударь, почти весь секретъ и вся мудрость краснорѣчія.

«Теперь сдѣлаемте маленькую экзерцицію! Приготовьте канву,— узоры придутъ послѣ; увидимъ. Начинайте, о чемъ угодно, что первое въ голову взбредетъ, не стѣсняйтесь: главное, старайтесь говорить безостановочно! Если же, несмотря на всѣ ваши усилія, въ словахъ вашихъ произойдетъ перерывъ, интервалъ, такъ сказать, если слова не свободно являются и заставляютъ ждать себя, тогда нужно прибѣгать къ маленькому фокусу, нужно вставлять въ интервалы звуки: *омъ.... омъ.... гмъ.... гмъ*, что, такъ-сказать, затыкаетъ прорѣхи въ рѣчи. Величайшіе ораторы— и тѣ прибѣгаютъ къ этому пріему, ибо онъ имѣетъ еще и другое важное достоинство—онъ удерживаетъ вниманіе слушателя, точно какъ будто вы схватили его за пуговицу платья, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Теперь начинайте, я слушаю васъ.

— Но, сказалъ Брафоръ....

— Извольте начинать!

— Но о чемъ же?

— О чемъ вамъ угодно. Если у васъ есть мысль, скажите ее. Если нѣтъ, перефразируйте чужую, — это самое употребительнѣйшее средство; никогда не случалось, чтобы кто-нибудь узнавалъ свои слова. Ну-съ! En avant!

Замѣшательство Брафора было крайнее; онъ переминался, но, понукаемый такимъ образомъ, наконецъ началъ:

«Господа!...»

— Говорите! говорите! Останавливаться долго ненужно.

«Господа!... Положеніе страны слишкомъ серьезно!... Обстоятельства слишкомъ важны. Общество поколеблено.... до самыхъ основъ своихъ. Государство шатается, и если сильная рука.... нѣтъ, я ошибся, ежели патріотизмъ представителей націи, если благоразуміе добрыхъ гражданъ, если... гмъ... гмъ...»

Digitized by Google

— Смѣлѣй!...

«Если.... всеблагое Провидѣніе, въ великомъ милосердіи своемъ, блюдущее судьбы нашего отечества, если.... гм.... гм.... гм.... гм....»

— Довольно уже было этихъ *гм!* Какъ вы ненаходчивы?! Зовите музу на помощь!

«О, муза отчизны моей, снизойди ко мнѣ, вдохнови меня и дай мнѣ твои сладкіе, мощные звуки, чтобъ я могъ убѣдить согражданъ моихъ, пусть.... гм.... гм.... Господа! я не республиканецъ дня предыдущаго, но дня послѣдующаго. Пусть республика будетъ подобно копью Ахиллеса, цѣлившему раны, наносимые имъ же.... ибо.... гм.... Timeo Danaos et dona ferentes.... гм.... Verba volent, scripta manent.... To be, or not to be? That is the question....»

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ, вопросъ не въ этомъ. Однако, чортъ возьми, скажите же наконецъ что-нибудь! А то все цитаты, да цитаты! На однѣхъ цитатахъ вертѣться нельзя.

— Вы мнѣ сказали говорить, ну, я и говорю, что мнѣ на умъ взбрело. А цитаты эти тоже часто употребляются и приводятся... Притомъ приличная рѣчь должна длиться по крайней мѣрѣ три часа. Какъ же хотите вы, чтобъ я говорилъ три часа, не приводя цитатъ?

— Это правда; но однако, чтобы цитаты были пріятны въ рѣчи, нужно, по крайней мѣрѣ, чтобъ онѣ хоть для виду были кстати.

Немного задѣтый за живое этими замѣчаніями, Брафоръ собралъ всѣ свои силы, и во всю мочь гаркнулъ:

«А! господа, гидра анархіи готовится пожрать насъ! Смотрите, какъ сіяетъ уже отверстая, мрачная пасть ея! За ней идетъ чудовище нечестія! А блѣдный скелетъ софизмовъ подтачиваетъ основы того исконнаго и досточтимаго общественнаго строя, пяты котораго тщетно доселѣ поражали своими мрачными волнами безсильные потоки революціи. Сомкнемъ, господа, ряды наши вокругъ хоругви.... гм.... вокругъ побѣдоносной хоругви порядка, религіи, семейства и собственности, и пусть всегда зрятъ, морщинами изукрашенныя, чела наши, гм... подъ оливковою вѣтвью мира.... гм.... гм.... произрастающей на благодатной почвѣ.... гм.... и пусть благословенный плодъ ея....»

— Вы слишкомъ злоупотребляете образами и фигурами.

— О! я дѣлаю, что могу! Какже хотите вы, чтобъ я гово-

Digitized by Google

рилъ въ продолженіе трехъ часовъ, не прибѣгая къ образамъ? Сказать о вещахъ просто, такъ, какъ онѣ есть, хватитъ всего па четверть часа и не будетъ торжественно. А тутъ приходится говорить предъ цѣлою Франціей, предъ цѣлой Европой!...

— Вѣрно, вѣрно. Но все же слѣдуетъ выбрать одинъ какой-нибудь сюжетъ.

— Хорошо. Я избираю—опасности, угрожающія общественному порядку.

— Отлично; въ такомъ случаѣ опредѣляйте точнѣе.

— Хорошо, я приступлю къ опредѣленію... «Господа! какимъ образомъ можетъ держаться общество, когда два самые мощные столпа его храма ежедневно потрясаются съ возрастающимъ остервененіемъ; когда священникъ и солдатъ, эти два миссіонера, эти два бойца, разнесшіе славу французскаго имени до предѣловъ вселенной, ежедневно подвергаются разъяреннымъ нападкамъ со стороны безстыдной, разнузданной печати, нечестивой и анархической. Католическій священникъ, господа, этотъ воинъ вѣры....»

— Постойте! Съ нѣкоторою памятью вамъ хватитъ о священникѣ на десять минутъ и столько же о солдатѣ, что составитъ двадцать. Выбросимъ это. Мы такимъ способомъ сократимъ время, безъ ущерба для урока.

«Итакъ, господа, здѣсь зиждущее слово, тамъ—мечъ сокрушающій; здѣсь борьба рукъ, тамъ борьба мысли; доблесть духа и неустрашимость сердца, евангеліе и боевая труба, ранецъ и требникъ, человѣкъ убивающій и человѣкъ спасающій, посѣвъ жизни и жатва смерти, кроткая сила и сильная слабость, человѣкъ преданный Богу и сынъ своего отечества, завоеватель земель и завоеватель неба, сутана и плюмажъ, клобукъ и киверъ..... гм..... и.....»

— Помилосердуйте! Остановитесь! Вы черезчуръ ужь злоупотребляете контрастами.

— Но какже вы хотите, чтобъ я говорилъ въ продолженіе трехъ часовъ, не употребляя контрастовъ?

— Справедливо. Продолжайте.

«Эти двѣ силы, господа, которыя я назвалъ столпами соціальнаго храма, суть дѣйствительно двѣ великія опоры порядка. Священникъ—это руководитель душъ; съ нимъ нѣтъ уклоненій, нѣтъ теорій, нѣтъ преступныхъ стремленій, нѣтъ тѣхъ безумныхъ доктринъ, смущающихъ государство, нѣтъ раздоровъ, пре-

Digitized by Google

пятствующихъ мудрымъ планамъ автомедоновъ правительственной колесницы, нѣтъ тѣхъ, порицанія достойныхъ, тревогъ, побуждающихъ людей къ вмѣшательству въ общественныя дѣла. Вмѣсто этого мы видимъ торжественное спокойствіе, удивительнѣйшее однообразіе, величественную неподвижность, гдѣ бурный океанъ человѣческаго разума превращенъ въ спокойное озеро, закрытое отъ всякаго дуновенія, на которомъ плыветъ, или скорѣе величественно скользитъ, распустивъ всѣ паруса, великій корабль вѣры.»

— Превосходно! Отлично! Послѣ такъ тщательно отдѣланнаго пассажа слѣдуетъ всегда остановиться на минутку, чтобы перевесть духъ и дать время апплодировать; у оратора всегда есть друзья, которые первые начинаютъ.

«При солдатѣ—матеріальный порядокъ предписывается тѣламъ, какъ и душамъ. Благодаря солдату, удерживаются въ границахъ обязанностей тѣ развращенные умы, которые, избѣжавъ святаго вліянія священника, отрицаютъ законъ и религію. Итакъ, господа, вы видите, какъ эти два великіе института, сопутствующіе человѣку отъ колыбели до гроба, владѣютъ нами всецѣло; вдвоемъ—они вмѣщаютъ въ себѣ все, сдерживаютъ все, отвѣчаютъ за все, и внѣ ихъ ничто въ обществѣ не должно развиваться. Не теряйте же ни одной минуты, встаньте на защиту этихъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ учрежденій! Поймите, что съ ними все спасено, безъ нихъ все погибнетъ. Прежде разсчитывали на королевскую силу: королевская сила, господа, падаетъ, мы это видѣли. Если армія цѣла, если алтарь стоитъ,— въ мірѣ ничто не потеряно.... ничто не измѣнилось; только росписью денегъ на содержаніе королевскаго двора стало меньше».

— Недурно, недурно!

«Господа! снова началъ, упоенный своимъ успѣхомъ, Брафоръ,—сумѣемъ же сохранить великое наслѣдіе, заповѣданное намъ нашими отцами, и станемъ на-стражѣ противъ гибельнаго духа безпокойной новизны, который волнуетъ современное общество. Истинная гармонія, господа, это—покой. Это мудрое сочетаніе всего разнороднаго, соединеніе всего крайняго. Это смѣсь бѣлаго, краснго и чернаго—въ одинъ великолѣпнѣйшій безцвѣтно-сѣрый цвѣтъ; это résumé, или, если осмѣлюсь такъ выразиться, — прекраснѣйшее рагу изъ всевозможныхъ началъ; это именно та златая средина, гдѣ все сливается, преображается и стушевывается. Златая средина, господа, это ни самая низ-

Digitized by Google

кая и не самая высокая нота въ гаммѣ,—ни ласка и не угроза, ни гнѣвъ и не милость, ни утвержденіе и не отрицаніе, ни бѣлое и не черное, ни свобода и не рабство, ни слишкомъ много и не слишкомъ мало, ни демагогія и не монархія, ни излишество и не лишеніе, ни своеволіе и не деспотизмъ, ни верхъ и не низъ, ни громада и не ничтожество, ни....»

— Довольно ужь наконецъ этихъ *ни*, сказалъ г. Вербо.

— Какъ вы хотите, чтобъ я говорилъ въ продолженіе трехъ часовъ, не приводя противоположностей?

— Справедливо. Продолжайте.

«Наконецъ, господа, это сліяніе всего въ одно общее или въ одну чистѣйшую умѣренность, равно удаленную отъ.... отъ всего. Какъ драгоцѣнна будетъ для насъ эта добродѣтель въ настоящія бурныя времена, когда варварскія теоріи стремятся поглотить цивилизацію! Только эта добродѣтель можетъ быть надежнымъ кормчимъ посреди подводныхъ камней, умышляющихъ заговоры противъ насъ....»

— Вы стали грѣшить неправильностями, которыми могутъ воспользоваться демагогическія газеты: подводные камни не могутъ умышлять заговоровъ.

— Вы правы. Такъ я скажу, гм.... посреди подводныхъ камней, разсѣянныхъ подъ стопами нашими.

— Да вѣдь подводные камни бываютъ только въ морѣ, и....

— Э, сударь, если вы станете прерывать меня каждую минуту, то какъ же вы хотите, чтобъ я могъ говорить безостановочно? Я не литераторъ, чортъ возьми! Я человѣкъ здраваго смысла, практическій, и въ сущности это вѣдь пустяки. На чемъ бишь я остановился?....

«Да.... Послѣдуемъ же....за колесницей правительственной...» А! вы опять скажете, что мы въ морѣ.... Ну, скажемъ за кораблемъ. Боже мой, мнѣ это рѣшительно все равно: государственный корабль, государственная колесница—въ сущности это совершенно одно и то же; серьезные люди обращаютъ вниманіе только на идею. Я продолжаю: «Средина!... Не тотъ ли это пунктъ, гдѣ оба конца сходятся? И можетъ ли быть что прекраснѣе подобной встрѣчи *всѣхъ интересовъ*? Идти налѣво—значитъ покинуть правую сторону. Идти направо—значитъ оставить лѣвую. Я же перехожу на средину. Я объявляю, что вотирую за разумное примиреніе противоположныхъ интересовъ, съ условіемъ, что рѣшеніе это не будетъ во вредъ никакимъ старымъ, установившим-

Digitized by Google

ся уже правамъ. Я заключаю: между двумя крайностями, между двумя полюсами, между двумя партіями всегда слѣдуетъ выбирать златую середину.

— Подождите. Вы должны умѣть отвѣчать въ случаѣ надобности, еслибы вдругъ прервали вашу рѣчь. А это случится. Предположите. что въ эту минуту я—одинъ изъ вашихъ почтенныхъ собратій и я кричу вамъ: «Нужно однако избрать или Бога или дьявола, справедливое или несправедливое, добро или зло....»

«Господа....»

— Не смущайтесь. Въ подобныя минуты, когда вы затруднены, обыкновенно слѣдуетъ обратиться къ совѣсти вообще и къ совѣсти членовъ палаты въ особенности, которые въ такомъ случаѣ всегда отвѣтятъ рукоплесканіями.

«О, господа, столь странный вопросъ приводитъ меня въ онѣмѣніе отъ негодованія! Выборъ между добромъ и зломъ!! Вопрошаютъ меня, колеблюсь ли я? Въ этихъ ли стѣнахъ подобный вопросъ можетъ быть предложенъ одному изъ насъ? (*съ особою силой*) Этотъ вопросъ обращаю къ совѣсти всѣхъ, слышавшихъ меня...»

— Хорошо, очень хорошо! вскричалъ г. Вербо.—Здѣсь взрывъ рукоплесканій. Тутъ вы можете заранѣе разсчитывать на успѣхъ. Это впередъ извѣстно.

Брафоръ, съ новой силой:

«И я горжусь, господа, что могу быть вѣрнымъ выразителемъ чувствъ всей палаты!»

— Браво! браво! ободрялъ его г. Вербо.—Да, всей! всей! Вы всегда можете повторять это, сколько вамъ угодно! *Слава нашей арміи*, или *честь всѣхъ французовъ* безъ исключенія; или безкорыстіе *всѣхъ* вашихъ сотоварищей, еслибы даже за минуту предъ тѣмъ вы уличали ихъ въ плутовскихъ продѣлкахъ и подлости: этотъ пріемъ всегда вывезетъ. Успѣхъ вѣренъ. Въ крайности этимъ всегда можете поддерживать свою рѣчь. Но вашъ часъ прошелъ, и я вынужденъ оставить васъ: меня ждетъ урокъ декламаціи. Вамъ недостаетъ многаго, и поработать придется порядочно: выработать голосъ, жестъ, дикцію....но объ этомъ поговоримъ послѣ. Совѣтую прочитывать каждый день какую-нибудь парламентскую рѣчь. Вы обладаете впрочемъ вдохновеніемъ, оригинальностью; но только я боюсь за литературную правильность.... Вы бы могли имѣть большой успѣхъ въ провинціи, въ

Digitized by Google

разныхъ агрономическихъ комиціяхъ, конкурсахъ, при раздачахъ наградъ, гдѣ вообще къ властямъ относятся съ почтеніемъ; но парижскіе журналы, сударь!....

— О, да, вздохнувъ, отвѣчалъ Брафоръ,—оппозиція причина всему злу.

— Еще я думаю, что вамъ не мѣшало бы писать свои рѣчи, или еще лучше—диктовать ихъ кому-нибудь. Хороша ли у васъ память?

— Да.

— Превосходно! Сдѣлайте, что я вамъ говорю, заведите себѣ грамотнаго секретаря, и все пойдетъ отлично.

Этотъ совѣтъ нѣсколько оскорбилъ Брафора, однако онъ согласился, сожалѣя, что занятія не позволяютъ ему заглядывать въ синтаксисъ и разработать свои способности къ краснорѣчію, сообразно потребностямъ парламентскаго оратора. Но все-таки, благодаря своей прекрасной памяти и способностямъ своего секретаря, благодаря урокамъ дикціи и жестикуляціи у Вербо, Брафоръ прилично выполнялъ свою роль; говоря о немъ, замѣчали: это человѣкъ серьезный. Таково же было и его собственное мнѣніе, и всякій встрѣчавшійся съ нимъ по одному только его виду убѣждался въ томъ же; ибо глубокихъ убѣжденій, какъ шило въ мѣшкѣ, не угаишь, и не признать ихъ нельзя.

Еслибы не сильная и истинно-болѣзненная раздражительность, которую вызывали въ немъ соціализмъ и соціалисты, то Брафоръ въ исполненіи своихъ депутатскихъ обязанностей нашелъ бы истинное счастье. Когда могъ онъ, забывая свою ненависть къ этимъ презрѣннымъ людямъ и къ ихъ гнуснымъ доктринамъ, предаваться безмятежному счастью, вполнѣ раскрывая свою душу сладкимъ ощущеніямъ, когда приходилось ему фигурировать то на оффиціальныхъ обѣдахъ, то въ кортежахъ, гдѣ онъ, шествуя рука объ-руку съ знаменитостями Франціи и Европы, могъ говорить: мы государственные люди,—о, тогда онъ чувствовалъ, какъ сердце расширялось въ груди его! И какое являлось усердіе къ труду, какая выдержка! Конечно, все изъ ревности къ обязанностямъ своимъ. То же самое бывало, когда въ различныхъ спеціальныхъ бюро палаты, при постановкѣ административныхъ вопросовъ, онъ бывало чувствовалъ, какъ буквально держитъ въ своихъ рукахъ судьбы и благосостояніе своихъ согражданъ, гражданъ цѣлаго департамента,—о какое великое наслажденіе! Какъ тогда онъ чувствовалъ себя

Digitized by Google

великимъ!!! О, то были великія, чистыя, сладкія чувства! Онъ бывалъ глубоко умиленъ и исполнялся доброты и снисходительности къ людямъ почтительнымъ, обращавшимся къ нему и ожидавшимъ отъ него спасенія Франціи и кое-какихъ маленькихъ милостей себѣ.

Но, напримѣръ, когда онъ читалъ ненавистныя газеты: «La Reforme» «La commune de Paris» и проч., когда его любимый журналъ «Assemblée nationale» сообщалъ ему, ядовито цитируя и истолковывая, рѣчи клубовъ и народныхъ собраній, когда голосами Пьера Леру, Консидерана—и, о небо!—Прудона презрѣнныя доктрины высказывались въ самой палатѣ, раздавались съ трибуны, когда Шарль де-Лабруа, тоже народный представитель, встрѣчался съ нимъ въ числѣ сотоварищей, тогда въ груди Брафора разыгрывалась полная гамма чувствъ, поднимавшаяся отъ негодованія и восходившая до глубочайшей ненависти, доводя его иногда до неистовства. Но не онъ одинъ, какъ извѣстно, былъ проникнутъ такими чувствами. Никогда убѣжденія не были такъ страстны, какъ въ ту эпоху, потому что они были исключительно личныя. Подумайте только: чудовище собиралось поглотить самую кровь и плоть Брафора, его жизнь, его душу, или, иными словами, всѣ заботы, всѣ желанія, всѣ радости, изъ которыхъ до сего времени состояло его существованіе, которое, также какъ и растеніе, воздымающееся къ солнцу, тяготѣло къ одной цѣли—къ источнику блеска и всякой роскоши, сіяющихъ на высотахъ общества; онъ грозилъ похитить все его благосостояніе, созданное камешекъ по камешку, его силу и гордый девизъ, украшавшій его, ребяческія диковинки его парка, отъ башни съ бойницами, до лебедя на озерѣ, ливрею его почтительныхъ, хорошо выдрессированныхъ слугъ, и его ростбифы и тонкія вина, и его пирожныя, и его роль амфитріона, и его царственность, какъ комерсанта, и его златую праздность, и красоту его жены и дочери, и не только то, что составляло его удовольствіе и гордость, но и то, что составляло его самого, его вѣсъ, его значеніе, его собственную персону! Вопросъ жизни или смерти! Совершенно такъ же понимали его и всѣ участники той политической драмы, которой временное правительство было прологомъ, и которая началась 4-го мая, чтобы придти къ развязкѣ 26 іюня 1848 г.—страшнѣйшей рѣзнѣ, послѣ которой соціальный вопросъ оказался разрѣшеннымъ на двадцать лѣтъ.



Digitized by Google

Мы не станемъ исчислять здѣсь всѣхъ тѣхъ вопросовъ, за и противъ которыхъ вотировалъ Брафоръ. Онъ всегда былъ искрененъ, и всякія мнѣнія или отрицанія, провозглашаемыя имъ, были искренни, какъ бываетъ искренняя отчаянная защита противъ нападенія убійцы, противъ видимой смерти. Какъ бы мы ни разсматривали всю аргументацію того времени,—аргументацію, которая, казалось, служила только къ тому, чтобы какъ можно болѣе затемнить происходившія тогда распри,—съ какой бы стороны мы ни подходили къ нимъ, какъ бы ни переворачивали ихъ, съ лицевой стороны или съ подкладки,—мы откроемъ только одно: присуствіе двухъ боровшихся началъ—богатства и нищеты. Съ одной стороны стремились завладѣть, съ другой—отстоять. Единодушный и согласный въ политическихъ чувствахъ, въ день 24-го февраля, Парижъ послѣ трехъ мѣсяцевъ нищеты потерялъ единодушіе и согласіе въ дѣлѣ соціальнаго вопроса, а этотъ вопросъ создалъ между самими республиканскими партіями пропасть болѣе глубокую, чѣмъ даже та, которая существовала между монархіей и республикой. Спѣшили провозглашать собственность священною, но она, не будучи удѣломъ всѣхъ, не могла имѣть для всѣхъ одинаковаго значенія. Одни хотѣли жить, другіе — жить хорошо. Оказалось, что человѣкъ цѣнитъ больше счастье, чѣмъ самую жизнь, ибо нетерпѣливый духъ партіи прежде всего воспламенился и дошелъ до неистовства въ средѣ провозвѣстниковъ и защитниковъ собственности, и, благодаря имъ, съ тѣхъ поръ эпитетъ «честный и умѣренный», которыми они, какъ истинные владыки грамматики, также какъ и всего остальнаго, украсили себя,—перемѣнилъ во Франціи свое значеніе, сдѣлавшись синонимомъ неистоваго и бѣшенаго.

Во всякомъ случаѣ, чтобы не возненавидѣть ихъ, какъ ненавидѣли они сами, нужно принять въ соображеніе, что человѣческій разумъ вовсе не есть простой и обыкновенный агентъ вѣдѣнія и оцѣнки, ни орудіе точнаго измѣренія, какъ это полагалъ древній идеализмъ, но есть нѣкоторымъ образомъ существо въ существѣ, подчиненное дѣйствію привычки и окружающихъ условій, очень зависимое отъ нихъ у многихъ и почти зависимое совершенно у большинства. Потому-то всякая новая идея кажется съ перваго взгляда почти всегда фальшивою только потому, что она нова, и враждебною потому, что нарушаетъ усвоенныя идеи....

Не отъ этого ли у людей мало разсуждающихъ, да у людей

Digitized by Google

пожилыхъ вообще первое впечатлѣніе есть и окончательное. Брафора еще можно извинить, когда мы видимъ людей, имена которыхъ извѣстны и чтимы цѣлой Европой, когда мы видимъ, какъ эти люди первые кидаются въ бой противъ баррикадъ, воздвигнутыхъ голодомъ, когда мы видимъ, какъ и они тоже требуютъ *разрѣшенія пушечными выстрѣлами* страшной задачи, которую они отказываются изучить. Но во всякомъ случаѣ, несмотря даже на свирѣпость эгоизма, еслибы вопросъ былъ поставленъ яснѣй, а не подъ названіемъ права на жизнь, или права на трудъ, онъ бы по крайней мѣрѣ представился во всей своей силѣ и легче собралъ бы всѣхъ, сочувствующихъ ему. Но какими клеветами и софизмами не былъ онъ только затемненъ! Называли *лѣнтяями* тѣхъ, которые добивались права участія въ выгодахъ общества, котораго всѣ тяготы они несли на себѣ. Кто же однако клеймилъ ихъ этимъ именемъ?—Праздные. Называли также ихъ ворами. Кто же?—Монополисты.

Съ того времени тоже и *былые каторжники* сдѣлались патентованными организаторами всѣхъ бунтовъ противъ отеческихъ правительствъ.

Наконецъ-то разгорѣлась война со всѣмъ ослѣпленіемъ страстей, возбужденныхъ ею. Но что тамъ же примѣшивались гнусные разсчеты, завѣдомая клевета, подстрекательство и великіе маневры безчестныхъ, хладнокровно-стремившихся къ своимъ цѣлямъ, политическихъ искателей приключеній—это фактъ, увы, болѣе чѣмъ вѣроятный. Преисполненный ложью, пріученный къ ней предыдущими монархіями, французскій народъ вѣритъ еще въ искусство и силу лжи. Но ловкихъ политическихъ людей было небольшое число, и Брафоръ,—нужно ли это доказывать,—былъ въ рукахъ ихъ только послушнымъ орудіемъ.

«*Нужно покончить*» съ этимъ, повторялъ онъ вмѣстѣ съ другими фатальныя слова, раздававшіяся тогда повсюду—въ салонахъ, въ клубахъ, въ бюро, въ провинціяхъ, въ палатѣ. Это общество, обезумѣвшее отъ непосильной задачи, требовавшей напряженія всей энергіи ума и чувствъ, бросалось къ ружейнымъ и пушечнымъ стволамъ, замѣняющимъ людямъ зубы и когти львовъ и тигровъ, чтобы рѣшить эту задачу звѣрскою и свирѣпою борьбой... И многіе послѣ этого осмѣливаются еще въ звучныхъ, хорошо отдѣланныхъ фразахъ провозглашать, что цивилизація закончена и совершенна, когда мы, только-что извергну-



Digitized by Google

тые изъ нѣдръ великой родильницы—природы, еще такъ близки къ звѣрству, такъ держимся за него, какъ новорожденный за мать свою!—Ненависть была тогда взаимна, увлеченіе общее. Въ то время, когда *консерваторы* приготовлялись къ истребленію пролетаріата, пролетаріи, формировавшіе свои ряды на военный ладъ, и сектаторы братства точили оружіе и лили пули. Газеты обоихъ лагерей, разъяренныя до крайности, посылали другъ другу угрозы.

— Нужно было покончить!!

Сигналъ къ бою подало правительство распущеніемъ національныхъ мастерскихъ (это распущеніе было предвидѣно и объявлено гораздо прежде окончательнаго рѣшенія его въ палатѣ), оставивъ безъ хлѣба, вытолкнувъ на улицы Парижа 100.000 человѣкъ. Само собою разумѣется, что Брафоръ вотировалъ за эту мѣру. Поддаться внѣшнему вліянію, ему?—Никогда! Напротивъ, когда начиналась междоусобная война, когда рабочій людъ собирался за баррикадами, требуя смерти или работы, бросить имъ такой вызовъ, такую угрозу: «Развѣ это не прекрасно, не велико, не героично? Наполеонъ, Людовикъ XIV, Атилла не сдѣлали бы лучше». Гнѣвъ Брафора поднялъ его до неустрашимости. Въ памятный день засѣданія 23-го іюня, онъ говорилъ въ продолженіе цѣлаго часа, безъ приготовленія и безъ затрудненій во всей силѣ страсти, бушевавшей въ немъ. Онъ торжественно объявилъ, что желаетъ умереть при защитѣ Парижа, собственности и семьи; онъ клеймилъ, предавалъ позору этихъ кровопійцъ, этихъ грабителей, стремящихся только къ грабежу, къ анархіи, къ пожарамъ,—эту *грязь* общественнаго осадка, которая торжествовать не можетъ иначе, какъ разлагая общество. Красный отъ гнѣва, поражая кулаками балюстраду трибуны, онъ ревѣлъ, какъ звѣрь, что умѣренности честныхъ людей, не будучи понятой и оцѣненной, теперь не остается ничего больше, какъ бить этихъ дикихъ звѣрей, чтобъ очистить отъ нихъ землю.

Въ первый разъ тутъ вся зала задрожала отъ шумныхъ апплодисментовъ, и даже Маратръ и Сикаръ удостоили его сочувственнымъ и лестнымъ пожатіемъ руки,—честь, о которой онъ, еще за нѣсколько дней до конца карьеры своей, вспоминалъ, проливая слезы умиленія. Въ этотъ моментъ Шарль де-Лабруа, блѣдный и запыхавшійся отъ поспѣшной ходьбы по Парижу, входилъ въ палату. Онъ взбѣжалъ на трибуну и у самаго подножія ея, на

Digitized by Google

ступенькахъ, столкнулся съ сходившимъ съ пея Брафоромъ. Брафоръ былъ въ расположеніи духа, не выносившемъ больше ничего парламентарнаго. Онъ дерзко оттолкнулъ своего сотоварища, крича, что слѣдуетъ изгнать изъ палаты всѣхъ вольнодумцевъ. Это приключеніе вызвало страшный шумъ, но другихъ послѣдствій не имѣло. Менѣе логичная и не столь искренняя, какъ депутатъ сѣвернаго департамента, палата не рѣшилась принять это предложеніе; но за то крики большинства заглушали рѣчь соціалиста Лабруа и не дали ему даже начать. Однакожь вечеромъ, въ собраніи спеціальнаго бюро, къ которому принадлежали онъ и Брафоръ, Шарлю де-Лабруа удалось заставить не внимавшихъ никакимъ рѣчамъ и кричавшихъ до хрипоты товарищей своихъ выслушать его. Въ отвѣтъ на крики, требовавшіе крови, онъ поднялся—спокойный, хладнокровный, увѣренный въ себѣ, съ насмѣшкой на губахъ, обратился къ нимъ и громко воскликнулъ:

«Господа, здѣсь нѣтъ публики галлерей, пренія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ,—къ чему же въ такомъ случаѣ вы повторяете ваши стереотипныя фразы негодованія, возгласы и крики? «Всѣ—честные люди, да, господа, всѣ, всѣ, и всѣ безкорыстны!... Благо родины, семейство, религія, священное право собственности, интересы нравственности и добродѣтели, святотатственный мятежъ варварскихъ ордъ!»—вѣдь все это вы уже помѣстили въ «Монитёрѣ». Тутъ же въ эту минуту присутствуютъ только посвященные—одни авгуры. Значитъ, мы всѣ свои.... Позвольте-жь мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ правды!...

«Вы собираетесь истреблять и избивать тысячи людей изъ-за любви къ вашимъ мѣшкамъ съ золотомъ! Вы начинаете соціальную войну! Берегитесь же!! Пропасть, которую ужь ничѣмъ и никогда не засыплете, разверзнется навсегда между народомъ и вами. Вы не многочисленны, и вы прибѣгаете къ насильственнымъ мѣрамъ: вы погибнете. Владычество ваше кончится; вы пріобрѣтете себѣ владыку надъ собой. Уже имя, зловѣщее и для свободы вашей, также какъ и для свободы народной, на устахъ народа, котораго просвѣтить и освободить вы не захотѣли. Вы были, вы долго еще могли бы быть вождями народа, и могли бы быть его вождями благородно, съ честью, съ достоинствомъ; теперь вы будете только *каріатидами* во дворцѣ втораго императора. Напрасно станете вы краснѣть, напрасно

Digitized by Google

станете взывать къ тому народу, который, еслибы вы захотѣли, легко могли бы удовлетворить прогрессивными мѣрами, благодѣтельными для всѣхъ, но который вы сумѣли оттолкнуть отъ республики. На ваше пораженіе народъ станетъ смотрѣть довольнымъ взглядомъ и предпочтетъ лучше гибнуть и самому вмѣстѣ съ вами, чѣмъ защищать васъ. Еще есть время.... Ночь 4-го августа лучше бы спасла васъ, чѣмъ ночь убійствъ....»

— Ночь 4-го августа не можетъ повториться,—причинъ нѣтъ! кричалъ Брафоръ.—Привилегій нѣтъ больше! Всѣ званные....

— Да мало избранныхъ, отвѣчалъ Шарль де-Лабруа,—а это, развѣ вы не видите, противно новому праву. Со времени революціи 89-го года права не существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ равенства; свойство всякаго права—быть общимъ. Вотъ именно почему народъ возстаетъ; вотъ почему собственность, въ настоящей своей формѣ, вовсе не священна; что бы вы тамъ ни говорили,—она привиллегія. Она будетъ священна, когда каждому будетъ возможно наслаждаться ею, только по праву труда....

Максимъ де-Рену вмѣшался и съ улыбкой сказалъ:

— Но вѣдь оно такъ и есть.... въ принципѣ....

— Вы слишкомъ умны, м. г., строго отвѣчалъ Шарль де-Лабруа,—чтобы смѣшивать дѣло случая или беззаконной наживы съ дѣломъ справедливости...

— По чести, возразилъ милый и любезный государственный человѣкъ,—это такой головоломный вопросъ, что тутъ не одинъ.... И какъ бы ни было лестно ваше мнѣніе обо мнѣ, я не чувствую однако себя въ силахъ искоренить изъ міра нашего беззаконность, наживу, случай и тому подобныя вещи. И потомъ, вы знаете, какъ вѣрна поговорка: «l'appetit vient en mangeant», а коль скоро разъ дозволить народу поработать челюстями, то въ концѣ я знаю хорошо, кого сгрызетъ онъ. Если же нельзя развязать узла, то надо разсѣчь его; если нельзя разрѣшить вопросъ, нужно его отсрочить. Послѣ доброй побѣды мы по крайней мѣрѣ будемъ имѣть миръ лѣтъ на двадцать, а чрезъ двадцать лѣтъ.... пусть будетъ хоть потопъ, если мы до того не сможемъ сдѣлать того же, что теперь.

Сказавъ это, онъ вышелъ. Вслѣдъ за нимъ, чрезъ нѣсколько секундъ, вышелъ и Шарль де-Лабруа, направляясь на баррикады, сопутствуемый криками Брафора, требовавшаго арестованія его.

Извѣстенъ планъ генерала Кавеньяка, планъ истребительный,

Digitized by Google

заключавшійся въ томъ, чтобы безпрепятственно позволить сначала возстанію развиться, укрѣпиться, выставить всѣ свои силы, а потомъ совершенно и окончательно раздавить его однимъ натискомъ. Половина Парижа, всѣ рабочіе кварталы были покрыты баррикадами, явились импровизированные начальники; но сражавшимся недоставало оружія и хлѣба. Однакожь грабежи существовали только въ прокламаціяхъ Hôtel de Ville; а на баррикадахъ, изможденныя голодомъ, привидѣнія въ блузахъ водружали знамена съ надписью: смерть ворамъ*).

Но въ благонамѣренныхъ газетахъ не объ этомъ шла рѣчь: тамъ всѣми силами старались раздуть бѣшеную ярость реакціи, тамъ къ яду, источаемому прокламаціями ратуши, примѣшивали безсмысленныя, пошлыя и смѣшныя клеветы, которыя только дѣтей могли бы ввести въ заблужденіе; но вѣдь страхъ всегда безуменъ, и безумнѣйшій изъ всѣхъ страховъ есть страхъ человѣка, трепещущаго за свое имущество. Тогда-то именно и выдуманы были тѣ разсказы о распиливаемыхъ какъ доски солдатахъ изъ числа *мобилей*, объ отрѣзанныхъ головахъ, водруженныхъ на пикахъ вокругъ баррикадъ, на манеръ украшеній вокругъ входовъ въ сераль, объ отравленныхъ пуляхъ и маленькихъ дѣтяхъ національныхъ гвардейцевъ, подставляемыхъ на манеръ щитовъ подъ выстрѣлы отцовъ ихъ,—вся эта гнусная оффиціальная ложь, составляющая позоръ нашей исторіи.

Брафоръ не только вѣрилъ всему этому, но торопился слѣпо вѣрить. Что же можетъ быть прекраснѣй, выше такой роли, какая представилась теперь—слить свои интересы съ интересами человѣчества, имѣть возможность въ одно и то же время защищать свой сундукъ и оскорбленную совѣсть? И какъ это чудное знамя защиты прекрасно покрывало собой и идеализировало желѣзный сундукъ, центръ дѣйствія! Брафоръ этого себѣ не говорилъ конечно, но чувствовалъ. Совѣсть людей, не привыкшихъ провѣрять самихъ себя, наполнена такими тайными сдѣлками. Безпокойный въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, волнуемый, все болѣе и болѣе поджигаемый всякими слухами, клеветами, журнальными возгласами, томимый вѣчнымъ напряженнымъ ожиданіемъ, подавляемый мрачной, зловѣщей и горячечной атмосферой Парижа, Брафоръ не могъ больше выдерживать. Послѣ 24 іюня, подавъ голосъ за *осадное положеніе*, онъ оставилъ націо-

*) Hippolyte Castille, Massacres de Juin.

Digitized by Google

нальное собраніе, взялъ свое ружье и присоединился къ отряду національныхъ гвардейцевъ, направляющихся къ площади Пантеона, занятой инсургентами.

Дорогой онъ, конечно, чувствовалъ то неловкое состояніе духа, которому подвергается всякое мыслящее существо, при мысли объ истребленіи подобныхъ себѣ; но отъ этого гнѣвъ его разгорался еще пуще. Онъ грозился, потрясалъ саблей, кричалъ громко, что былъ солдатомъ, и заставлялъ окружавшихъ его говорить: «Вотъ такъ рѣшительный человѣкъ!» Всѣ же эти люди были въ ярости, что и доказали превосходно на дѣлѣ.

Солдаты были гораздо человѣчнѣй, потому что спокойнѣе. Каждое усиліе есть толчокъ, увлекающій человѣка. Далеко оторванные отъ своихъ обыденныхъ привычекъ тревогами, грозившими ихъ интересамъ, національные гвардейцы хотѣли отмстить за претерпѣнный ими страхъ. Страхъ же всегда свирѣпъ.

Давно уже ихъ дни и ночи смущаемы были этими мерзавцами, отравлявшими ихъ покой, радость и довольство,—то, до того времени *почитаемое* всѣми, довольство, которое испытывалъ каждый порядочный комерсантъ и каждый достойный патронъ, когда вечеромъ, отходя на отдыхъ, могъ сказать себѣ: «я пріобрѣлъ столько-то»! А тѣ разбойники заглядывали всюду и высчитывали капли трудоваго пота работника, барыши патрона, жалованье и всѣ порядки ремесла! Имъ не довольно было, что постройки того прекраснаго зданія—богатства, столь любовно возводимаго, остановились,—они потрясали самую почву, въ которой былъ заложенъ его фундаментъ; они подвергали опасности приданое подросшей Мари, будущность Шарля; они отнимали у богатства, объявляя его преступнымъ, одну ихъ самыхъ чистыхъ радостей его—гордость и, шевеля, дразня сонныя и грязненькія совѣсти, пугали ихъ, дѣлая ихъ раздражительными, нервными и подверженными кошмарамъ. Нужно же было покончить,—да, радикально, разъ навсегда съ этими безумцами, этими разбойниками, съ этимъ позоромъ и бичомъ человѣчества!—И всѣ ужасы, всѣ непріятности, ими испытанныя, всплывали и присоединялись къ раздраженію, вызываемому опасностью смерти, которой они въ эту минуту сами подвергали себя; они скрежетали зубами; сердца ихъ бились сильными ударами, и, ускоряя шагъ и судорожно сжимая въ рукахъ стволъ ружья, лаская глазами блестящій штыкъ, они сгарали желаніемъ поскорѣе ударить и видѣли въ каждомъ противникѣ личнаго заклятаго врага.

Digitized by Google

Они пришли наконецъ; все время гремѣли пушки; улица Soufflo была наполнена запахамъ и дымомъ отъ пороха. То тамъ, то сямъ ядро рикошетомъ скользило по фасаду, то съ страшнымъ трескомъ попадало въ бронзовую дверь и сокрушало ее. Скоро инсургенты, укрѣпившіеся въ зданіи, за колоннами и въ верхнихъ этажахъ, даже до самаго купола, должны были оставить Пантеонъ. Потомъ войска, бросившись впередъ, взяли остававшіеся посты и преслѣдовали бѣгущихъ. Большая часть инсургентовъ была отрѣзана и окружена.

— Не давать пощады! крикнулъ кто-то.

— Не давать пощады! сейчасъ же повторилъ Брафоръ, и однимъ изъ первыхъ бросился на бойню. Разстрѣливаемые въ упоръ, люди падали со всѣхъ сторонъ. Ихъ добивали штыками и прикладами. Разгулъ древнихъ боговъ! Безопасное, даровое насыщеніе кровью.... Прибѣжали женщины (каждая почти сражалась въ своемъ кварталѣ) съ криками, съ плачемъ, съ мольбами,—напрасно. Надъ ними смѣялись. Странная вещь—нервы людскіе! Потомъ, окончивъ рѣзню, бросились въ другое мѣсто, къ другимъ. Требовалось перебить ихъ всѣхъ! По близости, въ улицѣ Estrapade, въ улицѣ Contrescarpe, въ улицѣ Fourcy стояли баррикады.... Увлекшись погоней, или скорѣй охотой за нѣсколькими инсургентами, Брафоръ остановился въ улицѣ Estrapade. Предъ нимъ была баррикада, куда скрылись преслѣдуемые инсургенты. Къ этому мѣсту подходили войска. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда группа мобилей вѣшала плѣнника за ноги на фонарь, потомъ стала стрѣлять въ него, какъ въ мишень *).

Человѣкъ, этотъ вѣнецъ творенія, царь вселенной, превращается иногда въ звѣря, но только, къ несчастію и къ большему ужасу своему, мысли-то въ себѣ никогда вполнѣ заглушить не можетъ. Брафоръ охмѣлѣлъ отъ крови; голова кружилась, въ ушахъ звенѣло. Остатокъ осторожности, не потемненной этимъ хмѣлемъ, удерживалъ его на нѣкоторомъ разстояніи отъ баррикады; но, пылая желаніемъ опрокинуть эту преграду, — онъ хриплымъ голосомъ кричалъ: «впередъ, впередъ!» и прицѣливался въ кучу камней, еще безмолвную, и за которой можно бы подумать, что не было никого, еслибы не виднѣлось нѣсколько ружейныхъ стволовъ, высунувшихся изъ-за нея.

*) Hippolyte Castille, Massacres de Juin.

Digitized by Google

Вдругъ нѣсколько энергичныхъ и мрачныхъ головъ поднялось изъ-за баррикады; блеснулъ смертоносный огонь, и два національныхъ гвардейца упали около Брафора. Брафоръ испустилъ дикое рычанье. Онъ узналъ одного изъ инсургентовъ: то былъ Броссаръ, его бывшій работникъ,—Броссаръ, наглецъ, мятежникъ, возмутитель, нарушитель священной дисциплины и повиновенія,—одно изъ тѣхъ проклятыхъ созданій, которыхъ Брафоръ поклялся истребить и противъ которыхъ его гнѣвъ доходилъ до конвульсій. О, онъ его убьетъ! Онъ убьетъ его непремѣнно! Нѣтъ, больше—онъ будетъ рвать его, топтать ногами, и если эта гадина сохранитъ еще хоть малѣйшій признакъ жизни, онъ будетъ приговаривать, чтобы тотъ слышалъ: «а-а! чувствуешь ли ты мою власть, собака? Это я, хозяинъ твой, я давлю тебя, я торжествую надъ тобой!»

Но, безъ сомнѣнія, онъ покажется еще.... Брафоръ взвелъ курокъ и взялъ на прицѣлъ ружье, стоя неподвижно, силой ненависти побѣждая дрожаніе рукъ, вызванное бѣшенствомъ.

— А!... вотъ онъ, вотъ онъ! Нѣтъ, это не онъ!... Жанъ!... какъ?... самъ Жанъ??... Съ этимъ бандитомъ!... О, проклятіе!...

Отъ нетерпѣнія онъ нажималъ спускъ; судорожное, гнѣвное движеніе дернуло ему руку,—ружье выстрѣлило и Жанъ, вскинувъ руками, упалъ навзничь....

Стрѣльба, дымъ.... Красная мгла.... Странное колебанье вокругъ, точно будто земля потрясается.... Брафоръ чувствовалъ, что онъ упадетъ. Инстинктивно онъ выбрался изъ толпы и, не зная какъ, очутился на ступеняхъ Пантеона, около трупа, лежавшаго тамъ головой внизъ, съ растрепанными волосами, съ искривленнымъ судорогой ртомъ, съ оскаленными зубами. Солнце,—какъ будто всѣ эти вещи были для него безразличны,—сіяло въ облакахъ и сверкало на стеклахъ Ecole de droit. Отъ блеска лучей, ослѣпленные глаза Брафора опустились къ кучѣ мертвыхъ тѣлъ, надъ которой подымались пары. Странное явленіе! Мало-по-малу эти пары сложились въ человѣческую фигуру и, колеблясь, точно плывя, двигались прямо къ Брафору. То былъ Жакъ. Взглядъ его былъ пристальный,—взглядъ, пронзившій Жана-Батиста какъ стрѣлой, и, все приближаясь, голосомъ, проникавшимъ до мозга костей, онъ сказалъ: «Братъ! что сдѣлалъ ты съ сыномъ моимъ?» Потомъ онъ дотронулся своимъ вытянутымъ пальцемъ до сердца Брафора, и Брафоръ почувствовалъ, что умираетъ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что

Digitized by Google

лежитъ на своей постели, въ свой комнатѣ; тутъ стояла его жена съ флакономъ въ рукѣ; какой-то человѣкъ тоже стоялъ около него и смотрѣлъ внимательно; у изголовья, наклонившись и прильнувъ къ его лбу губами, стояла его дочь. Прійдя въ себя, нѣсколько секундъ еще онъ не могъ собрать своихъ мыслей, потомъ ужасное воспоминаніе живо представилось ему.

— Жанъ! закричалъ онъ,—гдѣ Жанъ? Живъ ли онъ? Пуля попала въ него, я видѣлъ, какъ онъ упалъ!

Въ отвѣтъ на эти слова раздался крикъ, и Максимиліана вскочила блѣдная, какъ полотно.

— О, Боже мой, что говоритъ онъ! Онъ бредитъ! Не правда ли? обращалась она къ доктору,—онъ бредитъ?

— Это горячка, сказала г-жа Брафоръ.

Докторъ сдѣлалъ знакъ, чтобы замолчали, пощупалъ пульсъ больнаго и сказалъ.

— Раны нѣтъ никакой! Лихорадка отъ сильныхъ впечатлѣній—вотъ и все.

Максимиліана въ страшномъ волненіи металась по комнатѣ; она сдѣлала шагъ къ постели, что-то хотѣла сказать и остановилась; потомъ, какъ бы воодушевившись вдругъ какимъ-то рѣшительнымъ намѣреніемъ, она вышла нѣсколько минутъ спустя. Взявъ въ проводники лакея, она торопливо шла по улицѣ.

Въ пятомъ этажѣ дома улицы Кювье, въ маленькой квартирѣ изъ двухъ комнатъ жилъ Шарль-де-Лабруа вмѣстѣ съ Жаномъ. Максимиліана не прерывала своихъ сношеній съ кузеномъ, они изрѣдка писали другъ другу, и даже раза два или три, ускользнувъ отъ надзора своихъ, она приходила на часокъ въ Jardin des Plantes, гдѣ ожидалъ ее Жанъ. Тамъ, въ одной изъ уединенныхъ аллей, свободно предаваясь изліянію чувствъ, задушевно, по-братски говоря о своихъ испытаніяхъ, не разъ плакала молодая женщина. Однако Жанъ ни разу не позволилъ себѣ упомянуть имя Жоржа и, не спрашивая даже о причинѣ слезъ, отвѣчалъ всегда ей нѣжными, ласковыми, успокоительными словами, иногда прибавляя къ этому строгіе дружескіе выговоры и наставленія. Она, смотря на блѣдныя щеки и ввалившіеся глаза своего кузена, говорила ему: «Ты тоже страдаешь, Жанъ».

Но она тоже не осмѣливалась говорить съ нимъ о Батистинѣ; это было бы ему непріятно, потому что зналъ онъ предразсудки, какими на этотъ счетъ исполненъ былъ умъ молодой

Digitized by Google

женщины. Жанъ не только мучился участью той, которую онъ любилъ, но, по характеру своему, по глубокой честности своей натуры, онъ винилъ себя и испытывалъ невыразимыя страданія. Всякій разъ, когда бывало Максимиліана заводила разговоръ о страданіяхъ его, онъ отклонялъ разговоръ и говорилъ съ ней о своихъ планахъ, о своихъ трудахъ для великаго дѣла свободы и равенства, о своихъ надеждахъ, или скорѣй о своихъ желаніяхъ, потому что надежды одна за другой съ каждымъ днемъ разбивались всѣмъ происходившимъ вокругъ. Жанъ занималъ скромную должность лаборанта въ какой-то химической лабораторіи; много свободнаго времени оставалось ему отъ занятій, и все это время онъ употреблялъ, чтобы повсюду, гдѣ только могъ, распространять между рабочими свои знанія, свой опытъ и идеи, въ которыя вѣровалъ самъ. Сначала онъ и самъ хотѣлъ сдѣлаться простымъ работникомъ, но скоро убѣдился, что это значило бы отдать все свое время и всѣ свои силы исключительно въ пользу тѣхъ, противъ которыхъ онъ хотѣлъ ратовать; онъ предпочелъ сберечь себя, свое время и свои силы для дѣла, которому хотѣлъ служить.

Во время пути, съ трудомъ и не безъ страха минуя разныя преграды, Максимиліана думала о Жанѣ и, припоминая свои разговоры съ нимъ, какъ онъ всегда возставалъ противъ крайнихъ дѣйствій партій, какъ ждалъ всего блага только отъ одной истины и отъ распространенія ея, она нѣсколько успокоилась. «Нѣтъ, Жанъ, всегда презиравшій грубую силу, питавшій отвращеніе къ пролитію крови, не могъ участвовать въ этой страшной битвѣ», говорила она: она не вѣдала, что въ иныя минуты ненависть охватываетъ самыя крѣпкія души, и что иногда слишкомъ чудовищное настоящее способно затемнить мудрыя ожиданія будущаго.

Такъ, обуреваемая то сомнѣніемъ, то надеждой, дрожа отъ страха, но все-таки неуклонно продолжая свой путь, шла эта молодая женщина по кварталамъ, въ которыхъ возстаніе было въ полномъ разгарѣ, къ которымъ въ другое время и въ другомъ настроеніи она и приблизиться бы не осмѣлилась; ей нужно было успокоивать слугу, съ неудовольствіемъ слѣдовавшаго за ней, и нѣсколько разъ, чтобы получать пропускъ, прибѣгать къ извѣстному и уже любимому имени Жана Брафора, то къ имени Шарля-де-Лабруа. Послѣ длинныхъ обходовъ, измученная ходьбой и страхомъ, она наконецъ пришла въ улицу Кювье.

Digitized by Google

Дойдя ужь до двери, она вдругъ остановилась, говоря самой себѣ, что ея кузенъ, также какъ и де-Лабруа, могъ быть и долженъ быть въ отсутствіи, что она сдѣлала большую глупость, прійдя лишь для того, чтобы найти запертую дверь; она такъ боялась отвѣта, который, можетъ-быть, ждалъ ее тутъ, что ей хотѣлось, чтобы лучше никакого отвѣта не было.

Такъ, постоявъ нѣсколько минутъ, она наконецъ, съ замираніемъ сердца и сдѣлавъ надъ собой неимовѣрное усиліе, сильнѣйшее, чѣмъ до сего времени, когда ей въ пути приходилось превозмогать разныя опасности, рѣшилась войти, наскоро пробормотавъ консьержу имя Жана Брафора.

— О! сказала съ плачемъ привратница,—бѣдный молодой человѣкъ! Его только-что принесли....

Максимиліана громко вскрикнула и бросилась опрометью вверхъ по лѣсницѣ. Она вошла. Первая комната была пуста и въ безпорядкѣ; она оставила въ ней слугу, а сама прошла во вторую комнату, гдѣ на постелѣ увидѣла лежавшаго Жана, съ блѣднымъ, почти потемнѣвшимъ лицомъ, съ окровавленною грудью. Не говоря ни слова, она бросилась къ постели, схватила руки Жана,—руки были холодны, какъ смерть. Какъ подкошенная, упала она на колѣни.

— Онъ мертвъ, сударыня,—послышался тутъ строгій и суровый голосъ,—голосъ, который произвелъ на нее новое, страшное, потрясающее впечатлѣніе,—онъ былъ знакомъ ей.

Растерянная, почти въ безуміи, она подняла глаза. Жоржъ!... О, этого было уже слишкомъ! Она опустилась еще ниже; онъ думалъ, что она въ обморокѣ и нагнулся, чтобы помочь ей, но какъ-то холодно и какъ будто съ отвращеніемъ. Слабое движеніе и стонъ Максимиліаны показали ему, что онъ ошибся; онъ выпрямился и сталъ въ прежнее положеніе, у изголовья постели, пристально устремивъ глаза на трупъ своего друга.

Прошли долгія минуты; наконецъ Максимиліана встала; она наклонилась надъ Жаномъ, прильнувъ своимъ лицомъ къ лицу мертвеца:

— О, прошептала она, можетъ-быть, онъ не умеръ? Я не могу вѣрить. Жанъ! О, Жанъ! возможно ли это? Видѣлъ ли его докторъ? Нѣтъ, я не могу вѣрить, чтобъ онъ умеръ.

— Ужь нѣсколько часовъ, какъ онъ мертвъ, сказалъ Жоржъ— Въ этомъ мірѣ нужно умѣть отказываться отъ надежды....

— Но еслибы докторъ.... повторила она.

Digitized by Google

— Докторъ былъ здѣсь. Моя скорбь такъ же, какъ и ваша, не хотѣла признать этого. Однако нужно было....

Голосъ замеръ у него въ горлѣ; послѣдовало молчаніе; потомъ Максимиліана, задыхаясь отъ рыданій, кое-какъ дотащилась къ открытому окну и упала въ кресло. Тамъ, не имѣя болѣе силъ сдерживать своей скорби, она разразилась громкими рыданіями и жалобными стонами. «Жанъ! о Жанъ!» повторяла она тѣмъ отчаяннымъ тономъ, который свойственъ вообще истинной и глубокой скорби. Молодые люди не скоро примиряются. Все въ ней жаловалось и возмущалось: ея прекрасные глаза, изъ которыхъ по ея молодымъ, свѣжимъ щекамъ лились горячія слезы; ея округленныя руки, воздѣтыя къ небу, ея прекрасные свѣтлые волосы и вся ея молодая фигура—изображала неутѣшную скорбь. Могъ ли умереть въ самомъ дѣлѣ ея товарищъ дѣтства, который, какъ и она, дева началъ жить? Это несчастье, вопіющее противъ природы! Зачѣмъ ему нужно было умирать?... О, Жанъ!

Онъ представлялся ей такимъ, какъ онъ былъ всегда,—добрымъ, милымъ братомъ, любящимъ, кроткимъ, умнымъ, нѣжнымъ, повѣреннымъ ея дѣвичей любви и ея женскаго горя. О, теперь для нея погибло въ мирѣ все, что она любила, потому что Жанъ умеръ. А тотъ человѣкъ, который стоитъ тутъ?...

Не выдержалъ Жоржъ; ея отчаянная скорбь внушила ему сильную жалость; онъ приблизился къ ней и, не зная, что сказать и что сдѣлать, поднесъ ей стаканъ воды. Тогда только они посмотрѣли другъ на друга прямо въ лицо, и еще разъ взглянули,—какъ давно вѣдь они не видались!...

Такой блѣдный, такой несчастный! Но все тотъ же, гордый,—увы, гордый до пренебреженія! Это былъ онъ, тотъ самый, котораго она прежде называла: «мой Жоржъ»,—тотъ, которому она отдавалась тысячью порывовъ души, котораго она любила всегда и чувствовала это съ непобѣдимою силой, даже въ настоящую минуту. Позабывъ всѣ условныя приличія, которыя она знала отъ самаго рожденія, она воскликнула!

— Жоржъ! вы презираете меня, я чувствую это!... Я заслуживаю этого.... Любовь одна только истинна въ этомъ мірѣ. *Онъ* всегда говорилъ это!... Теперь и я это узнала, но уже поздно....

Она сильно стиснула руки, протягивая ихъ къ нему, потомъ опустила ихъ въ безсиліи отчаянія. Просвѣтленная скорбью и раскаяніемъ, чудно хороша была вся фигура ея. У Жоржа сердце

Digitized by Google

кипѣло. Но оскорбленіе его было велико, скорбь горька, много было испытано, и онъ не могъ позабыть этого такъ скоро.

— А! вы вѣрите теперь, сказалъ онъ,—вы, заставившая меня сомнѣваться.

— Вы не можете меня простить, я знаю, сказала она;—я и сама презираю себя и ненавижу. Ахъ, еслибъ я могла лечь тамъ, вмѣсто него, на его смертномъ одрѣ! О, да, я бы это сдѣлала,—я, прежде такъ боявшаяся смерти! Я молода, но жизнь моя умерла, я это чувствую,—умерла вмѣстѣ съ любовью вашей, Жоржъ. О, еслибы вы знали.... еслибы вы знали, какъ я несчастна!

Какимъ-то беззвучнымъ голосомъ онъ повторилъ: «Вы, несчастны!?»..

— Увы, я всегда была несчастна. Но теперь у меня нѣтъ даже иллюзій, что я любима, ни утѣшенія въ возможности хоть уважать своего мужа....

— Вашего мужа?! крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ.—Кто позволилъ вамъ говорить мнѣ объ этомъ человѣкѣ? Неужели у васъ нѣтъ стыда? Неужели вы на столько лишены сердца и совѣсти, что не чувствуете, что вторая клятва есть клятвопреступленіе. Вы принадлежали душой мнѣ, и вашъ такъ-называемый бракъ былъ измѣною!

— Я знаю... я знаю... сказала она;—я теперь знаю, но тогда не знала....

— Поздно же вы поняли это! отвѣчалъ онъ ѣдкимъ, обиднымъ и взбѣшеннымъ тономъ....

Максимиліана подняла голову; легкій румянецъ покрылъ ея щеки.

— О, вы слишкомъ строги, сказала она:—мнѣ было только 17 лѣтъ,—я гораздо моложе васъ, Жоржъ. Многаго, многаго я не знала!... Увы, насъ выдаютъ замужъ прежде, чѣмъ является разсудокъ, безъ знанія, безъ опыта, и требуютъ отъ насъ, чтобы мы понимали все, тогда какъ только приходится отгадывать все.... Люди несправедливы и неразумны въ отношеніи къ женщинѣ. О, презрѣніемъ вашимъ вы уничтожаете меня!... Но по крайней мѣрѣ имѣйте же состраданіе, потому что мнѣ едва 18 лѣтъ, а мою жизнь по губили уже, и я на вѣки несчастна!

Она въ отчаяніи судорожно сжала свои руки, встала и подошла къ постели, на которой все такъ же безучастно-холодно лежалъ мертвый Жанъ. Она опустилась на колѣна.

— О, Жанъ! мой другъ, мой братъ, ты такой добрый, ты такой

Digitized by Google

нѣжный!... Ты, все прощавшій... Прощай! Я ухожу, я оставляю тебя! Больше тебя не увижу! прощай на вѣки.... на вѣки.... Я должна идти и оставить здѣсь все, что люблю, возвратиться къ тѣмъ, которыхъ ненавижу! Я должна быть твердой.... всегда.... противъ влеченія сердца.... О, какой тяжелый крестъ, Боже, даешь ты намъ нести!... Жанъ!... О, Жанъ! какъ бы я хотѣла умереть вмѣстѣ съ тобой!...

Заливаясь слезами, задыхаясь отъ стоновъ, она упала на трупъ Жана и охватила его своими руками. Вдругъ она почувствовала, какъ сильныя руки подняли ее и сжимали въ страстномъ порывѣ. Она очутилась въ объятіяхъ Жоржа.

— Ты любишь меня.... ты... меня? Мы будемъ принадлежать другъ другу, мы будемъ одни... далеко отъ всѣхъ—не правда ли? Не отрекайся во второй разъ отъ своей любви. Я, только я, котораго ты любишь, я—мужъ твой. Это законное чувство, ты это чувствуешь теперь. Тотъ человѣкъ—похититель, онъ чужой! О, я прощаю тебя, я люблю тебя.... больше, чѣмъ когда-нибудь! Мы столько страдали! Моя милая... моя.. бѣдная.... Ты одна теперь, потому что Жана нѣтъ больше... Мы должны сильнѣй любить другъ друга.... Мать моя будетъ съ нами, она также будетъ любить тебя; она все понимаетъ, моя мать. О, я не надѣялся опять найдти тебя! Это сдѣлалъ Жанъ.... Ему я обязанъ... Онъ видѣлъ, какъ я страдалъ... онъ призвалъ тебя.... О, милая моя, скажи... скажи скорѣй, вѣдь ты не покинешь меня больше?

Онъ страстными, безумными поцѣлуями покрывалъ ея глаза, волосы, лобъ, руки... Она не могла ни оттолкнуть его, ни отвѣчать. Слезы ея перестали течь; сильная нервная дрожь била ее, какъ въ лихорадкѣ, и она какъ въ какомъ-то экстазѣ смотрѣла только на Жоржа. Онъ тихонько опустилъ ее на полъ, около трупа Жана, и сказалъ:

— Станемъ на колѣна передъ нимъ; пусть онъ благословитъ насъ. Я знаю, что онъ сдѣлалъ бы это, Максимиліана, еслибъ онъ могъ еще говорить....

Они стали на колѣна рядомъ; Жоржъ одной рукой обнялъ ее, а другою взялъ холодную, безжизненную, мертвую руку Жана.... Они оба смотрѣли на блѣдную, неподвижную фигуру друга своего, кроткую и нѣжную даже въ самой смерти, и, волнуемые горемъ и страстью, какъ будто не могли понять, что это нѣкогда столь горячее и чуткое сердце могло быть охлаждено смертью. Однако скоро эта мысль овладѣла ими.

Digitized by Google

— Та дѣвушка, которую онъ любилъ, Жоржъ, сказала Максимиліана,—какъ узнаетъ она о его смерти, бѣдная, какъ будетъ она убита!

—Я ей напишу, сказалъ молодой человѣкъ;—а если онъ оставилъ какое-нибудь письмо для нея, я самъ отвезу ей.

— О! воскликнула она, подымаясь и подъ вліяніемъ новаго прилива печали.—Боже мой, за что они убили Жана? Какой извергъ сдѣлалъ это? Что онъ имъ сдѣлалъ? Жанъ, нашъ бѣдный Жанъ! зачѣмъ они убили тебя?

— Онъ не имѣлъ даже оружія съ собой. Вѣроятно, онъ и пошелъ на баррикаду, чтобы только присутствіемъ своимъ укрощать звѣрскіе поступки, но... онъ былъ убитъ рядомъ около работника, Броссара, одного изъ своихъ друзей... и тотъ, схвативъ его на свои плеча, бѣгомъ принесъ сюда. Я шелъ сюда; самъ не знаю, что тянуло меня: какое-то неопредѣленное безпокойство.... и тутъ.... я прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ.... Нѣтъ... онъ убитъ наповалъ!... Теперь, началъ онъ снова послѣ короткаго молчанія,—нужно рѣшить здѣсь, передъ нимъ,—нужно рѣшить участь нашу... Скоро, можетъ-быть, мы будемъ не одни. Мнѣ нужно позаботиться о смертныхъ останкахъ моего друга, и когда будетъ отданъ ему этотъ печальный долгъ.... когда я схороню его.... я свободенъ, я принадлежу тебѣ. Дай мнѣ слово, что ты пойдешь за мной.... Мы оставимъ Францію, эту несчастную землю, залитую кровью,—эту страну, которая, кажется, возвратится къ варварству; мы отправимся въ Швейцарію, если хочешь.... Я буду работать, и ты будешь богата любовью; я стану жить для тебя. Дружба, увы, отлетѣла отъ насъ.... Жана нѣтъ... Намъ только одна любовь осталась на свѣтѣ. Не отвергай же ее; иначе чѣмъ же намъ жить теперь?

— О! прошептала молодая женщина; слова едва срывались съ ея губъ, точно она шептала сама себѣ... Покинуть отца, мать! А свѣтъ?...

— Все, сказалъ онъ съ страстностью,—я отдамъ тебѣ ихъ!

— Боже, Боже мой! шептала она.

На лицѣ ея видно было сильное безпокойство, смущеніе, и колебаніе; но сквозь нихъ просвѣчивался какой-то розовый свѣтъ, точно свѣтъ зари или надежды. Жоржъ ждалъ съ сердцемъ, бившимся надеждой. Вдругъ она вскрикнула, закрывая руками свое внезапно поблѣднѣвшее лицо.



Digitized by Google

— Великій Боже! вскричала она,—какъ могла я забыть?... О, это невозможно.... я обречена! Жоржъ, увы, забудьте меня!

— Никогда! вскричалъ онъ,—никогда! О чемъ ты вспомнила? Что можетъ оторвать тебя отъ меня? Ты ошибаешься! Клянусь тебѣ, ты ошибаешься!

— Не спрашивай, сказала она,—я не могу... Тѣ, которыхъ природа дала мнѣ въ руководители, погубили мою жизнь. Они столкнули меня въ пропасть, глубину которой я не знала. А теперь, теперь.... я раба на вѣкъ.... О, Жоржъ, простите! Я такъ несчастна! Не вини меня!

Она говорила это раздирающимъ и молящимъ голосомъ. Отъ надежды она видимо перешла въ тяжелое уныніе; и, закрывая свое лицо руками, точно желая скрыть свое смущеніе, вся фигура ея выражала мольбу, будто вымаливая отъ своего возлюбленнаго покорности судьбѣ.

Она не могла склонить его. Онъ слишкомъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ; въ немъ вспыхнулъ гнѣвъ, и это новое огорченіе, возобновляя всю прежнюю, накопившуюся боль, вылилось жесткими словами, обидными укорами, до того, что онъ сталъ упрекать ее въ умышленномъ, безсердечномъ кокетствѣ. Припавъ къ смертному одру, Максимиліана отвѣчала только рыданіями; она протянула руку, какъ бы ища опоры, и, встрѣтивъ только захолодѣлую руку Жана, она застонала. Жоржу наконецъ стыдно стало и самого себя

— О, сказалъ онъ,—простите!.. Прости, мой другъ! И я хотѣлъ быть еще счастливъ!

Онъ сѣлъ, охватилъ голову руками и не шевелился, Максимиліана встала, поцѣловала въ лобъ мертвеца и разбитымъ голосомъ промолвила:

— Жанъ! сказала она,—ты былъ правъ: изъ святаго люди сдѣлали нечестивое. Прощай!... Ты былъ лучше насъ всѣхъ.

Потомъ подошла къ Жоржу и остановилась предъ нимъ на одну секунду.

— Жоржъ, сказала она,—я буду любить васъ вѣчно, и вѣчно буду несчастна.

Затѣмъ она быстро исчезла. Онъ хотѣлъ броситься за ней, говорить, но.... она ужь была далеко.

Digitized by Google

## X.

## Величіе и упадокъ.

Разрывъ въ народной жизни совершился несомнѣнный, непреложный и очевидный, какъ фактъ. Предѣлъ между двумя лагерями былъ неизгладимо обозначенъ кровью. Человѣкъ невѣдующій *барышей*, человѣкъ неимущій отброшенъ былъ вновь, силой штыка, въ ту бездонную пучину нищеты, изъ которой было позволилъ себѣ пожелать выкарабкаться, и побѣдители, въ негодованіи за такую его дерзость и въ полномъ сознаніи своей правоты,—ибо все поле принадлежало имъ, — старались всѣми средствами задѣлать малѣйшее свободное отверстіе.

Послѣ перестрѣлокъ во время боя, наступило разстрѣливаніе послѣ боя; воины превратились въ палачей; ниспроверженныхъ и побѣжденныхъ разили въ одно и то же время клеветами и пулями; оффиціально окрестили ихъ именемъ *бѣшеныхъ, сорвавшихся съ цѣпи, взявшихся за оружіе ради грабежей и убійствъ*,—новыми варварами, подъ ударами которыхъ чуть не сгибли: *семейство, религія, отечество, свобода и вся цивилизація* *). Торопились такъ, что забыли даже хорошо сговориться между собой. *Національное* собраніе на другой же день побѣды поскорѣй сфабриковало свой законъ о ссыльныхъ, а генералъ Кавеньякъ въ то же время созывалъ военные суды. Свобода собраній была отмѣнена; свобода печати—отмѣнена; свобода личности—отмѣнена; человѣчность—отмѣнена. Страхъ есть умопомраченіе, доходящее до бѣшенства **).

Въ этомъ бурномъ сотрясеніи, сорвавшемъ всѣ маски и поставившемъ все на прежнія мѣста, и Брафоръ подобно другимъ освободился отъ заемнаго облаченія, въ которое было нарядила его республика; февральская волна на минуту было унесла его; волна іюньская опять прибила къ берегамъ, вынесла на сушу и поставила на ноги такимъ, какъ Провидѣніе и легити-

*) (Proclamation de la Commision d'enquête). Daniel Stern, Histoire de la révolution de 1848.

**) Умопомраченіе страха дошло до того, что самые крѣпкіе умы не выдерживали и самыя храбрыя сердца отдавались ему безъ стыда (Idem.)

*

Digitized by Google

мизмъ сотворили его,—и сталъ онъ твердо на почвѣ своей и почувствовалъ прежнюю полную волю въ движеніяхъ своихъ. Онъ былъ созданъ на то, чтобы царствовать—и, конечно, такъ царствовать, какъ всякій человѣкъ, который родился подданнымъ,—и онъ царствовалъ терроромъ и насиліемъ, онъ, девятисотый членъ палаты (исключая изъ этого числа тѣхъ изъ товарищей, ссылкѣ и изгнанію которыхъ онъ поспособствовалъ).

Законъ о ссылкѣ *массами* онъ вотировалъ и въ сердечной радости теперь звалъ къ суду республику, появленіе которой стоило ему столькихъ безсонныхъ ночей, и временное правительство, причинившее ему столько безпокойствъ и треволненій, и казнилъ соціализмъ, будучи тутъ и судьей, и истцомъ, и поддерживалъ Quentin-Bouchard'a.... Въ сердечной радости!... Увы, сердце Брафора не могло больше испытывать мирныхъ радостей съ самаго того дня, когда, въ опьяненіи дикой ярости, обуявшей его, онъ поразилъ на смерть сына брата своего,—ему были только доступны радости бурныя и погибельныя. Когда-нибудь придетъ такой день, когда каждый убійца будетъ признаваемъ братоубійцей; но для Брафора (какъ еще для большинства изъ нихъ) всѣ до того содѣянныя имъ убійства были ничто и только одно убійство племянника—составило преступленіе. Въ сущности же это убійство было менѣе произвольно, чѣмъ всѣ другіе: нервная дрожь, конвульсія пальца—и смертоносный курокъ былъ спущенъ, не имѣя возможности ни отклониться, ни остановиться на бѣгу своемъ и ниспровергая все попавшееся ему.... Но Брафоръ не искалъ смягчающихъ вину обстоятельствъ и, когда совершенно убѣдился въ смерти Жана, призналъ себя нравственно преступнымъ. Глубоко уязвилась совѣсть его, и эта язва подѣйствовала даже на мозгъ. У человѣка этого была потребность считать себя честнымъ; до сихъ поръ онъ такъ и думалъ о себѣ. Теперь же сознаніе преступности грызло его и день и ночь. Онъ сдѣлался до крайности раздражителенъ, подозрителенъ, причудливъ, иногда до безразсудства. Всѣ способности его напряглись до крайности; онъ хотѣлъ сохранить тайну свою предъ домашними, но въ безпокойномъ снѣ, въ бреду, въ кошмарахъ, не одинъ разъ эта роковая тайна, жившая въ немъ и разъѣдавшая его какъ ракъ, срывалась съ его собственныхъ устъ. Съ этой минуты для Брафора начались несчастья.

Digitized by Google

Въ жизни нѣкоторыхъ людей случается иногда, что серія возрастающаго благоденствія смѣняется серіей перемежающихся злоключеній. Человѣкъ въ подобномъ случаѣ винитъ судьбу, Провидѣніе, или общество. Онъ сваливаетъ это на неизвѣстныя ему силы, не видя, при тѣхъ малыхъ познаніяхъ, какія имѣетъ самъ о себѣ, какъ самъ, собственными своими дѣлами, подобно науку, тянущему паутину изъ себя,—подготовилъ все, приключившееся съ нимъ. Каждый въ самомъ себѣ носитъ свои пораженія и неудачи, скрытыя въ торжествахъ и удачахъ, и чаще всего послѣднія порождаютъ первыя. Какъ недостатки совмѣстны часто съ избыткомъ добродѣтелей, такъ же точно и тѣ силы, которыя могутъ служить къ возвышенію человѣка,—служатъ и паденію его. Такимъ-то образомъ духъ безграничнаго владычества, благодаря которому Брафоръ сдѣлался счастливымъ деспотомъ и побѣдителемъ безъ милосердія и границъ, подтолкнулъ его и къ насильственнымъ поступкамъ, отравившимъ конецъ его жизни; такимъ же образомъ и безпредѣльное тщеславіе, стремившееся къ прелестямъ роскоши, и погоня за именами и титулами—привели къ тому, что онъ пріобрѣлъ мота зятя, разорившаго его въ конецъ.

Менѣе чѣмъ въ два года послѣ брака, приданаго Максимиліаны не существовало болѣе, и кредиторы г. де-Лабруа, наскучивъ безплодными ожиданіями, приступили наконецъ къ конфискаціи и продажѣ его помѣстій.

Брафоръ, еслибы могъ, заплатилъ бы за зятя; но пребываніе въ Парижѣ, какъ законодателя, и всякія государственныя заботы, поглощавшія все время, не позволяли ему много заниматься дѣлами своей фабрики,—дѣла разстроились, на многихъ рынкахъ онъ понесъ значительные убытки, производство фабрики уменьшилось,—она не выдѣлывала столько, какъ прежде, подъ личнымъ надзоромъ хозяйскаго всевидящаго ока, да и наконецъ въ тѣ смутныя времена торговля вообще едва жила. Къ тому же, чтобы не отстать отъ знатныхъ лицъ, съ которыми водился, Брафоръ тянулся изъ послѣдняго и велъ жизнь на широкую ногу,—жизнь quasi-милліонера. Узнавъ о банкротствѣ зятя, Брафоръ почувствовалъ, что и его состояніе лопнуло. Средство спасенія оставалось одно: подать въ отставку (онъ постарался также быть избраннымъ и въ законодательное собраніе), возвратиться въ Рубэ и вновь приняться за занятіе, разъ уже обогатившее его. Но, *человѣкъ державшій въ рукахъ сво-*

Digitized by Google

*ихъ судьбы государства*, принимавшій въ салонахъ своихъ *высокихъ особъ*, говорившій принцу Бонапарту: «мой любезный товарищъ», подававшій руку Одилону-Баро и Тьеру,—могъ ли онъ сдѣлаться опять простымъ фабрикантомъ? Для подобнаго человѣка стать фабрикантомъ значило бы опуститься, а Брафоръ, подобно всѣмъ выскочкамъ, любилъ только карабкаться и лѣзть въ гору. Онъ не могъ рѣшиться на такое униженіе, на такой афронтъ. Да развѣ преданность его и самоотверженіе не нужны Франціи?—Онъ остался, совершилъ невозможное для сокращенія расходовъ, т. е. вмѣсто радикальныхъ и соотвѣтствовавшихъ его новому положенію реформъ онъ кое-что урѣзалъ въ своихъ расходахъ, въ день разъ двадцать принимался браниться съ домашними, каждую недѣлю перемѣнялъ слугъ, сдѣлалъ изъ дома своего настоящій адъ, самъ сдѣлался отъ этого и очень жалкимъ и очень смѣшнымъ, а горю ничуть не помогъ.

Удалось ему, впрочемъ, выхлопотать какое-то теплое мѣсто для зятя въ провинціи. Вѣдь Франція столько обязана была имени де-Лабруа и собственнымъ, личнымъ, недавнимъ услугамъ Брафора. При этомъ пришлось покориться непріятности разлуки съ дочерью и внучкой, прелестной дѣвочкой, которую онъ любилъ просто до безумія, въ чемъ впрочемъ не хотѣлъ сознаться. Максимиліана слѣдовала за мужемъ своимъ въ провинцію съ тѣмъ же самымъ печальнымъ видомъ, съ какимъ всегда жила при немъ и въ Парижѣ. Въ свѣтѣ находили, что меланхолія очень ей къ лицу, и даже находились любезные молодые люди, знавшіе, что де-Лабруа пренебрегалъ женой ради любовницъ, и старавшіеся развлекать и утѣшать ее,—но безуспѣшно. Максимиліанѣ не стоило большихъ усилій не поддаться этимъ утѣшеніямъ.

Новая разлука съ Жоржемъ, смерть Жана, роковая тайна этой смерти, которую она узнала во время болѣзни отца, отвращеніе, которое все больше и больше внушалъ ей мужъ,—всѣ эти несчастія до того поразили бѣдную женщину, что она совершенно потеряла и прежнюю живость, и всю веселость юности. Только и радости было ей, что дочка, но и то иногда, когда обнимала она это крохотное, невинное созданіе, случалось, что слезы ручьемъ лились по лицу ея.

Республика умерла въ іюнѣ, но и побѣдители погибли отъ побѣды своей, которая гораздо прочнѣй приготовила и создала имперію, чѣмъ переворотъ 2 декабря. Что бы ни говорили, но

Digitized by Google

Наполеоновская имперія создалась въ Парижѣ не терроромъ, не заговоромъ,—она создалась и укрѣпилась ненавистью и презрѣніемъ народа, безнадежностью его и усталостью. Во время безцвѣтнаго междуцарствія, приготовлявшаго эту имперію, Брафоръ, подобно многимъ товарищамъ его *изъ большинства*, ничего не понималъ и ничего не предвидѣлъ; прогрессъ республиканскихъ идей въ провинціяхъ занималъ и пугалъ его всего больше, страхъ соціализма ослѣплялъ его очи, а красный призракъ преслѣдовалъ его всюду, такъ какъ законъ 31 марта онъ поддерживалъ съ полнѣйшей искренностью и декларацiи принца президента принималъ съ величайшею довѣрчивостью. Государственный переворотъ, озадачивъ своею неожиданностью, разсердилъ его. Онъ тутъ только ясно понялъ, что это было паденіе для него. Къ тому-жь и его понятіе о честности было оскорблено. Въ хаосѣ всевозможныхъ, и хорошихъ и дурныхъ, предразсудковъ своихъ, этотъ человѣкъ вѣрилъ въ обязательность присяги. Въ собраніи у Одилона Баро онъ подписалъ протестъ противъ *покушенія*. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые сопутствовали г. Дарю въ зданіе палаты и которыхъ 42 линейный полкъ выгналъ оттуда силой. Онъ участвовалъ въ засѣданіи меріи X округа, гдѣ президировалъ Бенуа-д'Ази; онъ торжественно держалъ рѣчь къ офицеру, которому поручено было очистить залу, потомъ, подчинившись приказу, съ энтузіазмомъ требовалъ, чтобъ его вели въ тюрьму Мазасъ. Чести этой его не удостоили, и онъ остался въ неописанномъ гнѣвѣ.

Но послѣ плебисцита онъ сталъ раздумывать: «однакожь, вѣдь власть, возникшая 2 декабря, есть власть твердая и сильная». Намъ извѣстно, что Брафоръ всегда такою и понималъ власть. «Значитъ, *признать* эту власть не составляло никакого ущерба его принципамъ. А тутъ потеря депутатскаго жалованья, разстройство и дурной ходъ дѣлъ фабрики, долги зятя,—и ужь крайняя, настоящая бѣдность не далеко».... Максимъ былъ министромъ. Тогда, вмѣстѣ со многими, Брафоръ сказалъ себѣ, что всегда почтенно *служить Франціи*, и что мѣстечко префекта было бы какъ нельзя больше кстати. Онъ написалъ къ президенту просьбу и передалъ ее чрезъ руки министра де-Рену. Просьбу милостиво приняли. Брафора назначили на югъ Франціи, въ С....

Новое возрожденіе важности и гордости. Г-жа Брафоръ, тоже было опечаленная потерей состоянія, теперь оживилась и принялась опять за пышные наряды. Вѣдь въ С.... нужно было

Digitized by Google

руководить обществомъ! «Вѣдь мы представители власти», говорила она. Брафоръ же въ новой роли своей былъ неподражаемо великолѣпенъ. Къ несчастью, онъ слишкомъ серьезно отнесся къ ней. Терроръ царствовалъ на столько дико и пошло, какъ только было возможно,—онъ же нашелъ способъ пойти еще далѣе, арестовывалъ, ссылалъ, разстрѣливалъ. Въ департаментѣ онъ сдѣлался полновластнымъ императоромъ гораздо прежде, чѣмъ Наполеонъ императоромъ Франціи. Пока дѣло шло о преслѣдованіи республиканцевъ или тѣхъ невиннѣйшихъ людей, которыхъ подозрѣвали въ республиканизмѣ,—все шло хорошо. Брафоръ не рисковалъ ничѣмъ. Но однажды, въ порывѣ смѣлаго деспотизма, Брафоръ зарвался немножко, привязавшись къ одному департаментскому Ротшильду, поземельному и финансовому крупному собственнику, который, правда, немножко будировалъ будущую имперію, — но лишь слегка, какъ бы кокетничая. Восемь дней спустя Брафоръ потерялъ мѣсто.

Онъ сейчасъ полетѣлъ въ Парижъ жаловаться Максиму. Но если г. де-Рену нѣкогда и служилъ другу своему, пользуясь его услугами, если онъ даже былъ способенъ оказать и услугу, ничего не стоившую ему, то скомпрометироваться ради неловкаго простака въ разсчеты его не входило вовсе. Отнынѣ онъ призналъ Брафора безполезнымъ и принялъ его съ высокомѣрной сухостью, помышляя только, какъ бы отдѣлаться и, если возможно, навсегда.

— Но ваши принципы! кричалъ Брафоръ.

Г. де-Рену пожалъ плечами.

— Не въ этомъ дѣло.

— Какъ? пролепеталъ ошеломленный Брафоръ,—такъ въ чемъ же?

— Въ томъ, что вы не способны быть ловкимъ человѣкомъ. Любезный другъ, повѣрьте мнѣ, возвратитесь къ промышленности,—тамъ ваше настоящее мѣсто и призваніе.

Дрожа отъ гнѣва и побагровѣвъ, Брафоръ всталъ.

— Благодарю, monseigneur, я вижу....

Но его превосходительство прервалъ его слова любезнымъ жестомъ, указавъ дверь.

Въ передней съ Брафоромъ чуть не сдѣлался ударъ. Онъ Максима любилъ. Эта тяжкая рана не зажила никогда.

Возвратиться къ станкамъ своимъ, ему, носившему золотомъ шитое платье владыки департамента, ему, самовластно царство-

Digitized by Google

вавшему, возвратиться въ немилости, почти нищимъ, въ городъ, который онъ считалъ чуть не удѣломъ своимъ! Нѣтъ, никогда. Онъ предпочелъ продать свою фабрику, что хотѣлъ сдѣлать давно, но не находилъ покупщика за порядочную цѣну. Между тѣмъ дѣла фабрики совсѣмъ упали, всѣ заказы перешли въ руки конкуррентовъ. При продажѣ онъ не выручилъ и 100.000 франковъ чистыми.

Въ отчаяніи, но не потерявъ духа, Брафоръ надѣялся еще поправиться финансовыми операціями, какъ вдругъ новый ударъ обрушился на него. Зять, которому мѣсто приносило всего 12 или 15 тысячъ франковъ, но который на лошадей, любовницъ и карты проживалъ всегда вдвое, какъ-то въ одинъ изъ визитовъ ревизора не досчитался въ казенной кассѣ 30.000 франковъ. Мѣсто отняли. Чтобы предотвратить огласку и безчестье зятя, Брафоръ внесъ недостававшую сумму.

Чѣмъ жить теперь? Два года провелъ онъ въ исканіи мѣста; ему все хотѣлось добиться какого-нибудь значительнаго и важнаго поста; онъ все упрямился, а въ это время зять съ семьей жили на его счетъ. Приближалось полное разореніе. Онъ попробовалъ еще разъ быть избраннымъ куда-нибудь, но тщетно. Имперія, которой онъ служилъ съ такимъ рвеніемъ и ретивостью, не принимала больше его услугъ; оппозиція, несмотря на свою слабость, смѣялась надъ нимъ. Онъ сдѣлался, какъ говорится, человѣкомъ *отпѣтымъ*, отъ котораго нечего больше ждать, никуда не пригоднымъ, и къ которому друзья и недруги относились съ одинаковымъ презрѣніемъ. Бѣдный Брафоръ, однакожъ, никакъ не понималъ этого и все думалъ о себѣ по-прежнему. Однако о продажѣ фабрики онъ пожалѣлъ, хотя не очень серьезно; но того, что всею важностью своей и положеніемъ обязанъ былъ учрежденію общей подачи голосовъ, этого никогда ясно не созналъ.

Уставъ, измучившись наконецъ безчисленными разочарованіями и обольщеніями, побуждаемый быстрымъ ходомъ приближавшейся нищеты, онъ рѣшился принять мѣсто начальника станціи желѣзной дороги въ окрестностяхъ Парижа, въ маленькомъ городѣ Пуасси.

Тамъ-то многіе изъ насъ знавали его, всегда важнаго, величественнаго, застегнутаго на всѣ пуговицы, съ прямой осанкой, съ поднятою головой, съ повелительными жестами, повсюду мечущаго начальническіе взоры, говорившаго съ публикой, какъ

Digitized by Google

и съ подчиненными—всегда строгимъ тономъ педагога. Посмотрѣвъ на него, какъ онъ во время прихода поѣздовъ или въ ожиданіи ихъ, или при открытіи дверей для публики, прогуливаясь взадъ и впередъ по платформѣ, съ заложенными за спину руками, какъ Наполеонъ первый,—какъ наблюдалъ онъ за суетившеюся толпой и какъ мощнымъ голосомъ и строгимъ жестомъ предупреждалъ онъ неосторожныхъ или останавливалъ преступавшихъ правила,—можно было подумать, что это пастухъ, стерегущій стадо свое, или какой-нибудь пастырь народа. Таково именно и было его желаніе, его идея. И какое же несравненное пренебреженіе питалъ онъ къ простымъ обыкновеннымъ путешественникамъ, къ толпѣ, къ нисшему классу!

Еслибы съ самаго начала введенія желѣзныхъ дорогъ во Франціи Брафоръ служилъ при желѣзныхъ дорогахъ, то мы пожалуй склонны бы были утверждать, что прототипомъ, образцомъ для всѣхъ родовъ желѣзнодорожныхъ чиновъ—отъ начальника станціи до контролера—служилъ именно онъ. Но по крайней мѣрѣ можемъ утвердительно сказать, что онъ былъ наисовершеннѣйшимъ олицетвореніемъ того начальническаго духа, который оживляетъ всякаго человѣка во Франціи, коль скоро дана ему какая бы то ни была общественная должность, начиная отъ городоваго до министра, отъ главнаго повара въ кухнѣ (chef de cuisine до главы государства (chef d'Etat),—того духа, который конечно значительно еще вульгаризировался въ нашъ демократическій вѣкъ, благодаря которому всякій должностной человѣкъ сейчасъ же чувствуетъ себя точно помазанникомъ божіимъ и безконечно высшимъ надъ подвѣдомственными ему плебеями.

Нѣтъ, никакой законодатель не могъ имѣть того торжественно внушительнаго вида, какъ Брафоръ, когда на какіе-нибудь запросы, требованія и рекламаціи притѣсненныхъ, допытывающихся чего-нибудь или недоумѣвающихъ въ чемъ-либо путешественниковъ онъ отвѣчалъ: «ваша просьба не можетъ быть принята въ уваженіе», или: «пассажирамъ воспрещается и т. д.», или же цитируя на память, какой слѣдовало, пунктъ регламента, выработаннаго высокой мудростью компаніи.

Каждый, слушая его, дѣйствительно проникался сознаніемъ, что тутъ дѣло не шуточное, что тутъ есть какія-то высшія, священныя причины, и что если причины эти и не вѣдомы и не видны, сокрыты отъ профановъ, то все-таки это не мѣшаетъ имъ быть причинами, и, преклоняясь предъ величіемъ закона и

Digitized by Google

приказа, каждому ничего дальше не оставалось, какъ смолкнуть предъ человѣкомъ этимъ, который во всякомъ случаѣ слушать васъ долго не станетъ,—предъ этимъ живымъ воплощеніемъ рѣшеній самого рока (послѣдняя фраза принадлежитъ самому Брафору); но *какъ частный человѣкъ* (это тоже одинъ изъ контрастовъ, столь же любезныхъ ему, какъ мы это знаемъ, наравнѣ съ контрастомъ теоріи и практики, формы и содержанія, духа и плоти, и проч.),—какъ частный же человѣкъ, онъ бывалъ снисходителенъ, добръ и старался даже слыть любезнымъ человѣкомъ. Когда случалось намъ заходить къ нему въ садикъ при станціи, гдѣ въ досужіе отъ службы часы онъ сиживалъ, охотно, даже многорѣчиво бесѣдовалъ онъ съ нами, разсказывая о прошлыхъ дняхъ своей славы, о своемъ померкшемъ величіи. И тутъ умъ его, отрываясь отъ мизернаго и мелкаго настоящаго, съ удовольствіемъ уносился въ прошлое и жилъ воспоминаніями. Съ горячностью говаривалъ онъ о неблагодарности Франціи къ людямъ, посвящавшимъ себя на служеніе ей, и мечталъ о возвращеніи лучшихъ дней и о своей реставраціи—то какъ префекта, то какъ депутата и въ обоихъ случаяхъ какъ милліонера. Наконецъ, онъ, какъ всякій потерявшій свои владѣнія владѣтельный князекъ, былъ исполненъ личныхъ сожалѣній и иллюзій, но у него къ этому еще прибавлялось и угрызеніе совѣсти, о которомъ, впрочемъ, онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ; только тѣ изъ домашнихъ, которымъ удалось случайно похитить тайну его, могли понимать, почему иногда мрачныя тучи осѣняли чело его, почему голосъ его вдругъ дѣлался рѣзкимъ и суровымъ и почему онъ вскакивалъ порывисто и начиналъ ходить лихорадочною, неровною постунью.

Однакожь, какъ ни были сильны терзанія и какъ ни были горьки мысли его, онѣ никогда ни въ чемъ не вредили точному исполненію служебныхъ обязанностей. Онъ всегда былъ тотъ же, любящій до крайности порядокъ и всѣмъ и каждому проповѣдывавшій его, какъ единый божескій и человѣческій законъ. Ни одна станція желѣзной дороги никогда не была въ лучшемъ состояніи, чѣмъ та, которой управлялъ онъ: все тамъ было вымыто, выскоблено, вычищено, каждая вещица на своемъ мѣстѣ. Малѣйшая пылинка, оставленная по недосмотру или нерадѣнію, приводила его въ сильнѣйшій гнѣвъ. Всѣ сундуки, тюки, ящики багажа, хотя бы только выгружались на 10 минутъ, должны были складываться въ извѣстномъ ранжирѣ и порядкѣ; суету и без-

Digitized by Google

порядокъ, неизбѣжные при пріѣздѣ и отъѣздѣ пассажировъ, онъ едва могъ сносить. Да и кажется, не впадая въ преувеличеніе, что врядъ ли даже онъ когда-нибудь давалъ себѣ ясный отчетъ, что станціи есть именно мѣсто движенія, всяческой толкотни, давки и стеченія народа. Легко себѣ представить, какимъ образомъ въ такія минуты встрѣчалъ онъ замѣчанія или вопросы, которые вздумалось бы сдѣлать какому-нибудь смѣльчаку-пассажиру. Мѣстные обыватели себѣ этого никогда не позволяли, — развѣ какой-нибудь дальній проѣзжій, наивно думавшій, что этотъ человѣкъ приставленъ тутъ, чтобы блюсти за нуждами и интересами проѣзжающихъ, — тогда обыкновенно дѣло кончалось такъ, что смѣльчакъ бывалъ посрамленъ, сконфуженъ, обращенъ вспять и прятался въ толпу отъ грознаго вида, внушительныхъ жестовъ и голоса Брафора. Его всѣ боялись, у него были свои льстецы, такъ что въ концѣ концовъ онъ устроилъ себѣ на станціи что-то въ родѣ маленькаго государства, и жилось бы ему не дурно, еслибы не тягостныя воспоминанія о прошломъ погибшемъ величіи, да не жестокія огорченія, поражавшія его. Самое большее изъ нихъ, можетъ-быть (если не смерть Жана), то, которое онъ называлъ посрамленіемъ своей старости, произошло во время втораго года управленія его станціей въ Пуасси. У Брафора не было больше дочери; хотя Максимиліана и не умерла, но отецъ ея предпочелъ бы, какъ самъ объ этомъ выражался, чтобъ она дѣйствительно умерла.

Вѣдь собственно для того, чтобы быть поближе къ дочери, Брафоръ выбралъ станцію Пуасси, гдѣ баронъ де-Лабруа былъ сдѣланъ мировымъ судьей. Такъ какъ непріятное дѣло зятя его было погашено,—не могъ же подобный барону человѣкъ остаться безъ всякихъ рессурсовъ, это понятно,—то онъ получилъ мѣсто въ этомъ институтѣ, который министерская реторика, при началѣ учрежденія его, представляла какъ царство справедливости и провидѣніе благонамѣренныхъ людей и которое вскорѣ потомъ пріобрѣло трогательное назначеніе сдѣлаться пріютомъ инвалидовъ и всѣхъ пустоцвѣтовъ буржуазіи. Итакъ, Казимиръ де-Лабруа сдѣланъ былъ судьей честности и насадителемъ добрыхъ нравовъ въ маленькомъ городкѣ. Конечно, Франція не была достаточно признательна,—что и говорить; но все же она не была и совершенно неблагодарна, ибо оба эти человѣка всегда имѣли какія-нибудь казенныя мѣста, хотя, правда, участь ихъ

Digitized by Google

все же была недостойная ни потомка де-Лабруа, ни человѣка, который на *девятьсотую* часть такъ или иначе спасалъ Францію еще прежде Людовика Бонапарта!

Людей, предавшихся кутежу, не исправишь. Г. де-Лабруа продолжалъ огорчать и свою семью, и свою жену. О томъ, чтобы сохранить за собой мѣсто, онъ тоже мало заботился, ибо слишкомъ презиралъ его. Жители околотка терпѣть не могли его самого, но за то съ жительницами онъ жилъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. И услужливъ, и милъ, и предупредителенъ до высшей степени былъ онъ съ ними, на столько, на сколько съ своей законною женой грубъ, сварливъ и деспотиченъ. Чѣмъ любезнѣй бывалъ онъ внѣ дома, тѣмъ больше упрековъ, наглыхъ, дерзкихъ, пошлыхъ — изливалось на жену; онъ находилъ, что она помѣха ему, что онъ безъ нея и безъ семьи поправилъ бы свои дѣла, хоть тѣмъ, что женился бы вновь на богатой невѣстѣ.... Онъ продолжалъ вести азартную игру и, проигрывая, сохранялъ наружное хладнокровіе.... пока не возвращался домой.—Тутъ начиналась буря и сцены, съ каждымъ разомъ все сильнѣе. Жизнь Максимиліаны была истиннымъ мученичествомъ, но скоро превратилась въ позоръ и униженіе.

Истощивъ всѣ средства и всѣ продѣлки для поддержанія ихъ, баронъ, котораго тонко развитыя чувства и крайняя деликатность не могли покориться бѣдности, нашелъ-таки себѣ выходъ, поступивъ на содержаніе къ старой и богатой мѣстной кокеткѣ.

Чаша испытанія переполнилась.

Максимиліанѣ тогда было 25 или 26 лѣтъ.

Въ эти годы покорность судьбѣ не составляетъ славной добродѣтели, и къ тому же покориться позорной долѣ и переносить стыдъ,—въ какіе же годы это можетъ быть добродѣтелью?

Въ одинъ прекрасный день получила она изъ Парижа письмо, одинъ почеркъ котораго уже заставилъ ее поблѣднѣть. Разорвавъ конвертъ, она прочла слѣдующее:

«Одна особа, знающая васъ нѣсколько, только-что ушла отъ меня. Правда ли, что вы несчастнѣйшая изъ женщинъ, и въ числѣ окружающихъ васъ—нѣтъ никого, кто бы могъ служить вамъ помощью? Вы были сестрой Жана. Не нуждаетесь ли вы во мнѣ»?

*Жоржъ.*

Digitized by Google

О, да, это правда. Она несчастнѣйшая изъ женщинъ, безъ помощи и безъ поддержки. Мать ея не умѣла даже сколько-нибудь утѣшить ее. Отецъ, презиравшій впрочемъ барона, только и умѣлъ выставлять покорность, какъ первую добродѣтель женщины, и поэтому на барона никакого вліянія имѣть не могъ, пасуя всегда предъ его джентльменскими манерами. Да, она одна, совершенно одна! А дочь.... Сколько опасеній еще испытывала она и за будущность этого дитяти! О, у нея всегда было въ этомъ мірѣ только два вѣрныя ей сердца: одно перестало уже биться, а другое, съ которымъ она разлучена на вѣки, и не по своей волѣ, и не по волѣ его, вопреки любви,—вопреки даже самой истинѣ. О, нуждается ли она въ немъ? Нуждаются ли въ жизни, когда надъ вами смерть? Жаждутъ ли чистой струи благородства и искренности, когда житейская грязь топитъ васъ въ своихъ отвратительныхъ волнахъ? Испытаніе было слишкомъ велико. Она колебалась, но только ради одной формы, ради безсознательной привычки лицемѣрія; потомъ, сказавъ сама себѣ, что отвѣчать нужно, что молчаніе можетъ глубоко оскорбить Жоржа, и безъ того много вынесшаго изъ-за нея, она взялась за перо, предполагая написать только нѣсколько строкъ, всего нѣсколько строкъ.... Но, увлекаясь потокомъ своихъ впечатлѣній, накипѣвшихъ на сердцѣ обидъ и скорбей, не высказанныхъ, сдерживаемыхъ до сихъ поръ, она наполнила 6 страницъ письма, давъ волю своему сердцу. Каждая строчка письма была крикомъ безнадежнаго, отчаяннаго сожалѣнія. Она просила, чтобъ ей не отвѣчали.

Переписка превратилась въ постоянную, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлалась страстной и увлекательной; новая любовь, которой прежняя была только зарей, предвѣстницей, выростала на обломкахъ прошлыхъ воспоминаній, страданій, отчаянія и сдержанныхъ порывовъ, давно уже скопившихся въ этихъ молодыхъ сердцахъ. Можетъ-быть, Жоржъ поступилъ бы иначе, еслибы зналъ, что Максимиліана счастлива; но теперь, подъ вліяніемъ справедливаго негодованія, онъ смѣло позволялъ себѣ подтачивать эти постыдныя узы, умоляя Максимиліану скорѣй освободиться отъ своей несчастной, унизительной, ничѣмъ не заслуженной доли, и разорвать позорныя цѣпи рабства. Она, не колеблясь, давно рѣшилась бы, еслибы не дочь и не родные; но Жоржъ и это бралъ на себя и требовалъ, чтобъ она непремѣнно взяла съ собой ребенка, для котораго тоже это, можетъ-

Digitized by Google

быть, было единственное нравственное спасеніе; онъ намѣревался сейчасъ же оставить Францію и приготовлялъ все для дальняго путешествія. Онъ получалъ управленіе какимъ-то предпріятіемъ въ Америкѣ, но объ этомъ строго хранилъ тайну предъ всѣми, распуская слухъ, что уѣзжаетъ въ Россію, а пока скрывался въ Парижѣ. Максимиліана, наконецъ, согласилась. Между жизнью чистой,—по крайней мѣрѣ, въ ихъ собственныхъ глазахъ,—и жизнью вѣчныхъ униженій, между счастьемъ и несчастьемъ выборъ не труденъ. День и часъ были назначены. Но въ послѣднюю минуту, всѣ заглушенныя страстью старыя вѣрованія, занятія, ложныя и истинныя, которыя были привиты ей воспитаніемъ,—вдругъ проснулись. Она начала спрашивать себя: имѣетъ ли она право отнять ребенка у отца, какой бы негодяй ни былъ этотъ отецъ, причинить своей матери и отцу смертельное горе, покрыть новымъ позоромъ имя своего ребенка? Часъ приближался. Она терялась, чувствуя хорошо, что если какая-нибудь матеріальная сила или препятствіе не помѣшаютъ ей, она пойдетъ, непремѣнно пойдетъ къ Жоржу, дожидавшемуся ея въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ дому. Она побѣжала на станцію желѣзной дороги, чтобы взять билетъ и уѣхать въ Парижъ.

Она прибѣжала туда, опоздавъ полминутой. Извѣстно, что выдача пассажирскихъ билетовъ прекращается за 5 минутъ до отхода поѣзда (такъ гласитъ регламентъ). Пятьдесятъ девятая секунда была на исходѣ, и Брафоръ уже затворилъ окошечко кассы, когда увидѣлъ, что вошла его дочь. Всегда точный и строго исполнительный, онъ продолжалъ запирать и, можетъ-быть, даже нѣсколько поторопился, потому что ему правились такія геройскія выходки.

— Отецъ, отецъ! сказала Максимиліана, стуча въ окошечко,— отецъ!

Отвѣта не было.

Она вошла въ начальническую комнату.

— Отецъ, билетъ въ Парижъ, скорѣе! Прошу тебя.

— Поздно.

— Не поздно, если ты захочешь....

— Конечно, отчего-жь, можно еще, сказалъ одинъ изъ находившихся тамъ желѣзнодорожныхъ служителей.—Мы отправимся только чрезъ 5 минутъ.

Брафоръ окинулъ его убійственнымъ взглядомъ.

Digitized by Google

— Такъ-то вы всѣ понимаете ваши обязанности, презрѣнные льстецы и интриганы безъ совѣсти? Знайте, что касается меня, то никакіе на свѣтѣ интересы, ни семейныя отношенія—ничто не можетъ заставить меня нарушить уставъ!

И онъ выпрямился во весь ростъ, и точно выросъ и ростомъ и величіемъ. Служитель въ смущеніи вышелъ, твердо увѣренный, что теперь навѣрное попадетъ въ немилость, а пожалуй и мѣста лишится; по выходѣ его, Максимиліана тихонько еще разъ повторила:

— Прошу тебя.... мнѣ крайне нужно.... отецъ....

— Тутъ я не отецъ, а начальникъ станціи и не могу сдѣлать поблажекъ никому. По положенію, раздача билетовъ прекращается за пять минутъ. Когда ты пришла, до отъѣзда оставалось только 4 минуты 35 секундъ. Тѣмъ хуже для тебя. Не опаздывай.

— Увы, прошептала она, блѣднѣя и качаясь,—такъ ты не хочешь.... отецъ? О, ты пожалѣешь....

Она заплакала.

Брафоръ отвернулся отъ нея и, пожавъ плечами, промолвилъ:

— Честное слово, всѣ женщины—сумасшедшія. Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ подошелъ къ ней:

— Тутъ вамъ не мѣсто. Съ дочерью я вижусь у себя на дому; но въ этой комнатѣ я только начальникъ станціи....

Максимиліана пристально и долго посмотрѣла на него, потомъ, опустивъ голову, вышла и пошла тихимъ, медленнымъ шагомъ, понявъ, что судьба ея рѣшилась.

Полчаса спустя, она ѣхала вмѣстѣ съ Жоржемъ, а отецъ ужь больше никогда не видался съ ней.

Г. де-Лабруа весело принялъ свое положеніе; но Брафора этотъ послѣдній ударъ сразилъ окончательно. То не была только потеря дочери,—то было безчестье!!

Все больше и больше старѣлъ и хилѣлъ онъ, больной, раздраженный столькими не сбывшимися надеждами, оплакивая развращенность и упадокъ человѣчества. Единственнымъ утѣшеніемъ ему оставалось созерцаніе сильной власти, державшей Францію въ ежовыхъ рукавицахъ и усмирявшей дерзкія, зловредныя страсти. Но когда гидра анархіи опять подняла голову, когда открылись публичныя сходки, когда возникли процессы надъ членами международнаго общества рабочихъ, когда чудище соціализма показало, что оно еще не умерло, и когда вновь яви-

Digitized by Google

лись на свѣтъ тѣ гнусныя доктрины, которыя, казалось, ужь были похоронены и прочно вколочены въ землю, и когда газеты «Constitutionnel» и «Pays» торопливо, хоть не совсѣмъ вѣрно, старались дать своимъ провинціальнымъ читателямъ ежедневные отчеты о рѣчахъ народныхъ собраній, когда, наконецъ, выборы 1869 года состоялись не совсѣмъ въ пользу императорской политики, а какъ бы вопреки ей и въ ея опроверженіе; когда въ печати водворилось буйное свободомысліе, распущенность, и возобновились дерзкія нападенія на высокопоставленныхъ особъ, на священнѣйшія вещи,—тогда все это подѣйствовало на Брафора самымъ потрясающимъ образомъ. Неужели все это не было покончено? Ужели честнымъ людямъ такъ и не будетъ никогда покоя въ мірѣ этомъ? Да вѣдь это безобразно, чудовищно, невозможно. Тутъ воскресли всѣ его воспоминанія и грызли, и мучили, и растравляли его до крайности. Но гнѣвъ его отъ этого только сильнѣе разгорался. Онъ до невозможности сдѣлался раздражителенъ, вспыльчивъ, придирчивъ; съ нимъ нельзя было говорить. Въ домѣ каждый вечеръ регулярно онъ поднималъ бурю. На станціи съ проѣзжающими, въ особенности съ тѣми, у которыхъ онъ находилъ слишкомъ демократическую наружность, у него прорывались такія эксцентрическія, дерзкія оскорбительныя выходки, что даже компанія нашлась вынужденною сдѣлать ему за это замѣчаніе. Но все-таки остроконечныя шляпы съ широкими полями и вырѣзные жилеты постоянно бѣсили его. Отъ постоянныхъ волненій, отъ постояннаго кипѣнія крови, бросавшейся въ лицо и голову, онъ сталъ красенъ какъ ракъ и даже вынужденъ былъ принимать предохранительныя средства отъ апоплексическаго удара. Часто, подъ вліяніемъ всѣхъ невеселыхъ мыслей, раздразнивъ и раззадоривъ себя ими, онъ прибѣгалъ къ единственному вѣрному, старому, любимому, послѣднему аргументу своему—къ ружью и начиналъ чистить его съ страстной яростью.

Бѣдный Брафоръ! съ какимъ увлеченіемъ хлопоталъ онъ во время плебисцита! Какъ торжествовалъ, провозглашая *цифру* утвердительныхъ голосовъ,—цифру, которой еще разъ подтверждалось сродство второй имперіи и невѣжества. Война озадачила его, какъ и всѣхъ; но онъ быстро укрѣпился въ вѣрѣ своей въ мудрость императора, и, не получая ни копѣйки въ вознагражденіе, азартно, изъ всѣхъ силъ кричалъ: «въ Берлинъ!» Я могу поклясться, что онъ дѣйствительно чувствовалъ себя



Digitized by Google

оскорбленнымъ, что г. Бенедетти казался ему высокимъ дипломатомъ, а герцогъ Граммонъ истиннымъ французомъ.

Бѣдный Брафоръ! Когда же рушилось все, все, даже и та честь Франціи, которая для него составляла религію; когда все зданіе имперіи развалилось отъ собственной гнилости и повлекло за собой и разореніе всей страны, тогда и въ немъ произошло потрясеніе не бывалое. Настигнутый въ послѣдней своей крѣпости, пораженный въ вѣрѣ всей жизни своей, онъ пришелъ къ тому, что усомнился въ первый разъ въ жизни своей,—усомнился въ своемъ обоготвореніи порядка и въ идолѣ своемъ—авторитетѣ. Чудная іерархическая система привела къ позору и разоренію отечества и доказала свое безсиліе и низость. Имперія разрушилась.... и не отъ рукъ вражьихъ, а вслѣдствіе собственной своей негодности и испорченности. Всѣ торжествовали ея конецъ и привѣтствовали республику,—республику изгнанную, проклятую, преступленіе прежнихъ дней! Теперь она царствовала, или по крайней мѣрѣ отдавала приказы, красовалась въ надписяхъ на фронтанахъ домовъ, развѣвалась въ знаменахъ и флагахъ, провозглашалась съ крышъ—и въ клубахъ!! О, Боже! и къ довершенію всего налагала свои сатанинскіе когти и на законность!!

Правда, все это ужь было не ново. Брафоръ видывалъ эти виды и зналъ хорошо, чего бы держаться слѣдовало, но на этотъ разъ врагъ былъ у порога. Брафоръ подавилъ свои чувства и препоясалъ свою старую саблю. Въ числѣ нѣсколькихъ героическихъ старцевъ онъ явился въ Парижъ и записался въ ряды національной гвардіи.

Тамъ онъ поддерживалъ Трошю, какъ поддерживалъ бы и Людовика Наполеона, и тотъ самый Жюль Фавръ, столь ненавистный ему въ былое время, теперь, будучи *правительствомъ*, получилъ все его довѣріе. Почему-жь въ самомъ дѣлѣ отказалъ бы онъ ему въ довѣріи? Мы не хотимъ очерчивать исторію столь еще свѣжихъ и ужасныхъ событій; но долгъ нашъ—показать участіе, которое принималъ въ нихъ герой нашъ.

Ужь не Брафоръ ли изобрѣлъ тогдашнее знаменитое изреченіе: «Согласіе! Согласіе! Въ виду непріятеля не нужно политическихъ движеній!» Такъ гремѣлъ онъ повсюду, послѣ Седана, въ пользу императора и даже 4-го сентября, на площади «Concorde». По крайней мѣрѣ онъ съ такою же любовью усвоилъ себѣ эту фразу, какую вообще питалъ ко всякимъ ярлыкамъ, деви-

Digitized by Google

замъ и паролямъ, и во все время осады—всюду и всѣмъ повторялъ ее. Желая быть вѣрнымъ себѣ и добросовѣстнымъ, онъ серьезно желалъ, чтобы шли на непріятеля; но тутъ по-неволѣ и онъ долженъ былъ вмѣстѣ со всѣми признать, что всѣ усилія правительства клонились не къ этому, а къ тому только, чтобы парализовать силы націи. Тогда даже у него вырвались (въ подобные кризисы даже самые крѣпкіе характеры поддаются),—у него вырвались горькія порицанія нѣкоторыхъ удивительныхъ *неловкостей*, называемыхъ другими измѣной. Но какое же, думаете вы, дѣлалъ онъ заключеніе въ концѣ филиппикъ своихъ?

—Все-таки, во что бы то ни стало, слѣдуетъ поддерживать правительство, хоть оно и не дерется съ прусаками. Почему же?—Да именно вслѣдствіе присутствія прусаковъ же, parbleu!

Онъ пять мѣсяцевъ все стоялъ на этомъ. Если такая логика имѣетъ въ себѣ нѣчто могущее озадачить читателя, то нужно припомнить себѣ, что она была свойственна не одному Брафору, но многимъ сотнямъ и тысячамъ людей, и даже большинству передовыхъ органовъ печати, считающихся свѣточами нашей эпохи. Что дѣлать?! Вѣдь будущимъ вѣкамъ нужно оставить по крайней мѣрѣ нѣсколько хорошихъ образчиковъ окаменѣнія умовъ, искусно достигнутаго классическимъ и клерикальнымъ воспитаніемъ.

Тому, кто усомнился бы въ искренности Брафора, нужно бы прислушаться къ выразительному негодованію, съ какимъ онъ обзывалъ *прусаками* тѣхъ, которые желали сражаться серьезно и поэтому стремились замѣнить правительство бездѣйствія правительствомъ дѣятельнымъ. А! Ужь если пришлось и нужно быть стоикомъ и въ виду врага молчать, выжидать, терпѣть и не шевелиться, то хоть могъ бы онъ дать волю по крайней мѣрѣ гнѣву своему (а его было не мало) и сорвать сердце противъ этихъ зачинщиковъ безпорядковъ, не умѣвшихъ подчинить своихъ глупыхъ идей высшей мудрости правительствующихъ лицъ и ждать событій, которыя приготовляли они.

Событія не замедлили придти. Chef-d'oeuvre осады Парижа занялъ мѣсто въ исторіи рядомъ съ Chef-d'oevre'омъ Седана, и Франція, павшая разъ съ императоромъ своимъ, пала вторично и со своими адвокатами.

Брафора нельзя было узнать тогда: была минута, что онъ чуть не сдѣлался революціонеромъ. Онъ вышелъ на улицу съ ружьемъ, когда раздался призывъ Брюнеля и Піацца.... но, потомъ, все

Digitized by Google

его одушевленіе, озлобленіе и порывъ превратились въ какую-то изумленную печаль, безъ голоса, безъ слезъ. По возвращеніи домой, съ нимъ сдѣлался ударъ.

Съ этого дня, дѣйствительно, человѣкъ этотъ *кончился*. Онъ, считавшій слезы недостойными человѣка, не могъ безъ слезъ выносить ни малѣйшаго намека о несчастіяхъ родины. О чемъ же тогда и говорить было больше?

Заключеніе мира принесло новое терзаніе этому французскому сердцу, которому недоставало передовыхъ стремленій, но которое, можно сказать, имѣло въ себѣ добродѣтели своихъ предразсудковъ. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и Брафоръ въ кораблекрушеніи этомъ усмотрѣлъ доску спасенія и ухватился за нее; онъ началъ вѣрить въ monsieur Тьера.

Взрывъ коммуны какъ электрическій толчокъ поставилъ его опять на ноги.—Нѣтъ, это ужь черезчуръ! Да, черезчуръ!!

Въ то время, будучи больнымъ и не имѣя возможности возвратиться къ своей должности, Брафоръ находился еще въ Парижѣ. Не выразимо, что переиспыталъ онъ и отъ сдержаннаго гнѣва, буквально сжигавшаго его, и отъ всякихъ ужасовъ. Чтобъ узнавать о происходившемъ въ Парижѣ, онъ нашелъ прекрасный способъ: свои свѣдѣнія почерпалъ онъ изъ версальскихъ слуховъ и журналовъ. Каждое утро ждалъ онъ, что его арестуютъ; вечеромъ ложился спать съ пистолетами подъ подушкою. Выходилъ онъ, если случалось, не иначе какъ переодѣвшись; и всякій разъ удивлялся, что не видѣлъ на улицахъ мучимыхъ людей и на мостахъ не встрѣчалъ національныхъ гвардейцевъ, которые изъ удовольствія и ради забавы кидали бы дѣтей въ воду; это онъ приписывалъ необыкновенному своему счастью. «Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, мнѣ необыкновенно везетъ».

Когда въ Парижъ вошли войска порядка, мщеніе Брафора было страшно. Вѣдь онъ такъ много натерпѣлся страха! Да и общество никогда еще не бывало близко такъ къ окончательному паденію!... А! въ іюнѣ не достаточно истребили змѣиное племя, теперь нужно было задать имъ! Нужна страшная, небывалая казнь, такая, чтобы памятна осталась на вѣки! Шутка ли, 100.000 бандитовъ набралось въ Парижѣ! (Изъ нихъ, по словамъ газетъ «Patrie» и «Liberté», 99.000 было иностранцевъ). Сто тысячъ, мѣшавшихъ покойно спать добрымъ людямъ! Покажемъ же имъ себя и потомъ будемъ покойны.....

.....

Digitized by Google

Но всѣ эти тревоги, всѣ усилія, все непомѣрное возбужденіе неминуемо должно было повлечь за собою фатальныя послѣдствія для здоровья Брафора. Вечеромъ, 28 мая, онъ слегъ въ постель отъ воспаленія въ груди. Сначала силы его какъ будто не поддавались. Ему даже стало немного легче, но послѣ того онъ только хирѣлъ.

Жизнь его и безъ того ужь длилась слишкомъ, а тутъ еще привелось прежде смерти дожить опять до новаго огорченія, еще разъ увидѣть, какъ вновь проснулся духъ оппозиціи и анархіи.....

.....

.....

Въ благонамѣренныхъ журналахъ безпрерывно говорилось о новыхъ заговорахъ, между тѣмъ какъ неудовольствіе противъ правительства порядка все шло возрастая, и Франція, нѣкогда столь послушная, которая всего 23 года тому назадъ такъ прекрасно служила реакціи, теперь ужь мало даже и возмущается противъ своеволій анархіи, въ тысячу разъ большихъ, чѣмъ прежде; она и выборы производитъ республиканскіе и устами своихъ присяжныхъ обличаетъ и награждаетъ пощечинами спасителей своихъ. Брафоръ сталъ отчаяваться за міръ постоянныхъ мечтаній своихъ, разочаровываться въ томъ величественномъ обществѣ, гдѣ порядокъ основанъ на неизмѣнныхъ основахъ, на глубокой, прозорливой мудрости попечительнаго правительства, гдѣ духъ повиновенія и дисциплины, сильно внушаемый дѣтямъ съ ранняго возраста, дѣлали бы на вѣки невозможными безпорядки и анархію. Да, Брафоръ пришелъ къ сомнѣнію въ своемъ ultima ratio, во всей своей философіи пушекъ, понтоновъ, тюремъ, *желѣзной руки* и даже въ такъ-называемыхъ орудіяхъ судьбы людей, которые, слѣдуя другъ за другомъ, казалось, только для того и являлись, чтобы соперничать между собою въ неспособности и низости.

Ужели же всѣмъ волненіямъ никогда конца не будетъ? Все ли такъ будетъ идти и борьба должна быть вѣчною? Или уже не пришелъ ли конецъ авторитету въ мірѣ этомъ?!! Все, что до сего времени было для него дѣйствительностью, достовѣрностью, дрогнуло, смѣшалось и какъ бы отступило куда-то въ бездну; а все, что онъ считалъ безумнымъ, несбыточнымъ, чудовищнымъ, преступнымъ, надвигалось, выдѣлялось смутно; но онъ понялъ, что приготовлялось нѣчто, противъ чего онъ ничего не

Digitized by Google

сдѣлаетъ и чего онъ и уразумѣть не могъ; что старый строй, который, несмотря на неурядицу переходной эпохи, въ которой зародился, владычествовалъ въ этомъ мірѣ безраздѣльно, теперь былъ пораженъ на смерть. Онъ ощутилъ приближеніе конца и не жалѣлъ о смерти. Погружаясь все больше и больше въ глубокое уныніе, онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ и умеръ въ лихорадкѣ.

Я посѣтилъ его наканунѣ его смерти. Истомленный, измученный, онъ былъ все тотъ же. Онъ сказалъ мнѣ:

— Общество наше очень больно̀. Все гибнетъ!... Знаете ли, что интернаціоналъ рѣшилъ, чтобы всѣхъ дѣтей помѣчали краснымъ клеймомъ и отнимали у родителей ихъ сейчасъ же послѣ рожденія? *Онъ* также вооружаетъ теперь карлистскія шайки въ Испаніи.... О-о!... Но все равно, у насъ еще остается семейство, это сердце общества; у насъ еще есть армія—рука его; еще посмотримъ....

Припадокъ кашля прервалъ слова его, и онъ потребовалъ платокъ. Дѣвушка, находившаяся въ услуженіи у нихъ почти два года (единственная, которая могла выдержать такъ долго въ домѣ Брафора), Клодина, торопливо принесла ему платокъ. Грозно взглянулъ онъ на нее:

— Вы всегда дѣлаете только глупости! Это нумеръ 10-й, а гдѣ-жь девятый,—мнѣ еще не давали его?

Потребовалось появленіе самой г-жи Брафоръ, которая доказала ему, что девятый нумеръ былъ уже въ употребленіи, и доказала ему это.

— У васъ никогда нѣтъ порядка! проговорилъ онъ.

На слѣдующій день Брафоръ угасъ, предъ смертью пріобщившись святыхъ Таинъ.

Въ послѣдніе годы придирчивъ онъ былъ до крайности: ни жена, ни Клодина не осмѣливались даже рта открыть предъ нимъ, и ежеминутно доставались имъ самыя жестокія ругательства, а иногда что-нибудь и хуже. Несмотря на это, возвращаясь съ его похоронъ, Клодина горько плакала.

— Чего вы плачете? замѣчали ей.—Мало ли онъ васъ тиранилъ?

— Что-жь дѣлать! отвѣчала она, — онъ все-таки не былъ злой человѣкъ, а такъ только, *идеи ужь такія имѣлъ*...

Это послѣднее слово, сказанное Клодиной, гораздо лучше обрисовало Брафора, чѣмъ всѣ пышныя рѣчи, произнесенныя на мо-

Digitized by Google

гилѣ его. Нѣтъ, Брафоръ не былъ злымъ человѣкомъ, а если прибѣгалъ иногда къ крутымъ мѣрамъ и дѣлалъ зло, то только изъ сознанія необходимости этого,—*таково было его убѣжденіе.* Онъ былъ искрененъ, дѣятеленъ, исполненъ прямодушія, храбрости, энергіи, былъ добръ и благороденъ по-своему, и еслибы чувства и воззрѣнія его были иныя, и еслибъ онъ шелъ инымъ путемъ и за иное дѣло, то можно сказать, что это онъ дѣлалъ бы съ такою же энергіей. Для него все опредѣлилось и зависѣло отъ времени, въ которое онъ родился, и отъ полученнаго имъ воспитанія.

Освободившись отъ тирана своего, г-жа Брафоръ не знала, что и дѣлать съ собой. Она такъ привыкла къ ярму, что теперь ей точно чего-то недоставало, чувствовалась пустота, давившая ее. Она отдалась Клодинѣ въ полное распоряженіе и жила маленькою пенсіей, которую получала отъ зятя, такъ какъ Максимиліана и Жоржъ недавно повѣнчались.

Г-нъ де-Лабруа давно уже умеръ, истощивъ преждевременно силы свои развратною жизнью; но Брафоръ упорно и неумолимо отказывалъ въ согласіи на второй бракъ дочери: ни одно изъ писемъ, писанныхъ къ нему ею, не могло смягчить его и никакія извиненія—склонить къ согласію. Когда выставляли ему всѣ вины г. де-Лабруа, онъ отвѣчалъ: обязанность жены—уважать и любить своего мужа и переносить все, что бы мужъ ни дѣлалъ. Признавая себя законнымъ опекуномъ внучки, онъ непремѣнно вырвалъ бы этого ребенка изъ рукъ матери, которую признавалъ недостойною воспитывать его, еслибы зналъ мѣстопребываніе Максимиліаны и еслибы не встрѣтилось крайнихъ затрудненій при розыскахъ. О Максимиліанѣ или о другихъ дѣтяхъ ея онъ запретилъ всѣмъ напоминать ему. «Дочь моя умерла, повторялъ онъ, и послѣ нея осталась мнѣ только одна внучка»; и несмотря на воспоминаніе о катастрофахъ, связанныхъ съ именемъ бывшаго зятя, онъ любилъ величать внучку свою не иначе, какъ mademoiselle де-Лабруа. И въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ остался мученикомъ своихъ убѣжденій. Горячій ревнитель принципа авторитета, онъ много страдалъ за него, а потому былъ щекотливъ и раздражителенъ. Принципъ этотъ по натурѣ своей деликатенъ; отрицаніе для него убійственно; одного простаго слова достаточно, чтобы совсѣмъ сокрушить его... Брафоръ, котораго партизаны новыхъ идей, конечно, назовутъ деспотомъ, можетъ по многимъ причинамъ, повторяю это,—быть признанъ мученикомъ вѣры своей.

Digitized by Google

Онъ умеръ на семьдесятъ второмъ году жизни; жизнь не могла больше ничего дать ему, кромѣ огорченій и разочарованій. Поколѣніе его (въ нравственномъ смыслѣ) далеко еще не угасло, но, можетъ-быть, не далекъ конецъ его преобладанія, или, можетъ-быть, и по всей вѣроятности, не облачится ли оно въ новыя формы? Для насъ же въ этой вѣрной исторіи единственною цѣлью было желаніе выставить въ истинномъ свѣтѣ характеръ, такъ часто не признанный и не оцѣненный по достоинству среди сумятицы нашихъ печальныхъ временъ, объяснить его по возможности и возстановить по крайней мѣрѣ хоть главную характерную черту его—добросовѣстность.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

# ВОПРОСЪ

## О

# ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ПОПЕЧЕТЕЛЬСТВАХЪ.

Сила въ насъ будетъ, только бы
не забывалось братство.
*А. Хомяковъ.*

## I.

Когда рѣчь заходитъ о различныхъ реформахъ нашей общественной жизни, то нерѣдко приходится и читать и слышать горькія жалобы на то, что многія изъ новыхъ учрежденій идутъ вяло и далеко не оказываютъ того обновляющаго вліянія на нашу жизнь, какое отъ нихъ ожидается; что общество съ своей стороны относится къ нимъ формально, холодно и т. д. Но если и остальныя наши новыя учрежденія и порядки не свободны отъ упрека въ нѣкоторой вялости и косности, то по отношенію къ церковно-приходскимъ попечительствамъ онъ вполнѣ справедливъ и приложимъ въ полной силѣ. Ходъ и развитіе этого полезнаго и важнаго дѣла—слишкомъ медленны и неутѣшительны. Положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ Высочайше утверждено еще въ 1864 году; времени поэтому прошло уже очень достаточно для того, чтобъ это учрежденіе прочно принялось и принесло плоды, но на самомъ дѣлѣ этого далеко нѣтъ. Не говоримъ уже о внутренней жизни этого учрежденія, о вліяніи и живомъ воздѣйствіи его на общественную жизнь, чѣмъ должно измѣряться, по-настоящему, достоинство и значеніе всякаго общественнаго учрежденія,—апатія, вялость даже внѣшней дѣятельности большей части попечительствъ, наконецъ малочисленность ихъ въ сравненіи съ количествомъ приходовъ—ясное доказательство



Digitized by Google

слабости ихъ развитія и очень малаго сочувствія къ нимъ общества. Читаешь извѣстія и отчеты о дѣятельности попечительства—и удивляешься мелочности этой дѣятельности: въ одномъ мѣстѣ колоколъ слили, въ другомъ ограду церковную исправили, въ третьемъ плащаницу новую купили и т. д.—все въ этомъ же родѣ. Исключеніе составляютъ развѣ только нѣкоторыя изъ столичныхъ попечительствъ и весьма рѣдко изъ провинціальныхъ.

Намъ часто приходилось говорить о такомъ печальномъ состояніи попечительствъ съ разнаго рода людьми,—предлагались разныя объясненія несочувственнаго отношенія общества къ попечительствамъ. Другія общественныя учрежденія, говорили, призывая къ себѣ, какъ можно болѣе, добровольное участіе общества, въ то же время требуютъ отъ него этого участія, и обязательно. Земство, новый судъ и т. д., не говоря уже о томъ, что предметы, входящіе въ область ихъ дѣятельности, близки и настоятельно нужны каждому, обязательны для общества: кто обязанъ являться въ нихъ въ качествѣ представителя общества, тотъ волей-неволей долженъ явиться. Конечно, если не будетъ и здѣсь искренняго и добровольнаго общественнаго сочувствія и участія,—дѣло не пойдетъ хорошо; но оно все-таки, хоть вяло, хоть какъ-нибудь, да пойдетъ.... Здѣсь, очевидно, спасеніе ожидается отъ принудительно-полицейскихъ мѣръ. Существуютъ и идутъ довольно удовлетворительно нѣкоторыя изъ общественныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ частной иниціативѣ, но это, говорятъ, преимущественно тѣ, которыя вызваны какими-нибудь практическими жизненными потребностями и имѣютъ своею задачей удовлетвореніе практическихъ интересовъ, которыя, наконецъ, доставляютъ прибыль людямъ, создавшимъ ихъ. Здѣсь все сводится, очевидно, къ практическому утилитаризму, столь любезному людямъ нашего времени. Попечительства приходскія имѣютъ болѣе всего сходства съ такъ-называемыми филантропическими или благотворительными учрежденіями. Нельзя сказать, чтобы послѣднихъ было у насъ много, чтобъ они дѣйствовали со всей энергіей, и чтобы въ нихъ принимало живое участіе все общество; по большей части они обязаны своимъ происхожденіемъ частной иниціативѣ, и дѣятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ личныхъ качествъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ этихъ учрежденій и руководящихъ ими: но все-таки, сравнивая эти учреж-

Digitized by Google

денія съ церковными попечительствами, нельзя не признать, что развитіе ихъ несравненно шире и дѣятельность ихъ несравненно энергичнѣе и плодотворнѣе. Это объясняютъ,—и такія объясненія намъ приходилось слышать но большей части отъ лицъ духовнаго званія,—несочувствіемъ современнаго общества къ религіи и духовенству вообще. Не сочувствуя религіи, оно не желаетъ и сосредоточивать свою благотворительность около церкви и совершать ее подъ покровомъ вѣры и церкви, и потому предпочитаетъ благотворить во имя филантропіи,—благотворить открыто, удовлетворяя своему тщеславію,—для чего попечительская благотворительность, очевидно, не пригодна.... Здѣсь корень зла видятъ въ безбожіи и невѣріи, которыя такъ часто и обычно приписываются современному обществу. Много и еще говорится по этому поводу; но довольно и этого, чтобъ оцѣнить по достоинству тѣ соображенія, которыми обыкновенно объясняется слабость развитія церковныхъ попечительствъ.

Въ этихъ объясненіяхъ, быть-можетъ, и есть нѣкоторая доля правды, но во всякомъ случаѣ такъ широко обобщать ихъ, какъ это дѣлается, и видѣть въ нихъ совершенно основательное и удовлетворительное объясненіе общественнаго несочувствія къ попечительствамъ и крайне слабаго и медленнаго развитія ихъ—по меньшей мѣрѣ несправедливо. На всякое благое дѣло русскій народъ готовъ и доброхотенъ; онъ благотворитъ не только своимъ, но и чужимъ,—благотворитъ не по приказу. а по доброй волѣ, удѣляетъ часто не отъ избытка даже, а отдаетъ послѣднее, и это должно сказать особенно о простомъ народѣ, который, конечно, долженъ составлять главную силу попечительствъ. Что же касается до нежеланія русскаго народа благотворить подъ покровомъ вѣры и церкви, то это,—не во гнѣвъ будь сказано,—уже просто клевета. Если во имя чего, такъ именно во имя вѣры, «во имя Христово», охотнѣе и скорѣе всего совершается всякое доброе дѣло русскаго человѣка. Нужно мало-мальски только знать исторію своего народа, чтобы признать несомнѣннымъ фактомъ, что вѣра и церковь были самымъ могущественнымъ мотивомъ въ жизни народной, что во имя религіи совершались не только дѣла благотворительности, но даже великіе подвиги гражданскіе и политическіе; во имя вѣры народъ не разъ отстаивалъ даже свое отечество отъ внѣшнихъ враговъ; въ своей вѣрѣ русскій народъ не разъ находилъ утѣшеніе и энергію въ самыя трудныя ми-

Digitized by Google

нуты своей политической жизни.... И послѣ этого еще повертывается языкъ говорить, что отъ того плохо идутъ попечительства, что русское общество не желаетъ въ своей благотворительной дѣятельности становиться подъ сѣнь своей церкви!... Итакъ, отчего же плохо идутъ наши попечительства церковныя?—Отъ несочувствія къ нимъ общества, говорятъ. А отчего не сочувственно къ нимъ относится общество,—то самое общество, которое въ другихъ случаяхъ готово помочь всякому доброму начинанію, по крайней мѣрѣ сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ?... Церковныя попечительства по своей идеѣ и по своей цѣли—дѣло доброе и близко касающееся интересовъ самого общества. Предположимъ даже, что общество имѣетъ весьма смутное представленіе о нихъ; но и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія у него есть, въ пользѣ этого учрежденія оно не можетъ сомнѣваться... Очевидно, тутъ что-нибудь да не такъ. Вотъ въ разъясненіе этого недоумѣнія намъ и желалось бы представить здѣсь свои соображенія.

По нашему мнѣнію, причина слабаго общественнаго сочувствія къ попечительствамъ и слабаго развитія ихъ заключается прежде всего—*въ неправильной и узкой постановкѣ ихъ въ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, которыя при введеніи ихъ въ практику еще больше съуживаютъ ихъ и придаютъ имъ крайне-бюрократическій характеръ, лишающій ихъ всякой поддержки и симпатіи общественной.*

Разсматривая Положеніе о попечительствахъ, нельзя не сознаться, что оно не совсѣмъ полно, ясно и отчетливо опредѣляетъ кругъ дѣятельности попечительствъ, а особенно ихъ отношенія къ приходскому духовенству и къ епархіальному начальству. Цѣль учрежденія приходскихъ попечительствъ въ Положеніи о нихъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «Для попеченія о благоустройствѣ и благосостояніи приходской церкви и причта въ хозяйственномъ отношеніи, а также объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительныхъ дѣйствій въ предѣлахъ прихода, учреждаются приходскія попечительства изъ лицъ, отличающихся благочестіемъ и преданностію вѣрѣ православной»,—гласитъ 1 ст. Положенія о попечительствахъ (ср. ст. 5). Цѣль, конечно, добрая, но суть дѣла не въ этомъ. Устройство приходскихъ попечительствъ Положеніе предоставляетъ епархіальному архіерею при ближайшемъ содѣйствіи мѣстнаго духовенства; высшій надзоръ, контроль попе-

Digitized by Google

чительствъ и разрѣшеніе всякаго рода недоумѣній предоставлены также эпархіальной власти; словомъ, попечительства вполнѣ подчинены этой власти. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается какъ нельзя болѣе неправильная и недостаточно-широкая постановка вопроса о попечительствахъ. Ни для кого не тайна, что наше епархіальное управленіе,—и даже пожалуй болѣе, чѣмъ всякое другое,—имѣетъ характеръ канцелярскій, бюрократическій, который безъ сомнѣнія весьма невыгодно отзывается на церковной и вообще религіозной жизни нашего отечества, сковывая въ мертвую, приказную форму живое, внутреннее и, по преимуществу, свободное служеніе Богу. Такое положеніе дѣлъ, конечно, не могло не отозваться вредно и на отношеніяхъ духовенства къ прихожанамъ; духовенство въ глазахъ послѣднихъ стало чѣмъ-то въ родѣ чиновниковъ, обязанныхъ отправлять извѣстнаго рода службу, исправлять извѣстныя *требы*, за которыя прихожане обязаны въ свою очередь давать извѣстную плату. Внутренняя связь, чисто-нравственныя и духовныя отношенія, которыя должны были бы выходить изъ самой сущности дѣла, прервались и даже стали невозможны. Такой общій характеръ дѣятельности духовенства и его отношеній къ прихожанамъ необходимо долженъ былъ отразиться и на учрежденіи попечительствъ, и, само собою понятно, отразиться весьма невыгодно; канцелярскія и чисто-внѣшнія мѣры и средства примѣнены были и къ устройству попечительствъ, т. е. къ такому дѣлу, которое, по самому существу своему, должно быть дѣломъ чисто-свободнымъ, исходящимъ изъ сознанія важности и пользы самаго дѣла, и потому дѣломъ добровольнымъ. Въ этомъ весь смыслъ попечительствъ и необходимое условіе ихъ жизненности.

Епархіальное начальство, когда издано было Положеніе о попечительствахъ, циркулярно разослало его ввѣренному духовенству и поручило ему приглашать прихожанъ къ учрежденію попечительствъ. Духовенство, получивши такіе циркуляры, или только приняло ихъ, выражаясь технически, «къ свѣдѣнію», или ограничилось чисто - внѣшнимъ приглашеніемъ къ учрежденію попечительствъ: «получено де-скать новое Положеніе о попечительствахъ,—не хотите ли и вы завести?» А что такое это за учрежденіе, какія его цѣли, назначеніе, польза и т. д.,—это было разъяснено развѣ въ одномъ случаѣ изъ тысячи. Такое небрежное и поверхностное отношеніе духовенства къ столь

Digitized by Google

близкому для него дѣлу объясняется отчасти неяснымъ пониманіемъ самимъ духовенствомъ истиннаго смысла и важности этого учрежденія, что́ при настоящихъ условіяхъ нисколько не удивительно, а отчасти *невыгодой* этого учрежденія для духовенства. Попечительство естественно должно будетъ внести нѣкоторый контроль въ распоряженіе церковнымъ имуществомъ и вообще ограничить произволъ духовенства въ распоряженіи церковными суммами, которыя до сихъ поръ находились всецѣло въ рукахъ духовенства. Прежняя фиктивная отчетность причтовъ по церковнымъ суммамъ становится теперь, естественно, уже не совсѣмъ удобна, а расходы изъ этихъ суммъ, при отсылкѣ напр. метрикъ и другихъ документовъ въ консисторію, при пріемѣ благочиннаго и т. п., пожалуй, уже и совсѣмъ невозможны. Доходы собственно церковные при этомъ также неизбѣжно должны сократиться, и весьма значительно, потому что прихожане свои пожертвованія охотнѣе отдавали бы въ попечительство, такъ какъ этимъ путемъ жертвы ихъ удобнѣе и прямѣе достигали бы своей цѣли. Попечительство, давая возможность мірянамъ-прихожанамъ принимать ближайшее участіе въ дѣлахъ церковныхъ, могло до нѣкоторой степени контролировать и дѣятельность самого духовенства, его отношенія къ прихожанамъ, исполнительность по службѣ, взиманіе платы за требы, которое иногда очень походитъ на вымогательство (напр. при бракахъ, гдѣ почти всегда придираются къ незнанію брачущимися символа вѣры и молитвъ, съ цѣлью возвысить плату за бракъ) и т. д. Наконецъ, попечительство можетъ влiять и на самое поведеніе духовенства, которое во многихъ отношеніяхъ далеко не безупречно. Все это вмѣстѣ взятое, конечно, не могло располагать духовенство къ дѣятельной и энергической пропагандѣ въ пользу церковныхъ попечительствъ и устройству ихъ на началахъ свободныхъ и чуждыхъ бюрократіи братствъ. Поэтому и сущность попечительствъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ прихожане поняли какъ обязательство вносить извѣстную подать и дѣлать извѣстныя пожертвованія; а такъ какъ всякихъ поборовъ и сборовъ на прихожанахъ лежитъ и безъ того уже слишкомъ много, то, разумѣется, этотъ новый поборъ былъ принятъ ими съ неудовольствіемъ или даже и страхомъ. Да при данныхъ условіяхъ пожертвованія эти не могли не показаться прихожанамъ даже странными и ненужными. Пожертвованія, собираемыя попечительствами, назначаются для

Digitized by Google

благоустройства церкви, улучшенія быта духовенства, на заведеніе школъ, больницъ и т. д. Прихожане, естественно, недоумѣваютъ, «какъ же это такъ? Да развѣ мы не заботимся и теперь о благолѣпіи своего храма, развѣ каждый изъ насъ, идя въ храмъ Божій, не несетъ въ него свою трудовую копѣйку по силѣ возможности? Развѣ мы не поимъ, не кормимъ свое духовенство? Развѣ мы не даемъ ему и деньгами, и натурой? Видно еще больше захотѣли *). Школы, больницы?!... Да на это же дѣлаетъ сборъ и земство. Вонъ оно и лекаря къ намъ присылаетъ, и фельдшеръ у насъ есть. Ужь коли жертвовать, такъ лучше въ одно мѣсто». Такія разсужденія со стороны прихожанъ намъ не разъ приходилось слышать, и, согласитесь сами, при данныхъ обстоятельствахъ удовлетворительно отвѣтить на нихъ не легко. Поэтому не мудрено, что многіе прихожане посмотрѣли на попечительства какъ на затѣю духовенства, изъ которой оно хочетъ извлечь свою выгоду. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, сравнительно впрочемъ очень немногихъ, дѣйствительно удалось открыть попечительства; но этому, въ большинствѣ случаевъ, помогли совершенно случайныя обстоятельства. Открытіе ихъ было дѣломъ по большей части не многихъ лицъ,—или бойкаго и вліятельнаго священника, или, что еще чаще, какого-нибудь богатаго прихожанина-купца или барина, при чемъ всегда почти не послѣднюю роль играетъ самолюбіе, желаніе стоять на виду, предсѣдательствовать въ попечительствѣ, получить медаль и т. д., подобно тому, какъ это же побужденіе и желаніе носить шитый кафтанъ и шпагу заставляетъ многихъ богатыхъ купцовъ принимать на себя должности почетныхъ блюстителей учебныхъ заведеній, членовъ тюремныхъ комитетовъ и т. п. Дѣятельность всѣхъ почти открытыхъ попечительствъ также очень узка и слаба. Мы нисколько, разумѣется, не хотимъ этимъ сказать, что всѣ попечительства открылись такимъ именно способомъ и всѣ имѣютъ такой именно характеръ; есть между ними, конечно, и дѣятельныя и чуждыя всякихъ постороннихъ цѣлей, но это рѣдкія исключенія, это — капля въ морѣ; мы говоримъ здѣсь о большинствѣ, объ общихъ мотивахъ происхожденія попечительствъ и объ общемъ ихъ характерѣ.

Духовное начальство и вообще духовенство своимъ отноше-

---

*) Припомните очень распространенную въ народѣ поговорку: «попы дерутъ съ живаго и съ мертваго».

Digitized by Google

ніемъ къ открытымъ уже попечительствамъ не только не способствовали ихъ развитію, но скорѣе ослабляли и парализовали ихъ дѣятельность, и такимъ образомъ отбивали у другихъ охоту поддерживать ихъ, а тѣмъ больше открывать новыя. Предоставляя починъ въ дѣлѣ учрежденія попечительствъ епархіальному начальству, Положеніе и контроль надъ ними предоставляетъ тому же начальству: по крайней мѣрѣ, въ Положеніи есть такія статьи, которыя даютъ возможность этому начальству вмѣшаться въ попечительскія дѣла всегда, когда только это будетъ нужно. «Устройство приходскихъ попечительствъ, на основаніи Положенія (о нихъ), предоставить распоряженію епархіальныхъ архіереевъ» (мнѣніе госуд. совѣта 18 іюля 1864 г.). «Время засѣданій попечительствъ, порядокъ ихъ занятій, раздѣленіе обязанностей между членами и т. п. опредѣляются самими попечительствами, съ доведеніемъ *въ потребныхъ случаяхъ* до свѣдѣнія епархіальныхъ архіереевъ» (Полож. о попеч., ст. 4). «По предметамъ, *превышающимъ права попечительства* и общаго собранія прихожанъ, равно и *въ сомнительныхъ случаяхъ*, попечительство предоставляетъ епархіальному архіерею, на разрѣшеніе или для сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ» (ст. 14). Указанныя статьи Положенія, очевидно, весьма неопредѣленны и даютъ полную возможность епархіальной власти вмѣшиваться въ дѣла попечительствъ, если только это будетъ ей угодно и желательно. Посредствующимъ органомъ для сношеній попечительства съ епархіальнымъ начальствомъ, а равно и представителемъ его интересовъ служитъ духовенство. Поэтому, въ случаѣ несогласія духовенства съ дѣйствіями и распоряженіями попечительства, въ случаѣ споровъ и столкновеній,—а несогласія и столкновенія эти при существующихъ условіяхъ возможны очень часто,—*потребныхъ случаевъ* доведенія до свѣдѣнія епархіальныхъ архіереевъ и предметовъ, *превышающихъ права попечительства*, а равно и *сомнительныхъ случаевъ*, которые слѣдуетъ представлять на расмотрѣніе и рѣшеніе архіерея, можетъ быть очень много. Въ какомъ направленіи и въ чью пользу они будутъ разрѣшаться тогда—это также не трудно видѣть. При такихъ условіяхъ если и возможно учрежденіе попечительствъ, то въ нихъ по необходимости должны вноситься рознь и раздѣленіе, а слѣдовательно и парализоваться всякая полезная ихъ дѣятельность и всякое значеніе. Дѣйствительно, на самыхъ же первыхъ порахъ существованія попечительствъ въ нихъ внесенъ былъ

Digitized by Google

мертвый бюрократическій порядокъ. Хотя Положеніе и требуетъ, чтобы попечительства «вели свои дѣла съ необходимою гласностью, устраняя всякія излишнія формальности» (ст. 8), но на первыхъ же порахъ стали требовать отъ нихъ репортовъ, донесеній и т. п., и такимъ образомъ ограничивать и тормозить ихъ дѣятельность. Не говоримъ уже о другихъ вредныхъ сторонахъ такого порядка,—одна уже проволочка и медленность переписки не могли не парализовать всякую живую дѣятельность, всякую энергію попечительствъ. Но самымъ сильнымъ ударомъ для попечительствъ, который долженъ окончательно уничтожить ихъ,—это распоряженіе духовнаго начальства, изданное въ 1869 г., которое разъяснило, что въ распоряженіе попечительствъ должны поступать только средства и суммы, пожертвованныя прихожанами особо и спеціально въ попечительство; всѣ же остальныя церковныя суммы по-прежнему остаются въ полномъ распоряженіи мѣстнаго духовенства,—до нихъ попечительству нѣтъ никакого дѣла. Намъ кажется, что между этимъ распоряженіемъ и учрежденіемъ попечительствъ есть внутреннее противорѣчіе,—это значитъ допускать status in statu *). Тутъ одно изъ двухъ: или прихожане не станутъ ничего жертвовать особо въ церковь, а будутъ отдавать всѣ свои пожертвованія въ попечительство для того, чтобъ имѣть возможность распоряжаться своими пожертвованіями свободно, по-своему усмотрѣнію, и употреблять *всѣ свои* пожертвованія на пользу своего храма и прихода,—и это, конечно, прихожане предпочтутъ сдѣлать,—въ такомъ случаѣ доходы собственно церковные должны упасть до крайняго minimum'а; или въ пожертвованіяхъ этихъ они будутъ искать единственно только удовлетворенія своего личнаго религіознаго чувства: «всякая жертва Богу пошла, Богъ ее видитъ», все равно,—въ такомъ случаѣ попечительства будутъ излишни: лучше безъ хлопотъ все отдать въ церковь, предоставивши распоряженіе пожертвованіями всецѣло духовенству, что̀ впрочемъ менѣе вѣроятно, чѣмъ первое предположеніе. При такомъ

*) Мы очень хорошо знаемъ употребленіе нѣкоторыхъ церковныхъ доходовъ, именно свѣчнаго напр. дохода: авторъ самъ воспитывался на эти деньги. Но тѣмъ не меньше, въ виду злоупотребленій этимъ доходомъ, въ виду того недовольства, съ которымъ прихожане смотрятъ на отсылку свѣчныхъ доходовъ, въ виду и другихъ еще болѣе важныхъ неудобствъ, отсюда происходящихъ,—нельзя не пожелать измѣненія свѣчной операціи. Для образованія и приготовленія пастырей церкви долженъ быть найденъ другой источникъ.

Digitized by Google

положеніи дѣлъ есть и еще одна положительная несообразность въ дѣятельности попечительствъ. Ближайшимъ, да, можно сказать, и единственнымъ источникомъ денежныхъ и вообще матеріальныхъ средствъ для приходскихъ попечительствъ полагаются добровольныя пожертвованія отъ прихожанъ и отъ постороннихъ (ст. 6). Само собою понятно, что жертвовать могутъ и не всѣ прихожане,—да на дѣлѣ такъ оно, конечно, и будетъ. Между тѣмъ, по окончаніи года, попечительства должны отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ завѣдываемыхъ ими суммахъ и имуществѣ общему собранію, отъ котораго зависитъ опредѣленіе порядка отчетности и повѣрка оной (ст. 8); а общее собраніе составляется изъ всѣхъ домохозяевъ прихода и изъ прихожанъ, домами въ приходѣ не владѣющихъ, но имѣющихъ, по закону, право участвовать въ собраніяхъ мѣстнаго городскаго или сельскаго общества, или же кто принадлежитъ къ дворянскому собранію—въ собраніяхъ дворянства, а также изъ прочихъ прихожанъ, коихъ приходское попечительство признаетъ полезнымъ пригласить, и всѣ эти лица участвуютъ въ собраніи съ правомъ голоса (ст. 9). На какомъ же основаніи будутъ имѣть здѣсь право голоса тѣ изъ прихожанъ, которые, быть-можетъ, совершенно не участвовали въ попечительскихъ приношеніяхъ и пожертвованіяхъ, для которыхъ попечительство—дѣло совершенно чуждое? Пріятно ли это будетъ дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ членамъ и вкладчикамъ попечительства, если въ ихъ дѣятельность будутъ вмѣшиваться люди посторонніе для нихъ? Не будетъ ли это обстоятельство источникомъ несогласій и препирательствъ? Во всѣхъ обществахъ и общественныхъ учрежденіяхъ право голоса въ дѣлахъ этихъ учрежденій даетъ дѣйствительное участіе въ средствахъ, на которыя эти общества существуютъ. Церковно-приходскія попечительства въ настоящемъ своемъ видѣ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, возникающихъ по частной иниціативѣ, а потому въ организаціи и въ управленіи своими дѣлами они не должны отличаться отъ послѣднихъ. Другое дѣло, конечно, было бы, еслибы приходъ нашъ представлялъ совершенно самостоятельную, самоуправляющуюся въ своихъ дѣлахъ общину, тогда, конечно, ничего нельзя было бы сказать противъ участія всѣхъ прихожанъ въ завѣдываніи и управленіи дѣлами этой общины.

Раздѣленіе церковныхъ суммъ и отдача большей части ихъ

Digitized by Google

въ исключительное завѣдываніе духовенства и духовнаго начальства не могутъ, конечно, не возбуждать въ прихожанахъ неудовольствія и не могутъ способствовать развитію попечительствъ. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, придетъ охота отдать въ чужое распоряженіе свое собственное добро, свою жертву, которую ему хотѣлось бы употребить по своему усмотрѣнію? Намъ очень часто случалось, по крайней мѣрѣ, и лично видѣть, и отъ другихъ слышать и, наконецъ, читать, что во многихъ приходахъ, гдѣ старосты церковные грамотные и толковые, а тѣмъ болѣе люди образованные, часто происходятъ у нихъ съ духовенствомъ столкновенія и препирательства по поводу расходованія и употребленія церковныхъ суммъ *). Если же такіе случаи сравнительно и рѣдки, то это объясняется главнымъ образомъ неразвитостью и безграмотностью большей части церковныхъ старостъ, особенно по селамъ, которые находятся поэтому совершенно въ рукахъ духовенства **). Да и резона нѣтъ никакого однимъ и тѣмъ же лицамъ и для однѣхъ и тѣхъ же цѣлей заводить двѣ кассы—и изъ нихъ главную, болѣе вѣрную и богатую отдавать въ чужое завѣдываніе и распоряженіе. Наконецъ, тогда большая часть попечительствъ, особенно сельскихъ, будетъ имѣть чрезвычайно малыя средства. Большинство нашихъ приходовъ и прихожанъ состоитъ изъ людей простаго и вообще податнаго сословія, во всякомъ же случаѣ это—большая и болѣе активная часть прихода; но вѣдь нельзя представлять народъ какой-то неизмѣримою бочкой, изъ которой черпай—не вычерпаешь; не можетъ же онъ давать постоянно и на свои, и на чужія надобности, въ свое и чужое (это гораздо чаще) распоряженіе,—и безъ того вся тяжесть всякаго рода податей и поборовъ лежитъ слишкомъ неравномѣрно на немъ ***). Считая долгомъ своей со-

*) О подобныхъ столкновеніяхъ въ Калужской и Московской епархіяхъ, напр., недавно было заявлено въ газетѣ «Современность», 1872 г., № 27.

**) Мы знаемъ, впрочемъ, одинъ случай, что даже въ самой Москвѣ въ одномъ и довольно видномъ приходѣ староста былъ неграмотный. Это было всего лѣтъ около 6 назадъ.

***) Прихожане, по большей части, сами того не зная, несутъ весьма значительный особый еще налогъ въ пользу духовенства, давая средства для воспитанія и обученія ихъ дѣтей, такъ какъ духовно-учебныя заведенія содержатся главнымъ образомъ на церковныя суммы. Съ преобразованіемъ этихъ заведеній взносы отъ церквей весьма значительно увеличились и постоянно увеличиваются.

Digitized by Google

вѣсти сдѣлать пожертвованіе на храмъ Божій и убѣжденный въ томъ, что его пожертвованіе Богъ видѣлъ и принялъ, хотя бы люди сдѣлали изъ него и другое употребленіе, прихожанинъ, естественно, тогда не будетъ расположенъ къ новымъ пожертвованіямъ,—да ему и нечего больше жертвовать. Во всякомъ же случаѣ тогда средства попечительствъ, за немногими исключеніями, будутъ весьма ничтожны, чтобъ они могли имѣть какое-нибудь важное значеніе для прихода.

Сдѣланныя выше замѣчанія о церковныхъ попечительствахъ въ настоящемъ ихъ видѣ могутъ служить уже нѣкоторымъ отвѣтомъ на вопросы, почему плохо идутъ наши попечительства, и кто виноватъ въ этомъ. Но этимъ, по нашему мнѣнію, не только не исчерпывается вопросъ о нихъ, но и не затрогивается даже самая суть дѣла.

## II.

Во всякомъ дѣлѣ общественномъ важна не столько внѣшняя сторона дѣла, внѣшняя его организація, сколько внутренніе его мотивы, его, такъ-сказать, *живая душа*. То же и съ попечительствами. Цѣль попечительствъ, по Положенію о нихъ, чисто благотворительная: дѣятельность ихъ ограничивается только матеріальнымъ пособіемъ нуждамъ храма, причта и прихода. Но для того, чтобы на какое-нибудь дѣло нашлись доброхотные датели, для того, чтобъ общественная благотворительность приняла болѣе широкіе размѣры и не ослабѣла,—нужно привлечь къ этому дѣлу общественное вниманіе и сочувствіе, нужно, чтобъ общество убѣждено было въ важности и пользѣ его для себя, и потому вмѣнило себѣ въ нравственную обязанность и долгъ оказывать нравственное и матеріальное пособіе этому дѣлу: только при такихъ условіяхъ общественная благотворительность будетъ обильна, энергична и неоскудѣваема. Отсюда естественно является вопросъ: пользуются ли общественною симпатіей тѣ цѣли, для которыхъ учреждены приходскія попечительства? Сочувствуетъ ли имъ общество на столько искренно и сильно, чтобъ явиться усерднымъ и доброхотнымъ радѣтелемъ на это дѣло, чтобы поспѣшить стать въ число членовъ приходскихъ попечительствъ—и членовъ не номинальныхъ и фиктивныхъ, а дѣятельныхъ и

Digitized by Google

искренно преданныхъ дѣлу? Если нѣтъ, то почему, такъ какъ дѣло, къ которому призывается здѣсь общественное участіе, *само по себѣ дѣло святое и доброе,* и русскій православный народъ не сочувствовать ему не можетъ?... Дать прямой и короткій отвѣтъ на эти вопросы—затруднительно; вмѣсто его является въ головѣ цѣлый рядъ мыслей, которыя мы и изложимъ здѣсь откровенно. Читатель увидитъ, что это не безцѣльное отступленіе отъ дѣла.

Если поближе присмотрѣться къ дѣлу, то церковно-приходскія попечительства въ настоящемъ ихъ видѣ и при настоящихъ условіяхъ—явленіе довольно странное. Цѣль ихъ—благоустройство храма и причта и благотворительность. Но вѣдь объ этомъ же самомъ долженъ заботиться, и дѣйствительно заботится, и *теперешній приходъ*: онъ поддерживаетъ и украшаетъ свой храмъ, содержитъ духовенство и благотворитъ по возможности,—къ чему же особое попечительство?—Ближайшимъ блюстителемъ и распорядителемъ церковнаго хозяйства и церковныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ интересовъ и духовнаго начальства, служатъ мѣстные священно-служители, которые, по Положенію о попечительствахъ,—и непремѣнные члены попечительствъ (ст. 2), чаще же всего и предсѣдатели. Но что же за причина въ такомъ случаѣ раздѣляться, такъ-сказать, на-двое священно-служителямъ? Для чего, съ другой стороны, для одного и того же дѣла существовать двумъ различнымъ органамъ? Не лучше ли соединиться имъ вмѣстѣ? Двѣ силы, соединившись вмѣстѣ, сдѣлаютъ, конечно, больше. Представимъ себѣ еще такой случай (весьма возможный), что при благопріятныхъ условіяхъ и при благоразумномъ и настойчивомъ руководствѣ людей, стоящихъ во главѣ попечительства, оно получитъ сильное развитіе въ приходѣ; прихожане, убѣдившись въ болѣе полезномъ и цѣлесообразномъ употребленіи своихъ пожертвованій, если они идутъ непосредственно въ попечительство, всѣ присоединятся дѣятельно къ попечительству и сюда понесутъ всѣ свои добровольныя даянія,—даже свѣчи церковныя будутъ пріобрѣтать чрезъ посредство попечительствъ. Что тогда станется съ *оффиціальнымъ приходомъ,* и откуда возьмутся тѣ суммы, которыя оставлены въ исключительномъ завѣдываніи духовенства и подлежатъ обязательной отсылкѣ на извѣстное употребленіе? *Приходъ* будетъ тогда, очевидно, только фиктивнымъ понятіемъ безъ содержанія. Въ какое, наконецъ,

Digitized by Google

положеніе станетъ тогда къ попечительству духовенство, въ качествѣ самостоятельнаго и независимаго отъ попечительства и прихода распорядителя церковныхъ суммъ и хозяйства? Вѣдь отъ него по-прежнему будутъ обязательно требовать извѣстнаго взноса изъ церковныхъ суммъ. Положеніе будетъ, очевидно, фальшивое, которое поставитъ въ столкновеніе и вражду двѣ стороны, которыя для правильной дѣятельности и обоюдной пользы, по самому существу дѣла, должны находиться въ полной гармоніи.—Всѣ эти соображенія прямо приводятъ насъ къ такому заключенію, что, для привлеченія общественнаго сочувствія къ дѣлу благотворительности на пользу и имя церкви, нѣтъ надобности придумывать и создавать новыя учрежденія и комбинаціи, нѣтъ надобности заводить разнокалиберныя status in statu,—у насъ есть для этого уже готовая, давнишняя, вѣковая, можно сказать, и самая простая организація—*приходъ или церковная община, группирующаяся около извѣстной церкви*. Какъ ни хитрите, что ни толкуйте, но эта община—единственный источникъ и фондъ церковныхъ доходовъ. Если же сочувствіе и помощь этой общины на пользу церкви и духовенства и на предметы общественной благотворительности недостаточны, то ясно, что это зависитъ отъ неправильной организаціи, отъ неправильныхъ отношеній прихода къ своей церкви и духовенству. Значитъ, чтобы помочь дѣлу, надобно дать этой общинѣ надлежащую организацію, а не довольствоваться полумѣрами—въ родѣ настоящихъ церковно-приходскихъ попечительствъ.

Приходъ нашъ въ настоящемъ своемъ видѣ не составляетъ одного цѣлаго. Отношенія между прихожанами и духовенствомъ у насъ чисто-внѣшнія и крайне неравномѣрныя. Активная роль въ управленіи и распоряженіи дѣлами церковными, не исключая даже и чисто-хозяйственныхъ, принадлежитъ духовенству; отъ прихода же принимаютъ только «пожертвованія», которыя и расходуются духовенствомъ по своему усмотрѣнію. Такія бюрократическія и чисто-чиновничьи отношенія духовенства къ приходу и къ церковному имуществу въ частности, само собою разумѣется, не могутъ возбуждать прихожанъ къ широкой благотворительности на предметы, входящіе въ программу дѣятельности попечительствъ. У кого же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ охота отдавать свои деньги въ руки другаго, когда самъ жертвователь не только не распоряжается ими, но даже и не знаетъ хорошень-

Digitized by Google

ко, куда онѣ дѣваются?... Еще довольно охотно прихожане наши дѣлаютъ приношенія. которыя идутъ непосредственно на нужды церкви и вообще, какъ выражаются они, Богу,—сознавая, съ одной стороны, что жертва Богу не измѣряется количествомъ ея и цѣною, а тѣмъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ, выраженіемъ котораго она служитъ,—а съ другой, что Богъ видитъ и знаетъ эту жертву даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ она, сверхъ чаянія, попала не туда, куда предназначалась жертвователемъ. Поэтому прихожанинъ считаетъ своею обязанностью и свѣчку въ праздникъ поставить, и положить копѣйку-другую, когда староста дѣлаетъ свой обычный обходъ по церкви. При этомъ нельзя не замѣтить, что прихожане по большей части рѣшительно не имѣютъ яснаго понятія объ употребленіи свѣчныхъ доходовъ и вполнѣ увѣрены, что они идутъ собственно на церковь; знай они настоящее употребленіе свѣчной выручки,—она непремѣнно бы уменьшилась. Впрочемъ и при старой системѣ этого дохода онъ никогда и далеко не показывался весь, а шелъ въ значительномъ количествѣ и на церковныя нужды, составляя одну изъ самыхъ значительныхъ статей церковныхъ доходовъ вообще. Но даже и въ пожертвованіяхъ прихожанъ собственно на церковь ярко бросается въ глаза тотъ весьма знаменательный фактъ, что болѣе крупныя пожертвованія въ церковь прихожане дѣлаютъ съ опредѣленною цѣлью и почти всегда сами указываютъ имъ опредѣленное назначеніе, по большей же части жертва бываетъ даже въ видѣ опредѣленныхъ предметовъ: такъ почти всегда денежныя пожертвованія дѣлаются на извѣстный именно предметъ—на покупку колокола, сосудовъ, плащаницы, на устройство иконостаса и т. п., но преимущественно эти предметы пріобрѣтаются и устраиваются самими жертвователями и передаются въ церковь. Это впрочемъ и удобнѣе, потому что для болѣе или менѣе значительнаго расхода церковныхъ суммъ нужно испрашивать разрѣшеніе начальства, при чемъ кромѣ проволочекъ нужно еще заплатить консисторіи, сколько слѣдуетъ. Даже и послѣ этого жертвователь считаетъ себя до нѣкоторой степени хозяиномъ пожертвованнаго предмета: онъ особенно заботится о немъ, принимаетъ въ немъ близкое участіе и, въ случаѣ надобности, поновляетъ и поправляетъ его. Намъ не разъ приходилось слышать, какъ подобные люди дѣлали вопросы и замѣчанія священникамъ, если

Digitized by Google

замѣчали невнимательное или небрежное обращеніе съ своими жертвами. «Вы зачѣмъ, батюшка, не употребляли сегодня при служеніи моихъ сосудовъ?» говорятъ они. «Мой-то образъ, батюшка, прикажите держать почище; а то я посмотрѣлъ сегодня, такъ на немъ пыли-то страсть сколько! Мнѣ это непріятно» и т. п. Очень можетъ быть, что въ подобныхъ случахъ играетъ не послѣднюю роль и человѣческое самолюбіе—желаніе выставить свое пожертвованіе на показъ, видѣть признаніе своей добродѣтели другими и слышать за это людскую похвалу; но, безъ всякаго сомнѣнія, главнымъ образомъ руководитъ здѣсь человѣкомъ вполнѣ естественное желаніе быть хозяиномъ своихъ поступковъ и своего добра и распоряжаться ими по своей волѣ и охотѣ. Стѣсните въ этомъ случаѣ свободу человѣка, заставьте, напр., человѣка сдѣлать другое пожертвованіе, а не то, которое ему хочется,—жертвы если не совсѣмъ прекратятся, то размѣры ихъ непремѣнно сократятся. Такое явленіе весьма знаменательно. Если человѣкъ даже, такъ сказать, и въ спеціально-религіозныхъ пожертвованіяхъ («Богу») заявляетъ желаніе быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей жертвы, хотя въ этомъ здѣсь, съ его же точки зрѣнія, сравнительно и не представляется большой надобности, и если удовлетвореніе этого желанія—необходимое условіе увеличенія пожертвованій, то съ увѣренностью можно сказать, что всѣ другія не прямо и не спеціально религіозныя пожертвованія возможны только подъ условіемъ полнаго самостоятельнаго и свободнаго участія въ распоряженіи ими самихъ жертвователей. Чтобъ открыть, напр., приходскую школу, устроить богадѣльню и т. п., нужны не малыя средства; выпрашивать и собирать на это дѣло съ прихожанъ «ради Христа», по копѣечкамъ,—не скоро насбираешь. Для этого, очевидно, нужно привлечь сюда сочувствіе общества, нужно расположить его такъ, чтобъ оно само шло на встрѣчу и помощь нищетѣ и нуждѣ, а не заставляло выпрашивать у себя по копѣйкамъ. Далѣе, учрежденіе общественныхъ благотворительныхъ заведеній не зависитъ исключительно и не мотивируется прямо только религіей и религіозными потребностями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству, помощь ближнему, просвѣщеніе темнаго человѣка—прямыя требованія религіи и, слѣдовательно, обязанности чисто-христіанскія; но если въ этомъ случаѣ предоставить все дѣло только

Digitized by Google

личному религіозному чувству человѣка, то благотворительность никогда не приметъ широкихъ размѣровъ. Мы на каждомъ шагу, можно сказать, убѣждаемся, что личное религіозное чувство въ дѣлѣ благотворительности въ большинствѣ случаевъ удовлетворяется подачей нуждающимся (собственно нищимъ) грошей и копѣекъ «во имя Христово», а иногда и болѣе щедрой милостыни—и только. Такая благотворительность уже по тому одному не можетъ имѣть большаго значенія, что здѣсь всѣ дѣйствуютъ порознь, въ-раздробь,—тутъ человѣкъ удовлетворяетъ только свою личную потребность, а до другаго ему нѣтъ дѣла. Гроши эти приносятъ незначительную пользу, потому что и даются и получаются порознь, а между тѣмъ еслибы соединить ихъ вмѣстѣ, то они были бы несравненно полезнѣе; соединить же ихъ можно только въ такомъ случаѣ, если сами жертвователи будутъ дѣйствовать вмѣстѣ, согласно и дружно,—словомъ, составятъ изъ себя *самостоятельную общину, братство*, которое само организуетъ свою благотворительность, само назначитъ ей цѣли и само будетъ удовлетворять этимъ цѣлямъ. Тогда къ религіознымъ собственно мотивамъ, благотворительности присоединятся еще другіе, и она получитъ болѣе широкое развитіе. Такимъ образомъ широкая и многоплодная приходская благотворительность, особенно для цѣлей общественныхъ, возможна только тогда, когда къ мотивамъ происходящимъ изъ лучшаго религіознаго чувства, присоединятся мотивы общественные, когда благотворительность эта получитъ болѣе прочную организацію и станетъ совершенно свободна и независима въ своей дѣятельности.

Въ числѣ главныхъ предметовъ попечительской дѣятельности Положеніе указываетъ — попеченіе о благосостояніи церковнаго причта. И по самому существу дѣла, это одна изъ ближайшихъ и, такъ-сказать, спеціальныхъ цѣлей учрежденія попечительствъ. Но въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло, и можно ли надѣяться, при существующихъ порядкахъ, большой пользы отъ попечительствъ въ этомъ случаѣ?—Человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ отношеніями духовенства къ приходу и способами его содержанія, нисколько не затруднится дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Содержаніе духовенства всецѣло зависитъ отъ прихода *). Притомъ, содержаніе это вовсе не опре-

*) Такъ-называемое жалованье духовенству отъ правительства составляетъ только незначительное пособіе духовенству, да и то далеко не во всѣхъ еще



Digitized by Google

дѣлено точно и не обязательно для прихода, а вполнѣ зависитъ отъ доброй воли прихожанъ. Духовенство живетъ положительно и въ строгомъ смыслѣ, *подаяніями*, которыя, притомъ, оно само, *лично*, должно избирать. Въ извѣстное обычное время духовенство отправляется по приходу за сборомъ подаяній, и ходитъ оно въ каждый домъ и нищенски собираетъ копѣйки на свое пропитаніе. Нѣкоторые сборы прикрыты, правда, цѣлями религіозными, напр. хожденіе со святою водой послѣ праздника Богоявленія, слава въ Рождество Христово и т. п.; но это только новидимому, а самый характеръ дѣла отъ этого ничуть не измѣняется, потому что и крестьяне и духовенство главною цѣлію этихъ посѣщеній считаютъ именно сборъ подаяній,—и не будь этихъ подаяній, большая часть подобныхъ посѣщеній, безъ сомнѣнія, была бы оставлена. Да и самая внѣшняя форма этихъ посѣщеній вполнѣ подтверждаетъ такой взглядъ на нихъ, потому что въ нихъ, собственно говоря, религіознаго почти ничего нѣтъ. Придетъ духовенство, положимъ, и съ крестомъ, и со святою водой, пропоетъ тропарь праздника или иной стихъ церковный: пѣніе это въ большинствѣ случаевъ начинается еще въ сѣняхъ до входа въ домъ, такъ что въ домѣ собственно уже допѣвается конецъ стиха, да и самое пѣніе бываетъ такое небрежное и торопливое, что и разобрать бываетъ трудно, что именно такое поется; дастъ священникъ поскорѣе приложиться ко кресту или покропитъ святою водой,—словомъ, исполнитъ торопливо и на скорую руку принятый на извѣстный случай религіозный обрядъ, и сейчасъ же должна слѣдовать расплата, на которую уже обращается несравненно большее вниманіе, чѣмъ на религіозную сторону дѣла: тутъ посмотрятъ, и что именно дается, и много ли, и хорошаго ли качества, если подаяніе натурой,—тутъ иной разъ и поторгуются, и еще припросятъ, и даже поспорятъ и поссорятся, пока дѣло уладится къ обоюдному согласію. И сами крестьяне смотрятъ на эти посѣщенія духовенства точно такъ же. Съ ожиданіемъ священника въ извѣстный праздникъ у нихъ соединяется единственное представленіе объ извѣстномъ сборѣ, и все приготовленіе ихъ къ пріему священни-

---

епархіяхъ, и отнюдь не измѣняетъ существенно способовъ его содержанія. Притомъ же тамъ, гдѣ оно есть, духовенство обязано *безплатно* исполнять всѣ необходимыя требы, которыя составляютъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ доходныхъ статей духовенства.

Digitized by Google

ка состоитъ въ приготовленіи извѣстной дани. Они даже не заботятся сами лично принять въ это время духовныхъ, а приготовивши, что, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ дать, нисколько не стѣсняясь, уходятъ изъ дому, куда имъ нужно, хотя бы даже и въ кабакъ, съ такимъ наказомъ домашнимъ: «придутъ-де попы, такъ отдайте имъ», а другіе даже съ намѣреніемъ уклоняются отъ личной расплаты съ духовенствомъ во избѣжаніе непріятныхъ счетовъ и столкновеній, весьма обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ, требованія прибавки, попрековъ и т. п.; домашнимъ легче тогда отговориться: «не наше дѣло, большака дома нѣтъ, мы ничего не знаемъ; что оставлено, то мы и даемъ, съ него спрашивайте»—обыкновенная въ такихъ случаяхъ отговорка. Бываютъ, наконецъ, и такіе случаи, когда прихожане и прямо уклоняются отъ встрѣчи духовенства, такъ что оно находитъ домъ или совсѣмъ запертымъ, или только малыхъ дѣтей, съ которыхъ взять, конечно, нечего. Въ сельскихъ, особенно, приходахъ такое явленіе не рѣдкость. Приведенные факты ясно показываютъ характеръ сборовъ духовенства и участіе въ нихъ собственно-религіознаго элемента. Характеръ милостыни и подаянія, повидимому, менѣе замѣтенъ въ доходахъ, получаемыхъ духовенствомъ отъ такъ-называемыхъ *требъ*. Это вообще весьма значительная доходная статья духовенства. Въ приходской практикѣ установился, дѣйствительно, обычай обязательно платить духовенству за его требоисправленія, и даже существуетъ опредѣленная такса на всѣ случаи; но вѣдь это только обычай, который легко можетъ измѣниться и совсѣмъ не соблюдаться. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ духовенству дается пособіе отъ правительства, или такъ-называемое жалованье, и гдѣ, поэтому, духовенство обязано даромъ совершать необходимыя требы, крестьяне, при всей своей темнотѣ и при нежеланіи духовенства расшатать это невыгодное для него распоряженіе, даютъ понять, что обязательная плата въ этомъ случаѣ—дѣло не совсѣмъ законное, что если они даютъ ее, такъ только изъ милости, а когда слишкомъ настаиваютъ на прибавкѣ и увеличеніи платы, то они, не обинуясь, совсѣмъ отказываютъ въ ней и даже грозятъ жалобой начальству. Нѣкоторыя требы и таинства даютъ духовенству нѣкоторую возможность даже настаивать на платѣ за нихъ, и чаще всего, напр., совершеніе брака при существующихъ условіяхъ: пользуясь несоблюденіемъ брачущимися нѣкоторыхъ нужныхъ условій, напр., незнаніемъ женихомъ и невѣстой сим-



Digitized by Google

вола вѣры и нужныхъ молитвъ и т. п., духовенство дѣлаетъ нѣкоторыя придирки, съ цѣлію возвысить плату за бракъ; но, во всякомъ случаѣ, это не на столько сильныя основанія, по которымъ бы можно было отказать въ совершеніи таинства: если тутъ и дѣлается уступка, то во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и проволочекъ; при нѣкоторой настойчивости со стороны прихожанъ и особенно угрозѣ призвать участіе начальства, духовенство всегда въ подобныхъ случаяхъ уступитъ. Во всякомъ же случаѣ духовенство не имѣетъ въ своихъ рукахъ никакихъ внѣшнихъ средствъ заставить прихожанъ непремѣнно платить себѣ за требоисправленіе. Представимъ себѣ такой, довольно возможный впрочемъ, случай, что прихожане, если не совсѣмъ прекратили, то понизили до minimum'а плату и вообще подаянія духовенству. Что тогда станетъ дѣлать духовенство? Чѣмъ оно побудитъ прихожанъ платить? Не можетъ же священникъ отказать прихожанину въ совершеніи требы потому только, что тотъ не хочетъ ему платить за это. Значитъ, и этого рода доходъ есть, въ сущности, подаяніе, и это сознаетъ и тотъ, кто даетъ его, и тотъ, кто получаетъ. Есть, наконецъ, у духовенства и еще родъ доходовъ, и довольно значительныхъ, который уже прямо, даже и по внѣшней своей формѣ, имѣетъ характеръ милостыни, подаянія. Мы говоримъ о сборѣ натурою, хлѣбомъ, извѣстномъ подъ именемъ сбора *нови*, который совершается поздней осенью, когда крестьяне уберутся съ хлѣбомъ, и по большей части въ «филиповки». Другіе сборы хотя и неразумно и чисто-внѣшнимъ образомъ соединены съ служеніемъ (точнѣе—съ службой) духовенства, а этотъ и такой связи не имѣетъ. Наступаетъ время, и духовные съ мѣшками потянутся по приходу сбирать хлѣбъ, причемъ за служащимъ духовенствомъ тянется цѣлый хвостъ разныхъ вдовъ, сиротъ и т. п.: сбирающіе ходятъ по домамъ, а иногда и прямо по хлѣбнымъ амбарамъ и даже гумнамъ, если хлѣбъ еще молотятъ,—просятъ и берутъ, кто что дастъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ дѣло не обходится безъ возмутительныхъ сценъ: выпрашиванія, препирательствъ, попрековъ, разныхъ счетовъ и т. п., крайне унижающихъ духовенство въ глазахъ прихожанъ.

Выводъ изъ всего сказаннаго о доходахъ духовенства и о способахъ ихъ собиранія понятенъ: всѣ они имѣютъ характеръ милостыни, подаянія, удѣляемаго ему приходомъ и собираемаго самимъ духовенствомъ по частямъ, по копѣйкамъ, по фунтамъ,

Digitized by Google

а слѣдовательно, и все содержаніе духовенства не имѣетъ ничего прочнаго и подвержено всѣмъ случайностямъ милостыни.

Такой способъ содержанія духовенства представляетъ большія неудобства и невыгоды даже и въ матеріальномъ отношеніи. Содержаніе, получаемое случайно и по мелочамъ, не позволяетъ вести правильнаго хозяйства: получаемое по мелочамъ, оно и тратится по мелочамъ; для того, чтобы сдѣлать значительную затрату при такомъ хозяйствѣ, нужно или долго-долго копить и собирать по мелочамъ, или войдти въ долгъ.... Но несравненно важнѣе и существеннѣе нравственный вредъ, отсюда происходящій. Такія зависимыя, и зависимыя въ самыхъ существенныхъ нуждахъ, отношенія духовенства къ приходу рѣшительно роняютъ его въ глазахъ прихожанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то высокое служеніе, къ которому оно призвано. Плата, и притомъ по положенной таксѣ, за всякое священнодѣйствіе,—священнодѣйствіе, часто освящающее важнѣйшій и священнѣйшій актъ въ жизни человѣка или семейства,—плата, вносимая тотчасъ же послѣ совершенія этого священнодѣйствія, и при этомъ торговля, такъ-сказать, въ самомъ святилищѣ, видимый разсчетъ и заботы духовенства, очень ясно выступающія наружу при совершеніи даже важнѣйшихъ христіанскихъ священнодѣйствій получить плату за это дѣло,—не могутъ не имѣть въ глазахъ человѣка даже и съ не слишкомъ высоко-развитымъ религіознымъ чувствомъ видъ торговли святынею, а самъ священникъ—не пастыря христіанскаго, по сознанію святости своего долга, совершающаго священнодѣйствіе, а наемника, служащаго за плату.... Приниженное, придавленное положеніе пастыря, когда онъ чувствуетъ свою зависимость даже въ самыхъ необходимѣйшихъ вещахъ отъ послѣдняго прихожанина, когда всякій можетъ дать почувствовать ему эту зависимость, и даже иногда самымъ грубымъ образомъ, само собою разумѣется, не можетъ придать ему должнаго авторитета въ глазахъ прихожанъ и внушить ту мужественную и благородную независимость и смѣлость, съ которою онъ обязанъ, по долгу своего служенія, учить, наставлять и обличать своихъ пасомыхъ и вообще руководить нравственно-религіозною жизнію ихъ. При такихъ условіяхъ, естественно, не можетъ быть высокъ нравственный уровень жизни и самого духовенства; при такихъ условіяхъ нисколько не удивительны, а, напротивъ, вполнѣ естественны тѣ недостатки и, пожалуй, даже безобразія въ жизни духовенства, на которыя такъ любятъ ука-

Digitized by Google

зывать иные,—*соль земли буяетъ*. Но справедливость требуетъ сказать, что возлагать въ этомъ случаѣ всю отвѣтственность исключительно на духовенство будетъ несправедливо. При такой обстановкѣ и при такихъ общественныхъ условіяхъ и со всякимъ другимъ сталось бы то же самое. Не даромъ еще Петръ Великій призналъ неразумными существующіе способы содержанія духовенства и въ своемъ Регламентѣ предполагалъ уничтожить плату за мірскія требы, находя ее вредною и несообразною съ тѣмъ служеніемъ, къ которому призвано духовенство (Дух. Реглам., ч. III, §§ 13 и 22). Такое же мнѣніе, только еще опредѣленнѣе, высказалъ и комитетъ о преобразованіи духовныхъ училищъ 1807—9 гг. Находя плату за мірскія требы несправедливою даже въ экономическомъ отношеніи, потому что она падаетъ неравномѣрно на приходъ и зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ жизни человѣка, а потому можетъ быть отяготительна для людей недостаточныхъ, комитетъ говоритъ: «самое существо сихъ доходовъ (платы за мірскія требы) подвержено весьма важнымъ неудобствамъ. Сборъ за мірскія требы поставляетъ священника въ непрерывное состязаніе съ тѣми самыми лицами, коихъ любовь и уваженіе ему наиболѣе нужны» («Прав. Обозр.», январь 1872 г., стр. 169) *). Кто же виноватъ въ томъ, что средства содержанія духовенства со временъ Петра Великаго нисколько не измѣнились, по крайней мѣрѣ *реальное*, а не бумажное улучшеніе быта духовенства почти нисколько не подвинулось впередъ?—Ужь, конечно, не одно духовенство. Такое положеніе дѣлъ создано исторіей и притомъ въ очень длинный періодъ времени.

При такихъ условіяхъ сколько-нибудь серьезнаго улучшенія быта духовенства отъ настоящихъ попечительствъ ожидать нельзя. Не только усилить и увеличить содержаніе духовенства они не могутъ, но даже придать болѣе правильную и разумную организацію полученію теперешнихъ доходовъ,—за одно ужь это духовенство было бы очень благодарно,—они не въ состояніи; потому что для этого нужно согласіе и участіе всего прихода и болѣе энергическое и дѣятельное вліяніе, чѣмъ какое имѣютъ теперешнія попечительства—дѣло по большей части немногихъ

*) Подробнѣе см. въ сочиненіи барона Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго», принимавшаго, какъ извѣстно, близкое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ этого комитета.

Digitized by Google

лицъ. Попечительства могутъ оказывать духовенству развѣ только частную и случайную помощь; но, отъ этого, во-первыхъ, характеръ доходовъ духовенства и способъ ихъ собиранія нисколько не измѣнится, а во-вторыхъ помощь эта никакъ не можетъ быть значительна. Главнымъ предметомъ своей заботы попечительства обыкновенно поставляютъ—матеріальное благоустройство и украшеніе храма, и потому всѣ свои средства употребляютъ на этотъ предметъ, допуская въ этомъ случаѣ даже излишества, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ за этими цѣлями забываютъ болѣе важныя дѣла. Прихожане скорѣе выстроятъ большую колокольню, купятъ большой колоколъ, чѣмъ заведутъ школу или богадѣльню; такъ, напр., намъ недавно пришлось прочитать, что одно попечительство Тульской, кажется, епархіи употребило свой капиталъ—1.600 р. (капиталъ для сельской церкви весьма значительный) на устройство каменной ограды вокругъ церкви и на покупку большаго колокола. Ограда-то, положимъ, быть-можетъ и нужна была, а покупку-то большаго колокола уже во всякомъ случаѣ можно было бы отложить до другаго раза, потому что деньги, потраченныя на колоколъ, можно было употребить несравненно полезнѣе и благоразумнѣе,—вѣдь не безъ колокола же была до сихъ поръ церковь. Такихъ фактовъ можно привести сотни. Они очень хорошо характеризуютъ направленіе дѣятельности нашихъ попечительствъ. Заботы же объ улучшеніи быта духовенства, навѣрное можно сказать, стоятъ на самомъ заднемъ планѣ ихъ дѣятельности. Даже съ увѣренностью можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ прихожанами-попечителями и не сознается потребность въ улучшеніи быта духовенства. И это не порядокъ. При весьма невысокомъ сравнительно уровнѣ благосостоянія, при невысокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, а вслѣдствіе этого при весьма незначительномъ размѣрѣ потребностей большинства прихожанъ—и незавидное вообще положеніе духовенства имъ кажется высокимъ и даже завиднымъ. Бѣдному сельскому люду рѣдко приходится видѣть вокругъ себя довольство выше того, какимъ пользуется духовенство, и потому не мудрено, что оно кажется ему идеаломъ. Существуетъ уже въ народѣ много ходячихъ поговорокъ, въ которыхъ выражается именно такой взглядъ на положеніе духовенства. Кромѣ того народъ нашъ мало развитый, занятый исключительно только физическимъ трудомъ и знающій только ему цѣну, предпочтительно только его и цѣнитъ, ему и придаетъ важ-

Digitized by Google

ность; трудъ интеллектуальный, духовный, если можно такъ выразиться, оцѣнитъ онъ мало, а потому и службу духовенства считаетъ легкою; да и само духовенство, относясь къ своему служенію чисто-формальнымъ образомъ, подтверждаетъ такой взглядъ на дѣло. Требо-исправленіе, конечно, легче мужицкой работы. Если еще къ этому присоединить тѣ недостатки, которые замѣчаются въ духовенствѣ, и тѣ неправильныя отношенія между нимъ и приходомъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что прихожане не расположены давать духовенству больше того, что они даютъ ему теперь, и вообще—улучшать его бытъ. Да, наконецъ, и само духовенство, придавленное и приниженное, привыкшее съ давнихъ поръ къ лишеніямъ всякаго рода, весьма ограниченно и невзыскательно въ своей жизни; потребности его весьма не сложны, и обстановка его быта малымъ чѣмъ отличается отъ обстановки самихъ прихожанъ; очень естественно поэтому, что настоящее положеніе духовенства кажется прихожанамъ совершенно удовлетворительнымъ и не нуждающимся въ улучшеніи. Нашъ народъ такъ привыкъ къ бѣдности и нуждѣ, такъ много у него своего горя, и средства его такъ ограничены, что только довольно значительная степень нужды и уже очень близкое ему дѣло могутъ привлечь его дѣйствительную помощь. Итакъ, въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта духовенства на помощь попечительствъ разсчитывать много нельзя.

Когда зашла рѣчь о недостаточномъ сочувствіи и пассивномъ отношеніи прихожанъ къ улучшенію быта духовенства, то при объясненіи этого явленія нельзя пропустить безъ вниманія тѣхъ бюрократическихъ и чисто-внѣшнихъ отношеній духовенства къ приходу, о которыхъ замѣчено выше. Что такое духовенство, что такое священникъ въ настоящемъ своемъ положеніи?—Едва ли больше какъ только чиновникъ, присланный начальствомъ для отправленія извѣстной службы, съ тою только разницей отъ другихъ чиновниковъ, что кругъ его обязанностей шире ихъ и не такъ точно опредѣленъ, и ему не положено за это никакого опредѣленнаго содержанія, какъ другимъ, а онъ долженъ самъ выпрашивать его у тѣхъ, кому служитъ. Не напоминаетъ ли это древняго *кормленія* служилыхъ людей, съ тою опять разницей, что на сторонѣ тѣхъ была сила и власть, которой боялись и слушались, а здѣсь—зависимость и приниженіе? Сколько въ такомъ положеніи священника и духовенства вообще самыхъ вопіющихъ несообразностей и противорѣчій съ его

Digitized by Google

назначеніемъ и идеей его служенія! Даже можно сказать, что духовенство больше всякаго чиновничества отдѣлено отъ остальнаго общества, оно составляетъ особое замкнутое сословіе, касту, со всѣми особенностями и исключительностью такого положенія. Кастичность духовенства совершенно отдѣлила его отъ остальнаго общества, отняла у него и возможность и охоту заниматься общими интересами, лишила его въ свою очередь общественной симпатіи, внесла неподвижность, застой, мертвенность и схоластику въ жизнь самого духовенства, въ проповѣдь и въ духовную науку. Предвидимъ и отлично знаемъ возраженіе, какое сдѣлаютъ намъ по этому поводу: духовенство, какъ отдѣльное сословіе, уничтожено, скажутъ,—теперь всѣмъ открытъ доступъ къ служенію церковному. Да, уничтожено.... но только на бумагѣ, а не на дѣлѣ и въ жизни. И какая иронія звучитъ въ этомъ словѣ — *уничтожено*! Уничтожено!... Но отчего же и теперь, точно такъ же, какъ и прежде, составъ нашего пастырства пополняется исключительно людьми того же происхожденія? Отчего въ наши семинаріи духовныя никто не идетъ изъ лицъ не духовнаго происхожденія? Отчего, напротивъ,— печальный фактъ—всѣ лучшія силы идутъ изъ семинаріи при первой возможности на другую службу и въ другія заведенія? Отчего въ преобразованныхъ семинаріяхъ лучшіе ученики, доучившись до 5-го класса, идутъ всѣ почти въ свѣтскія высшія заведенія, и почти никто изъ нихъ не идетъ въ духовныя академіи, несмотря даже на казенное содержаніе въ академіи *)? Отчего новые псаломщики изъ окончившихъ курсъ ученія въ семинаріи не только не говорятъ проповѣдей и т. п., но послѣ первыхъ же мѣсяцевъ службы бѣгутъ съ своихъ мѣстъ? Отчего большинство окончившихъ курсъ семинаристовъ предпочитаютъ вовсе незавидную у насъ долю сельскаго учителя служенію церковному? Отчего? — Оттого, что существенныя условія быта и положенія духовенства на дѣлѣ и до сихъ поръ остались тѣ же самыя, что̀ и прежде были. Характеръ управленія церковнаго, отношенія духовенства къ епархіальной власти не

*) Въ «Московскихъ Вѣд». (№ 58) было заявлено недавно, что изъ волынской семинаріи, напр., вышло разомъ человѣкъ около 20 лучшихъ воспитанниковъ. Въ прошломъ году многія семинаріи на вызовъ академическихъ начальствъ лучшихъ воспитанниковъ въ академію принуждены были отвѣчать отказомъ потому, что охотниковъ не нашлось ѣхать въ академію, и это послѣ преобразованія академій и семинарій!

Digitized by Google

измѣнились. Прихожане и до сихъ поръ стоятъ въ томъ положеніи относительно духовенства, что̀ и прежде; они и до сихъ поръ даютъ ему положенную плату и сборы въ опредѣленное время и за опредѣленное дѣло; и до тѣхъ поръ, пока дѣла останутся въ прежнемъ положеніи, болѣе широкаго участія прихода въ содержаніи духовенства ждать нечего, послѣднему всегда придется жить на сборы и подаянія и придется нести на себѣ всю тяжесть и унизительность такого положенія,—положенія болѣе всего противорѣчащаго именно пастырскому служенію...

Мы пересмотрѣли всѣ главные предметы, на которые должна быть обращена дѣятельность церковныхъ попечительствъ, и нужно сознаться, что ни въ одномъ изъ нихъ эта дѣятельность не можетъ быть широка и плодотворна; самое большое, что они могутъ сдѣлать—это частная помощь, частное пособіе въ извѣстныхъ случаяхъ,—пособіе, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворить всѣхъ потребностей и цѣлей, которыя въ виду у попечительствъ и составляютъ спеціальную область ихъ дѣятельности.

Подводя итогъ всему сказанному выше, не трудно видѣть главную причину малоплодности и безсилія приходско-попечительской дѣятельности. Причина эта заключается въ раздробленности и разрозненности элементовъ, составляющихъ приходъ, и эти элементы мало того, что разрознены, они даже враждебны между собою. Одна часть прихода—*прихожане*—должны играть чисто-пассивную роль: давать, жертвовать и не принимать никакого активнаго участія въ дѣлахъ церковно-приходскихъ; а другая часть—*духовенство*, *пастырство*—сбирать, принимать и заправлять всѣми церковно-приходскими дѣлами не только безъ контроля, но и безъ вѣдома прихода. Очевидно, части эти не органически соединены между собою, а сшиты насильно и, какъ говорится, на живую нитку. Отсюда происходитъ между ними раздѣленіе—и внѣшнее и внутреннее, раздѣленіе и слабость силъ и средствъ матеріальныхъ и духовныхъ и полная деморализація, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; отсюда происходитъ и отсутствіе всякаго движенія и развитія нашей религіозно-церковной жизни, формализмъ, скрупулезная обрядность, косность и неподвижность — вполнѣ естественныя и необходимыя послѣдствія такого порядка дѣлъ. Для того, чтобы внести въ эту темную и мертвую среду свѣтъ и жизнь, очевидно, необходимо соединить разрозненныя и меха-

Digitized by Google

нически составленныя части того трупа, что зовется *приходомъ*, въ одинъ живой и стройный организмъ, т. е. образовать изъ него *свободную, самостоятельную церковную общину въ полномъ смыслѣ этого слова*, въ которой всякій принадлежащій къ ней былъ бы активнымъ и самостоятельнымъ членомъ и могъ бы принимать личное и живое участіе въ религіозно-церковной жизни прихода во всей совокупности, не исключая не только содержанія и контроля надъ духовенствомъ, но и самаго даже назначенія его на мѣста.

## III.

Такое преобразованіе теперешняго прихода прежде всего въ настоящее время не представляетъ особенныхъ трудностей. Наше время особенно богато мотивами, побуждающими *общинную* жизнь. Прежде всего данная народу *воля*, возстановленіе и устройство крестьянской общины, давшей народу возможность самостоятельно управляться въ своихъ мірскихъ дѣлахъ, представляетъ уже готовую форму и готовый матеріалъ для новой организаціи прихода. Потомъ и другія реформы настоящаго царствованія, которыя вводятъ въ общественную жизнь начала самоуправленія, также даютъ прекрасный матеріалъ и прекрасную практику для образованія и дѣятельности самостоятельной приходской общины. Даже, для большаго удобства, можно бы сдѣлать такъ, чтобы приходская община по возможности совпадала съ сельской; при теперешней передѣлкѣ и сокращеніи приходовъ это во многихъ мѣстахъ довольно удобно сдѣлать. Наконецъ, образованіе церковно-приходской общины представляетъ еще то удобство, что это единственное общество людей безъ различія состояній и сословій; въ ней только могутъ быть устранены тѣ рознь и раздѣленіе, внесенныя въ нашу жизнь исторіей, которыя такъ много теперь мѣшаютъ свободному развитію общественной жизни и иногда совершенно парализуютъ дѣятельность различныхъ общественныхъ учрежденій, стараясь направить ихъ къ служенію сословнымъ интересамъ; жизнь приходской общины по самому существу своему не представляетъ причинъ къ розни и раздѣленію сословному.

Идея прихода, какъ совершенно свободной, самостоятельной церковной общины, совершенно согласна и съ духомъ право-

Digitized by Google

славной церкви, и организація такой общины будетъ не вольнодумнымъ нововведеніемъ, какъ это инымъ кажется, а только возстановленіемъ вполнѣ законнымъ и желательнымъ того порядка, который существовалъ въ церкви съ самаго начала, начиная со временъ апостольскихъ, когда церковная жизнь, безъ сомнѣнія, была ближе къ своему идеалу, и который, къ сожалѣнію, вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, измѣнился, и измѣнился къ худшему. По идеалу, очень ясно начертанному въ священныхъ книгахъ новозавѣтныхъ, церковь должна составлять одинъ живой и дѣятельный организмъ, въ жизни котораго не должно быть мертвыхъ и безжизненныхъ членовъ, а всѣ должны быть живы и дѣйствовать на пользу церкви. Величайшій проповѣдникъ и учитель христіанства—апостолъ Павелъ въ каждомъ своемъ посланіи настойчиво внушаетъ христіанамъ эту мысль; сравненіе церкви съ живымъ человѣческимъ организмомъ—любимое его сравненіе, когда онъ говоритъ объ обязанностяхъ каждаго члена церкви и взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. *Въ тѣлѣ не должно быть раздѣленія, а всѣ члены должны одинаково заботиться другъ о другѣ. И вы—тѣло Христово, а порознь—члены*, пишетъ онъ, напр., въ 1 Посл. къ Коринской церкви (гл. XII, 25—27). Первенствующая община христіанская, какъ она описана въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, также представляетъ свободную и самостоятельную общину, каждый членъ которой принимаетъ живое участіе въ ея дѣлахъ. Дальнѣйшая исторія церкви также представляетъ неоспоримыя свидѣтельства и ясные факты самаго близкаго нравственнаго единства между духовенствомъ и обществомъ, между іерархіей церковной и мірянами,—и самаго живаго и дѣятельнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Міряне принимали тогда близкое, и не формальное только, а дѣйствительное и активное участіе и въ дѣлахъ церковнаго управленія и суда—въ отлученіи отъ церкви, публичномъ покаяніи согрѣшившихъ, и принятіи ихъ снова въ общеніе съ церковью (особенное значеніе и авторитетъ имѣли здѣсь старцы и исповѣдники) *), и въ соборахъ—самой высшей формѣ церковнаго управленія и суда, и въ избраніи всѣхъ членовъ клира, не исключая и высшихъ членовъ іерархіи—епископовъ. И всѣ должности

*) Исповѣдниками назывались люди, пострадавшіе во времена гоненій, бывшихъ на христіанъ, и слѣдовательно самымъ дѣломъ заявившіе свою непреклонную преданность вѣрѣ Христовой.

Digitized by Google

іерархическія не были тогда исключительною привилегіей и принадлежностью только извѣстныхъ лицъ, или извѣстнаго сословія, а доступны были всякому христіанину безъ различія, лишь бы онъ имѣлъ потребныя для этого нравственныя качества. *Вѣрно слово: если кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ*, говоритъ апостолъ (1 Тимоѳ. 3, 1). Мы не говоримъ уже о томъ участіи мірянъ, какое имѣли они въ первые вѣка христіанства въ управленіи и распоряженіи церковными имуществами и вообще церковнымъ хозяйствомъ. Такое единеніе и такое близкое участіе всѣхъ христіанъ въ дѣлахъ церковныхъ лучше всего поддерживали высокій нравственный союзъ между ними, основанный на единствѣ вѣры, вносили въ жизнь церковную движеніе и энергію, придавали христіанской общинѣ неодолимую стойкость и возвышали ее до той нравственной высоты, которая заставляла отдавать ей должное и удивляться даже самихъ враговъ христіанства. Такая свобода и участіе всѣхъ христіанъ въ дѣлахъ церковныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, лучше всего регулировали и сдерживали въ должныхъ границахъ взаимныя отношенія іерархіи и мірянъ и предупреждали всякія замѣшательства и столкновенія между ними. Не можемъ не привести здѣсь прекрасной характеристики этихъ отношеній, сдѣланной однимъ изъ отцовъ церкви (Исидоромъ Пелусіотомъ). «Епископы и пресвитеры первенствующей церкви, говоритъ онъ, болѣе сохраняли, нежели попирали общее равенство всѣхъ христіанъ, признавая, что ихъ служеніе подлежитъ отвѣтственности, а не власть не судимая,—отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконеніе,—домостроительная распорядительность, а не безотчетное властвованіе» *). Какой прекрасный идеалъ жизни церковной, и какъ далеко уклонилась отъ него теперешняя церковная жизнь! Мудрено ли, что теперь оскудѣлъ живой источникъ религіозной жизни, что въ обществѣ исчезъ почти совсѣмъ религіозный интересъ, что на всей религіозной жизни нашей лежитъ печать формы, обряда, внѣшности, печать неподвижности и застоя.

Предвидимъ и знаемъ на это возраженіе, которое намъ приходилось слыхать десятки разъ, высказывая подобныя мысли,—возраженіе, основанное на опасеніи, чтобы при такихъ поряд-

*) Твор. св. Отцовъ, въ русск. переводѣ. 1860 г., кн. 2, стр. 248, письмо 306.

Digitized by Google

кахъ православная церковь не превратилась въ протестантскую общину, не уничтожилось бы всякое значеніе іерархіи и т. п. Пустое и неосновательное опасеніе! И совершенно признавая существенное различіе между іерархіей и мірянами, признавая богоучрежденную іерархію и предоставляя ей по праву божественному управленіе церковью, священнослуженіе и ученіе вѣры,—тѣмъ не менѣе все-таки совершенно возможно и должно допустить участіе и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ, а особенно въ дѣлахъ, касающихся церковныхъ имуществъ и внѣшней жизни церкви. Необходимо, чтобы части церкви связаны были между собою не механически, а представляли бы живой организмъ.... Наши желанія и сужденія основаны на словѣ Божіемъ и на исторіи церкви. Вѣдь не можетъ же никто обвинить первенствующую церковь, когда она находилась подъ непосредственнымъ руководствомъ Христовыхъ апостоловъ, въ протестантствѣ и неправильномъ пониманіи ученія о церкви.

Такая реформа прихода, наконецъ, прямо вызывается настоящимъ строемъ общественной жизни и происходящими на нашихъ глазахъ преобразованіями въ духѣ свободы и самоуправленія.

---

Преобразованіе прихода въ свободную и самоуправляющуюся общину сопровождалось бы неисчислимыми благими послѣдствіями для всѣхъ—и прежде всего въ матеріальномъ отношеніи. Тогда не было бы надобности для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ церкви, духовенства и прихода прибѣгать къ такимъ палліативнымъ и малодѣйствительнымъ средствамъ, какъ теперешнія попечительства. Усердіе, искренняя забота нашихъ прихожанъ о благоустройствѣ храмовъ Божіихъ увеличились бы гораздо больше, еслибы завѣдываніе и распоряженіе приходскими суммами предоставлено было самой приходской общинѣ. Тогда всякій съ полной охотой несъ бы свою лепту въ храмъ Божій, въ полной увѣренности, что она вся непремѣнно пойдетъ на дѣло и употребится съ полной отчетностью и бережливостью. Тогда никто не боялся бы отдать свою жертву въ чужія руки, и съ довольно основательнымъ опасеніемъ и подозрѣніемъ, что она пойдетъ не туда, куда назначаетъ ее жертвователь. При такихъ условіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, было бы больше благоразумія и въ употребленіи суммъ,—тогда бы, безъ сомнѣнія, меньше стали лить громадныхъ колоко-

Digitized by Google

ловъ и строить громадныхъ колоколень, когда въ приходѣ есть весьма много болѣе существенныхъ и неотложныхъ нуждъ,— когда въ приходѣ нѣтъ, напр., и помину о школѣ. Какъ скоро въ приходскую жизнь будетъ введенъ общественный элементъ, общественный распорядокъ и контроль, тогда личному тщеславію или личному непониманію духа и смысла религіи, которыя главнымъ образомъ льютъ большіе колокола, легко можетъ быть противопоставленъ здравый общественный смыслъ, который и направитъ усердіе и средства приходскія на болѣе полезное и богоугодное дѣло.

Но приходская благотворительность при такомъ положеніи дѣлъ, конечно, не ограничивалась бы только благоустройствомъ одного храма,—она, безъ сомнѣнія, щедро распространилась бы тогда и на общественныя собственно нужды приходской общины—на школы, богадѣльни и т. п. Хотя объ устройствѣ подобныхъ заведеній заботятся теперь и земство и правительство, но имѣемъ всѣ основанія думать, что общество съ большою охотой сюда бы именно направило свою благотворительную дѣятельность и всѣмъ другимъ органамъ въ этомъ случаѣ предпочло бы церковную общину. Это потому, во-первыхъ, что народъ нашъ вообще лучше и охотнѣе всего любитъ совершать свое доброе дѣло подъ покровомъ и во имя религіи, а во-вторыхъ потому, что всѣ жертвы и приношенія, идущія въ распоряженіе приходской общины, будутъ находиться въ исключительномъ и совершенно самостоятельномъ ея завѣдываніи, будутъ составлять полную ея собственность и потому пойдутъ прямо на ея нужды и потребности. Послѣднее обстоятельство очень важно, потому что другіе органы общественной жизни, напр., главный—земство, имѣя значительный районъ для своей дѣятельности (единица здѣсь—цѣлый уѣздъ),—не можетъ распредѣлять находящіяся въ его распоряженіи средства равномѣрно по всѣмъ мѣстностямъ уѣзда; при томъ, имѣя въ виду нужды цѣлаго уѣзда, земство по необходимости упускаетъ тогда изъ виду нужды отдѣльныхъ общинъ и оставляетъ ихъ безъ удовлетворенія, а особенно такихъ, которыя находятся гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, подальше отъ людскихъ глазъ. Наконецъ, при распредѣленіи и расходованіи земскихъ средствъ не маловажную роль играютъ часто и другія совершенно случайныя обстоятельства. Нерѣдко, напр., случается слышать ропотъ въ обществѣ, и часто совершенно справедливый, что, благодаря лицамъ, заправляющимъ

Digitized by Google

земскими дѣлами, деньги земскія тратятся не на ближайшія и настоятельнѣйшія нужды народныя, а на разныя затѣи, съ которыми можно было бы и повременить. Можно указать и частные примѣры въ этомъ родѣ. Наконецъ, церковно-приходская община представляетъ наиболѣе нейтральную почву, гдѣ меньше всего могутъ сталкиваться сословные интересы,—что, какъ извѣстно, составляетъ весьма серьзное препятствіе для правильнаго развитія земскаго дѣла. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ можно ожидать, что небольшая община приходская охотно сносила бы свои пожертвованія въ свою кассу, потому что все, что она пожертвуетъ и что сдѣлаетъ на эти пожертвованія, будетъ составлять полную и неотъемлемую ея собственность.

При такой реформѣ прихода, о которомъ говоримъ мы, и улучшеніе быта духовенства и даже его обезпеченіе были бы поставлены на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ. Тогда священникъ прежде всего не былъ бы уже чиновникомъ, поставленнымъ и присланнымъ отъ начальства для исправленія требъ, а былъ бы лицомъ и дѣятелемъ общественнымъ, нужнымъ для самого общества, которому бы само общество давало содержаніе добровольно и безъ всякаго понужденія. Для того, чтобъ это было именно такъ, нужно много условій, которыя сразу, пожалуй, и нельзя выполнить, но возможное слѣдуетъ сдѣлать теперь же, неотлагательно. Нужно главнѣе всего, чтобы должности священно-служительскія замѣщались съ большею серьезностью и внимательностью, чѣмъ это дѣлается теперь,—и непремѣнно при участіи прихожанъ. Нужно, чтобы право на это званіе давали дѣйствительныя достоинства человѣка, а не разныя постороннія пастырству качества и такъ называемые *случаи*, которые играютъ такую огромную роль теперь и такъ жестоко унижаютъ и компрометируютъ самое святое изъ всѣхъ служеній.... Нужно, чтобъ епархіальное управленіе было улучшено, чтобы выборное начало получило здѣсь прочное и болѣе широкое примѣненіе (теперь во многихъ мѣстахъ боятся даже выбирать благочинныхъ, и недавно еще было время, когда даже печатно доказывали огромный будто бы вредъ, какой долженъ неминуемо произойти отъ такого способа замѣщенія этихъ должностей), и духовный судъ существенно былъ роформированъ. Нужно, чтобы на духовныя школы, приготовляющія пастырей церкви, было обращено больше вниманія,—чтобы новый уставъ ихъ,

Digitized by Google

хотя и не вездѣ еще введенный, не считался идеальнымъ совершенствомъ, вполнѣ достигающимъ своей цѣли и не требующимъ никакихъ усовершенствованій и измѣненій,—чтобы при оцѣнкѣ новыхъ духовно-церковыхъ заведеній и надзорѣ за ними былъ ослабленъ бюрократическій способъ, а лучше бы присматривались къ яснымъ указаніямъ жизни и опыта, причемъ быть-можетъ окажется, что во многихъ отношеніяхъ здѣсь и вино взято не совсѣмъ новое, и самые мѣхи ветхи. Нужно, чтобы въ дѣлѣ опредѣленія и поставленія священниковъ на должности не только не игнорировалось вовсе желаніе и мнѣніе прихожанъ, какъ это бываетъ теперь, а напротивъ всегда имѣлось въ виду: добрыя отношенія между пастыремъ и прихожанами возможны только тогда, когда они сходятся добровольно, а не противъ желанія и воли. Нужно, чтобы переводы и перемѣщенія священника изъ одного прихода въ другой, которые такъ часты теперь и въ большинствѣ случаевъ мотивируются случайными и совершенно посторонними служенію обстоятельствами, были какъ можно рѣже и только по особенно-уважительнымъ причинамъ; никогда не должно случаться, чтобъ у прихода отнимали достойнаго и любимаго пастыря, чтобы дурнаго священника—пьяницу и т. п., въ видѣ наказанія, переводили изъ лучшаго прихода въ худшій, какъ будто бѣдному приходу, точно также какъ и богатому, не нуженъ достойный и добрый пастырь.—Все это вещи возможныя и откладывать ихъ въ долгій ящикъ нечего, да и невыгодно....

При такихъ условіяхъ между клиромъ и приходомъ установилась бы тѣсная и живая связь; пастырь стоялъ бы тогда на соотвѣтствующей его служенію высотѣ и былъ бы великою и благотворною силой, живымъ агентомъ въ духовной жизни своего прихода. Тогда духовенство не было бы замкнутою кастой, а постоянно оживлялось бы притокомъ свѣжихъ силъ; тогда исчезли бы и другія слѣдствія его замкнутости, его отрѣшенность отъ общественной жизни и нежеланіе заниматься ея интересами,—его особенный схоластическій умственный складъ и даже языкъ, что всего замѣтнѣе и вреднѣе отражается на нашей церковной проповѣди. Стоя ближе къ жизни и лучше понимая ея интересы и явленія, проповѣдники наши не проповѣдывали бы съ такими схоластическими пріемами, какъ теперь,—не ставили бы, напр., и не сочиняли сами такихъ возраженій и мнѣній, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ, а говорили



Digitized by Google

бы живымъ и всѣмъ понятнымъ языкомъ. Такая проповѣдь, конечно, имѣла бы несравненно большее вліяніе и значеніе, чѣмъ теперь. Тогда священникъ не былъ бы для прихожанъ тяжестью, и содержаніе его не было бы для нихъ бременемъ и вынужденнымъ поборомъ. Необходимость, очевидная польза и нравственное достоинство пастырства сознавались бы приходомъ ясно и были бы для него очевидны, и потому прихожане добровольно, охотно и достаточно обезпечивали бы содержаніе пастырей церкви. Что для человѣка дорого, что ему нужно, на то онъ не бываетъ скупъ.

При такихъ близкихъ отношеніяхъ священника къ приходу, священникъ могъ бы, наконецъ, благодѣтельно влiять на приходъ и не въ одной только, такъ-сказать, религіозной сферѣ. Тогда прихожане обращались бы къ своему пастырю во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни, просили бы его указаній, совѣта, и онъ, какъ лицо и болѣе образованное, и по самому положенію своему болѣе вліятельное въ приходѣ, могъ бы въ свою очередь всегда дать прихожанамъ дѣльный совѣтъ, полезное указаніе, что́ они приняли бы съ полнѣйшимъ довѣріемъ, какъ ни отъ кого другаго. Тогда пастырь церкви былъ бы дѣйствительнымъ свѣтомъ, освѣщающимъ темную жизнь народа, и истиннымъ его учителемъ. А какъ много въ этомъ отношеніи работы, и какъ много онъ могъ бы принести пользы!

Но значеніе и польза преобразованія настоящаго прихода въ свободную общину далеко не исчерпываются только матеріальною стороною, да это, по нашему мнѣнію, еще и не самое главное дѣло. Свободная и самостоятельная приходская община лучше всего содѣйствовала бы оживленію и развитію религіозныхъ интересовъ и вообще религіозной жизни въ обществѣ, чего теперь, къ сожалѣнію, нѣтъ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ важно и благотворно религіозное вліяніе на частную и общественную жизнь, и какими благотворными результатами для общества сопровождается надлежащее пониманіе и усвоеніе религіи, и какъ, наоборотъ, вредно дѣйствуетъ тупое внѣшнее отношеніе къ религіи и ослабленіе религіознаго интереса. Это вещь ясная и очевидная для всякаго: она вполнѣ подтверждается и исторіей. Достаточно сказать, что религія и церковь служатъ представительницами самыхъ возвышенныхъ, самыхъ дорогихъ и чистыхъ идей и интересовъ

Digitized by Google

человѣчества. Если признано, что для правильнаго, живаго, энергическаго и прогрессивнаго движенія жизни и частной и общественной всегда необходимъ новый и высокій идеалъ жизни, что онъ только можетъ возбуждать духъ человѣческій къ дѣятельности, и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ онъ болѣе могуществен; то можетъ ли быть что-нибудь выше и чище того идеала, какой указываетъ христіанство? Могутъ ли быть выше цѣли, чище и могущественнѣе побужденія къ дѣятельности, чѣмъ какія указываетъ христіанство? Только идеалъ жизни, выставляемый христіанствомъ, можетъ призвать человѣка къ постоянной и упорной работѣ—и прежде всего надъ самимъ собою; только онъ можетъ оживлять и напрягать всѣ силы человѣческаго духа и возбуждать ихъ къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ. Ясно отсюда, какъ важно и благотворно для общества, чтобъ этотъ идеалъ былъ ясенъ въ сознаніи каждаго, чтобъ онъ постоянно оживлялся и былъ присущъ жизни и дѣятельности каждаго. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?—Къ сожалѣнію, положительно можно сказать, что въ нашемъ обществѣ всего меньше возбужденъ интересъ религіозный; большинство такъ-называемыхъ свѣтскихъ людей имѣетъ крайне слабое и поверхностное знаніе своей религіи, оставшееся отъ школы. Общество наше религіозную область всю безъ остатка отдаетъ на долю духовенства, считая ее спеціальнымъ его дѣломъ, а само ограничивается въ этомъ случаѣ только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ религіи, имѣющихъ отношеніе къ его гражданской жизни и издавна освященныхъ обычаемъ, какъ будто религія есть нѣчто постороннее для него и не касающееся его. Даже можно сказать больше: въ нашемъ обществѣ нѣтъ даже теоретическаго правильнаго понятія религіи. И на словахъ и на дѣлѣ религія понимается у насъ какъ внѣшняя и спеціальная область, принадлежащая только извѣстному классу людей—духовенству,—понимается, какъ сборникъ извѣстныхъ заповѣдей и правилъ, исполненіе которыхъ не совмѣстимо съ ежедневными житейскими занятіями и дѣлами, и потому для религіозныхъ обязанностей необходимы спеціальные дни и праздники. Да и въ эти дни религіозныя обязанности рѣдко исполняются съ охотой и искренно, а больше такъ, по заведенному уже издавна обычаю. Ужели это истинное пониманіе религіи въ ея существѣ? Напротивъ, не есть ли это крайнее *фарисейское* извращеніе Христовой религіи? Не есть ли это извращеніе ученія Великаго Основателя нашей вѣры о

Digitized by Google

Своемъ царствѣ, по которому *царствіе Божіе не внѣ, а внутри человѣка*, по которому вѣра должна быть внутреннею духовной силой, охватывающею все нравственное существо человѣка, всю его нравственную дѣятельность въ ея глубочайшихъ мотивахъ и основаніяхъ, и дающею ей извѣстный характеръ и направленіе? И исторія доказала намъ, какъ нельзя яснѣе, что вѣра наша есть величайшая нравственная сила, способная преобразовать жизнь человѣчества всесторонне и самымъ радикальнымъ образомъ. Значитъ, вѣра не есть нѣчто внѣшнее для человѣка, праздничное, что должно сниматься вмѣстѣ съ праздничнымъ платьемъ, и, значитъ, никто не въ правѣ считать религію дѣломъ до него не касающимся.

Наша исторія сложилась такъ, что церковь православная съ самаго начала признана была господствующею и стала подъ покровительство власти гражданской. Какъ при самомъ первоначальномъ введеніи христіанства иниціатива принадлежала князю, такъ и во всей послѣдующей исторіи наши государи, по примѣру византійскихъ, принимали самое близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ церкви, признанной господствующею и государственною. Такъ отношеніе власти гражданской къ церкви имѣло, безъ сомнѣнія, и добрыя стороны и было полезно для церкви; но было въ то же время и вредно, особенно при слишкомъ слабомъ развитіи и невѣжествѣ общества, которое поэтому не могло принять живаго участія въ дѣлахъ вѣры и церкви. Правительственная поддержка много можетъ сдѣлать для внѣшняго благоустройства церкви; но она не можетъ оживить и поднять внутренней силы религіи, ея духа, потому что это—уже дѣло общественное и личное. Правительственная опека церкви, при слабомъ участіи самого общества въ дѣлахъ церковныхъ, обыкновенно производитъ то, что религіозная жизнь и вообще всѣ интересы вѣры принимаютъ характеръ бюрократическій и канцелярскій, сосредоточиваются въ оффиціальныхъ центрахъ, въ различныхъ вѣдомствахъ, отчетахъ и бумагахъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, общественное участіе въ интересахъ вѣры и церкви естественно ослабѣваетъ. Общество успокоивается насчетъ вѣры, слагая въ этомъ случаѣ всѣ попеченія и заботы исключительно на іерархію и на тѣ спеціальныя учрежденія, которымъ поручено завѣдываніе церковными дѣлами. А такъ какъ при канцелярскомъ способѣ завѣдыванія всѣми дѣлами вообще они, по канцеляр-

Digitized by Google

скимъ отчетамъ, по большей части бываютъ удовлетворительны, то и относительно церкви всѣ думаютъ, что дѣла идутъ вообще хорошо.... Участіе общества въ такихъ случаяхъ выражается только обыкновенно—развѣ ходатайствомъ о наградахъ и перемѣщеніяхъ духовныхъ, постройкою церкви, пожертвованіями и т. п. внѣшними дѣйстіями, да и то сравнительно рѣдко. Такое положеніе дѣлъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться нормальнымъ и желательнымъ, и прежде всего въ интересахъ вѣры и церкви; въ религіозной жизни оно неминуемо должно сопровождаться крайне печальными послѣдствіями. Для правильнаго хода религіозной жизни и нормальнаго положенія церкви необходимо, чтобы вѣрующіе, кромѣ личнаго духовнаго подвига, кромѣ личнаго удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей при посредствѣ церкви, принимали живое и дѣятельное общественное участіе въ интересахъ и дѣлахъ своей церкви. А это возможно только при единственномъ условіи преобразованія нашего теперешняго, разношерстнаго прихода, составленнаго изъ различныхъ элементовъ, *въ свободную общину на началахъ самоуправленія*. Тогда только и будетъ возможно болѣе правильное и нормальное состояніе и развитіе нашей церковно-религіозной жизни; тогда только церковь будетъ стоять въ живомъ соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнью и будетъ оказывать на нее могущественное и благотворное вліяніе.

Спѣшимъ оговориться, во избѣжаніе упрека въ преувеличеніи дѣла, что мы вовсе не смотримъ на церковную общину какъ на какую-то панацею, всеисцѣляющую насъ отъ всевозможныхъ золъ и недостатковъ въ нашей церковной жизни: мы смотримъ на нее только какъ на начало и первое необходимое условіе правильнаго развитія и теченія этой жизни. Какъ для народа сельская община есть основа правильнаго развитія общественной жизни, есть главная школа, въ которой онъ учится понимать общественные интересы и обязанности и уважать свои и чужія права; такъ точно и церковная община есть необходимое зерно, необходимая школа правильнаго, живаго и энергическаго развитія церковной жизни. Тогда только интересы вѣры и церкви будутъ близки и дороги каждому; тогда только каждый вѣрующій, какъ членъ этой общины, не будетъ считать дѣла вѣры и церкви посторонними и его не касающимися; тогда только вѣра Христова будетъ оказывать сильное и могуществен-

Digitized by Google

ное вліяніе на жизнь народную; тогда только можно будетъ ожидать истинныхъ пастырей церкви, искренно преданныхъ своему дѣлу, а не наемниковъ и чиновниковъ; тогда только можно ожидать прочнаго и достаточнаго обезпеченія быта духовенства; тогда только общественная благотворительность на нужды церкви и на другія полезныя и истинно-христіанскія учрежденія можетъ принять широкіе размѣры. Все это, кажется, понятно и само собою и кромѣ того подтверждается весьма наглядными и убѣдительными историческими фактами, изъ которыхъ многіе на глазахъ у каждаго. Не говоримъ уже о значеніи въ исторіи христіанства общинной организаціи церкви въ первые вѣка. Это фактъ хорошо извѣстный всякому мало-мальски знакомому съ исторіей церкви. Въ чемъ сила и значеніе протестантства? Гдѣ причина такого быстраго и широкаго развитія религіозной жизни въ протестантствѣ?—Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что главнымъ образомъ—въ свободной протестантской общинѣ, всѣ члены которой принимаютъ самое близкое и живое участіе въ дѣлахъ своей вѣры и церкви. Это ясно сознаютъ и говорятъ сами протестанты. Какъ высоко они цѣнятъ свободу и самостоятельность церковной общины и какое важное значеніе придаютъ ей, это можно видѣть изъ слѣдующаго, напр., факта. На протестантскомъ церковномъ собраніи, бывшемъ въ октябрѣ 1871 г., было принято слѣдующее предположеніе Бейшлага: «собраніе признаетъ вполнѣ современнымъ освободить евангелическую церковь изъ-подъ теперешней опеки ея со стороны государства и дать ей возможность устроить себя въ вѣрующую общину въ евангелическомъ смыслѣ, дабы она могла стать народною церковью въ болѣе полномъ смыслѣ, чѣмъ была доселѣ». (Прав. Обозр.» 1872 г., январь. Извѣстія и зам., стр. 35). Могутъ указать при этомъ на крайности протестантства; но мы, конечно, разсуждая о православной общинѣ, не желаемъ уничтожать іерархію церковную и переносить цѣликомъ въ православную церковь протестантскую церковную общину,—мы можемъ только указать на добрыя стороны этой послѣдней, которыя слишкомъ важны и замѣтны, чтобъ оставлять ихъ безъ вниманія. Напротивъ, православная церковь, чуждая крайностей протестантства и католицизма, представляетъ самую удобную и благопріятную почву для развитія истинной и нормальной общины церковной.—Есть подобные примѣры и ближе къ намъ. Чѣмъ больше всего поддерживается нашъ расколъ, особенно по-

Digitized by Google

повщинская его половина?.. Несмотря на разныя мѣры къ обращенію раскольниковъ въ православіе, несмотря на значительныя цифры обращающихся, выставляемыя въ оффиціальныхъ отчетахъ, мы все-таки не можемъ сказать, чтобы расколъ потерялъ свою живучесть, свою силу даже въ численномъ отношеніи. «Военно-статистическій Сборникъ» считаетъ общее число раскольниковъ въ 8 милліоновъ, — всякій скажетъ, что эта цифра скорѣе ниже, чѣмъ выше настоящей. Чѣмъ же держится поповщина даже въ настоящее критическое для нея время, когда ее оставляютъ сами лже-іерархи такъ-называемаго австрійскаго поставленія? — Намъ думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что сила раскола—въ общинной организаціи его послѣдователей,—въ томъ, что въ немъ само общество имѣетъ прямое и непосредственное участіе и вліяніе на всѣ дѣла церковныя, не исключая и назначенія пастырей *), — что въ расколѣ, слѣдовательно, предоставлена большая свобода для выраженія религіознаго чувства. Намъ даже лично приходилось слыхать, какъ раскольники съ ядовитой ироніей указывали православнымъ на излишнюю оффиціальность, — если можно такъ выразиться,—отношеній православнаго духовенства къ приходу, и на слишкомъ большое, по ихъ мнѣнію, вмѣшательство въ дѣла церковныя всякаго начальства. Поэтому и въ отношеніи къ расколу общинное устройство прихода было бы, съ одной стороны, лучшимъ противодѣйствіемъ раскольничьей пропагандѣ въ средѣ народа, а съ другой — могущественнымъ средствомъ для привлеченія раскольниковъ къ православію. Настоящее положеніе нашей церкви отрицаетъ впрочемъ не однихъ только раскольниковъ. На бывшемъ мюнхенскомъ конгрессѣ старо-католиковъ, серьезно помышляющихъ о сближенія съ православною церковью, вопросъ объ отношеніи нашей церкви къ правительству также былъ затронутъ, и профессора Осинина, единственнаго представителя нашей церкви на конгрессѣ, просили разъяснить этотъ вопросъ. Въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о движенія старо-католиковъ, въ которыхъ онъ передавалъ свои заграничныя впечатлѣнія, г. Осининъ также указалъ, какое важное значеніе придаютъ этому обстоятельству старо-католики, и какъ оно ихъ сму-

*) Очень любопытные факты въ этомъ отношеніи сообщены Н. И. Субботинымъ въ его «Лѣтописи новѣйшихъ событій въ расколѣ», помѣщенной въ № 93. «Моск. Вѣд.»

Digitized by Google

щаетъ. О рѣшеніи этого вопроса самимъ г. Осининымъ, въ его публичныхъ чтеніяхъ, многими газетами было замѣчено, что оно показалось слушателямъ не совсѣмъ яснымъ, опредѣленнымъ и удовлетворительнымъ. Намъ кажется, что самостоятельная церковно-приходская община, положивши прочное начало развитію церковно-религіозной жизни, была бы въ состояніи отчасти устранить подобныя нареканія на нашу церковь и привлечь къ ней въ большей мѣрѣ симпатіи христіанъ иныхъ вѣроисповѣданій. На такой почвѣ и соединеніе съ православною церковью людей, ищущихъ этого соединенія, было бы болѣе возможно.

Наконецъ, въ Русской исторіи есть весьма замѣчательное и поучительное явленіе, которое какъ нельзя лучше самымъ дѣломъ, опытомъ, доказываетъ, какъ важна, могущественна и незамѣнима для развитія и укрѣпленія религіозно-церковной жизни— самостоятельная церковная община. Мы разумѣемъ православныя церковныя братства юго-западной Руси, такъ доблестно подвизавшіяся особливо въ эпоху уніи. Исторія этихъ братствъ, къ сожалѣнію, у насъ изслѣдована вообще очень мало, а свѣдѣнія о нихъ даже въ образованной массѣ и вовсе не распространены; ихъ знаютъ только спеціалисты-историки *). А между тѣмъ основательное знакомство съ ними было бы весьма желательно и полезно особенно теперь, когда у насъ заводятся церковныя попечительства и вообще начинаютъ больше заботиться о правильномъ и энергическомъ развитіи церковной жизни. Знакомство это очень ясно показало бы намъ, какую великую силу составляетъ и что можетъ сдѣлать церковная община, не стѣсняемая бюрократическими формами, а дѣйствующая вполнѣ свободно и самостоятельно,—при какихъ условіяхъ и на какихъ основаніяхъ возможно созданіе и развитіе этой общины. Наконецъ, изученіе исторіи братствъ могло бы дать весьма много полезныхъ и чисто-практическихъ указаній для устройства и

*) Какъ на болѣе серьезныя изслѣдованія о братствахъ можно указать только на два сочиненія: «О православныхъ церковныхъ братствахъ» свящ. Флерова и «Публичныя лекціи о братствахъ» проф. Кояловича, напечатанныя въ «Днѣ» 1862 г. Первое изъ нихъ написано сухо и схоластически, хотя содержитъ не мало фактическихъ данныхъ для исторіи братствъ; а второе, не пускаясь въ мелкія подробности, представляетъ общую картину исторіи братствъ и разсматриваетъ ихъ дѣятельность прагматически и въ связи съ общимъ ходомъ исторіи страны.

Digitized by Google

организаціи теперешней церковной общины. Знакомство съ братствами надлежащимъ образомъ освѣтило бы и теперешнія попечительства,—и какъ жалки и слабы показались бы въ сравненіи съ ними послѣднія! Не можемъ не привести здѣсь нѣкоторыхъ особенно характеристическихъ чертъ этихъ братствъ. Прежде всего братства—совершенно свободныя и самостоятельныя общины. Они имѣли право избирать къ своимъ церквамъ и монастырямъ священниковъ и игуменовъ—сами, совершенно ни отъ кого независимо, а также содержать при церквахъ проповѣдниковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Они владѣли и распоряжались своими движимыми и недвижимыми имуществами совершенно самостоятельно: до братскаго имущества никто ни изъ свѣтскихъ людей, ни изъ духовенства не могъ имѣть никакого дѣла. Братства имѣли право наблюдать надъ жизнію не только мірянъ, но и самого духовенства и даже епископовъ, и еслибы замѣчено было, что епископъ поступалъ противъ истины и управлялъ церковью не по правиламъ св. Апостоловъ и Отцевъ, то братства уполномочены были не признавать его власти и не принимать его опредѣленій, направленныхъ противъ цѣлости церкви и чистоты православія. Братства имѣли первый послѣ духовенства голосъ при выборѣ мѣстныхъ епископовъ и имѣли право посылать на соборы своихъ уполномоченныхъ съ правомъ голоса. Братства имѣли также право суда надъ своими членами. Особенно широкими правами пользовались такъ-называемыя ставропигіальныя братства, т. е. зависѣвшія непосредственно отъ патріарха. Всѣ дѣла братскія рѣшались всегда въ собраніи его членовъ, гдѣ каждый имѣлъ право голоса и могъ совершенно свободно высказывать свое мнѣніе; всѣ братскія должности были выборными и находились подъ самымъ строгимъ и широкимъ контролемъ всего братства; всѣ братскія совѣщанія были совершенно чужды всякаго формализма и бюрократизма *). Теперь и понятно станетъ, почему эти братства получили столь широкое развитіе, почему они составляли столь могущественную силу, что, при далеко не равныхъ средствахъ съ врагомъ, столь мужественно отстаивали не только свою вѣру, но и народность, и оставили столь ши-

*) Объ организаціи и правахъ братствъ см. подробнѣе въ указанной выше книгѣ, свящ. Флерова: тамъ всѣ эти права подтверждены ссылками на первоначальные документы и источники.

Digitized by Google

рокій слѣдъ въ исторіи; понятно также и то, почему братства владѣли столь богатыми матеріальными средствами, что могли не только содержать духовенство и храмъ, но и заводить собственныя типографіи, школы, богадѣльни и вообще благотворить самымъ широкимъ образомъ, тогда какъ члены братствъ, въ огромномъ большинствѣ, были люди вообще небогатые. При братской организаціи общины понятны—тотъ огромный приливъ пожертвованій, то усердіе, съ которымъ всякій братчикъ охотно несъ свою лепту на святое и богоугодное дѣло. При такой только организаціи церковной общины и возможенъ тотъ широкій интересъ дѣлами вѣры и церкви, то религіозное одушевленіе, которое создаетъ и дѣятелей и средства, та искренность и честность, то постоянство, настойчивость и мужество, которыми отличалась дѣятельность братствъ. Всѣ указанныя нами черты братствъ, этотъ живой и наглядный историческій урокъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы забывать людямъ, интересующимся дѣлами своей вѣры и церкви, а тѣмъ больше призваннымъ охранять ея интересы и заботиться о нихъ. Примѣръ этихъ братствъ лучше всего отстраняетъ и опасеніе извращенія чистоты вѣры, если допущено будетъ въ дѣлахъ церковныхъ болѣе широкое участіе мірянъ,—опасеніе, на которое указываютъ очень часто и которое служитъ источникомъ большихъ недоразумѣній. Скажутъ, что братства—явленіе историческое, что они отжили свой вѣкъ. Мы нисколько и не думаемъ переносить ихъ цѣликомъ въ современную намъ жизнь. То было одно время, а теперь—другое. Здѣсь важна для насъ не форма, не внѣшняя сторона дѣла, а идея, лежащая въ основѣ братствъ,—*идея живаго, свободнаго и дѣятельнаго участія всякаго вѣрующаго въ дѣлахъ своей вѣры и церкви*. Вотъ эта-то идея и важна и дорога для насъ. Оживить эту идею и примѣнить ее къ нашей церковно-религіозной жизни, соображаясь съ настоящими обстоятельствами и потребностями времени, необходимо потому, что она прямо выходитъ изъ понятія истинной вселенской церкви и завѣщана намъ, какъ святое наслѣдіе самыхъ первыхъ временъ христіанства,—потому, что исторія говоритъ намъ ясно, что когда эта идея была жива въ сознаніи и примѣнялась на практикѣ, тогда только религіозно-церковная жизнь была полна и энергична, тогда только религія была живою и великою нравственною силой, могущественно вліявшею на частную и общественную жизнь, а не мертвою доктри-

Digitized by Google

ной и обрядомъ. Напротивъ, отсутствіе этой идеи и забвеніе ея всегда сопровождалось вялостью, апатіей и застоемъ въ религіозной жизни, всегда обращало церковь и религію во внѣшнее бюрократическое учрежденіе, всегда устраняло большую часть вѣрующихъ отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ и передавало дѣла церковныя въ руки одного сословія и тѣмъ естественно ослабляло силу и вліяніе самой церкви. Необходимо, наконецъ, потому, что личное и свободное участіе человѣка во всякомъ касающемся его дѣлѣ составляетъ нравственное его право и степенью этого участія измѣряются и интересъ человѣка въ этомъ дѣлѣ и его дѣятельность. Это особенно должно сказать о религіи, которая имѣетъ цѣлью нравственное воспитаніе, нравственное усовершеніе человѣка, которое безъ его собственнаго личнаго и свободнаго участія очевидно достигнуто быть не можетъ. Правда и то, что появленіе церковныхъ братствъ въ юго-западной Россіи вызвано было главнымъ образомъ необходимостію противодѣйствія латинской пропагандѣ, и энергія и развитіе поддерживались главнымъ образомъ борьбою съ этою пропагандой. Это такъ; но правда и то, что и вообще трудныя и особенныя положенія сильнѣе возбуждаютъ дѣятельность и энергію человѣка: «человѣкъ, особенно русскій, крестится, когда громъ гремитъ». Отсюда однако нисколько не слѣдуетъ, что самостоятельныя церковныя братства и вообще живое и близкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви, какую бы организацію оно ни имѣло, возможно только при особенныхъ и исключительныхъ условіяхъ. Церковная жизнь имѣетъ не одну только отрицательную сторону и развивается не одною только силою внѣшнихъ толковъ и возбужденій; церковь имѣетъ и положительныя задачи—и это главное—для своей жизни и дѣятельности: развитіе и укрѣпленіе религіозно-нравственной жизни, оживленіе и уясненіе въ народномъ сознаніи того высокаго нравственнаго идеала, какой представляетъ христіанство. Достаточно великая и достойная задача и для положительной дѣятельности, она можетъ наполнить самую широкую и энергическую дѣятельность. Религія—такая существенная и глубокая потребность человѣческаго духа, что она можетъ имѣть всегдашній интересъ для человѣка, и всегда можетъ быть самымъ сильнымъ мотивомъ его духовной жизни. Да, наконецъ, развѣ въ нашей теперешней жизни мало и внѣшнихъ стимуловъ для возбужденія церковной религіозной дѣятельности? Религіозное невѣжество народа, его жизнь, исполненная самыхъ грубыхъ суевѣрій

Digitized by Google

и предразсудковъ, расколъ и т. д.—развѣ эти явленія не должны вызывать и побуждать къ усиленной дѣятельности въ области церковной жизни?

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Та реформа прихода, о которой мы говоримъ, настоятельно вызывается всѣмъ строемъ и развитіемъ нашей теперешней общественной жизни. Характеристическая черта нашего времени и всѣхъ новыхъ реформъ—возбужденіе общественной самодѣятельности, общественнаго самоуправленія; государственная власть, до сихъ поръ державшая въ своихъ рукахъ всѣ функціи общественной жизни, теперь поступается своими правами, и многія дѣла, прежде находившіяся въ ея распоряженіи исключительно, передаетъ въ завѣдываніе самого общества. Бюрократическія формы, въ которыя до сихъ поръ были закованы общественныя силы, понемногу разбиваются; земская жизнь возбуждается, развивается и крѣпнетъ. Нѣтъ надобности называть тѣ великія реформы настоящаго царствованія, давшія столь могущественный толчокъ общественному развитію. Ужели же среди этихъ реформъ только церковной жизни, жизни по самому существу своему наиболѣе свободной, не коснется этотъ духъ времени, оживляющій сухія и мертвыя кости, духъ жизни свободной и самодѣятельной,—ужели съ нея только не будутъ сняты тѣ бюрократическія оковы, которыя историческія обстоятельства наложили на нее вмѣстѣ съ другими сторонами и областями русской жизни? Теперь совершенно естественно и понятно то явленіе, что общество наше, извѣдавши хотя немного сладость свободы и самоуправленія, скептически и не совсѣмъ дружелюбно относится ко всѣмъ учрежденіямъ и явленіямъ жизни, которыя носятъ на себѣ печать узкаго бюрократическаго формализма, и не желаетъ ихъ поддерживать ни нравственно, ни матеріально. Наше современное церковное управленіе, отношенія управляющей части къ управляемой—во многихъ своихъ сторонахъ носятъ характеръ канцелярской формалистики и даже иногда въ крайнемъ ея проявленіи. Припомнимъ, напр., наши духовныя консисторіи и ихъ репутацію въ мнѣніи общества и самого духовенства (репутацію, совершенно заслуженную); приходятъ на мысль и другіе примѣры. Не лишитъ ли общество своей симпатіи, не отнесется ли оно несочувственно къ церковнымъ порядкамъ, къ церковной жизни въ настоящемъ ихъ видѣ?—Непремѣнно отнесется такъ, и должно такъ отнестись, потому что нѣтъ ничего уродливѣе того зрѣлища, когда самое свободное, самое святое

Digitized by Google

и дорогое для всякаго человѣка сокровище—его религія заковывается въ неподвижную, узкую форму. Упадокъ религіознаго интереса и жизни, равнодушное, тупое и формальное отношеніе къ вѣрѣ, религіозный индифферентизмъ—прямыя и естественныя послѣдствія такого порядка. Еще самимъ Божественнымъ Основателемъ нашей церкви высказана мысль и потомъ не одинъ разъ повторена Его апостолами, что ради дурныхъ порядковъ въ церкви, ради дурной жизни христіанъ, и особенно пастырей церкви, имя Божіе хулится, т. е. дѣлаются нареканія на самую религію и церковь. И въ наше время иные люди часто указываютъ на различныя нестроенія въ церкви и отсюда дѣлаютъ заключенія очень невыгодныя для самой церкви и іерархіи. Очень часто и теперь приходится слышать и читать горькія жалобы на упадокъ религіозности, на индифферентизмъ, господствующій въ современномъ обществѣ. По нашему мнѣнію, самымъ лучшимъ средствомъ для возбужденія *истинной* религіозности и лучшимъ противодѣйствіемъ всѣмъ нареканіямъ на вѣру и церковь была бы церковная реформа въ смыслѣ допущенія болѣе близкаго участія въ дѣлахъ церкви всѣхъ членовъ ея, не исключая и мірянъ. И настоитъ крайняя надобность въ этой реформѣ; потому что при быстромъ развитіи самоуправленія и общественной жизни вообще теперешніе порядки церковные, какъ не соотвѣтствующіе этому общему характеру жизни, будутъ казаться все болѣе и болѣе ненормальными, все менѣе и менѣе симпатичными,—недовѣріе къ церковному управленію, а отсюда и къ самой церкви будетъ естественно все болѣе и болѣе усиливаться, церковь же станетъ особнякомъ и внѣ движенія общественной жизни. А легко потерять общественное довѣріе и симпатію; но трудно бываетъ ихъ возстановить. Для послѣдняго нужны особенно благопріятныя обстоятельства. И тѣ люди, которые всему въ религіи, даже чисто-внѣшнимъ и чисто-временнымъ историческимъ обрядамъ и учрежденіямъ церковнымъ хотятъ придать характеръ догматической неизмѣнности и упорно противятся всякимъ, даже самымъ незначительнымъ, реформамъ церковнымъ, оказываютъ дурную услугу своей церкви: они губятъ самый живой родникъ религіозной жизни, уничтожаютъ и извращаютъ самый могущественный и возвышенный мотивъ человѣческой жизни....

**Н. К—въ.**

25 апрѣля
1872 года.

Digitized by Google

# ЧЕЛОВѢКУ.

(Дума).

Съ отвагой безъ конца, съ живучестью Антея,
Вѣка стремишься ты подняться къ небесамъ
И въ пламя превратить ту искру Прометея,
Что̀ сдѣлала тебя сродни богамъ...
Въ одеждѣ мудреца ты нѣкогда являлся
Свободной истины классическимъ жрецомъ,
Вездѣ ее искалъ, повсюду домогался
И, наконецъ, нашелъ... въ рабѣ своемъ.
И рыцаремъ ты былъ... Безъ страха и сомнѣнья
Ты шелъ освобождать изъ плѣна Гробъ Святой,
Любви ты гимны пѣлъ, молился въ воскресенье,
А въ будни выходилъ безпечно на разбой...
Какъ истинный монахъ, грѣху ты слалъ проклятья
И, плоть свою казня, по небу тосковалъ,
А на пути къ нему, держа въ рукахъ Распятье,
На медленномъ огнѣ людей ты сожигалъ!...
Но было то давно... Съ тѣхъ поръ ты измѣнился
И, прошлому прочтя суровый приговоръ,
Отъ ужасовъ былыхъ съ презрѣньемъ отрѣшился,
Чтобъ къ новымъ обратить свой прогрессивный взоръ...
Рѣкою льется кровь и топитъ милліоны
«Отъ малыхъ сихъ», неся къ далекимъ небесамъ
Осиротѣвшихъ душъ озлобленные стоны...

. . . . . .

Гдѣ-жь твой хваленый умъ, твое преуспѣянье?
За что среди звѣрей тебѣ такой почетъ?
О, бѣдный полубогъ, подъ маскою сознанья—
Все тотъ же дикій звѣрь въ тебѣ живетъ!...



Digitized by Google

# ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

## ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ВЫСТАВОКЪ ВЪ РОССІИ И МОСКОВСКАГО УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ, ВАЯНІЯ И АРХИТЕКТУРЫ.

Въ Москвѣ открыта была политехническая выставка. На ней мы видѣли то, чего не хотѣлось бы видѣть, чувствуя скорбь, и, наоборотъ, не видѣли многаго того, что хотѣлось бы видѣть: видѣли родное, названное чужимъ, а чужое—роднымъ; видѣли то, что человѣкомъ сдѣлано *противъ* человѣка, а утверждаютъ и вѣрятъ, что это *для* человѣка. Выставка выставкѣ рознь. Есть выставки, не перемежающіяся съ незапамятныхъ временъ, всюду, въ цѣломъ мірѣ, въ странахъ высоко цивилизованныхъ и странахъ, обитаемыхъ грубыми, невѣжественными племенами дикихъ. Выставки лишь тамъ быть не можетъ, гдѣ нѣтъ людей. Гдѣ есть двое людей, тамъ уже есть выставка. Татуировка, раскрашиваніе тѣла и физіономіи и возня съ волосами какъ дикихъ людей, такъ и нашихъ высоко-шлифованныхъ болвановъ, поставляющихъ свое счастіе въ привлеченіи на себя вниманія подобныхъ же, не есть ли выставка и не указываетъ ли на горькую истину, что не все въ мірѣ названо своимъ именемъ, не всему дано свое мѣсто. Какъ сжимается иногда сердце, когда посмотришь на иное чадо цивилизаціи паркетной и волосяной, поставленное судьбою, вѣроятно въ шутку, во главѣ какого-либо учрежденія, вѣдомства. Какъ болитъ сердце, при видѣ иного чада, который за свои подвиги на зеленомъ полѣ, на паркетѣ, за свои занятія съ цирюльникомъ, попугаемъ, собаками,—занятія, вмѣстѣ съ необходимымъ отдыхомъ и еще болѣе необходимымъ обѣдомъ, отнимающія у него до 24-хъ часовъ въ сутки, получаетъ громадное содержаніе и татуируется, т. е. украшается всякою штукою, гремящею, звенящею и блестящею. Смотрите, молъ, люди добрые, вотъ человѣкъ, который для вашего спокойствія спитъ, для вашего аппетита ѣстъ, для вашего благосостоянія играетъ, для вашего веселья пляшетъ,—и поучайтесь: труды и подвиги никогда не остаются безъ награды.... Бываютъ выставки скота и проч., устраиваемыя Богъ знаетъ кѣмъ, какъ, для кого для и чего. Но почти всѣ онѣ имѣютъ однихъ и тѣхъ же двигателей, руководствующихся одними и тѣми же подвигающими къ *дѣятельности* причинами, зиждущимися въ душахъ и головахъ учредителей и распорядителей,—выставить себя мишенью, въ которую должно стрѣлять чинами, рублями и крестами. Бываютъ выставки гулянья, гдѣ ужь никакъ не разберешь, кто кого выставилъ на показъ: хозяинъ ли кучера, экипажъ и лошадей, лошади ли кучера съ хозяевами и экипажемъ, кучеръ ли лошадей и хозяевъ. И какъ эти гулянья, гдѣ силы, находящіяся для соблю-

Digitized by Google

денія яко бы порядка, гоняютъ и перегоняютъ съ мѣста на мѣсто людей ногодвигающихся для людей татуированныхъ, двигающихся посредствомъ скотской силы жеребцовъ, поѣдающихъ въ сутки количество хлѣба достаточное для хорошей полдеревни, въ сѣдалищхъ, часто стоющихъ такой суммы, которой достало бы за цѣлую волость голодающаго крестьянства заплатить недоимки и тѣмъ дать возможность, сохранивъ нѣсколько коровъ отъ продажи, сохранить отъ болѣзни и смерти не одну человѣческую душу,—какъ эти гулянья, повторимъ, напоминаютъ собою, несмотря на противные возгласы и восхваленія вѣку и времени, времена грубаго невѣжества и нравственной мглы. Но много уже значитъ, что мы, хотя на словахъ, заботимся о народѣ и народномъ. Кто знаетъ, кто измѣрилъ разстояніе, лежащее между словомъ и дѣломъ? Всѣ эти выставки, повторяемъ, имѣютъ общую черту, общее значенье—принесть ощутительную пользу десятку на счетъ тысячи. Онѣ приносятъ, пожалуй, пользу государству чаще мнимую и временную, въ коммерческомъ, политическомъ, иногда экономическомъ отношеніяхъ. Но коммерція и политика, какъ орудія силы денежной и иной, лишенныя, по своему существу, почти всегда, нравственныхъ основаній,—быть друзьями человѣчества, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ. Честь и совѣсть рѣдко уживаются съ силою политическою, какъ и съ силою капитала. На сколько разнится, въ принципѣ и примѣненіи, язычество отъ христіанства, на столько сила, та или другая сила, далека отъ участія и снисхожденія къ слабости и бѣдности, трактуя ихъ какъ порокъ, забывая или не зная, что бѣдность и безпомощность потому и не переводятся въ мірѣ, что тамъ рядомъ есть сила и богатство. Капиталъ и капиталистъ—всегда космополиты. Для нихъ отечество вездѣ, гдѣ просторъ ихъ дѣйствіямъ, а патріотизмъ ихъ непремѣнно обусловливается процентами, дивидендами, купонами и прочими благами, питающими этихъ всеядныхъ Какъ рѣдки люди, изъ числа обладающихъ толстыми пазухами, что̀ смотрятъ на деньги какъ на средство къ жизни, а не какъ на цѣль. Таковъ естественный законъ въ средѣ невѣжества. Какъ дороги, рѣдки тѣ изъ нихъ, которые съумѣли сквозь толщу богатства продѣлать себѣ окошечки, чтобы смотрѣть на свѣтъ Божій и на людей такъ, какъ слѣдуетъ. Великаго почтенія отъ современниковъ и потомковъ достойны тѣ изъ нихъ, которые, не прилагая всей души къ пріумноженію, уступая просвѣщенной мысли, поддерживаютъ и поощряютъ матеріально и нравственно искусства и людей, посвятившихъ свои силы и жизнь на служеніе идеѣ и искусству. Заслуга ихъ предъ обществомъ, государствомъ и исторіей велика и многозначуща. Имена Уваровыхъ, Третьяковыхъ *), Боткиныхъ, Солдатенковыхъ, Борисовскихъ, и проч.,

*) Изъ нихъ П. М.—какъ единственный собиратель художественныхъ произведеній исключительно русской школы.

Digitized by Google

не умрутъ въ исторіи и перейдутъ въ потомство вмѣстѣ съ именами славныхъ художниковъ земли Русской. Между выставками, выражающими собою то силу кармана, то размѣры червя тщеславія и жажды къ почестямъ, то скачку ловкихъ людей верхомъ на простофиляхъ—за чинами, орденами и прочими любимыми кушаньями, питательными для тѣла паразитовъ, нельзя не остановиться на выставкѣ, представляющей собою, между иными, великолѣпный оазисъ въ пустынѣ. Я говорю о выставкѣ художественныхъ произведеній товарищества передвижныхъ выставокъ въ Россіи, открытой въ первый разъ на святой недѣлѣ въ залахъ училища живописи и ваянія, въ Москвѣ, совмѣстно съ произведеніями учениковъ этого училища, ихъ профессоровъ и другихъ художниковъ. Здѣсь мы утолимъ жажду чистою водою эстетическаго наслажденія, запасемся ею для дальнѣйшаго пути по безводному, пыльному пространству; отдохнемъ подъ тѣнію широко раскинувшихъ свои густыя, зеленыя вѣтви деревьевъ, отразившихся въ прозрачныхъ струяхъ дышащаго прохладою и свѣжестью источника. Здѣсь мы, хотя на часъ, забываемъ о знойномъ, пыльномъ, безводномъ степномъ пути, гдѣ изстрадались наши чувства и органы. Цѣль, преслѣдуемая товариществомъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія всѣхъ, кто понимаетъ важность значенія развитія и распространенія эстетическихъ взглядовъ и понятій для человѣческаго общества, во всестороннемъ примѣненіи таковыхъ къ жизни частной, семейной, общественной и государственной. Не боясь впасть въ крайній идеализмъ, я беру смѣлость выразить мнѣніе на этотъ счетъ вотъ какого рода: чѣмъ больше эстетически-развитыхъ людей, тѣмъ меньше невѣждъ и подлецовъ. При изобиліи послѣднихъ, особенно засѣвшихъ у руля въ пути и подъ образами за обѣдомъ, мы знаемъ, каково достается людямъ *бьющимся*, терпящимъ, отодвинутымъ. Мнѣ кажется, что одинъ живой художникъ стоитъ скошеннаго картечью десятка людей, умѣющихъ дрессировать охотниковъ на подобныхъ себѣ.

Товарищество намѣрено познакомить жителей нашихъ захолустій *) съ плодами трудовъ отечественныхъ художниковъ, созрѣвающими преимущественно въ столицахъ: тамъ только воздѣлано небольшое количество художественной почвы пришедшими издалека работниками. Сколько дико-растущихъ въ глуши природныхъ талантовъ будетъ возбуждено и призвано выставкою, Богъ вѣсть. Сколькимъ провинціаламъ, имѣющимъ художественную струнку отъ природы, доставитъ выставка

*) Въ началѣ сентября оно открыло выставку въ Кіевѣ, потомъ въ Харьковѣ. Жаль, что фотографіи съ своихъ картинъ товарищество продаетъ слишкомъ дорого. Чтобы распространить познанія и любовь къ живописи, нужно сдѣлать ихъ доступными для всѣхъ.



Digitized by Google

наслажденій! Сколько изъ живущихъ въ глуши и лишенныхъ возможности испытать требуемое душою наслажденіе, за невозможностью бывать въ столицахъ, теперь насладятся и порадуются! Словесность, музыка легче доступны для захолустій, нежели живопись и скульптура. Частныя галлереи хотя и существуютъ по мѣстамъ въ Россіи, но онѣ или заперты для постороннихъ, или уже превратились въ хранилища памятниковъ искусства времени давно прошедшаго и притомъ большею частію работъ иностранныхъ мастеровъ, почти или вовсе не представляющихъ ни малѣйшаго соотношенія ни съ нашими понятіями, ни съ нашимъ временемъ. Для спеціалистовъ, конечно, эти собранія неоцѣнимы.

Другая цѣль товарищества—способствовать сбыту художественныхъ произведеній, отъ успѣшности и своевременности котораго почти всегда зависитъ будущность художника. Какъ извѣстно, случай и мода—главные кормильцы художниковъ, особенно ловкихъ и пронырливыхъ въ общежитіи. Не только наша публика вообще, но и меценаты наши, готовые пріобрѣсть произведеніе мастера, считаютъ таковымъ лишь рекомендованнаго извѣстностью, а извѣстность художника дѣлается у насъ какъ-то случайно, не всегда по мѣрѣ и почти всегда поздно. Не слышно, чтобы кто-либо изъ богатыхъ любителей и покровителей принялъ на себя трудъ заглянуть на чердакъ, въ подвалъ, гдѣ прозябаютъ, согрѣваемые святымъ огнемъ любви къ искусству, молодые, свѣжіе, зарождающіеся таланты. Хотя бы къ сторожамъ училищъ и натурщикамъ обратились они, меценаты, узнать, какими путями большая часть учениковъ пріобрѣтаютъ себѣ матеріалы, необходимые для рисованія и живописи, чѣмъ питаются, гдѣ и какъ проводятъ свободные, междуклассные часы и праздники. Послѣднее особенно важно, и смотря по тому, гдѣ и какъ проводилъ и убивалъ ученикъ свободное отъ занятій время, такъ или иначе, впечатлѣнія, испытанныя за это время, всегда болѣе или менѣе сильно отзываются на его нравахъ, понятіяхъ, слѣдовательно на воображеніи и на его произведеніяхъ. Множество учениковъ совершенно лишены возможности посѣщать театръ, читать что-либо серьезное. Кромѣ того, какъ бы прекрасно поступили, еслибы нашлись изъ среды московскаго общества люди, которые хотя изрѣдка отворяли бы двери своего дома для нѣсколькихъ десятковъ учениковъ, болѣе другихъ нуждающихся въ нравственной поддержкѣ, тепломъ участіи (а не холодной, бьющей по лбу, вѣжливости), стаканѣ чаю, налитомъ рукою хозяйки. Многіе изъ нашихъ художниковъ при талантѣ и громадныхъ способностяхъ сидятъ безъ работы часто именно потому, что выросли въ отдаленіи отъ всесмягчающаго, хорошаго женскаго общества, смотрятъ буками, не мастера говорить и потому пренебрегаются. Публика же, на грѣхъ, избалована акробатами. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, ближайшее и тѣснѣйшее участіе общества къ нашимъ будущимъ дѣятелямъ въ области искусства положительно необходимо,

Digitized by Google

въ виду обоюдной пользы: молодые люди, ободренные, согрѣтые, энергичнѣе примутся за дѣло изученія, подготовки, а общество избавится, со временемъ, отъ многихъ самозванцевъ-художниковъ, все понимающихъ, кромѣ искусства, и поѣдающихъ чужой хлѣбъ. Природа разнообразна и причудлива: талантами и способностями одаритъ иного художника, а забудетъ надѣлить его силою, устойчивостью для борьбы съ нуждою и всяческими препятствіями, иногда творящими чудеса, правда, но больше заѣдающими и рано покрывающими плѣсенью человѣка черезчуръ скромнаго и не умѣющаго отбарахтаться отъ напастей. Особенно бѣда тѣмъ изъ нашихъ художниковъ, которые не пролазы, не носятъ бѣлыхъ перчатокъ и галстуковъ, не умѣютъ гоняться, высунувъ языкъ, съ визитами *къ кому слѣдуетъ*,—кому не по душѣ и не по карману всяческіе способы убійства времени и силъ, принятые въ нашемъ, поверхностно цивилизованномъ, обществѣ.

Какое великое преступленіе совершаютъ нѣкоторые представители интеллигенціи и многаго другаго, когда отказываютъ художнику въ работѣ, въ урокѣ, за то, что не умѣетъ онъ кланяться, держаться на манеръ хорошо дрессированной амишки, дешевую назначаетъ плату себѣ, наконецъ, за то,—стыдъ сказать,—что носитъ не иностранное имя. Сколько дарованій сгибло на Руси не отъ звѣрей и чудовищъ, а отъ [illegible] и букашекъ, играющихъ крупныя роли въ общежитіи и незрѣлыхъ понятіяхъ нашего зеленаго общества. Вспомнишь Павла Андреевича Ѳедотова, безсмертнаго творца безсмертныхъ картинъ-сатиръ—безъ малѣйшей злобы: «Вдовушка», «Сватовство майора», «Утро чиновника на другой день по полученіи награды» и проч. То ли не столбъ въ искусствѣ и философіи своего рода, все умѣющей обратить въ шутку, а и тотъ поколебался и свалился отъ напора нужды и, главное, отъ недостатка сочувствія со стороны общества покровителей, цѣнителей, видящихъ далеко чрезъ заборъ, за лѣсомъ, и не заглядывающихъ на собственный дворъ, подъ ноги себѣ. Часто мы ищемъ рукавицы на дорогѣ, когда онѣ у насъ за поясомъ.

.... Нѣтъ, въ нашей шкурѣ
Попробуй гимны пѣть натурѣ,
Воспой-ка ручейки тогда,
Какъ въ сапогахъ бурчитъ вода.

имѣютъ право, вмѣстѣ съ Ѳедотовымъ, сказать большая часть нашихъ художниковъ. Бѣда, повторимъ, тому художнику, у котораго устройство спинныхъ позвонковъ и языка не таково, какое требуется въ гостиныхъ и на паркетѣ.

Но о страданіяхъ, вынесенныхъ и выносимыхъ русскимъ искусствомъ, русскою мыслію и ихъ носителями и выразителями, предоставимъ сказать слово другимъ и въ другое время. Рѣчь наша должна идти о

Digitized by Google

праздникѣ роднаго искусства, первомъ въ своемъ родѣ, по своему широкому замыслу. Выйдемъ въ поле, и свѣжій, оживляющій вѣтерокъ, несущійся чрезъ «Обмѣлѣвшую рѣчку» съ обросшимъ густыми ивами берегомъ, чрезъ «Пашню», съ живымъ запахомъ свѣже-взрыхленной сохою земли, травы, цвѣтовъ, смолистаго «Сосноваго лѣса»—пусть прогонитъ, хотя на время, запахъ ладана, несущійся, черезъ рядъ лѣтъ, съ могилъ павшихъ бойцовъ и тружениковъ искусства.

Не думая придавать настоящей статьѣ названія критической и не считая ее таковою, позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній о критикѣ художественныхъ произведеній. Художественной критики, въ полномъ значеніи слова, у насъ, смѣло можно сказать, не существуетъ: вѣдь нельзя же по совѣсти назвать критическими статьи, появляющіяся время отъ времени въ печати, особенно петербургской. Большая часть изъ нихъ или страдаютъ недомысліемъ, или казеннымъ колоритомъ—хвалить уже раньше хваленое, хулить хуленое,—словомъ, глотать жеваное. Для примѣра приведу покамѣстъ два образца критическихъ перловъ изъ одного петербургскаго изданія. Говоря объ одной скульптурной группѣ, изображающей мальчика съ козленкомъ, критикъ выразилася такъ: «не отличишь, говоритъ, который тутъ мальчикъ, который козленокъ!» Другой, восхваляя произведенія г. Шишкина и его мастерство писать лѣсъ, пни, корни деревъ, махнулъ: «какъ бы г. Шишкинъ самъ не превратился въ пень!»

Нѣкоторая самостоятельность появляется у нихъ лишь въ томъ, чтобы непремѣнно, во что бы то ни стало, какъ бы произведеніе хорошо ни было, найдти въ немъ вершокъ послабже и за этотъ вершокъ *отсылать* весь аршинъ, всю картину. Особенно достается отъ этихъ господъ начинающимъ, выступающимъ на судъ общества и критики въ первый разъ, нетвердыми шагами. «Куда вы лѣзете съ вашею мазней?» кричатъ имъ. «Любуйтесь на ваши произведенія сами; зачѣмъ ихъ выставляете?» Чудаки! Требуютъ, чтобы художники вдругъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, являлись на свѣтъ Божій во всеоружіи познаній, развитаго таланта и, главное, извѣстности.

Наше родное искусство еще не твердо стоитъ на ногахъ, и странно мыслятъ и поступаютъ господа, наваливающіе на него ношу не по силамъ. Да притомъ, разбирая произведенія учениковъ и художниковъ, выставленныя для публики, не слѣдуетъ забывать, что они уже просмотрѣны спеціалистами — профессорами, а потому безусловно-плохая вещь никакъ не можетъ попасть на выставку, и въ выставленныхъ невозможно найдти безусловно плохихъ, слабыхъ, какъ и безукоризненныхъ произведеній. И кто, сознавая значеніе искусства относительно вліянія его на развитіе многихъ сторонъ жизни и внутренней силы общества и государства, говоритъ, что любитъ и чтитъ искусство, и въ то же время топчетъ и обламываетъ молодые побѣги его, тотъ есть без-

Digitized by Google

разсудный невѣжда и лжецъ. Говоря о хлѣбѣ, не слѣдуетъ забывать о почвѣ, его производящей. Всѣ знаютъ, что на Рейнѣ зрѣетъ виноградъ,— невозможно того же требовать отъ Яузы. Надобно удивляться жизненности и внутренней силѣ зерна, дающаго, относительно, богатый цвѣтъ и вкусный плодъ на скудной почвѣ. Еслибы наши лыкомъ шитые зоилы съумѣли бы всмотрѣться и понять, съ какою массою препятствій, мелкихъ, крошечныхъ, залѣзающихъ во всѣ поры, борются наши художники, то увидали бы и поняли, если въ состояніи, что это за богатыри.

Не разъ случалось и, вѣроятно, не мнѣ одному читать и слышать о нашемъ искусствѣ мнѣніе такого рода, что-де произведенія нашихъ живописцевъ сколько отличаются иногда блестящею техникою, столько всегда безсодержательны, лишены идей, жизни, всего, что составляетъ суть художественнаго творенія. Это справедливо отчасти, по вышеизложеннымъ причинамъ, но и техника не дается умственному слѣпцу безъ участія духа, безъ изученія, слѣдовательно, безъ размышленія. Размышлять и изучать мертвые и обездоленные дарами духа не могутъ. Посмотрите на работы профессора В. Г. Перова: развѣ можно назвать бездушными его, блестящіе по техникѣ, портреты гг. Осокина, Тимашевой, Камынина? Глядя на эти здоровыя произведенія нашего не даромъ знаменитаго московскаго художника, невольно приходитъ на мысль вопросъ: можетъ ли идти дальше искусство передачи красками вида живаго человѣка, не только съ его мясомъ, костями, формами и линіями частей головы, лица, фигуры, но и его характеромъ, выражающимся и въ кажущемся движеніи мускуловъ и свѣтящимся въ глазахъ. Поглядите пристальнѣе на перовскій портретъ, и, если вы знакомы съ изображенною личностью, не мудрено, что вамъ почудится, послышится голосъ знакомца. Если въ наше время искусству писать портреты суждено идти дальше работъ г. Перова, такъ это будетъ зависѣть ни отъ кого другаго, какъ отъ него же самого. Портреты гг. Костомарова и Шпореръ, работы профессора г. Ге, доказываютъ, какъ ловко владѣетъ этотъ художникъ кистью, какъ умѣетъ играть красками, тонами и ихъ сочетаніями, что если любоваться на нихъ не какъ на изображеніе натуры, а просто какъ на живопись, такъ согласишься, что эти работы прелестны. Къ сожалѣнію, фантастическій, неестественный колоритъ физіономій, слишкомъ искусственное освѣщеніе и неумѣренная игра рефлектами убиваютъ въ нихъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ портрета—это выраженіе тѣлесности. А что г. Ге умѣетъ выразить характеръ, душевное движеніе лица—не угодно ли остановиться передъ его картиною: «Петръ I, допрашивающій царевича Алексѣя, въ Петергофѣ». Вотъ онъ, неутомимый преобразователь, все и далеко видящій, обнявшій своимъ громаднымъ умомъ всѣ послѣдствія своихъ плановъ для будущности своего государства и вдругъ встрѣтившій препятствіе

Digitized by Google

полету своего генія—и гдѣ же, въ комъ же?—въ собственномъ домѣ, въ родномъ сынѣ! Нѣтъ надобности, что сынъ: онъ запинаетъ отцу-Царю ноги, связываетъ крылья,—разбить это препятствіе, сломать его! Государство дороже сына. Жребій брошенъ. Сынъ приносится въ жертву за Россію. Блѣдный, трепещущій, уличенный въ своихъ замыслахъ документами, валяющимися на столѣ и полу, можетъ-быть брошенными нетерпѣливою рукою Петра въ лицо сына и разсыпавшимися потомъ,—чуть держится на ногахъ царевичъ предъ взволнованнымъ, неспокойно сидящимъ въ креслѣ, отцомъ, видимо не могущій остановить своего взора ни на чемъ; все противъ него: раздраженный, полный презрѣнія. но презрѣнія родительскаго къ сыну, который не уродился въ него, пронзающій взоръ отца далъ ужь ему понять, если онъ могъ соображать что-либо въ эту минуту, что отъ этого судіи всего можно ожидать. Таково содержаніе картины. Фигура Петра по выраженію превосходна. Какъ-то невольно соглашаешься внутренно, что именно таковъ былъ Петръ, какъ изображенъ на картинѣ. Кромѣ того, анисовка видимо призвана художникомъ къ участію въ дѣлѣ, судя по разгорѣвшимся щекамъ и покраснѣвшему носу Петра, въ противуположность блѣдно-зеленому лицу Алексѣя. Общему впечатлѣнію, производимому картиною на зрителя, немного мѣшаетъ шахматный полъ, слишкомъ пестрый и сильно освѣщенный, относительно. Художникъ желалъ остаться вѣрнымъ исторіи, скопировавъ въ точности существующую еще комнату, гдѣ происходила сцена.

Замѣчательна картина г. Мясоѣдова: «Петръ Великій, разсматривающій ботикъ». Молодой красавецъ, съ едва пробивающимися усиками, въ богатомъ персидскомъ, краснаго бархата съ золотымъ шитьемъ, нарядѣ и въ шапкѣ съ собольей опушкою, царь Петръ сидитъ въ креслѣ, внимательно вглядываясь въ стоящій передъ нимъ ботикъ и вслушиваясь съ живымъ любопытствомъ въ слова Тиммермана, показывающаго и объясняющаго способъ управленія рулемъ и парусами. Петръ полусидитъ, полустоитъ, готовый вскочить и вспрыгнуть въ судно. Въ его горящихъ глазахъ, кажется, сквозитъ уже мысль: «куда бы стащить ботикъ—въ Яузу, или въ Измайловскіе пруды?» Очень типичны фигуры бояръ, сопровождающихъ Петра. Особенно хорошъ стоящій позади царя старикъ. Въ его лѣнивой полуулыбкѣ какъ будто сквозитъ мысль: «экой затѣйникъ, непосѣда,—все бы зналъ, да вѣдалъ. Тѣшься, тѣшься; вотъ женимъ, такъ перестанешь скакать да бродить по сараямъ, да слушать нѣмцевъ; они, пожалуй, скажутъ, что можно лѣтать по воздуху.—народъ продувной». Позади главной группы сидитъ, задумавшись, старикъ-бояринъ, опершись на палку, и рядомъ съ нимъ стоитъ другой, помоложе, и отъ скуки усердно зѣваетъ, крестя ротъ по древнему русскому обычаю, чтобы чертенокъ не вскочилъ, черезъ открытый ротъ, въ брюхо. Картина очень хороша по живописи, по ко-

Digitized by Google

лориту и расположенію фигуръ. Всѣ фигуры славно нарисованы. Приходилось слышать отзывы о фигурѣ Тиммермана, поставленнаго г. Мясоѣдовымъ, будто бы не по дѣлу, въ слишкомъ комическую позу предъ царемъ, и что слѣдовало бы придать этой фигурѣ больше величавости и серьезности въ позѣ и выраженіи физіономіи. Но господа нѣмцы—изъ того сорта людей, которые, въ виду собственныхъ, личныхъ и очевидныхъ выгодъ, готовы вертѣться волчкомъ, а не только сгибаться и сжиматься. Другое дѣло, когда нѣмецъ плотно усядется въ гнѣздѣ: тогда ужь его не спихнешь съ мѣста никакими вилами. Одно можно сказать противъ картины: по сюжету размѣръ ея маловатъ. «Чувства мѣры не достаетъ нашимъ художникамъ», какъ справедливо выразился одинъ писатель, постоявъ передъ этою картиною.

«Охотники на привалѣ» Перова болѣе выиграли бы, еслибы, наоборотъ, написаны были въ меньшемъ размѣрѣ. Независимо отъ сего, нельзя не постоять и не полюбоваться на охотниковъ. И хотя содержаніе этой картины не заключаетъ въ себѣ, при огромномъ богатствѣ техники, общечеловѣческаго интереса и понятно вполнѣ, по содержанію, только небольшому кружку лицъ, знакомыхъ съ охотою и жизнію охотника, все-таки картина остается однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ русской живописи. Вотъ ея содержаніе:

Старый, отпѣтый, съ убійственными усами, охотникъ, повидимому служившій когда-то въ гусарахъ, или обжившійся въ Россіи гувернеръ-французъ, видимо пожившій всласть и «просадившій» на свои удовольствія не мало деньжатъ, крѣпышъ, лѣтъ 50-ти, изъ той породы, которая долго борется со страстію и которая не прочь подстрѣлить какую угодно дичь, лишь бы подвернулась, усѣлся отдохнуть на сухой, крупной травѣ, около озера, для переговоровъ съ походною флягою. Переговоры видимо увѣнчались успѣхомъ. Фуражка сброшена; щеки и носъ раскраснѣлись, лысина свѣтится,—осенній вѣтеръ ни почемъ. Около валяется нѣсколько застрѣленныхъ птицъ, заяцъ, оружіе, снаряды. Сабака нохритъ позади, уткнувъ морду въ мышиную нору подъ бугромъ. Старый воробей разсказываетъ молодому, сидящему на корточкахъ, съ папироскою въ рукахъ, какъ одинъ разъ онъ наткнулся на медвѣдя: «Башка, я тебѣ скажу, вотъ какая—у-у! И лѣзетъ прямо на меня, разинувъ пасть, а я....». Съ благоговѣніемъ и жадностью вслушивается новичокъ въ священныя рѣчи опытнаго охотника: онъ весь—вниманіе. Позади ихъ обоихъ, оборотясь къ старшему лицомъ, полулежитъ, опершись локтемъ въ землю, мужиченко, съ выраженіемъ въ лицѣ смѣси простоты и плутовства и, слушая вранье (вѣдь никто такъ не вретъ, какъ охотники) барина, можетъ-статься, двадцатый разъ, осклабился, глядя разскащику въ глаза, во всю снасть и, почесывая надъ ухомъ, заломивъ рукою шляпенку, изношенную донельзя, какъ будто говоритъ взглядомъ: «ври, ври, баринъ, сколько влѣзетъ,—пусть молодецъ по-

Digitized by Google

слушаетъ, да наберется ума-разума,—я перечить не стану». Необыкновенно удачна фигура этого Селифонта, провожатаго охотниковъ. Въ каждой деревнюшкѣ, гдѣ пристаютъ охотники, найдется Селифонтъ, который не откажется, бросивъ пашню и все, что угодно, бродить съ «господами» по озерамъ, полямъ, лѣсамъ и оврагамъ, съ драгоцѣнною ношею—выпивкою и закуской, въ которыхъ онъ чуетъ и свою долю въ чистомъ полѣ. Шляпа и армякъ его такъ же тверды и крѣпки вѣроятно, какъ его изба и дворъ,—все лучше бороны защищаютъ отъ дождя. А какъ написаны пальто, дубленка и прочіе аксессуары картины, невозможно описать.

Не безъ грусти упомянемъ здѣсь о мнѣніи, чаще и чаще слышимомъ въ извѣстныхъ кружкахъ столичнаго общества,—мнѣніи, довольно рѣшительно поддерживаемомъ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ живописцевъ, что изученіе исторіи вообще, историческая наука и живопись *«есть чушь»*, отнимающая и убивающая безплодно, у художника время, данное ему для настоящаго. Да извинятъ меня всѣ разсуждающіе о данномъ предметѣ такимъ образомъ, если я замѣчу, что здравый смыслъ не мирится съ такимъ мнѣніемъ. Въ этихъ разсужденіяхъ слышится напѣвъ молодой птицы, подвѣшенной къ старой и давно поющей, для подражанія, выдаваемаго послѣ за оригинальное, для удивленія *своего муравейника*. А чтобъ удивить муравейникъ, достаточно обладать даромъ слова и умѣнья насмѣшливо относиться ко многимъ вещамъ, почитаемымъ людьми за священныя въ теченіе ряда вѣковъ. Требованія желудка и крови, принимаемыя за требованія разума и духа, при легкой доступности срыванія верховъ со всевозможныхъ знаній, усиливаютъ убѣдительность доводовъ отрицателя достоинства и значенія историческихъ знаній. Что ни пойте, господа, а кусочки прошлаго, представляемые глазамъ настоящаго времени и выраженные кистью ли, перомъ ли, дѣлаютъ свое дѣло. Историческая картина стóитъ иногда цѣлаго тома. Она заставитъ оглянуться назадъ, посмотрѣть на настоящее, вдуматься въ будущее. Для успѣховъ той же современной жизни, о которой такъ хлопочутъ помянутые субъекты, изученіе исторіи всесторонне необходимо. Назвать въ насмѣшку людей, углубляющихся въ исторію съ перомъ и кистью въ рукахъ, гробокопателями, по меньшей мѣрѣ, странно. Гг. отрицатели забываютъ, что они сами для потомковъ уже дѣлаютъ, своимъ ляганьемъ, исторію. Когда же, при условіи упадка нравовъ общества, искусство превращается въ игрушку, начинаетъ тѣшить, тогда оно ужь недостойно своего назначенія. Назначеніе искусства—воспитывать понятія общества и не подчиняться вѣтру времени, перемѣняющему, въ теченіе одного вѣка, нѣсколько направленій. Поучать же, не научась—невозможно. Научиться можно только изъ примѣровъ прошлаго. Безъ прошлаго нѣтъ настоящаго, немыслимо будущее.

Помимо помянутыхъ двухъ картинъ, Мясоѣдова и Ге, да еще одной

Digitized by Google

попытки художника (имя коего я забылъ, къ сожалѣнію) изобразить Іоанна Грознаго за шахматами, и другаго художника, изобразившаго Петра (очень хорошъ по сходству) въ Саардамѣ, на выставкѣ товарищества другихъ историческихъ не имѣется. Преобладающій родъ—живопись пейзажная, по числу выставленныхъ произведеній; за тѣмъ жанръ. Трудно опредѣлить причины замѣчаемаго за послѣднее время процвѣтанія живописи пейзажной. Можетъ-быть, доступность содержанія картины для зрителя, особенно родной, знакомой природы служитъ причиною такого положенія пейзажной живописи? Дюкеръ, Саврасовъ, Каменевъ, Шишкинъ, Аммосовъ, Васильевъ и другіе сдѣлали въ пейзажѣ переворотъ, какой сдѣланъ былъ въ описаніи природы въ художественной литературѣ Пушкинымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ и проч. Простота, правда и незатѣйливость содержанія, при удивительно выработанной техникѣ,—вотъ достоинства новаго пейзажа. Калямъ и Айвазовскій сослужили свою службу для живописи своего и нашего времени, какъ Марлинскій для литературы свою, избирая грандіозные, поражающіе сюжеты для своихъ произведеній. Какою простотою и прелестью дышетъ «Сосновый лѣсъ» г. Шишкина. Г. Шишкинъ давно извѣстенъ по своимъ неподражаемымъ рисункамъ перомъ, изображающимъ преимущественно лѣсъ. Его рисунки въ большой извѣстности за границею и, какъ слышно, имѣются тамъ, въ нѣкоторыхъ художественныхъ училищахъ, какъ оригиналы для изученія. Настойчиво, упорно, несмотря ни на что препятствующее, изучалъ художникъ родную природу, родную сосну, березу, траву, ручейки, камешки и создалъ особый, *шишкинскій*, родъ рисунковъ. Овладѣвъ же рисункомъ, ему легче стало подчинять себѣ краски, и вотъ передъ нами одно изъ сильнѣйшихъ произведеній его мощнаго таланта. Вотъ онъ, нашъ смолистый, задумчивый красавецъ—сосновый, красный лѣсъ, съ его степеннымъ шумомъ, смолистымъ ароматомъ.... Право, остановясь передъ этою картиной, замечтаешься,—ну, и не мудрено, что послышится запахъ и шумъ лѣса. Да, это родныя сосны, а не итальянскіе пинусы, когда-то бывшіе въ модѣ. Кому не знакомъ и этотъ ручеекъ, выбѣгшій изъ глубины лѣса, съ проглядывающими сквозь прозрачныя струи бѣленькими камешками! Кому не знакомы и эти сваленныя, вывергнутыя съ корнями бурею, сосны! Далеко уходитъ лѣсъ въ глубь по лощинѣ. Въ воздухѣ плыветъ, распластавъ крылья и высматривая добычу, коршунъ.

Если говорятъ про иного мастера своего дѣла, что онъ съѣлъ собаку, то про г. Шишкина можно сказать, что онъ съѣлъ медвѣдя, да не одного.... За эту картину художникъ получилъ отъ общества поощренія художествъ премію въ тысячу рублей. И по дѣломъ ему!

Прекрасная вещь и «Березовый лѣсъ», его же. При маломъ размѣрѣ рамы, картина обладаетъ большими достоинствами и дышетъ прелестью и правдой. Бриллiантомъ блеститъ синяя даль сквозь золотистую, осеннюю березовую листву.

Digitized by Google

Г. Гунъ выставилъ двѣ небольшія, по размѣрамъ, вещицы, но очень сильныя по живописи и рисунку. Одна изъ нихъ представляетъ разодѣтую компанію, выходящую изъ лѣса къ рѣкѣ, чтобы переправиться на другой берегъ. Мастерски изображены здѣсь фигуры гуляющихъ. Несмотря на миніатюрность ихъ размѣра, г. Гунъ передалъ всю кокетливость позъ и нарядовъ Парижанокъ (сюжетъ взятъ изъ окрестностей Парижа). Отраженіе въ водѣ лодки съ пассажирами написано такъ, какъ дай Богъ написать завзятому спеціалисту; но пейзажъ—не спеціальность г. Гуна. Спеціальность его—историческая живопись. Посмотрите на его этюдъ «Средневѣковаго воина», да вспомните его произведенія, бывшія на выставкѣ общества любителей художествъ, представляющія сюжеты, взятые изъ французской исторіи, и вы убѣдитесь, что этотъ талантъ не изъ мелкихъ. Невольно пожалѣешь, что г. Гунъ не выставилъ ничего серьезнаго, взятаго изъ русской исторіи. На этомъ пути,—позволяю себѣ высказать мое мнѣніе,—отъ г. Гунъ слѣдуетъ ожидать не меньшаго, чѣмъ отъ г. Ге.

Этюдъ г. Крамскаго—«Голова крестьянина»—являетъ въ художникѣ опаснаго соперника (чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше) г. Перову и въ прахъ разбиваетъ произведенія блеснувшаго нѣкогда талантомъ въ картинѣ: «Неравный бракъ» профессора Пукирева, теперь выставившаго картину: «Крещеніе еврея», весьма слабое, даже сравнительно съ нѣкоторыми ученическими произведеніями, твореніе. Живопись слаба, мысль непонятна въ картинѣ. Фигура священника, помазующаго миромъ новокрещеннаго, состроившаго комичную гримасу, будто боязнь за глазъ, повторена изъ прежняго произведенія г. Пукерева. Всѣ остальныя фигуры расположены безъ всякой мысли и выраженія и всѣ написаны однимъ и тѣмъ же колеромъ, равно и портретъ г-жи N., который выручаютъ одни лишь глаза,—надобно правду сказать,—славно написанные и поразительно живые.

«Видъ Кіева», профессора Барона Клодтъ, доказываетъ, какъ глубоко понимаетъ художникъ воздушную и линейную перспективу, какъ величаво клубятся въ воздухѣ облака самыхъ причудливыхъ и вмѣстѣ простыхъ формъ и очертаній, уходя за горизонтъ, видимый верстъ на тридцать и постепенно окрашиваясь въ теплый, розоватый цвѣтъ; извивающійся по необъятной равнинѣ зеркальный Днѣпръ, со скользящими по немъ судами, бѣлѣющимися парусами и отразившимся небомъ; зданія Подола, наконецъ, горы, составляющія первый планъ картины, съ виднѣющимся чрезъ одну изъ нихъ соборомъ св. Андрея Первозваннаго, какъ бы улетающаго въ высь, деревья, трава по горамъ и дорожки—все такъ и манитъ къ себѣ. «Пашня», того же художника, убѣждаетъ нагляднымъ образомъ, что талантъ изъ ничего сдѣлаетъ много. Что можетъ быть проще задачи—провести поперекъ полотна прямую линію? Необозримая равнина полей, видимая до склона, дѣлаетъ прямую

Digitized by Google

линію поперекъ картины. Влѣво виднѣется вдали лѣсистый холмъ, слегка возвышаясь надъ главною линіею. Ближе къ зрителю, влѣво же, виднѣется нѣсколько деревенскихъ построекъ; валикъ, обсаженный ивками, и дорога съ повозкою на ней, везомою парою лошадей, поднявшихъ пыль; вправо виднѣются пашущіе крестьяне. Все это лишь дополненія картины, а главное—въ группѣ, состоящей изъ крестьянки съ сохою, остановившейся и смотрящей, защитивъ рукою отъ солнца глаза, на проѣзжихъ, можетъ-быть ожидая изъ дому обѣда или питья. Лошадь съ жеребенкомъ, вертящимся около, впряженная въ соху и фигура крестьянки такъ превосходно написаны, что всякія похвалы безсильны.

Одно упущено изъ виду художникомъ: земля, только-что поднятая сохою, какъ сырая, должна быть темнѣе взрыхленной раньше, а у него вся одного цвѣта. Ломти земли также нѣсколько однообразны по формѣ. Въ общемъ же, все-таки, повторяемъ, картина представляетъ рѣдкое явленіе.

Академикъ Ѳ. И. Ясновскій, нѣсколько лѣтъ извѣстный, какъ пейзажистъ, лишь небольшому кружку знакомыхъ любителей и художниковъ, на этотъ разъ снялъ съ себя шапку-невидимку и поставилъ на выставку цѣлый десятокъ своихъ картинъ. Работы этого мастера до того рѣзко отличаются отъ сосѣдей и товарищей и возбудили столько похвалъ, порицаній, недоумѣній, восхищеній и проч., что и не разскажешь. И дѣйствительно, трудно опредѣлить сразу: восхищаться ли надобно *такою* живописью, или жалѣть о трудѣ художника, повидимому неблагодарномъ. Правду сказать, на первый взглядъ, картины г. Ясновскаго представляются вашему взору «кусками сѣраго солдатскаго сукна», мѣстами потертаго и лоснящагося. Но, по первому взгляду, ни въ какомъ дѣлѣ правильнаго суда произнесть нельзя, а въ художествѣ тѣмъ болѣе. Тонъ и освѣщенье въ картинахъ г. Ясновскаго, дѣйствительно, не блестящи, но, вглядываясь попристальнѣе, не разъ, не два, находишь, что въ нихъ много жизни, правды, самобытно не похоже на другихъ, переданныхъ. Почти всѣ онѣ представляютъ виды Москвы или ея окрестностей. Грязная Яуза, огороженная полусгнившими заборами, съ берегами, то поросшими густою, грубою травой, то оголенными и заваленными мусоромъ; то огороды, пустыри, поросшіе бурьяномъ, крапивой, ковылемъ. Тамъ стоитъ ветхая избенка, шалашъ; возлѣ тощая, полузасохшая ива, рябина, подсолнечники, изгороди, кучи навоза, а вдали то на пригоркѣ, съ пробѣгающею по кручѣ извилисто-протоптанною тропинкою, то въ низинѣ, то удаляясь, то приближаясь, виднѣется березовая роща, въ которой вы, кажется, сочтете всѣ деревья. Родные, знакомые виды! Не смущайтесь, что воздухъ и свѣтъ на картинахъ сѣръ, не солнеченъ,—художникъ не польстилъ московской дымной атмосферѣ и жмурящемуся солнцу. Нѣкоторые изъ цѣнителей, по-

Digitized by Google

смотрѣвъ картины, выражались о нихъ, что будто тутъ «ни ночь, ни день, ни тьма, ни свѣтъ», что и справедливо, но только отчасти. Никто вѣдь изъ постороннихъ не слышитъ струнки, звучащей въ душѣ художника и заставляющей его облюбить и передать въ картинѣ не блескъ луны на морѣ, не сіяніе южнаго солнца на чистомъ небѣ, а просто будничный нарядъ нашей природы. Нѣкоторые заикнулись-было, что г. Ясновскій не видитъ солнца въ природѣ и потому такъ безцвѣтны его произведенія, но въ числѣ выставленныхъ его произведеній находится одно—видъ въ Кунцовѣ, до того ярко и бойко написанное, что многимъ порицателямъ таланта этого художника придется смолкнуть. Можно предположить, пожалуй, что удаленіе и уединеніе произведеній г. Ясновскаго не мало способствовали ихъ однотонности: сосѣдство, на выставкѣ, съ другими, рѣзко отличающимися, картинами докажетъ художнику, ошибался ли онъ.

Но вотъ произведеніе, передъ которымъ не зарождаются противорѣчія у зрителей: всѣ единодушно восхищаются имъ, это «Песчаная отмель», акад. Л. Л. Каменева. Скромно, къ одному бережку, покрытому густою травой, показавъ широкую, мѣстами, во впадинкахъ, не просохшую еще отмель другаго берега, прижалась, изогнувшись, рѣчка, отражая въ свѣтлой водѣ и зелень, и, стоящія по берегу, раскидистыя ивы, и бѣгущія по синевѣ неба облака. Вдали переходятъ черезъ рѣчку нѣсколько коровъ. Еще далѣе широкія поля, отлогій холмъ, на который такъ и хочется взойти, да посмотрѣть дальше, дальше.... Ишь какою скромницей смотритъ теперь потокъ: курица перейдетъ чрезъ него, не замочивъ яйца. А посмотрите, какъ онъ разгуляется послѣ проливнаго дождя, или таянія снѣга, весною. Съ шумомъ и трескомъ помчится онъ, ломая на пути изгороди, деревья, постройки, изрывая и размывая берега, осмѣливающіеся заградить ему путь. Такъ нашъ пригнутый, заплѣсневѣвшій въ заботахъ и работахъ крестьянинъ, дождавшись осенняго праздника, встряхнется, разгуляется, защумитъ, запоетъ и не попадайся ему тутъ на встрѣчу ни другъ, ни ворогъ,—всѣхъ угоститъ, кого пирогомъ, кого кулакомъ.... Прочь баба, попъ, баринъ: возьмите у меня годъ, дайте мнѣ недѣлю!

«Ночь», его же, Каменева, необыкновенно сильно написана и не отпускаетъ зрителя скоро отъ себя. Особенно луна, выглянувшая изъ-за разошедшейся темной массы облаковъ, до того вѣрно передана художникомъ, что, кажется, онъ ухитрился вставить въ картину кусочекъ настоящей луны, отражающейся въ озерѣ, на берегу котораго пасутся, въ ночномъ, лошади. На ближнемъ холмѣ стоитъ деревня, избы которой и мельницы живописно рисуются силуэтомъ на освѣщенномъ луною небѣ. Гдѣ-то виднѣется огонекъ.

Необыкновенно привлекательны, какъ по способу изображенія, такъ и по выбору мѣстности, картины художника С. Н. Аммосова. «Видъ

Digitized by Google

въ окрестностяхъ Москвы», «Рѣчной видъ» и «Осень»—вотъ названія этихъ картинъ. Вотъ содержаніе первой картины: прямо передъ вами, постепенно возвышаясь въ лѣвую сторону, лежитъ холмъ, покрытый рѣдкимъ кустарникомъ. Изъ-за холма, въ полуверстѣ отъ васъ, выступаетъ роща, закрывающая собою горизонтъ. Къ рощѣ прислонилось нѣсколько домиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ карабкаются на холмъ. На первомъ планѣ—ямы, наполненныя водою и обросшія по краямъ осокою и кустарникомъ. Тепло, тихо, просто, знакомо. Прелесть! *Ничего*, кажется, нѣтъ въ картинѣ, а такъ взялъ бы да и бросилъ *все*, чтобы жить въ такой деревнюшкѣ, бродить по этимъ холмамъ, кустарникамъ и рощѣ.

Въ картинѣ—«Рѣчной видъ»—г. Аммосовъ выказалъ не совсѣмъ обыкновенную силу въ изображеніи воздуха и самое тонкое пониманіе гармоніи тоновъ яснаго, теплаго, лѣтняго дня. Передъ вами берегъ рѣки, удаляющійся отъ васъ въ глубь картины. Мѣстами онъ вдался песчаными или каменистыми стрѣлками въ воду. На обрывистый и очень красивый холмъ, возвышающійся влѣво, набѣжала тѣнь мимолетнаго облачка и, кажется, сію минуту слѣтитъ тѣнь съ холма и какъ будто движется она.... Черезъ горизонтальную линію, представляемую дальними берегами рѣки, съ виднѣющимися далеко деревнями, высоко поднялось, раскаленное полдневнымъ солнцемъ, облако, принявъ самыя причудливыя, фантастическія формы. Жгучій, блестящій воздухъ, кажется, наполненъ звуками. Не далеко предъ вами молодой парень возится съ лодкою.

Лѣто прошло, наступила «Осень». Далеко стелется, волнуясь слегка, побурѣвшая, поблекшая равнина. Дальній лѣсъ еще сохранилъ нѣсколько листвы. На первомъ планѣ, мимо густаго, но потерявшаго почти весь листокъ, кустарника идетъ грязная дорога, въ колеяхъ которой свѣтится вода. На возу хвороста, везомомъ тощею сивкою, лежитъ, заломя шапку, мужичокъ. Разсгупились облачка и протянулась, пробѣжала не вдалекѣ по землѣ золотая полоса свѣта. Рѣже и рѣже стало заглядывать на землю красное солнышко; чаще и чаще стало заволакиваться густыми, тяжелыми, сѣрыми облаками синее небо; чаще и чаще сталъ мочить - кропить землю холодный дождь. Такъ, молодой ярославецъ, женясь и поживъ съ молодою подругой дома двѣ, три недѣли, отправляется въ дальній Питеръ на промыслы. Молодая жена проводитъ друга далеко, далеко, и простятся—поцѣлуются они много, много разъ, еще, еще. Ну, въ послѣдній разъ, еще крѣпкій поцѣлуй и—разстались. Отошли нѣсколько шаговъ другъ отъ друга и, обернувшись, сквозь слезы улыбнулись.... Какъ грустна эта улыбка! Зимою и вѣсти будутъ, и письма отъ друга, да самого не видно: зимою кое-когда и посвѣтитъ солнышко, да не согрѣетъ!

«Вязъ» и особенно «Плотина» академика Аммона прекрасно написаны и замѣчательны по простотѣ и правдивости колорита. Тянется передъ вами плотина, обсаженная ивами, тепло освѣщенными заходящимъ солн-

Digitized by Google

цемъ, при совершенной тишинѣ. Гладкая поверхность пруда съ отражающимися переливными цвѣтами вечерняго неба—превосходны.

Профессоръ Саврасовъ выставилъ замѣчательное по мысли произведеніе, хотя и не изъ лучшихъ своихъ работъ: «Послѣ мятели», такъ называется оно. На картинѣ представляется раннее, морозное, румяное, зимнее утро. Въ предшествовавшую бурную, снѣжную ночь, нѣсколько крестьянъ, ѣхавшихъ съ возами, потерявъ дорогу, сбились въ сторону. Усталыя лошади не меньше своихъ хозяевъ измучились, таскаясь темною ночью ни путемъ, ни дорогою, то по сугробамъ, то по обнаженному отъ снѣга вѣтромъ песку и кочкамъ. Выпрягши лошадей и оставя воза подъ надзоромъ одного или двухъ изъ товарищей, мужички отправились верхами отыскивать дорогу и селенье. Стало свѣтать; морозъ началъ усиливаться; небо стало проясняться; показался узенькій серпъ серебряной луны. Оказалось, что воза остановились неподалеку отъ обрыва горы. Внизу, за обрывомъ, чрезъ низменность, прямо отъ зрителя, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ, покрытыхъ густымъ инеемъ, деревьевъ; еще дальше—небольшой лѣсокъ, а за нимъ село и церковь, красивымъ силуэтомъ рисующаяся на дальнемъ горизонтѣ, сливающемся съ послѣдними, торопливо убѣгающими отъ лучей восходящаго солнца, снѣговыми облаками. Изъ нѣкоторыхъ трубъ сельскихъ избъ сталъ взвиваться дымокъ: хозяйки, позаботливѣе, встали и затопили печи. Вотъ свѣтлѣе, свѣтлѣе, и справа, чрезъ бугоръ, возвращаются наконецъ верховые на своихъ лошадкахъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянъ изъ села, съ лопатами въ рукахъ. Вѣтеръ еще не стихъ и мѣстами нѣтъ-нѣтъ—да и взвѣетъ, понесетъ не улегшійся еще плотно свѣженькій, мелкій и сухой снѣжокъ. Богъ милостивъ, теперь, ребята! Пріѣхавъ въ село, на постояломъ дворѣ, въ теплой, свѣтлой избѣ усядутся возчики вокругъ музыканта-самоучки — самовара, тяпнутъ по стаканчику, другому сивушки, закусятъ горячими пряженцами и, прихлебывая золотистый кипяточекъ, будутъ, посмѣиваясь надъ прошедшею бѣдою, подшучивать надъ раскраснѣвшимися до нельзя и распухшими своими щеками, растрескавшимися губами и отмороженными носами.... Вслѣдъ за чаемъ, сходивъ только провѣдать лошадей, задать имъ корма, плотно пообѣдаютъ мужички, потомъ улягутся спать, подымется въ избѣ богатырскій свистъ, храпѣнье, шипѣнье, и проспятъ они на здоровье хоть до вечера. Особенность таланта г. Саврасова заключается, между прочимъ, и въ томъ чутьѣ души художника, которое, прилѣпясь къ родной природѣ раздольной Руси, даритъ художественному міру въ своихъ картинахъ и безконечную, захватывающую духъ мелодію, и могучій, широкій, обхватывающій душу и сердце аккордъ, снопъ, родныхъ, знакомыхъ звуковъ. При всемъ томъ, картина не избѣгла порицаній даже со стороны нѣкоторыхъ художниковъ, что будто бы характеръ изображенной мѣстности слишкомъ «кавказистъ» и мало

Digitized by Google

напоминаетъ великорусскую. Кто зимнею порою въ дорогѣ не встрѣчалъ разсвѣта, тотъ могъ сказать это. Кто прожилъ вѣкъ на Плющихѣ и не бывалъ дальше Таганки, тому и Вшивая Горка покажется Кавказомъ. При начинающемся свѣтѣ, всѣ, даже хорошо знакомыя мѣста, разстоянія, предметы—какъ будто измѣняются и въ формахъ, и въ размѣрахъ, особенно въ глазахъ озябшаго, голоднаго и усталаго путника. Мы находимъ, что г. Саврасовъ, болѣе или менѣе какъ мыслитель и опытный, бывалый человѣкъ, не могъ не чувствовать всей глубины задачи, поставленной имъ самому себѣ въ описываемомъ произведеніи и выполненной мастерски.

«Рыболовъ» г. Перова поражаетъ простотою смысла и богатствомъ исполненія, свойственными кисти этого художника. Старичокъ, повидимому изъ военныхъ, судя по закорузлому лицу и усамъ, видимо страстный и опытный рыбоудъ, пристроился съ удочками на берегу, закинулъ ихъ, окруженный жестянкой съ червями и посудиной со всякою сбруей для мокрыхъ гостей, вооружа руку табакеркою, а глаза очками, и сохраняя приличествующее молчаніе. Усѣлся-было старичокъ и взялся за табакерку, а поплавокъ юркъ-юркъ, крошечный колокольчикъ, привязанный къ удилищу, динь-динь! Рыболовъ, устремивъ, черезъ очки, глаза, быстро поднялся на половину и, упершись руками въ колѣна, согнулся, раскрылъ ротъ и, полный ожиданія и сладостной муки предвкушенія блаженства, будто окаменѣлъ на мгновеніе, какъ котъ, готовый съ быстротою молніи, но безъ шума, схватить добычу. Рыболовъ поставленъ въ картинѣ прямо противъ глазъ зрителя, отражаясь въ водѣ, составляющей первый планъ. Удочки написаны въ раккурсъ. Характеръ и ощущенія рыболова такъ выражены, что, остановясь предъ картиною, боишься заговорить громко, чтобы не испортить дѣла у старика. Пейзажъ картины—вечеръ; платье, сапоги — все это живое. Что касается до размѣра картины, здѣсь чувство мѣры приложено, найдено: рама не требуется ни больше, ни меньше.

Г. В. Маковскій выставилъ двѣ картины. Одна изъ нихъ—«Атака»—по содержанію такая прекрасная вещь, что одна доставила бы извѣстность художнику, еслибъ онъ нуждался въ ней. Мальчикъ-сапожникъ идетъ по улицѣ, неся чашку соленыхъ огурцовъ изъ лавочки. Навстрѣчу ему попалась ватага мальчиковъ-пѣвчихъ, — вотъ они-то и атаковали бѣднаго сычужника, прижавшагося къ стѣнѣ и смотрящаго исподлобья на врага, инстинктивно заслоняя огурцами свою физіономію, на которую уже поднятъ не одинъ кулакъ. «Еслибы не огурцы, я бы задалъ вамъ», говоритъ, кажется, коренастый мальчуганъ. Сцена правдивая и притомъ чисто-московская.

«Точильщикъ», его же, снабженъ несоразмѣрно-малою головой; поза, кажется, навѣяна теньеровскимъ точильщикомъ (извѣстнымъ по гравюрамъ), только, разумѣется, поставленъ здѣсь не голландецъ, а русакъ.

Digitized by Google

ловко написана одежонка на парнѣ. Жаль, что фонъ картины—ледяная стѣна, а подъ ногами паркетъ. Строго говоря, это хорошій этюдъ, а не плохая картина.

Г. Крамскій, кромѣ упомянутаго этюда — «Голова крестьянина»— выставилъ еще три портрета, гг. барона Клодтъ, Васильева и Антокольскаго, чрезвычайно интересныя работы на бумагѣ карандашами, сепіею и бѣлилами. Ничего подобнаго намъ не приходилось видѣть въ этомъ родѣ. Естественность позъ, ловкость рисунка и сила рельефа, при необычайномъ сходствѣ, какъ утверждаютъ знающіе,—словомъ, все, что требуется отъ произведеній этого рода, здѣсь имѣется въ обиліи. Но лучшимъ его произведеніемъ на этой выставкѣ должна почесться, по справедливости, «Майская ночь»; сюжетъ взятъ изъ Гоголя. Въ рѣчкѣ, покрытой у береговъ водорослями, купаются, при лунномъ свѣтѣ, дѣвчата. Нѣкоторыя сидятъ премило составленными группами, другія по-одиночкѣ, выжимая воду изъ волосъ, или предаваясь мечтамъ.... Вотъ сидитъ одна и, грустная, обрываетъ лепестки цвѣтка, приговаравая шепотомъ: «любитъ, не любитъ».... И какія прелестныя головки всѣхъ дѣвушекъ и какъ выразительны! Въ высшей степени трудная задача—передать красками лунный свѣтъ, лишающій предметы рѣзкихъ очертаній, таинственный, полный тишины и очарованія. Только поэтъ можетъ понять и растолковать поэта. Нельзя не поздравить наше искусство съ такимъ дѣятелемъ, какъ г. И. Н. Крамскій. «Охотникъ на тягѣ», его же (собств. Гос. Импер.), выше всякаго описанія.

Даровитый художникъ-москвичъ, И. М. Прянишниковъ, отличающійся по силѣ живописи и умѣнью распорядиться составомъ картины, выставилъ, полуразмѣромъ, по обыкновенію, но въ высшей степени интересную вещь. Зимою, по морозцу, дѣло къ вечеру, по гладко укатанной дорогѣ, извивающейся по снѣжнымъ полямъ, иногда около лѣска, иногда около деревушки, то огибая бугорокъ, съ стоящими на немъ одиноко, рѣдкими деревцами, тянутся «Порожняки», вѣроятно, свезшіе что-нибудь въ городъ. На одной изъ подводъ, въ розвальняхъ, сидитъ молодой человѣкъ, повидимому семинаристъ-студентъ, надвинувъ фуражку на голову до самыхъ глазъ и всунувъ рукавъ въ рукавъ, согнулся, собрался весь въ кучку, желая согрѣться. Возлѣ лежитъ узелокъ и связка книгъ. Надобно много наблюдать, изучать чтобы такъ мастерски-вѣрно передать кистью этихъ гнѣдковъ и буланокъ, и сбрую на нихъ, и воронъ, нашедшихъ себѣ на дорогѣ потерянный обѣдъ и развлеченіе.

Два эскиза А П. Боголюбова—«С.-Мало» и «Могила Шатобріана въ С.-Мало» — чрезвычайно ловко наброшены меткою и сильною кистью нашего талантливаго и опытнаго художника.

Художника Жукова двѣ женскія фигуры въ комнатѣ, названныя почему-то «Совращеніе» и «Переселенцы», сцена изъ романа г. Григоровича,—довольно слабыя вещи даже сравнительно съ его же картиною—

Digitized by Google

«Увѣщаніе раскольника». Дѣло происходитъ въ избѣ. За столомъ, съ стоящими на немъ водкою и закуской, сидятъ и горячо спорятъ священникъ съ старикомъ-крестьяниномъ. Одинъ изъ раскольниковъ вспрыгнулъ на лавку и достаетъ съ полки (полавочникъ) книгу. Попадья тоже ведетъ споръ со старухою, сложившею два перста и поднявшею руку. Далѣе, молодуха, кормя грудью ребенка, слушаетъ спорящихъ. Спрятавшись за нее, черноглазый и черномазый мальчуганъ недовѣрчиво поглядываетъ на переднихъ. По мысли и удачно расположеннымъ фигурамъ картина недурна. Видна наблюдательность. Характеры выражены удовлетворительно. Живопись не можетъ назваться хорошею,— черна и красочна.

Тѣми же достоинствами и недостатками обладаетъ и картина художника Бѣлоусова «Чтеніе Библіи»; но здѣсь болѣе игривости въ замыслѣ. Завзятый франтъ, писецъ, или много регистраторъ какой-нибудь, убійственно всегда приглаженный, напомаженный, въ пестромъ галстукѣ и клѣтчатыхъ брюкахъ, всегда «при часахъ», удивительно полюбилъ слушать чтеніе Библіи, въ домѣ одного почтеннаго русскаго человѣка, живущаго скромно и уютно въ своемъ домикѣ, гдѣ-нибудь въ безыменномъ переулкѣ, у заставы, съ старушкою-женой и дочкою. И не вдомекъ добрякамъ, что не Библія тащитъ молодца ходить къ нимъ каждодневно. Старики, одинъ съ книгою, другой съ чулкомъ, оба въ очкахъ, и гость помѣстились за столомъ. Гость, перекинувъ руку черезъ спинку стула, внимательно слушаетъ книгу Ездры, а самъ сжимаетъ, перекинутою рукой, записочку, ловко всунутую ему, мимоходомъ, черноглазою плутовкой, хозяйскою дочерью. Очень вѣрно и ловко передано выраженіе физіономій, особенно гостя. Оборотясь впередъ, онъ видимо смотритъ назадъ, а дѣлать нечего: безъ Библіи нѣтъ романа! Хорошо написана обстановка комнаты; стѣнные часы, образа, гравюры по стѣнамъ, мебель и даже бутылка, привязанная за горлышко, повѣшенная у окна для стока въ нее воды съ подоконника.

Художника Каллистова картина — «Экзаменъ на дому» — обладаетъ большими достоинствами, помимо содержанія, и по живописи. Экзаменаторъ, человѣчина почтенныхъ лѣтъ, съ изряднымъ брюшкомъ, въ халатѣ и туфляхъ, съ трубкою, выслушиваетъ отвѣты приведеннаго къ нему отцомъ, сельскимъ дьячкомъ, сына-семинариста. Очень типична фигура дьячка. Приземистый, рыженькій, съ заплетенною косичкой, въ длинномъ полукафтаньѣ, нагнувшись корпусомъ и потирая руки, переминаясь и съ экстренною улыбкой поглядывая своими плутоватыми, бѣгающими глазками на экзаменатора, стоитъ онъ смиренно у дверей. Будущій богословъ видимо тупенекъ, да ничего; привезенная изъ деревни благодарность сдѣлаетъ за него дѣло.

Гораздо слабѣе по живописи, но недурная по содержанію, картина художника Соколова—«Поздравленіе молодыхъ». Ватага молодцовъ вва-



Digitized by Google

лила въ комнату, гдѣ молодые, съ батюшкою, матушкою, братцемъ и свахою усѣлись пить *первый* семейный чай. Молодые встали. Сваха, съ неизбѣжнымъ краснымъ бантикомъ на охапочкѣ (такъ называется головной уборъ: шелковый платокъ складываютъ особымъ способомъ въ сотню складокъ, образуя крѣпко сидящую на головѣ шапочку,— классическая повязка замоскворѣцкихъ купчихъ средней руки и богатыхъ раскольницъ и свахъ), стоитъ, подбоченясь, и, съ сознаніемъ удачно выполненной миссіи, нагло смотритъ на пришедшихъ. Съ не менѣе наглыми улыбками смотрятъ на молодыхъ поздравляющіе, изъ которыхъ передній, выбранный, вѣроятно, ради длинной бороды, въ ораторы, отпустилъ какую-то штуку, заставившую молодую покраснѣть, а братца глупо улыбнуться, обернувшись на краснобая. По полу разгуливаетъ пара гусей, принесенныхъ артелью, одинъ съ голубою, другой съ розовою ленточкой на шеѣ. Старикъ-отецъ, съ кислою миной, роется въ кошелькѣ.

«Сцена у мироваго судьи», художника Малышева, очень многодѣльна и весьма сильна по живописи, но не производитъ впечатлѣнія, причиною чему, кажется, служитъ сложность картины и неясность мысли. Взятыя отдѣльно, почти всѣ фигуры замѣчательны по выраженію. Обстановка камеры и всѣ мелочи выполнены превосходно. Гораздо лучше, по содержанію, картина того же художника—«Арестанты». Нѣсколько бѣдняковъ и бѣдняжекъ, у которыхъ судьба-мачиха вытащила изъ-подъ ногъ свою дорогу и отдала ихъ въ жертву кабака и полиціи—два пункта, гдѣ начало и конецъ жизненныхъ отправленій десятковъ тысячъ несчастныхъ, потонувшихъ въ столичномъ омутѣ, одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы и скорчившихся, по приказанію мороза (и этотъ противъ нихъ), шествуютъ, въ сопровожденіи двоихъ городовыхъ, въ ворота частнаго дома, встрѣченные на поворотѣ вѣтромъ, легонько вьющимъ снѣжокъ съ крышъ, и послѣдними, красноватыми лучами заходящаго солнца. У воротъ, возлѣ будочки, стоитъ, поглядывая равнодушно на сборище, часовой-пожарный, одѣтый въ казенный сѣрый тулупъ и гробоподобные кеньги, очень дружныя съ морозомъ и враги всѣхъ часовыхъ. Всѣ фигуры схвачены съ натуры, освѣщеніе очень хорошо, равно и снѣгъ и даже застывающій паръ дыханія часоваго.

«Рыбаки», его же, картина больше выработана и хороша по содержанію, но пейзажъ слабъ, а онъ играетъ большую роль въ картинѣ. Старикъ-помѣщикъ, можетъ-статься генералъ, въ бѣломъ кителѣ и красномъ околышѣ, да священникъ, въ простенькой ряскѣ, усѣлись спинами къ зрителю, рядкомъ, на берегу озера и, закинувъ удочки, дружелюбно разговариваютъ. Позади ихъ растянулся мальчуганъ, поставщикъ червей.

Портретъ г. Т., художника Сѣдова, отличается большими достоинствами, въ противуположность работамъ академика Десятова. Портретъ г. Соловьева и голова крестьянки—это какая-то *лизаная*, по выраженію одного спеціалиста, живопись, плоская и условная. Помимо сходства,

Digitized by Google

другихъ достоинствъ портретъ не имѣетъ, къ сожалѣнію. Съ рисункомъ нѣтъ ладу; руки какъ бы вывернуты и коротки.

«Голова крестьянки», несмотря на сильную по тонамъ, но въ высшей степени фальшивую и красочную живопись, могла бы и не являться на выставку. Такая, далеко не изящная модель если въ натурѣ и нравится цинику, за то, воспроизведенная въ искусствѣ, она оскорбляетъ чувства созерцателя и ропщетъ художника. При томъ же тутъ изображена и не крестьянка вовсе: если женщина хотя и родилась крестьянкою, но прожила въ столицѣ кухаркою, нянькою, нѣсколько времени, это ужь не крестьянка. Тутъ типъ получается совсѣмъ другой. Вотъ дѣйствительно крестьянка написана г. Мартыновымъ (ученикъ). Сколько простоты и изящества въ живописи; какая правдивость тоновъ, какое благородство кисти. Краски совершенно исчезаютъ передъ вами. И какъ превосходно поставлена вся фигура дѣвушки! Слегка наклонивъ голову, украшенную позументною повязкой, почти въ профиль, приложивъ одну руку къ подбородку, стоитъ, задумавшись, съ самымъ наивнымъ и вмѣстѣ невыразимо глубокимъ выраженіемъ въ лицѣ «Крестьянка» г. Мартынова, правдивая и блестящая скромностью колорита и великолѣпіемъ рисунка. Картина поражаетъ, помимо живописи, необыкновенною гармоніею линій, обличающею въ художникѣ сильное чувство красоты и умѣнье подмѣчать ее въ природѣ. «Старикъ, вяжущій чулокъ», г. Мартынова же, не безъ достоинствъ, но слабѣе «Крестьянки».

Художника Борецкаго два пейзажа, съ елями, соснами, березами, лазурью, тердисенью и прочимъ, представляютъ собою образцы, какъ художникъ можетъ заблудиться въ лѣсу, если пишетъ его, не выходя изъ комнаты и не спрашиваясь профессора всѣхъ профессоровъ—природы; тогда выходитъ очень красивая «отсебятина», пригодная для украшенія бѣсѣдки.

Украшеніемъ отдѣла училища выставки, безъ сомнѣнія, служатъ произведенія знаменитаго рисовальщика малороссійскихъ сценъ, г. Трутовскаго (академика). Игривость и задушевность содержанія картинъ его, рѣзко выдѣляющихся изъ ряда многихъ другихъ, болѣе выработанныхъ, ставятъ художника въ переднемъ ряду. Живопись его легка и видимо не отнимаетъ у художника много времени: оно лучше и несравненно съ большею пользою употребляется имъ на обдуманность состава картины. Такъ и слѣдуетъ. Процессъ мазанья и черканья кистью доступенъ каждому, кому придетъ охота взяться за это; выразить же мысль, притомъ такъ, чтобъ она сразу, безъ подписи подъ картиною, усвоивалась зрителемъ, вотъ задача, которую долженъ преслѣдовать художникъ. Зрѣлый и сильный талантъ г. Трутовскаго выражается въ его произведеніяхъ именно такимъ образомъ. Вотъ его картина—«Мимоходомъ». Въ жаркій лѣтній день молодой паробокъ, развалясь на снопахъ сжатой ржи въ полѣ, уснулъ, пригрѣтый солнцемъ и держа въ рукѣ свою неразлучную

*

Digitized by Google

люльку. Легкій вѣтерокъ волнуетъ рожь, покрывающую поле, раскинувшееся далеко, далеко. Чрезъ него вдали виднѣются лѣсокъ и деревушка. Дорогою, мимо спящаго, идутъ три дѣвушки, знакомки сони; онѣ остановились, улыбаясь, и одна изъ нихъ осторожно нагнулась, чтобы взять у спящаго изъ рукъ люльку: пусть проснется и поищетъ! Что можетъ быть проще и милѣе такого состава картины? Три прехорошенькія, разрумянившіяся отъ жару и ходьбы черноглазыя, плутовато улыбающіяся личика и сладко спящій беззаботный паробокъ. Да, такая сцена, даже нарисованная карандашомъ, будетъ стоить иной масляной картины. Другая картина—«Свиданіе»—не такъ ясна по мысли, какъ первая, но такъ же поражаетъ зрителя, обдавая его будто тепломъ. При закатѣ солнца, дѣвушка пошла на рѣчку за водой. Но не въ водѣ тутъ была сила. Дѣвушка, поставивъ у изгороди ведра, приподнялась на нее и смотритъ, поднявъ надъ глазами руку, вдаль, полная ожиданія. Теплота вечера и освѣщеніе выражены превосходно. Въ третьей картинѣ—«У колодца»—представлена молодая дѣвушка, только-что наполнившая водою ведра изъ колодца и дающая пить сѣдому старику-хохлу. Мимо шли воза; молодой чумакъ, увидавъ колодецъ, т. е. дѣвушку, тоже вѣроятно почувствовалъ жажду; онъ подошелъ и смотритъ въ глаза пристыдившейся дѣвушки, которая, прилично случаю, покраснѣла и потупила глазки. Во всѣхъ произведеніяхъ г. Трутовскаго дышетъ золотая Малороссія, добрая, наивная, правдивая. Аксессуары—и говорить нечего, какъ хороши у г. Трутовскаго. Всѣ эти свитки, плахты и прочія принадлежности малороссійскаго одѣянія и укрыванія написаны—какъ лучше быть нельзя вѣрно. По такимъ картинамъ, наслаждаясь, можно изучить Малороссію, не бывавъ въ ней. Еслибы произведенія г. Трутовскаго, сверхъ того, посерьезнѣе были бы выработаны, это были бы неподражаемыя вещи. Непростительно тому, кто можетъ, да нехочетъ сдѣлать.

Къ числу удачныхъ, въ различной степени, ученическихъ произведеній относится Митрофанова—«Лѣсникъ». Здоровый парнище, рьяный слуга какого-нибудь богача, владѣльца лѣса, въ сильный морозъ и вьюгу выслѣдилъ бѣдняка, мусорнаго мужичонка, набравшаго возишко хворосту для отопленія своей дырявой хаты,—возишко, который съ трудомъ по глубокому снѣгу привезъ его тощій буланко и который составилъ бы не очень тяжелую ношу для откормленнаго и отпоеннаго лѣсника. Буланко выпряженъ и стоитъ, понуря голову, около воза и понурившаго также, въ отчаяніи, голову хозяина, оглядываясь на изрыгающаго проклятія сквернословца-лѣсника, размахивающаго руками, и какъ будто говоритъ: «право, я не понимаю, чѣмъ тутъ виноватъ хозяинъ: еслибы меня не было, онъ не поѣхалъ бы за дровами и не попался бы тебѣ въ лапы; поругай да побѣй, коли охота, лучше меня. Я таковская скотина, а онъ вѣдь человѣкъ». Сцена грустная. Самая избенка, полу-

Digitized by Google

занесенная снѣгомъ, какъ будто съежилась отъ страха быть не топленною и какъ-то не то зло, не то боязливо высматриваетъ своими, чуть видными, перекосившимися отъ страха, глазами—окошками. Изъ приотворенной двери сѣней смотритъ испуганно бабенка. У ногъ пугалалѣсника лежитъ здоровенный песъ. Да что подѣлаешь: вотъ бѣднякъ, изможденный, состарѣвшійся и охилѣвшій преждевременно въ страшныхъ усиліяхъ добыть себѣ хлѣбца и возможности заплатить тяжелыя подати, чтобъ имѣть право безбоязненно глодать свою корку, за охапку хвороста, взятаго имъ изъ сосѣдняго лѣса, будетъ или *ободранъ* лѣсникомъ, не довòдя до владѣльца, или будетъ судимъ въ сущности за то, что хотѣлъ поотогрѣть свое отживающее, полуохолодѣвшее тѣло, чтобы сберечь его на страдное лѣто, дающее ему нѣчто для того, чтобы снесть это нѣчто, можетъ-статься, на содержаніе того самаго суда, который и покараетъ, согласно мертвой буквѣ закона, не понятой живыми людьми, его, а владѣлецъ—Богъ знаетъ откуда и какъ пришедшего къ нему капитала—можетъ сводить безнаказанно *свой* лѣсъ, оголять цѣлыя губерніи, лишать почву и воздухъ необходимой влаги, осушать озера и обмелять рѣки, превращая, почти безданно-безпошлинно, лѣсъ въ процентные билеты, и создавать себѣ дивиденды на счетъ обѣднѣнія и народа, и почвы, и воздуха цѣлыхъ губерній. Бѣдный попавшійся мужичокъ, погоди немного, скоро тебѣ не нужны будутъ дрова, и лѣсника бояться ты не станешь: смерть дастъ тебѣ избушку, не нуждающуюся въ отопленіи. А до тѣхъ поръ еще придется тебѣ попотѣть въ камерѣ суда—можетъ не часъ, не два, а нѣсколько дней.... Вѣдь нельзя же судьѣ бросить важныя дѣла, въ родѣ дѣла о пропажѣ предводительской собаки, и заняться тотчасъ же такимъ пустяшнымъ дѣломъ, какъ твое. Другая картина г. Митрофанова—«Пушкарь»—тоже не лишена достоинства и нравится своимъ содержаніемъ. Оно очень просто: старый инвалидъ, съ посѣдѣвшею головою и усами, принесъ своему крошечному внуку игрушку—пушку деревянную и учитъ, какъ стрѣлять изъ нея.

«Даровое бритье», г. Щеглова, останавливаетъ на себѣ вниманіе не столько исполненіемъ (оно не дурно), сколько скрытою, но выплывающею наружу мыслію автора. Если вы, читатель, не служите въ полиціи, а числитесь простымъ смертнымъ, и если вы стрижетесь и брѣетесь иногда, то, вѣроятно, являетесь для этого въ цирюльню, гдѣ за гривенникъ или дороже, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, васъ похолятъ, поскоблятъ и сдѣлаютъ годнымъ къ какому угодно дѣлу. Любо служить въ полицейскихъ городовыхъ: выросла у васъ борода, спутались волосы,—идите въ цирюльню, находящуюся въ вашемъ околодкѣ, и васъ отшлифуютъ даромъ. Портной, сапожникъ, столяръ, булочникъ—все это служитъ полицейскому и *благодаритъ* его и услугами, и товарцемъ. Только одни гробовщики, кажется, избавлены отъ обязанности служить полицейскому товарцемъ.

Digitized by Google

Произведенія учениковъ: Иванова—«Мальчикъ съ книгою», Алтынова—«Дѣвочка», Румянцова—«Возвращеніе съ вербы» и «Утро въ семействѣ»—являютъ собою тотъ родъ работъ начинающихъ, который не даетъ зрителю права ни отнестись къ нимъ равнодушно, потому что въ нихъ есть что-то затрогивающее и заставляющее ожидать несравненно лучшаго и зрѣлаго въ будущемъ, ни восхвалять ихъ, въ ущербъ справедливости, потому что въ нихъ есть очень чувствительные промахи и дѣтскіе грѣхи противъ натуры, особенно въ колоритѣ. Лучшая изъ нихъ «Утро». Упрямый мальчуганъ не хочетъ прочесть утреннюю молитву, а желаетъ прямо сѣсть за столъ, за чай, за крендельки. Бабушка же принуждаетъ молиться шалуна, и онъ, страшно сморщивъ лобъ, гримасничая и кобенясь (все это выражено въ картинѣ хорошо), нехотя, косясь на кипящій самоваръ, крестится и вѣроятно цѣдитъ сквозь зубы слова молитвы. Аксессуары сильно выполнены, особенно зеркало, слегка нагнутое, съ отражающеюся въ немъ частью комнаты, стола съ самоваромъ и проч.

Ученика Александрова портреты: г-жи N и мальчика—даютъ возможность, весьма вѣроятную, имѣть въ художникѣ мастера портретной живописи. Ученика Шатилова—«Приказаніе» и другая—«Приглашеніе»,—надобно сознаться, мало оправдываютъ, содержаніемъ, приданныя имъ заглавія: приказанія не слышно; приглашенія не видно. Но въ нихъ есть хорошее, несмотря на неестественно-черный тонъ живописи. Физіономія лакея, въ одной изъ картинъ, превосходна до того, что, кажется, вырѣжь эту голову изъ картины и налѣпи на что хочешь, всякій скажетъ, что это именно лакей, а не кто-либо. Портреты г-на и г-жи Ш., его же, написаны, за небольшими исключеніями, слабо и черно. О сходствѣ ихъ сказать ничего не можемъ, не зная личности изображенныхъ.

Вольнаго посѣтителя Пестова—портретъ г-жи Н. С. Н. не дурно написанъ, также какъ и его «Прялка», хотя въ обоихъ произведеніяхъ сильно выступаетъ красочность, а потому они и страдаютъ, при естественности положенія фигуръ, несомнѣнныхъ достоинствахъ рисунка и сильномъ рельефѣ, особенно «Прялка», неестественностью колорита.

Ученика Пупыкина «Ночной сторожъ»—картина, не лишенная достоинствъ по живописи. Освѣщенный свѣтомъ фонаря, у стѣнки, сидя и держа въ рукахъ палку, сладко дремлетъ, а можетъ-быть и храпитъ на всю улицу, старикъ-сторожъ, согрѣтый своимъ тулупомъ. Въ этой картинѣ, сдается намъ, таится попытка указать: кому-де поручаемъ мы охраненіе нашего имущества и спокойствія въ темную ночь. Если такъ, то нельзя не пожалѣть, что художники наши удаляются съ праваго, чистаго пути искусства и забираются въ не подлежащую ихъ вѣдѣнію область газетныхъ корреспонденцій.

«Любитель», ученика Поспѣлова, очень недурно написанъ и выраженъ.

Digitized by Google

Фигура лысаго, кубастаго господина, сидящаго передъ картиною, довольно правдоподобная физіономія, выражаетъ удовольствіе. Въ общемъ картина производитъ комическое впечатлѣніе, также какъ и ученика Грибкова картина—«Дѣдушкинъ фракъ» и другая «Дѣти и мышь»; но эти послѣднія выше предшествовавшей по всему. Бабушка вздумала перетряхнуть рухлядь, хранившуюся въ сундукѣ, и съ этою цѣлію повытаскала изъ него и платья, и кофты, и муфты и проч. Внучата, мальчикъ и дѣвочка, пользуясь отвлеченнымъ въ сундукъ вниманіемъ бабушки, живо сломали комедію: одинъ, нарядясь въ дѣдушкинъ мундиръ и шляпу, всталъ съ важностью на стулъ, а другая, утопивъ свою бѣлокурую головку въ старинной, съ ведро величиною, шляпѣ бабушки и придерживая ее ручонками, смотритъ, смѣясь, въ глаза комично-грозному братишку. «Дѣти и мышь» правильнѣе было бы назвать—«Общее вниманіе», потому что на картинѣ изображенъ уголъ кухни, гдѣ въ самое темное мѣсто, подъ лавку, смотрятъ съ большимъ вниманіемъ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, одинъ съ лавки, на которой лежитъ, а другая перевѣсясь черезъ стоящій на полу боченокъ, возлѣ котораго, вытянувшись, ушки на макушкѣ, іезуитскимъ шагомъ подвигается въ уголъ котъ, плохо написанный, къ слову сказать. Такіе сюжеты, притомъ выполненные не дурно, дѣйствуютъ на невзыскательнаго зрителя очень благопріятно, за что дадимъ честь художнику.—«Дѣвочка кормитъ теленка». Грибкова же, кромѣ комичности названія, ничего не заключаетъ въ себѣ интереснаго: ни фигура дѣвушки, ни даже головка ея не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, идеальнаго. Теленокъ—видно, что теленокъ, а не верблюдъ и не олень—и только. Аксессуаръ мѣстами не дуренъ.—«Студень», его же, болѣе имѣетъ правъ на вниманіе. Старушка, вынувъ изъ печки горшокъ со студенью, вынимаетъ ее оттуда. Мальчуганъ, внукъ, тутъ-какъ-тутъ, является глодать кости и выбирать себѣ бабки,—многимъ знакомая исторія дѣтства. Къ сожалѣнію, и въ этой картинѣ сильнѣйшую сторону представляетъ второстепенное дѣло—аксессуары, фигуры же далеко не типичны и не сильны по исполненію.

Любителя Башилова—«Крестьянинъ въ бѣдѣ»—вещь не большая по размѣрамъ, но производящая сильное впечатлѣніе. Заѣла нужда мужика, набралъ онъ дровецъ возишко, поѣхалъ въ городъ, а на дорогѣ, далеко отъ деревни, въ полѣ, лошадка его взяла да и упала. Мужичокъ измучился, поднимая лошаденьку. Онъ и сѣнца-то подложилъ ей къ мордѣ,—ничего не беретъ. Не встать рыжку! Отслужилъ онъ свою службу, окончилъ вѣкъ. Разогрѣлся на морозѣ мужикъ, возясь около рыжка; рукавицы брошены, кругомъ сѣрая, темная даль, и ни души въ виду. Кажется, съ горя мужикъ хочетъ всплакнуть,—да что же боьше и дѣлать ему теперь? Жучка, пріятель покойника, взявшійся-было сопровождать хозяина съ дровами, въ городъ, нюхаетъ, какъ-то странно-озадаченный и недовѣрчиво, морду павшаго друга.

Digitized by Google

Ученика Разовскаго—«Ссора»—прехорошая по содержанію и сильная по живописи вещь. Старушка, съ щеткою въ рукахъ, выговариваетъ бездѣльнику-внуку, что онъ все рѣжетъ бумагу да соритъ по полу,—«не успѣешь выметать». Внукъ, стоя на колѣняхъ съ ножницами въ рукахъ, поднялъ къ бабушкѣ лицо, передразнивая ее, скорчивъ рожу и высуня языкъ. И почти все это выражено въ самыхъ художественныхъ формахъ.

Ученика Старченкова—«Богомольцы»—картина, выходящая изъ ряда по исполненію. Необыкновенная твердость и самоувѣренность кисти и вѣрность, даже матеріальность живописи положительно поражаютъ глазъ. Сцена происходитъ на паперти какого-то собора. Въ ожиданіи службы, двое богомольцевъ, женщина-крестьянка среднихъ лѣтъ и старичокъ-крестьянинъ, усѣлись на полу. Къ женщинѣ подсѣлъ бродячій монахъ, или, вѣрнѣе, человѣкъ, носящій монашескую одежду, молодой, здоровый, краснолицый, съ разбойничьими глазами парнище и, вынувъ изъ-за пазухи «божественную» книжку, можетъ-быть «Сонъ Богородицы», читаетъ ее, обращаясь къ бабѣ. Въ высшей степени правдивы всѣ три фигуры въ этой картинѣ какъ по типичности и выраженію лицъ, такъ и расположенію. Что же касается передачи матеріала, составляющаго необходимое дополненіе собственно къ идеѣ: и понитокъ на женщинѣ, и лапти, и платокъ, армякъ на старикѣ, возлѣ корзинка съ дорожнымъ запасомъ, сапоги и пр. — все это передано профессорски, а штукатурка стѣнъ, ступени и помостъ такъ написаны, что обманывается глазъ.

Произведенія художника Фартусова: «Поселянинъ благодаритъ св. Сергія за исцѣленіе сына», «Сошествіе св. Духа» и «Скорбящая Божія Матерь»—представляютъ собою что-то среднее между иконою и картиною. Разсматривая по частямъ, въ этихъ работахъ встрѣтишь много хорошаго, а въ общемъ онѣ не производятъ впечатлѣнія выше того, которое испытываешь при видѣ хорошей иконы. Фигуры подобраны съ трудомъ; группы составлены насильно, и все вообще отличается какою-то принужденностью, тяготящею взглядъ и мысль наблюдателя.

Ученикъ Старосколькій, въ своемъ «Увѣщаніи преступника», доказалъ, что онъ умѣетъ выбрать натурщиковъ и составить изъ нихъ картину. Физіономія молодаго преступника, содержащагося въ камерѣ и слушающаго пришедшаго къ нему священника, очень хорошо написана и выражаетъ, что онъ слушаетъ увѣщателя ухомъ, но оффиціальныя, заученныя, а потому бездушныя слова пастыря по казенной надобности—не доходятъ до сердца, потому что не туда они и адресованы. Фигура священника превосходна и по живописи, и по содержанію. Внутренность камеры и вообще аксессуары выполнены въ полномъ смыслѣ слова прекрасно.

Digitized by Google

Но всѣхъ сильнѣе, по техникѣ, картины ученика Манизера: «Неудавшійся портретъ» и «Сельская школа». Въ первой картинѣ, представляющей внутренность кабака, съ необычайною вѣрностью, даже до исчезновенія красокъ, переданы художникомъ и дешевенькіе обои, мѣстами засаленные и изорванные, старая, растрескавшаяся, избитая, по-угламъ, изразцовая печь, столы, стулья съ наросшею на нихъ грязью, стойка и шкафъ съ посудою и проч. Грустно становится при мысли, что талантъ несомнѣнный тратится на изображеніе предметовъ, которые никакъ не должны бы забираться въ область искусства на первое мѣсто и поглощать дарованія художниковъ. Еще грустнѣе сцена, происходящая въ кабакѣ, на картинѣ г. Манизера: молодой художникъ, повидимому постоянный посѣтитель «заведенія», взялся, можетъ-быть за косушку водки, нарисовать портретъ съ одного изъ завсегдателей кабака. Портретъ конченъ; призвана экспертиза, состоящая изъ друзей закащика, людей разнаго сброда, между которыми замѣшался и старикъ въ истертомъ военномъ сюртукѣ, можетъ-статься бывшій квартальный. Эксперты, повидимому, не находятъ сходства въ портретѣ, что заставляетъ художника сконфузиться и горячиться, доказывая противное.... Напрасный трудъ! Никто ничѣмъ не докажетъ, чтобы кабакъ способствовалъ чему-либо полезному. Не одна жизнь, не одно дарованіе погибло преждевременно подъ развалинами «раздавленныхъ» полуштофовъ и бутылокъ. Гибель таланта неизбѣжна, если живой сосудъ, содержащій его въ себѣ, вмѣсто изученія исторіи и искусства по памятникамъ, письменнымъ и инымъ, примется, подъ вліяніемъ извѣстнаго повѣтрія, прямо яко бы за изученіе современнаго состоянія общественныхъ нравовъ и жизни и бросится шнырять, вмѣсто библіотекъ и ученыхъ собраній, по баламъ, клубамъ (тѣ же кабаки), бильярднымъ, кабакамъ и другимъ «заведеніямъ», гдѣ и превращаетъ свои «свободные» часы въ несвободные и гдѣ гаснутъ невозвратно всѣ духовные, животворящіе элементы искусства, уступая мѣсто безжизненнымъ, лишеннымъ внутренняго, духовнаго содержанія, внѣшне-естественнымъ формамъ чисто-физіологическаго содержанія.

«Сельская школа» отличается большими достоинствами во многихъ отношеніяхъ и принуждаетъ простить автору его «кабацкое» прегрѣшеніе. Въ школѣ происходитъ экзаменъ бѣлоголовыхъ крестьянскихъ дѣтей. Экзаменаторы, священникъ и чиновникъ, помѣстились за столомъ, спинами къ окнамъ, а супротивъ ихъ стоятъ дѣти. Одинъ изъ мальчугановъ, подозванный къ столу, затруднился отвѣтить на сдѣланный ему вопросъ, что поставило въ ужасное положеніе, дрожащаго за свое мѣсто, бѣднягу-учителя, стоящаго подлѣ стола и всѣми, только незримыми экзаменаторамъ, знаками старающагося вразумить ученика. Позади учителя, на лавкѣ, у окна, дремлетъ, опершись на палку, сотскій, а рядомъ сидящій сельскій староста, позевывая и изгибаясь отъ скуки

Digitized by Google

смотритъ изъ окна. Всѣ фигуры типичны и въ высшей степени умно и правдиво расположены. Но всего лучше, на грѣхъ опять, написаны аксессуары. Сосновыя стѣны избы и потолокъ—живыя. Передній уголъ, образа съ теплющеюся предъ ними лампадкою—прелесть.

Ученика Богатова—«Возвращеніе съ рынка»—необыкновенно правдива по содержанію, хорошо написана и заключаетъ много юмора. Ученикъ—сапожникъ, или столяръ, въ опоркахъ, при фартукѣ, возвращаясь съ рынка съ кулькомъ провизіи, усѣлся въ сторонкѣ и съ наслажденіемъ потягиваетъ изъ кувшина хозяйское молоко, льющееся черезъ губы на грудь и колѣни. Товарищъ мальчика-эконома, лохматый *шарикъ*, умильно смотритъ, виляя хвостомъ и положивъ лапу на колѣни друга, въ глаза ему, прося подѣлиться.

Произведенія гг. Айвазовсскаго, Лагоріо такъ извѣстны, что избавляютъ отъ труда говорить о нихъ. Но мы не можемъ умолчать о двухъ небольшихъ картинкахъ вольнаго посѣтителя Розетти, изображающихъ сельскіе виды. Работы эти удивительно хороши. Необыкновенная простота и скромность колорита разлитыя въ нихъ, такъ и тянутъ къ себѣ вниманіе зрителя. Г. Розетти—талантъ, выдающійся изъ ряда, и тѣмъ грустнѣе слышать, что г. Розетти не занимается, въ послѣднее время, живописью,—такъ говорятъ.

Недурно выполненъ пейзажъ вольнаго посѣтителя Юрченко. Художникъ умеръ, истекшимъ лѣтомъ, простудясь на утреннемъ этюдѣ. Имѣя личное знакомство съ покойнымъ, я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этой личности. Судьба его замѣчательна и похожа на судьбу многихъ изъ нашихъ художниковъ. Полтавскій мѣщанинъ по происхожденію, любознательный и вдумчивый по природѣ, онъ никакъ не мирился съ мелкою средою, гдѣ росъ. Невѣдомыми судьбами онъ наткнулся на обширную библіотеку одного монастыря и *глодалъ* ее (собственное выраженіе покойнаго) лѣтъ 10 и въ то же время пѣлъ на клиросѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго композитора, іеромонаха Виктора (Симоновскій), въ Батуринѣ, гдѣ получилъ немалыя свѣдѣнія въ церковной музыкѣ. Жизнь въ глуши не удовлетворяла его склонности къ познаніямъ, и онъ отправился искать счастія въ столицахъ. Проскитавшись нѣсколько недѣль въ Петербургѣ, покойный возвратился въ Москву безъ копѣйки въ карманѣ и почти безъ бѣлья. Въ такой крайности судьба, смилостивясь надъ нимъ, столкнула его съ художникомъ-хлѣбосоломъ Н. Г. С., который, понявъ покойнаго, помогъ ему поступить на службу въ одну управу, по бухгалтерской части. Въ свободные отъ службы часы, бывая у С., Юрченко познакомился со многими изъ московскихъ художниковъ. Знакомство съ художниками разбудило, въ свою очередь, въ немъ желаніе заняться искусствомъ. Искусство увлекло его, и онъ, въ прошедшемъ 1871 году, бросивъ службу, посвятилъ всѣ свои силы исключительно изученію живописи съ практической стороны, такъ какъ теоретическими и историческими по-

Digitized by Google

знаніями, относящимся къ искусству, онъ обладалъ уже въ достаточной степени. Пейзажъ, имъ выставленный, была первая его работа. Истекшимъ лѣтомъ покойный неутомимо, съ утра до вечера, лишь позволяла погода, сидѣлъ на натурѣ. Въ іюнѣ онъ поѣхалъ въ окрестности Полтавы, гдѣ написалъ нѣсколько прекрасныхъ и сильныхъ этюдовъ и одну картину—«Водяная мельница»—сильное и непохожее на ученическую работу произведеніе, хотя, къ несчастію, послѣднее. Смерть взяла его отъ насъ, отнявъ у искусства одного изъ преданнѣйшихъ поклонниковъ, сознательно и твердо шедшаго къ поставленной цѣли.

Акварели, бывшія на выставкѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, слабы, да ихъ немного было и числомъ. Пройдемъ молчаніемъ, изъ уваженія къ искусству, нѣкоторыя картины, въ родѣ «Нищаго», пьющаго водку,—произведеніе, въ которомъ и содержаніе и способъ соединились самымъ нахальнымъ образомъ, чтобы возмутить чувство зрителя. Выраженіе округлости и выпуклости предметовъ и частей на этой несчастной картинѣ переданы буквально лѣпкою изъ красокъ, наложенныхъ на полотно толстымъ, неровнымъ слоемъ. Такихъ шероховатыхъ произведеній на выставкѣ было нѣсколько. Нѣкоторыя изъ нихъ поставлены были на лучшія, по освѣщенію, мѣста, а другія, очень хорошія, запрятаны были по темнымъ угламъ. Изъ обзора выставки невольно бросается въ глаза слѣдующій фактъ: на большое количество картинъ, выставленныхъ училищемъ, нѣтъ ни одного пейзажа, за исключеніемъ двухъ-трехъ посѣтительскихъ. Чѣмъ объяснить это?

Скульптурный отдѣлъ выставки былъ очень слабъ по числу выставленныхъ произведеній. Даже самъ «Иванъ Грозный», статуя Антокольскаго, не помогъ дѣлу и даже можно подумать, что онъ боялся сосѣдства другихъ немногихъ статуй, произведеній учениковъ училища, уединившись отъ нихъ въ другую комнату. Съ легкой руки г. Тургенева, повѣстившаго міру о появленіи на свѣтъ Божій статуи Грознаго и объ ея достоинствахъ, о ней заговорили всюду, и всюду жаждали увидѣть ее. Распространившіяся фотографіи только усиливали жажду. Не посвященной части публики достаточно, если какой-нибудь авторитетъ, хотя и совершенно въ другой спеціальности, сказалъ свое слово о данномъ предметѣ, и если похвалилъ, тѣмъ болѣе превознесъ,—успѣхъ, слава произведенія—упрочены. Безъ сомнѣнія, всякой похвалы достоинъ тотъ, кто укажетъ прекрасное, растолкуетъ его, заставитъ о немъ говорить; но бѣда въ томъ, что у насъ какъ-то выходитъ, что десятки превосходныхъ произведеній искусства остаются не замѣченными часто потому, что художникъ не имѣетъ чести быть знакомымъ съ литературнымъ авторитетомъ, и такимъ образомъ бываетъ, что большое количество похвалъ, высыпавшихся на *одно* изъ произведеній, оказывается отнятымъ у прочихъ *десяти*. Поощреніе нравственное со стороны литературы и, чрезъ нея, общества, подкрѣпляемое де-

Digitized by Google

нежнымъ, пощедрѣе, да еслибы почаще наши *неизвѣстные* художники были подталкиваемы этими двумя рычагами, — тогда наши невидимки-художники перетряхнули бы весь художественный міръ. Но міръ такъ устроенъ, что счастье, со всѣмъ его штабомъ, всегда выпадаетъ на единицы, минуя десятки и сотни не менѣе достойныхъ. И это, къ сожалѣнію, вездѣ, не въ одномъ мірѣ искусства. Поэтому мы должны, хотя на время, мириться съ выразившимся, живущимъ фактомъ, хотя это примиреніе и не даетъ намъ права оставаться равнодушными къ его проявленію, совершенію, вліянію и послѣдствіямъ: они не радостны ни для искусства собственно, ни для жизни людей вообще.

Возвратимся къ скульптурнымъ произведеніямъ, находящимся на выставкѣ. Выше я сказалъ, что масса публики нуждается въ руководителѣ, который велъ бы ее и указывалъ. И чѣмъ сильнѣе авторитетъ указателя, тѣмъ сильнѣе вѣра въ его указанія. Такимъ образомъ, повторяю, статья достоуважаемаго И. С. Тургенева о статуѣ г. Антокольскаго, помѣщенная въ «Голосѣ», заставила всѣхъ, дающихъ значеніе искусству, говорить о ней много, горячо, даже и не видавшихъ статуи, москвичей. Художники раздѣлились на двѣ крайнія партіи. Одни видятъ, вслѣдъ за вожакомъ мнѣнія, въ Антокольскомъ—Колумба, а въ статуѣ—Америку, что эта-де вещь чуть не открываетъ новую эру въ скульптурѣ, якобы отжившей уже свое время и чуть было ни умершей. Другіе удивляются: чѣмъ-де удивила и поразила статуя своихъ поклонниковъ (поклонниковъ новизны, прибавлю), представляя собою не что иное какъ превосходный историческій жанръ очень крупныхъ размѣровъ, при томъ такъ же, какъ и статуя Петра I, того же художника, появившаяся на политехнической выставкѣ въ Москвѣ, въ концѣ ея. Мнѣ пришлось слышать отъ одного изъ скульптуровъ еще болѣе крайнее мнѣніе, но также не лишенное своей доли справедливости, что-де статуи г. Антокольскаго суть лучшій родъ легкихъ, французскаго вкуса, жанровыхъ произведеній, украшающихъ окна эстампныхъ магазиновъ. Разница-де лишь въ томъ, что первыя, по своей величинѣ, не могутъ стоять на окнѣ и этажеркѣ, а должны стоять на лѣстницахъ, террасахъ и въ садахъ. «А въ музей,—нѣтъ, батюшка,—я-бъ на ружейный выстрѣлъ не подпустилъ бы такія вещи. За одну прекрасно вылѣпленную руку я отдамъ десять паръ сапогъ!» *).

Скульптура есть сестра живописи, и всякій, понимающій дѣло, не можетъ не скорбѣть душою, слыша, какъ иные, не осмысливъ, съ достойною сожалѣнія опрометчивостью, пресерьезно хоронятъ ее за-

*) Статуя Грознаго воспроизведена изъ бронзы, находившаяся же здѣсь слѣплена изъ гипса, и чтобы не блестѣла, ее рѣшились выкрасить, и выкрасили масляною краскою въ цвѣтъ дома г. Солдатенкова, что на Мясницкой. Какъ это случилось, что художественное произведеніе не обошлось безъ помощи маляра?

Digitized by Google

живо, считая умершею. Да развѣ можетъ существовать живопись безъ скульптуры? Развѣ не нужно живописцу имѣть понятіе о выпуклости, округлости, связи цѣлаго и частей, гармоніи линій и борьбѣ свѣта и тѣни, доставляющихъ столько наслажденій понимающему и такъ существенно необходимыхъ потомъ въ живописи? Развѣ самое изученіе колорита стоитъ не въ прямой зависимости отъ предварительнаго изученія рисунка и рельфа? Да откуда же возьмется и правдивый колоритъ въ картинѣ, при отсутствіи понятій о рельефѣ? А есть господа, да еще изъ занимающихъ такія мѣста, гдѣ они играютъ видныя роли и вліяютъ на изучающую искусство молодежь своими толкованіями, что-де «напрасно вы, молодой человѣкъ, хотите учиться скульптурѣ: кому она нужна нынѣ, и что вамъ за охота пачкаться въ глинѣ....» Поставимъ вопросъ: что должно преобладать въ художественномъ произведеніи? Отвѣтъ просится самъ: идея. Затѣмъ является второй вопросъ: можно ли назвать *высокохудожественнымъ* произведеніемъ такія вещи, какъ Иванъ и Петръ, Антокольскаго, когда онѣ представляютъ глазамъ зрителя груду, положимъ ловко вылѣпленныхъ и сложенныхъ, шапокъ, кафтановъ, портупей, сапогъ, палокъ, книгъ и стульевъ, такъ что собственно пластическаго въ статуяхъ только и есть, что кисти рукъ и головы, да и тѣ какъ будто смотрятъ неоконченностью, чего въ природѣ нѣтъ и что не допускается въ высоко-художественномъ произведеніи. Еслибы снять съ плечъ Ивана его царскую шубу, посадить его не на историческій, сформованный, можетъ-статься, стулъ, а на лавку, отнять посохъ, да не подсказать, кто это,— узналъ ли бы кто-нибудь, что это грозный царь? Голова прекрасна по выраженію, но какъ утверждать, что въ этомъ выраженіи таится, напримѣръ, мысль, скорбь о «побіенныхъ въ Москвѣ и потопленныхъ въ Волховѣ рѣцѣ», а не другая какая-либо? Петръ, говорятъ, смотритъ на море; а почему бы ему и въ поле и въ лѣсъ не смотрѣть такъ же, закинувъ назадъ голову, выпятивъ грудь и отмахнутою рукою упереться на далеко-отставленую палку *)? Подобныя работы не представляютъ ли родъ произведеній, которымъ можно придать названіе промышленыхъ, солидныхъ, но никакъ не *высоко-художественныхъ*? Это подтверждается легкостью, съ какою работаются онѣ. Говорятъ: «время классицизма прошло; требуется самая реальная правда во всемъ. Если древніе художники изображали своихъ героевъ нагими, такъ это потому, что они тоже изображали свое время реально, т. е. такъ драпировали свои статуи, какъ тогда одѣвались люди по климату. Что

*) Здѣсь мы видимъ какого-то фата, лихаго пана, рисующагося предъ толпою. Геніальный человѣкъ, какимъ былъ Петръ, никогда не станетъ рисоваться. Сверхъ того, губы вылѣплены художникомъ, повидимому, съ маски, сдавлены и нисколько не напоминаютъ живаго Петра, судя по лучшимъ его портретамъ.

Digitized by Google

если смѣшонъ былъ бы теперь Аполлонъ, одѣтый во фракъ, шубу, с pins-nez на носу, то не менѣе того смѣшонъ былъ бы и Крыловъ в легкой драпировкѣ, съ лентою на головѣ и лукомъ въ рукахъ». И вѣдь въ такомъ случаѣ, пожалуй, найдутся скульпторы, что будут лѣпить кочнеобразныхъ барынь, увлекутся красотою прошивокъ, проникнутъ въ область портнихъ и модистокъ, изображая разныя *пат* и *пояса*. И какъ будто человѣкъ, съ его страстями, существо въ высшей степени духовное и безконечно разнообразное, весь, со всѣх сторонъ уже изученъ, что новѣйшая скульптура, проникнута ложнымъ позывомъ къ мнимой правдивости, начала бросаться на изученіе уже не разнообразнѣйшихъ красотъ, прекраснѣйшаго, стройнѣйшаго существа въ мірѣ, строенія его тѣла, игры мускулъ и движеній, соотвѣтствующихъ душевнымъ движеніямъ, а на изученіе покроя мундировъ и сапогъ. Нѣтъ, не весь еще изученъ человѣкъ; не всего его еще передало искусство. Художнику, не зараженному предразсудкомъ новѣйшихъ эфемерныхъ передовиковъ, которые считаютъ недоступное для нихъ невозможнымъ для всѣхъ, много еще работы въ области чистаго искусства: одна семейная жизнь, дѣти, сколько даетъ великихъ для цѣлаго міра, а не для одного какого-нибудь вѣдомства, интересныхъ сценъ, позъ и группъ. Взглянешь на современную жизнь,—несмотря на кажущееся разнообразіе ея движеній,—сколько увидишь общности, соотвѣтствія въ самыхъ противуположныхъ другъ другу вещахъ: никогда столько не заботились о приличіяхъ, какъ нынѣ, и никогда такъ легко не забывали приличія. Нашъ вѣкъ—вѣкъ честолюбія, скачекъ на призы и гоньбы за извѣстностью. Но чѣмъ болѣе и скорѣе современный человѣкъ жаждетъ удовлетворить своего внутренняго червя, тѣмъ дешевле хочетъ достать себѣ то и другое. То, что должно достигаться серьзнымъ трудомъ, глубокимъ изученіемъ, мы хотимъ замѣнить ловкостью, изворотливостью, а въ искусствѣ, напр., скульптурѣ—крикливымъ сюжетомъ и въ живописи—шикомъ, мазкомъ. Будешь-де вырабатывать, вдашься въ крайности, засушишь вещь. Надобно работать широко, свободно. И работаютъ широко, свободно, и наполняется міръ эскизами и мазками, и смотритъ вся наша жизнь, наши отношенія во всѣхъ видахъ и родахъ, какою-то неоконченною картиною, статуей.... А въ древнихъ статуяхъ все есть—и ширина и оконченность; нѣтъ только суши, нѣтъ лживости. Смотришь на древнюю *голую* статую и любуешься ею, помимо ужь идеи, всегда прекрасно выраженной,—всею, чисто-эстетически. Взглянешь на современную живую барыню, толкующую о высокихъ предметахъ, *одѣтую* чуть не мониторомъ, и грѣшная мысль скользнетъ невольно въ вашемъ умѣ.

Легко понять, вдумавшись, причины пренебреженія современныхъ молодыхъ художниковъ къ историческимъ и особенно религіознымъ сюжетамъ какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ: несравненно легче

Digitized by Google

нанять и усадить натурщика, перенесть съ улицы или другаго мѣста фигуру, сцену, цѣликомъ, со всею пошлостью обыденныхъ явленій современной будничной жизни, нежели трудиться долго, разносторонне и настойчиво надъ изученіемъ проявленій человѣческаго духа, быть не мазилкою и лѣпщикомъ, а художникомъ-мыслителемъ, поэтомъ. Трактиръ не создастъ ни Каульбаха, ни Иванова.

Изъ жанровыхъ скульптурныхъ произведеній лучшими слѣдуетъ назвать слѣдующія небольшія статуетки М. Ѳ. Шохина *): «Уличный акробатъ», «Штопальщикъ» (еврей), «Татаринъ» и лучше всѣхъ «Афанасій дворецкій», взятый изъ романа Н. А. Чаева: «Богатыри».

Хороша статуя Ѳ. Ѳ. Каминскаго—«По грибы». Только правильнѣе было бы назвать ее: «Грибница», потому что статуя изображаетъ дѣвочку, лѣтъ 7-ми, отжимающую вымоченный, ходя по травѣ, въ лѣсу, подолишко, а возлѣ нея стоитъ суденышко съ набранными уже грибами. Очень хорошая вещь, но этому сюжету мѣсто лучше въ живописи, а не въ скульптурѣ; впрочемъ, перемѣна ролей проявляется, мы видимъ, не въ одной лишь области искусства, но и вообще въ жизни.

Ученическія скульптурныя работы суть: ученика Зимина—«Сборщикъ»—не дурно выполненная статуетка. Типъ старика выбранъ не совсѣмъ удачно и очень обыкновененъ. А есть сборщики—Некрасовскіе Власы,—пусть поищутъ художники такихъ и сумѣютъ выразить ихъ, да такъ, чтобы книжка и образокъ служили бы только дополненіемъ къ фигурѣ, а не главнымъ, объясняющимъ смыслъ, предметомъ. Вылѣпите разбойника такъ, чтобъ и безъ ножа при немъ всякій узналъ бы по выраженію, что это разбойникъ. Такъ и сборщики, и нищіе—все даетъ вамъ свой типъ, стоитъ лишь изучить ихъ. А на это-то обстоятельство и не хватаетъ нашихъ художниковъ по различнымъ причинамъ и больше не зависящимъ отъ нихъ самихъ.—Его же, Зимина, «Вожакъ»—также обличаетъ въ художникѣ присутствіе добродѣтели—наблюдательности и рядомъ присутствіе порока—нетвердаго изученія взятаго предмета. А сколькимъ прекраснымъ, характернымъ можно воспользоваться изъ медвѣжьихъ представленій и услугъ!

Художника Панфилова—«Мальчикъ съ собачкою»—не замысловатая по содержанію, но всякому понятная вещь и хорошо выполнена.

Ученика Толоконникова—«Каинъ»—дѣльная попытка, хотя и не удавшаяся, изобразить человѣка, обреченнаго рокомъ на совершеніе страшнаго дѣла. Только, при многомъ хорошемъ, имѣющемся въ статуѣ, трудненько увѣрить иного, что это именно Каинъ, а не Авель, или просто не Егоръ какой-нибудь. Вѣдь и Авель и Егоръ иногда выносятъ

---

*) Молодой, замѣчательно разнообразный талантъ. Онъ хорошій музыкантъ и извѣстенъ московской публикѣ какъ концертантъ на арфѣ-гитарѣ, участвовавшій въ концертахъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Соколовскимъ.

Digitized by Google

внутреннюю борьбу, морщатъ лобъ и сдвигаютъ брови. Если же это Каинъ, то какъ узнать, до убійства брата, или послѣ. Кромѣ того, статуя сильно отзывается натурщикомъ, бѣдненька сложеніемъ и не даетъ понятія о красотѣ и могучести формъ первобытнаго человѣка.

Двѣ статуи ученика Бѣлкина *)—«Рыбачокъ» и «Мальчикъ», бросающій плоскіе камни по поверхности воды рикошетомъ, — игра, *пѣсть блины*, знакомая тѣмъ, кто живалъ на берегахъ большихъ рѣкъ. Но лучше всѣхъ, по нашему мнѣнію, статуя вольнаго посѣтителя скульптурной мастерской московскаго художественнаго училища (преподаватель С. И. Ивановъ, авторъ извѣстной статуи «Мальчика», окачивающагося изъ шайки водою въ банѣ, и группы—«Материнская любовь», вылѣпленной въ Римѣ, воспѣтой въ стихахъ Фетомъ и описанной покойнымъ Рамазановымъ, дожидающейся воспроизведенія изъ мрамора и, по всей справедливости, стоющей того)....

Г-на фонъ-Фикъ статуя (въ каталогѣ этюдъ съ натуры)—«Боецъ». Прекрасно сложенный, сильный, любитель дружескихъ тукмаковъ, отнимающихъ иногда, шутя, полжизни у друга, стоитъ мужичокъ, энергически напрягая мускулы и защищаясь рукою, въ ожиданіи удара и въ то же время готовясь нанести другою таковой же противнику. Слегка перегнутый торсъ выполненъ прелестно и, вмѣстѣ съ положеніемъ рукъ и выраженіемъ физіономіи, такъ ясно выражаетъ идею, что не нужно и подписи. Относительно выраженія, красоты строенія тѣла, вѣрности, анатомической правильности размѣровъ и линій, всѣ помянутыя работы вполнѣ достойны вниманія, а нѣкоторыя и наградъ, которыми онѣ удостоены, а именно: «Рыбачокъ», г. Бѣлкина,—малой серебряной медали, «Мальчикъ»—большой и «Каинъ»—большей же. Къ сожалѣнію, скульптурныя работы, которыми слѣдовало бы дорожить тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе ихъ и чѣмъ лучше онѣ, — на выставкѣ былъ какъ-то заброшены въ самую заднюю комнату, весьма дурно освѣщенную и, сверхъ того, болѣе чѣмъ на половину загроможденную картинами, для которыхъ и послѣдній, скудный свѣтъ, проникающій въ комнату, отданъ былъ сполна: всѣ онѣ, елико возможно, поставлены были по свѣту. Лишь статуямъ, болѣе нежели живопись нуждающимся въ правильномъ освѣщеніи, было въ немъ отказано. Что, это очевидное пренебреженіе къ скульптурѣ выразилось случайно, или несчастный духъ партій, духъ розни, свойственный исключительно гнѣздамъ бюрократіи, чиновничества, канцеляріямъ, проникъ во святая-святыхъ искусства, чтобы напакостить безсмысленно дѣлу? Но этому не вѣрится. Вѣроятнѣе всего, что это произошло случайно, вслѣдствіе небрежности однихъ и незлобія другихъ, хотя то и другое обѣимъ сторонамъ непростительно.

---

*) Г. Бѣлкинъ получилъ, послѣднею осенью, малую золотую медаль въ академіи за программу «Іоанъ Креститель».

Digitized by Google

Эстетика и нравственность болѣе родственны между собою, нежели вообще думаютъ. Пониманіе красотъ природы—зримой, физіологической, и незримой, духовной—ведетъ человѣка къ самопознанію, а потомъ къ познанію величія Творца ея. Пониманіе красотъ природы и преклоненіе предъ величіемъ Божіимъ есть наслажденіе души. Сдѣланное доброе дѣло также приноситъ наслажденіе душѣ сдѣлавшаго. Одаренный чувствомъ изящнаго, высокаго, обладаетъ душевною красотой. Одаренный и обладающій первымъ и другимъ всегда болѣе другихъ склоненъ къ добру по отношенію къ людямъ. Эстетически развитой душѣ свойственно отвращаться отъ всего грязнаго, темнаго, криваго и злаго, какъ противуэстетическаго, перебивающаго гармоническій строй его внутреннихъ, духовныхъ чувствъ и ощущеній—рѣзкимъ, раздражающимъ и оскорбляющимъ диссонансомъ.... Поэтому, мы выражаемъ искреннее и, полагаемъ, основательное желаніе, чтобы въ нашемъ отечествѣ какъ можно больше и глубже распространялось бы изученіе изящныхъ искусствъ, какъ образовательнаго для ума и сердца средства, противодѣйствующаго всему внѣшнему, мнимо-блестящему, мнимо-полезному, чѣмъ такъ бѣдно-богато современное общество. Желательно было бы, еслибы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ было преподаваемо ученіе объ искусствѣ: будущимъ пастырямъ, помимо мягкосердечія и большеобъемлемости мысли, что развивается сильнѣе при познаніяхъ въ искусствѣ, необходимо имѣть понятіе въ живописи, какъ настоятелямъ церквей.

Въ московской семинаріи одинъ изъ художниковъ предложилъ-было свои услуги безвозмездно, но на съѣздѣ духовенство почти единогласно отвергло изученіе рисованія и живописи, называя эти предметы безполезною роскошью, вовсе не идущею будто бы для духовенства *).

Изъ обзора работъ современныхъ художниковъ наблюдателю видно, что преобладающимъ содержаніемъ ихъ произведеній есть изображеніе обыденныхъ явленій, чаще пошлыхъ, человѣческой жизни, наблюдаемыхъ лишь внѣшними чувствами. Все внѣшнее легко доступно для наблюденій. Художникомъ слѣдуетъ назвать не того, кто, пріобрѣвъ извѣстныя понятія въ техникѣ, умѣетъ писать, лѣпить хотя и красивыя, но безсодержательныя, въ строгомъ смыслѣ, вещи. Назначеніе искусства—воспитывать понятія общества, толпы, чрезъ передачу ей, посредствомъ изображеній, великихъ явленій, видимыхъ въ природѣ, и великихъ проявленій человѣческаго духа. Языкъ живописи всѣмъ понятенъ. За тѣмъ ли искусство называется святымъ, чтобы выражать дурныя стороны человѣческой жизни? Менгсъ сказалъ: «Живопись скорѣе всего можно сравнить съ поэзіею, потому что оба сіи искусства

*) Желательно было бы знать, что руководило съѣздомъ, отказавшимся отъ услугъ искусства и художника. Это тѣмъ болѣе странно, что по уставу изученіе живописи и рисованія, подъ именемъ иконописанія, введено въ число предметовъ обученія, хотя и не обязательныхъ.



Digitized by Google

стремятся къ одной цѣли—съ пріятностію поучать людей». Но какъ слова и рифмы еще не составляютъ поэзіи, такъ краски и заученые мазки не составляютъ живописи.

Утверждаютъ, что современное искусство пало. Мы не соглашаемся съ этимъ. Безсодержательность, при богатствѣ техники, большинства произведеній нашихъ художниковъ, въ большинствѣ случаевъ, не есть ли скорѣе временное уклоненіе отъ праваго пути, вслѣдствіе вліянія окружающей жизни, также уклонившейся, нежели паденіе? Наше родное искусство имѣетъ сильныя крылья, но оно сильно приковано къ землѣ.

Учрежденіе въ послѣднее время обществъ, имѣющихъ цѣлію содѣйствовать развитію художествъ въ нашемъ отечествѣ: поощренія художествъ въ Петербургѣ и любителей въ Москвѣ, назначающихъ преміи за лучшія произведенія; петербургская артель художниковъ и, наконецъ, товарищество передвижныхъ выставокъ въ Россіи—доказываютъ довольно осязательно, что у насъ еще не сгибли силы духа, борющагося съ навалившимся на него кошмаромъ исключительныхъ стремленій къ барышамъ и животной жизни, такъ сильно сквозящей въ образѣ жизни общества, его понятіяхъ и во всемъ. Высокое участіе, принимаемое царственнымъ семействоомъ въ дѣлѣ развитія искусствъ, даетъ всѣмъ сочувствующимъ твердую надежду на лучшее будущее искусства въ нашемъ отечествѣ и тружениковъ его. Здѣсь, кстати, не можемъ удержаться, чтобы не высказать желанія, какъ бы усилить сбытъ художественныхъ произведеній учениковъ и тѣмъ самымъ поощрять ихъ энергію. Грустно видѣть, какъ у насъ въ громадномъ количествѣ распространяются бездушныя заграничныя хромолитографіи, отвѣчающія за масляныя картины *). Несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ сняты съ хорошихъ оригиналовъ, онѣ все-таки, убитыя ремесленностью производства, несравненно хуже слабѣйшихъ ученическихъ работъ нашей учащейся молодежи.

Въ заключеніе, я чувствую необходимость испросить прощенія у тѣхъ лицъ, имена и произведенія которыхъ я упомянулъ, такъ или не такъ, въ настоящей статьѣ. На многое я не такъ, можетъ-статься, взглянулъ, многаго не понялъ, многое пропустилъ: пусть упрекнутъ меня въ невѣжествѣ и въ чемъ хотите, лишь не упрекнули бы въ отсутствіи любви къ искусствамъ и въ недостаткѣ сочувствія къ людямъ, отдавшимъ всѣ свои силы на служеніе искусствамъ, нашимъ труженикамъ-богатырямъ, догоняющимъ и перегоняющимъ раньше вставшаго капрала—Европу.

---

*) Учрежденіе лотереи что ли для сбыта ученическихъ произведеній необходимо; публика имѣла бы хорошія, не ремесленныя вещи, а молодежь—лишнія средства.

Digitized by Google

О выставкѣ проектовъ и рисунковъ архитектурнаго отдѣла училища я говорить отказываюсь, признавая себя въ этомъ дѣлѣ почти незнающимъ. Рисунки проектовъ очень изящны и красивы. Нѣкоторыя зданія даже грандіозны и величественны по наружному виду. Издали мнѣ кажется, что наши архитекторы, заботясь о красотѣ наружной своихъ произведеній, врядъ ли соображаются съ климатическими условіями мѣстности и врядъ ли преслѣдуютъ главную цѣль современной архитектуры, которая, по-моему, это — дешевизна, прочность построекъ, удобство, дешевизна отопленія зданій и забота о внутреннемъ, удобномъ расположеніи комнатъ и прочихъ удобствахъ.

**Г. Урусовъ.**

# РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

## ЖЕГУЛИ И УСОЛЬЕ НА ВОЛГѢ *).

(НАБРОСКИ ПУТЕМЪ-ДОРОГОЙ).

II.

Колонизація Самарской луки тѣсно связана съ Надѣинскимъ Усольемъ. Я рѣшилъ проѣхать до него Жегулями, несмотря на то, что село лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ Волги и была возможность выбрать дорогу ближе. Путь лежалъ по сѣверо-западной части Жегулевскаго полуострова, захватывалъ часть коренныхъ горъ, теченіе Усы и небольшой Усольскій кряжъ. Мѣстомъ для высадки на берегъ я выбралъ Маркваши. Сельцо это лежитъ наискось отъ уѣздаго городка Ставрополя, въ сѣверной грядѣ Жегулей, посреди небольшаго дола, между Лысою горой и отдѣльнымъ Могутовскимъ кряжемъ. Мѣсто съ Волги не представляетъ ничего привлекательнаго: въ глаза, кромѣ успѣвшихъ приглядѣться горъ, бросается кучка деревьевъ недалеко отъ берега, сѣренькая полоска избенокъ, небольшой барскій домъ съ террасой и рядомъ крошечная до размѣровъ часовни церковь, окруженная бѣлою каменной оградой. Невдалекѣ отъ сельца видѣнъ еще не то трактиръ, не то кабакъ. Видъ людскаго поселенья что-то не вяжется съ обстановкой; или это можетъ-быть потому, что русскій человѣкъ еще не умѣетъ такъ подчинять и украшать природу, какъ западный; не выходитъ изъ-подъ его рукъ такого ландшафта, гдѣ бы виденъ былъ вездѣ старательный трудъ и хоть долгая, но за то успѣшная борьба.

*) «Бесѣда», № 11.

*

Digitized by Google

Не знаю.... Только селенье, существующее уже больше столѣтія, не придаетъ жизненности окружающей довольно суровой природѣ и не поражаетъ зрителя контрастомъ съ ней. Между тѣмъ, надо замѣтить, что Маркваши считаются самымъ живописнымъ посёлкомъ, на протяженіи всего жегулевкаго берега. Горы здѣсь замѣтно сжали коренную дѣятельность русскаго крестьянина: хлѣбныя поля тянутся узкою полосой, точно крадучись и обѣгая лѣсистые выступы холмовъ. Выступающіе въ долину боковые склоны горъ мѣстами изрыты; многіе утесы расколоты: это—каменоломни. На берегу, въ то время, какъ пароходъ остановился, не было ни одной человѣческой души. Лѣто, іюль мѣсяцъ, а потому весь народъ работалъ въ полѣ; насилу подали лодку и перевезли меня на плоскій и каменистый берегъ. Не желая медлить восхожденіемъ на Лысую гору, на которой находился, по разсказамъ, камень, отмѣченный рукой проѣзжавшаго въ Персію Петра, я отыскалъ проводника, парня лѣтъ 20-ти, и наше восхожденіе началось. Гора, казавшаяся съ Волги вовсе не высокою, снизу была и высокой и крутой. Проводникъ проворно шелъ впередъ, совѣтуя идти по тропинкѣ, но послѣдней не оказывалось; подъ ногами были одни известковые камни, между которыми пробивалась кое-гдѣ короткая трава. На половинѣ горы меня бросило въ жаръ отъ слишкомъ ревностнаго восхожденія, и я присѣлъ на каменный выступъ перевести духъ. Маркваши, лежавшія внизу, подъ самыми ногами, совершенно преобразились. Съ птичьяго полета сельцо много выигрывало. Влѣво тянулись избенки, огороды и окрестныя желтыя поля, и все это такъ ясно выдѣлялось въ предвечернихъ сумеркахъ... Направо Волга тихо стояла, налитая въ свои красивые берега; зеленѣлся какой-то островъ. Самый плохенькій уѣздный городишка становится красивъ съ колокольни; если даже не красивъ, *то болѣе оригиналенъ*. Въ этомъ надо искать разгадку и той живописности, которую представляли Маркваши съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Большую часть дола можно было окинуть глазомъ; ничто не заслоняло, не мѣшало. Это много значитъ для насъ, русскихъ, которымъ приходится обыкновенно видѣть все подъ однимъ незмѣннымъ угломъ.... Между тѣмъ проводникъ мой былъ чуть не на самой вершинѣ, гдѣ начинался рѣденькій лѣсъ, и что-то кричалъ. Гора пошла еще круче, показалось нѣчто въ родѣ козьей тропы; направо—крутой обрывъ, а налѣво—известковый гребень, отдѣлявшій отъ меня широкій видъ на Волгу. Вотъ недалеко груда какихъ-то камней. «Что это?» спросилъ я проводника, который чего-то напрасно искалъ.

— Вотъ это самый Петровъ камень и есть, отвѣчалъ онъ,—да я что-то подписи настоящей не могу найти, а она была тутъ недавно.... Много таково было прописано, да видно, нашински мужики на известку отбили.

На большомъ сѣромъ отъ времени камнѣ дѣйствительно ничего

Digitized by Google

не было видно. Наконецъ, нашли одну небольшую *табличку*, по выраженію моего спутника. Въ полуоборотъ къ Волгѣ, при солнечномъ закатѣ, виднѣлась какая-то надпись. Довольно крупными латинскими буквами стоялъ загадочный рядъ: *A.—N.—T.—O.—A.—N.—i*; помѣченъ былъ 1720 годъ—и только. Больше различить не было возможности. Буквы покрыла плѣсень, и самый камень сильно вывѣтрился. Надпись царя Петра исчезла, а еще передъ отъѣздомъ въ Жегули мнѣ столько толковали о знаменитомъ *шкип*.... будто бы оставшемся отъ Преобразователя.

— Что-жь это у васъ старину-то не берегутъ? Вотъ пріѣдетъ какой-нибудь въ родѣ меня да и скажетъ: покажите-молъ мнѣ Петрову надпись, денегъ за это дамъ.... Что вы ему тогда покажете?...

— Да недавно видалъ я слова-то, должно отололи, продолжалъ проводникъ, не отвѣчая прямо на мой вопросъ и какъ бы досадуя, что больше показывать нечего.—Вонъ и тамъ слова были, прибавилъ онъ, указывая на небольшой камень, пониже,—а теперь и тамъ незнать.

Съ вершины Петрова камня открывался прекрасный видъ на Волгу. Она была у подножія Лысой горы, обросшей къ рѣкѣ мелколѣсьемъ. Известковая скала, саженъ около ста вышины, обрывалась чуть не отвѣсно къ узенькому бечевнику. Рыбаки, сидѣвшіе у воды, казались чѣмъ-то очень незначительнымъ. Островъ, лежащій посреди Волги, виднѣлся какъ на ладони. Можно было пересчитать всѣ кругленькія и продолговатыя его озерки, каждый пучокъ свѣжей, природной зелени. На самой верхушкѣ известковаго выступа, виднаго съ Волги и придающаго Лысой горѣ особую типичность, было какъ-то особенно хорошо и вмѣстѣ жутко—жутко человѣку, не привыкшему къ рельефамъ на родной равнинѣ. Огромный камень, служившій намъ подножіемъ, былъ точно расколотъ на большіе куски, и промежутки представляли нѣчто въ родѣ узенькихъ корридоровъ, стѣны которыхъ были мѣстами покрыты ярко-зелеными подушками мха....

Скатъ горы къ селу весь усыпанъ, какъ я уже сказалъ, мелкими камнями, щебнемъ. Причина та, что крестьяне промышляютъ пережиганьемъ извести, которой въ Жегуляхъ очень много—неистощимые запасы. Не даромъ зовутъ ихъ *Бѣлыя горы*. Болѣе или менѣе зажиточные люди, промышленники, откупаютъ право на ломку и пережиганіе извести у землевладѣльца. Со стороны мужиковъ конкурренціи быть не можетъ, потому что укладка ямъ стóитъ дорого, перевозка камня—тоже. Большія камни откалываютъ желѣзными ломами со стальными наконечниками или, по мѣстному, очень мѣткому выраженію, *клеваками*. Известковыя глыбы, скатываясь съ горы, разбиваются на мелкіе куски и такимъ образомъ нѣсколько облегчаютъ дальнѣйшую колку. Вплоть подъ горой и печи для обжиганья; на пихъ, въ особенно устроенныя ямы, свозятъ известь. Обыкновенно въ концѣ лѣта, послѣ полевыхъ работъ, складываются эти ямы. Женщины и дѣти собираютъ колотый

Digitized by Google

камень и кладутъ его кучами возлѣ приготовленныхъ помѣщеній. Нагрузивъ послѣднія, известь пережигаютъ до весны. Нагрузка производится нанимаемыми для этого рабочими изъ окрестныхъ мѣстъ. Такихъ ямъ, которыя бы могли вмѣстить въ себѣ до 70.000 пудовъ камня, въ Жегуляхъ немного. Самыя большія каменоломни—въ Марквашахъ, Отважной (деревенька, лежащая по ту сторону Могутовскаго кряжа) и Ширяевомъ буеракѣ. Въ печь идетъ много дровъ,—въ чемъ пока въ Жегуляхъ недостатка нѣтъ,—по пятерику въ день. Дней въ 8 пережгутъ всю яму средней величины и потомъ грузятъ на суда. Известкой снабжаются: Самара, Саратовъ и другіе низовые города, особенно Саратовъ. Промыселъ этотъ давній и одинъ изъ главныхъ въ Жегуляхъ. «Не будь известки, такъ намъ бы хоть помирать, такъ въ ту же пору», слышалъ я не разъ отъ крестьянъ. И это не преувеличено. Горы—у самой Волги и всѣ изъ цѣльной известки; остается только ломать, гдѣ сподручнѣе и ближе. И вотъ тѣ горные склоны, которые подходятъ къ рѣкѣ, обнажены стараніями жителей. Пилка дровъ на пароходы составляетъ другое занятіе. Я не говорю про хлѣбопашество, за которое, благодаря хорошей почвѣ, крѣпко держится здѣшній поселенецъ. Вотъ чѣмъ живетъ 150 душъ небольшаго поселка. Въ подмогу земледѣлію являются камень окрестныхъ горъ и лѣсъ, пригодный на дрова; большою дорогой служитъ Волга.

— Трудно жить, говорилъ мнѣ старикъ-хозяинъ, у котораго я ночевалъ:—надѣлъ нашъ сиротскій, небольшой....

— Давно ли живете здѣсь, откуда пришли? спросилъ я.

— Мы тутъ изстари вѣковъ живемъ, всегда тутъ жили и отцы наши тоже. Вотъ за горой тамъ, въ Старой Отважной, хохлы переселены,—ну, тѣ не такъ давно, а мы давно.... На нашей памяти, говорили старожилы,—такъ, плохенька деревушка была, всего какихъ-нибудь десять дворовъ; вонъ той избой и порядокъ-то весь оканчивался, а теперь гляди-ко, какую улицу вывели.... Кругомъ лѣса вѣковые были, медвѣдя этого—страсть.... Бывало, бабы по ягоды пойдутъ, по малину, а они по кустьямъ-то шумятъ, ходятъ, всѣ кустья пообсосутъ,—охочи до сладкаго-то. На деревню, было время, заходили. Теперь того нѣтъ. Прошлый это годъ графъ (Орловъ-Давыдовъ) разыскивалъ по горамъ липы, чтобы были 20 вершковъ въ отрубѣ,—гостямъ хотѣлъ показать,—такъ насилу, слышь, отыскали. Что теперь?—Иди, куда хочешь, насквозь лѣсъ видно. Есть мѣста, да дальше туда, за Бахиловку, въ Мордвѣ, такъ волковъ вотъ много, ходу отъ проклятыхъ нѣтъ, хоть вовсе скотину не держи.

На другое утро я отправился верхомъ въ село Жегули. Со мной былъ старый проводникъ. Дорога пошла все доломъ, да полемъ между темнозеленыхъ горъ, въ глубь материка, и не представляла ничего особенно интереснаго, какъ всѣ наши сельскіе проселки. Лысая гора долго не

Digitized by Google

пропадала изъ глазъ; только когда пришлось повернуть вправо и горы стали мало-по-малу отступать, когда потянулась такъ-называемая *степь*, марквашинскій долъ съ обозначенною вдали Волгой слился съ горизонтомъ. На пути, верстахъ въ 8 отъ Марквашъ, лежитъ село Горная Александровка. Оно находится въ серединѣ Жегулевскаго полуострова и кругомъ опоясано полями, какъ всѣ великорусскія села. Отсюда въ иныхъ мѣстахъ виденъ полуостровъ, такъ-сказать, насквозь, отъ одного края до другаго. Съ одной стороны каймятъ его горы, съ другой мѣсто болѣе открыто. Изгибъ рѣки отрѣзалъ языкообразный лоскутъ земли, представляющій въ самомъ узкомъ мѣстѣ верстъ 20 ширины. Въ Горной Александровкѣ душъ около 700 мужскаго пола и земледѣліе составляетъ ихъ почти исключительное занятіе. Я прибавляю *почти* потому, что нѣкоторые промышляютъ извозомъ. Съ именемъ Горной Александровки связано одно довольно любопытное дѣло о золотой рудѣ. Началось оно такъ: въ 1826-мъ году, двое крестьянъ, Барсуковъ и Бирюковъ, объявили, что нашли золото и хотѣли даже эти блестящіе камешки, найденные въ какомъ-то ручьѣ, показать Государю, который долженъ былъ проѣзжать въ это время по Волгѣ. Начальство обратило вниманіе и повело дѣло—розыскъ. Предстояло разрѣшить: золото ли найдено, или что другое. Плодомъ старательныхъ изысканій было довольно длинное донесеніе, ничего впрочемъ не объяснившее *). Вѣроятно камни, принимаемые за золото, были простымъ колчеданомъ, не разъ, какъ увидимъ, вводившимъ жегулевцевъ въ обманъ. Въ четырехъ верстахъ отъ Горной Александровки лежитъ другое большое село—Валы, получившее такое прозваніе отъ лежащихъ неподалеку земляныхъ насыпей и еще довольно глубокихъ рвовъ, какъ думаютъ, татарскаго укрѣпленія. Носитъ оно или странную кличку Муромскаго городка, или просто *Валовъ*. Окружность татарскаго укрѣпленія, лежащаго вправо

*) Вотъ выписка изъ дѣла *о золотой рудѣ, открываемой въ селѣ Александровкѣ*: «Отъ жителкства, примѣрно саженяхъ въ 150-ти, протекаетъ небольшой ключъ; въ обоихъ онаго берегахъ рыта земля, поверхность коей хотя на одну четверть—черноземъ, но не плодородная, а только, какъ видно, изрѣдка растетъ небольшая и невысокая травка; далѣе же въ глубину, на 3 четверти, слой земли красной глины съ камнемъ желтоватаго цвѣта, отсюда на 3 четверти бѣловатаго цвѣта глина и подъ оной на 3 аршина пошелъ уже грунтъ глинистый синяго цвѣта, *коя* (!) въ себѣ имѣетъ мягкость. *Въ среди оной* (!) имѣется мало блестящихъ бѣлаго цвѣта крупинокъ и такого же вида находятся небольшіе слитки; по вынутіи оныхъ изъ земли, одни изъ нихъ бѣлаго, а другіе краснаго цвѣта. Нѣкоторые слитки жесткіе, а другіе же хрупкіе, и всѣ они какъ въ перерубѣ, такъ и въ изломѣ оныхъ имѣютъ блестящій видъ. Отъ бѣлыхъ происходятъ бѣлыя, а отъ красныхъ красныя искры, и таковая жила блестящихъ крупинокъ и имѣющихся по ней въ глинѣ слитковъ простирается направленіемъ во всѣ четыре стороны. Впрочемъ, дальнѣйшаго дойденія объ ономъ безъ химическихъ правилъ учинить невозможно» (Архивъ усольской конторы).

Digitized by Google

отъ большой дороги (если ѣхать изъ Валовъ въ Жегулиху),—въ нѣсколько верстъ. Колосистая рожь покрываетъ все пространство, такъ что трудно схватить общее очертаніе. Нѣсколько входовъ или *воротъ* ведутъ внутрь за двойной рядъ валовъ, которые окопаны рвомъ. Ровъ сливается подъ конецъ съ оврагомъ, идущимъ къ Яблонному бараку. Развѣтвленія послѣдняго врѣзываются въ площадь городка, образуя своими крутизнами хорошую естественную защиту. На десятинахъ, обрамленныхъ этими окопами, окрестные жители находятъ иногда кое-какія вещи: стрѣлы, металлическіе наручники, обрывки кольчугъ. Большіе широкіе кирпичи, которые попадаются при распашкѣ земли, напоминаютъ о какихъ-то постройкахъ, а ямы, или *подвалы*, наводятъ тоже на многія соображенія въ этомъ родѣ. Въ народѣ прежними обитателями Муромскаго городка слывутъ и татары, и разбойники. Сохранилось, напримѣръ, преданіе такого рода, что въ прежнее время Волга заливалась до самыхъ валовъ, и разбойники разъѣзжали въ большихъ лодкахъ по всѣмъ извилинамъ Яблоннаго барака, среди дремучихъ жегулевскихъ лѣсовъ. По дорогѣ изъ Валовъ до Жегулихи насажены березы,—мѣсто немного подъ гору. Впереди и влѣво синѣютъ небольшія горы.

— Что это? спрашиваю я проводника, указывая на одну выдающуюся на горахъ точку.

— Это свѣтелка усольская; ее еще далеко видно.

Вотъ наконецъ и Жегулиха, или просто Жегули—послѣдняя остановка до Усолья. Село раскинуто между известковыми холмами, по оврагамъ и косогорамъ въ началѣ большаго дола (трубечины), сходящаго къ Волгѣ и устью рѣчки Усы. Хорошей воды нѣтъ; ее достаютъ изъ какого-то колодца, который—Богъ знаетъ, когда чищенъ. Общія жалобы на воду, а между тѣмъ селенье разбросано по берегамъ нѣсколькихъ прудовъ, соединенныхъ узенькими протоками, которые затягиваетъ всякою дрянью. Вездѣ навозъ, грязь.... Заняться чистотой никто не считаетъ нужнымъ. На селѣ была ярмарка. Штукъ семь лавочекъ съ разными мелочами и сластями собирали около себя пеструю толпу. Молодыя дѣвки въ красномъ, съ бѣлыми платочками на головѣ по цѣлымъ часамъ глазѣли на красивые ситцы. Мужики гурьбой шли изъ кабака на ярмарку и обратно. Тутъ же по сосѣдству былъ какой-то домикъ съ вывѣской: «*трактиръ*», видимо конкурировавшій съ кабакомъ. Улица была живѣе обыкновеннаго. Въ ночь, которую я провелъ въ Жегуляхъ, случилась бѣда. Въ сторожку, у околицы, забѣжалъ бѣшеный волкъ и искусалъ двухъ мальчиковъ, которые тамъ спали. Съ ними была дворовая собаченка. Почуявъ звѣря, она залаяла, бросилась изъ шалаша и не вернулась въ просонкахъ. Старшій изъ караульщиковъ (лѣтъ 10), услыхавъ шумъ, поднялся и увидалъ, что огромный волкъ стоялъ у входа. У мальчика было на столько присутствія духа, что онъ схватилъ заступъ и началъ обороняться, хотя сдѣлать имъ, конечно, ничего не

Digitized by Google

могъ. Волкъ страшно обезобразилъ обоихъ несчастныхъ, повредивъ одному черепъ. Рано утромъ увезли ихъ въ Усолье лечить. Побывавъ въ шалашѣ, волкъ кинулся на село и его застигли на коровѣ, которую онъ принялся было обдирать. Тутъ его и доканали, при чемъ человѣка три были искусаны. Убитаго волка привѣсили гдѣ-то за заднія лапы и начали ждать начальство, потому что звѣрь былъ не простой: въ немъ подозрѣвали оборотня и не знали, что дѣлать. Несомнѣнно, что это былъ оборотень: во-первыхъ, волкъ перекусалъ столько людей, во-вторыхъ, чувствовалъ себя въ селѣ точно дома, ничего не боялся и, въ-третьихъ, былъ очень почтенныхъ размѣровъ. Все это заставляло мужиковъ сходиться обсуждать дѣло, а бабъ—перевирать слышанное. Выѣзжая изъ села, я видѣлъ слѣды ночнаго происшествія. Двери шалаша были захватаны окровавленными руками и живо напоминали о неровной борьбѣ. Сѣдой старикъ растворялъ ворота и разсказывалъ тяжелыя подробности....

Отъ Жегулихи пришлось ѣхать широкимъ доломъ, сходившимъ, какъ я уже сказалъ, къ Волгѣ. По обѣ стороны пошли опять заросшіе лѣсомъ холмы самаго однообразнаго очертанія. Дорога, вся усыпанная известкой, тянулась ярко-бѣлою лентой. Въ Жегуляхъ, благодаря сосѣдству рѣки, есть каменоломни и сбытъ. Долъ все расширялся, и наконецъ показалась Волга въ очень красивой рамкѣ. Направо выросъ Молодецкій курганъ съ какимъ-то шестомъ и перекладиной на самомъ верху. По каменному ребру его, межъ деревьевъ, разбросанныхъ довольно рѣдко, можно взобраться верхомъ до самаго *шихана*. Налѣво начинался выемъ Усинскаго кургана, замѣчательнаго своею красотой сравнительно съ другими. Дорога лежала берегомъ узенькой Усы. Заѣхавъ въ ея камыши чуть не въ самую воду, я обернулся назадъ полюбоваться на мѣсто, дѣйствительно живописное,—лучшаго въ Жегуляхъ, пожалуй, и нѣтъ. Таковъ общій отзывъ. Широко шла Волга, ударившаяся неподалеку объ утесы Жегулевыхъ горъ и круто повернувшая на востокъ за каменные горбы Молодецкаго кургана, который оборвался въ рѣку своимъ характернымъ профилемъ. Рядомъ съ этимъ утесомъ виднѣлась красивая скала *Лепешки*, каменная башня, вся въ трещинахъ, кое-гдѣ покрытая зеленью, стоящая на грудѣ каменныхъ обломковъ. Она не велика (сажень 20 съ небольшимъ) и какъ бы оторвана отъ Молодецкаго кургана. Прозваніе послѣдняго объясняется разно: одни говорятъ, что проѣзжіе волжскіе удальцы-молодцы хоронили на вершинѣ горы своихъ товарищей; другіе объясняютъ проще и вѣроятнѣе: вершина кургана, по преданію, служила у населенія старыхъ Жегулей (бывшихъ у самой Волги) мѣстомъ сходбища въ праздникъ. Парни и дѣвки пѣли на ней свои пѣсни и плясали. Такое объясненіе даетъ и Палласъ. Старыя Жегули лежали неподалеку отъ Молодецкаго кургана. Проѣзжая берегомъ Усы, я видѣлъ остатки прежняго жилья, которое тянулось вдоль горъ.

Digitized by Google

Маленькая часовня стояла на мѣстѣ старой церкви. Большіе морщинистые осокори росли тамъ, гдѣ прежде тянулся рядъ избъ; въ сторонѣ отъ дороги билъ маленькій обдѣланный родникъ съ очень холодною водой. Вѣроятно, Волга помѣшала жителямъ, и они постепенно переносили жилье выше, въ горы. Большіе рѣчные разливы подходятъ теперь къ самымъ горамъ и размываютъ ихъ подножье. Въ былое время Волга была, по разсказамъ, дальше и еще не такъ давно приняла свое наступательное движеніе.

Попавшійся пастухъ предупредилъ насъ, что Уса надъ Усинскимъ курганомъ черезъ себя не пуститъ,—вода сильно прибыла. Не желая купаться, мы принуждены были вернуться назадъ. Особенность Усинскаго кургана и красота вся состоитъ въ отвѣсѣ, наготѣ и множествѣ щелей и норъ, въ которыхъ, по разсказамъ мѣстныхъ охотниковъ. *карагатки* (красныя утки) выводятъ своихъ дѣтей. Утки эти составляютъ особенность жегулевской фауны: онѣ не встрѣчаются по Волгѣ нигдѣ выше Ставрополя. Ростомъ карагатки велики, пожалуй съ дикаго гуся. Лепехинъ въ своихъ «*Дневныхъ запискахъ*», упоминая о нихъ, говоритъ, что онѣ залетаютъ на Волгу съ Каспійскаго моря и живутъ на ней до осени. Вся утка кажется издали красноватою, вслѣдствіе преобладающей каштановой окраски. Крикъ совершенно особенный—точно лебединый. Ее сильно преслѣдуютъ въ Жегуляхъ, зарясь какъ на крупную, хотя и не очень вкусную дичь. Меня поразилъ разсказъ одного туземца-охотника про то, какъ эта птица спускаетъ своихъ птенцовъ на воду съ той значительной крутизны, на которой приходится имъ сидѣть. Широко расправляя крылья, она сноситъ каждаго утенка по-одиначкѣ. Справедливость этого факта мнѣ не удалось провѣрить. Брэмъ говоритъ только, что карагатка живетъ въ земляныхъ норахъ, въ дуплахъ и пр. Итакъ, пришлось сдѣлать большой крюкъ: вернуться опять къ Усинскому устью и, проѣхавъ Трубечиной до Жегулихи, спуститься къ той же Усѣ, только выше, небольшимъ ущельемъ, черезъ Уркины горы—горы очень не высокія, но за то покрытыя разнообразною растительностью, необыкновенно свѣжей и густой. Въ одномъ мѣстѣ большая купа серебристыхъ тополей сверкала точно покрытая снѣгомъ. Уркины горы тянутся по правому берегу Усы, рѣчки, ширина которой не бо́льше 5—10 саженъ. Берега ея покрыты мелкимъ кустарникомъ и наносными песками. Въ разливъ, когда вся долина Усы наполняется водой и сливается съ Волгой, берущей приступомъ Жегулевскія горы, — мѣстность совершенно измѣняется. Весной это—огромное озеро прѣсной воды, у котораго въ иномъ мѣстѣ не видно береговъ. Далеко замѣтно съ разлившейся рѣчки очертаніе бѣлѣющагося на Волгѣ кургана: зелень береговыхъ рощъ тонетъ въ водѣ. До деревни Усладовки, лежащей по ту сторону Усы, дорога ровная, потому что лежитъ поемными мѣстами. За деревней—большой хорошо

Digitized by Google

построенный мостъ и непрерывная березовая аллея вплоть до Усолья. Пошли хорошо воздѣланныя и точно нарисованныя на шахматной доскѣ поля, лиственные лѣса и рощицы; вообще мѣстность стала пріобрѣтать болѣе оживленный характеръ. Широкая, засаженная деревьями дорога говорила о большихъ затратахъ и широкихъ затѣяхъ,—каждая береза обязательно привозилась крестьяниномъ изъ лѣса и садилась въ почву. «Много не принималось, бѣда была тогда съ ними», говорилъ ямщикъ. «Поливки сколько было!» Дѣйствительно дорога много выиграла; мѣстами забываешь, что ѣдешь не садомъ, а столбовой,—такъ велики и хороши деревья. «Красивый въѣздъ въ село!», думалось мнѣ. Я прежде очень много слышалъ объ Усольи, какъ о благоустроенномъ, роскошномъ имѣньи, подобнаго которому пожалуй нѣтъ во всей восточной половинѣ Россіи. Меня, однако, главнымъ образомъ занимала исторія заселенія этого края, исходною точкой котораго было Надѣинское Усолье.

Вотъ потянулись направо Усольскія горы, покрытыя лѣсомъ, какъ и Жегули, мелькнула каменная *свѣтелка* въ турецко-татарскомъ вкусѣ и наконецъ показалось разомъ все село, съ церквами, барскимъ домомъ, прудомъ и садами. Отложивъ до времени осмотръ настоящаго положенія Усолья, я обратился къ мѣстному архиву, въ надеждѣ найти въ немъ интересныя добавочныя свѣдѣнія къ тому, что зналъ прежде о колонизаціи луки. Поэтому перейду отъ легкаго путеваго очерка къ болѣе связному историческому изложенію.

Начало Усолья относится, надо думать, къ шестнадцатому столѣтію, когда стали, такъ сказать, вскрываться естественныя богатства Русской земли. На Волгѣ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, были два города: Соль Большая и Соль Малая. Вскорѣ послѣ покоренія Сибири, царь, милостиво расположенный къ Строгоновымъ, далъ одному изъ нихъ, именно Семену Аникіевичу, свою царскую грамату, за печатью и приписью на оба вышеупомянутые *города*. У *именитыхъ* Строгоновыхъ, прозванныхъ такъ за свою предпріимчивость, какъ бы въ отличку отъ прочихъ людей, много было рабочихъ рукъ для производства солянаго промысла на Волгѣ. Не извѣстно, который изъ вышеупомянутыхъ городовъ былъ на мѣстѣ позднѣйшаго Надѣинскаго Усолья, но не въ этомъ сила. Разработка соли на Волгѣ попала въ хорошія руки людей вполнѣ самостоятельныхъ, имѣвшихъ на Камѣ нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ. Усольскій городокъ, въ которомъ количество соли для выварки нашли достаточнымъ, положилъ начало исторіи теперешняго Усолья, сталъ первымъ дѣятельнымъ пунктомъ въ пограничной сторонѣ. Онъ былъ обнесенъ стѣной, потому что въ тѣ времена было бы легкомысленно строиться безъ загородки: кругомъ по лукѣ были ногайцы, остатки не такъ давно отбитой татарской силы. Въ преданіяхъ позднѣйшихъ поселенцевъ луки можно найти слѣды тогдашняго тревожнаго житья. Одни жи-

Digitized by Google

тели спасались, напримѣръ, во время нагайскихъ наѣздовъ, куда-нибудь на островъ, или въ болота. Одинъ изъ такихъ островковъ носилъ названіе «жилой поляны». Съ появленіемъ врага поднимался мостъ, и жители скрывались на ней. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого острова находился въ дачѣ села Усы караульный *шиханъ* (или бугоръ), а на извѣстномъ разстояніи отъ него еще другой. Съ этихъ двухъ караулокъ виденъ былъ огонь Усольскаго маяка, зажигавшійся на вершинѣ караульной горы въ случаѣ опасности. Маякъ этотъ былъ на мѣстѣ нынѣшней свѣтелки. Лука въ своихъ заселенныхъ мѣстахъ (именно въ западной сторонѣ) представляла тогда мало удобства для мирныхъ занятій и была постоянно на военномъ положеніи. Выдающіеся курганы передавали другъ другу вѣсти съ помощью зажженнаго смолистаго дерева, или просто дегтя. Кто былъ посмѣлѣе и посильнѣе, тотъ защищался; крестьяне же, ничѣмъ не гарантированные отъ набѣговъ, предпочитали сначала бѣгство, предоставляя свои немудрящія избенки на произволъ грабителей—татаръ. Усольскія преданія о тѣхъ временахъ сложились даже въ одну довольно оригинальную повѣсть о старухѣ-богатыркѣ, которая какъ бы олицетворяетъ собой коллективную храбрость населенія солянаго городка. Случилось разъ, говоритъ преданіе, что наскакала ногайцевъ несмѣтная сила, какой еще ни разу не было прежде. Вышли усольцы въ поле драться и стали ногайцы одолѣвать русскихъ. Старшинамъ усольскимъ пришло на умъ, что въ городкѣ осталась по ихъ оплошности старуха, обладавшая большою силой,—старуха, которая не разъ спасала своихъ земляковъ отъ вражескихъ нападеній, но которую они не взяли съ собой на этотъ разъ, просто изъ пренебреженія къ ея старости. Послали гонцовъ просить усольскую богатырку помочь. Та долго не соглашалась, наконецъ смилостивилась, велѣла себѣ осѣдлать бѣлаго коня и, съ саблей въ одной рукѣ и съ пикой въ другой, полетѣла на встрѣчу татарамъ, которые скоро обратились въ бѣгство. Мѣсто, на которомъ была самая ожесточенная битва, лежитъ не далеко отъ Усолья и называется «Сѣчей». Усолье было укрѣплено, какъ я уже сказалъ, и къ тому же самыя выгоды отъ соляныхъ варницъ заставляли жителей дорожить этимъ мѣстомъ, воспитывали въ немъ смѣлость. Горы, у подножія которыхъ стоялъ городокъ, были еще богаты соляными источниками, несмотря на давнюю разработку.

Между Усольемъ на Волгѣ и Камскимъ Усольемъ были постоянныя сношенія. Городокъ сталъ рости отъ прилива рабочихъ людей; лѣсъ, покрывавшій тѣ мѣста, рубился на жилье; число соленыхъ трубъ увеличивалось. Вслѣдствіе тѣсноты въ Подгорномъ Усольи, жители стали изъ него выселяться въ другія части луки. На послѣдней, надо думать, были уже къ концу XVI вѣка рѣдкіе поселки, потому что съ именами Ермака и Кольцо, лежащихъ въ южной части Жегулевскаго полу-

Digitized by Google

острова, связаны воспоминанія о сибирскомъ завоевателѣ и его товарищѣ. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ тогдашнихъ поселеній на самой лукѣ были сначала не больше какъ становищами донскихъ и другихъ казаковъ, которыхъ появилось очень много съ тѣхъ поръ, какъ Волга очистилась для русскихъ людей. Въ XVII столѣтіи къ этимъ зачаткамъ колонизаціи присоединились бѣглые всякаго рода и осѣли на мѣстѣ. Усолье можно поэтому назвать первымъ мирнымъ поселеніемъ въ этой сторонѣ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ по лукѣ были уже настоящія села, съ церквами, и, вслѣдствіе оттѣсненія ногайцевъ за Волгу, въ степь, населеніе пошло успѣшнѣе. Казаки и разбойники все-таки были свои люди. Въ это время Усолье перешло, неизвѣстно въ силу какихъ причинъ, во владѣніе гостя Надѣя и сына его Семена Свѣтешниковыхъ. Таковъ былъ царскій указъ, относящійся къ 1632 году. Отсюда и пошло названіе Надѣинскаго Усолья. Такъ какъ для выпариванья соли требовалось много дровъ, то правительство, поощряя промыслы, отдало Свѣтешниковымъ много лѣсу за Волгой съ тѣмъ, чтобъ они не бросали соленаго дѣла. Изъ этого поощренія можно предположить о нѣкоторомъ оскудѣніи соляныхъ ключей. Добывали соль очень просто. Первыя свѣдѣнія объ этомъ даетъ уже упомянутый нами Олеарій: «*25* (*августа*), говоритъ онъ въ своемъ путешествіи, *мы увидали направо гору, откуда московиты достаютъ соль, которую они кипятятъ въ нарочно выстроенныхъ для этого сараяхъ, у подошвы горы. Затѣмъ ее выставляютъ на солнце для просушки и везутъ по Волгѣ въ Москву*». Отыскавъ *разсолъ*, рыли обыкновенно колодезь. Въ него накоплялась соляная вода синеватаго цвѣта. Около колодца ставили желѣзныя сковороды (срѣны) или котлы, въ которые наливали разсолъ и выпаривали, сожигая немалое количество дровъ. Соляныхъ трубъ мастеръ, варничный соловаръ, монастырскій кузнецъ, мельникъ и садовникъ—все люди, обладавшіе извѣстною снаровкой, знаніемъ. Числился въ слободѣ одинъ нищій, который караулилъ городокъ какой-то, Милованко. Была, однимъ словомъ, небольшая гражданская жизнь, съ управой и раздѣленіемъ труда. Странныя прозвища, которыя попадаются въ переписи, указываютъ на то, что составъ населенія луки—*набѣжный* съ разныхъ концовъ Россіи *). Одни изъ этихъ людей водворялись, другіе бродили, грабили. Монастырскіе и помѣщичьи крестьяне-бѣглецы строили села; служилые люди—тоже. Бродить остальной части было гдѣ: за Волгой непочатая, широкая степь,—не такъ далеко и до Яика. Тѣмъ, которые осѣдали, не было охоты платить земскія повинности, и они всячески уклонялись отъ нихъ, пускаясь на разныя хитрости. Такъ, напр., записывались въ одни дворы къ жившимъ уже осѣдло семьямъ,

*) Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ прозвищъ: Дурала, Мунчакъ, Нехорошко, Блягусъ, Чегодай, Пурдышевецъ, Единъ, Чювичъ, Кесъ, Тюлюсейка, Тоскутей, Тулатъ и пр.

Digitized by Google

подъ именемъ захребетниковъ, сосѣдовъ, подсосѣдниковъ. «Въ одни ворота по десяти дворовъ ѣзжало», говоритъ о томъ народъ. Нѣкоторымъ изъ поселившихся надоѣдала осѣдлая жизнь на одномъ мѣстѣ, они бросали избу, убѣгая или въ другое село, или въ лѣсъ. А Жегулевскія трущобы велики. «*Ихъ мѣрять не можно для того, что по горамъ лѣсъ—частикъ*». Преслѣдованій, значитъ, нечего было бояться, особенно въ XVII столѣтіи, когда администраціи приходилось заботиться не объ однихъ пограничныхъ русскихъ мѣстахъ. Въ описи Усольской волости дворы такихъ бѣглыхъ означены пустыми. Въ одномъ мѣстѣ сказано даже, что такіе-то сбѣжали въ Самарскую губернію. Движимое и недвижимое имущество монаховъ Сторожевскаго монастыря описано было черезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ царь Алексѣй подарилъ волость. Леонтій Моренцовъ, келарь и промышленникъ, захватилъ въ это время много порожней земли (верстъ на 200) и началъ селить на ней черемису, мордву, чувашъ. Населеніе края росло; для охраны его, какъ мы знаемъ, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были посланы на Усу стрѣлецкіе головы и велѣно было имъ разъѣзжать рѣкой *почасту*. Въ Усольской волости было еще двѣ слободы, населеніе которыхъ состояло исключительно изъ рабочихъ: рыбаковъ, сливальщиковъ, ватажниковъ, раздѣльщиковъ, конюховъ, засыпокъ, угольщиковъ и пр. Въ ихъ числѣ былъ и монастырскій поваръ и одна нищая вдова (Анисьица Алексѣева). Къ Надѣинскому же Усолью относилась и Жегулевка (Вознесенское), у самаго устья Усы. Въ немъ, кромѣ церкви, стояли монастырскіе дворы и въ томъ числѣ рыбный, въ которомъ жили *посельные старцы*, монастырскіе служки для рыбныхъ ловель, составлявшихъ очень доходную статью. Число душъ—240. Въ Переволоцкой слободѣ, находившейся на противоположномъ берегу луки, былъ тоже рыбный монастырскій дворъ. Числилось 124 души. Въ двухъ небольшихъ поселкахъ водворены были Моренцовымъ чуваши. Ихъ было душъ около 50.

На днѣ посудины осѣдала чистая соль; затѣмъ начиналась грузка на струги, и соль везли вверхъ по Волгѣ и въ другія мѣста Русскаго царства. Отъ непогоды, особенно дождя, варницы были закрываемы навѣсами; для помѣщенія дровъ строился особый сарай. Изъ этого видно, что добываніе соли не требовало особенныхъ затратъ, особенно въ лѣсистомъ мѣстѣ. Когда ключъ изсякалъ, его бросали и начинали рыть и опускать деревянныя трубы въ другомъ мѣстѣ. Не извѣстно, о какой именно горѣ говоритъ Олеарій, но надо думать объ Усольской, потому что о существованіи другой соли на Волгѣ нѣтъ свѣдѣній, кромѣ одного указанія, приведеннаго выше изъ «Сибирской лѣтописи». Соляные ключи встрѣчаются и выше по Волгѣ. Можетъ-статься, что промышленники пробовали гдѣ-нибудь заводить варницы, но, вслѣдствіе малаго процента соли, бросили дѣло. Правительству каждая усольская варница давала въ годъ 26 рублей 31 алтынъ съ деньгой, да съ соли пошлины бра-

Digitized by Google

лось по указу. Подушныхъ не было. Свѣтешниковы около 30 лѣтъ владѣли Усольемъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, отличавшагося благочестіемъ и набожностью, оно было куплено у Антониды Свѣтешниковой за 6.500 р., и весь заводъ со всею землей былъ подаренъ Саввино-Сторожевскому монастырю. Это было небольшое приращеніе къ тѣмъ богатствамъ, вкладчиками которыхъ являлись предыдущіе русскіе цари. Подарокъ относится къ 1660 году.

Началось второе столѣтіе Усольской исторіи, такъ какъ начало городка восходитъ къ времени до покоренія Казани. Въ усольскомъ архивѣ уцѣлѣли копіи съ писцовыхъ книгъ конца XVII столѣтія, въ которыхъ находится подробная опись всего, что только было въ волости, съ перечисленіемъ деревень и числа жителей поименно. Деревянный городокъ стоялъ на Усольскомъ озерѣ, уже теперь не существующемъ, около самыхъ *соляныхъ горъ*, въ 863 саженяхъ отъ Волги (теперь это разстояніе больше). Построенъ былъ онъ, говоритъ запись 1685 года, *на четыре стѣны*; кельи и строенія—деревянныя. Упоминается церковь Преображенія, пересчитывается вся утварь и затѣмъ весь причтъ. Средства защиты, состоявшія въ пищаляхъ разныхъ величинъ, ружьяхъ и копьяхъ, перечислены очень обстоятельно; пищали—съ обозначеніемъ вѣса *). Видно, что городокъ былъ вооруженъ исправно и могъ отбиваться отъ ногайцевъ и казаковъ. Числилось три сарая; въ каждомъ было по двѣ варницы со всѣми принадлежностями или, какъ выражалась опись, *со всѣми варничными заводами*. Каждая варница носила особое прозвище: Волга, Хорошова, Любимъ, Пріѣзжая, Новикъ, Гостена. Подлѣ Надѣинской вотчины была Усольская слобода, въ которой жили присылавшіеся отъ монастыря подъячіе. Они жили погодно. Тутъ же проживалъ разный рабочій людъ *для призрѣнія*, и состоялъ онъ или изъ мастеровыхъ или изъ простыхъ работниковъ. Послѣдніе были все бобыли, т. е. люди одинокіе, бѣдные. Рабочій людъ, какъ видно, дѣлился на задѣльщиковъ, получавшихъ плату (нанятыхъ), и батраковъ, жившихъ изъ хлѣба. Одни называются въ описи: *бобыль—дровяной задѣльщикъ;* другіе: *бобыль—варничный работникъ*. Въ числѣ жителей слободы былъ струговой кормщикъ. Земли въ усольскихъ граняхъ и межахъ съ пашеннымъ лѣсомъ, пахатной и не пахатной *дикой степью* было больше 40.000 четвертей (каждая четверть равнялась $1^1/_2$ или 2 десятинамъ). Былъ еще большой не пашенный лѣсъ (*Муромскій*) около тридцати верстъ длины, да Усинскій въ 20 верстъ,

---

*) «*Въ городкѣ снаряду: пищаль мѣдная (19 пуд. 10 гривенъ). Другая—8 п. 20 гр. Третья—7 п. 30 гр. Четвертая—5 п. 30 гр. Пятая—33 гривны (фунта)*»... «*Пищаль желѣзная литая, длиною аршинъ, на станкѣ 3 пищали желѣзныхъ добрыя, 77 ядеръ разныхъ статей, мелкаго ружья 30 пищалей, знамя дорогильное (шелковое) желтое, барабанъ, 40 копій съ древками, 2 знамя кумачныхъ*» (Архивъ усольской конторы).

Digitized by Google

и много лѣсу при болотѣ и по болотамъ, въ разныхъ мѣстахъ. За Волгой былъ Ягодный боръ. Число жителей во всей усольской монастырской вотчинѣ достигало почти тысячи человѣкъ, которые занимали сотни три дворовъ. Огромные луга доставляли много сѣна. По лѣсамъ и полямъ водились звѣри, и звѣроловство вмѣстѣ съ рыбнымъ промысломъ было отдано въ пользованіе монастырю. Бортнаго оброка не было: это была тоже не малая льгота.

Въ монастырскихъ лугахъ разбросано много мелкихъ озеръ, названія которыхъ общи большинству волжскихъ островныхъ озерковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно богатыя рыбой послѣ рѣчныхъ разливовъ, запирались монахами и становились рыбными садками. Усольскія владѣнія обведены были гранями, при означеніи которыхъ принимались въ разсчетъ разныя примѣрныя деревья (напр. развилистая береза, виловатый дубъ и проч.), а на степи ставились простые столбы. Значки были нарублены по обѣ стороны этихъ деревьевъ и столбовъ, причемъ старыя *дѣли* (мѣтки) заростали корой, и снова приходилось вырубать межевые знаки. Мѣтой служили на открытомъ мѣстѣ и сурковыя норы. Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что населеніе описываемаго края было въ концѣ XVII-го вѣка довольно значительно, благодаря мѣстнымъ условіямъ и стараніямъ Моренцова привлечь возможно бо́льше число людей. Отъ набѣгавшихъ поселенцевъ монахи требовали вѣроятно обязательной обработки извѣстной части земли за мѣсто, полученное въ монастырской дачѣ. Можетъ-быть крестьяне закрѣпощались при самомъ поселеніи. Жилье, ѣда были хорошія, а работа не Богъ вѣсть какая; лѣсу руби сколько хочешь; рыбы вдоволь и земли много. О житьѣ-бытьѣ самихъ монаховъ, наѣзжавшихъ въ Усолье, преданіе говоритъ какъ о самомъ привольномъ и богатомъ. Чего только у нихъ не было? Кромѣ лѣсовъ, полей, варницъ, мельницъ, рыбныхъ ловель и рогатаго скота, у усольскихъ хозяевъ былъ цѣлый конскій заводъ; лошади до глубокаго снѣга паслись на островахъ. Управители просто царствовали; они, по разсказамъ старыхъ людей, не гнушались мірскими забавами и участвовали въ крестьянскихъ пирушкахъ. На домъ къ себѣ носили ихъ, говоритъ молва, въ особенныхъ качалкахъ (паланкинахъ). Эта небольшая черта, сохраненная народною памятью, нейдетъ въ разрѣзъ съ внутреннею жизнью нашихъ богатыхъ монастырей прежняго времени. Не даромъ жаловались съ давнихъ поръ на изнѣженность и роскошь келейниковъ. Саввино-Сторожевская обитель достигла около начала XVIII-го столѣтія высшей точки своего процвѣтанія. Народъ вспоминаетъ объ этомъ времени съ удовольствіемъ, часто поминая прежнюю матеріальную обстановку жизни. Угодьями и крестьянами монахи владѣли *самовластно и безмятежно*, не мѣшая однако послѣднимъ пользоваться естественными богатствами края. Человѣкъ того времени щедрою рукой бралъ то, что предлагала ему окружающая природа. Доставало съ

Digitized by Google

лихвою и управляющимъ, и подчиненнымъ. Это были еще времена, когда земля считалась чуть не божьей, даровой. Иного спросятъ, говоритъ народъ: «это твои что ли 500 десятинъ?» — «Не знаю, говоритъ, право; кажись, что мои». Отдавая Усолье монахамъ, царь Алексѣй, по преданію, сказалъ, что если кто отниметъ у монастыря подаренныя угодья, тотъ будетъ анафема проклятъ. Въ Усольѣ я самъ слышалъ отъ одного крестьянина, что доска съ надписью, вдѣланная въ стѣну старой Усольской церкви, говоритъ теперь не то, что прежде.

— Мы, выходитъ, монастырскіе, говорилъ усолецъ.—Господа эту доску самую настоящими-то словами обернули къ стѣнѣ да и вырѣзали новыя слова. Такъ это дѣло заглохло и вышло, что мы—барскіе. За господами намъ быть не слѣдъ.

Старикъ, какъ видно, сильно былъ увѣренъ, что стоило обернуть доску—и истина бы вскрылась. Молодые преемники Алексѣя Михайловича продолжали давать разныя новыя льготы монахамъ, подтверждая старыя, избавляли ихъ отъ оброка и проч. Но вотъ возмужалъ Петръ, и въ началѣ XVIII столѣтія всѣ монастырскіе доходы и имѣнья поступили въ распоряженіе особаго монастырскаго приказа, который чуть не весь составленъ былъ изъ людей не особенно заинтересованныхъ въ иноческомъ дѣлѣ,—людей свѣтскихъ. Монахи стали получать изъ приказа деньгами и хлѣбомъ. Все остальное, на что можно было хорошо пожить, шло на училища, больницы и проч. Такъ тянулось дѣло до 1710 года, въ которомъ Усолье было отдано царемъ Меншикову. До него монахи владѣли еще Усольемъ, но уже не прямо заправляя тамошними дѣлами, а косвенно. Въ это время на Волгѣ покой нарушался нерѣдко жителями недавно основаннаго города Сызрани. Они, не имѣя надлежащаго понятія о собственности, не особенно церемонились съ сосѣдями, причемъ обирали и усольскихъ монаховъ. Сызранцы у нихъ *украдомъ рыбу ловили, лѣси пустошили, звѣрей били и пчелъ драли*. Для розыска воровъ, при Петрѣ велѣно было давать служилыхъ людей и разсыльщиковъ, *сколько человѣкъ пригоже на тѣхъ сильниковъ*. При владычествѣ монаховъ появились на лукѣ села—Валы и Рязань. Первое селенье образовалось изъ выходцевъ снизу Волги (изъ теперешняго Вольска) и изъ Жегулей. Старожилы были подвластны монастырю и упорнѣе другихъ повторяли завѣщанныя проклятія слѣдующимъ владѣльцамъ. Второе село составилось изъ выходцевъ Переяславля Рязанскаго и заслужило себѣ, какъ мы видѣли, худую славу. Меншиковъ, къ которому перешло Усолье, владѣлъ имъ до года своей ссылки (1728 г.). У него было далеко больше ста тысячъ душъ, и третья часть изъ нихъ были бѣглые. Къ этому времени относится появленіе новыхъ селеній на лукѣ: Актушъ, Горной Александровки, Березовки и Комаровки. Въ началѣ прошлаго столѣтія подгородные усольцы стали переселяться на мѣсто нынѣшняго Усолья. Причиной этого была, вѣроятно, Волга, которая въ большіе разливы затопляла окрестности и



Digitized by Google

жилища промысловыхъ людей, заставляя ихъ искать спасенія на горахъ. Въ нихъ, говорятъ, есть еще слѣды того мѣста, куда уходили усольцы и уносили съ собой пожитки во время наводненій. Переселеніе тянулось лѣтъ 20. Городокъ сталъ постепенно пустѣть, а варницы были заброшены, потому что добываніе соли не давало прежнихъ выгодъ, земледѣліе же расширилось. Обрушившаяся церковь перевезена была изъ стараго Усолья въ народившійся за Волгой Ставрополь; много изъ большихъ, грубо отесанныхъ камней пошло на постройку теплой новой усольской церкви. Слѣды старой видны и теперь. Одною стороной она стояла опершись на известковую скалу, а фундаментъ прочной старой кладки былъ весь наружѣ. На мѣстѣ алтаря поставленъ небольшой бѣлый столбъ. Кругомъ уже все заросло кустами и густою травой. Особенно много ежевики и глухой крапивы. Неподалеку—остатки прежнихъ соляныхъ варницъ. У самой Воложки врыто въ землю нѣсколько деревянныхъ соленыхъ трубъ, очень толстыхъ и еще не сгнившихъ. Врыты онѣ совершенно отвѣсно. Тутъ же около Воложки находится и покривившійся колодецъ съ соленой, синеватою водой. Воды очень мало, не больше какъ съ аршинъ, потому что мѣстные жители, особенно по веснѣ, пріѣзжаютъ сюда за ней. Идетъ эта вода въ печенья. Говорятъ, съѣзжается иной разъ подводъ до 60-ти. Нѣсколько выше, среди сочной приводной травы, стоитъ такъ-называемый «*тынъ*» въ квадратную сажень, огороженный здоровыми досками. Вѣроятно, это было мѣсто тоже какого-нибудь колодца. Вотъ и все, что осталось отъ стараго Усолья.

Послѣ Меншикова село это отошло въ казну со всѣми угодьями. Въ недавно построенномъ Ставрополѣ открылась продажа казенной соли, и усольскія варницы были окончательно закрыты. Понятно, что крестьянамъ, привыкшимъ къ прежнему житью, когда все давалось въ избыткѣ и почти даромъ, новая соль показалась дорогой и пошла *кража* разсола—на взглядъ начальства, или простое пользованіе по-старому—на взглядъ не понимавшаго мужика. Потребовалось приставить къ соли караулъ, а въ концѣ концовъ завалить трубы и колодцы падалью и камнями. Это было большое стѣсненіе въ числѣ многочисленныхъ другихъ. О казенной управѣ крестьяне до сихъ поръ говорятъ какъ о чемъ-то такомъ, что характеризуется извѣстною фразой: «не приведи Господи!» Правительство строго относилось къ недоимкамъ и держало провинившихся *на правотѣ*. Правота состояла въ томъ, что мужика отводили въ поле и колотили безъ пощады. Въ случаѣ недоимки, забирали хлѣбъ, скотъ, одежду, избы жгли и проч. въ этомъ родѣ. За пятакъ, по разсказамъ, сажали въ пустую морозную избу и держали до уплаты. Для сбора недоимокъ присылались, говорятъ крестьяне, особые управители—*драгоманы*. Такъ прошло, памятное для всѣхъ на лукѣ, царствованіе Анны и Елизаветы. Преслѣдованія бѣглыхъ, прекращенныя въ царствованіе Петра, когда бѣглые водворялись на Самарской лукѣ (напр. село Рождествено), на-

Digitized by Google

чались снова. Налоги, отягощавшіе русскій народъ при какомъ-нибудь Биронѣ, не миновали стариннаго пріюта всякихъ вольныхъ людей. Разбои усиливались. Около сорока лѣтъ длилось безотрадное положеніе. Перемѣна произошла совершенно неожиданно. Екатерина въ 1768-мъ году подарила графу В. Г. Орлову всю Усольскую волость, и послѣдняя, побывавъ во владѣніи купцовъ-промышленниковъ, у монаховъ и правительства, перешло наконецъ въ распоряженіе помѣщиковъ.

Блестящій придворный, интересуясь болѣе обстоятельно знать, какія выгоды можетъ принести подаренная земля, и платя, какъ диллетантъ, дань просвѣщенному вѣку, обратился къ Палласу, бывшему тогда въ Петербургѣ, съ просьбой обратить особенное вниманіе на жегулевскія трущобы. Кромѣ того его занимала мысль, гдѣ бы удобнѣе построить на Волгѣ дворецъ для своихъ пріѣздовъ. Палласъ отправился въ путь въ 1769 году. Благодаря посланному впередъ управляющему графа, Мещерину, усольцы узнали, что они барскіе. По милости Палласа, русскій ученый міръ узналъ довольно обстоятельно о горахъ, окаймляющихъ изгибъ Волги, и о томъ клочкѣ земли, который охватывается этимъ изгибомъ.

Въ бѣгломъ письмѣ къ графу Палласъ съ прискорбіемъ сообщалъ о томъ, что ему не удалось сдѣлать въ подаренныхъ владѣніяхъ ни одного сколько-нибудь важнаго открытія; жаловался на то, что наблюдателю пищи въ нихъ мало, потому что вся теперешняя *степь* была въ то время уже заселена и распахана. Только Усольскія горы, Жегули и Шелехметскіе холмы снабдили ученаго нѣсколькими обращиками растеній *и очень любопытныхъ* насѣкомыхъ, которыя онъ и посылалъ графу. Дворецъ онъ совѣтовавъ построить на возвышенности, къ западу отъ села Переволоки, находя, что окрестности Усолья требуютъ слишкомъ много украшеній искусственныхъ. Жаловался еще на недостатокъ воды на полуостровѣ. Въ путевыхъ запискахъ Палласа, переведенныхъ съ нѣмецкаго въ концѣ прошлаго столѣтія, находится, какъ я уже сказалъ, обстоятельное описаніе минеральныхъ и другихъ богатствъ Самарской луки. Позднѣйшіе натуралисты немного прибавили къ этому старому, вѣрному описанію.

На время уклонившись отъ начатаго историческаго очерка, я постараюсь сдѣлать въ нѣкоторомъ родѣ сводъ того, что извѣстно въ настоящее время о естественныхъ произведеніяхъ этой части Сызранскаго уѣзда. Задолго до посѣщенія Палласа, въ массѣ горнаго известняка Жегулей съ ихъ отрогами кромѣ соли добывали и сѣру. Ея особенно много около высокой сѣрной горы, на сѣверо-востокѣ полуострова. Разработка сѣры была переведена сюда изъ Сергіевска въ началѣ прошлаго столѣтія и состояла до 1720 года въ завѣдываніи самарской военной канцеляріи артиллеріи и фортификаціи. Послѣ этого заводъ отданъ былъ въ частныя руки и, вслѣдствіе дурнаго устройства, работа на немъ прекратилась въ 1764 году. Сѣрный городокъ нахо-

*

Digitized by Google

дился между Ширяевой и Подгорьемъ, у подножія крутой и лѣсистой горы. Добыванье сѣры хотя и было нѣсколько сложнѣе солянаго промысла, требовало болѣе обширныхъ сооруженій и проч., однако не отличалось особенною замысловатостью, шло, какъ видно изъ описанія Палласа, спустя рукава. Онъ засталъ еще свѣжіе слѣды этого обширнаго завода. Въ плавильнѣ была 51 печь, на протяженіи пятидесяти саженъ; печи были складены въ одинъ рядъ, съ промежутками; у каждой было особое устье съ узкою трубой и на боку печки двѣ продушины. Противъ нихъ печи соединялись длиннымъ очагомъ съ прорѣзомъ въ длину. Въ прорѣзѣ этомъ клались поперечные кирпичи на разстояніи вершка другъ отъ друга. На такомъ очагѣ рабочіе ставили рядомъ плавильные горшки изъ мѣстной глины, такъ-называемые *булакры* (не отсюда ли *булакирь?*), ихъ наполняли нечистою сѣрой, или сѣрнымъ камнемъ. Крышку горшка замазывали смѣсью изъ песка и глины; потомъ разводили огонь. Изъ глиняныхъ трубъ плавильныхъ горшковъ горючая сѣра вытекала въ особенные сосуды, поставленные подлѣ глухой стороны печи, на приступкѣ, въ наполненныхъ водой корытахъ. Очищали сѣру, перетапливая еще разъ въ такихъ же горшкахъ, ставя ихъ штукъ по пятнадцати въ печь, похожую на наши хлѣбныя русскія печи. Затѣмъ переливали сѣру въ формы, которыя стояли въ водѣ въ корытахъ. При такомъ первобытномъ устройствѣ печей рабочіе умирали отъ чахотки и изнурительной горячки. На заводѣ числилось 22 мастера и 576 рабочихъ, которые ломали камень, сносили его и бросали въ печи. Сѣры можно было добыть до 2.000 пудовъ въ годъ. «По сѣрной горѣ, говоритъ Палласъ, руками и ногами карабкаться должно, и удивительно, что при многолѣтней работѣ на сей горѣ не старались сдѣлать лучшей дороги для всхода, которую легко бы можно было сдѣлать кривизнами и притомъ еще такую, по которой возили бы сѣрный камень на лошадяхъ. Но всегда оный носили работники далѣе версты, на своихъ плечахъ, изъ малой платы, по крутой и каменистой тропинкѣ, по которой и безъ ноши идущій человѣкъ находится въ опасности, чтобы не сдѣлаться уродомъ». Сѣру ломали въ глубокихъ ямахъ (развалахъ) и на верху горы. Палласъ видѣлъ одну такую яму, длиной въ 80, шириной въ 10, а глубиной въ 6 саженъ. Въ Жегуляхъ до сихъ поръ попадается сѣра или въ известкѣ, или въ чистомъ видѣ, довольно большими кусками, въ нѣсколько фунтовъ. Въ камнѣ она свѣтло-сѣраго или зеленоватаго цвѣта. Самородной, чистой сѣры добывалось на вышеупомянутомъ заводѣ не болѣе 400 пудовъ въ годъ. Кромѣ извести, соли и сѣры, въ Жегулевскихъ горахъ и по лукѣ есть и другіе представители каменнаго царства. Тотъ же Палласъ открылъ на полуостровѣ, въ южной его части, хорошіе сорта глины (у с. Костычей) и селитру по береговымъ пещерамъ. Около сѣрнаго городка, въ одномъ изъ большихъ жегулевскихъ овраговъ, заводчики давно пользовались прослойками гагата въ

Digitized by Google

известковомъ камнѣ; слылъ онъ подъ именемъ *сургуча*. При сѣрномъ заводѣ гагатъ шелъ на каменное масло, пригодное въ артиллеріи. Встрѣчаются цѣлыя глыбы этой смолы, пуда въ полтора вѣсомъ; она медленно загорается и скоро гаснетъ. Однимъ купцомъ изъ Сызрани было испрошено дозволеніе дѣлать изъ гагата черный сургучъ, но дѣло почему-то не пошло. До сихъ поръ крестьяне пользуются иногда жегулевскимъ гагатомъ какъ топливомъ, потому что въ южной части полуострова лѣсовъ нѣтъ; они варятъ на немъ себѣ уху. Кромѣ этого сызранскія кузницы употребляютъ его на какія-то подѣлки, кажется, при окраскѣ желѣза. Блестящему колчедану приходится разыгрывать на лукѣ роль людскаго соблазнителя, благодаря наружному сходству съ золотомъ.

Дѣло Горной Александровки не представляетъ единичный фактъ золотоискательства. Въ селѣ Актушѣ, не далеко отъ Усолья, не такъ еще давно жилъ крестьянинъ Блохинъ, поставившій чуть ли не единственною цѣлью своей долголѣтней жизни исканіе жегулевскаго золота. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что знаетъ мѣсто нахожденія этого металла. Сколько разъ, говорятъ, сидѣлъ онъ за вымышленное золото въ острогѣ, но это не помогло. Ревностные поиски продолжались до самой смерти. На Усольѣ и сейчасъ еще жива старуха, нерѣдко приносящая изъ горныхъ экскурсій блестящіе кусочки колчедана, крѣпко завязанные въ узелокъ головнаго платка; этого соблазнительнаго камня особенно много въ коренныхъ Жегуляхъ. У деревни Брусянъ, на югѣ полуострова, ломаютъ брусяной камень. Брусковъ выдѣлываютъ тысячъ до пятидесяти въ годъ. Тутъ же не подалеку много мелкаго бѣлаго кварцоваго песку, который идетъ на ближніе стеклянные заводы. Глина, составляющая основу береговыхъ возвышеній, около села Костычей и выше, годится въ гончарномъ дѣлѣ и продается по 12 к. с. за пудъ на мѣстѣ. Горы, какъ извѣстно, на сѣверной сторонѣ покрыты лѣсомъ, который сползаетъ мѣстами довольно далеко внутрь полуострова. Въ Усольскихъ горахъ преобладаютъ осина и дубъ; въ Жегуляхъ липа занимаетъ первое мѣсто. Отъ сильно-каменистой почвы, гдѣ слой назема не глубокъ, деревья становятся *ситовыми*, т. е. пустыми внутри, вслѣдствіе чего не могутъ идти никуда, кромѣ какъ на дрова. Изъ хвойныхъ—одна сосна, ель же не водится. Въ Усольѣ я видѣлъ небольшой засѣвъ этого дерева, предпринятый за годъ до моего пріѣзда. Деревца принялись и лѣтъ черезъ 30 есть надежда увидать цѣлый лѣсокъ. Ягодъ и орѣховъ по горамъ очень много. Въ Усольскихъ горахъ есть марена; идетъ она на окраску грубыхъ тканей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Растительность особенно богата и густа въ тѣхъ непроходимыхъ буеракахъ, куда человѣку пока не зачѣмъ забираться съ своекорыстными цѣлями, подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей, разросшихся на волѣ деревьевъ. Угольный баракъ, напримѣръ, охраняетъ отъ солнечныхъ лучей такую прохладу, что ее можно назвать пожалуй стужей. Волжскіе бурлаки, говоритъ Палласъ,

Digitized by Google

обыкновенно ночуютъ въ этой долинѣ, потому что лѣтомъ въ ней нѣтъ комаровъ и мошекъ. Дровяные жегулевскіе лѣса, переходящіе на востокѣ въ болѣе величественныя деревья стараго времени, служатъ и долго служили мѣстомъ укрывательства и разбоя четвероногихъ хищниковъ. Я уже говорилъ про тѣ года, когда медвѣди заходили въ сельцо Морквaши, чуть не среди бѣлаго дня. Теперь они оттѣснены въ самую глушь, ближе къ Сѣрной горѣ, въ окружающіе ее лѣса. Мордовцы изъ Бахиловки до сихъ поръ еще охотятся на медвѣдя, ставшаго впрочемъ рѣдкостью. Осенью, въ листопадъ, они выслѣживаютъ мѣсто, гдѣ залегъ звѣрь, а зимой, на лыжахъ, подходятъ къ намѣченному логову и кружатъ около него, пока медвѣдь не выйдетъ. Охота одинъ на одинъ вовсе не рѣдкость. Разъ мордвинъ наткнулся въ лѣсу на медвѣдя, вовсе не разсчитывая на такую встрѣчу. Въ рукахъ у него былъ только ножъ. Мордвинъ, не долго думая, быстро засунулъ лѣвую руку въ медвѣжью пасть, а правой не менѣе быстро распоролъ звѣрю брюхо. Рукой онъ поплатился, но шкуру медвѣжью все-таки содралъ и продалъ. Жегулевскіе медвѣди— крупной породы, муравьятники же встрѣчаются рѣже. Въ 1840 году возлѣ Березовки былъ убитъ медвѣдь слишкомъ въ 8 пуд. вѣса и длиною въ 7 фут. 11 д. Одна голова была въ 1 фут. 5 д. шириной и въ 11 д. длины. Чучело звѣря и теперь сохраняется въ Усольи. Медвѣди теперь отодвинуты въ Жегуляхъ на второй планъ; но за то волки сильно обираютъ стада овецъ и коровъ. Здѣшніе лѣса—образцовый притонъ для этихъ хищниковъ. Въ какомъ нибудь буеракѣ выведетъ волчиха своихъ дѣтей; крестьянскіе мальчики, напавши на выводокъ, перетаскаютъ его домой, на деревню, и вотъ по цѣлымъ ночамъ тянется протяжный вой обиженнаго звѣря. «Убытку много отъ этихъ волковъ», часто слышалъ я отъ крестьянъ.

— Что же, у васъ есть на нихъ охотники?

— Нѣтъ, какіе охотники: не велѣно, запрещаютъ.

Послѣ я узналъ, что никакого запрета на волковъ не полагалось, но что нѣкоторая формальность пугала дѣйствительно, и рѣдкій шелъ въ Усолье за билетомъ на охоту. Дѣло въ томъ, что въ барской конторѣ лежитъ на столѣ довольно объемистая книга съ билетами двухъ цвѣтовъ: одинъ цвѣтъ для стрѣльбы, другой для простой (капканной и иной) ловли. При спросѣ билетъ вырѣзывается и дается безплатно. Заведено все это для того, чтобы знать того человѣка, который идетъ въ лѣсъ съ ружьемъ или капканомъ, и, въ случаѣ какой воровской порубки въ томъ мѣстѣ, имѣть его въ виду. Мало того, что изъ иного пункта *графщины* до Усолья не одинъ десятокъ верстъ, самое сношеніе съ барскою конторой служитъ не малою помѣхой, и волки въ Жегуляхъ, полагаю, если знаютъ, такъ радуются заведенной въ конторѣ книгѣ. Кромѣ упомянутыхъ лѣсныхъ хозяевъ попадаются, только очень рѣдко, куницы. Бѣлокъ много, но объ особой породѣ ихъ, бѣлаго цвѣта, о которой упоминаетъ г. Бо-

Digitized by Google

голюбовъ (въ «Волгѣ» и проч.), я ничего не слыхалъ отъ мѣстныхъ охотниковъ. По скалистымъ вершинамъ Жегулевскаго хребта водятся орлы не крупной породы и беркуты; въ береговыхъ пещерахъ, на югѣ полуострова, водятся вороны, дикіе голуби и мелкія хищныя птицы. Про разную болотную и водяную дичь я не говорю: ея вездѣ много по Волгѣ.

Другая сотня лѣтъ идетъ съ тѣхъ поръ, какъ Усолье посѣтилъ знаменитый Палласъ по порученію землевладѣльца, и много за эти годы перемѣнилось на памяти старожиловъ. Порядки завелись совсѣмъ иные; пошли постройки, заводы, да затѣи, не то что прежде. По усмотрѣнію присланнаго управляющаго (Мещерина), выстроенъ былъ въ Усольи деревянный барскій домъ, съ разными удобствами, устроенъ конскій заводъ (30 кобылицъ); когда пріѣзжалъ самъ графъ Иванъ Григорьевичъ, то велись разныя охоты: и псовая (150 соб.), и соколиная. Въ управленіе Мещерина былъ устроенъ, такъ-называемый, *звѣринецъ*. Въ немъ были напущены разнородные пойманные звѣри. Высокая загородка отдѣляла ихъ отъ сосѣдняго лѣса; была она, по разсказамъ стариковъ, хитро сдѣлана: дверей много, а пролѣзть нельзя. По обѣимъ сторонамъ загородки были вырыты глубокія канавы. Въ звѣринцѣ, представлявшемъ просто загороженную съ четырехъ сторонъ рощицу, жили и медвѣди, и олени, и лисы съ зайцами. Не такъ давно еще все это было уничтожено и убитъ послѣдній олень. Звѣрей кормили особо приставленные къ тому егеря; расходы были большіе, что и послужило впослѣдствіи къ уничтоженію этого звѣринаго садка. Въ Усольи послѣ Мещерина жила цѣлая фаланга управляющихъ (сержантъ Воробьевъ, Кузьминъ, Гостевъ— современники Пугачева; гайдукъ Уваровъ, Ѳоминъ и др.). Крестьяне платили графу 3 руб. мѣди съ души, но это было въ дешевыя времена, когда пудъ ржи стоилъ меньше десяти копѣекъ, овца 30, а рыбу продавали счетомъ. Земли было много и къ тому же очень плодородной, черноземной. Количество десятинъ считалось позже десятками тысячъ. Сѣялись сначала главнымъ образомъ рожь и овесъ, потомъ и пшеница. Долго вѣроятно обработка земли на Самарской лукѣ не отступала отъ простыхъ, не хитростныхъ пріемовъ, которые засталъ еще Палласъ, проѣзжая полями. «На плодородной землѣ, говоритъ онъ, крестьяне сѣютъ овесъ, просо и рожь будто бы на съѣденіе птицамъ; потомъ, взявъ соху, начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороной безъ погоняльщика, и вся работа въ томъ состоитъ». То же видимъ мы и теперь во многихъ углахъ Россіи. Земледѣльческія работы справлялись и справляются такъ же просто, часто спустя рукава, какъ и старая добывка соли, сѣры, извести, какъ всѣ наши теперешніе кустарные промыслы. Правильныхъ порубокъ лѣса, котораго было много по окрестнымъ горамъ въ старое время, не существовало, но даже и при такихъ условіяхъ изъ статистическихъ данныхъ за 1834 годъ видно, что могло быть и вырубаемо и вывозимо безъ всякаго истоще-

Digitized by Google

нія до 100.000 всякихъ деревьевъ и до 20.000 саженъ дровъ, считая и валежникъ. Такія цифры краснорѣчиво говорятъ, что лѣсу въ Усольской волости было пожалуй столько же, сколько и хлѣба. Благодаря хорошему урожаю послѣдняго, надо полагать, еще въ концѣ XVIII-го столѣтія выстроенъ былъ въ селѣ винокуренный заводъ. Много сгубилъ онъ людей и перевелъ дровъ. О пьянствѣ, которое завелось отъ него въ Усольи, трудно составить понятіе. Заводъ былъ въ добавокъ скверно устроенъ. Внутри была непроглядная тьма, такъ что рабочіе нерѣдко попадали въ кипящіе кубы и варились. Усольцы, воровавшіе казенную соль, не стѣснялись таскать тайкомъ и барскую водку. Несмотря на строгій надзоръ, крестьяне напивались до полусмерти. Заводъ стоялъ долго и пьянство сильно укоренилось въ Усольи.

Въ одной изъ связокъ мѣстнаго архива сохранилось небольшое дѣло, такъ-сказать, изъ домашней, будничной жизни села. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является волостной писарь. Относится дѣло къ 15-му году нынѣшняго столѣтія. Уцѣлѣвшій документъ подтверждаетъ сказанное выше о послѣдствіяхъ винокуренія. Носитъ онъ довольно оригинальное названіе: *О дурныхъ произшествіяхъ писаря Смазнова.* Оказывается, что писарь этотъ былъ наказанъ розгами за разныя блудныя дѣла, за то, что ругался не печатными словами и выборнаго звалъ сопуномъ, пускалъ въ кабакѣ пороховую шутиху, самовольно отлучался изъ правленія, накупалъ *для баловства* пряниковъ или *чинилъ какое-либо свиданіе къ прелюбодѣянію.* Дѣлалъ онъ все вышесказанное въ пьяномъ видѣ. Приговоръ Смазнову, выражаясь подлинными словами дѣла, былъ таковъ: «*Запросто въ жизни его обхожденіе имѣетъ безо всякаго благопристоинства, а занимается однимъ велентиромъ, заключаютъ въ себѣ непредвидимую дурную важность, черезъ что и ведетъ себя нечестно*». Въ то время, какъ сельскіе жители, въ родѣ писаря, позволяли себѣ, напившись, разный *велентиръ*, мужики пили просто горькую и расплачивались за это, подобно Смазному, собственными спинами. Можетъ-быть, въ противодѣйствіе буйствамъ и непорядкамъ, которые чинили ничего не дѣлающіе дворовые, началось въ 21-мъ году дѣло объ устройствѣ школы для дворовыхъ мальчиковъ. Школа была въ Усольи еще въ 1795 году, но не извѣстно, почему прекратилась. На вновь устроенную школу пошли, по всей вѣроятности, деньги, собираемыя ежегодно съ крестьянскихъ женокъ. На эти же сборы содержалась больница и вся барская дворня, которой было не мало. Изъ свѣдѣній объ успѣхахъ учениковъ за 23-й годъ видно, что въ усольской школѣ преподавались: грамматика, ариѳметика и катихизимъ. Учениковъ было человѣкъ сорокъ; преподавалъ дьяконъ Ал. Лавровъ. Школа была двуклассная. Въ двухъ графахъ противъ семилѣтковъ стоитъ: *по малолѣтству еще въ ученьи плохъ.* Во второмъ классѣ не было старше 18-ти лѣтъ, а въ первомъ—17-ти. Въ первомъ

Digitized by Google

классѣ моложе 7-ми тоже нѣтъ, во второмъ нѣтъ моложе 11-ти. Приготовляя изъ дворовыхъ людей грамотныхъ и пригодныхъ для всякой барской надобности, управленье заботилось тоже и о нравственности, которая у отцовъ была сильно попорчена и винокуреннымъ и другими барскими затѣями. Заботы эти были очень старательны, судя по спискамъ о поведеніи дворовыхъ, которые велъ, вѣроятно, прикащикъ управляющаго, въ каждомъ селеньи особо. Интересы барскаго дома прямо зависѣли отъ тѣхъ людей, которые гнѣздились и плодились въ немъ и около. Дворовые, какъ люди ближе всѣхъ стоящіе къ барскому хозяйству, нуждались въ болѣе строгомъ контролѣ, чѣмъ мужики. И за нравственностью-то ихъ легче гораздо услѣдить. Въ графахъ о поведеніи дворовыхъ за 29-й годъ стоятъ разныя замѣчанія въ родѣ: «*Худаго не слышно, вновь рожденная* (!), *попиваетъ, слѣпа, въ мартѣ 22-го года умре, со всячиной, порядочна, изрядна, дѣла свои знаетъ и расторопенъ*». Послѣднее, какъ видно, было особенно цѣнно въ хозяйствѣ, потому что встрѣчается рѣдко. Списковъ о поведеньи достаточно, но за то списки о холостыхъ и о дѣвкахъ села Усолья занимаютъ цѣлыя кипы старой, синеватой бумаги. Все это занято подробнымъ отчетомъ, кто и почему не вступаетъ въ бракъ. Полагался штрафъ не свыше 25 рублей съ тѣхъ, которые къ положенному сроку останутся холостыми или дѣвками. По спискамъ видно, что взыски съ дѣвокъ и вдовъ чаще, чѣмъ съ холостыхъ мужиковъ. Вѣроятно меньше находили извиняющихъ причинъ: какъ молъ дѣвкѣ какого-нибудь мужа не сыскать? Иные по графамъ отмѣчались вовсе неспособными по дряхлости, по какому-нибудь увѣчью или просто по бѣдности. Другимъ же вмѣнялось въ вину нежеланіе пріискать себѣ невѣсту, и съ такого брался штрафъ; дѣвки и бабы точно также оказывались въ иныхъ случаяхъ неспособными, напримѣръ при кликушествѣ, слѣпотѣ, и пр. Въ противномъ случаѣ, если въ графѣ значилось: «къ браку способна, нейдетъ по желанію»,—штрафъ. Надъ дворовыми въ этомъ отношеніи не было такой опеки и принужденія. Браки дворовыхъ не составляли доходной статьи, какъ крестьянскіе, и совершались обыкновенно послѣ доклада государю-графу. Такъ одинъ изъ дворовыхъ просилъ «покорнѣйше государя-графа позволить женить двадцатилѣтняго сына, дабы онъ не могъ допустить себя до какихъ-либо развратныхъ поступковъ, такъ какъ въ таковыхъ лѣтахъ люди нерѣдко подвергаются онымъ». Изъ крестьянъ, конечно, болѣе или менѣе зажиточныхъ, или семейныхъ вдовцовъ, встрѣчались охотники до брака, такъ что они въ этомъ случаѣ предупреждали всякія взысканія. За невѣстой у такихъ дѣло стоять не могло. Такъ, напр., одинъ крестьянинъ села Усолья, лѣтъ 50, пожелалъ жениться въ четвертый разъ и одинъ попъ просилъ за это удовольствіе 80 руб., чего дать онъ не былъ въ состояніи. Пришлось ѣхать въ Сызрань, гдѣ попъ взялся устроить вѣнчаніе только за

Digitized by Google

25 р. и получилъ задатку 2 р. Василью Безсчастному (имя крестьянина) велѣно было пріѣхать съ невѣстой, дѣвкой Катериной; попъ позвалъ дьячка, но тотъ уперся относительно брака. Пришлось добавить еще 4 р. Впослѣдствіи кто-то изъ трехъ проговорился, и завелось дѣло.

Съ первой четверти нынѣшняго столѣтія, благодаря усердію графскихъ управляющихъ, усольское хозяйство стало быстро рости. Значительные доходы позволяли многое устраивать и заводить въ широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ отношеніи теперешнее Усолье, къ бѣглому очерку котораго я намѣренъ перейти, представляетъ естественный продуктъ прежнихъ стараній и накопленій. Предшествовавшія выдержки изъ старыхъ дѣлъ усольскаго архива показываютъ на нѣкоторыя пружины этого не особенно замысловатаго механизма, показываютъ на то, что дѣйствительно съ 1768 года порядки пошли иные, или, вообще говоря, завелись строгіе порядки во всемъ, явилась іерархія и постоянная расправа, неусыпный надзоръ. Прежде въ плохіе годы пріѣдутъ недоимки сбирать: взыщутъ и уѣдутъ, а теперь—постоянная опека, отъ которой иногда хоть бѣжать, такъ въ ту же пору, и бѣгали. Понятно, какъ *набѣжные* люди должны были смотрѣть на всякіе строгіе порядки и и запреты, помня сравнительное приволье былыхъ годовъ. «Прежде не въ примѣръ проще было»—вотъ что слышишь отъ многихъ. Вступленіе графа Орлова во владѣніе усольскими землями не обошлось безъ неудовольствія со стороны крестьянъ. Такъ разсказываютъ, что жители села Валовъ объявили будто бы графу, какое проклятіе ожидаетъ всякаго новаго владѣльца послѣ господства монаховъ. Въ отвѣтъ на такое привѣтствіе, графъ, говорятъ, сослался, что онъ лично тутъ ни при чемъ, что имѣнье подарено Императрицей.

Познакомившись нѣсколько съ исторіей Усолья, я отправился осматривать окрестности и хозяйственныя учрежденія. Горы, какъ наиболѣе выдающіяся въ околоткѣ, прежде всего привлекли мое вниманіе. Въ какой-нибудь полуверстѣ отъ села, на довольно высокой горѣ (87 саж.) виднѣлась усольская свѣтелка, откуда, въ ясную погоду, видѣнъ даже Симбирскъ, отстоящій болѣе чѣмъ на сто верстъ отъ Усолья. Въ день моего пріѣзда въ это село густой туманъ покрывалъ бывшія *Соленыя горы*, и свѣтелки не было видно. Теперь же стоялъ прекрасный іюльскій день и среди довольно густой зелени караульнаго бугра вырѣзывалась какая-то остроконечная башенка съ полумѣсяцемъ. Не зная, гдѣ лежитъ дорога, ведущая къ ней. я отправился цѣликомъ и совершенно нечаянно напалъ на винтообразный въѣздъ. Онъ былъ заброшенъ и только напоминалъ о бывшемъ когда-то шоссе. Свѣтелка, выстроенная въ восточномъ вкусѣ, была не велика, но прочно выложена изъ камня. Она имѣла видъ небольшой башни, некрасивой, рѣзко съуживающейся на верху, въ два этажа. Внизу съ каждой стороны было по выходу на террасу, а вверху—по окошку. Зданіе было заброшено и загажено

Digitized by Google

голубями; въ иныхъ мѣстахъ двери были сорваны съ петель.... Видъ на окрестности былъ дѣйствительно обширенъ, но не скажу, чтобы красивъ. Въ немъ было очень мало воды — все зелень, да поля безъ конца. Послѣ иныхъ жегулевскихъ пейзажей онъ не могъ нравиться. Кромѣ слѣдовъ разрушенія видны были на свѣтелкѣ немногіе слѣды посѣтителей, входившихъ на эту гору. Надписи были все русскія; какъ-то попала и нѣмецкая. Особенно интересна и поучительна одна, такого рода: «*31-го мая, 1870 года посѣщая сказалъ: ближнему твори любовь—выше внидешь нежели здѣсь.* М—мъ».—«Glaube, Liebe, Hoffnung—Werner aus Sachsen»—гласила другая. Не такъ давно каждый посѣщавшій Усолье считалъ своей обязанностью побывать въ свѣтелкѣ и росписаться. Такъ велось со дня основанія башни, съ 1841 года. Посрединѣ стоялъ столъ, на которомъ лежала большая книга. Она была испещрена множествомъ фамилій и замѣтокъ. Этой книги я въ Усольи не засталъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней было не мало любопытныхъ автографовъ и не менѣе любопытныхъ замѣтокъ. Такъ мнѣ разсказывали, что одинъ губернскій посѣтитель, обвороженный гостепріимствомъ, оставилъ на листахъ этой книги двѣ памятныя строчки:

«Графъ Орловъ-Давыдовъ
Милѣе всѣхъ усольскихъ видовъ».

По дорогѣ къ старому Усолью, которая лежала верхомъ лѣсистыхъ горъ, находится извѣстный въ околоткѣ по красотѣ Бѣлый камень (Соколья гора). Отъ свѣтелки до него будетъ вѣрныхъ три версты. Кругомъ все деревья, рѣдко гдѣ маленькая поляна и просвѣтъ. Черезъ полчаса ѣзды показывается наконецъ Заволжье съ зеленью рѣчныхъ поймъ. Для того, чтобы попасть на Бѣлый камень, надо еще сойти до него по крутой каменистой тропѣ, составляющей ребро известковой горы. Сначала растутъ, лѣпятся по сторонамъ кое-какія сосенки, а дальше одинъ камень, площадка сажени въ три, и утесъ обрывается къ Волгѣ отвѣсомъ въ 30 саженъ. Около Усолья это, по-моему, лучшее мѣстечко. Налѣво—заросшій баракъ и каменный обрывъ къ нему; направо—луговое раздолье и много воды. На одномъ изъ камней небольшой неровной площадки видна полустертая временемъ надпись: *пусть будущіе...* Спустившись Кабацкимъ баракомъ, гдѣ встарину стоялъ подарокъ Грознаго русскому народу, и проѣхавъ узкимъ берегомъ Воложки мимо стараго Усолья, я вернулся въ богатое село взглянуть на хозяйство. Оно очень велико и ведется на славу. Для сельскаго хозяина найдется въ новомъ Усольи не мало интереснаго и поучительнаго. Если «посравнить да посмотрѣть вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», такъ, пожалуй, съ трудомъ повѣрится свѣжему преданію о старыхъ промыслахъ и старомъ хозяйствѣ. Въ прекрасныхъ мастерскихъ, обступившихъ барскій домъ, работаетъ и заправляетъ паръ разнообразными машинами, которыя свер-

Digitized by Google

лятъ, пилятъ, точатъ. Все нужное для усольскаго хозяйства выдѣлывается на мѣстѣ; то, что нельзя произвести самимъ, или не стоитъ производить, закупается на цѣлый годъ и хранится въ особыхъ кладовыхъ, которыя напоминаютъ большія лавки губернскихъ городовъ. Въ нихъ лежатъ большіе запасы хомутовъ, возжей, дугъ, лопатъ, рукавицъ, фонарей и пр. Цѣлые сараи заставлены земледѣльческими машинами преимущественно англійскихъ и американскихъ системъ. Нѣкоторыя не стоятъ праздно и работаютъ въ полѣ. Такъ сотни три десятинъ, говорятъ, вспахивается одними шведскими плужками. Скотные дворы—заглядѣнье. Для овецъ выстроены цѣлые каменные дворцы. Все чисто хорошо провѣтрено. Для нечистотъ устроенъ особый стокъ въ большой общій резервуаръ. Всюду проведена вода изъ ближняго родниковаго колодца по водопроводнымъ трубамъ. Въ любой конюшнѣ, овчарнѣ, или мастерской,—однимъ словомъ, всюду, гдѣ движутся и живутъ, устроены небольшіе насосы, въ изобиліи выбрасывающіе воду. Вещи, которыя при обыкновенномъ хозяйствѣ считаются негодными, идутъ здѣсь въ дѣло; огромныя кучи навоза свозятся отовсюду въ нарочно для этого сдѣланныя каменныя загороди. Въ полѣ для загона скота устроены очень удобныя калды; онѣ раздѣлены на двѣ половины: въ одной—мелколѣсье, въ другой совершенно ровное мѣсто. Первая предназначена для жаркихъ дней, потому что въ ней есть тѣнь; другая—для пасмурныхъ. Рядомъ устроенъ сарай для загона съ часто перемѣняемою соломой-подстилкой. Днемъ отъ дождя, а вечеромъ на отдыхъ сюда загоняютъ овецъ. Числомъ послѣднихъ особенно славится Усолье и другія имѣнья графа. Въ особомъ помѣщеніи я видѣлъ нѣсколько хорошихъ мериносовыхъ породъ. Прежде черезъ Усолье лежалъ почтовый трактъ; маленькій красный домъ, не то готической, не то никакой архитектуры, какъ и большая часть того, что мы строимъ, былъ въ старые годы почтовою станціей. Издали зданіе можно принять скорѣе за какую-нибудь кирку. Теперь въ немъ—больница. Во многихъ уѣздныхъ городахъ Россіи не найдется такой хорошей аптеки, какъ въ Усольи. При ней находится и небольшая лабораторія. Кладбище, имѣющее прямую связь съ больницей и аптекой, лежитъ при выѣздѣ изъ села и носитъ у усольцевъ очень характерное прозваніе *поповой калды* (калда - загородка для загона скота). При немъ выстроена часовня чисто въ лютеранскомъ вкусѣ, кирпично-краснаго цвѣта. Во время моего пребыванія въ Усольи школа была закрыта. были каникулы, жаркіе, томящіе дни. Въ небольшомъ, но красиво выстроенномъ помѣщеніи школы былъ устроенъ (уже не первый годъ) питомникъ для тѣхъ грудныхъ дѣтей, матери которыхъ цѣлый день на работѣ. Проѣзжая полемъ, часто видишь люльку съ ребенкомъ, повѣшенную гдѣ-нибудь на сучокъ, и мать, работающую серпомъ въ одной рубашкѣ. Стараніями графини Орловой и заведенъ этотъ небольшой пріютъ. Дѣтей въ немъ кормятъ, моютъ въ ваннахъ, укла-

Digitized by Google

дываютъ спать въ хорошо устроенную постель. При мнѣ набралось въ питомникъ человѣкъ съ десять дѣтей разнаго возраста. Были между ними и такіе, которые, очевидно, исполняли роль нянекъ около грудныхъ. Въ числѣ небольшихъ кроватокъ съ *кисейными* занавѣсками виднѣлись и простыя люльки. Крестьяне, на самомъ дѣлѣ, довольны этимъ заведеніемъ. Въ маленькомъ, боковомъ флигелькѣ живетъ старая надзирательница. Комната у нея свѣтлая, чистая, по стѣнамъ развѣшаны все картины духовнаго содержанія, да образа. Надпись на школѣ гласитъ: *«начало премудрости—страхъ Божій»*. Найдите, послѣ всего сказаннаго, сходство между прежнимъ солянымъ городкомъ и теперешней *графщиной*.

Промысловое мѣсто именитыхъ Строгоновыхъ, купеческая вотчина Свѣтешниковыхъ, доходная статья, Саввино-Сторожевскаго монастыря, подарокъ знаменитому временщику, казенная собственность и, наконецъ, барское помѣстье царскаго любимца—вотъ историческія фазы Усолья. Но это лишь наружная сторона исторіи, подъ часъ блестящая, въ которой народъ не принималъ участія и теченію которой лишь подчинялся, платя извѣстныя подати. Свои желанія и исторію своей жизни онъ осуществлялъ иначе,—объ этомъ могутъ кое-что разсказать тѣ Жегулевскія горы, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ этихъ замѣтокъ. На нихъ еще многими жителями возлагаются и теперь большія надежды. Жегулевцы вѣрятъ въ богатства своихъ горъ. Крестьянинъ, у котораго я на время остановился по пріѣздѣ въ Усолье, разсказывалъ мнѣ, какъ давно ужь, много годовъ назадъ, проходили черезъ Усолье нехристи и разбрелись иные по горамъ. Вернувшись изъ нихъ, они говорили русскимъ, что въ этихъ горахъ все есть. «Чего только на свѣтѣ нѣтъ, того и въ этихъ горахъ нѣтъ». Много толкуютъ на лукѣ про золото и ищутъ его.... Несмотря на всѣ хорошіе порядки теперешнихъ лѣтъ, крестьяне поговариваютъ о церковной доскѣ, будто бы повернутой въ стѣну настоящею надписью, и говорятъ, что ихъ *сонули*, что они собственно монастырскіе и за господами имъ быть не слѣдъ; что надѣлъ малый, лѣсу рубить не позволяютъ, какъ прежде. Ищутъ въ горахъ *«керасинъ»*, каменный уголь... Будь прежнее время, такъ куда-нибудь переселились бы: народъ—все *«сбродъ да наволока»*. Къ переселеньямъ не привыкать стать,—да нельзя теперь: осѣдлость очень къ землѣ тянетъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія еще былъ примѣръ подобной перекочевки изъ Сызранскаго уѣзда; старыя привычки набѣжныхъ людей проснулись и много народа было подбито грамотниками бѣжать на Дарью рѣку, на днѣ которой находилось будто бы огромное количество холста, *брошеннаго бѣжавшими изъ Россіи французами*. Изъ всей Симбирской губерніи бо́льшая доля бѣжавшихъ пришлась на Сызранскій уѣздъ съ его лукой. На послѣднюю, какъ я уже упоминалъ, занесенъ былъ другими грамотниками и расколъ. Особенно часто встрѣ-

Digitized by Google

чаются по селамъ «спасово согласіе» и «безпоповщина». Замѣчанія о простотѣ стараго и о порядкахъ новаго времени напомнили мнѣ одно мѣсто изъ короткой записи о Жегулевской волости, не знаю кѣмъ и когда составленной. Запись эта поступила въ мое временное распоряженіе, какъ источникъ. Въ ней, какъ на грѣхъ, нѣтъ почти ни одного вѣрнаго свѣдѣнія; но за то она неоцѣненна по тѣмъ замѣткамъ и разсужденіямъ, которыя въ ней разсыпаны. Разсужденія идутъ о былой простотѣ жителей Самарской луки, именно села Рязани, и вмѣстѣ рисуютъ читателю всю простоту составлявшаго запись. Выпишу особенно курьезныя мѣста.

Начавъ съ временъ заселенія края, упомянувъ объ изгнаніи татаръ за Волгу, переселенцахъ, хохлахъ, мордвѣ и пр., авторъ доходитъ до славянъ-великоруссовъ, говоря, что они составляли главное населеніе, и прибавляетъ: «*Они лѣтъ сто назадъ были до такой степени просты и справедливы, носили бѣлыя рубашки и портки. Женщины тоже были въ страшной неурядицѣ* (sic), *что нынѣ и съ огнемъ не найдешь на свѣтѣ такихъ, вѣрили одинъ другому и все то, что кто спроситъ, давали, какъ попадетъ, или съ возвратомъ, или безъ возврата, кто какъ былъ въ состояніи, а особенно село и деревня Рязань*».... Тутъ авторъ записи начинаетъ перечислять глупости рязанцевъ, чуть ли не общіе разсказы о пошехонцахъ, хохлахъ, вятчанахъ и др., насчетъ которыхъ любитъ иногда съострить коренной русскій человѣкъ. Причину всего этого надо искать въ различіи обычаевъ и привычекъ, разности говора и тѣхъ мелкихъ особенностей, которыя легко подмѣчаются людьми, видящими ихъ впервые. Давнему населенію луки позднѣйшіе пришельцы могли казаться и глупыми, и смѣшными. Такъ, про рязанцевъ разсказываютъ много небылицъ: поѣдутъ будто они съ извозомъ въ Казань, какой-нибудь озорникъ повернетъ на ихъ ночевкѣ оглобли назадъ, рязанцы и ѣдутъ опять домой, встрѣчаютъ своихъ женъ и дивятся, какъ это онѣ ихъ въ чужомъ городѣ не оставляютъ.—Болѣе зажиточные, не занимавшіеся извозомъ, задумали построить деревянную церковь и повѣсили на колокольню лычные колокола. Собирали эти лыки со дворовъ и сплели одинъ большой колоколъ для того, чтобы зычнѣе былъ. Не великъ былъ зыкъ отъ липовыхъ лыкъ.... «Возьми этотъ самый колоколъ, разсказывалъ везшій меня кучеръ усолецъ, да и сорвись у нихъ съ колокольни. Сорвался да и повисъ на крапивѣ. Забѣгали рязанцы, затомошились, давай землю рыть, смотрѣть, глубоко ли колоколъ въ землю ушелъ. Посмотрѣли вверхъ, а онъ на крапивѣ».—На сходкѣ куруна наказывали за то, что грубо со стариками говорилъ. Поросятъ на нашестѣ заставляли сидѣть, потому что отчего ему не сидѣть при четырехъ ногахъ, когда курица о двухъ да сидитъ.—Въ народѣ рязанцы прослыли *каржатниками*, благодаря одному разсказу про то, какъ мачиха угостила пасынка ожареной каргой, а тотъ ее съѣлъ за цыпленка.—Далѣе авторъ небольшой тетрадки переходитъ отъ жителей къ описанію

Digitized by Google

мѣстности и, не желая быть простымъ, какъ рязанцы, выражается такъ: «Усинскій курганъ.... *Вреда онъ никакого никому не причиняетъ*». Разсказывая про народные толки о пещерахъ съ деньгами, онъ добавляетъ, *что плохо ихъ тамъ даютъ*. Потомъ идутъ метеорологическія и климатическія свѣдѣнія; параграфъ 9: «*Вѣтра, дожди, туманы, снѣга, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ, установленіе и окончаніе зимняго пути, сила ихъ (?) бываютъ тогда, въ какое время распорядится этимъ небесный царь*». Изъ приводимыхъ далѣе цифръ видно, что первое мѣсто между ремесленниками занимаютъ каменьщики, потомъ плотники и пильщики. Мелкихъ торговцевъ всего три, и одинъ столяръ на всю волость. Судя по почерку, довольно бойкому и красивому, запись составлена не давно. Не представлялъ ли кто запросовъ о состояніи края, и рядъ параграфовъ не играетъ ли здѣсь роль обстоятельныхъ отвѣтовъ? Общее впечатлѣніе послѣ прочитаннаго такое, что, молъ, несмотря на то и то, все однако обстоитъ благополучно, и даже самъ Усинскій курганъ никому не причиняетъ вреда, вотъ уже сколько лѣтъ. Авторъ примиряется подъ конецъ даже и съ нравами жителей, говоря, что они (нравы-то) *снисходительны, образованія не получили, а въ школѣ учатъ священники безъ жалованья*.

Количество селъ, покрывающихъ луку, довольно значительно, благодаря хорошему слою чернозема, въ аршинъ и больше толщиной. Къ числу самыхъ большихъ селеній относятся: Усолье (около 2.000 душъ обоего пола), Переволока (1.500), Жегули, Сосновый Солонецъ, Аскула и Рождествено. Самыя незначительныя: Усладовка и Кольцовка (каждая душъ въ 200). Земледѣльческая жизнь вездѣ вошла въ свои права; старые промыслы брошены, кромѣ известки, которая у всякаго подъ ногами и на глазахъ.

Небольсинъ, проѣзжавшій лукой лѣтъ 20 назадъ, упоминаетъ объ этомъ промыслѣ, радуясь, что крестьяне имѣютъ «наклонность къ полезному препровожденію *свободнаго* времени» («От. Зап». Май, 1853). Судя по тому, что эти же крестьяне въ прежнее время проводили *свободные часы* въ добываніи соли и сѣры, надо думать, что этихъ часовъ значительно убыло, иначе странно, почему они не употребляютъ ихъ теперь на *полезныя препровожденія*.

Залежи сѣры и въ настоящее время на столько велики, что могли бы при разработкѣ имѣть большое значеніе въ государственномъ хозяйствѣ. Въ 1854 г. одинъ изъ членовъ Имп. Рос. Геогр. Общества выражалъ мнѣніе о возобновленіи брошеннаго сѣрнаго завода. Столѣтіе назадъ Палласъ удивлялся количеству этого матеріала, осматривая гору съ ея *развалами* и подкопами. Въ письмѣ къ гр. Орлову онъ прямо говоритъ: Il n'ya que la montagne «Сѣрный городокъ» riche en belles mines de Soufres qui soit digne d'arreter les curieux». Въ эти сто лѣтъ народъ неустанно говорилъ и говоритъ о жегулевскихъ несмѣтныхъ

Digitized by Google

богатствахъ всякаго рода, но всѣ они лежатъ еще подъ спудомъ, и говоръ остается чѣмъ-то въ родѣ пророчества далекому будущему.

Теперешнее Усолье можетъ служить обращикомъ, какія выгоды можно извлекать изъ окружающей природы, если, прибавлю я, есть на это соотвѣтствующія средства. Мелкіе землевладѣльцы могутъ, пожалуй, только на горе себѣ соблазниться порядкомъ и стройностью усольскаго хозяйства, которое ведется въ широкихъ размѣрахъ и на громадныя суммы. Выѣхавъ изъ Усолья по дорогѣ къ Волгѣ, въ село Новодѣвичье, я долго не могъ выѣхать изъ широко раскинувшейся *графщины*. Она чуть не до половины дороги все тянулась, и тянулась безъ конца....

**Д. Садовниковъ.**

Digitized by Google

# НОВЫЯ КНИГИ.

**Театральное искусство.** *П. Д. Боборыкина.* Спб. 1872.

Что театральное дѣло въ Россіи, несмотря на болѣе чѣмъ вѣковое существованіе, находится еще въ первобытномъ состояніи, что самыя существенныя основы его—образованіе актеровъ, серьезная критика, истинная свобода театровъ и т. д. совершенно отсутствуютъ и тѣмъ обрекаютъ его на подчиненіе кое-какъ сложившимся традиціямъ,—это стало давно избитой аксіомой. За указаніями зла дѣло никогда не ставало, но мало было положительныхъ усилій содѣйствовать театральной реформѣ и попытокъ указать ея главнѣйшія основанія. Новое сочиненіе г. Боборыкина, разсматриваемое съ этой стороны, имѣетъ поэтому полное право на сочувствіе всякаго, кому близки интересы театра. Видно, что онъ съ большою любовью отнесся къ дѣлу и, не имѣя возможности свести результаты русской литературы по этому предмету (что невозможно, такъ какъ число театрально-теоретическихъ сочиненій равняется у насъ почти нулю), изложилъ главнѣйшіе результаты европейской науки, наблюденія и догадки западныхъ профессоровъ драматическаго искусства, директоровъ театра и т. п. Онъ отвѣчалъ своею книгой тѣмъ, болѣе или менѣе неяснымъ, стремленіямъ къ раціональнымъ реформамъ, которыя проявляются уже въ самихъ театральныхъ сферахъ и которыя въ особенности выразились въ брошюрѣ покойнаго режиссера Александринскаго театра, Е. Воронова: «Проектъ драматическаго класса при с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ. Спб. 1868». Стремленія эти коренятся въ желаніи замѣнить эмпирическія теоріи и господство навыка и рутины сколько-нибудь стройнымъ, систематическимъ и научнымъ изученіемъ всѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ частностей театральнаго искусства. Но, сколько намъ кажется, тѣ тре-



Digitized by Google

бованія, та программа, которую г. Боборыкинъ дѣлаетъ обязательными для всякаго дѣльнаго артиста, врядъ ли будутъ соотвѣтствовать этимъ стремленіямъ и желаніямъ самихъ артистовъ. Съ совершенно объяснимымъ и похвальнымъ, серьезнымъ взглядомъ на дѣло, авторъ, излагая послѣдовательно всѣ важнѣйшія физіологическія, психологическія, эстетическія и литературныя наблюденія надъ сущностью декламаціи, теоріею жестовъ, оттѣнками разныхъ амплуа, постановкой голоса, — ставитъ всестороннюю образованность и развитіе непремѣннымъ условіемъ для маломальски серьезнаго актера; онъ хотѣлъ бы, чтобъ актеръ могъ и въ этомъ отношеніи достойно стоять въ первыхъ рядахъ общества. Но кто знаетъ бытъ нашихъ театральныхъ артистовъ, въ средѣ которыхъ сколько-нибудь сносное образованіе еще рѣже, чѣмъ въ западныхъ театральныхъ сферахъ, тотъ можетъ легко представить себѣ, что заявляемыя авторомъ требованія суть не что иное, какъ pia desideria, до осуществленія которыхъ безмѣрно далеко. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы заявленіе ихъ было лишнимъ,—напротивъ, мы считаемъ долгомъ всякаго, сознающаго въ себѣ способность приносить пользу, человѣка, не смущаясь окружающей апатіей, ясно обозначать тѣ идеалы, къ которымъ въ концѣ концовъ все-таки должно придти театральное искусство, указывать важнѣйшіе пути къ ихъ достиженію. Но не скроемъ, что разладъ между теоріей и дѣйствительностью, еще рѣзче выступающій по поводу такого явленія, какъ книга г. Боборыкина, невольно производитъ грустное впечатлѣніе. Тамъ, гдѣ режиссерская обязанность, чуть ли не самая важная во всемъ театральномъ персоналѣ, поручается, по изстари заведенному порядку, выслужившимся второстепеннымъ артистамъ; тамъ, гдѣ учителями театральнаго искусства бываютъ *по очереди* артисты труппы, причемъ очередь весьма часто выпадаетъ на долю артистовъ, чья сценическая карьера служитъ постояннымъ указаніемъ, какъ не слѣдуетъ играть (такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, преподавателемъ въ московской театральной школѣ былъ г. Колосовъ); гдѣ театральная критика находится по большей части въ рукахъ несвѣдущихъ борзописцевъ, преслѣдующихъ при этомъ часто другія цѣли (такъ, одинъ подобный искатель приключеній устроилъ какъ-то въ Москвѣ частный драматическій классъ для женщинъ, окончившій свое существованіе скандальнымъ разоблаченіемъ эротическихъ поползновеній профессора); гдѣ любительскіе спектакли, которые, за недостаткомъ правильно устроенныхъ театральныхъ школъ, могли бы служить разсадникомъ новыхъ артистическихъ силъ, серьезно относящихся къ дѣлу, превращаются зачастую въ семейное, патріархальное учрежденіе, гдѣ, наперекоръ всему, могутъ процвѣтать годами бездарности, поддерживаемыя притомъ неразборчивой и благосклонною публикой, какъ напр. въ театрѣ московскаго артистическаго кружка,—тамъ предъявленіе высокихъ требованій отъ служителей искусства звучитъ ѣдкою насмѣш-

Digitized by Google

кой. Когда люди довольствуются театральнымъ болотомъ (какъ метко назвалъ романистъ-обличитель сценическій нашъ міръ), имъ трудно втолковать прелесть другой, болѣе утонченной жизни.

Въ сообщеніи всевозможныхъ научныхъ свѣдѣній, могущихъ такъ или иначе относиться къ театральному дѣлу, авторъ необыкновенно тароватъ; быть-можетъ, излишество въ этомъ случаѣ является даже нѣкоторою помѣхой. Отводя много мѣста изученію такъ-называемыхъ выразительныхъ движеній, авторъ входитъ въ мельчайшія подробности о мышечномъ аппаратѣ, приводя названія всевозможныхъ мышцъ, производящихъ то или другое движеніе; точно также онъ исторически обозрѣваетъ различныя теоріи физіогномики. Все это вполнѣ умѣстно въ спеціальномъ ученомъ трактатѣ, тогда какъ въ книгѣ, предназначенной быть руководствомъ для актера, оно, можетъ-быть, лишняя роскошь. Съ одной стороны, читателя отпугнетъ то несмѣтное множество естественно-научныхъ и философскихъ терминовъ, которыми испещрена чисто-теоретическая часть книги,—терминовъ по большей части иностранныхъ,—вслѣдствіе отсутствія русской терминологіи. Вращаясь постоянно между «синтезомъ» и «эмпиризмомъ», между «круговою мышцей» и какою-нибудь «мышцей, сморщивающею бровь» и т. п., бѣдный артистъ легко запутается и придетъ къ заключенію, что книга не при немъ писана. Къ тому же является вопросъ, дѣйствительно ли такую всеобщую пользу должно принести актеру знаніе мелочей мышечнаго аппарата; давая ему указанія о гримировкѣ, жестикуляціи, личной мимикѣ, основанныя на физіологическихъ данныхъ, можно дѣйствительно вдохнуть жизнь въ его игру, но врядъ ли высокую пользу принесетъ ему знать въ минуту, когда лицо его выражаетъ презрѣніе, что въ это время дѣйствуетъ мышца круговая или лобная.—Заговоривъ по поводу терминовъ объ иностранномъ элементѣ въ слогѣ автора, мы должны прибавить, что отъ него, какъ отъ опытнаго романиста, можно было бы ожидать болѣе русскаго слога, не прибѣгающаго за всякою малостью къ помощи чужихъ оборотовъ. Тамъ же, гдѣ авторъ желаетъ создать новое русское слово, построеніе оказывается весьма неудачно, приводя къ словамъ въ родѣ: «изліятельность, словный» и т. д.

Наиболѣе обработанными и заключающими въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній и совѣтовъ отдѣлами въ книгѣ являются отдѣлы: о декламаціи или, лучше сказать, произнесеніи ролей, объ ихъ изученіи, о постановкѣ піесъ, объ отношеніи актера къ зрителямъ и критикѣ. Здѣсь автору легче указывать болѣе или менѣе точныя, подтвержденныя опытомъ и наблюденіями, данныя, чѣмъ въ научной части своего труда, гдѣ, при несовершенномъ еще состояніи физіологіи, ему постоянно приходится оговариваться, что тотъ или другой отдѣлъ еще не разработанъ и что наука не выяснила причину и развитіе того или другаго

*

Digitized by Google

отправленія. Въ этой части «Театральнаго искусства» можно было бы желать нѣсколько бо́льшаго мѣста замѣчаніямъ и оцѣнкѣ тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ искусство на Руси; бѣглыя замѣчанія въ общемъ изложеніи очень вѣрны, но они могли бы безъ ущерба дѣлу разростись въ особый отдѣлъ. Точно также можно было бы пожелать въ концѣ пространнѣйшаго указателя литературы предмета и въ особенности сочиненій о постановкѣ, костюмахъ и т. д., совершенно неизвѣстныхъ у насъ. Вообще же, разставаясь съ книгой г. Боборыкина, мы должны повторить, что она и при мелкихъ недостаткахъ, неизбѣжныхъ во всякомъ первомъ опытѣ, составляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ нашей небогатой театральной литературѣ.

---

**Первое знакомство со сценой** или краткое руководство къ изученію драматическаго искусства. Составилъ *Семенъ Кафтыревъ*. М. 1872.

**Маска актера**. Практическое руководство къ искусству гримироваться. Сочиненіе *Фридриха Альтмана* (актера). Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1872.

Обѣ книги, изданныя г. Кафтыревымъ, возникли изъ того же стремленія, которое вызвало и появленіе труда г. Боборыкина, и въ авторѣ «Перваго знакомства со сценой» видна любовь къ дѣлу и желаніе помочь ему по мѣрѣ силъ. Но этому похвальному желанію не вполнѣ соотвѣтствуетъ исполненіе. На 147 страничкахъ въ 16-ю долю, довольно крупной печати, онъ изложилъ въ общихъ очеркахъ и исторію драмы и руководства къ изученію ролей, и къ гримировкѣ, и къ дикціи, включилъ сюда нѣсколько театральныхъ анекдотовъ изъ старыхъ журналовъ, приложилъ и указатель лучшихъ сочиненій по теоріи и исторіи драмы. Легко представить себѣ, въ какомъ нестройномъ, обрывистомъ видѣ является этотъ пестрый наборъ свѣдѣній. Общее направленіе довольно вѣрное и раціонализмъ стремленій автора, желающаго болѣе научной подкладки сценическому дѣлу, заслуживаетъ сочувствія, но въ приложеніи стремленія къ дѣлу онъ не можетъ еще отстать отъ рутинныхъ пріемовъ. Такъ, онъ останавливается на перечисленіи и объясненіи такъ-называемыхъ амплуа, тогда какъ современная театральная практика почти повсемѣстно уничтожила строгое разграниченіе амплуа въ труппѣ, оставшееся страннымъ отголоскомъ театральнаго строя предшествовавшихъ двухъ вѣковъ. Приложенный въ концѣ указатель сочиненій по исторіи и теоріи драматическаго искусства былъ бы весьма полезенъ, еслибы былъ полонъ, но въ него вошли преимущественно лишь статьи изъ «Антракта», тогда какъ въ прежнихъ театральныхъ изданіяхъ можно было бы найти не мало цѣнныхъ статей; въ него не

Digitized by Google

помѣщена статья Н. С. Тихонравова о началѣ русскаго театра, напечатанная въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», представляющая одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по исторіи русскаго театра, взамѣнъ чего помѣщены: «Всемірная исторія», Шлоссера, «Исторія русскаго государства», Соловьева и Карамзина, какъ будто это тоже «сочиненія по теоріи и исторіи драматическаго искусства....» Впрочемъ авторъ обезоруживаетъ критика необыкновенно скромнымъ и совѣстливымъ признаніемъ въ робости, съ которою онъ рѣшается выступить передъ публикой съ первой своею работой, служащею выраженіемъ завѣтной его мысли—посвятить себя изученію сущности драматическаго искусства. Онъ желаетъ продолжать свои работы и перейти къ спеціальнымъ изысканіямъ по различнымъ областямъ театра; желаемъ ему успѣха, совѣтуя оставить легкій и анекдотическій родъ изложенія для серьезнаго и основаннаго на обстоятельномъ изученіи лучшихъ русскихъ и *иностранныхъ* источниковъ.—На сколько проблематична польза, которую можетъ принести его собственная книга, на столько полезно переведенное имъ съ нѣмецкаго подробное руководство къ гримировкѣ, заключающее въ себѣ много подробнѣйшихъ техническихъ указаній по этой важной части театральнаго дѣла, могущихъ пригодиться не только для начинающихъ, но и для опытныхъ артистовъ.

**А. В.**

**Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданный по поводу политехнической выставки. М. 1872 г.**

Общій голосъ публики и прессы призналъ за *туркестанскимъ отдѣломъ* на бывшей въ Москвѣ политехнической выставкѣ богатство предметовъ, полноту и цѣлесообразность въ ихъ расположеніи. Отдѣлъ этотъ почти не оставлялъ желать лучшаго для изученія новопріобрѣтенной, далекой окраины нашего обширнѣйшаго государства.

Но комиссія по устройству туркестанскаго отдѣла не ограничилась только выставкой. Чтобы сдѣлать доступными свѣдѣнія о Русскомъ Туркестанѣ и возможно болѣе распространенными, комиссія издала *сборникъ* статей для широкаго и всесторонняго ознакомленія съ этимъ весьма мало-извѣстнымъ краемъ.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ этотъ сборникъ нашимъ читателямъ. По обилію матеріала, разносторонности изученія края, сборникъ этотъ составляетъ выдающееся явленіе.

«Сборникъ» состоитъ изъ *трехъ* выпусковъ:

Въ 1-мъ выпускѣ помѣщены статьи для изученія географіи и статистики Русскаго Туркестана. Топографическій очеркъ Туркестанскаго края (орографія и гидрографія) сдѣланъ очень полно и снабженъ многими интересными замѣчаніями.

Digitized by Google

*2-й выпускъ* содержитъ въ себѣ статьи по этнографіи, техникѣ, сельскому хозяйству и естественной исторіи.

*Въ 3-мъ выпускѣ* «Сборника» сообщаются замѣтки о производительности края по отношенію къ войскамъ, въ немъ расположеннымъ, нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о войскахъ Туркестанскаго военнаго округа, ихъ расположеніи, службѣ, занятіяхъ и, наконецъ, въ приложеніи къ «Сборнику» помѣщены извлеченія изъ донесеній о всѣхъ бывшихъ въ Средней Азіи движеніяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ, въ періодъ времени съ похода графа Перовскаго въ Крыму, въ 1839 году, до послѣднихъ военныхъ дѣйствій по занятію бывшаго Кульджинскаго ханства, въ прошломъ 1871 году. Въ концѣ приложеній помѣщены пѣсни туркестанскихъ солдатъ.

---

## ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

**Na Dziś**. Pismo zbiorowe posviecone literaturze, naukom, sztuce. Tom I—II. W Krakowie. 1872.

Первые два объемистыхъ тома новаго журнала или скорѣе сборника, предпринятаго новымъ литературнымъ кружкомъ въ Краковѣ, предвѣщаютъ ему несомнѣнный успѣхъ. Содержаніе его весьма разнообразно, тѣмъ болѣе, что оно не отличается тѣмъ исключительнымъ пристрастіемъ къ чисто-польскимъ вопросамъ (пристрастіемъ, имѣющимъ свою почтенную сторону, но въ то же время сильно способствующимъ поддержанію извѣстной односторонности и замкнутости польской образованности), которое обыкновенно служитъ характеристическимъ признакомъ польскихъ литературныхъ изданій, но, какъ чешская «Освѣта», заботится о томъ, чтобы поставить читателей своихъ въ уровень съ движеніемъ европейской мысли. Первоначальная мысль объ изданіи такого рода принадлежала графу Александру Пржездзецкому, извѣстному своими сочиненіями по польской старинѣ, нынѣ уже умершему; но дѣло, имъ задуманное, находится въ хорошихъ рукахъ, такъ какъ лучшія литературныя силы приняли въ немъ участіе. Въ вышедшихъ по-нынѣ томахъ поставлены на первомъ планѣ записки одного изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ бывшаго виленскаго университета, доктора медицины Іосифа Франка (род. 1771, по выѣздѣ изъ Россіи, въ 1823 г., жилъ въ Комо, гдѣ и умеръ въ 1842 г.), пополненныя и объясненныя Михаиломъ Гомолицкимъ, профессоромъ того же университета; воспоминанія эти переносятъ читателя въ весьма мало знакомую обстановку того научнаго центра Литвы, которому суждено было сдѣлаться и центромъ національной пропаганды Описанія и наблюденія Франка тѣмъ любопытнѣе, что онъ

Digitized by Google

относится къ изображаемой средѣ безпристрастно, почти какъ сторонній наблюдатель; особою, прямо высказывающеюся, его любовью пользуются лишь немногія лица, въ томъ числѣ ректоръ Янъ Снядецкій, оставившій глубокую и добрую память во многихъ еще живыхъ ученикахъ его. Франкъ касается въ своихъ запискахъ и многихъ другихъ сторонъ мѣстной жизни въ описываемую эпоху: такъ, занимателенъ его разсказъ о пріѣздѣ въ Вильну знаменитой Каталани, которая тогда кружила всѣмъ головы не хуже теперешнихъ пѣвческихъ знаменитостей; Франкъ давалъ въ честь ея обѣдъ у себя, послѣ котораго былъ не мало удивленъ, видя, какъ знаменитая пѣвица, гуляя съ нимъ по саду, наклонялась къ муравьямъ, бѣгавшимъ во множествѣ по дорожкѣ, и съ большимъ вкусомъ ѣла ихъ одного за другимъ! Лишь позже узналъ онъ, что эта странность уже была подмѣчена медициной, слывя подъ именемъ mygmecophagia, и что предающихся ей людей можно было встрѣтить и между поляками.—Въ другихъ отдѣлахъ обращаютъ на себя вниманіе: статья о свадебныхъ обрядахъ въ Польшѣ и на Руси, принадлежащая извѣстному собирателю народныхъ пѣсенъ, Оскару Кольбергу, статья Мацѣёвскаго о кодификаціи права въ старой Польшѣ, нѣсколько недурныхъ стихотвореній Врублевскаго, Свидзинскаго и друг., повѣсть Третяка и переводъ романа Шпильгагена—*Все впередъ*. Особенное развитіе получилъ въ новомъ журналѣ отдѣлъ обозрѣній и хроникъ по литературѣ, искусству, торговлѣ, общественной жизни на Западѣ и въ польскихъ земляхъ. Въ отдѣлѣ иностранной библіографіи насъ нѣсколько удивило помѣщеніе цѣлаго ряда отзывовъ объ иностранныхъ книгахъ, которые представляютъ или перифразу, или просто переводъ съ добавленіями библіографическихъ статей изъ «Бесѣды» за 1871 годъ. Какъ ни лестно казалось бы такое неожиданное вниманіе, но указаніе источника, изъ котораго заимствуются сужденія, было бы весьма не лишнимъ и болѣе соотвѣтствующимъ литературнымъ приличіямъ. — Въ обѣихъ книгахъ помѣщенъ также и библіографо-статистическій обзоръ движенія польской литературы за 1871 годъ, при чемъ какъ отдѣльно вышедшія сочиненія, такъ и періодическія изданія перечислены какъ по рубрикамъ предметовъ, такъ и по городамъ, въ которыхъ они появились. Періодическихъ изданій всего болѣе приходится на русскую Польшу, именно 35, тогда какъ число отдѣльныхъ сочиненій, вышедшихъ на польскомъ языкѣ въ Австріи, превышаетъ русско-польскія (въ Австріи 319, въ Царствѣ же 156); на долю прусскихъ владѣній приходится сравнительно малая часть (14 періодическихъ изданій и 82 книги), а на прочія европейскія земли еще меньшая. Изъ городовъ наиболѣе сосредоточивали въ себѣ литературную производительность Краковъ и за нимъ Варшава. По содержанію (судя по числовой таблицѣ, помѣщенной въ обзорѣ) всего болѣе книгъ относилось къ отдѣлу религіозно-нравственному, къ исторіи и археологіи и въ особенности къ беллетристикѣ

Digitized by Google

(122 сочиненія). Общее же число книгъ, появившихся въ прошломъ году на польскомъ языкѣ, простиралось до 674.

---

**Ingo und Ingraban.** Von Gustav Freitag. Leipzig. 1872.

Давно уже занимаясь изученіемъ средневѣковой старины, которое и отразилось на цѣломъ рядѣ талантливыхъ очерковъ ея, изданныхъ подъ названіемъ «Картинъ нѣмецкаго прошлаго» (они переведены были и на русскій языкъ г. Корсакомъ),—Густавъ Фрейтагъ задумалъ нынѣ облечь результаты своихъ наблюденій въ форму романа. Впрочемъ слово романъ не совсѣмъ идетъ къ задуманному имъ произведенію,—это скорѣе обширная, громадная эпопея, начатая во славу и честь нѣмецкаго племени,—эпопея, первыя двѣ части которой представляются нынѣ публикѣ. Авторъ желаетъ въ цѣломъ рядѣ эпическихъ картинъ представить обзоръ главнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни нѣмецкаго народа, отъ поры первоначальнаго разселенія его по лицу Германіи вплоть до нашихъ временъ; «предки» должны открыть собою эту эпопею, а отдаленнѣйшіе потомки, «которымъ, по выражію Фрейтага, горя мало о какихъ бы то ни было предкахъ», должны завершить ее. Словомъ, авторъ отважно принимается за выполненіе такой задачи, передъ громадностью, разносторонностью и обширными размѣрами которой оказывались несостоятельными и болѣе могучія дарованія. Къ этому желанію примѣшивается еще и желаніе польстить національному самолюбію, выступить пѣвцомъ великой старины героическаго народа, такъ доблестно завершившаго еще недавно великую войну,—иными словами, и это произведеніе служитъ новымъ симптомомъ той патріотической горячки, которая продолжаетъ еще свирѣпствовать въ нѣмецкихъ умахъ. Археологическая оболочка позаимствована лишь для виду, цѣли же и направленіе состоятъ вовсе не въ томъ, чтобы возсоздать правдивыя черты старины, но чтобы представить ее въ пріукрашенномъ, просвѣтленномъ видѣ, который усугубилъ бы приверженность къ національному элементу въ читателѣ. Отсюда проистекло особое, поразительное сходство манеры Фрейтага съ любимыми пріемами романтиковъ блаженной памяти: грубые, жестокіе и мстительные воины первоначальныхъ дикихъ германскихъ племенъ, противно всякой исторической вѣрности, противно прямо противоположнымъ свидѣтельствамъ современниковъ и даже сущности народнаго эпоса, являются у Фрейтага героями, преисполненными всевозможныхъ возвышенныхъ и утонченныхъ чувствъ; онъ вкладываетъ имъ иногда въ уста рѣчи, умѣстныя лишь въ наше время, награждаетъ ихъ страстями, которыя не гармонируютъ съ грубостью образа жизни и господствовавшихъ воззрѣній. Содержаніе обоихъ появившихся нынѣ разсказовъ, озаглавленныхъ по именамъ главныхъ

Digitized by Google

ихъ героевъ, Инго и Инграбана, нѣмецкихъ полководцевъ-богатырей IV и VIII-го вѣковъ, весьма несложно и, что еще ощутительнѣе, лишено всякой оригинальности. Это въ своемъ родѣ—сотое переложеніе пѣсни о «Нибелунгахъ», со всѣми атрибутами ея, картинами битвъ, пирами, измѣной, мстительностью женъ, порожденною любовью, не знающею границъ, съ постояннымъ бряцаніемъ мечей и кровавою сѣчей,—но безъ главнаго достоинства, одухотворяющаго все, безъ свѣтло-наивной эпической вѣры и сочувствія къ изображаемому, которая замѣняется обстоятельностью и эрудиціей опытнаго антикварія. Бытовыя подробности, изобилующія въ обоихъ разсказахъ, отдѣланы весьма тщательно и возсоздаютъ передъ читателемъ *обстановку*, среди которой дѣйствуетъ герой, но онѣ не могутъ передать того духа, того умственнаго склада, который въ ней развивался. Въ разсказѣ объ Инграбанѣ мы застаемъ уже первые проблески христіанскихъ идей въ германскомъ мірѣ; это давало автору поводъ воспользоваться весьма благодарнымъ контрастомъ новаго ученія съ языческими народными нравами, но онъ пренебрегъ этимъ и только въ личности св. Бонифація, выступающаго неутомимымъ и самоотверженнымъ миссіонеромъ, просвѣтителемъ варварскихъ племенъ, является живое и характерное лицо. Инграбанъ, принявшій уже христіанство и отрекающійся отъ старой жизни, несравненно блѣднѣе его предка, Инго, въ лицѣ котораго все-таки собраны болѣе или менѣе характеристическія черты древнѣйшаго богатырства. Что касается до слога новаго произведенія Фрейтага, вообще не принадлежащаго къ числу замѣчательныхъ стилистовъ, нельзя не поставить въ числѣ крупнѣйшихъ его недостатковъ особую манерность, такъ-сказать ритмичность тѣхъ рѣчей, которыя вкладываются въ уста богатырямъ; нѣмецкіе критики, впервые указавшіе на эту ошибку, пробовали прозаическіе разговоры изъ романа Фрейтага переписать въ видѣ стиховъ и получали нѣкоторое подобіе стихотворной рѣчи. Какъ будто къ числу всевозможнѣйшихъ добродѣтелей древнихъ германцевъ должна еще принадлежать и способность говорить звучными періодами! Такъ, бывало, въ псевдо-историческихъ романахъ русскихъ и драмахъ, писанныхъ по Карамзину, герои не говорили иначе, какъ по всѣмъ правиламъ здравой реторики.

---

**König Pharao.** Ein comisches Epos in vier Gesängen von Rudolf Gottschall. Leipzig. 1872.

Въ своей сатирической поэмѣ Готшалль предпринялъ выставить торжество въ современномъ обществѣ духа спекуляцій, погони за богатствомъ, жажды быстрой наживы во что бы то ни стало, подавляющей мало-по-малу всѣ остальные виды человѣческой дѣятельности. Трудно было бы найти болѣе своевременный и подходящій предметъ для сати-

Digitized by Google

рика, чѣмъ это глубоко въѣдающееся въ жизнь беззастѣнчивое торгашество, создающее постоянно новыя шарлатанскія предпріятія, концессіи, банки, акціонерныя общества,—торгашество, въ честь которому жертвуютъ и личными убѣжденіями, и нуждами народа, и кредитомъ, которое, къ великому сожалѣнію, успѣло уже быстро акклиматизироваться и въ нашемъ обществѣ, гораздо туже воспринимающемъ все, что составляетъ основу истиннаго прогресса, чѣмъ любезныя капитализму изобрѣтенія и выдумки цивилизованнаго Запада. Для выполненія своего плана, Готшалль, какъ опытный теоретикъ, сумѣлъ найти забытую уже нѣсколько форму комической поэмы, которою воспользовался очень удачно: то и дѣло смѣшиваются въ ней отголоски стараго стиля поэмъ съ прямою пародіей на него, боги Олимпа—съ канканирующими нимфами современныхъ шпицъ-баловъ, картины пышной придворной жизни Фараона, монтированной какъ будто во вкусѣ стараго эпоса,—съ эпизодами мелкаго маклачества и закулисныхъ финансовыхъ и литературныхъ интригъ. Герой поэмы, раздѣленной по формѣ на четыре пѣсни, есть весьма обыкновенный смертный, по имени Артуръ, который чувствуетъ въ себѣ гигантскія силы для гигантскихъ дѣлъ и поэтому никакъ не можетъ совладать съ мелкими, мизерными, обыденными дѣлами, которыя только и представляются ему въ жизни. Испытавъ постоянныя неудачи во всемъ, чѣмъ ни начиналъ заниматься, перебывавъ и военнымъ и сельскимъ хозяиномъ и литераторомъ, онъ убѣждается наконецъ въ томъ, что такъ продолжать дольше нельзя, что идти обыкновенной торною дорогой не представляетъ никакихъ удобствъ. Куда ни взглянетъ онъ вокругъ, онъ только видитъ господство денегъ, въ глаза кидаются ему ловко сколоченныя состоянія, ходко идущія предпріятія, начатыя безъ гроша,—онъ начинаетъ прозрѣвать, гдѣ собственно находится тайна всякаго успѣха. Сидя въ ночь на новый годъ въ своей каморкѣ и ежась отъ стужи и голода, въ то время, какъ дома людей съ туго-набитыми карманами сіяютъ весельемъ,—онъ впадаетъ въ какое-то исступленно-вдохновенное состояніе, онъ воспѣваетъ гимнъ деньгамъ, готовый всего себя посвятить ихъ культу. Тутъ-то совершается съ нимъ таинственная перемѣна: онъ впадаетъ въ какое-то забытье, во время котораго вѣрный его пудель рекомендуется ему въ качествѣ короля Фараона, верховнаго повелителя всѣхъ спекулянтовъ, и берется отнынѣ, подъ условіемъ полнаго послушанія его велѣніямъ, устроить судьбу Артура. Этотъ-то новѣйшій и усовершенствованный Мефистофель и ведетъ дальше своего господина-новичка по всѣмъ лабиринтамъ шарлатанскаго міра, не брезгуя ничѣмъ, отъ мелкихъ барышниковъ іерусалимскаго происхожденія до крупныхъ финансовыхъ тузовъ, отъ ловкихъ дамъ полусвѣта до редакторовъ, охотно проституирующихъ свою совѣсть изъ-за выгодной сдѣлки. Картина, складывающаяся изъ всѣхъ этихъ пестрыхъ сценъ, переданныхъ съ большою ловкостью и юмо-

Digitized by Google

ромъ, переходящимъ иногда даже въ ѣдкое обличеніе,—выходитъ отталкивающая и далеко не лестная для нѣмецкаго общества. Книжка издана очень изящно и иллюстрирована Фюльгаасомъ съ большимъ умѣньемъ; его картинки или скорѣе каррикатуры вполнѣ подъ-стать тонко-сатирическому стилю всей поэмы.

---

**Zoological Mythology, or, the Legends of animals.** By Angelo de-Gubernatis. London. 1872.

Подъ названіемъ «Зоологической Миѳологіи», не совсѣмъ вѣрно передающимъ основную мысль сочиненія, авторъ желалъ представить сравнительный анализъ различныхъ зооморѳическихъ представленій, сохранившихся у различныхъ народовъ. Итальянскій ученый и редакторъ журнала «Rivista Europea», г. де-Губернатисъ, давно уже занимается сравнительнымъ изученіемъ народныхъ обрядовъ, вѣрованій и поэзіи и въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Италіи и поэтому менѣе извѣстныхъ европейской ученой публикѣ, излагалъ уже результаты своихъ наблюденій. Настоящую книгу онъ издалъ въ Лондонѣ и прямо на англійскомъ языкѣ, быть-можетъ, въ виду возможности большаго распространенія ея. Необыкновенно обширные размѣры изслѣдованія дали ему возможность подробно изложить и охарактеризовать преданія и вѣрованія, относящіяся къ различнымъ видамъ животныхъ, птицъ и т. д. Особенное вниманіе обратилъ онъ на представленія о коровѣ и быкѣ, отразившіяся какъ въ древнѣйшей индійской миѳологіи, такъ и въ вѣрованіяхъ позднѣйшихъ племенъ. Взгляды его на существеннѣйшіе вопросы въ сферѣ миѳологіи и пріемы его при объясненіи тѣхъ или другихъ частностей во многомъ сходны съ пріемами, употребленными покойнымъ А. Н. Аѳанасьевымъ въ его классическихъ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу», т. е. представляютъ тоже постоянно повторяющееся возвращеніе объясненій различныхъ миѳическихъ представленій вѣрою въ бога—громовника и его оплодотворяющую силу. Пріемъ этотъ часто оказывается весьма остроумнымъ и значительно пособляющимъ въ объясненіи темныхъ вопросовъ первобытной религіи, но употребленіе его постоянно и съ натяжками ведетъ часто за собою всѣ недостатки, присущіе односторонности. По поводу сравненія труда де-Губернатиса съ работами Аѳанасьева мы не можемъ не указать, какъ на пріятную новость, на значительное мѣсто, отведенное въ новой книгѣ разработкѣ славянскихъ миѳическихъ сказаній, основанной на знакомствѣ съ самими источниками. Это фактъ во всякомъ случаѣ рѣдкій въ западной наукѣ и частое повтореніе его не можетъ не быть сочтено желательнымъ. Такимъ только путемъ непосредственнаго знакомства съ русскою наукой падутъ застарѣлыя и пріобрѣтенныя изъ

Digitized by Google

третьихъ рукъ свѣдѣнія о Россіи, ея бытѣ и старинѣ, которыя еще продолжаютъ приниматься на вѣру учеными, имѣющими солидную репутацію. Недавно въ одной изъ книжекъ «Revue des deux mondes» извѣстный бельгійскій ученый, Эмиль де-Лавлэ, выставившій въ подстрочномъ примѣчаніи къ большой статьѣ о первоначальныхъ формахъ общиннаго владѣнія заглавія сочиненій Гакстгаузена и Тенгоборскаго, тѣмъ не менѣе могъ смѣло заявлять такія небылицы о Россіи, отъ которыхъ не отказался бы и знаменитый маркизъ де-Кюстинъ, въ родѣ того, напр., что въ Россіи часто обручаютъ взрослыхъ дѣвушекъ съ маленькими дѣтьми, при чемъ жена часто носитъ своего мужа на рукахъ и т. д. И этому никто не удивился, и эта безсмыслица была пропущена на страницахъ европейскаго журнала съ полною вѣрой въ ея истину!—Повторяемъ, что съ этой стороны г. де-Губернатисъ заслуживаетъ особаго сочувствія. Ставъ, вслѣдствіе особо-благопріятныхъ обстоятельствъ, въ прямыя сношенія съ русскимъ литературнымъ міромъ, онъ давно уже въ издаваемой имъ «Rivista Europea» отводитъ весьма много мѣста для ознакомленія итальянскихъ читателей съ новостями науки и литературы въ Россіи,—а если свѣдѣнія французской читающей публики о насъ весьма ограничены, то въ Италіи эти свѣдѣнія положительно равняются нулю.

---

**Un séjour en France de 1792 à 1795.** Lettres d'un témoin de la révolution française traduites par H. Taine. Paris. 1872.

Среди работъ по исторіи англійской литературы, приведшихъ къ составленію извѣстнаго его большаго сочиненія о ней, Тэнъ случайно обратилъ вниманіе на одну забытую нынѣ книгу конца прошлаго столѣтія, показавшуюся ему любопытнымъ матеріаломъ для историка первой французской революціи. Это—воспоминанія неизвѣстнаго автора, жившаго въ наиболѣе тягостные для Франціи послѣдніе годы революціи во французскихъ провинціяхъ и сообщавшаго о своихъ наблюденіяхъ и пережитыхъ имъ событіяхъ въ цѣломъ рядѣ писемъ къ близкимъ. Книга эта, какъ сказано, издана была въ 1796 году какимъ-то Джиффордомъ, но до сихъ поръ ею не воспользовался ни одинъ изъ многочисленныхъ историковъ революціи. Вслѣдствіе условій самой жизни, постоянно выдвигавшей на первый планъ Парижъ и заставлявшей до мелочей изучать лишь измѣненія его судебъ и развитіе идей лишь въ его населеніи, мы обыкновенно находимъ въ историческомъ разсказѣ о революціи обстоятельное изложеніе различныхъ перипетій, претерпѣнныхъ ею въ Парижѣ, или рядъ болѣе или менѣе драматическихъ сценъ, въ которыхъ выступаютъ главные вожди всего движенія. Провинцій какъ бы не существуетъ, и читателю трудно отдать себѣ отчетъ въ томъ, до

Digitized by Google

какой степени движеніе охватывало всю страну и какія формы принимало оно, отдаляясь отъ центра. Лишь въ послѣдніе годы, съ усиленіемъ разработки общаго вопроса о децентрализаціи, замѣчается особое развитіе мѣстной литературы и науки; оно отразилось и на появленіи всевозможныхъ документовъ, относящихся къ проявленіямъ революціоннаго начала въ провинціи; многіе хранители городскихъ и земскихъ архивовъ принесли въ этомъ отношеніи серьезную пользу наукѣ изданіемъ тѣхъ документовъ, которые открыты ими въ мѣстныхъ книгохранилищахъ. Въ эту-то пору является вполнѣ своевременнымъ появленіе книги, переведенной Тэномъ и снабженной предисловіемъ, въ которомъ издатель, на основаніи болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній, убѣждаетъ въ достовѣрности разсказа и доказываетъ несостоятельность предположенія, будто англійскій издатель переписки измѣнялъ и поддѣлывалъ ее. Неизвѣстное лицо, оставившее послѣ себя эту любопытную корреспонденцію, провело три года въ сѣверо-восточной Франціи; оно описываетъ преимущественно событія, происходившія въ этомъ углу страны; но, слыша постоянные разсказы о парижскихъ волненіяхъ, передававшіеся быстро изъ столицы повсюду, оно заноситъ и слышанное въ свои письма и притомъ съ рѣдкою точностью, подтверждаемой историческими данными, нынѣ уже выработанными наукой. Это обстоятельство, разумѣется, придаетъ еще болѣе цѣны вѣрности его прочихъ замѣчаній. Замѣчанія эти, конечно, могутъ показаться мелкими и второстепенными, такъ какъ рамка описываемыхъ событій слишкомъ мала и сфера, въ которой они происходятъ, несравненно менѣе разнообразна и эффектна, чѣмъ главный театръ революціонныхъ дѣйствій, но для изученія хода новыхъ идей среди французскаго народа они имѣютъ большое значеніе. Они убѣждаютъ въ томъ, что каждое событіе, происходившее въ центрѣ, несомнѣнно отдавалось вплоть до окраинъ, и что въ отдаленіи повторялись такія же сцены, заявлялись такія же разнообразныя доктрины и господствовало такое же возбужденіе умовъ, ведущее за собой столкновеніе массы съ представителями стараго порядка, какъ и на парижскихъ улицахъ, въ клубахъ и народныхъ собраніяхъ. Французскій издатель въ предисловіи своемъ высказываетъ убѣжденіе, что чтеніе такихъ показаній очевидца должно произвести хотя не пріятное, но полезное впечатлѣніе. Онъ хочетъ оговориться тѣмъ, что въ изученіи первой революціи невозможенъ уже тотъ фанатическій культъ, которымъ до новѣйшаго времени во Франціи окружали безразлично все, что ни относилось къ революціонной порѣ; онъ хочетъ показать, что, въ интересахъ безпристрастія и здравой исторической критики, слѣдуетъ прилежно изучать и тѣневыя стороны періода, который во что бы то ни стало желали сдѣлать въ прежнее время сплошь героическимъ. Такое трезвое отношеніе къ этому вопросу уже не новость. Со времени появленія извѣстной книги Эдгара Кинé, вы-

Digitized by Google

звавшей въ свое время столько непріязненныхъ толковъ, не замираетъ оно. Предпринятый недавно Полемъ Жане любопытный историческій обзоръ различныхъ теорій и взглядовъ на первую революцію, въ разное время заявлявшихся писателями различныхъ школъ, показываетъ, что съ приближеніемъ къ нашему времени ощутительно усиливается раціонализмъ во взглядахъ на тотъ вопросъ, который въ продолженіе почти столѣтія считался недосягаемымъ и доступнымъ только одной хвалѣ.

---

**Charles Dickens.** Vortrag gehalten im Rathhause zu Zürich von H. Behn Eschenburg. Basel. 1872.

Эта брошюра входитъ въ составъ обширнаго сборника статей по всевозможнымъ предметамъ, составившихся изъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ различными лицами въ главнѣйшихъ городахъ Швейцаріи. Этотъ сборникъ, выходящій небольшими и крайне дешевыми брошюрами, задуманъ редакторами его, въ числѣ которыхъ видимъ избранныхъ мѣстныхъ ученыхъ, какъ бы въ подражаніе такому же изданію, основанному въ Берлинѣ извѣстными Фирхофомъ и Гольцендорфомъ, считающему выпуски свои десятками и имѣющему большой успѣхъ. До сихъ поръ изъ швейцарскаго сборника появились лекціи: Кинкеля—о современномъ направленіи живописи, Дезора—о Сахарѣ, Мюллера—о первыхъ слѣдахъ присутствія человѣка на землѣ, Гирцеля—объ итальянскомъ путешествіи Гёте, и Дора—о стереоскопѣ и стереоскопическомъ зрѣніи. Новѣйшій выпускъ, заглавіе котораго выписано выше, принадлежитъ перу профессора цюрихскаго университета, Бенъ-Эшенбурга. Онъ избралъ предметомъ своего чтенія жизнь Чарльза Диккенса, этого великаго юмориста и друга человѣчества, мало понятаго и недостаточно оцѣненнаго при жизни. Лекторъ сталъ на настоящую точку зрѣнія, уясненную новѣйшими біографами Диккенса и въ особенности Джономъ Форстеромъ (о книгѣ котораго мы дадимъ отчетъ послѣ скораго ея окончанія), и поэтому его краткій обзоръ дѣятельности романиста имѣетъ неотъемлемую цѣну вѣрности взгляда и точности фактовъ. Передъ нами выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ нравственная личность писателя, который въ теченіе всей своей дѣятельности неуклонно слѣдовалъ одной основной цѣли—защищать всѣхъ угнетенныхъ и страдающихъ, заступаться за положеніе бѣднѣйшихъ классовъ общества, требовать для нихъ просвѣщенія и улучшенія матеріальнаго быта. Авторъ, къ сожалѣнію, недостаточно оттѣнилъ то вліяніе, которое имѣли собственныя испытанія, вынесенныя Диккенсомъ въ ранней молодости, на складъ позднѣйшаго его направленія. Познакомившись съ нищетой, горемъ и лишеніями еще въ дѣтскіе годы, принужденный рано снискивать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ, вращаться въ неисходномъ омутѣ шумной лондонской

Digitized by Google

жизни, проходить самому всевозможныя испытанія, принимаясь то за неблагодарную работу сидѣльца въ лавкѣ, гдѣ продавалась вакса, то за писарское дѣло то въ той, то въ другой конторѣ, то за тяжелый трудъ газетнаго корреспондента или reporter'a, обязаннаго за скудную плату составлять отчеты о всевозможныхъ публичныхъ собраніяхъ со всѣми рѣчами, на нихъ произнесенными,—отчеты тѣмъ болѣе трудные, что стенографія была еще въ ту пору невѣдома,—принужденный личнымъ опытомъ извѣдать жизнь пролетаріата, Диккенсъ долженъ былъ вынести глубокое сочувствіе къ его судьбѣ. Трудно было бы найти въ числѣ англійскихъ романистовъ другаго столь энергическаго и настойчиваго защитника народныхъ правъ, сочувствующаго всѣмъ реформамъ, направленнымъ къ облегченію участи людей, обреченныхъ общественнымъ устройствомъ на лишенія и бѣдность. Недостаточно настоявъ на этомъ вліяніи первыхъ годовъ Диккенса на его гуманныя симпатіи, лекторъ тѣмъ не менѣе весьма сочувственно отнесся къ нимъ и оттѣнилъ тѣ именно произведенія, которыя наиболѣе служатъ ихъ выраженіемъ. Его лекція вполнѣ кстати въ сборникѣ чтеній для массы; въ характерѣ и примѣрѣ Диккенса есть нѣчто воспитывающее для читателя изъ рядовъ трудоваго люда: эта неукротимая энергія, это торжество воли и таланта надъ всѣми препятствіями должно увлечь всякаго, кого жизнь поставила въ борьбу за существованіе и самостоятельность. Смайльсъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о самодѣятельности могъ бы выставить Диккенса во главѣ многихъ несравненно менѣе рельефныхъ примѣровъ людей, обязанныхъ всѣми своими успѣхами самимъ себѣ.

Фактъ удачнаго пріема публикой обоихъ сборниковъ публичныхъ чтеній, о которыхъ мы говорили, вызываетъ мысль о томъ, что подобная же организація дѣла могла бы быть съ такимъ же успѣхомъ приложена и къ русской обстановкѣ. Точно также общеобразовательныя лекціи могли бы читаться въ различныхъ городахъ и потомъ вторично распространяться въ печатномъ видѣ среди болѣе обширнаго круга. Обращаемъ вниманіе нашихъ издателей на это несомнѣнно выгодное для нихъ и полезное для общества дѣло. Мы знаемъ, что устройство публичныхъ лекцій при существующихъ постановленіяхъ на этотъ счетъ дѣло не такъ легкое и что изданіе ихъ отдѣльно, въ видѣ брошюръ, должно подлежать предварительной цензурѣ; но, быть-можетъ, на опытѣ эти условія не окажутъ особенныхъ затрудненій и дѣло окажется удобоисполнимѣе. Само собою разумѣется, что выборъ предметовъ для чтенія будетъ строго-осмотрительный.

**А. В.**

Digitized by Google

# ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

*12-го декабря.*

Кризисъ въ Версалѣ. Значеніе уступки, сдѣланной президентомъ.—Развязка только отсрочена. Причины близкаго пораженія консерватизма: движеніе петицій, вліяніе слуховъ о военномъ переворотѣ, возрастающая безнравственность владычества большинства.—Близость окончательной уплаты контрибуціи кладетъ предѣлъ этому владычеству.—Нападки на непостоянство французскаго народа и нѣсколько мыслей о важности умѣнья распознавать чужое развитіе. Примѣръ Италіи.—Роялисты и басня Хемницера.—Торжество прусскаго правительства. Назначеніе новыхъ пэровъ и безцѣнное достоинство этого средства. Блестящая перспектива, предстоящая палатѣ господъ.—Бисмаркъ слагаетъ съ себя званіе министра-президента.—Преувеличенные толки, возбужденные этимъ.—Реформа судоустройства.—Неудача конференціи по соціальному вопросу.—Вѣроятный кризисъ въ министерствѣ.—Скандальныя сцены въ пештскомъ министерствѣ, какъ иллюстрація нравовъ. Два плута, читающіе другъ другу урокъ въ добродѣтели. Политика новаго главы министерства.—Вѣсти изъ Хорватіи.—Созывъ имперской думы. Новое заявленіе чеховъ. Продолженіе русско-польской борьбы въ галицкомъ сеймѣ и способъ найти компромиссъ.—Мелкія событія. Вопросъ о лаврійскихъ рудникахъ. Извинительны ли военныя дѣйствія въ защиту частныхъ интересовъ.

Быть или не быть реакціонному національному собранію, побѣжденнымъ или торжествующимъ выйдетъ Тьеръ изъ борьбы, которая мало-по-малу теряетъ характеръ парламентарнаго состязанія изъ-за принциповъ, принимая оттѣнокъ грубой борьбы изъ-за владычества,—вотъ вопросы, которые, вслѣдствіе ихъ собственной важности и вслѣдствіе ихъ непосредственной связи съ различными задачами европейской политики, затмѣваютъ собою въ настоящее время всѣ прочіе интересы дня. Вся Европа съ замираніемъ сердца слѣдитъ за ходомъ преній въ собраніи и въ различныхъ его комиссіяхъ и заявленіями малѣйшихъ и безцвѣтнѣйшихъ «народныхъ представителей», политическая мудрость и ораторскіе пріемы которыхъ часто напоминаютъ оригинальныя черты парламентарной карьеры знакомаго нашимъ читателямъ «честнаго буржуа» Жана-Батиста Брафора, такъ мастерски очерченной Андре Лео,—

Digitized by Google

всѣ эти, часто странныя и вызывающія своею топорною наивностью усмѣшку, заявленія разносятся телеграфомъ по бѣлу свѣту, вызывая всюду комментаріи, догадки и предположенія. Борьба двухъ началъ, оспаривающихъ другъ у друга господство надъ Франціей, дѣйствительно въ минувшіе только-что дни вступила въ новый фазисъ развитія, который имѣлъ право обратить на себя общее вниманіе. Но неосновательно было бы думать, что сыгранъ послѣдній актъ этой траги-комедіи и что ея развязка надолго опредѣлила судьбу края. Развязка эта, напротивъ, нѣсколько отдалена, отсрочена, хотя теперь уже есть много данныхъ, указывающихъ, *какова* она будетъ. Зная характеръ правительственной дѣятельности г. Тьера, помня, сколько оскорбленій причинили ему уже высокомѣріе и деспотизмъ правой стороны, какъ часто въ частныхъ разговорахъ и письмахъ, съ умысломъ предаваемыхъ потомъ гласности, онъ высказывалъ убѣжденіе въ прекращеніи полномочій настоящаго собранія и косвенно выражалъ сочувствіе мысли о необходимости его распущенія,—нельзя не видѣть въ заявленіи правительства, сдѣланномъ устами министра Дюфора и порицающемъ петиціи, ходатайствующія объ этомъ распущеніи, не болѣе какъ ловкій маневръ, измышленный для того, чтобы выиграть время, собраться съ силами и потомъ, перемѣнивъ тактику, достичь той же цѣли инымъ путемъ. Министерское заявленіе есть лишь минутная уступка, но не признаніе своего пораженія. И теперь уже несомнѣнно, что эта уступка куплена цѣною болѣе или менѣе важныхъ льготъ, которыя палата должна будетъ согласиться сдѣлать президенту, принявъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ конституціонныхъ реформъ; такимъ образомъ власть г. Тьера во всякомъ случаѣ выйдетъ изъ настоящаго спора не ослабленною, но, напротивъ, даже значительно усиленною. Несомнѣнно также и то, что умноженіе числа петицій о распущеніи собранія, особенно возросшее въ послѣднее время, произошло не безъ тайнаго согласія или даже иногда вліянія правительственныхъ органовъ. Эту солидарность правительства съ столь оппозиціонной агитаціей открыто отрицали, но она не подлежитъ сомнѣнію. Правда, теперь данъ другой mot d'ordre провинціальнымъ властямъ и уже извѣстны циркуляры, которыми онѣ строго запрещаютъ тѣ самыя дѣйствія, коимъ недавно сами мирволили. Но президентъ никогда не забудетъ, какое вѣское оружіе имѣетъ онъ въ рукахъ противъ враждебныхъ ему олигарховъ,—орудіе, которымъ онъ можетъ справедливо грозить имъ, указывая на голосъ самой страны. Стоитъ лишь снять запретъ, и съ трудомъ сдерживаемое повсемѣстное негодованіе на самоуправство національнаго собранія снова проявится въ тысячахъ петицій, опираясь на которыя и воспользовавшись какимъ-нибудь новымъ разладомъ съ большинствомъ палаты, правительство будетъ въ состояніи произнести наконецъ роковое слово распущенія. Кромѣ того, во власти президента и другая, болѣе казуистическая, улов-



Digitized by Google

ка, прибѣгнуть къ которой при случаѣ для него не представитъ особыхъ затрудненій. Онъ можетъ самъ, motu proprio, произвести этотъ переворотъ, оставаясь вполнѣ чистымъ отъ всякихъ нареканій въ вѣроломствѣ. Вѣдь онъ выразилъ порицаніе лишь петиціямъ, т. е. какъ бы принципу неумѣстнаго вмѣшательства самой страны въ правительственныя дѣла, но никогда не связывалъ лично себя обѣщаніями не касаться вопроса о прерогативахъ настоящаго собранія....

Это не одно лишь частное предположеніе; убѣжденіе въ вѣроятности *такого* исхода кризиса проглядываетъ въ статьяхъ всѣхъ важнѣйшихъ оппозиціонныхъ органовъ, встрѣтившихъ развязку недавнихъ преній съ бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ это можно было ожидать. По признанію самого Гамбетты, онъ былъ съ самаго начала убѣжденъ, что дѣло приметъ именно такой оборотъ, что порицаніе идеи о распущеніи будетъ произнесено палатой,—и тѣмъ не менѣе глава оппозиціи сохранилъ убѣжденіе въ близкомъ торжествѣ его партіи. И это не удивительно: движеніе, выразившееся въ подачѣ петицій, слишкомъ широко пошло, чтобы не остаться безъ серьезнаго вліянія на положеніе дѣлъ. Число лицъ, подписавшихъ по сю пору петиціи, возрасло уже до *милліона* именъ, а это равняется любому плебисциту и не можетъ быть равнодушно обойдено. При томъ различныя разоблаченія, кстати пришедшіяся во время борьбы въ палатѣ, не могли не способствовать еще сильнѣйшему раздраженію общественнаго мнѣнія противъ людей, открыто составляющихъ заговоръ противъ народной свободы и замышляющихъ даже насильственный переворотъ. Впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о подозрительныхъ планахъ генерала Дюкро, отдавшаго уже тайное приказаніе своему корпусу быть наготовѣ къ походу въ Версаль, терроризовавшаго все населеніе занимаемаго имъ округа пристальнымъ наблюденіемъ и шпіонствомъ за всякимъ проявленіемъ оппозиціоннаго духа и горѣвшаго желаніемъ летѣть на защиту притѣсняемыхъ роялистовъ съ своими войсками,—впечатлѣніе это было потрясающее. Всѣмъ невольно представилось, въ какую неисходную пучину несчастій можетъ повергнуть страну этотъ безконечный раздоръ партій, если въ борьбу ихъ будетъ вовлечена и вооруженная сила, если убѣжденія и доктрины будутъ поддерживаться силой штыка, а генералы станутъ важнѣйшими политическими дѣятелями, мечущими по произволу жребій о судьбѣ Франціи. Всѣмъ живо предстало воспоминаніе о безконечныхъ усобицахъ, доведшихъ Испанію и Мексику до полнаго уничиженія, о тѣхъ военныхъ возстаніяхъ или pronunciamientos, которыя, ставъ въ этихъ странахъ дѣломъ обыкновеннымъ, несутъ на себѣ главную вину въ политическомъ ихъ безсиліи. Тотъ фактъ, что правая сторона первая не задумалась прибѣгнуть къ помощи оружія и замышляла coup d'état, не могъ конечно послужить въ пользу ея въ глазахъ народа, у котораго еще на памяти кровавыя событія 2-го декабря и постыдное господство преторіанцевъ, послѣдовавшее за ними.

Digitized by Google

Но и помимо этого факта, въ самомъ отношеніи господствующей партіи къ народному чувству и волѣ заключается такъ много отталкивающаго и возмутительнаго, что всякій безпристрастный человѣкъ не можетъ не вынести изъ созерцанія statu quo чувства подавляющаго раздраженія. Въ самомъ дѣлѣ, какое презрѣнное зрѣлище представляетъ собой эта горсть людей, когда-то, подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, получившихъ власть въ свои руки, самовольно продлившихъ свои полномочія, самовольно, безъ спроса страны, пожаловавшихъ себя въ учредительное собраніе, тиранизирующихъ центральную власть, заставляя ее идти по прямому реакціонному пути, измѣнять республикѣ и водворять иную форму правленія, въ которую народъ извѣрился! Народъ не хочетъ знать этихъ людей; каждые новые выборы показываютъ, что его симпатіи всецѣло принадлежатъ республикѣ; они усиливаютъ то и дѣло лѣвую сторону; муниципальные и генеральные совѣты постоянно организуются изъ республиканскихъ элементовъ; избранные и популярнѣйшіе органы печати поддерживаютъ новый порядокъ вещей; наконецъ, массы петицій сходятся въ Парижъ и милліонъ гражданъ торжественно протестуетъ противъ самоуправства большинства палаты,—а оно, не обращая вниманія на народный голосъ, помня только, что новые выборы несомнѣнно отнимутъ у него власть, и потому, судорожно держась за нее,—оно, по ироническому замѣчанію Луи Блана, продолжаетъ по-прежнему играть въ борьбу партій, все отдаваясь пререканіямъ и нападкамъ между правымъ и лѣвымъ центромъ, крайнею правой и крайнею лѣвой стороной и забывая, что надъ этими дрязгами есть высшій и священнѣйшій интересъ—благо всего народа, который истомленъ долгимъ переходнымъ положеніемъ и желалъ бы окончательнаго упроченія порядка вещей, который обезпечилъ бы ему свободу и благосостояніе. Этимъ людямъ горя мало и до того, что въ своемъ безумномъ стремленіи къ власти, которую никто не хочетъ признать, они принуждены пятнать себя такими связями, которыя унижаютъ ихъ прежнюю, болѣе или менѣе безупречную, репутацію; всякое чувство нравственной брезгливости въ нихъ замолкло; честные, но ослѣпленные, отуманенные своею властью, люди изъ среды орлеанистовъ подаютъ нынѣ руку клевретамъ бывшаго императора, къ которымъ, какъ и къ ихъ повелителю и къ его системѣ, они всегда чувствовали презрѣніе; помощь этихъ людей нужна имъ для того, чтобы при подачѣ голосовъ мочь разсчитывать на какихъ-нибудь два десятка лишнихъ голосовъ! И когда одинъ изъ приверженцевъ прежнихъ династій, забывшись, сказалъ въ своей рѣчи что-то о злодѣйствахъ 2-го декабря, о рѣкахъ крови, военномъ деспотизмѣ и т. д., то депутатъ Гавини, бывшій наполеоновскій префектъ и въ настоящее время одинъ изъ главныхъ двигателей бонапартистской пропаганды, явился въ засѣданіе клуба правой стороны и запальчиво заявилъ, что если еще разъ будутъ кѣмъ-либо допущены



Digitized by Google

столь неуважительныя выраженія о Наполеонѣ III и его дѣйствіяхъ, всѣ бонапартистскіе депутаты тотчасъ же порвутъ всѣ сношенія съ остальною правой стороной и лишатъ ее своей поддержки при вотированіи. И, пристыженные, застигнутые врасплохъ, роялисты должны были подчиниться этому приказу, смирить, затаить свое презрѣніе къ служителямъ павшаго императора и пойти съ ними рука объ руку....

Новѣйшія извѣстія свидѣтельствуютъ, что большинство начинаетъ сознавать увеличившуюся щекотливость своего положенія,—сознавать, что оно ни мало не улучшилось и что въ сущности борьба должна быть снова начата съ начала; оттого и отношенія между правою стороной, и въ особенности главною выразительницей ея стремленій—знаменитою «комиссіей тридцати», и президентомъ становятся весьма миролюбивыми и спокойными. Это умиротвореніе только кажущееся и конечно раздраженіе только затаено до поры до времени; его не могли успокоить такія палліативныя мѣры, какъ частная перемѣна въ составѣ министерства, настоящій составъ котораго оппозиціонныя газеты считаютъ не безъ основанія переходнымъ. Но какъ бы ни разыгралось въ близкомъ будущемъ это раздраженіе, недалекъ уже тотъ роковой срокъ, по наступленіи котораго немыслимы будутъ никакія притязанія настоящаго собранія. Вслѣдствіе значительнаго ускоренія уплаты военной контрибуціи, предполагается уплатить послѣдній, пятый милліардъ осенью будущаго 1873 года; вмѣстѣ съ этимъ погашеніемъ тяжкаго денежнаго обязательства окончится и пребываніе нѣмецкихъ войскъ въ сѣверо-восточной Франціи и вся ея территорія будетъ окончательно свободна отъ чужеземцевъ; а вѣдь въ теченіе недавнихъ преній самымъ крайнимъ выраженіемъ притязаній большинства было предложеніе, внесенне нѣкіимъ г. Гаслондомъ, предлагавшее съ великою наивностью объявить, что собраніе останется въ полномъ составѣ, не подвергаясь частнымъ пополненіямъ, вплоть до освобожденія территоріи.... Итакъ, во всякомъ случаѣ, дни господства версальцевъ сочтены, и будущій годъ несомнѣнно увидитъ исполненіе важнаго кризиса въ дѣлахъ Франціи. Исключительно охранительный и буржуазный характеръ настоящей политической системы долженъ будетъ уступить вліянію либеральнаго тока и демократическій элементъ въ большей или меньшей степени войдетъ въ оффиціальный строй жизни. На иныхъ условіяхъ не можетъ произойти сближенія между г. Тьеромъ и тою оппозиціей, которая составляетъ нынѣ лѣвую сторону собранія; въ этомъ же сближеніи для президента представляется и настоятельная необходимость, такъ какъ оно лишь можетъ его поддержать послѣ окончательнаго разрыва его съ консерваторами и монархистами. Нынѣшній глава Франціи всегда умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ; онъ сумѣетъ найтись и въ роли либеральнаго правителя, конечно въ благоразумно-умѣренныхъ границахъ,—на столько, чтобы быть въ состояніи подготовить (разумѣется, не

Digitized by Google

давая себѣ въ этомъ яснаго отчета) окончательное водвореніе демократическаго прогресса при будущемъ президентѣ,—быть-можетъ, томъ же самомъ Гамбеттѣ, который еще недавно являлся ему его bête noire, и который для слѣдующаго поколѣнія будетъ такимъ же «необходимымъ человѣкомъ», какимъ по заключеніи мира оказался, по мнѣнію всѣхъ, г. Тьеръ.

Если прислушаться ко множеству толковъ, возбуждаемыхъ въ обществѣ и печати разнообразными перипетіями, которыя принуждена испытать молодая французская республика, часто можно встрѣтить повтореніе нѣсколько изветшавшихъ уже общихъ мѣстъ объ удивительномъ непостоянствѣ французскаго народа, который, едва сбросивъ съ себя гнетъ одной формы правленія и едва освоившись съ тою, въ которой видѣлъ свое избавленіе, снова стремится либо возвратиться къ старому порядку, либо пойти дальше своего настоящаго режима. Пора бы сдать въ архивъ эти прискучившія фразы и вмѣсто ихъ повторенія ближе изучить настоящее положеніе многострадальной страны. Уяснивъ себѣ все пагубное вліяніе различныхъ историческихъ условій на развитіе той стороны національнаго французскаго характера, которую обыкновенно называютъ непостоянствомъ и которая, по мнѣнію поэта, заключается въ умѣньи—шутя

Разрушить тронъ,
Издать законъ и т. д.

уяснивъ себѣ это, нельзя въ то же время игнорировать ту истину, что способности рано или поздно переродиться подъ вліяніемъ тяжкихъ, до дна идущихъ, испытаній и внутреннихъ переворотовъ—не лишенъ ни одинъ великій историческій народъ, что не застой въ разъ принятыхъ формахъ, но постепенный прогрессъ является идеальною чертой въ народной жизни, и что умѣнье распознать симптомы этой внутренней и тяжкой работы есть единственный залогъ вѣрной оцѣнки историческихъ явленій. Этого-то умѣнья, вообще довольно рѣдкаго, въ особенности не достаетъ намъ. Мы любимъ пробавляться разъ сложившимися предразсудками, не давая себѣ отчета въ томъ, не сокрушило ли ихъ этой порой неумолимое время. Такъ у насъ живетъ до сихъ поръ оригинальное представленіе объ Италіи, какъ о странѣ бѣдной, нищей, грязной, оставшейся въ сторонѣ отъ общаго движенія впередъ и чуть ли не остановившейся на смутныхъ стремленіяхъ тридцатыхъ годовъ. Мы съ пренебреженіемъ, нѣсколько свысока смотримъ на эту страну, полагая, что она можетъ производить только шарманщиковъ или оперныхъ пѣвцовъ. А между тѣмъ эта самая страна со времени ея обновленія совершенно переродилась, ее уже нельзя узнать; движеніе капиталовъ создало громадныя финансовыя предпріятія, искрестило всю Италію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, разгорѣлась парламентарная жизнь,

Digitized by Google

ожила печать, пробудилось и ходко пошло рабочее движеніе, обстроились и украсились города, мало-по-малу усвоивъ себѣ все, до чего додумалась современная цивилизація. Помолодѣла и расцвѣла Италія, хотя внутреннее положеніе ея далеко еще отъ полнаго умиротворенія и борьба федеративно-республиканскаго движенія съ настоящимъ порядкомъ вещей все еще длится. Мы же все еще твердимъ свои старыя фразы о дремотѣ, будто бы одолѣвшей Италію, мы ничего не замѣчаемъ, ни о чемъ не догадываемся. Пока мы остаемся въ подобномъ же самоуслажденіи, передъ нами выростаютъ нежданными такія явленія, какъ единая Германія, образованіе которой мы могли предвидѣть, и изумленные—мы видимъ себя не въ томъ блестящемъ положеніи бойкой, неудержимой тройки, передъ которой, какъ мечталъ Гоголь, сторонятся и даютъ ей дорогу народы и государства, а гдѣ-то позади, въ пыли, но поднятой не нами.

Такъ мы не видимъ и того, что современная Франція не та уже, какою мы привыкли представлять ее себѣ; что несчастія, доведя ее до края той пропасти, въ которую она неудержимо шла, отрезвили ее; что глубочайшее оскорбленіе народной гордости заставило встрепенуться все, что было живаго, бодраго и свободолюбиваго въ народномъ духѣ; что обновленіе не только физическихъ, но еще болѣе нравственныхъ силъ ея стало въ ней общимъ желаніемъ; что, безпощадно работая надъ собою, она принесла въ жертву свое старое самообольщеніе и охотно пошла въ ученицы къ другимъ, болѣе счастливымъ, народамъ,—мы этого поразительнаго зрѣлища не видимъ и остаемся при старомъ упрекѣ въ непостоянствѣ. Дѣйствительно, то, что совершается на поверхности, казовые факты, бросающіеся прежде всего въ глаза,—какъ напр. отпоръ монархистскихъ партій,—могутъ дать нѣкоторое основаніе обвиненію. Но нужно глубже разобрать значеніе этого явленія, и оно представится совершенно инымъ. Что страна хочетъ республики и что она искренно стремится къ ея упроченію, объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ новѣйшіе выборы, и восторженный пріемъ Гамбеттѣ въ провинціи, и петиціи. Остается, стало-быть, горсть депутатовъ національнаго собранія, которые, оффиціально слывя за республиканцевъ, добиваются всѣми силами возстановленія королевства или имперіи. Но по поводу этой аномаліи можно бы кстати напомнить старую басню Хемницера, донельзя идущую къ данному случаю. Какой-то царь желалъ добра народу и поспѣшилъ дать ему новое уложеніе, значительно исправившее старые законы; для наблюденія за его выполненіемъ онъ приставилъ и новыхъ судей. Казалось, все было сдѣлано для процвѣтанія государства, но на дѣлѣ реформа оказалась далеко не такой всецѣлительною. «Во всемъ, и вся была отмѣна хороша,—говоритъ нашъ старый баснописецъ,—*когда-бъ не старая въ судьяхъ иныхъ душа*». То же самое мы видимъ въ настоящее время во Франціи. За ночь трудно

Digitized by Google

сдѣлаться изъ поклонника легитимизма или наполеоновскаго паразита республиканцемъ pur-sang,—старая душа останется въ новомъ судьѣ, старыя стремленія и привязанности будутъ продолжать увлекать его въ иную сторону отъ направленія, принимаемаго всѣмъ обществомъ; но кто же станетъ по настроенію этихъ заблудившихся въ чуждой средѣ представителей прошлаго судить о настроеніи всего народа?

Противодѣйствіе, такъ грозно выказанное-было прусскою палатой господъ правительственной политикѣ по поводу вопроса о реформѣ окружнаго управленія, наконецъ, сломлено настойчивою волей имперскаго канцлера,—сломлено угрозами репрессивныхъ мѣръ, а еще болѣе искуснымъ пополненіемъ мятежной палаты 25-ю новыми членами, послушными и тихими, какъ овечки. Это *стряпанье* пэровъ (почти такъ можно передать одинаково забавное названіе такого назначенія разомъ нѣсколькихъ десятковъ пэровъ—Pairsschub, une fournée de pairs) есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ средствъ, какія можетъ дать конституція въ руки правительству, склонному къ деспотизму. Не даромъ такъ искусно прибѣгаютъ къ нему зачастую въ Австріи, въ чьей палатѣ господъ есть тотъ же мятежный клерикально-феодальный элементъ. Каковъ бы ни былъ вносимый правительствомъ законо-проектъ, какъ бы сильна ни была оппозиція палаты противъ него, стóитъ только усилить внезапно ея составъ гуртовымъ назначеніемъ ея членами десятка другаго высшихъ сановниковъ, генераловъ и крупныхъ комерсантовъ, извѣстныхъ своею преданностью и смиреніемъ,—и законъ пройдетъ какъ по маслу. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Рядъ генераловъ, стяжавшихъ себѣ неувядаемые лавры на французскихъ поляхъ битвъ и проникнутыхъ духомъ субординаціи, да нѣсколько чиновниковъ рѣшили дѣло въ пользу правительства. Палатѣ господъ пришлось уступить силѣ обстоятельствъ, хотя тонъ ея органовъ даже и послѣ этого пораженія показываетъ, что она не намѣрена слагать оружія и что она, подобно большинству французскаго національнаго собранія, при первомъ же случаѣ возобновитъ свой рѣзкій отпоръ противъ министерства. Для предотвращенія подобныхъ столкновеній, правительство намѣрено, какъ слышно, потребовать отъ тѣхъ изъ членовъ палаты, которые состоятъ въ то же время и земскими чиновниками (Landräthe) и которые съ замѣчательнымъ единодушіемъ при вотированіи закона объ округахъ подавали голоса противъ него,—немедленнаго сложенія съ себя полномочій, грозя въ противномъ случаѣ лишить ихъ должностей. Такъ какъ многіе изъ числа этихъ депутатовъ откажутся вѣроятно исполнить это требованіе, то этимъ путемъ окажется въ палатѣ еще нѣсколько новыхъ вакансій, которыя правительство не замедлитъ конечно пополнить новымъ резервомъ такихъ же преданныхъ ему людей. Такимъ образомъ послѣ двухъ или трехъ повтореній того же пріема верхняя палата прусскаго сейма сдѣлается вполнѣ подвластнымъ правительству орудіемъ, явивъ собою примѣръ рѣдкаго въ парламентарномъ мірѣ абсурда.

Digitized by Google

Намѣреніе князя Бисмарка сложить съ себя званіе президента прусскаго министерства, приведенное на дняхъ въ исполненіе, дало не мало пищи всевозможнымъ толкамъ въ нѣмецкой и заграничной печати. Намъ кажется, что только привычка тщательно анализировать малѣйшія дѣйствія выдающихся политическяхъ личностей можетъ объяснить то излишнее вниманіе, какое было повсемѣстно обращено на новый шагъ имперскаго канцлера. Серьезнаго значенія онъ не имѣетъ и ни о какомъ министерскомъ кризисѣ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи. Бисмаркъ перестаетъ быть министромъ-президентомъ въ Пруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняется и званіе президента въ прусскомъ кабинетѣ, гдѣ будетъ предсѣдательствовать отнынѣ старшій изъ членовъ его. Кромѣ того, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ сохранитъ свое вліяніе на дѣла, какъ имперскій канцлеръ, онъ будетъ въ состояніи сочетать частныя выгоды Пруссіи съ интересами общеимперскими, какъ душа всего государственнаго организма новой имперіи и истинный ея повелитель, онъ сумѣетъ вдохнуть въ прусское министерство тотъ духъ, какой, по его мнѣнію, оно должно исповѣдывать. Стало-быть, все осталось по-старому; стало-быть, только одною должностью стало меньше, и императоръ имѣлъ еще разъ случай выказать свое расположеніе къ канцлеру, увѣряя его въ готовности облегчить лежащее на немъ бремя многоразличныхъ обязанностей. Всѣ помнятъ, какъ въ былые дни больной и никѣмъ невидимый Бисмаркъ удалялся отъ дѣлъ въ свой зáмокъ и какъ именно въ эту-то пору совершались важнѣйшія политическія событія, имъ же подготовленныя. Нѣчто схожее происходитъ и теперь, хотя послѣдствія будутъ, вѣроятно, менѣе значительны. Во всякомъ случаѣ слишкомъ рано радовались тѣ нѣмецкія газеты, которыя, по случаю отставки Бисмарка, выражали полное сочувствіе тому, что отнынѣ понятіе объ имперіи и обо всемъ, къ ней относящемся, не будетъ отождествляться съ прусскими порядками и прусскою системой. На дѣлѣ оказывается одно и то же; и прежде и теперь будетъ во что бы то ни стало производиться нивеллировка всѣхъ особенностей, которыя еще представляла мѣстная германская жизнь, и подведеніе всего подъ одинъ шаблонъ. Служитъ ли при этомъ образцомъ именно прусская государственная система или измышляется новая, особенно усовершенствованная, все-таки починъ идетъ изъ Пруссіи, и въ томъ и другомъ случаѣ навязывается та же самая пруссификація. Въ настоящее время на очереди стоитъ вопросъ о судоустройствѣ, которое соотвѣтствовало бы приведенію, какъ извѣстно, въ полное единообразіе уголовнаго права по всей Германіи. Въ комиссіи, состоящей при союзномъ совѣтѣ для обсужденія частностей вопроса, обнаружилось уже желаніе Пруссіи имѣть у себя и высшія судебныя учрежденія имперіи. Такъ кассаціонный судъ предполагается учредить въ Берлинѣ, что, разумѣется, возбуждаетъ въ южно-нѣмецкихъ государствахъ

Digitized by Google

сильное неудовольствіе, отражающееся и на тонѣ, принимаемомъ ихъ представителями въ комиссіи. Они не соглашаются на упраздненіе своихъ особыхъ кассаціонныхъ судовъ и протестуютъ противъ централизаціи, вкрадывающейся даже въ такого рода реформы. Засѣданія другой комиссіи, состоявшей изъ представителей Германіи и Австріи и задавшейся обсужденіемъ способовъ рѣшенія соціальнаго вопроса, не привели ни къ какому результату. Данныя, сообщенныя-было нѣкоторыми газетами относительно трудовъ этой комиссіи, указывавшія, что кромѣ нѣсколькихъ, уже давно извѣстныхъ и приложенныхъ къ практикѣ въ самой же Германіи, способовъ улучшенія быта рабочаго класса, комиссія въ особенности выработала цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ,—эти данныя, какъ вѣрно они ни характеризуютъ направленіе занятій комиссіи, оказываются либо вполнѣ апокрифическими, либо, во всякомъ случаѣ, неточными. Какъ можно было предвидѣть, чиновничья конференція по вопросу, надъ справедливымъ рѣшеніемъ котораго призадумывалось столько замѣчательныхъ мыслителей, который стóилъ столькихъ усилій и страданій людямъ, прямо въ немъ заинтересованнымъ, должна была придти къ сознанію своего безсилія; она могла только высказать нѣсколько смиренныхъ желаній, pia desideria, предоставивъ разрубать гордіевъ узелъ министерству, если у него на это достанетъ смѣлости, силы и времени, — а министерство прусское, на сколько можно судить по таинственнымъ приготовленіямъ, многозначительнымъ намекамъ оффиціозныхъ органовъ и досужимъ комментаріямъ газетъ независимыхъ, предназначено мудростью своего высшаго вдохновителя, имперскаго канцлера, къ высокому и трудному дѣлу. Теперешній его составъ оказывается даже недостаточно соотвѣтствующимъ высотѣ задачи; какъ слышно, по нѣкоторымъ изъ послѣднихъ вопросовъ, какъ, напр., по вопросу объ окружной реформѣ и о назначеніи перовъ, иные члены министерства осмѣливались выражать разногласіе съ мнѣніемъ высшаго правительства. А въ настоящее время Пруссія, какъ оказывается, имѣетъ необходимость въ стройномъ, единодушномъ правительствѣ, одаренномъ неутомимою энергіей, несокрушимою, желѣзною выдержкой. Предстоитъ еще много сдѣлать, намекаютъ оффиціозные, нужно подавить всякій отпоръ, упрочить совершенное, дать гарантіи его развитію въ надлежащихъ формахъ.... Иныя газеты, въ родѣ «Indépendance Belge», вообще склонной удивляться мудрости *великаго* канцлера, предрекаютъ уже Пруссіи эру либеральную. Можно поздравить нашу сосѣдку съ этимъ новымъ, усовершенствованнымъ желѣзнымъ либерализмомъ, который ее ожидаетъ!

Въ началѣ минувшаго мѣсяца наиболѣе вниманія обратилъ на себя въ Австріи частный министерскій кризисъ мадьярскій, окончившійся выходомъ въ отставку министра-президента, графа Лоніая, и замѣной его бывшимъ министромъ торговли, человѣкомъ новымъ въ политиче-

Digitized by Google

скомъ мірѣ, г. Слави. Мадьярскій парламентаризмъ, какъ и вообще вся жизнь этого жалкаго народа, пріучили уже къ зрѣлищу полнѣйшей безнравственности, въѣвшейся во всѣ классы общества, во всѣ виды его дѣятельности. Но давно уже это безотрадное положеніе страны не выступало въ такомъ ужасающемъ, отталкивающемъ видѣ, какъ во время тѣхъ странныхъ сценъ въ пештской палатѣ депутатовъ, которыя предшествовали низверженію Лоніая. Противъ него, какъ и вообще противъ всего министерскаго хозяйства, выступилъ яростнымъ обличителемъ депутатъ Церпатони. Онъ бросилъ въ лицо своему противнику прямой укоръ въ лихоимствѣ, въ обогащеніи неправедными путями, въ эксплуатированіи земскихъ интересовъ для своей лишь пользы, въ пристрастной раздачѣ концессій, подрядовъ, разрѣшеній на финансовыя предпріятія и т. д., съ единственною цѣлью получить прибыль себѣ; онъ чуть не прямо называлъ министра-президента воромъ, бросая также невыгодную тѣнь и на прочихъ членовъ кабинета. И онъ не услышалъ серьезныхъ возраженій; Лоніай не умѣлъ отвѣчать ничѣмъ, кромѣ вспышекъ негодованія, очевидно боясь болѣе ясныхъ и подкрѣпленныхъ документами обвиненій. Онъ долженъ былъ уйти, награжденный рескриптомъ, благодарившимъ его за вѣрную службу; онъ долженъ былъ вмѣшаться снова въ ряды Деакова клуба, откуда его по-истинѣ замѣчательная ловкость вывела его сначала въ министры финансовъ, а потомъ поставила и во главѣ мадьярскаго правительства. Что же, однако оказывается?—По общему голосу газетъ, даже оппозиціонныхъ, которыя не сочувствовали нововведенію подобныхъ скандальныхъ интермедій, несомнѣнно, что самъ грозный судья Лоніая, самъ Церпатони, давшій ему такой суровый урокъ въ честности и безкорыстіи, — одна изъ наиболѣе компрометтированныхъ личностей мадьярскихъ политическихъ кружковъ, что съ его именемъ связано нѣсколько грязныхъ исторій, что въ недавнее прошлое онъ самъ, завѣдомо для другихъ, былъ грѣшенъ въ такихъ же темныхъ финансовыхъ операціяхъ, въ которыхъ онъ обвинялъ министра. Что можетъ быть лучше такой иллюстраціи мадьярскихъ нравовъ? Какое краснорѣчивое зрѣлище представляютъ собою оба эти искателя приключеній, публично состязующіеся во имя начала вѣчной правды и безкорыстія!

Что касается той политики, которую водворитъ новый президентъ министерства, то, повидимому, она будетъ продолженіемъ политики его предшественника. Неопытный въ политическихъ дѣлахъ и притомъ сохранившій прежній составъ кабинета, онъ естественно будетъ склоненъ идти проложенною уже до него дорогой. Въ первые дни послѣ вступленія его въ должность оказались-было симптомы его желанія измѣнить нѣсколько отношенія къ славянскимъ національностямъ. Разнеслись уже слухи, что онъ рѣшилъ смѣнить чрезвычайнаго правительственнаго комиссара въ Новомъ-Садѣ, барона Майтени, посланнаго для одолѣнія

Digitized by Google

сербской оппозиціи и приступившаго уже къ своему дѣлу съ чисто-восточными замашками любаго паши. Нечего и говорить, какъ радостно было привѣтствовано такое извѣстіе всѣми австрійскими сербами. Но стоило смѣщенному министру Лоніаю приступить въ засѣданіи Деакова клуба съ категорическимъ запросомъ къ новому президенту о его намѣреніяхъ по сербскому вопросу, — и г. Слави поспѣшилъ заявить, что онъ уже ходатайствовалъ передъ императоромъ объ утвержденіи Майтени во временно-занимаемой имъ должности. Послѣ такой прелюдіи трудно ожидать добра для славянъ отъ происшедшей перемѣны. Сознавая это, вожди ихъ снова рѣшились встать къ правительству въ такія же отношенія, въ какихъ они находились съ графомъ Лоніаемъ до начала его переговоровъ о соглашеніи. Наиболѣе твердости выказываетъ въ этомъ отношеніи хорватская оппозиція, которая еще разъ убѣдилась изъ отпора, оказаннаго выработанному ею проекту соглашенія, что всякое сближеніе съ пештскими господами немыслимо. Вслѣдствіе этого обновленное правительство, согласно послѣднимъ извѣстіямъ, намѣрено снова дать полную свободу дѣйствій хорватскимъ мадьяронамъ или уніонистамъ, снова благословить ихъ на прежнюю насильственную мадьяризацію края. Но если это дѣло шло и прежде не такъ успѣшно,то теперь оно еще менѣе имѣетъ шансовъ на успѣхъ. Чешская газета «Pokrok» обнародовала доставшіяся ей копіи съ любопытной переписки бывшаго хорватскаго бана Рауха съ министерствомъ по вопросу объ организаціи партіи уніонистовъ. Въ документахъ этихъ идетъ только рѣчь о большихъ или меньшихъ *суммахъ*, необходимыхъ для этой организаціи. Банъ время отъ времени выпрашиваетъ болѣе денегъ для поддержанія или, лучше сказать, для покупки сочувствія къ правительству у горсти людей, идущихъ, очевидно, за тѣмъ, кто больше даетъ.

Дальнѣйшее развитіе краткой сессіи областныхъ цислейтанскихъ сеймовъ и снова открывшейся по ея окончаніи имперской думы—представляло нѣсколько новыхъ повтореній фактовъ, уже не разъ совершавшихся,—демонстрацій и теперь, какъ и всегда, вполнѣ безуспѣшныхъ. Годы тянутся за годами, одинъ парламентарный періодъ смѣняется другимъ, не принося никакого облегченія внутренней разладицѣ, не посодѣйствовавъ ни на іоту упроченію какого бы то ни было порядка. Въ этомъ утомительномъ однообразіи, въ этомъ хроническомъ состояніи недуговъ Австріи есть что-то ужасающее. Всѣ старанія направлены лишь къ тому, чтобы какъ-нибудь продержаться въ данную минуту, въ данный день, уладить такъ или иначе встрѣтившееся затрудненіе, — а о томъ, что будетъ дальше, о разложеніи государства, подготовляемомъ такимъ путемъ, нѣтъ и мысли,—«послѣ насъ будь хоть потопъ», кажется, могли бы восклицать австрійскіе государственные мужи. — Открылась и имперская дума, но въ ней, кромѣ отсутствующихъ славянскихъ депутатовъ изъ Чехіи и Моравіи, не оказалось еще и семнад-

Digitized by Google

цати представителей Тироля и Форарльберга, принадлежащихъ къ федералистской партіи. Такимъ образомъ теперь уже четыре обширнѣйшія области, занимающія собою чуть ли не половину всей цислейтанской территоріи, воздерживаются отъ участія въ думѣ, игнорируютъ ее,—а она все еще продолжаетъ выдавать себя за представительницу всего края. Точно также въ Чехіи передъ началомъ сессіи чешская національная партія передала президенту заявленіе, составленное въ категорическихъ и полныхъ достоинства выраженіяхъ, перечисляющее иронически всѣ благодѣянія, которыя излило на чеховъ цислейтанское правительство, и доказывающее на основаніи этого, почему они не считаютъ возможнымъ принять участіе въ представительномъ учрежденіи, основанномъ къ тому же и на ложномъ принципѣ. И въ виду этого заявленія, являющагося новымъ напоминаніемъ о необходимости прислушаться наконецъ къ народнымъ требованіямъ, сеймъ призналъ протестующихъ депутатовъ лишенными полномочія, какъ за нѣсколько дней передъ этимъ поступилъ и моравскій сеймъ относительно своихъ славянскихъ членовъ. Какъ видитъ читатель, это повтореніе того же маневра, который уже много, много разъ былъ пущенъ въ ходъ всегда съ такимъ же успѣхомъ. Начало справедливости и равноправности заглушается, и одна фракція произвольно царитъ надъ всѣмъ народомъ. Есть ли гдѣ конецъ этому ненормальному положенію дѣлъ и куда ведетъ это ослѣпленіе? Врядъ ли кто можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Взаимныя отношенія приняли такой характеръ, что и притѣсняющіе и притѣсняемые точно вращаются въ какомъ-то роковомъ, заколдованномъ кругу, какъ будто переступить за него значило бы погибнуть. — Вопросъ о прямыхъ выборахъ, въ настоящее время прямо поставленный правительствомъ, внесшимъ, наконецъ, особый законо-проектъ о нихъ въ имперскую думу, быть-можетъ, поспособствуетъ разъясненію запутаннаго положенія; здѣсь должны будутъ, наконецъ, счесться съ централистами тѣ члены славянской оппозиціи, которые по разнымъ соображеніямъ считаютъ еще необходимымъ свое присутствіе въ думѣ и косвенное поддержаніе настоящаго порядка. Но какъ мы указывали уже въ предыдущемъ обозрѣніи, въ самыхъ рядахъ этой оппозиціи господствуетъ сильный разладъ по отношенію къ этому вопросу,—разладъ, который окажется съ руки правительству. Наиболѣе сильное выраженіе этого разлада обнаружилось, какъ и всегда, въ галицкомъ сеймѣ. Послѣ извѣстнаго уже отклоненія русскаго предложенія о введеніи прямыхъ выборовъ, разногласіе достигло крайнихъ предѣловъ во время преній объ адресѣ, во время которыхъ почти всѣ русскіе депутаты вслѣдъ за каноникомъ Шашкевичемъ демонстративно вышли изъ залы засѣданій. Тѣ изъ представителей русскаго населенія, которые, обособившись отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, мечтаютъ о соглашеніи съ поляками, не вторили послѣднимъ безусловно, но шли на этотъ разъ вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ новою немногочисленною партіей польскихъ федералистовъ, предводимою теперь не Смолкою, какъ прежде, а княземъ Чарторыйскимъ. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, священникъ Качала, произнесъ рѣчь искренно-патріотическаго содержанія, сильно отличающуюся отъ прежнихъ его элукубрацій, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить, и указалъ на настоятельность федерализма. Но, какъ замѣчаетъ «Слово», и тутъ обозначился слѣдъ того же пагубнаго разногласія: въ то время, какъ о. Качала вмѣстѣ съ польскими его друзьями стремятся къ такой федеративной связи областей, въ которую *вся* Галиція вошла бы составною частью, сохраняя, стало-быть, теперешній предпочтительно польскій характеръ всего административнаго строя, — масса русскихъ представителей желаетъ также федераціи, но въ которой бы русская, восточная Галиція явилась отдѣльною частью союза, съ русскимъ характеромъ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій. Новѣйшія извѣстія, сообщаемыя «Словомъ», о томъ, что изъ Львова отправляется снабженная многими подписями петиція министерству, направленная противъ осуществленія требованій польской резолюціи и требующая прямыхъ выборовъ въ восточной Галиціи, и что такія же петиціи приготовляются и въ провинціи,—быть-можетъ, указываютъ на тотъ средній путь, на которомъ соглашеніе еще является вѣроятнымъ. Еслибы допущено было въ принципѣ дѣленіе Галиціи на двѣ части, по національностямъ, то введеніе прямыхъ выборовъ могло бы быть ограничено одною восточною частью, какъ того и просятъ теперь составители петицій. Такимъ путемъ польская партія могла бы быть гарантирована отъ опаснаго для нея введенія прямыхъ выборовъ во *всей* Галиціи и нашла бы возможнымъ договориться и объ остальныхъ, менѣе важныхъ, пунктахъ. Впрочемъ, это пока одно только предположеніе, могущее совершенно разбиться о препятствія, поставляемыя упорствомъ самихъ поляковъ. Упорство это осилятъ только нужда и сознаніе безвыходнаго положенія. По вѣстямъ изъ Вѣны, нѣмецкое большинство имперской думы находитъ требованія своихъ вѣрныхъ союзниковъ, галицкихъ поляковъ, черезмѣрными и высказывается за ихъ отклоненіе. Этотъ ударъ заставитъ многихъ призадуматься въ польскомъ лагерѣ.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія укажемъ изъ числа мелкихъ фактовъ текущей политики на возвѣщенное уже возобновленіе пересмотра союзной швейцарской конституціи, на обсуждающееся въ настоящую минуту въ итальянскомъ парламентѣ упраздненіе религіозныхъ корпорацій и въ томъ числѣ іезуитскаго ордена и на миролюбивый поворотъ, принимаемый вопросомъ о заступничествѣ Франціи и Италіи за права компаніи, эксплуатировавшей рудники въ Лавріумѣ. Этому вопросу вообще придано было слишкомъ много значенія и въ немъ греческое правительство играетъ все-таки печальную роль, какъ ни старается его защитить авторъ недавно появившейся и повсюду распро-

Digitized by Google

страняемой брошюры: «Le Laurium, par Alexandre de Riz. P. 1872». Безотрадно было бы думать, что изъ-за этихъ пререканій могли возникнуть даже военныя дѣйствія, коими грозили обѣ державы—истицы. Какъ ни достойны всякой поддержки частные интересы, но въ жертву имъ ужасно было бы предавать жизнь и безопасность цѣлыхъ тысячъ людей. Бомбардировка Копенгагена осталась до сихъ поръ позорнымъ пятномъ на современной англійской политикѣ.

Digitized by Google

## ОТВѢТЪ Г. БУСЛАЕВУ.

Г. Буслаевъ въ своей статьѣ, напечатанной въ октябрской книгѣ «Русскаго Вѣстника», коснулся одного мѣста изъ нашего очерка славянской миѳологіи и произнесъ надъ нимъ весьма строгій судъ. Онъ обвиняетъ насъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ послѣдними выводами науки касательно доисторическаго періода человѣчества, въ непониманіи бытовыхъ сторонъ народной жизни и, наконецъ, въ высокомѣрномъ и презрительномъ отношеніи къ народной старинѣ и преданіямъ. Всѣ эти обвиненія высказаны въ очень сильныхъ, мѣстами даже гиперболическихъ, выраженіяхъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Описывая праздникъ «купалы» мы замѣтили, что онъ часто сопровождался не малымъ развратомъ. Слово это до крайности возмутило г. Буслаева. Онъ находитъ, что, примѣненное къ языческому обряду, оно не точно, ибо то, что мы считаемъ развратнымъ, язычники отнюдь таковымъ не почитали. Прекрасно; но какъ же выразиться? Г. Буслаевъ предлагаетъ болѣе мягкое слово—«разгулъ». Но разгулъ и развратъ не одно и то же, притомъ слово развратъ употреблялось въ этомъ случаѣ всѣми нашими предшественниками, да и само по себѣ совершенно просто и ясно. Но выйдетъ путаница въ понятіяхъ?... Не понимаю, откуда бы ей произойти. Мы называемъ извѣстныя вещи развратомъ и говоримъ, что ими сопровождались многіе языческіе праздники. А что язычники въ нихъ развратнаго ничего не видѣли, это само собою разумѣется и притомъ прямо выражено въ нашей статьѣ.

Впрочемъ, и г. Буслаевъ, кажется, замѣтилъ, что какія слова ни прибирай, дѣло отъ этого не измѣнится. Поэтому, онъ старается доказать, что купальская ночь и съ нашей точки зрѣнія не представляла ничего особенно безобразнаго. Все будто бы заключалось въ томъ, что молодежь имѣла случай выбирать себѣ подругъ по сердцу и вступала въ браки не совсѣмъ правильные, но которые, въ большинствѣ случаевъ, оставались неразрывными и, наконецъ, узаконялись. Купальскія

Digitized by Google

игрища, по мнѣнію г. Буслаева, почти то же, что умычки невѣстъ на праздникахъ, о которыхъ говоритъ древнѣйшая лѣтопись. Намъ кажется, что умычки одно, а Купала—совсѣмъ другое. Незачѣмъ было умыкать, когда никто не гнался. Мы охотно повѣрили бы г. Буслаеву, что купальскія пары такъ и оставались на-вѣки соединенными; но вотъ этотъ грубый циникъ—Переяславскій лѣтописецъ—говоритъ совсѣмъ другое. Конечно, онъ имѣлъ разсчетъ представить обрядъ въ возможно-гнусномъ видѣ, но все-таки дѣло выходитъ сомнительное. Притомъ, воля ваша, подобные браки, часто заключаемые не вслѣдствіе какого-нибудь предварительнаго знакомства, а подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, доведеннаго до изступленія и самыхъ раздражающихъ и часто вовсе не эстетическихъ пѣсней, не могутъ назваться хорошимъ и нормальнымъ явленіемъ. Наконецъ, мы знаемъ, что у насъ на Руси браки издавна зависѣли болѣе отъ воли родителей. И, поэтому, если они были когда-нибудь свободны, то развѣ очень давно. Впослѣдствіи же во многихъ мѣстностяхъ образовался такой взглядъ, что гуляй съ кѣмъ хочешь, а замужъ иди—за кого велятъ. Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что такой же взглядъ встрѣчается у многихъ финнскихъ и иныхъ племенъ. Но тамъ, при свободѣ дѣвушекъ, женщины держатъ себя скромно, а у насъ въ купальскихъ игрищахъ иногда принимаютъ полное участіе и замужнія *). Полагаемъ, что это явленіе есть продуктъ позднѣйшаго искаженія обряда и не заслуживаетъ, чтобы къ нему относились съ особеннымъ почтеніемъ. Мы замѣтили въ нашей статьѣ, что купальскій развратъ или, если угодно, разгулъ, былъ религіозный и обязательный, и поэтому не производилъ на нравственность такого вреда, какого можно было бы отъ него ожидать. Кажется мягко, но нашему критику хотѣлось бы отъ насъ такого заключенія, что всякій народный обрядъ, имѣющій приличную древность, уже по тому самому дѣлается вполнѣ безвреднымъ. Но это ужь былъ бы парадоксъ. Купальскій обрядъ, во всякомъ случаѣ, мѣшалъ людямъ перейти къ болѣе высокимъ понятіямъ о бракѣ и человѣческомъ достоинствѣ и, слѣдовательно, причинялъ извѣстный вредъ.

Переходимъ къ другому обвиненію г. Буслаева. Мы позволили себѣ высказать предположеніе, что пріапическія стороны «купалы» появились, можетъ-быть, впослѣдствіи, а первоначальные обряды были болѣе чистые. Г. Буслаевъ обрушивается на насъ со всѣми европейскими изслѣдованіями о до-исторической эпохѣ, о каменномъ вѣкѣ и пр. Помилуйте, да развѣ у насъ идетъ рѣчь о до-историческихъ временахъ? Мы начинаемъ наше изслѣдованіе только съ эпохи арійской. Арійскій языкъ извѣстенъ, а слѣдовательно извѣстенъ и бытъ древнихъ арійцевъ. Мы знаемъ, что у первоначальныхъ индійцевъ степени родства были обо-

*) См. «Бѣлорусскія пѣсни».

Digitized by Google

значены очень строго, что бракъ считался у нихъ вещью священною, что многоженства не было. Видимъ то же самое и у другихъ арійцевъ. Въ Греціи культъ Вакха ввелся довольно поздно и, говорятъ, не безъ сильнаго сопротивленія. О Римѣ и говорить нечего. У насъ же, говоря вообще, чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ грубѣе обряды, а чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ въ нихъ болѣе граціи, а слѣдовательно и чистоты. Черногорцы живутъ и понынѣ почти въ родовомъ бытѣ, но оргій, кажется, не отправляютъ. Не удивительно, что нѣкоторыя племена славянъ, а также и германцевъ, зайдя на сѣверъ, въ лѣса и болота, сбитыя въ тѣсныхъ избахъ, забывшія смыслъ прежней вѣры и плохо наставляемыя въ новой, испытавшія, наконецъ, продолжительное рабство, ввели въ свои обряды много грубаго и циническаго; но какое право имѣетъ г. Буслаевъ утверждать, что и вездѣ было то же? А какъ жили предки арійцевъ, этого мы не касаемся. Г. Буслаевъ, если найдетъ въ народныхъ преданіяхъ что-нибудь странное или дикое, всегда пріискиваетъ этимъ вещамъ длинную родословную. Эдакъ легко и ошибиться: вѣдь мы знаемъ, что народы не всегда прогрессируютъ; иногда бываетъ и наоборотъ. Впрочемъ, явилась ли купальская оргія изъ Азіи или образовалась у насъ на мѣстѣ, полагаемъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ она не сдѣлается отъ этого лучше.

Вотъ все, что мы нашли умѣстнымъ возразить г. Буслаеву. Можно было бы прибавить и еще кое-что, но мы не хотѣли бы давать новой пищи спору, который возникъ, въ сущности, изъ ничего. Относиться высокомѣрно къ народу, къ которому мы сами принадлежимъ, для насъ физически невозможно, а великорусскою поэзіей мы восхищаемся, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ нашъ противникъ. У этой поэзіи, какъ извѣстно, друзей еще не очень много, а работниковъ и того меньше. Желательно было бы, чтобъ изслѣдователи, согласные между собою въ главномъ, относились съ нѣкоторою терпимостью къ частнымъ мнѣніямъ другъ друга, а тѣмъ паче—къ словамъ

**Н. Кашинъ-Самаринъ.**



Digitized by Google

# ДВА ЗАПРОСА.

Въ одиннадцатой книжкѣ «Русской Старины» напечатаны были найденныя въ бумагахъ кн. П. А. Вяземскаго біографическія свѣдѣнія о Радищевѣ, написанныя его сыномъ Н. А. Радищевымъ. Сами по себѣ они только дорисовываютъ нѣсколькими новыми чертами тотъ сочувственный образъ, въ какомъ рисуется намъ Радищевъ—отецъ по воспоминаніямъ другаго—своего сына, П. А. Радищева, напечатаннымъ еще въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г. Но на вновь отысканной рукописи оказывается слѣдующая собственноручная приписка кн. П. А. Вяземскаго: «Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ *), подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній». Что это такое? Даетъ ли попадающееся тутъ слово *кажется* право думать, что это просто *ошибка*, явившаяся вслѣдствіе того, что кн. Вяземскому *измѣнила память*? Или же тутъ скрывается нѣчто существенное и, въ такомъ случаѣ, уже совершенно новое, прямо противорѣчащее всему, что было до сихъ поръ извѣстно намъ объ А. Н. Радищевѣ (образъ котораго, замѣтимъ, еще такъ недавно пріобрѣлъ только новую прелесть отъ писемъ, напечатанныхъ въ V части «Архива кн. Воронцова»)? И какъ могла почтенная редакція «Русской Старины» напечатать отмѣтку кн. Вяземскаго безъ всякаго объяснительнаго или вызывающаго на объясненіе примѣчанія? Если у нея имѣются подъ руками какія-нибудь вполнѣ новыя (въ упомянутомъ грустномъ смыслѣ) данныя, или же если что-либо такое имѣется въ другихъ рукахъ, то слѣдуетъ

*) Т. е. уже при императорѣ Александрѣ I.

Digitized by Google

немедленно обнародовать эти новыя данныя,—но, разумѣется, не безъ критической ихъ провѣрки (о которой мы не всегда заботимся). Вопросъ возникаетъ не маловажный: неужели и одна изъ тѣхъ личностей нашего XVIII ст., которая до сихъ поръ все болѣе и болѣе представлялась *цѣльною*, должна оказаться носящею отпечатокъ общей *раздвоенности* того времени? Неужели тѣ вопіющія противорѣчія, какія оказываются между «Наказомъ» и многими «указами» даже первыхъ годовъ, а тѣмъ болѣе разными мѣрами послѣднихъ годовъ Екатерининскаго времени, должны оказаться и на нашей литературной почвѣ, разводя въ совершенно различныя стороны «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и проектъ, упоминаемый кн. Вяземскимъ? Повторяю, вопросъ этотъ важенъ, и какъ «Русская Старина», подавшая къ нему поводъ, такъ и «Русскій Архивъ» или наконецъ всякій, могущій представить что-либо разъясняющее, да не откажется подать поскорѣе голосъ.

---

Въ двѣнадцатой книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена вторая статья А. Н. Пыпина о славянофильствѣ, отличающаяся вообще, какъ и первая, сравнительно съ отзывами о славянофилахъ другихъ писателей не славянофильскаго направленія, значительнымъ безпристрастіемъ и добросовѣстностью,—чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать отъ такого умнаго, свѣдущаго и честнаго писателя, какъ г. Пыпинъ. Но тѣмъ болѣе поражаетъ въ его послѣдней статьѣ одно мѣсто, выдающееся изъ всего остальнаго какимъ-то непонятнымъ инозвучіемъ. Вотъ оно:

«Замѣтимъ, что славянофилы старательно отдѣляли свой принципъ любви отъ того движенія, которое начинало появляться въ нашемъ обществѣ, какъ интересъ къ народному быту и ясная (хотя высказываемая только отдаленными намеками) мысль о необходимости освобожденія крестьянъ. Этотъ интересъ, который обнаруживался въ противномъ имъ лагерѣ, они считали только модой.... потому что подозрѣвали въ немъ иностранное происхожденіе, слѣдствіе вліянія западной образованности» (стр. 671).

Словами этими, во-первыхъ, утверждается, будто бы славянофилы держались, въ извѣстномъ смыслѣ, Карамзинскаго мнѣнія, что мысль объ освобожденіи нашихъ крестьянъ происходитъ отъ «иностранныхъ филантроповъ», говорящихъ о Россіи, «зная все, кромѣ Россіи» *). Мнѣнія этого держится (только, конечно, въ особомъ, сочувственномъ идеѣ освобожденія смыслѣ) и самъ г. Пыпинъ, говоря, что идея освобожденія «развивалась, безъ сомнѣнія, подъ сильнымъ вліяніемъ освободительной философіи прошлаго вѣка» (стр. 660).

Есть основанія думать, что оно было не совсѣмъ-то такъ (даже са-

*) Соч. Карамзина, изд. Смирдина, III, 574.

Digitized by Google

мимъ Руссо нѣкоторые изъ нашихъ писателей пользовались, и не безъ повода, въ смыслѣ вовсе не благопріятномъ идеѣ освобожденія). Кое-какіе доводы въ этомъ смыслѣ имѣлъ я случай представить въ моемъ публичномъ курсѣ русской литературы XVIII ст., читанномъ въ прошломъ году, а также въ читаемомъ мною нынѣшнемъ курсѣ русской литературы XIX стол., нѣкоторыя части котораго надѣюсь я въ свое время напечатать въ «Бесѣдѣ». Теперь же дѣло вотъ въ чемъ. Еслибы даже и было вполнѣ вѣрно мнѣніе г. Пыпина о чисто-западномъ происхожденіи нашей «идеи освобожденія», то, выставляя держащимися того же мнѣнія и славянофиловъ, многоуважаемый авторъ не только не приводитъ доказательствъ, но столь же бездоказательно приписываетъ славянофиламъ и несочувствіе самой мысли вслѣдствіе предполагаемаго иностраннаго ея источника. Но не значитъ ли это возводить на писателей славянофильскаго направленія такое существенное обвиненіе, которое должно бы сильно уронить ихъ нравственный вѣсъ, еслибы оказалось доказаннымъ? Думаемъ, что писатель такого закала, какъ г. Пыпинъ, поспѣшитъ представить свои доказательства. Но если они въ самомъ дѣлѣ имѣются, то чѣмъ же объяснить въ той же самой статьѣ (нѣсколькими страницами ниже) положительное утвержденіе, что славянофилы «извѣстны были какъ противники крѣпостнаго права»?

**Ор. Миллеръ.**

---

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ.

Digitized by Google

## Замѣченныя опечатки и погрѣшности въ XI книгѣ «Бесѣды».

Въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о военной повинности», *за отсутствіемъ автора* во время печатанія, вкрались слѣдующія погрѣшности:

| Стран. | Строки. Сверху. | Строки. Снизу. | Напечатано. | Должно быть. |
|---|---|---|---|---|
| 372 | 7 | — | простаго народа | общенародія |
| 373 | 13 | — | дѣло въ дѣлѣ | дѣло здѣсь въ дѣлѣ |
| — | 16 | — | обсудить дѣло | обсудить вопросъ. |
| 375 | 9 | — | а мы поражаемъ | а мы ослабляемъ |
| — | — | 35 | послѣ слова домъ пропущено: | въ Замоскворѣчьѣ, |
| — | — | 1 | до великихъ, | до величинъ, |
| послѣ 16 с. слѣдуетъ читать: пусть дворяне, избирающіе себѣ военный родъ службы, начинаютъ ее солдатами,—о, это дѣло другое! Противъ этого спорить ничего нельзя и не должно | | | | |
| — | 16 | — | успѣвшіе не привыкнуть | успѣвшіе привыкнуть |
| 384 | 7 | — | казенныхъ | военныхъ |
| — | 16 | — | впятеро, а послѣ вдесятеро | вдвое, а послѣ впятеро |
| — | — | 11 | не несутъ никакой обязанности, | не несутъ, кажется, никакой за то особенной обязанности, |
| — | 18 | — | и купцы-солдаты | и купцы въ солдатахъ |
| — | 24 | — | была бы не такъ | была бы для нихъ не такъ |
| 386 | 5 | — | зависѣвшей безусловно | зависѣвшей въ примѣненіи безусловно. |
| — | 13 | — | просили милостыню | просили иногда милостыню |
| — | 14 | — | оставшеюся иногда одною рукою! | оставшеюся у нѣкоторыхъ одною рукою! |
| 390 | 1 | — | идти правительство | идти всякое правительство |
| — | 9 | — | обстоятельствамъ можетъ провозгласить | обстоятельствамъ, можетъ и должна бы прежде всѣхъ, провозгласить |
| — | 10 | — | пойдти и повести | пойдти и слѣдовательно повести |
| 392 послѣ 4-й строки сверху должно быть: Присоединимъ нѣсколько особыхъ замѣчаній. | | | | |
| 393 | — | 15 | Тихое море съ алеутами | Тихое море съ китами и моржами, съ алеутами |
| 394 | 8 | — | печати. Съ этою | печати, хотя онѣ еще и колеблются. Съ этою |
| — | — | 7 | какъ поляковъ, существовать не должно. | какъ поляковъ, т. е. съ польскими притязаніями, существовать не должно. |
| — | 37 | — | чисто-русской | чисто-польской |
| 395 | 3 | — | было | было и бываетъ |
| — | — | 8 | у насъ боятся | у насъ многіе боятся |
| 396 | — | 9 | возможнаго для Россіи | удобнаго для Россіи |
| — послѣ 7-й строки снизу должно прибавить: изъ-за личностей, изъ-за пустяковъ, изъ-за отвлеченностей! | | | | |
| — | 31 | — | передъ словами: никогда нельзя, пропущены слова: и никакими рекрутскими наборами. | |
| 397 | — | 2 | и нашимъ внукамъ останется воскликнуть: | и нашимъ внукамъ за это преобразованіе, если оно состоится и въ предположенномъ видѣ, можетъ-быть, придется также воскликнуть: |

Digitized by Google

## Въ статьѣ: «Очерки историческаго развитія Америки» вкрались слѣдующія важныя опечатки:

На стран. 140, строки 13—17 должны читаться такъ: «Всего болѣе способенъ къ акклиматизаціи хлопчатникъ—это главное сокровище Америки. У себя на родинѣ, подъ тропиками, онъ—многолѣтнее дерево. На крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ своего распространенія это—годичный злакъ. Безъ всякаго затрудненія хлопчатникъ превращается изъ дерева въ растеніе» и т. д.—Стран. 161, строка 31: вмѣсто «своего» должно читать «каждаго».—Стран. 162, строка 6: вмѣсто «искусно», читай «искусственно».

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google